

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

XLI

1930

ПАРИЖЬ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунацова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLI

1930
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Ив. Шмелевъ. — СОЛДАТЫ (Романъ).	5
2. В. Сиринъ. — ЗАЩИТА ЛУЖИНА (Романъ).	99
3. Ант. Ладинскій. — АРХАНГЕЛЬСКЪ. ЗИМА (Стих.).	165
4. Николай Оцунъ. — ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.	168
5. Довидъ Кнугъ. — ВОСПОМИНАНІЕ (Стих.).	170
6. Д. Мережковскій. — АТЛАНТИДА.	173
7. В. Ходасевичъ. — ДЕРЖАВИНЪ.	199
8. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	232
9. Г. Федотовъ. — НОВАЯ РОССІЯ.	276
10. М. Вишнякъ. — ИЗЪ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.	312
11. П. Миллюковъ. — СУДЬ НАДЪ КАДЕТСКИМЪ «ЛИБЕРАЛИЗМОМЪ».	347
12. М. Ростовцевъ. — О БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКЪ.	372
13. Ст. Ивановичъ. — ПУТИ АНГЛИСКАГО СОЦІАЛИЗМА.	394
14. С. Загорскій. — ДВИЖУЩІЯ СИЛЫ ЭВОЛЮЦІИ НЫНѢШНЕИ РОССІИ.	436

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

15. И. Альтшуллеръ. — О ЧЕХОВЪ.	470
16. Мих. Цетлинъ. — О ЧЕХОВЪ.	486
17. Георгій Адамовичъ. — НАЧАЛО.	500
18. А. Кизеветтеръ. — ДВѢ УТРАТЫ.	511

19. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ф. Степунъ. — Борисъ Зайцевъ: Анна.	520
М. Цетлинъ. — М. А. Алдановъ: Ключъ.	523
М. Цетлинъ. — А. Даманская: Тихая Радость.	526
Дм. Чижевскій. — А. Бемъ: Тайна личности Достоевскаго.	527
М. Осоргинъ. — Ettore Lo Gatto: Storia della letteratura russa.	531

Г. Ловцій. — Л. Шестовъ: На вѣсахъ Юва	532
Г. Федотовъ. — Борисъ Зайцевъ: Аeonъ.	537
М. Алдановъ. — «Памяти погибшихъ», сборникъ подъ ред. Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милюкова, кн. В. А. Оболенскаго, С. А. Смирнова и Л. Е. Злышева.	540
Ст. Ивановичъ. — Вл. Войтинскій: «Силы соврем. социализма».	542
И. Херасковъ. — Проф. Р. Ю. Випперъ: Учебникъ Исторіи. . .	544
П. Биццли. — Н. И. Никифоровъ: Сенаріальный режимъ во Франціи въ исходѣ Стараго Порядка.	548
А. Кизеветтеръ. — Пугачевщина томъ II.	550
Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію «Современныхъ Записокъ».	553
Объявленія	555

Солдаты

Часть I : Передъ войной.

I.

— Ротный командиръ!.. — крикнулъ предупреждающе дневальный, слышавъ знакомые твердые шаги.

И, словно выросшій изъ земли, дежурный по ротѣ молодцоватый унтеръ-офицеръ Зайка началъ рапортовать его высокоблагородію, что въ 3-ей ротѣ ...скаго полка больныхъ нѣтъ, въ нарядахъ столько-то... и за время его дежурства никакихъ происшествій не случилось.

Смотря въ бойкіе каріе глаза взводнаго, ротный выслушалъ строго рапортъ, и въ мысляхъ его мелькнуло: «а у меня случилось». Спокойно и дѣловито онъ сказалъ — «здравствуй, Зайка», получилъ облегченно-четкое — «здравія желаю, ваше высокоблагородіе!» — и пошелъ коридоромъ къ ротѣ, а за нимъ, придерживая у бедра штыкъ, послѣдовалъ на-цыпочкахъ дежурный, тревожно высматривая, все ли въ помѣщеніи въ порядкѣ.

Рота была въ строю: шли утреннія занятія.

— Смирно, р-равненіе напра-во... господа офицеры!.. — скомандовалъ поручикъ Шелеметовъ, встрѣчая ротнаго, и подошелъ доложить, что дѣлаютъ.

Въ живой тишинѣ, рота смотрѣла сотней готовыхъ глазъ.

Не здороваясь, — ты еще заслужи, рота, чтобы съ тобой здоровались! — капитанъ Бураевъ прошелъ по фронту привычныхъ лицъ, слѣдившихъ за нимъ дыханьемъ, скомандовалъ — «первая шеренга... шагъ впередъ!» —

прошелъ вдоль второй шеренги, останавливаясь и поправляя то выгнувшийся погонъ на гимнастеркѣ съ накрапленными вензелями шефа, то криво надѣтый поясъ, дѣловито-покойно замѣчая — «какъ же ты, Рыбкинъ... все не умѣешь носить ремня!» — или, совсѣмъ обидно, — «а еще въ третей ротѣ!» — или, почти довольный, — «такъ... чуть доверни прикладъ!» — взялъ у лѣвофланговаго Сѣмечкина винтовку, потеръ носовымъ платкомъ и показала отдѣленному Ямчуку зеленоватое жирное пятно, — «кашу у тебя, братецъ, маслять!» — сдѣлалъ франтоватому взводному Козлову, котораго отличалъ, строгое замѣчаніе, почему у троихъ за ушами грязь, а у Мошкина опять глаза гноится, — «доктору показать, сегодня же!» — вышла передъ ротой, окинулъ зорко и улыбнулся нестрогими синими глазами, за которые еще въ училищѣ прозвали его «си-неокимъ миѳомъ». И рота внутренне улыбнулась, вытянулась къ нему и гаркнула на его — «здорово, молодцы!» — радостное и крѣпкое:

«Здравъ... жлай... ваш... всок... бродь..!»

— Стоять вольно, оправиться!

Къ нему подошли поручикъ Шелеметовъ и подпоручикъ Куликъ, въ лѣтнихъ, какъ и у ротнаго, кителяхъ, — было начало мая, — поговорили о сегодняшней репетиціи парада, о близкомъ выходѣ въ лагеря. Поручикъ съ ротнымъ были пріятели, вмѣстѣ ихъ ранило подѣ Ляояномъ, но въ ротѣ были официально сдержанны.

— Продолжайте, поручикъ. Ружейные приемы.

Шелъ дождь. Въ открытыя большія окна слышался его свѣжій шорохъ по убитому крѣпко плацу, по распустившимся тополямъ подѣ окнами. Въ ротѣ гулялъ сквознякъ, пахло весной и волей, рѣкой, застоявшимися плотами и свѣжимъ зеленымъ духомъ одѣвавшейся въ травку пойма. Капитанъ подумалъ — почему занимаютъ въ казармѣ, а не на волѣ, — хотѣлъ было сдѣлать замѣчаніе, но вспомнилъ, что завтра, передѣ выходомъ въ лагеря, парадъ, помнуть и измочать гимнастерки и шинели. Отвер-

нулся къ окну, на дождь, смотрѣлъ, какъ 16-ая, капитана Зальца, шлепаеть храбро въ лужахъ, а старенькій капитанъ бѣгаетъ пѣтушкомъ и топаеть, похвалилъ боевого ротного, а ухомъ ловилъ работу, какъ ляпало по ружейнымъ лямкамъ и отчетливо щелкали затворы.

«Но какъ же быть-то?..» — спрашивалъ онъ себя.

То, что ротный смотрѣлъ въ окно, и такъ неподвижно-долго, и то, что въ его спинѣ было особенное что-то, — не укрылось отъ сердца роты. Она старалась. Стройная спина ротного что-то сутулилась сегодня и неподвижностью какъ-бы говорила: «да какъ же быть-то?..» И рота отвѣчала дружнымъ, съ колѣна, залпомъ — такъ!

Этотъ дружный, надежный залпъ оторвалъ ротного отъ окна. Задумчивые синіе глаза его блеснули, веселѣй оглянули роту, ровные гребешки фуражекъ, свѣжія молодые лица, точную линію винтовокъ, — и молча сказали: молодцы!

«Вотъ эти... не измѣнять!» — мелькнуло въ немъ.

Онъ пошелъ длиннымъ коридоромъ, оглядывая стѣны, ниши, столбы и своды: казармы были старинныя. Мѣрно шагая по асфальту, глядѣлъ на давно знакомое, родное: на развѣшенныя вдоль стѣнъ картинки боевыхъ подвиговъ славнаго ...скаго полка, на золоченыя трубы изъ картона въ георгіевскихъ лентахъ, на серебряныя щиты съ годами былыхъ побѣдъ, сдѣланные солдатами, на скрещенныя, картонныя, знамена, взятыя на поляхъ Европы. Литографіи славныхъ полководцевъ, высокихъ шефовъ — смотрѣли изъ нишъ сурово. Спрашивало восторженно — «а вы какъ?..» — казалось всегда Буреаву, — священное для полка, костлявое сѣрое лицо старенькаго Фельдмаршала, въ дубовомъ вѣнкѣ, обновлявшемся каждый годъ въ день полкового праздника. И строже, и милостивѣе всѣхъ взиралъ изъ высокаго кіота ротный старинный образъ Святителя Николы.

— Лампа-дка..? — показалъ строго капитанъ сопро-
вождавшему его Зайкѣ.

Лампадка не горѣла. Разбили бутылку съ масломъ, а артельщикъ забылъ купить.

— А ты, дежурный, чего смотрѣлъ? Доложишь фельд-фебелю — на дежурство не въ очередь.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — отчеканилъ невозмутимо Зайка, потрясенный, что оказалось не все въ порядкѣ: все-то «Бурай» усмотрить.

Отвернувъ одѣялки на двухъ-трехъ койкахъ и убѣдившись, что содержатся въ чистотѣ, капитанъ прошелъ въ ротную канцелярію-закутокъ и былъ запоздало встрѣченъ отлучавшимся по дѣламъ подпрапорщикомъ-фельд-фебелемъ Ушковымъ, уже пожилымъ и раздобрѣвшимъ, но еще молодцомъ хоть куда. Съ широкою бородою съ просѣдью, Иванъ Федосѣичъ напоминалъ капитану отца, полковника: вдумчивый, точный, строгій. Выслушавъ обстоятельный докладъ по текущимъ дѣламъ, — Ушковъ возился съ отчетностью, провѣрялъ каптенармуса съ артельщикомъ, которые стояли тутъ же, вытянувшись у стѣнки, — Бураевъ просмотрѣлъ вѣдомости и наряды и отдалъ распоряженія отчетливо, какъ всегда. И никто не подумалъ бы по чеканному его голосу, что у «красавца» на сердцѣ камень, а въ сердцѣ ножъ. «Красавцемъ» называлъ его про себя влюбленный въ него фельдфебель.

— Смотри, Иванъ Федосѣичъ... на парадъ завтра..! — пальцемъ закончилъ ротный.

— Не извольте тревожиться, ваше высокоблагородіе .. строго на высотѣ положенія должны оказать!

Какъ водится эго у сверхсрочныхъ, онъ привыкъ выражаться изуставно.

— Ноги осмотрѣть, на случай. Гарнизонный, знаешь... хоть и не инспекторскій смотръ, а придетъ на умъ..!

— Такъ точно. Его превосходительство любятъ досрочно, какъ по тревогѣ!.. Ноги у всѣхъ, въ предосмотрѣніи физическаго порядка тѣла, ваше высокоблагородіе! — особенно тянулся Федосѣичъ, выражалъ свои чувства

ротному: онъ сегодня узналъ отъ капитанскаго вѣстового Селезнева, что у господина ротнаго нелады съ мадамой, и господинъ ротный всю ночь не спалъ, а она еще до зари схватилась — и въ Москву!

Какъ разъ принесли пробу. Капитанъ попробовалъ похлебку, кашу со шкварками. Одобрилъ. Покаталъ въ пальцахъ мякишъ, понюхалъ, посмотрѣлъ на тянушагося артельщика Скворцова, сына деревенскаго торговца, соображая что-то. Артельщикъ смотрѣлъ увѣренно, какъ всегда. Проглядѣлъ хлѣбную вѣдомость, самъ проложилъ на счетахъ, справился у себя въ ломѣткахъ и сказалъ медленно: — Та-акъ-съ...

Всѣ стояли навтыжкѣ, только писарь Костюшка лихо скрипѣлъ перомъ. Капитанъ все о чемъ-то думалъ — не уходилъ. Думалъ онъ, провѣряя себя: все ли онъ досмотрѣлъ, въ разстройствѣ. А Федосѣичъ рѣшилъ по-своему: «разстроился изъ-за бабенки, та-кой... плюнули бы, ваше высокоблагородіе!»

Допросивъ каптенармуса, вывѣтрена ли обмундировка, и сколько какого «срока» въ цейгаузѣ, сдѣлавъ распоряженіе на докладъ старшаго лагерной команды о разбивкѣ роты, Бураевъ закурилъ и далъ папироску фельдфебелю, какъ всегда. Федосѣичъ принялъ ее почтительно, двумя пальцами, большимъ и мизинцемъ, и положилъ на край столика. Ротный взглянулъ на его серьезное, мудрое лицо съ яснымъ открытымъ взглядомъ, какъ у отца, и вспомнилъ отца-полковника и его яблочныя сады, куда все собирался съѣздить, — и не одинъ, — показать, какъ они цвѣтутъ... «Съѣздить и посоветоваться? Да о чемъ же теперь совѣтоваться!..» — спросилъ и отвѣтилъ капитанъ. Передернулъ плечомъ отъ нетерпѣнія, вспомнивъ, что завтра еще парадъ, а послѣ завтра полкъ въ лагерь уходитъ, и предпринять ничего нельзя. Но сейчасъ же и овладѣлъ собой, взглянулъ на часы и велѣлъ прекратить занятія.

«Подать рапортъ... по экстреннымъ обстоятельствамъ, на нѣсколько дней въ Москву?» — пробѣжало въ немъ ис-

кушеніе. Но онъ тутъ же и подавилъ его: въ такое время роту нельзя оставить.

«Но что же сдѣлать... убить?..» — задыхаясь, подумалъ онъ. Какъ разъ черезъ роту шелъ завѣдывающей оружіемъ, за которымъ несли наганы.

«Сразу все кончить, смыть эту грязь...»

И заманчивая, и утоляющая жгучую боль картина, какъ это будетъ, представлявшаяся ему все утро, встала опять въ глазахъ.

— Идемъ, Степочка?.. — встрѣтилъ его поджидавшій у выхода изъ роты Шелеметовъ съ подпоручикомъ Куличкомъ. — Вотъ, Куличокъ просится отъ вечернихъ, пріѣхала мамаша.

— Такъ точно. Разрѣшите, господинъ капитанъ?.. — вытянулся, краснѣя, подпоручикъ, не забывшій еще училища.

— Ступайте, Куличокъ, Богъ съ вами. Передъ мамашей пасую, — улыбнулся ротный. — Помните, парадъ завтра... ни мамашъ, ни папашъ!

— Такъ точно, господинъ капитанъ! — щелкнулъ весело каблучками подпоручикъ.

Бураевъ съ Шелеметовымъ пошли въ собраніе, наверху.

— Совсѣмъ зеленый нашъ Куличокъ, — говорилъ Шелеметовъ, чувствуя, что у Степочки что-то «не тово», и примѣряясь, какъ разговаривать. — Притащилъ абрикосовскихъ громадную коробку, съ ромомъ, и всю сожрала... взводныхъ и Федосѣича угощаль! А тебѣ постѣснялся предложить, здорово импонируешь. Помнишь, какъ это тебя стѣснялся? А помнишь, подъ Ляояномъ... прикрылъ ты меня шинелью, тутъ я тебя сразу и почувствовалъ!..

— Да, было время... — думая о своемъ, разсѣянно отозвался ротный.

И подумалъ, смотря на круглое, бѣлобрысое, «бабье» лицо поручика: «славный Шелеметка... и этотъ не измѣ-

нить, съ нимъ бы поговорить?» И, какъ часто бывало съ нимъ, рѣшилъ неожиданно — налетомъ:

— Зайди-ка ко мнѣ часа въ два, передъ занятіями... А сейчасъ —

Выпьемъ дружною семьею
За былыя времена!

— За былы-я времена-а!.. — запѣлъ Шелеметовъ, когда-то мечтавшій стать кавалеристомъ, —

Завтра, утренней порою,
Пробужденные трубою,
Станемъ бодро въ стремена!

Они поднимались по широкой каменной лѣстницѣ, съ косыми, истертыми ступенями. Прижимаясь къ стѣнкѣ, попадались навстрѣчу солдаты съ котелками; обгоняли стороной, нарушая уставъ, артельщики съ лотками «воробьевъ» — дымившихся аппетитно комковъ говядины, жилисто-синеватой, какъ разъ по зубамъ солдатскимъ; тащили въ мѣшкахъ душистыя калабушки хлѣба. Остро пахло солдатскимъ варевомъ — лавровымъ листомъ и перцемъ. Попавшійся полковой адъютантъ поручикъ Зиммель, кудрявый и румяный, котораго солдаты называли «Зина» за дѣвочкино лицо, сообщилъ секретно, что пришелъ проектъ новаго полевого устава, и командиръ назначилъ комиссію изъ батальонныхъ и по ротному съ батальона, включилъ и его, лихого командира 3-ей роты, въ приказѣ будетъ.

— А Августовскаго не включилъ! — шепнулъ веселъ адъютантъ. — Не любить старикъ штабныхъ...

— Кто же отъ 2-го батальона тогда? — спросилъ Бураевъ.

— Чеканъ. Отъ третьяго Густаревъ, отъ четвертаго — Зальцо.

— Правильно, — сказалъ Бураевъ. — Всѣ тертые. Молодецъ старикъ, даже любимца Фогелева не назначилъ!

Что же, боевыхъ офицеровъ выбрали... не будетъ обидно Августовскому.

Это было пріятно, но скользнуло поверхъ того, что теперь было самымъ важнымъ: не рота, не экзамены въ академію, къ которымъ готовился всю зиму, и даже не «Ночной бой», удачная работа, обратившая на него вниманіе военныхъ круговъ и вызвавшая къ нему рядъ писемъ, — между прочимъ, отъ извѣстнѣйшаго профессора академіи. Единственно важнымъ, и даже страшнымъ, — а страшнаго для него до сего времени не было, — являлся теперь вопросъ: дѣйствительно ли измѣнила ему Люси, или это ему такъ кажется; просто — странное совпаденіе событій, и ничего рокового нѣтъ?

Въ столовой собранія было, какъ всегда, шумно и накурено до-синя. Сновали солдаты въ гимнастеркахъ, подавая на столики; перекликались и шутили офицеры. На широкое, историческое диванѣ, вывезенное изъ Турціи, — на немъ, по преданію, спалъ Скобелевъ и прорвалъ шпорою шелковую обивку, такъ полоса и сохранилась, — сидѣли всѣ офицеры 2-го батальона съ подполковникомъ Распоповымъ въ серединѣ, а штабсъ-капитанъ Оксеновъ, знаменитый въ полку фотографъ, снималъ ихъ группу, въ память тридцатилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ полковника. Всѣ кричали Оксену, чтобы непременно захватить картину надъ диваномъ — «Вступленіе русскихъ войскъ въ Берлинъ». Рядомъ, въ бильярдной, сошелкивались шары, и слышался трубный веселый басъ батальонаго Туркина — «Въ брюхо отъ дво-ехъ бортовъ, голу-бчкки... Сдѣланъ!» Командиръ 16-ой роты, сухенькій капитанъ Зальцо, замѣчательный куроводъ и кушкинскій герой, отряда генерала Комарова, участвовавшій по доброй волѣ и въ японской кампаніи, гдѣ былъ отличенъ георгиевскимъ оружіемъ, но почему-то не получилъ полковника, — «до третьей, видно, кампаніи отложили, не дай Богъ!» — говорилъ онъ шутливо, — рѣшалъ со своими «молодыми» задачи изъ германскаго сборника, недавно полученнаго въ

полку. Завидѣвъ капитана Бураева, онъ шлепнулъ по столу, на которомъ лежала карта, и, сверкая серебряными очками, сѣденькій и плѣшивый, крикнулъ звенящимъ голосомъ:

— Вотъ кто рѣшить съ налету, и единственно правильно... Буравчикъ! Иди, Буравчикъ, сюда, покажи-ка мнѣ молодыхъ!

И подставивъ ко рту сухенькія ладошки трубочкой, подмигивая къ окну, гдѣ игралъ въ шахматы совсѣмъ молоденькій капитанъ 5-ой роты Августовскій, недавно комившій академію и отбывавшій свой цензъ въ полку, добавилъ дружелюбно:

— Вотъ, милый нашъ академикъ сразу рѣшилъ... только очень ужъ мно-го-гранно и тонко... и при наличіи резерва... А нѣмецъ требуетъ «съ соблюденіемъ крайней экономіи»! Нѣтъ, интересно, ты погляди... нѣмцы, какъ-будто, подсмотрѣли классическій случай... помнишь, у меня случилось, у деревушки Фу-Чи-Су-Лянъ, когда мы со стрѣлками, ночью, прошли болото? И никакого резерва не было, а обошли и всыпали?..

— Фу-Чи-Су-Лянъ-то?.. — отозвался разсѣянно Бураевъ, только что приказавшій буфетчику налить «большую», и лицо его сразу посвѣтлѣло, когда онъ вспомнилъ. — Какъ не помнить!.. Ну, Шелемета... выпьемъ за Чи-Су-Лянъ, — чокнулся онъ съ поручикомъ, закусилъ наскоро брусничкой и подошелъ къ капитану Зальцу. — Заданіе..? — пробѣжалъ онъ нѣмецкій текстъ и поглядѣлъ на кроки задачи. — Болото и тутъ, и тутъ..? высота занята противникомъ, четыре роты... единственная дорога въ тылъ.. хорошо! У меня двѣ роты, справа рѣчка... лѣвый флангъ упирается въ болото... гм... Такъ вотъ, исходное положеніе мое такъ...

Онъ схватилъ карандашъ и набросалъ рѣшеніе — «налетомъ».

— Единственно такъ, по-моему? Стремительной лобовой атакой, въ полторы роты... Полуротой оттянуть вни-

маніе противника на рѣчку. Мои бы ловко продѣлали!. Только здѣсь посложнѣй, чѣмъ у тебя подѣ Су-Ляномъ. Тамъ болотце съ одной стороны было... — вдумчиво сказалъ онъ, всматриваясь въ кроки. — Интересное положеніе, на темпераментъ. Любовою атакой — и никакихъ.

— Что, не говорилъ я тебѣ, что ты геніусъ романусъ! Могу тебя поздравить, и задачку-то нѣмецъ содралъ у Юлія Цезаря, подѣ этимъ... какъ его?.. Не помните, капитанъ, гдѣ это Цезарь чуть было не сѣлъ въ калошу, въ болота-то его легіонъ попалъ?.. — крикнулъ старенькій капитанъ Августовскому.

— Двадцать разъ попадалъ и выходилъ сухимъ... — раздумчиво отозвался Августовскій, вертя конемъ.

— Ты, голубчикъ-Буравчикъ, и самъ не знаешь, что ты изобразилъ! Куда проще нѣмецкаго рѣшенія, ей-ей!. Гляди, какъ нѣмецъ распорядился... — показалъ онъ рѣшеніе.

Подошли другіе, и началось обсужденіе. Большинствомъ голосовъ признали, съ командиромъ 2-го батальона Распоповымъ, считавшимся за великаго знатока, что это — единственно точное рѣшеніе, «чисто суворовское».

— Не доживу я, Буравъ, — вздохнулъ Зальцо, и Бураевъ подумалъ, глядя на вздутыя на вискахъ капитана жилы, что онъ долго не проживетъ, пожалуй, — а быть тебѣ корпуснымъ... въ академію если попадешь, понятно. И былъ бы я тогда при тебѣ... полковничкомъ!

— Доживешь — и будешь, — сказалъ Бураевъ, шутя, и вдругъ насторожился: по устремленнымъ глазамъ шедшаго къ нему солдата съ фіолетовымъ узенькимъ конвертикомъ онъ почувствовалъ, что это письмо ему.

— Будешь... если фіолетовыхъ записочекъ получать не будешь! — пошутилъ въ общемъ смѣхъ Зальцо.

— Кто подалъ, откуда? — спросилъ Бураевъ въ смущеніи, вглядываясь въ нетвердый почеркъ: онъ ждалъ другого.

— Не могу знать, ваше благородіе! — сказалъ молодой солдатъ. — Дневальному отъ воротъ подали. Приказалъ господинъ взводный осьмой роты, Пинчукъ... иди, передай въ собраніе... они тамъ. Видалъ, дѣвчонка босая прибѣгала къ воротамъ, въ руку ткнула, а сама убѣ-гла...

— Ступай.

— Душистое?.. — подмигнулъ на конвертикъ Зальцо.
— И я получалъ, бывало... очень-то не гордись.

Бураевъ сунулъ письмо въ карманъ, выпилъ еще гъ поручикомъ и напомнилъ — зайти часа въ два къ нему. Вспорхнувшее было сердце упало и остро заняло болью.

II.

Въ нижнемъ коридорѣ у выхода попался ему славшій дежурство Зайка и сталъ во фронтъ. Думая о своемъ, Бураевъ разсѣянно козырнулъ и сейчасъ же вспомнилъ про рогатую лампадку. «Это я въ раздраженіи назначилъ», — гровѣря себя, съ недовольствомъ подумалъ онъ, — «Зайка невиноватъ, если тянулъ артельщика». Онъ вернулъ исправнаго всегда взводнаго, ловкаго и веселаго хохла, и внимательно разспросилъ, какъ было. Оказалось, что и артельщикъ невиноватъ: масло только что пролили, а запаса не оказалось.

— Скажешь фельдфебелю — отставить, — сказалъ Бураевъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе! — безъ движенія на лицѣ, крикнулъ чеканно Зайка, и по этой чеканности Бураевъ понялъ, какъ тотъ доволенъ.

«Держи и держи себя, не распускай! что бы ни случилось — воли не выпускай!» — мысленно, какъ монахъ молитву, произнесъ Бураевъ завѣтное свое правило, въ какой уже разъ за утро. Правило это, принятое еще съ училища, оправдало себя не разъ. И теперь, мысленно повторивъ его, онъ почувствовалъ облегченіе: то, что случи-

лось съ нимъ, показалось ему не безысходнымъ, требующимъ еще развѣдки. Раньше парада и выхода въ лагерь — роты нельзя оставить, это ясно. А сейчасъ, можетъ быть, въ письмѣ..?

Онъ открылъ находку письмо, но оно было изъ обычныхъ любовныхъ писемъ, которыми ему надоѣдали: показалось на первый взглядъ. Последнее время, правда, они приходили рѣдко: у него же была Люси! Онъ прочиталъ внимательнѣй, вглядываясь въ нетвердый почеркъ, и его удивили выраженія: «Вы меня мучаете давно-давно!» «Я безумно хочу Васъ видѣть, должна видѣть. Вы должны притти, иначе меня не будетъ въ жизни, клянусь Вамъ!» «Вы все узнаете». Это «все» особенно останавливало его вниманіе. О томъ — все? Ему казалось, что — да, о томъ: хотѣлось. Письмо было въ нѣсколько строчекъ, раскидистыхъ, неровныхъ, но неподдѣльно искреннихъ, молящихъ, близкихъ къ отчаянію. Оно молило — «сегодня-же, непременно сегодня» притти за Старое кладбище, на большакъ, откуда поворотъ на село Богослово, — «другого мѣста я не могу придумать, боюсь скомпрометировать и себя, и Васъ». Часъ былъ указанъ довольно поздній, 8, когда темнѣть. Подписано буквой — К.

Бураевъ перебралъ всѣхъ знакомыхъ, гдѣ были дамы, отъ кого можно было бы ожидать подобнаго, но ничего подходящаго не нашелъ. Остановился было на молоденькой и веселой Краснокутской, женѣ командира 4-го батальона, но сейчасъ же съ усмѣшкой и откинулъ: она только что родила и не выходитъ. Это «глупенькое» письмо — онъ такъ и назвалъ его — его надоѣдно раздражало. Было совсѣмъ не до свиданій, но что-то, бывшее въ строкахъ, начинало его тревожить: и то, что въ этомъ, можетъ быть, есть связь съ тѣмъ, и неприятно волнующее совѣсть — «иначе меня не будетъ въ жизни, клянусь Вамъ!»

Онъ ничего не рѣшилъ, зная, что это придетъ само, «налетомъ».

Съ Большой улицы онъ свернулъ подъ гору налѣво, и открылся просторъ — на пойму, съ черной полоской бора. Переулочекъ былъ весь въ садахъ. Въ самомъ концѣ его, въ вишневомъ молодомъ саду, стоялъ бѣленькій флигелекъ, найденный такъ счастливо, «милое гнѣздышко», — называла его Люси. Бураевъ остановился, — не хотѣлось туда итти. Вспомнилъ, что Шелеметовъ зайдетъ къ нему, а сейчасъ уже скоро два, и надо скорѣй рѣшаться, и это его заставило.

Переулочекъ съ тупичкомъ, гдѣ укромно стояла церковка, взятая кѣмъ-то на картину, — открывалась съ обрыва чудесная гладь Зарѣчья, — показались ему другими, противными до жути, словно и здѣсь — безчестье. Въ моросившемъ теперь дождѣ унылыми, траурными казались начинавшіе расцвѣтать сады, что-то враждебное было въ нихъ. Грязноватыми мокрыми кистями висѣли цвѣты черемухъ, такъ упоительно пахнувшихъ недавно, теперь нестерпимо ѣдкихъ. Гадко смотрѣлъ гамакъ, съжившись подъ дождемъ. Недавно она лежала, глядѣла въ небо..

У Бураева захватило духъ: «а если... это письмо..?»

Онъ представилъ себѣ Люси — живую, всегдашнюю, лежавшую въ гамакѣ въ мечтахъ или нѣжно бѣлѣвшую съ обрыва, смотрѣвшую въ даль Зарѣчья, — и острой болью почувствовалъ, что безъ нея нѣтъ жизни. И показалось невѣроятнымъ, что все закончилось. А если это — «я игра?». Это такъ на нее похоже, эти изломы сердца, бѣгство отъ прѣснотцы, отъ скуки... Она же заклинала, что нѣтъ ничего такого... самый обычный флиртъ!.. Подстроила нарочно, помучить чтобы, новую искру выбить и посмотреть, что будетъ?.. И когда все покончено... — это письмо съ «свиданьемъ», — какой эффектъ!..

Онъ толкнулъ забухшую отъ дождя калитку, и на него посыпался дождь съ сиреней, собиравшихся расцвѣтать надолго. Много было сирени по заборамъ, много было черемухи и вишни, — изъ-за нихъ-то и сняли домикъ. И вотъ — подошло цвѣтенье...

Обходя накопившуюся лужу, Бураевъ приглядѣлся: ея слѣдки! Ясно были видны на глиня абочки каблучковъ и лодочки. Съ самаго утра остались, когда она «убѣжала отъ кошмара», воспользовавшись его отсутствіемъ. Зачѣмъ онъ ее пустилъ? Но онъ же выгналъ..? Уѣхала съ товаропассажирами, когда въ десять проходитъ скорый! Сознательно убѣжала, ясно. Сунуть записку въ столикъ.. А эти глаза, скользящія..! Отъ страха убѣжата.

Бурасвѣ вспомнилъ про револьверъ, про ужасъ. И вотъ, передъ этими слѣдками въ лужѣ, ему открылось, что эти слѣдки — послѣдніе, и то, что его терзало, дѣйствительно случилось, и исправить никакъ нельзя.

— Къ чорту!.. — крикнулъ онъ внѣ себя и бѣшено растопталъ слѣдки, разбрызгивая грязью. — У, ты..! — вырвалось у него грязное слово — потаскушка.

Деньщикъ-бѣлоруссъ Валясикъ выглянулъ изъ окна и стремительно распахнулъ парадное. Заспанное, всегда благодушное лицо его, напоминавшее капитану мочалку въ чѣстѣ, — такое оно было рыжевато-мохнато-мягкое, — смотрѣло съ укоризной.

— Покушати запоздали, ваше высокоблагородіе. А я куренка варилъ, все дожидаль.. Спросилъ бариню, а она ничего не говорить.. а потомъ говорить, ничего не надо. А я самъ ужъ, куренка сварилъ. Вотъ мы и ждали, ваше высокоблагородіе!

— Кто ждалъ? — спросилъ капитанъ, прислушиваясь къ чему-то въ домѣ.

— А я ждалъ, сурикъ какой сварилъ.. — лопоталъ Валясикъ, бережно вѣшая фуражку. — Салогито какъ отдѣляли, дозвольте сыму, почистить.

— Почта была? — спросилъ капитанъ, не видя почты на подзеркальничкѣ.

— Было письмецо, на кухнѣ лежитъ. А я въ роту хотѣлъ бѣжать, забезпокоился.. долго васъ нѣтъ чего-то.

Письмо было отъ стараго полковника, изъ «Яблонева». Капитанъ не спѣшилъ прочесть. Онъ прошелъ въ сало-

чикъ, красную комнатку, заставленную стульчиками и пуфами, вазочками, букетиками, этажерочками, съ вѣрами и какими-то птичьими хвостами на бархатныхъ наколахъ, съ плисовыми портъерами, съ китайскими фонарями съ бахромой. Пахло японскими духами и кислой какой-то шкурой, купленной е ю на Сухаревкѣ, въ Москвѣ. Оглянувшись съ отвращеніемъ — и остановился у большого портрета на мольбертѣ. Долго глядѣлъ, вспоминая черты живой: страстный и лживый ротъ, чуть пріоткрытый, жаждущій, — все еще дорогой и ненавистный; матовые глаза невинности — дѣвочки-итальянки, похожіе на вишни, умѣвшіе загораться до безстыдства и зажигать, — и маленькій лобъ, дѣтски-невинный, чистый, съ пышно-густыми бровками, отъ которыхъ и на портретѣ тѣни. Эти бровки! словно кусочки мѣха какого-то хитраго звѣрушки... Вспомнилъ: когда Люси появилась въ городѣ и дѣлала визиты, командирша опредѣлила томно: «ничего, мила... такъ, на случай!» Вспомнилъ и про двусмысленные слухи, приползшіе съ губернаторомъ изъ Вятки, которые назывались «святскими», — и все-таки все забылъ!

За салончикомъ была спальня, съ итальянскимъ окномъ къ Зарѣчью. За площадкой съ куртинками падалъ къ рѣкѣ обрывъ, съ зарослями черемухи, рябины, буйной крапивы и лопуха, съ золотыми крестиками внизу — церкви Никола Мокраго. Соловьи начинали пѣть, и даже теперь, въ дождѣ, щелкали сладко-сладко.

Кинувъ на теперъ омерзительную постель сползшее голубое одѣяло, напомнившее ему о ночи, когда онъ метался по дорогамъ, Бураевъ досталъ обрывки найденнаго письма и опять принялся читать, упиваясь страданіемъ: «и всю тебя, Лю... которая не могу забыть... бархатныя твои ко... первое наше бур... бровки, мои «медвѣдики», которая вызываютъ во мнѣ... пахнуція гіацинтами твои... летѣли на вокзалъ, а твоя шапочка вдругъ...» Только и было на обрывкахъ, завалившихся въ щель комода, но эти слова пронзали. Въ чемъ же тутъ сомнѣваться, ясно!

Почеркъ его, наглаго подлеца въ пенснэ, знаменитаго «Балалайкина», защитника «всѣхъ любвей, угнетенныхъ и безответныхъ», какъ кокетливо рисовался онъ, волнуя сердечки женщинокъ. Стало совершенно ясно: въ послѣднюю поѣздку въ Москву въ январѣ, «на елку», она потеряла шапочку... — «Изъ сѣтки въ купэ пропала, какая-то дама со мной сидѣла... не она ли?» — возбужденно разсказывала Люси, такая чудесная съ мороза, какъ розовая льдинка, въ розовомъ своемъ капорѣ. — «Дочего я иззябла, милый... согрѣй меня...» Было четыре часа утра, морозъ — за 20. Онъ самъ ей отперъ, заслышавъ морозный скрипъ. И они до утра болтали въ качалкѣ у постели, передъ пылавшей печкой... и Люси кормила его пьяными вишнями изъ длинной коробки отъ Альберта, съ Кузнецкаго, которую она — «какъ кстати!» — выиграла у Машеньки на елкѣ. Тогда-то и появились «мои медвѣдики!» Она гладила его щеки своими пушистыми бровями, щекоталась его усами, онъ цѣловалъ ей бровки — его «мохнатки», и она вдругъ сказала, закрывъ глаза, изгибая въ истомѣ губы: «лучше — «медвѣдики»... онъ дрему-учія у меня, правда?» И онъ повторялъ въ восторгѣ — «медвѣдики»... милые мои «медвѣдики»... — и принималъ съ ея губокъ вишни...

«Нѣтъ, я ее убью!.. и этого... убью, убью!» — говорилъ онъ себѣ, чего-то ища по комнатѣ. — «Чувствовала, что..! Сбѣжала... я бы ее убилъ..!» — повторялъ онъ, страдая и не находя исхода, зная, что сейчасъ онъ ее убилъ бы. Онъ сорвалъ браунингъ со стѣны, памятный браунингъ, отнятый въ Омскѣ у стрѣлявшаго въ него дружинника въ башлыкѣ, котораго тутъ же и застрѣлил изъ его же браунинга, — было это во время забастовки, когда возвращались они съ войны, — и сжалъ его крѣпко-крѣпко. Она такъ боялась этого браунинга!..

— Господинъ поручикъ идуть, ваше высокоблагородіе! — доложилъ Валясикъ. —

Бураевъ рѣшилъ «налетомъ», что говорить съ Шеле-

меткой не о чемъ. Предлагать, какъ тогда правителю канцеляріи, — на пистолетахъ? Теперь некому было предлагать. Теперь самому надо «требовать удовлетворенія» и изъ-за такой-то...!

«Нѣтъ, я ее убью, у-бью!» — повторялъ возбужденно онъ, вѣшая браунингъ на стѣнку и стараясь понять, что же сказать поручику. Спрятала письмо подъ книгу и вышла, посвистывая, въ столовую. Одиноко лежала на столѣ курунокъ, грозясь култышками.

— Вотъ и хорошо, Вася... Куренка хочешь, водки? Валясики, пива!

— Пива выпью, — сказала поручикъ. — А что Людмила Викторовна... какъ насчетъ пикника?..

— Придется отставить, видно... въ Москву поѣхала, по дѣламъ, — спокойно сказала Бураевъ, наскоро выпивая пиво. — Такъ вотъ. Репетиція въ четыре? Да, вотъ о чемъ... Смотри, братъ, не подкачай завтра! Бригадный здорово соленый, въ аттестаціи ему что-то намарали... кажется, къ осени въ отставку.

— Съ тобой-то да подкачаю?.. Значить, нашъ Гейнике въ надеждахъ...

— Определенно. Ничего новаго?..

— Не слыхала?.. гимназистка въ «Мукденѣ» застрѣлилась!

— Кто такая?.. Везетъ намъ на происшествія!..

— Лизочка Королькова. Хорошенькая такая... недавно съ ней танцевалъ, такая прелесть.

— Ко... ролькова?.. — удивленно спросилъ Бураевъ, вспомнивъ о буквѣ — К. — На ро-манической подкладкѣ, что ли?.. Не помню такой...

— Ну, какъ не помнишь... четыре раза на дню мимо квартиры ея проходишь! Какъ-то мнѣ говорила — «почему вашъ Бураевъ такой суровый». Очень тобой интересовалась.

— Вотъ какъ!.. — смущенно сказалъ Бураевъ, думая о письмѣ. — Что за причина, не знаешь?

— Извѣстная. Съ семинаристомъ въ номерѣ была... Ну, «огарки», понятно, чортъ ихъ знаетъ. Въ запискѣ обличное — «прошу никого не винить» и — «прости меня, дорогой папа». А сейчасъ попался отставной генераль-жандармскій, говоритъ — на политической почвѣ! Запутали дѣвчонку, испугалась... или отецъ тутъ что-то, — изъ дому выгнать? — а она..! Обыскъ у отца сейчасъ... столоначальникъ казенной палаты. Но вотъ что подло.. Семинаристъ-то этотъ убѣждалъ изъ номерка, послѣ «бурной ночи»-то, а записка его, тоже съ «не винить» осталась! И сволочь же пошла! Можетъ, и застрѣлилась-то потому, что поняла, каковъ гусь.

— Чушь какая-то! — раздраженно сказалъ Бураевъ. — Если отдалась, и вдругъ, — хлопъ!

— Какая дѣвчонка-то была..! Будь деньги для реверса, ей-богу бы женился! — не то шутя, не то по серьезному сказалъ поручикъ. — Скучно одному мотаться.

— Вотъ тебѣ разъ! — усмѣхнулся Бураевъ криво. — Частенько что-то стало повторяться... Отъ ра-зо-чарованія?

— За два года четвертый случай, и все въ номерахъ! Такое гнилье пошло, интеллигенція наша. Былъ недавно на лекціи этого хлюста изъ Питера... цвѣтами засыпали дѣвчонки и мальчишки! Ужъ старикъ, плѣ-шивый весь, слюнявый... и — «Половой вопросъ и социальное его разрѣшеніе»! Загвозистое все подносятъ. А то еще — «Богъ и... половое чувство»! А полицмейстеръ и заклеилъ «половое»-то, и вышло «Богъ и... чувство»! Ты-то не былъ, а я, братъ, насилу билетъ досталъ, у народнаго дома вся площадь была забита! И губернаторъ слушалъ, только въ закрытой ложѣ.

— Охота была..!

— Подмывало послушать, какъ это онъ подведетъ! Подвелъ, с... с..! Ужъ и городилъ, — никто ничего не понималъ. И опять цвѣтами засыпали. И опять былъ «социальный строй», какое-то плотско-духовное переворощеніе...

въ Новомъ Мирѣ. И все — мы, мы, мы... мы предтеча, дайте намъ какія-то свѣ-чи!.. И поведутъ. Глядѣлъ я глядѣлъ на него... Этотъ былъ совсѣмъ молодой, а морда прыщавая, гнилая, изъ «сексуалистовъ», понятно... Глядѣлъ и думалъ — ужъ какъ тебѣ хочется повести за собой Лизочекъ этихъ и устроить съ ними «переволлощеніе». Откуда они берутся только!.. А молодежь, такая-то рвань пошла...

— Молодежь-то бы ничего, а вотъ «вожди»-то ея! Читаетъ-то свое гнилье сознательные, съ плѣшью даже. А молодежь вонъ стрѣляется, очертя голову..! Знаю эту интеллигентчину нашу. Не выдержала дѣвочка гадости — и...

— Ну, что же, капитанъ, скажешь... хотѣлъ что-то..?

— Да такъ... посидѣть съ тобой хотѣлъ, скучно что-то. — сказалъ Буревъ, не найдя ничего другого. — Налей и мнѣ.

— А я, братъ, Карлейлемъ зачитываюсь, бодрить. Молодчина, не чета нашимъ «половымъ». Да, личность... личность роль играетъ!

— Вотъ такъ открытіе! Это и до Карлейля давно извѣстно, и въ училищѣ намъ долбили. А вотъ наши-то господчики только о «массѣ» и долдоняютъ. Послушалъ я ихъ въ Харбинѣ тогда, и по всей дорожкѣ. Мы съ тобой знаемъ «массу», водили и въ бой, и... и поведемъ, когда придется. А вотъ эти господа... они пятака своего не дадутъ «массѣ»-то! Личность... И у собакъ даже роль играетъ. вонъ у насъ на плацу кобель, пѣгій... какую роль играетъ!

— Пропадаетъ героизмъ, вотъ что. Личностей-то ужъ нѣтъ... вотъ и пошло, про «массы». Что вонъ этотъ плѣшивый, безъ «массы»-то? Пріѣхалъ, собралъ стадо и деньги зашибъ, и ручки у него цѣловали дѣвчонки... и любую могъ бы «за собой повести». Даже и тутъ «личность» играетъ роль, только...

— ...въ половыхъ вопросахъ, а на большее не хватитъ! — раздраженно сказалъ Буревъ. — И охота тебѣ всякую галиматью слушать. Право, лучше Карлейля читай. Пом-

нишь, въ Харбинѣ, какъ о ни «фейерверки» свои пускали, разжигали? Я еще понимаю боевиковъ... Идетъ, чортъ, со своей бомбой и ставку дѣлаетъ: его ли повѣсятъ, или онъ... всѣхъ ограбить и будетъ насъ съ тобой вѣшать! А вотъ эти, съ воротничками, какъ тотъ плѣшивый, и всѣ эти «эстеты» плакучіе — такое-то шакальё... эти къ боевикамъ потомъ прибѣгутъ, крошки подбирать. Я этихъ краснобаевъ ненавижу, какъ...! Помнишь, осенью прѣвзжалъ изъ Москвы проститутку Малечкину защищать, которая мужа-бухгалтера отравила? Дрянъ преестественная, развратная до... ротнаго писаря, до пожарнаго, до... И на глазахъ дѣтей запиралась съ любовникомъ въ супружеской спальней... А бухгалтеръ терпѣлъ, подозрѣвалъ и терзался, штопаль дѣтямъ чулочки... и не давалъ ей развода, зналъ, что такъ и до публичнаго дома докатится... и «героиня» его три мѣсяца отравляла! А тотъ «балалайкинъ» страдальцу изъ стервы сдѣлалъ! Плакали наши дамы въ судѣ, три дня не обѣдали — «ахъ, неужели ее на каторгу?!» И, подлець, самъ отъ своей рѣчи плакалъ или лукомъ глаза теръ... Все искривилъ... и что же! Шестеро мужиковъ признали, что дрянъ, а шестеро дураковъ, что героиня! И героиня вышла гордо, и гимназисты поднесли ей ро-зы! У..! — хлопнулъ онъ кулакомъ. — Тьфу!.. Нѣтъ, въ академію!.. къ чорту!.. — крикнулъ вдругъ капитанъ такъ страшно, что Валясикъ, пившій чай въ кухнѣ подъ соловьевъ, вскочилъ и вытянулся у двери:

— Чего изволите, ваше высокоблагородіе?

— Что? Ступай... - - сказалъ упавшимъ голосомъ капитанъ.

Онъ прошелъ, широко шагая и треща пальцами, и, не въ силахъ дольше терпѣть, рѣшилъ «налетомъ»:

— Надо тебѣ сказать... придется мнѣ, какъ въ лагеря выйдемъ, дня на три отлучиться, а тебѣ заступить. Но вотъ что... и ты меня не спрашивай, — уклончиво вытянулъ изъ себя Буреавъ, хотя долженъ бы знать, что по-

ручикъ всегда былъ остороженъ и тактиченъ, — на всякій случай я тебѣ оставлю письмо, которое ты вскрыешь и сдѣлаешь, какъ тамъ сказано. Будь покоенъ, — оговорился Буреавъ, видя, какъ взглянулъ на него поручикъ, — я увѣренъ, что вскрывать тебѣ не придется, но... кто знаетъ? Бываютъ обстоятельства, когда... ну..! какъ въ бою. Увѣряю тебя, ничего такого, чего ты не могъ бы, противъ чести... дѣло чисто личное.

— Да я же знаю, Степа... и даю тебѣ слово. Ты меня извини... я не смѣю касаться личного, но все ли ты про... продумалъ? — осторожно, боясь коснуться, чего касаться не слѣдуетъ, спросилъ поручикъ. — Когда личное, не всегда можетъ показаться, какъ есть на самомъ дѣлѣ. Прости, это ты и безъ меня знаешь и самъ меня этому учишь, но... бываетъ!..

— Да, конечно, возможно... — и Буреаву на мгновенье показалось, что еще возможно, что того не произошло; но по пустотѣ въ комнатѣ, по этому нетронутому курчонку на длинномъ блюдѣ стало вдругъ совершенно ясно, что несомнѣнно произошло и происходитъ сейчасъ въ Москвѣ.

Онъ вскочилъ, даже испугалъ поручика, и, схватившись за голову, пошелъ куда-то, повернулся къ столу и выпилъ прямо изъ горлышка: такъ ему ярко встало, что происходитъ сейчасъ въ Москвѣ. Ъхать сейчасъ же, и... Но, вѣдь, уже случилось, а надо приводить въ рапортъ ложь и ложь... и только мѣсяцъ тому онъ уже отлучался, съ нею... а завтра парадъ, и надо представить роту, это служебный долгъ, и не исполнить его нельзя, такъ же какъ и въ бою нельзя оставаться сзади. «Держи и держи себя, не распускай... что бы ни случилось — воли не выпускай!» — мысленно приказалъ онъ себѣ и сейчасъ же вспомнилъ, что кто-то умоляетъ его притти, «иначе меня не будетъ въ жизни, клянусь Вамъ!» Неужели это она, застрѣлившаяся гимназистка Королькова? Но вѣдь еще не вышло срока, помѣчено субботой. И тамъ какой-то семинаристъ... Нѣтъ, ъхать сейчасъ нельзя.

— Ты сдѣлаешь. Спасибо, милый Васюкъ. Иди въ роту, я скоро подойду.

И они крѣпко пожали руки.

Итти въ спальню Бураеву не хотѣлось. Онъ взялъ брошенное на столъ письмо отъ отца и сталъ невнимательно читать: что тамъ особеннаго! Но особенное какъ разъ и оказалось, и чѣмъ больше вчитывался въ письмо Бураевъ, въ крѣпко и крупно написанныя слова отца, тѣмъ больнѣе, до обжигающаго стыда, чувствовалось ему, дочего же онъ низко палъ. За послѣдніе полгода отецъ переслалъ ему уже восемьсотъ рублей, съ каждой посылкой покрехтывая все больше и оговариваясь, что «все бы ничего, да неурожай яблока подвель, подлецъ», что Пашъ не пришлось послать ни копѣйки, «а самъ знаешь, подпоручику труднѣй жить, на 80-то рублей... вотъ если бы вы въ одномъ городѣ жили... надо ему хлопотать о переводѣ въ твой полкъ, такъ ему и написалъ, и ты его вытащи, а то снѣ что-то и не почешется... ужъ не завелъ ли «штучку»?» Жалѣлъ полковникъ, что — «дернуло меня, купилъ за чѣмъ-то въ прошломъ году пролетку!» Въ послѣдній посылъ, когда дозарѣзу понадобилось сразу четыреста — на бѣличью шубку Люси! — старый полковникъ «наскребъ всего триста пятьдесятъ, у подлца Куманькова прихватилъ подѣ будущее», а «Костинькѣ въ Питерь могъ всего четвертной послать, а онъ по урокамъ бѣгаетъ и запускаетъ работу въ Институтѣ, а ему надо къ маю проекты сдавать, и обидѣлся на меня, такъ полагаю, другой мѣсяцъ ни строчки отъ него. А ужъ о кадетикѣ и говорить нечего, только яблоковъ и послалъ. И Наташѣ все собираюсь, а у ней за пианино полгода не плачено... такъ что ты ужъ какъ-нибудь... Вотъ если бы пенсіонъ подняли, да что-то Государственная Дума о насъ не думаетъ, а Александровскій Комитетъ вотъ пришлетъ за пульку — вышлю». Это предпоследнее письмо теперь остро вспомнилось капитану и это — «за пульку» — бросило его въ жаръ. «Боже, Боже»... — прошепталъ онъ, хватаясь за голову,

«скотина... самъ бы могъ старику давать, обя-занъ быть давать!..» Завелъ «штучку»! Какая подлость!..

Онъ поднялся, увидалъ себя въ зеркалѣ и отвернулся. По кинутымъ рѣзко въ стороны, выгнутымъ на концахъ бровямъ, «энергическимъ, отъ бабушки - черкешенки», какъ говорилъ полковникъ, и по черному съ синевой холу — у полковника былъ такой же, только немножко съ солью, — вспомнился ему, какъ живой, отецъ, съ утра до вечера на ногахъ, съ лопатой или киркой, въ широкой шляпѣ, подъ яблонями, какъ рядовой рабочій. «Въ глинѣ копаешь ямы, все насаживаетъ для насъ, а у него пуля подъ самымъ сердцемъ... и на воды ему необходимо, а я... шубочки покупалъ, стульчики, фонарики пошлые... о, чортъ..!» Но это письмо было яснѣе яснаго. Заканчивалъ такъ полковникъ:

«Значить, ужъ не взыщи. Куманьковъ даетъ тысячу, но это лучше зарѣзаться. Скажи прямо: проигралъ, растратилъ?.. Не повѣрю. Ты не таковъ. Бураевъ? Не повѣрю, не хочу думать. Значить, не по средствамъ живешь. Извини, но это ужъ эгоизмъ, въ ущербъ всѣмъ. Посократись. Понимаю, дѣло молодое, и ты мнѣ, я не забываю сего, изъ Манчжуріи тогда прислалъ тыщенку-другую, на садъ пошли... Но видитъ Богъ — на новые сапоги не собьюсь. Не обижайся, Степа».

Бураевъ опустилъ въ руки голову и сидѣлъ неподвижно, пока Валястикъ не окликнулъ его тревожно:

— Въ роту, ваше высокоблагородіе, не запоздаете... ужъ четвертаго половина?.. Такъ и не покусали ничего...

III.

Что случилось съ Бураевымъ въ его личной жизни, — было, конечно, самымъ зауряднымъ, случалось не разъ на его глазахъ съ другими и казалось тогда нисколько не ужаснымъ, а даже, скорѣе, интереснымъ.

Въ общемъ, человѣкъ нравственный, воспитанный и отцомъ, и суровой школой въ уваженіи къ женщинѣ и, пожалуй, даже въ благоговѣнно-рыцарскомъ отношеніи къ ней, въ любовныхъ дѣлахъ онъ совершенно искренно признавалъ за нею свободу распоряжаться своими чувствами и какъ бы проявлялъ этимъ преклоненіе передъ ней: прекрасная, она вправдѣ дарить любовью. И это было въ немъ не изъ книгъ, не отъ чистой только поэзіи, которую онъ любилъ, — Лермонтова особенно, — а отъ той оболочки жизни, отъ той благородной оболочки, которая была передъ глазами съ дѣтства. Память о его дѣдѣ, котораго онъ не зналъ, полковникъ-кирасирѣ Бураевѣ, дравшемся, какъ простой армеецъ, на бастіонахъ Малахова Кургана, была для него обвѣяна легендой: Авксентій Бураевъ женился на своей «почти крѣпостной», дочери плѣннаго черкеса, потерявъ черезъ то и огромнѣйшее отцовское наследство, и карьеру. Мало того: дважды онъ дрался на дуэли «за недостаточное вниманіе» къ его супругѣ и былъ убитъ на третьей, защищая честь женщины, мало ему знакомой, но, по его мнѣнію, достойной, съ которой онъ таяцковалъ на одномъ балу и которую «жестоко оскорбили непристойнѣйшимъ замѣчаніемъ, что она танцуетъ, какъ цыганка».

Такимъ же былъ и его отецъ Александръ Бураевъ, участникъ Хивинскаго похода, доблестно бравшій Карсъ и подъ нимъ дважды раненый, въ молодости отмѣченный самимъ генераломъ Черняевымъ и сломавшій свою карьеру — прямою. Этотъ женился на «полтавкѣ», изъ казачьяго рода Бичъ, выходца съ Запорожской Сѣчи, институткѣ-патріотикѣ, одинокой и бѣдной дѣвушкѣ, рыцарски поклонялся ей, «небывалой красавицѣ, съ глазами — какъ Черное море, синими».

Она любила цвѣты, и насколько помнилъ себя Степанка, теперь капитанъ Бураевъ, всегда онъ видѣлъ: много цвѣтовъ — и мама. Завывала метель за окнами, въ домѣ трещали печи, а въ голубой свѣтлой комнатѣ — бѣлые гі-

ацинты и тюльпаны, выращенные отцомъ въ теплицахъ— мальвы, и васильки, и ландыши. Сладко цвѣтами пахла синеглазая мама — первая его женщина, святая. Такъ и осталось въ немъ: голубые и бѣлые цвѣты, и въ нихъ, какъ царица, мама. И перешло это на другихъ, на всѣхъ, — благоговѣнне передъ нею — женщиной. Мама могла сердиться, кричать на папу, кричать несправедливо, но... «она — женщина!» — такъ всегда говорилъ отецъ. И въ этомъ широкомъ и нѣжномъ словѣ слышался ароматъ цвѣтовъ. Такъ и осталось въ немъ, съ перваго дѣтства и до школы, пришло съ нимъ въ корпусъ, въ училище, въ казарму, ушло на войну, вернулось, не поблекло. Съ женщиной надо — осторожно, нѣжно. Женщина, это — высшее, лучшее, что ни есть на свѣтѣ. Женщинѣ надо уступать, всегда, всячески охранять, лелѣять... — и въ этомъ послѣднемъ словѣ слышалось для него лилейное, отъ цвѣтовъ. Мама давно ушла, въ цвѣтахъ и лилейномъ платѣ, и осталась живой — въ душѣ. И живымъ, но какимъ-то забытымъ отраженемъ явилась Клэ... первая, дѣтская влюбленность.

Это было въ «Зараменьи», въ сосѣдяхъ, какъ милый сонъ. Солнечная, зеленая оранжерея, цвѣтуція апельсинныя деревья, померанцы, сладкій и пряный воздухъ, въ которомъ нѣга, и тонкая, легонькая Клэ, воздушная, въ розоватомъ газѣ, въ черныхъ, блестящихъ локонахъ на матово-смуглыхъ щечкахъ... острые локотки, полудѣтскія худенькія ручки, обвившія неумѣло его шею, капризно кривившіяся губки, которыя вотъ-вотъ заплачутъ, и удивительные глаза, — за нихъ называли ее мужчины «сухимъ шампанскимъ», — необычайные, мѣнявшіеся внезапно, какъ топазы: то вспыхивали они игристо, золотистыми искрами, то равнодушно гасли. Она сорвала персикъ... и вдругъ, поцѣловала. Первая, дѣтская, влюбленность, солнечная, въ цвѣтахъ.

И вотъ, подошла пора, и открылось въ «цвѣтахъ» — другое. Надо же стать мужчиной! Такъ говорили многіе,

не отецъ. Такъ намекали женщины, такъ манили. Это было еще въ училищѣ, въ юнкерахъ. Это пришло дурманомъ. И онъ — обоготворилъ ее, первую его женщину. Это была красотка, нѣмка. Чужая была, по языку, по крови, — совсѣмъ чужая, и что-то, напоминавшее ласку матери, было въ ней. Сантиментально-нѣжная, она гладила его свѣжія юношескія щеки, проводила рѣсницами по его губамъ, ласкала глаза рѣсницами и щеками, отстраняла отъ себя за плечи, привлекала на грудь въ порывѣ, какъ когда-то, когда-то... кто?.. И онъ ей отдалъ себя, не почувствовавъ въ томъ дурного. Онъ тосковалъ по ней, вспоминалъ, какъ прекраснѣйшее, тотъ мигъ, когда, разставаясь, поцѣловалъ ей руку, и потомъ приходилъ не разъ... и мучительно ревновалъ, — и плакалъ, — когда кто-то другой былъ съ ней. Были другія, многія... — и во всѣхъ его привлекала ласка: не страсть, а нѣжность. Это стало уже обычнымъ, какъ сонъ и отдыхъ; но всегда оставалось новымъ, волновало всегда другое — что говорило взглядомъ, безъ отгадки, что ускользало въ шопотѣ, въ движеніи, что вспоминалось будто... — и тонуло. Это онъ видѣлъ въ каждой.

Люси его покорила властно. Случилось это... Но это го, будто, не случилось: это — одно мгновенье.

Когда познакомили ихъ въ Дворянскомъ Собраніи на балу, — въ прошломъ году, на масленицѣ, — Людмила Викторовна Краколь, супруга правителя канцеляріи губернатора, высокая, тонкая блондинка, казавшаяся такой скромнющкой со стороны, вскинула, какъ въ испугѣ, темными, пышными бровями, и черно-вишневые глаза ея показались въ тѣняхъ огромными. И только. И Бураевъ почувствовалъ: вотъ, она! Онъ стоялъ передъ ней нѣмой, чего никогда съ нимъ не было, -- нѣмой и робкій. Эта робость сладко нѣмѣла въ немъ, заливая его восторгомъ. Онъ не видѣлъ ея лица, томнаго въ этотъ вечеръ, — ей нездоровилось, — слабой ея улыбки, но зналъ, какъ она прекрасна. Залъ казался ему дворцомъ, бирюзовое ея платье

-- небомъ, музыка ритурнели -- славой. Она не танцевала, и онъ остался стоять надъ ней. Разговоръ ихъ былъ пустъ, натянута: плохой резонансъ зала, ужасно много работы мужу, въ общемъ -- она довольна, немного простудилась и кашляетъ; да, одинокъ, но не замѣчаетъ за работой, на войнѣ -- некогда о смерти думать, но иногда боялся, танцуетъ мало, никогда не игралъ, но на спектакляхъ вице-губернаторши бываетъ, очень радъ и будетъ непременно, непременно! Прощаясь, они уже знали все. Вставая, она взглянула, изъ-подъ бровей. Онъ робко отвѣтилъ, сверху. И громогласный полковникъ Туркинъ, проходя въ бильярдную, нарочно толкнулъ плечомъ и особеннымъ, «комаринымъ» басомъ пропѣлъ-поскрипѣлъ надъ ухомъ, во-всеуслышанье:

«Что такъ жадно глядишь на доро-о-гу?..»

Возвращаясь домой подъ утро на тройкѣ съ бубенцами, послѣ ночныхъ блиновъ на 9-ой верстѣ у Прошки, про котораго сложенъ стихъ, что «у Прошки утонешь въ дождкѣ»... — Буреавъ былъ пьянъ, не пивъ. Онъ схватилъ своего Валясика, вытянулъ босого на снѣгъ и тыча въ небо, безъ единой звѣзды на немъ, крикнулъ восторженно:

-- Да погляди, другъ... какая ночь!

— Лучше чайку, ваше высокоблагородіе, попейте и спать полягайте... у меня ужъ и самоваръ скипѣлъ, — дружжелюбно сказалъ Валясикъ, заблудившійся «сибирякъ съ Подѣсья», оставшійся въ деньщикахъ съ войны.

Небывалымъ, жданнымъ, единственно для него рожденнымъ чудо-цвѣткомъ -- цвѣткомъ-женщиной представлялась она Буреаву въ тотъ вечеръ. Она была и звѣздой, живой, и голубоватой лиліей-женщиной, съ черно-зеркальными глазами, въ которыхъ тайна, чарующая и влекущая, до боли, — тайна, которую онъ раскроетъ, — никто другой. Ее-то онъ и искалъ, всегда. Она не его, но она должна быть его. Высшее право женщины — распоряжаться своими чувствами. Любовь — высшее чувство и высшее право женщины. Любовь — какъ смерть: ника-

кихъ отговорокъ не признаеть, никакихъ соглашеній-узъ, и никакихъ контрактовъ. Нельзя помѣщать цвѣтку...

И началось то съ Буреавымъ, что начинается съ каждымъ полюбившимъ, что описано миллионы разъ и никакъ не разгадано — до яви, что породило и будетъ вѣчно рождать поэтовъ, что сладко и страшно убиваетъ.

Началось то, что называется одержимостью любовью, когда закрываются всѣ пути, всѣ пропадаютъ мысли, и только одна дорога, по которой идетъ она, и единственное — о ней мечтанье. Началось ослѣпленіе: встрѣчи и недосказанныя слова, встрѣчи, встрѣчи... взгляды, въ которыхъ все, что словами не высказать, но что обнажаетъ душу и опалаетъ ее до трепета. Началось съ Буреавымъ то, передъ чѣмъ все блѣднѣетъ — безразлично: и жизнь, и смерть. Началось добываніе «цвѣтка».

Послѣ двухъ встрѣчъ на улицѣ, «случайныхъ», когда и она, и онъ напряженно выискивали другъ друга мыслью и всегда находили безъ ошибокъ, — вель ихъ божокъ любви, — привлекали другъ друга внѣшнимъ — кокетливою шляпкой, на которой дрожитъ эспри, сережками въ розовыхъ ушахъ, отъ которыхъ лицо игривѣй, пушистой муфтой, которая чаруетъ тайной, укрывая лицо до глазъ, высокими башмаками сърой замши, зябкимъ движеніемъ плечъ... свѣже-выбритымъ бронзовымъ лицомъ, голубымъ шелкомъ-шарфомъ, новенькими перчатками изъ бѣлой замши, тонко надѣтою фуражкой, усами въ брильянтинѣ, чуть-чуть душистыми, стройною, ловкою походкой, отчетливыми манерами, въ которыхъ ловкость и щегольство... послѣ случайныхъ встрѣчъ, когда и она, и онъ смущенно-счастливо восклицали — «вотъ, неожиданность!» — они стали встрѣчаться въ людяхъ какъ можно чаще, отгадывая сердцемъ, гдѣ можно встрѣтить: въ салонѣ у вице-губернаторши Маргариты Антоновны Пружанко, гдѣ прежде рѣдко бывалъ Буреавъ, — «ужь очень тонно!» — за всеобщей въ соборѣ, на каткѣ, уже тронутымъ весною, — и онъ, и она были страстными конько-

бѣжцами, — на лекціяхъ наѣзжавшихъ знаменитостей изъ Москвы, Петербурга и Одессы, на лекціяхъ по самымъ животрепещущимъ вопросамъ — «Смерть въ литературѣ», «Женщина, какъ социальный факторъ», «Футуризмъ, какъ явленіе», что Бураевъ называлъ недавно «ковырянемъ въ пустопорожности», — такъ удачно оказывались они почти что рядомъ. Краколь былъ задавленъ канцеляріей и терпѣть не могъ празднаго «болтайства», гдѣ не играли въ карты. Онъ былъ чрезвычайно симпатичный, спокойный, толстый, съ добрыми близорукими глазами, и отмахивался легко и нѣжно: «и поѣзжай, душечка-Люлю».

И она ѣдила.

Начиналась весна природы — весна въ крови. Неспкойныя мартовскія ночи, шорохъ тающихъ въ тишинѣ снѣговъ, вскрики пролетныхъ птицъ, проплывающихъ тѣнью въ небѣ, легкія дуновенья съ юга, оживающихъ звѣздъ мерцанье, свѣжія голубыя утра, въ хрустѣ безсонныхъ лужъ, новая жажда счастья, жадные, отъ весны, глаза, съ томною нѣгой ласки, — все сливалось для нихъ въ желанье.

Долго прощаясь на прогулкѣ, рука съ рукой, они не могли разстаться. Молодая ихъ кровь переплеснула, и Люси приближала къ нему — безумная. Такой онъ еще не зналъ — безумной, н о в о й. Было безумство счастья, чо и ей, и ему казалось, что «настоящаго» еще нѣтъ, и они истекали въ страсти, ища его. Ждать, разлучаться — мука! И они забывали все. Иногда она убѣгала на разсвѣтъ, придумывая все, что въ силахъ, — запоздавшія репетиціи спектакля, ѣздили на пожаръ въ Труханово, чуть не сломала ногу и сидѣла одна на улицѣ, запозданіе поѣздовъ въ поѣздкахъ, случайно зашла къ знакомымъ, и такъ незамѣтно засидѣлись... Вдругъ получалась телеграмма отъ племянницы Машеньки — «опасно заболѣла», и она, встревоженная до слезъ, уѣзжала въ Москву курьерскимъ, чтобы съ первой же остановки воротиться и подъ локровомъ ночи трястись на извозчикѣ по лужамъ, горя

отъ страсти. Онъ говорилъ Валясику — «а сходилъ бы ты, братецъ, въ роту...» — и зачѣмъ-то соваль полтинникъ. Валясику ухмылялся и уходилъ ночевать къ дѣвчонкамъ.

На Пасхѣ Краколь узналъ, донесли подчиненные агенты.

Зайдя на «весенній балъ» и узнавъ, что Людмила Викторовна уѣхала, протанцовавъ только на д'эспань, — «почувствовала себя ужасно дурно», — онъ поѣхалъ въ Солдатскую Слободку, съ двумя агентами. Агенты остались у калитки, а онъ позвонилъ некрѣпко, еще позвонилъ три раза, и добился. Открылъ Бураевъ, съ раскрытой грудью, высокій, сильный, и крикнулъ — «какого еще чорта..?»

— Это я... — задыхаясь, сказала Краколь, — у васъ Людмила Викторовна... мнѣ извѣстно... это подлость!. Извольте...

Бураевъ узналъ симпатичнаго Краколя, очки, кокарду. Рѣшилъ «налетомъ»:

— Под-лость? Не нахожу. Выражайтесь осторожнѣй, хоть и съ вашими сыщиками!.. — показала онъ къ забору, гдѣ прятались подъ фонаремъ фигуры. — Людмила Викторовна... да, здѣсь. И здѣсь останется. Это ея право! Поняли?..

— Позвольте... — растерянно зашепталъ Краколь, — это моя жена! и она должна... Я завтра же...

— Пришлете за ней полицію — выгоню, — твердо сказалъ Бураевъ, слѣдя за рукой Краколя. — Пришлете кого-нибудь другого, постараюсь удовлетворить.

«И хочеть, и боится», — подумалъ онъ, слѣдя за рукой Краколя, которая ерзала въ карманѣ.

— Я долженъ убѣдиться... это насиліе!.. — шопотомъ говорилъ Краколь, отодвигаясь и ерзая въ карманѣ, — я требую..!

— Насилія не вижу... шляпка ея на подзеркальничкѣ.. Н-нѣтъ, с-стойте..! — схватилъ Бураевъ Краколя за руку «пріемомъ» и сразу обезвредилъ: револьверъ стукнулъ о порожекъ. — Знаю, что вы полякъ, но это... нѣсколь-

ко преждевременно. Не шевелитесь, переломлю!.. — крикнулъ Бураевъ въ бѣшенствѣ, слѣдя за фигурами въ заборѣ, которыя только наблюдали. — Помогъ не испортить вамъ карьеры... идите — и не возвращайтесь!

Онъ столкнулъ съ порожка ошеломленного всѣмъ Краколя, взявъ его револьверъ и съ грохотомъ наложилъ запоръ.

— Что ты надѣлалъ?!.. — вскрикнула въ ужасѣ Люси, кидаясь ему на шею, когда онъ вошелъ въ освѣщенную розовой лампой комнату.

Она была въ бальномъ воздушномъ платьѣ, едва застегнутомъ. Съ револьверомъ въ рукѣ, онъ крѣпко обнялъ ее одной рукою, поцѣловалъ въ душистую ямку разстегнутаго лифа и, смѣясь на отнятый револьверъ, сказалъ:

— Завоевалъ мою трепетную... жену! — и крѣпко прижалъ къ себѣ. — Довольно, больше не будетъ лжи... къ чорту, развязалось!

И, не отпуская ее, положилъ револьверъ на полку.

— Третій, къ коллекціи... японскій, омскій, польскій! И всѣ — хотѣли. Ты... плачешь?!.. Что это значитъ, Люси?..

— Боже, что ты надѣлалъ!.. — повторяла она, въ слезахъ, оправляя свою прическу. — Ты погляди, въ чемъ я... ни бѣлья, ни платьевъ... вѣдь все же тамъ! Какъ же я теперь... все тамъ!.. Голая, въ... брилліантахъ!.. — показала она обнаженные руки, въ брилліантахъ, смѣясь и плача. — Все тамъ, все тамъ... — повторяла она растерянно.

— Все тамъ?.. — повторилъ медленно Бураевъ. — Не зналъ... не предполагалъ, что у тебя все — тамъ! Я не держу насильно... Хочешь туда... сейчасъ приведу извозчика..?

И увидавъ раскрывшіеся ея глаза, онъ упалъ передъ нею на колѣни и прижался.

— Не обижай меня, милый... Стефикъ.. — шептала она, прижимаясь къ нему колѣнями, — я не могу... такъ сразу... все порвано, нельзя показать глазъ... Ни платья... и мое ожерелье тамъ, и всѣ подарки... ничего не отдастъ! Вѣдь совсѣмъ голая я..!

Бураевъ пришелъ въ себя, и рѣшенное вдругъ, «налетомъ», показалось теперь серьезнымъ. Въ этомъ воздушномъ платьѣ безъ рукавовъ, впорхнувшая къ нему съ бала, въ пустую его квартирку — двѣ комнаты съ каморкой, гдѣ стучить сапожищами Валясикъ, Люси показалась ему — видѣнемъ. Сейчас исчезнетъ! Она.. будетъ жить здѣсь?.. она?!.. Фу, чортъ возьми!.. Казалось невозможнымъ. И, какъ это бываетъ часто, когда въ запутанномъ до трагизма вдругъ прорывается смѣшное, насмѣшливо прозвучало въ мысляхъ:

Вотъ теперь я понима-а-ю,
Что я пра-пора жена-жена-жена!..

А она стояла растерянно, оправляя измявшіяся складки, крутя браслеты.

«Голая, въ брилліантахъ...»

— Люси!..

— Мой... Стефъ!..

Все пропало въ блаженствахъ ночи.

Но понемногу наладилось.

Въ городѣ былъ скандалъ, но къ подобнымъ скандаламъ попривыкли. Дуэли, понятно, не было: Краколь дожилъ карьерой, и, будто бы, было не впервые... а Бураевъ считался первымъ стрѣлкомъ въ дивизіи. И губернаторъ былъ человѣкъ разумный. Съденкій и сухой, онъ набросился на правителя, какъ ястребъ:

— Зачѣмъ до скандала довели?! Мало вамъ «вятской исторіи»? Умѣютъ люди устраиваться, почему же..? Я-то тутъ причѣмъ, докладываете... спрашиваете совѣта! Увѣренъ, что жандармскій ужъ настроичилъ. Съ Гейнике говорить бесполезно... столбъ! Отношенія съ гарнизономъ

у насъ в-воть! — ткнулъ губернаторъ сухимъ кулачкомъ въ ладонь. — Послѣ сраженія въ лубличномъ домѣ, когда солдатня стражника убила и гнала чуть ли не полицмейстера до собора... намъ же и влетѣло отъ министра! Со штабомъ округа я не могу и не хочу возиться... и у полковника тамъ друзья, въ сферахъ, съ меня довольно. Совѣтую вамъ, милый Владиславъ Феликсовичъ, оставить все... это ваше дѣло, разводъ тамъ... и я посодѣйствую переводу... здѣсь вамъ оставаться неудобно. Я сочувствую, жалѣю прелестную Людмилу Викторовну, но... еще Шекспиръ сказалъ: «женщину можетъ понять только она сама!» Да и она сама-то, прибавлю я, себя понимать не хочетъ. Грустно, но...!

Съ командиромъ полка разговоръ былъ такой:

— А-а... а! — покачалъ сѣдой стриженной головой полковникъ Гейнике, настояще русскій, съ бородой и огненными глазами раскольника съ Заволжья, ученикъ Драгомирова и доблестный офицеръ, — въ юбкѣ запутался, молодець? Чего тамъ — вспыхивать... «это многихъ славныхъ луть!» Мало вамъ вольныхъ бабъ...? --- пустилъ Гейнике нѣкую остротцу, подражая учителю, — кажется, обезпечены.. вниманіемъ начальства! батальонъ вамъ надо?. А-а.. а! Отцу напишу, мало поролъ. А улыбаться нечего-съ, стойте смирно, когда васъ распекають, бо-е-выхъ капитановъ, пу-таниковъ! По-моему, все глупо, но... семейныя дѣла, порочащаго честь мундира не вижу. Демонстрировать «побѣду» не будешь, а тамъ хоть на головѣ съ ней ходи. Аминь. Отцу пока не пиши, не совѣтую. Александра Порфирьевна спрашивала про тебя, вечеркомъ зайди. Посовѣтуетъ въ семейномъ дѣлѣ. Парень, не обогнись! — погрозилъ полковникъ. — Кругомъ, маршъ!

— Слушаю, г. полковникъ! — вытянулся Бураевъ, дѣлая «кругомъ, маршъ».

Хотѣлось обнять «Бушуя», какъ его звали всѣ: полковникъ напоминалъ отца — простецкой душой и «буйст-

вомъ», и даже голосомъ, — они были съ отцомъ товарищи.

Постепенно наладилось, кстати и лѣто подходило. Сняли половину избы подъ лагерями, тронули «капиталь», двѣ тысячи, сбереженіе отъ войны, резервъ для ожидавшейся академіи, — о ней все подумываль Бураевъ, давно работаль. Можно было продать и брилліанты, надѣтые на «весенній балъ», но до этого доходить не надо: съ ними связано слишкомъ много. Люси такъ чудесно говорила. «взяль меня голенькую совсѣмъ, но въ брилліантахъ». Онъ хваталь ее на колѣни, вливался въ ея глаза, что-то свое хранящіе, всматривался въ мохнатки-брови, бархатныя-атласныя, въ эту «прикрышку тайны», сладко его дразнившую, полонившую такъ отмиѣтку красавицы-блондинки, и, сжимая сильнѣй, до писка, шепталъ-ласкался:

— Кто тебя выдумаль?.. Откуда, Люси... такая?! Голенькій брилліантикъ мой...

Млѣя подъ его ласками, она всматривалась въ него туманно-томно, и въ ея черныхъ «вишняхъ» вспыхивали гранатцемъ искры. Онъ разстегиваль осторожно ея лифчикъ, и она приникала скромно. Онъ приходиль въ восторгъ, становился передъ нею на колѣни и говорилъ моляще:

— О, святая моя, Люси моя... чистая моя! Увидишь, я стану тебя достоинъ, ты увидишь...

Она запускала тонкіе, въ кольцахъ, пальцы въ его густые черные волосы, сжимала до боли крѣпко, вдыхала ихъ.

— Ты на римлянина похожъ, мой Стефъ... какъ молодой патрицій! И подбородокъ такой, упрямый... — она цѣловала-кусала подбородокъ, — и носъ съ горбинкой, такой гордышка, только глаза -- сапфиры! Такіе бы миѣ глаза... покорила бы цѣлый свѣтъ!..

— Мало тебѣ, что покорила всего меня... зачѣмъ?

— Зачѣмъ... — мечтательно спрашивала она таившееся въ ней что-то, прелестно-женственное, — казалось

ему всегда, что хотѣлось ему открыть, что было въ красоткѣ нѣмкѣ, впервые познанной женщиной, что таилось во всѣхъ другихъ, что почувствовалъ онъ въ цвѣтахъ когда-то, въ сладкихъ ласканьяхъ мамы. У Каролины, нѣмки, было въ косящемъ взглядѣ, чуть-чуть смѣшливомъ; у бѣлошвейки Любы — въ блуждающей улыбкѣ, грустной. . во всемъ — у мамы; въ странныхъ бровяхъ-мохнаткахъ, въ этихъ полоскахъ мѣха, дразнящихъ чѣмъ-то, — его Люси.

— Зачѣмъ..? — повторяла она загадочно, и тонкая, бѣглая улыбка, открывавшая синеватые зубы — жемчугъ, проникала въ него тревогой. — Царить надъ всѣми... все имѣть, все... полная-полная свобода, куда захочешь... Завела бы автомобиль, поѣхала бы въ Италию зимой, въ трескучіе морозы... ахъ, да развѣ можно все высказать!..

Это его смущало. На его жалованье можно только имѣть вотъ это — половину избы, ситцевые капотники, бязистовую рубашку съ кружевцами, башмаки отъ «сапожника зъ Воршавы», Ваясика-кухарку, «киношку» за полтинникъ, гдѣ предлагаются всѣ соблазны, какъ раздражающая любовь... во снѣ. Но — потерпѣть немного, академія дастъ движеніе, получишь полкъ... и Люси, чудная, въ коляскѣ, тысячи глазъ на ней... проѣхать въ Петровскомъ Паркѣ... чудесная квартира, пройтись по фойѣ въ Большомъ Императорскомъ Театрѣ, какъ Клэ недавно... — вспомнилъ онъ встрѣчу съ Клэ, — черезъ десять, напрямѣръ, лѣтъ, возможно. Люси двадцать четыре года, со всѣмъ будетъ молодая командирша, царица-командирша!..

— Ахъ, Люси... все для тебя, все дамъ! — восторженно говорилъ Бураевъ. — Переждать немножко, академію кончу... клянусь тебѣ, положеніе завуюю... плановъ у меня много, вотъ увидишь. По характеру я не карьеристъ, но работу люблю... и безумно люблю тебя! О, для тебя, Люси... На двухъ языкахъ я говорю свободно, это я самъ добился. Можно получить командировку за границу, попасть

и военнымъ представителемъ... Да, Люси... я еще не сказалъ тебѣ: все можетъ измѣниться. Отецъ хлопочетъ получить огромное наслѣдство... оно сейчасъ у казны въ опекѣ, большія имѣнія въ Полтавской, предковъ по матери, запорожскаго рода Бичъ. Какія-то есть возможности, хлопочуть въ Петербургѣ, въ герольдіи, ищутъ какія-то грамоты... Мы получимъ тогда къ нашей фамиліи «приставку» — Бичъ, съ соизволенія Государя, и чуть ли не герцогство, по размѣрамъ!

Бураевъ мало объ этомъ думалъ, но теперъ сталъ мечтать и вѣрить.

— И гербъ, конечно?

— Гербъ у насъ есть, старинный, — башня, увѣнчанная короной, и надъ ней крестъ съ мечами. А у Бичей, говорилъ отецъ, — синяя полоса по зеленому полю, а надъ ней красные челны съ серебряными парусами, а выше — звѣзды. Это — старое наше Запорожье, Днѣпръ. Ахъ, Люси... голенькій бриллиантикъ мой!..

— Если бы... — мечтала Люси, ласкаясь. — Но какой же ты нѣжный, Стефъ... вотъ никогда не думала!..

— Что ты не думала?

— Не думала никогда, что военные, такъ нѣжно... Они такіе... казались всегда малоразвитыми, кого встрѣчала... всегда съ солдатней, муштровка, ругань... и всѣ у насъ такъ относятся, въ нашемъ кругу... Папа былъ профессоромъ, ты знаешь... я выросла въ очень интеллигентномъ кругу, и у насъ всегда какъ-то пренебрежительно отзывались о военныхъ. Мама Герцену какъ-то доводилась, ужъ не помню. А Михайловскій даже за ней ухаживалъ, но онъ, кажется, за многими ухаживалъ, такой «любяка». И вотъ, вдругъ ты... вотъ никогда не думала!.. — говорила она наивно-мило. — Изъ гвардіи встрѣчались, но тѣ изъ высшей аристократіи...

Бураева кольнуло.

— А меня за кого считаешь?

— Какъ ты смѣешь такъ говорить! — хлопнула она по его губамъ ладошкой. — Я же знаю...

— Твои «интеллигенты» слишкомъ... узки и близоручки! — съ раздраженіемъ сказалъ онъ. — Я прекрасно знаю, какъ смотрять на насъ твои «интеллигенты»! И умнѣйшіе изъ нихъ даже, вонъ Короленко даже. Былито много грязи на насъ, на армію! Пусть Короленко на своихъ внимательнѣй посмотритъ, какіе фрукты встрѣчаются. Эти «фрукты» вездѣ встрѣчаются, въ каждомъ классѣ... Съ 905-го насъ особенно поливаютъ грязью, за то, что... спасли Россію отъ ихъ экспериментовъ! Да, мы. Я былъ въ Сибири, былъ потомъ и въ Прибалтикѣ, съ Меллеръ-Закомельскимъ, видалъ и усмирялъ. Вонъ у меня, омскій «трофей» виситъ, и и ми рука прострѣлена... Не хотятъ понять твои интеллигенты, что мы — тѣ же русскіе люди, только особой складки, да, особой! Я говорю не объ «отбывающихъ»... этихъ господъ универсантовъ повидалъ, какъ они «отбываютъ»... и въ прапорщики готовилъ. Воображаютъ, что это — принудительная и глупая игра, и надо скорѣй «отбыть»... Забываютъ, что мы для страшнаго дня, для отдачи себя за... все! Ты сильно ошибаешься, Люси... У насъ много идеалистовъ, романтиковъ... удивительные есть люди, какихъ не найдешь среди и твоихъ «интеллигентовъ». Молодые особенно. Да, наша жизнь груба... и тѣмъ удивительнѣе, что есть, и много. Все наше, военщина-то, какъ зовутъ насъ презрительно, — мѣднолобыми насъ зовутъ, «скатозубами», «пришибевыми» разными.. — это же внѣ жизни! Жизнь — норма, а мы — внѣ нормы, около жизни гдѣ-то... около смерти мы. Но смерть мы предполагаемъ, какъ нѣчто... даже прекрасное. Ну, сквозь поэтическую дымку, сквозь особенную поэзію, какъ у Пушкина — «Есть упоеніе въ бою, и бездны мрачной на краю»... Мы — особенные профессионалы, внѣжизненные, гладиаторы рокового срока. Мы — всегда готовы, и самыя благородныя традиціи, свято хранимыя традиціи — наши, военныя. Телерь многимъ они смѣш-

ны, потому что война уже не укладывается въ текущія нормы жизни. Но все, что осталось въ челоуѣствѣ рыцарственнаго, — великодушіе, самопожертвованіе, преклоненіе передъ цвѣткомъ міра — передъ прекрасной женщиной... о, Люси моя, женщина... голенькій брилліантъ мой!.. — передъ геройствомъ отдачи себя за родину, которая обнимаетъ все, даже твоихъ «интеллигентовъ», эта готовность къ смерти, уваженіе къ благородному врагу... эта воля, которая — вотъ, вотъ здѣсь, — жаль онъ кулакъ, — когда ты идешь на смерть и говоришь себѣ — ты долженъ! — это мы. Вотъ почему, мы, «мѣднолобые» и «скалозубы», такъ дорожимъ честью. Къ смерти всегда готовъ — будь чистъ. На Судъ, вѣдь, идешь. Съ нами всегда ножи — сразу все отмахнуть, чѣмъ связанъ съ жизнью, самое дорогое даже. Потому-то мы и грубоваты на первый взглядъ, спартаицы. И потому, можетъ быть, часто очень наивны и непосредственны. Вотъ поручикъ Шелеметовъ мой, или нашъ милый чудакъ капитанъ Зальцо, большой философъ, да много... оригиналы, и всѣ — сами. Всѣ какіе-то сами! Въ обществѣ, у «шпаковъ», какъ у насъ говорятъ, большинство — самые обыкновенные, всѣ другъ дружку напоминаютъ... исключая, понятно, большіе таланты... А у насъ — удивительнѣйшій подборъ! Много, въ душѣ, поэтовъ, мечтателей. Карьеристы — и тѣ съ «гвоздикомъ» въ головѣ. Такіе подбираются. А знаменитости... Толстой — нашъ, отъ насъ. Державинъ, Лермонтовъ, Гаршинъ — солдаты, Римскій-Корсаковъ... Пушкинъ — нашъ весь, въ пѣсняхъ своихъ, всей душой своей! Наше дѣло — самое страшное изъ искусствъ. Игра со смертью... только не на стихкахъ, не въ кабинетѣ, а въ чистомъ полѣ! Перекрестясь, за великое, что внѣ насъ и — въ насъ! Революціонеровъ понимаютъ, чтутъ, героями считаютъ, а мы — солдатчина, «мѣднолобые»!.. Мы — профессионалы самоотверженія и долга, и будущее за насъ! А не за насъ — никакого будущаго не будетъ, а такъ, болото!..

Она смотрѣла, какъ играли его «сапфиры», въ которыхъ свѣтилась грусть, и, нѣжно приблизивъ губы, тихо поцѣловала въ лобъ.

— А вѣрно тебя прозвали — «синеокой миѡ». Ты какой-то особенный, Стефъ. Въ глазахъ у тебя и мечта, и грусть... о чемъ? Почему — «миѡ»?..

— Ну, какой тамъ... А какъ ты изъ профессорскаго-то круга — и за Краколя?

— Ничего страннаго. Ходилъ къ намъ еще студентомъ, любимый ученикъ папы. Когда папа умеръ, остались безъ средствъ, семья... онъ и подвернулся, со средствами, впереди карьера. Ему тридцать семь лѣтъ, черезъ годъ — вице. Будущій губернаторъ...

— Плохой будетъ губернаторъ. Не жалѣешь, что губернаторствовать не будешь?

— Развѣ это ужъ такъ высоко!..

— Ого... «не хочу быть столбовой дворянкой...»?

— ...а хочу быть... пол-ко-вою командиршей! — пропѣла Люси съ усмѣшкой.

— Можетъ и кор-ну-сихой будешь! - отвѣтилъ онъ тоже насмѣшливо.

Но эти зацѣпки не мѣшали.

Какъ-то пришла открытка изъ Монако, отъ племянницы Машеньки, съ пальмами и дворцомъ надъ моремъ. Машенька писала, что уѣзжаетъ въ Альпы, въ сентябрѣ будетъ въ Біаррицъ, а къ ноябрю въ Москвѣ, и ждстъ ее непременно съ ея «синеокиимъ миѡмъ». «Вчера были съ Р. — неожиданно встрѣтились съ нимъ въ Ниццѣ! — въ рулеткѣ, и въ какихъ-нибудь пять минутъ выиграла 8 тыс. фр., посылаю тебѣ тысяченку на булавки».

Открытка всполошила. Люси ходила по садику, гдѣ бо-сой и распоясанный Валясикъ невесело поливалъ цвѣточки, и взволнованно думала, какая счастлиуха Машка, катается, гдѣ хочетъ. «А у меня одинъ и одинъ «пейзажъ», на этого дурака смотрѣть, съ «циточками». Кто же это

Р.? Ромбъ, банкирецъ... или тотъ знаменитый Ростовскій, который ко мнѣ «неравнодушенъ», какъ она болтала? Интересно...»

— Пойти самоваръ согрѣть! — сказалъ цвѣточкамъ Валясику, — баринъ сейчасъ придуть.

Бураевъ пришелъ со стрѣльбища, потный, пыльный, схватилъ кувшинъ съ молокомъ и принялся жадно пить.

— Семьдесятъ шесть, братъ, процентовъ попаданій, стрѣляли ротой! — сообщилъ онъ Валясику. — Барыня гдѣ?

— Въ зыбкѣ себѣ качаются, за избой, ваше высокоблагородіе. Подать помыться?

Бураевъ нашелъ Люси въ сосенкахъ, въ гамакѣ: смогрѣла въ небо. На батистовой ея блузкѣ лежала пестренькая открытка изъ Монако.

— Семьдесятъ семь процентовъ... — началъ онъ говорить и замѣтилъ на ея рѣсницахъ слезы. — Что съ тобой... плакала?

— Машка меня разстроила... А сколько это, тысяча франковъ?

— Можно? — взялъ Бураевъ открытку и прочиталъ. — Мм... тысяча франковъ? Четыреста безъ чего-то... Какіе пустяки могутъ тебя разстраивать! Придетъ время, и мы прокатимся. Понимаешь, какой успѣхъ... стрѣляла моя рота, 77 процентовъ почти, попаданій! Важно для аттестаціи...

Она лежала, закрывъ глаза.

Вернулись изъ лагерей въ милый особнячокъ въ саду, въ тихомъ зеленомъ переулкѣ, у церковки, съ чудеснѣйшимъ видомъ на Зарѣчье. Жизнь показалась интереснѣй. Устроили «салончикъ», купили трюмо по случаю, и 16 сентября отпраздновали именины съ новосельемъ, въ тѣсномъ кругу друзей. Не было дамъ, зато неожиданно приѣхалъ самъ командиръ полка — на кулебяку и рюмку водки, во всемъ парадѣ и съ бѣлымъ крестикомъ. Люси была тронута вниманьемъ, была прекрасна въ голубомъ шелковомъ капотѣ-платьѣ, присланномъ изъ Парижа Ма-

шенькой, и рѣшительно всѣхъ плѣнила. Вечеромъ съ почты принесли корзинку, и въ ней оказался роскошный букетъ — изъ Біаррица! — съ визитной карточкой, на которой было начертано собственноручно: «съ почтительнымъ поклономъ», А. Rostkovsky. Люси спрятала карточку, пріятно смущенная такимъ неожиданнымъ вниманіемъ.

Мужъ не давалъ развода. Онъ перевелся, кажется, въ Смоленскъ, и были слухи, что къ Рождеству обѣщаютъ ему губернію, что открылись такія связи, какихъ и во снѣ не снилось: годика черезъ два — повѣрить трудно, но говорятъ, — и директора департамента получить! Сообщала изъ Петербурга двоюродная тетка, вдова сенатора, и заканчивала письмо совѣтомъ: «Онъ тебя обожаетъ по-прежнему, совѣтую написать ему и рѣшить окончательно, чтобы покончить съ этимъ двусмысленнымъ положеніемъ: вернуться къ нему. Развода онъ самъ начинать не хочетъ, придется начать тебѣ».

— И начнемъ! — сказалъ Бураевъ рѣшительно: надоѣла ему неопредѣленность, оскорбляли условности.

Изолированность Люси отъ общества, колкіе иногда намеки знакомыхъ дамъ, брошенные съ улыбкой, двойственность его жизни, — все это раздражало, вносило въ ихъ отношенія раздоры и непріятную неустойчивость, облекало ихъ связь порочностью. Приходилось скрывать, какъ грѣхъ, счастье семейной жизни: ни то, ни се. Потому-то и нервничаетъ Люси... вполюѣ естественно. И Бураевъ рѣшилъ начать. Побывалъ и у адвоката, и въ консисторіи. Адвокатъ ручался, самое позднее, сдѣлать въ годъ, что потребуеть тысячь пять. Секретарь консисторіи, старый боберъ въ очкахъ, намекнулъ на большія осложненія, на возможные уклоненія и контраверзы со стороны Краколя, одного изъ каверзніѣйшихъ людей на свѣтѣ, — «ужь мнѣ-то да не знать, помилуйте-сь!» — и высчитывалъ «на духовную расчистку только» тысяченько за пять. Предлагался и легкій выходъ, тысячи въ три, не больше, безъ всякаго развода, «обвѣнчаемъ за полчаса-сь», —

только нельзя оставаться въ городѣ, и возможенъ всегда скандалъ. Не говоря уже о скандалѣ, Бураевъ не могъ рѣшиться оставить полкъ.

— Ужасно, когда нѣтъ денегъ! — вырвалось у Люси укоромъ. — Какія-то пять тысячъ... — и свобода!

Бураевъ винилъ себя: имѣть такую жену-красавицу, общать ей всего себя, ... и какія-то тамъ пять тысячъ, которыхъ нѣтъ!..

Какъ-то Люси сказала:

— Я знаю, что Машенька поможетъ, и никакихъ почти денегъ не потребуется. А вотъ. Знаменитый Ростовскій пріятель ея мужа. У него огромныя связи въ Петербургѣ, онъ разводилъ Истоминыхъ. Ты, конечно, не знаешь, а дѣло было ужасно скандальное, даже до Государя доходили. И развелъ что-то въ три мѣсяца.

— Твой Ростовскій хапунъ извѣстный.

Люси загадочно улыбнулась.

— Онъ сдѣлаетъ это даромъ, для... Машеньки

— Тьфу! — не сдержался Бураевъ, плюнулъ. — Сколько же всякихъ гадовъ, грязи!.. Вотъ никогда-то не думалъ, что...

— Если неприятно, я не настаиваю. Будемъ терпѣть... — сказала Люси особымъ тономъ, который взрывалъ Бураева.

— Да, да, да!.. — крикнулъ, взрываясь, онъ, — мы проклинаемъ тотъ часъ, когда... Я понимаю! я все понимаю!.. Есть женщины, для которыхъ любовь — только никантная приправа къ...

— Къ че-му?..

— Къ золотому...! — вырвалось у него такое, что онъ убѣжалъ изъ дома и не встрѣчался съ Люси дня два.

То, что вырвалось у него, была такая «солдатчина», такая грубость... Онъ горѣлъ отъ стыда даже передъ самимъ собой: «что она теперь думаетъ обо мнѣ?!

Но она тонко «не поняла». Она сама подошла къ нему, сбняла его голову, нѣжно поцѣловала и шепнула:

— Не сердись, Стефъ. Повѣрь, я не поняла даже, что ты сказала... Но за что ты меня обидѣлъ?..

Онъ упалъ передъ нею на колѣни и зарыдалъ, чего ужъ она никакъ не ожидала, отъ солдата.

— Я обидѣлъ тебя, Люси моя... я оскорбилъ тебя! Если бы знала ты, какъ я страдаю..!

И онъ бѣшено сталъ цѣловать ей ноги.

Объ адвокатѣ Ростковскомъ Люси сказала увѣренно: она знала, что для нея онъ сдѣлаетъ.

Одинъ только разъ видала она его въ Москвѣ, до знакомства съ Бураевымъ, у Машеньки. Онъ не отходилъ отъ нея весь вечеръ, сыпалъ остротами, былъ въ ударѣ, и она знала, что это она зажигаетъ его огнемъ. Онъ проводилъ ее на вокзалъ, поцѣловалъ какъ-то по особенному руку, вскорѣ ей написалъ, «по совѣту Машеньки», о незабываемомъ впечатлѣннн, какое произвела на него «тетушка», и въ заключеніе дерзко себѣ позволилъ «питать надежду, что потрясающая встрѣча повторится». Она — въ эти дни встрѣтился съ ней Бураевъ, — не обратила никакъ вниманія. Но недавно опять случилось, и это ее затронуло: на оборотѣ визитной карточки при букетѣ, стояло тонко карандашомъ, «секретно», — опредѣлила Люси: «увидать Васъ — счастье». Эти вороватые буквы, на оборотѣ карточки, на краю, показались Люси смѣшными и... робкими, и она стала объ этомъ думать. Она иногда мечтала... И казалось вполне возможнымъ, что знаменитый, — и интересный, — случайный ея поклонникъ, за которымъ установилось прозвище — «неотражаемый», рѣчи котораго печатались въ газетахъ, который бралъ головокругительные гонорары и расшвыривалъ деньги не считая, устроить разводъ недорого и скоро. Мечталось и другое. Какъ-то она спросила:

— Стефъ, ты могъ бы перевестись въ Москву?

— Зачѣмъ!..

— Тамъ насъ никто не знаетъ... и новый кругъ. И для тебя, по службѣ... все-таки виднѣй!..

— Это трудно. И съ полкомъ разставаться, тяжело. Ты не можешь понять, что для офицера его часть, въ которую онъ впервые вступилъ. Разстаться съ ротой — для меня нелегко. И потомъ, надо имѣть и связи, и... мотивы. И для чего, собственно?..

— А для меня?..

— Если ужъ такъ необходимо.. для тебя я, конечно, могу сдѣлать, но... Не успѣлъ теперь, а въ будущемъ сентябрѣ поѣду держать въ академію, надѣюсь попасть. Тогда переѣдемъ въ Петербургъ. Зачѣмъ же изъ-за какого-то года...

— Да, конечно...

Въ октябрѣ судили Малечкину по обвиненію въ отравленіи мужа, бухгалтера казначейства. Этого процесса давно ждали, изъ-за пикантныхъ подробностей. Писали о немъ и московскія газеты. Долженъ былъ защищать мѣстный присяжный повѣренный Андреевъ, но совсѣмъ наканунѣ суда изъ московскихъ газетъ узнали, что главную защиту Малечкиной взялъ на себя присяжный повѣренный А. Н. Ростковскій при участіи Андреева, изъ мѣстныхъ. Первой узнала объ этомъ Люси, отъ Машеньки. Машенька сообщала, что — «вдругъ совершенно неожиданно объявилъ, что это захватывающій процессъ, что здѣсь дѣло идетъ о женской душѣ, о самомъ интимномъ въ жизни, что, помимо сложнаго психологическаго элемента въ этомъ дѣлѣ, у него есть «личныя побужденія к о г о - т о видѣть...» Ты, Люсикъ, понимаешь? Просилъ меня непременно дать порученіе къ тебѣ. Ну, что я съ такимъ сумасшедшимъ сдѣлаю! Онъ, буквально, выкралъ на дняхъ твой портретъ изъ альбома и сталъ бѣшено цѣловать, при мнѣ! Какими-то спазмами у него.. Когда мы встрѣтили его въ Монако, онъ засыпалъ меня разспросами о тебѣ, и это каждый день. Ты увидишь, онъ похудѣлъ и сталъ еще интереснѣй. Съ балериной своей развѣхался... Я прямо ему сказала, что ты безумно любишь твоего вояку, онъ загрустилъ, взъерошилъ волосы и сказалъ

только — «ну, что жъ... но благоговѣть-то мнѣ не можетъ помѣшать ничто на свѣтѣ!» Онъ, прямо, одержимый. Смотри, Люсюкъ!»

Процессъ тянулся два дня, и вся городская знать терпѣливо высидивала въ залѣ. Для Люси достали почетный билетъ, даже прислали на квартиру въ пакетѣ за печатью, и она поняла, что это, конечно, онъ. Въ сѣренькомъ скромномъ платьѣ, — тоже подарокъ Машеньки, — она сидѣла въ первомъ ряду налѣво, близъ попитра защитниковъ. Всѣхъ поразило и заинтриговало, когда появившійся въ залѣ за попитромъ знаменитый Ростковскій, блистая крахмальной грудью и отмѣннымъ фраккомъ, высокій, въ пенснэ, съ небрежно взбитымъ хохломъ съ намекающей просѣдью, зорко окинулъ публику, вскинулъ красиво голову, быстро пошелъ къ Люси и почтительно поздоровался, поцѣловавъ ей руку. И отошелъ сейчасъ жэ. Это ее очень взволновало, и она долго старалась заставить себя понять, что происходитъ въ залѣ. Ростковскій держался съ большимъ достоинствомъ, и строгій предсѣдатель какъ-то особенно учтиво обращался къ нему: «господинъ защитникъ..?» Все, что спрашивалъ г. защитникъ, казалось Люси и нужнымъ, и очень умнымъ. Даже въ наклонѣ головы и въ тонкой, блѣдной рукѣ защитника, игравшей золотымъ карандашикомъ, чувствовались и умъ, и воля. «Неужели не побѣдить?» — спрашивала себя Люси, разглядывая строгія лица засѣдателей, которымъ разъясняли: что Малечкина — страшное чудовище, развратная изъ развратныхъ, медленно отравлявшая честнѣйшаго и скромнѣйшаго человѣка, мужа, и отца четверыхъ дѣтей, достойнѣйшаго бухгалтера и примѣрнѣйшаго чиновника-служаку; и что, съ другой стороны, несчастная женщина Малечкина — невиннѣйшая жертва, примѣрная мать, любящая и покорная жена, жаждавшая единственно одного, присущаго каждой достойной женщинѣ... вниманія, пониманія, признанія... со стороны мужчины; что несчастнѣйшая Малечкина, когда-то первая изъ краса-

вицъ города, не смѣла купить дѣтямъ даже несчастной карамельки, какъ самая послѣдняя изъ рабынь; что отравлявшійся спиртомъ алкоголикъ и губернской секретарь Малечкинъ билъ ее сапогомъ по темени и по чреву, носившему его четверыхъ дѣтей, въ результатѣ чего она принесла убійцѣ-мужу нятаго ребенка — мертваго!

Люси ожидала послѣ перваго дня суда, что Ростовскій явится къ нимъ съ визитомъ и съ порученіемъ, и даже пріодѣлась, но онъ не появился. На другой день онъ опять подошелъ къ ней здороваться и сказала озабоченно, что, если процессъ закончится не слишкомъ поздно, онъ позволить себѣ на минутку заѣхать — передать порученіе отъ Маріи Евгеньевны, и уѣдетъ въ Москву курьерскимъ, такъ какъ завтра въ Палатѣ отвѣтственное дѣло. И Люси безпокоилась, какъ бы процессъ не затянулся. Къ счастью, процессъ не затянулся. Прокуроръ говорилъ недолго, напоминая факты, и заклиналъ присяжныхъ «возмѣрить мѣрою» во имя тѣни несчастнаго, которую не постѣснились пятнать и здѣсь. Потомъ говорилъ Андреевъ, соотвѣтственно подбирая факты, и предоставилъ глубокочтимому своему собрату «вскрыть и показать ошутимо приглядѣвшимся ко всему глазамъ тончайшую ткань женской душевной жизни, такъ жестоко изломанной!» И Люси даже задохнулась, когда знаменитый защитникъ какъ-то грустно поднялся, опустивъ голову, медленно провелъ въ воздухѣ карандашикомъ, словно хотѣлъ начертать — ? — и измученнымъ голосомъ, въ которомъ услышали страданье, какъ бы спрашивая себя, сказала: «Да гдѣ же правда?.. Г. г. присяжные засѣдатели...»

И чѣмъ дальше онъ говорилъ, сильнѣй становился его гонимъ, сочнѣ звучалъ по залу. И когда говорилъ о женщинѣ и ея душѣ, и когда говорилъ о ея любви, и о любви къ ней, о таинственнѣйшемъ цвѣткѣ, который рождается, чтобы видѣть солнце, но часто топчется сапогомъ, такъ и не распустившись, и тутъ же привелъ строфу изъ любви-

мага современнаго поэта, — поглядѣлъ въ сторону Люси, слѣдившей за нимъ въ восторгѣ. Говорилъ о несбывшемся, о загубленной жизни женской, о дѣтяхъ, лишенныхъ матери... — въ это время въ залѣ неожиданно прозвенѣлъ призывающій дѣтскій голосокъ — «ма-ма!» — всѣ вздрогнули, предсѣдатель воскликнулъ — «кто могъ допустить ребенка?!» — а г-жа Малечкина, въ гороховомъ халатѣ и бѣленькомъ платочкѣ, истерически вскрикнула, — говорилъ уже грознымъ голосомъ о страшной и священной отвѣтственности нашей передъ ни въ чемъ повинными дѣтьми, раздирающій крикъ которыхъ — «ма-ма!» — этотъ вѣчный, призывный крикъ, — вотъ она, самая святая правда! «Дѣтямъ отдайте мать! не казните дѣтей неправдой!..» — кончилъ знаменитый защитникъ съ рыданьемъ въ крикѣ.

Говорили потомъ не разъ, что была это лучшая рѣчь Ростковскаго, за которую онъ не взялъ ни гроша.

Оправдательный приговоръ встрѣченъ былъ бурей аплодисментовъ и вскриками нервныхъ дамъ. Предсѣдатель сдѣлалъ предупредженіе и когда объявилъ, что г-жа Малечкина свободна, а стража должна уйти, буря аплодисментовъ повторилась, и Люси, сквозь слезы, увидала передъ собой снѣжную грудь Ростковскаго, который сказалъ учтиво, что «съ вашего позволенія заѣду перелать порученіе». Онъ поклонился низко и тутъ же затерялся въ обступившей его толпѣ шумливыхъ барынь и барышень, что-то ему жужжавшихъ. Потомъ Люси увидала на подѣздѣ, какъ группа гимназистокъ кидала въ защитника ивѣтами, а семинаристы и гимназисты на возрастѣ стояли съ букетомъ розъ и спрашивали курьера, черезъ какія двери выйдетъ г-жа Малечкина.

Дома Люси пересодѣлась въ скромное голубое платье, которое къ ней такъ шло, и приказала Валясику приготовить къ чаю. Бураевъ былъ на дежурствѣ, — пожалуй это лучше, — думала Люси, волнуясь. «Почему такъ волнуясь, странно», — спрашивала она, слѣдя за собой въ

трюмо, — «странно, будто робѣю даже...» И она, дѣйстви- тельно, робѣла, даже сводило пальцы. Подходила къ ок- ну и слушала. «Знаеть ли адресь... насъ нелегко найти...» вслушивалась она сквозь дождь. — «Глупое положеніе, волнуясь... что онъ подумаетъ...» Она подошла къ трюмо, выправила мохнатки-брови и сдѣлала томное лицо. «Блѣд- на ужасно», — подумала она съ гримаской и услышала, какъ стукнула калитка.

— Кто-то къ намъ, Валясикъ... отоприте!.. — крикну- ла она словно не своимъ голосомъ, и увидала въ трюмо блестящіе черные глаза и чуть розовѣющія щеки.

Но вышло совсѣмъ пестрашно.

Аполлинарій Николаевичъ, какъ старый знакомый, лег- ко и просто поцѣловаль руку Людмилы Викторовны, ви- разивъ тутъ же сожалѣніе, что долженъ сейчасъ бѣжать; извинился, что, по дурацкой разсѣянности, не догадался еще вчера послать гостинцы, порученные ему Марьей Ев- геньевной, — «простите великодушно, за этими дѣлами поѣсть забываю даже!» — отшутился на похвалу его «вдохновенной рѣчи», — «не балуйте меня, я знаю, что былъ до скандала слабъ!»

— Говориль... а думаль о чемъ-то, совсѣмъ другомъ! — выразительно сказалъ онъ и смущенно отвелъ глаза.

Передалъ непремѣнное желаніе Марьи Евгеньевны ви- дѣть милую тетюшку, — «уди-вительно къ вамъ идетъ!» — восторженно засмѣялся онъ, — и на этихъ же дняхъ, вмѣстѣ со... «Степаномъ Александровичемъ, если не ошчи- баюсь?» — положилъ въ разсѣянности крупную свою ру- ку на хрупкую ручку Людмилы Викторовны, лежавшую на локотничкѣ диванчика, и извинился; стремительно под- нялся, когда Валясикъ, стуча сапогами, вносилъ въ са- лончикъ поднось со стаканомъ чая, и, взглянувъ на ча- сы, пришелъ въ непомѣрный ужасъ, что черезъ двадцать минутъ курьерскій, а надо еще въ два мѣста... ловко на- кинулъ какое-то необыкновенно оригинальное пальто съ капюшономъ и лапками, неуклюже поданное Валясикомъ

низомъ кверху, и, мотая широкой шляпой, откланялся, не поцѣловавъ даже на прощанье ручку. Вспомнилъ въ дверяхъ — «простите, письмо отъ Марьи Евгеньевны!» — и вручилъ синеватый пакетъ съ коронкой. Люси слышала, какъ онъ побѣжалъ къ калиткѣ, а Валясикъ вдогонку крикнулъ: «покорнѣйше благодаримъ, господинъ!»

Люси была разочарована визитомъ, такимъ стремительнымъ и безразличнымъ. Ей стало стыдно, что она вообразила что-то, за глупую свою робость—какъ дѣвчонка! Стараясь подавить «обиду», она призналась передъ собой, что Ростовскій загадоченъ и интересенъ, вспомнила его глаза, грустныя нотки въ голосѣ, «думалъ о чемъ-то совсѣмъ другомъ»... «Личныя побужденія кого-то видѣть!» — писала Машенька. Приѣхать сюда нарочно, ночевать въ грязныхъ номерахъ, потерять столько времени... «но благоговѣть-то, я думаю, мнѣ не помѣшаетъ ничто на свѣтѣ», — цѣловать фотографію... — и такой удивительный визитъ, меньше пяти минут!..

— Чего тебѣ? — спросила она топтавшася въ дверяхъ Валясика.

— Да что, барыня... — осклабился, крутя головой, деньщикъ, — какъ бы чего не вышло?.. Четвертной билетъ далъ, тотъ баринъ... прошибся, можетъ?.. Какъ бы чего не вышло... можетъ, догнать лучше?..

Люси замахала весело:

— Ничего, онъ богатый и... очень добрый. Это тебѣ на-чай.

— Да ужъ больно чудно... чисто папирску телл!

Въ письмѣ отъ Машеньки было семьсотъ рублей — «на бѣличью шубейку, твою мечту, будешь совсѣмъ какъ бѣлочка!» «Р. совсѣмъ потерялъ голову, увидишь». Люси тутъ же разорвала письмо. Потерялъ голову! И увидала золотой мундштучокъ на столикѣ. Ей стало скучно. Мундштучокъ она спрятала и до глубокой ночи думала объ одномъ — о немъ.

На другой день, когда Бураевъ пришелъ съ дежурства, она встрѣтила его радостно — «ура! Машура... семьсотъ на шубку... сколько конфетъ, гляди!» Конфеты были любимыя — пьяныя вишни, отъ Альберта.

— Посидѣлъ пять минутъ, какой-то странный, даже отъ чаю отказался. Валясику далъ четвертной на-чай! Слышалъ... оправдали Малечкину!

— Помогаютъ разврату болтуны... проституткѣ букетъ подносятъ! Чортовски угорѣлъ... Да... долго ты будешь жить подачками? Миѣ это непріятно.

— Это не подачки, а отдачки. Когда я была богата, я много ей дарила. Теперь она богачка, и...

— Содержанка.

— Такая же, какъ и я! Ушла отъ мужа и... пришла къ другому.

Бураевъ пристально посмотрѣлъ — и вышелъ. А черезъ три недѣли, когда навалило снѣгу, предстала Люси, въ шубейкѣ. Она опустилась передъ нимъ сѣренькой бѣлочкой, розовой, кроткой и пушистой, заглянула въ глаза пыливо и, положивъ на колѣни бѣлокурую милую головку, попросила: «поѣдемъ за городъ, въ монастырь!» Онъ страстно схватилъ ее, долго носилъ по комнатамъ, цѣлуя и лаская, и они покатали съ бубенцами, пили чай въ номерѣ съ лежанкой, съ архимандритами на стѣнахъ и бѣлыми полами, и безпредѣльно-грѣшной была ихъ любовь въ обители. А возвращались подъ звѣздами, въ морозцѣ. Пѣли звучно колокольца-бубенчики, а въ широкихъ саняхъ, на сѣнѣ, кутая его бѣлочкой, спрашивала Люси шептаньемъ:

— Мой?..

— Твой, весь твой, бѣлочка моя... а ты?..

— О, Стефъ..!

Старый полковникъ выслалъ просимыя на бѣличью шубейку, — ему писалось: «расплатиться со старыми дол-

гами», — послѣднія триста пятьдесятъ, и Люси утянула Стефа въ Москву провѣтриться.

Позавтракали въ Прагѣ, гдѣ теперь, по словамъ Люси, — самая сливки общества. Но они никого не знали. Побывали у Машеньки, на Малой Спиридоновкѣ, во дворцѣ. Бурасева все ошеломляло: широкая, какъ въ соборѣ, лѣстница, въ коврахъ, зеркалахъ и мраморѣ, тонно скользившіе лакеи, которыхъ онъ принималъ за адвокатовъ, картинная галлерей съ зимнимъ садомъ, высокій концертный залъ, салоны, будуары, столовая, какъ святилище съ органомъ — дубовымъ буфетомъ во всю стѣну, обитая вся сукномъ читальня... Народу была масса, но Люси чувствовала себя непринужденно. Молодые поэты, съ примасленными головками, выпѣвали свои стихи, картавя, всѣ, какъ одинъ, «истощенные разными страстями», — шепнула интимно Машенька, — всѣ въ узкихъ брючкахъ, въ узкихъ фраккахъ и галстучкахъ. «Вотъ это шту-чки, новое поколѣніе мужчинъ», — презрительно наблюдалъ Бурасевъ, — «морфинисты, кокаиисты и, конечно... «взаимная любовь». Ему, простаку, казалось, что они, просто, шутятъ, читая такія глупости, въ которыхъ не доберешься смысла, и такъ раснѣваютъ и гнусавятъ — для смѣху больше. Одинъ былъ въ лоскутной кофтѣ, съ вымазаннымъ лицомъ, — словно изъ цирка клоунъ, — но Машенька шепнула, что это знаменитость, первый изъ футуристовъ, расхваленный Максимомъ Горькимъ. Онъ вышелъ на эстраду и выпѣвалъ что-то, напоминавшее дырр и пырр, и Бурасеву стало стыдно. Но всѣ почему-то хлопали. Банкиръ Джугунджи, похожій на выбритаго кота, Машенькинъ покровитель, одобрительно хлопалъ всѣмъ, а поэты откланивались ему особенно. Бурасевъ удивился: да что такое! понять ничего нельзя. Ну, прямо, Пушкины! Наконецъ, вышелъ въ бархатной курткѣ, съ галстухомъ во всю грудь, «настоящій поэтъ», — шепнула интимно Машенька, казавшаяся Бурасеву прелестной и, кажется, доступной, и прочиталъ такое, что лакеи прикрыли рта.

Но Джугунчжи похлопалъ — и всѣ захолопали. Бураевъ запомнилъ только —

Какъ быкъ на случный пунктъ весной...

«Ну, если это сливки интеллигенціи, дѣло плохо!» — подумалъ онъ и вспомнилъ своихъ солдатъ, показавшихся ему теперь святыми.

Машенька познакомила его съ «нашимъ Демосѳеномъ», съ присяжнымъ повѣреннымъ Ростовскимъ. Бураевъ не зналъ, о чемъ они будутъ говорить. Но Ростовскій заговорилъ объ арміи, къ которой и самъ отчасти принадлежитъ, какъ прапорщикъ запаса, нашлись даже общіе знакомые. Поговорилъ о командующемъ округа, у котораго иногда бываетъ — играетъ въ винтъ, и о военномъ министрѣ, съ которымъ была у него «возня», по семейнымъ дѣламъ, но... «обворожительный человѣкъ!» Сыпалъ профессорами академіи и генералами здѣсь и тамъ, называя по имени и отчеству. Уважительно говорилъ объ арміи, о комиссіи по оборонѣ, о государственной думѣ, которая «должна же, наконецъ, предоставить арміи достойное положеніе въ странѣ, на которое она имѣетъ право, какъ національная и государственная сила».

Люси внимательно слушала ихъ бесѣду, поигрывая рукою Стефа. Прибѣжала Машенька и утащила:

— Пожалуйста, декламировать... Нѣтъ, нѣтъ, не кочевряжься!..

Лакеи обносили ледянымъ шампанскимъ, и Бураевъ повеселѣлъ. Люси казалась ему особенной. Сильно открытое голубое платьѣ съ короткими рукавами изъ серебрястой дымки, съ воздушнымъ трѣномъ, который она ловко годхватила, вбѣгая на эстраду, дѣлало ее особенно желанной. Дремучія мохнатки-бровки сегодня особенно манили, общали. Бураеву казалось, что всѣ влюблены въ нее. Джугунчжи неотступно ходилъ за ней и млѣлъ, потирая ручки. «Настоящій поэтъ», похожій на мумію цыганки,

успѣлъ уже поднести стихи, которые она спрятала въ корсажикъ. Стихи были прочтены съ эстрады:

Живые бархаты бровей
 Меня волнуютъ темной страстью:
 Въ нихъ небо хмурится къ ненастью,
 Подъ ними черный жаръ огней.

Блѣдные, изможденные поэты двигались за Люси сонной сплошной стѣной. И вотъ, опьяенная успѣхомъ, Люси появилась на эстрадѣ. Бураевъ зналъ, что она хорошо читаетъ, но — здѣсь!.. Онъ съ удовольствіемъ пилъ шампанское, Машенька волновала его шопотомъ на ушко, касаясь щеки губами, и ему казалось, что здѣсь особенно тонкій міръ, и выступать передъ этимъ міромъ страшно. Артистка Художественнаго театра, въ розовой кисеѣ, сидѣла, какъ роза, въ группѣ почтенныхъ профессоровъ. Извѣстный писатель мрачно стоялъ въ углу, окруженный дѣвицами, съ локонами по щекамъ. «Суровый» театральный критикъ приблизился къ эстрадѣ и ожидалъ. А Люси ничего не страшно, глаза играютъ... Бураевъ подумалъ — молодчина! Адвокатъ помахалъ платочкомъ и, склонившись къ Бураеву, шелнулъ:

— Слыхалъ отъ Маріи Евгеньевны, что у Людмилы Викторовны большой талантъ, и, главное, оригинальный! А мы здѣсь шаблонимъ... надоѣло.

Бураевъ не отвѣтилъ. У него сильно сдавило грудь, какъ бывало всегда передъ атакой. Тонкое личико Люси освѣтилось смущенною улыбкой, и Бураеву показалось, что ея «вишни», ставшія черно-черными, ищутъ кого-то въ залѣ... Его, конечно. И онъ мысленно покрестилъ ее. И вотъ, Люси потянулась, словно поцѣловала воздухъ...

Колокольчики мои,
 Цвѣтики степные,
 Что глядите на меня,
 Темноглубые?..

И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая...

— Не-передаваемо!.. — прошептала Ростковскій.

Залъ загремѣлъ отъ восхищенія. Суровый критикъ поцѣловалъ руку у Люси. Розовая артистка расцѣловала «удиви-тельную артистку». Даже футуристъ разодралъ на себѣ одежды и воскликнулъ — «вотъ что можетъ еще спасти ваше прогнившее искусство!» Джугунджи склонился въ реверансѣ. Ростковскій, воздѣвъ руки, что-то кричалъ восторженно. Бураевъ хотѣлъ итти, но Машенька усадила его съ собой и, толкая колѣнками, смотрѣла прямо въ глаза своими искристо-сѣрыми и шептала, со-всѣмъ въ чаду:

— Что смотрите на меня, темноглазые?.. Люсику этэ вамъ, вамъ такъ спѣла! Именно, спѣла... Удиви-тельные у васъ глаза!.. Вы — миѣ!..

Бураевъ пожалъ плечами. Лакей подавалъ шампанское.

— На брудершафтъ? — лихо сказала Машенька, чокаясь съ Бураевымъ шампанкой.

— Идетъ! — сказала Бураевъ.

— Ты, Стефъ, особенный... Ты о-чень... внутренній!..

— Ты... — смущенно вытянулъ изъ себя Бураевъ, — Машенька, а похожа на... египтянку, только глаза... Русская...

— Бабенка?.. — лихо сказала Машенька. — А ты... си-неокій миѣ, правда!

— И никакой не миѣ, а простой малый, солдатъ. И ты мнѣ нравишься, только не толкай колѣнкой...

— Глупости какія! Мы не чужіе, и Люська не станетъ ревновать, не бойся, милый. Завидую я Люськѣ, какого сокола подхватила!..

Бураевъ засмѣялся: чудесная была Машенька, про-

стеская. И всё — простецкіе, если разобрать. Даже и блѣдные поэты. Даже Джугунчи, ходившій, какъ котъ, неслышно, казался ему добрѣйшимъ.

Машенька оягь толкнула. Онъ почувствовалъ возбужденіе и быстро пошелъ къ Люси.

— Не скучаете съ нами, капитанъ? — взялъ его подъ руку Джугунчи. — Какъ это поется..? — И пить будемъ, и гулять будемъ... а когда смерть придетъ...

— Помирать будемъ? — спросилъ-досказалъ Бураевъ. — Будетъ за что — помремъ.

Былъ безконечный ужинъ, съ необыкновеннѣйшимъ осетромъ на блюдѣ, пулярдами въ пестрыхъ перьяхъ, индѣйками съ распущенными хвостами, съ «парижскими пирогами», съ корзинами тонкихъ фруктовъ, съ бѣшеною пальбой шампанскаго, съ коньяками, съ ликерами, съ кешелками соленаго миндаля, фисташекъ, съ битвой «влюбленныхъ шариковъ». Неожиданно для себя Бураевъ оказался подъ яростнымъ обстрѣломъ, — можетъ быть потому, что единственный былъ военный? Въ него мѣтко стрѣляла Машенька, артистка, какая-то даже пожилая дама въ великолѣпнѣйшемъ декольтѣ, — «милліонами въ васъ паляютъ», — шепнулъ ему, приставивъ ладонь ко рту, Ростовскій, глазами показывая даму, — «половинка вашей губерніи у нея въ лифчикѣ!» — дѣвицы въ болтушкаль-локонахъ, вперемежку съ поэтами, и, совсѣмъ украдкой, такая скромненькая его Люси. Даже банкиръ Джугунчи стрѣлялъ и взвизгивалъ.

Великолѣпнѣйшій лимузинъ, мягко шурша по снѣгу, отвезъ на зарѣ въ «Лоскутную», послѣ прогулки въ ночной кабакъ, гдѣ оягь мелькали черные тонкіе поэты съ лицами мертвецовъ, гдѣ прекрасная Машенька схватила въ гвалтъ руку Бураева и долго держала на колѣняхъ.

— Ко-шмаръ... — крутя головой, полупьяно сказалъ Бураевъ, когда очутились въ номерѣ.

— Стефъ... — шептала Люси, въ забвеньи.

Въ полдень явилась Машенька въ мѣхахъ-размѣхахъ,

а за ней принесли цвѣты, огромныя двѣ корзины. Она была игрива-возбуждена, торопила Люси поѣхать на Кузнецкій, — «ну, такъ что-нибудь купить». Когда Люси одѣвалась въ будуарѣ, — наняла для нихъ Машенька въ «Лоскутной», — «и ни-ни-ни!» — Машенька такъ взглянула, что онъ потупился. Она погрозила ему перчаткой и, — этого ужъ никакъ не ждалъ, — взяла его руку и потянула нѣжно. И, какъ ни въ чемъ ни бывало, стала крутить танго.

Его не взяли — въ бабьи дѣла мѣшаться! Онъ пошелъ прогуляться, позавтракалъ у Филиппова кулебякой съ кофе, купилъ у Девриена нужныя для подготовки книжки, поглядѣлъ на Большой Театръ, напомнившій ему встрѣчу съ Клэ, теперь уже княгиней... Густо повалилъ снѣгъ. На углу Петровки, у кондитерской Флей-Трамблэ, съ нимъ неожиданно столкнулся товарищъ по выпуску Осанко, теперь уже подполковникъ, изъ штаба округа. Поговорили о новостяхъ. Вѣрно, бригаднаго ихняго уберутъ, командный составъ омолаживаютъ усиленно. Почему въ Москву не переводится? Устроить можно. Гейнике добывается бригады и, кажется, получить: связици въ Петербургѣ, да и стоитъ. Тогда и совсѣмъ легко перетянуться. Когда они разговаривали, подкатилъ бордовый автомобиль, и вышла шикарная блондинка въ широкомъ манто изъ соболя, въ кокетливой шапочкѣ съ эспри. Бураевъ съ изумленіемъ далъ дорогу, не вѣря глазамъ, что это... да неужели Нида?! Мелькнувшая передъ нимъ красавица обернулась къ нему въ дверяхъ, задержалась на мигъ, рѣзнула смѣшливымъ взглядомъ и исчезла. Она, Нида..? Не можетъ быть. Но пушистая родинка на щекѣ — та самая! И сѣрые, острые глаза... Нида, изъ Птичьихъ Двориковъ! Сверстница его по играмъ, первая дѣтская любовь. Онъ что-то слышалъ, въ Яблоневѣ рассказывали, что «Нидка пошла въ артистки». Но та была тоненькая, какъ стебелекъ, а эта — полная и высокая, роскошная москвичка... И такъ взглянула! Впрочемъ, многія на него глядѣли.

Снѣ простился съ товарищемъ и хотѣлъ повернуть къ Кузнецкому, какъ услышалъ веселый окликъ:

— Степанъ Александрычъ! Вы это?!..

Шикарная блондинка махала ему муфтой, и стало ясно, что это Нида.

— Вотъ неожиданно!.. Сколько лѣтъ, а все-таки узнала... молоденькимъ офицерикомъ видала въ послѣдній разъ! Узнали меня?..

— Нида... какая же вы стали, по родинкѣ только и узналъ, да по вашимъ неизмѣннымъ глазкамъ!.. Разбогатѣли? замужемъ?..

— Любопытный какой!.. И замужемъ, и холостячка.. вотъ какъ хотите! — болтала Нида, шлепая его по рукѣ перчаткой. — А какъ по-вашему лучше? Забыли небось, а я про васъ часто думала. Разъ даже написать хотѣла, да... совѣстно что-то стало. Чего, думаю, старья дрожжи подымать... поезию разводить! А вотъ подъ снѣжкой и встрѣлись... встрѣтились! — поправилась она съ улыбкой. — Пойдемте шоколадъ пить съ шашечками. Помните, какъ меня шоколадками подчевали? А вашу коробку съ абрикосовской пастилой и посейчасъ помню, какъ юнкеромъ меня отыскивали! Мнѣ тогда дворникъ все выложилъ. Э-эхъ... Ну, пойдемте, берите меня подъ-ручку.

Они поболтали съ полчаса, какъ добрые старые друзья. Буреава изумляло «преображеніе»: изъ деревенской дѣвчонки, потомъ изъ московской дѣвчонки-бѣлошвейки, за двѣнадцать - тринадцать лѣтъ выправилась шикарная бабенка, дама. О немъ она знала почти что все: братъ ей писалъ иногда изъ «Двориковъ». Конечно, она имъ помогаетъ, живутъ богато. Все еще не женился? Скоро... — ну, дай Богъ счастья. А она ужъ и заграницей побывала, скоро опять уѣдетъ.

— Чего отъ васъ мнѣ таится, сами хорошо понимаете... А особо дурного чего не думайте. Чего раньше было, глупила тамъ... силъло. А теперъ будто и по закону, лять лѣтъ въ «у-захъ», и растеть мальчонка. Ахъ, прямо вы

для меня... ну, какъ родной совсѣмъ встрѣтился! Послѣ завтра, заѣзжайте, право?..

И Бураевъ почувствовалъ, что и въ самомъ дѣлѣ -- Нида, словно, ему родная: Онъ обѣщаль побывать у ней, только въ другой прїѣздъ: завтра утромъ онъ увѣзжаетъ, послѣдній срокъ. Она усадила его въ автомобиль и подвезла къ «Лоскутной». И въ этотъ короткій путь она все всматривалась въ него и вспоминала:

— А глаза у васъ все тѣ же... у мальчика какіе были! Ахъ, Степочка, Степочка... Нѣтъ, ради Бога, не забывайте.

И, -- смутило это Бураева, — она взяла его руку, посмотрѣла ему въ глаза и... неожиданно поцѣловала. Онъ только вскрикнулъ:

— Нида!.. — и сталъ цѣловать ей руки.

Рѣшительно, этотъ снѣжный день полонъ былъ неожиданностей. Когда подкатили къ гостиницѣ, у подѣзда стояли Люси и Машенька, и, въ волчьей дохѣ, Ростовскій. Бураева встрѣтили веселымъ гамомъ, а Ростовскій раскланялся съ блондинкой. Бордовый автомобиль отъѣхаль.

— Ого, капитанъ - то одержаль побѣду! -- сказалъ, раскланиваясь, Ростовскій. — Одна изъ прелестнѣйшихъ москочковъ -- и вдругъ, всего за день пребыванія.. Что значить-то глазомѣръ, быстрота и натискъ!

— Кто это?.. — теребила Машенька за рукавъ, Люси только внимательно смотрѣла, — извольте сейчасъ сказать!

Бураевъ отшутился: такъ, «изъ дѣтскихъ воспоминаній». Не могъ объяснить лучше и Ростовскій, кажется все на свѣтѣ знавшій: заграницей встрѣчался, видалъ съ Придымовымъ.

— Съ Придымовымъ?! -- не повѣрила Машенька, — съ тѣмъ самымъ?!

— Съ тѣмъ самымъ. Три года, какъ овдовѣль, а жениться что-то не собирается, есть одно -- маленькое «но»!

И онъ раскланялся.

Машенька наградила «дяденьку» чудеснымъ несэсэромъ, — всякому, вѣдь, офицеру нужно. Бурасевъ пожалъ плечами, но не могъ не принять подарка. У Люси оказалась гора обновокъ.

— Пожалуйста, не разбирайся въ тряпкахъ и не ворчи, — сказала Машенька. — Я столько ей должна, что...

Обѣдали въ «Эрмитажѣ», возила Машенька. Были въ Художественномъ, смотрѣли «Вишневый садъ». Уживали въ «Прагѣ», встрѣтились знакомые артисты и Ростковский. Перешли въ малиновый кабинетъ, и тамъ оказалось уже человекъ двѣнадцать. Заглянулъ на полчаса Джугунджи, выпилъ фужерчикъ содовой и уѣхалъ въ Кружокъ играть. Бурасевъ волновался: чортъ знаетъ, кто же платить-то будетъ, такъ — совершенно невозможно! Было у него около ста рублей, и надо на дорогу, а до двадцатаго далеко. Но вышло все какъ-то незамѣтно, словно и не платилъ никто. Выходили изъ «Праги» въ самомъ веселомъ настроеніи. Машенька потянула ѣхать въ Петровский Паркъ, — смотрите, луна какая! Но Бурасевъ отговорился: Люси устала, смотрите — какая блѣдная. Люси не сказала ничего. Ростковский вѣжливо поддержалъ:

— Дѣствительно. Это намъ, вѣтрогонамъ, не привыкать-стать! — и вспомнилъ, что ему ранымъ-рано надо быть завтра на важной экспертизѣ.

Когда вернулись въ гостиницу, Люси сказала:

— Почему ты всегда за меня рѣшаешь -- «Люси устала»?..

— Почему же ты не сказала, что готова шляться хоть до утра?

— Шля-ться!.. Оставьте эти ваши солдатскія словечки, я не привыкла къ нимъ. Приѣхать въ Москву на какіе-то тамъ два дня -- и торчать въ номерѣ!

Онъ сказалъ сдержанно:

— Я не привыкъ къ содержанству. На ночное шлянье по кабакамъ у насъ нѣтъ средствъ, ты это прекрасно знаешь!

— Пустяки какіе... — повела Люси обнаженными плечами, раздѣваясь передъ трюмо. — Мы здѣсь гости, и Машенькѣ доставляетъ удовольствіе. У глупышки головка закружилась, неужели ты не замѣчаешь?.. Почему немножко и не пошутить!..

— Можетъ быть и еще у кого-то закружилась?..

— Мо-жетъ быть... — сказала Люси насмѣшливо, любуясь собой въ трюмо. — Въ господина Ростковскаго вотъ влюбилась. Развѣ я не могу влюбиться?..

Полураздѣтая, возбужденная шампанскимъ и коньякомъ, она перебѣжала къ нему и сѣла на колѣни. Такой онъ еще не видалъ ее, требующей его любви. Эти два дня въ Москвѣ она стала совсѣмъ особенной.

— Кто эта интересная блондинка, а?.. — шептала она, кусаясь, — скажи, я не ревную... прежняя твоя, да?.. Врешь, знаемъ мы эти «подружки дѣтства»... Чтобы изъ деревни, така-я..! И всѣ-то въ тебя влюбляются... о, синеокой мой... только мой, да?..

Ухвать утромъ не удалось. Приѣхала Машенька и увезла къ себѣ завтракать. Не было никого, но столъ поражалъ «безумствомъ», — даже Люси сказала. Роскошный омаръ, доставленный отъ «Эрмитажа», лежалъ... на плато изъ розъ!

— Твой любимый! — захлопала Машенька въ ладошки и завертѣла Бурова. — Я всѣ твои вкусы знаю, всѣ, всѣ!..

Она была въ прозрачномъ кружевномъ капотѣ цвѣта сомонъ, съ дерзкимъ разрѣзомъ сбоку. Когда присѣла къ нему, капоть открылся, и онъ увидалъ въ смущеньи розово-смуглую колѣнку. Личико египтянки, съ легкимъ пушкомъ надъ губкой, влекло его. Ищущіе его глаза, подернутые нѣгой, кричали ему такъ ясно... И то, что влекло его къ женщинамъ, — ласкающая нѣжность, въ ароматѣ цвѣтовъ-духовъ, — такъ и играло въ ней. Это была изящная маленькая женщина, веселая, живая, простодуш-

на. Она взяла его руку и, шлепая по ней дѣтской своей ладошкой, шепнула нѣжно:

— Я буду о-чень скучать, о-чень... Можно къ тебѣ приѣхать, скажи? Чего ты смѣешься... думаешь, шучу? Странно тебѣ, что я такъ прямо?.. тебѣ Люсикъ что-нибудь сказала, да? что она тебѣ сказала?..

Люси въ комнатѣ не было, ушла говорить по телефону — поторопить портниху. Бурасевъ не успѣлъ отвѣтить, какъ Машенька обняла его за шею, и потемнѣвшіе вдругъ глаза сказали ему такъ страстно, что онъ потерялъ надъ собою власть и обнялъ ее, шепнувъ:

— Пиши мнѣ на полкъ... когда?.. въ монастырѣ остановишься, за городомъ, приѣду...

Вышло это «налетомъ». Мелькнуло --- «да что я это!» — но онъ увидалъ смуглую полоску тѣла, призывающіе его глаза... обнялъ ее за талию, подавшуюся къ нему такъ бурно, и они начали танцевать танго. Вернувшаяся Люси захлопала:

— Стефъ-то нашъ разошелся!..

— Степочка переводится! — заявила съ чего-то Машенька. — Даль слово!

— Ничего подобнаго!

Бурасевъ сконфуженно поглядѣлъ къ Люси. Она что-то записывала въ блокнотикъ.

Къ отходившему въ десять вечера курьерскому приѣхали провожать Машенька и Ростковскій. Когда тронулся поѣздъ, Машенька крикнула, посылая воздушный поцѣлуй:

— Непремѣнно въ «вашъ монастырь» приѣду!

Ростковскій не провожать приѣхалъ, а по дѣлу: забылъ передать для врученія несчастной Малечкиной триста рублей, собранныхъ для нея знакомой молодежью.

— Сопсѣмъ изъ головы вонъ! — конфузливо извинялся онъ, вынимая три радужныхъ изъ туго набитаго бумажника. — Не откажите, Людмила Викторовна, передать, совершенно не помню ея адреса.

Люси поблагодарила взглядомъ.

Повздъ гремѣлъ въ тѣсахъ, когда, оставивъ синюю лампочку, улеглись они въ бѣлоснѣжныя постели международнаго вагона. Бураевъ потребовалъ съ себя отчета. Такъ его научилъ отецъ: «выстрой, что было за день, и — по порядку номеровъ разсчитайсь!» И когда выстроилъ все, что было въ эти два чадныхъ дня, — такъ и называлъ Бураевъ, — имъ овладѣло омерзѣніе. Пьяный онъ, что ли, былъ? Конечно, пьяный. Пьяный съ утра до вечера, — и тѣломъ, и душою, — противно вспомнить. Шлянье по ресторанамъ и кабакамъ, разжиганіе похоти, — вотъ что было. Люси совершенно опьянѣла, отчуждилась, — и скромная жизнь покажется ей теперь ужасной. Она уже и безъ того скучала. Ухаживали за ней настойчиво, нахально. И этотъ хлюсть-адвокатишка, и кавказскій банкиръ, хитрюга, и вся та мразь, подносявшая ей стишки и говорившая пошлости... даже прилипшая къ ней артистка. Люси потрясающе красива, а эти еще наряды, цвѣтное шелковое бѣлье...

Бураевъ приглядѣлся. Люси лежала, заложивъ голыя руки за голову, откинувъ плюшевое одѣяло, — жарко было натоплено. Онъ долго всматривался въ нее, и ему все казалось, что тѣло ея поводитъ дрожью.

— Люси, ты не спишь?

Онъ видѣлъ, какъ она вздрогнула и быстро прикрылась одѣяломъ.

— Такъ, дремлю... — сказала она устало.

— Думаешь о Москвѣ... Покойной ночи.

— Покойной ночи, — сказала она, зѣвая, равнодушно.

Конечно, думаетъ, вся — въ чадѣ. Его обидѣло ея равнодушное «покойной ночи», совсѣмъ чужое. И не отвѣтила, что думаетъ о Москвѣ, не стала спорить. Теперь ихъ средства покажутся ей несчастными, а его служба — жалкой. Это и раньше чувствовалось, а послѣ хвастливой болтовни московской...! Бураевъ съ раздраженіемъ вспоминалъ, какъ спрашивали Ростковскаго: правда ли, что полу-

чить за какой-то «алтаевский процесс» чуть ли не двести тысячъ. — «Ну, не совѣмъ такъ... — поправиль кокетливо Ростковскій, — съ небольшой добавкой въ три процента съ выигрыша». — «А великъ выигрышъ?» — «Да навѣрняка-то набѣжитъ, пожалуй, милліончикамъ такъ... къ семи». Бураевъ съ отвращеніемъ вспоминалъ, какъ онъ почувствовалъ себя маленькимъ, ничтожнымъ въ глазахъ Люси, — такъ она удивленно слушала. А это швырянье деньгами безъ счета, шампанское, какъ вода! Развратъ. И только подумалъ это — «развратъ», съежился отъ стыда, ярко себѣ представивъ ужасную сцену съ Машенькой. Это бродило въ немъ цѣлый день, и онъ утаивалъ отъ себя, какъ обольстительное и гадкое. Но теперь, при «подсчетѣ», въ трезвомъ грохотѣ поѣзда, передъ милой его Люси, которую онъ безотчетно любитъ, это предстало предъ нимъ такимъ безобразно голымъ, такимъ преступнымъ, что онъ сжалъ себя за голову и застоналъ отъ боли.

— Стефъ, что съ тобой... проснись!..—тревожно окликнула Люси.

— А... ничего... — съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ.

Она все еще не спала, все думала.

Нѣтъ, это навожденіе! Указалъ ей на монастырь, желалъ ея!.. Путаться съ Машенькой, — она чудесна, какъ женщина.. — и любить, страстно любить Люси?! И женственно-мягкій обликъ маленькой и веселой «египтянки» съ русскими, сѣрыми глазами, льнувшей къ нему такъ нѣжно, дышавшей такою лаской, вызвалъ въ немъ грусть и радость. «Держи и держи себя, не распускай... что бы ни случилось — воли не выпускай!» — мысленно, какъ монахъ молитву, прочиталъ про себя Бураевъ заветное свое правило. И сейчасъ же рѣшилъ — написать Машенькѣ, объяснить ей свое душевное, что любовь его къ ней — другая, что она для него... — подумалъ восторженно Бураевъ, — словно и мать, и женщина, — сердцемъ онъ это чувствуетъ, — и случись съ нимъ большое горе, къ

ней онъ придетъ за лаской... что было бы безчестно передъ Люси, которую она такъ любить... что въ чаду это все случилось, и надо съ собой бороться.

«Если бы обманула меня Люси..?» — поглядѣлъ на нее Бураевъ.

Одѣяло было откинута, и голубовато-мраморная нога Люси, обнаженная до бедра, выкинулась за край постели, а роскошныя руки-изваянья были закинута въ истомѣ. Онъ представилъ на мѣстѣ себя — другого, представилъ Люси такой... — и задохнулся.

— Люси... — нѣжно позвалъ онъ шопотомъ.

Люси не шевельнулась, но Бураеву показалось, какъ дрогнула обнаженная нога. Онъ тихо опустился на колѣни, прильнулъ губами.

— Люси...

Она дышала ровно, спала. Онъ прикрылъ ее одѣяломъ и долго сидѣлъ и думалъ, сторожилъ ее сонъ — не сонъ.

Послѣ чада Москвы потянулись дни трезвые — работа въ ротѣ и подготовка къ экзаменамъ. Онъ написалъ Машенькѣ письмо, полное нѣжныхъ изліяній,—рождались они неожиданно, какъ изъ влюбленности. Онъ называлъ ее самыми нѣжными словами, надѣлялъ достоинствами чистой изъ чистыхъ женщинъ, умолялъ не строго судить его за «ту дерзость», сказанную въ чаду... объяснялъ свой поступокъ «страстью, которая вспыхнула, какъ пожаръ, отъ ея странныхъ чаръ, отъ ея женской ласки, особенной ласки, въ которой онъ вспомнилъ что-то... въ которой чувствовалась ему и мать, и женщина». «Прошу васъ, забудьте, не пріѣзжайте... поймите меня, у меня Люси...» «Да, я знаю, — заканчивалъ онъ письмо, — теперь знаю, что люблю васъ по особенному нѣжно, что вы мнѣ дороги, что... скучаю по васъ и — странно! — только о васъ и думаю...»

Она прислала ему на полкъ коротенькое письмо — отвѣтъ:

«Милый, зачѣмъ — «вы»? Все равно, я — твоя, ты — мой. Ты будешь мой. Я не святая, и не вовсе дурная, : такъ... Называли меня въ гимназiи — «весѣлка», веселая! И не любила по настоящему. А что такое — по настоящему? ты знаешь? Кажется мнѣ, что ты вотъ и есть «по настоящему». Цѣлую твои глаза. Я плачу...»

Его не удивляли рѣзкія пере мѣны настроеній, которыя замѣчаль въ Люси. Это и раньше было. Нѣтъ у ней никакого дѣла, и это ее нервить, и винить за это ее нельзя. Послѣ успѣха съ чтеніемъ у ней закружилась голова, всѣ въ нее влюблены, конечно... а прилипшая къ ней артистка пишетъ такія письма, любовникамъ в пору развѣ... Иди и иди на сцену, это священный долгъ!.. Все уже подготовлено, студія ее ждетъ, дѣло только за ней — пріѣхать, что-нибудь прочесть директору...

Это Буреава смущало. Переводиться надо? Отказаться онъ Люси не могъ.

Надо было рѣшать, и онъ написалъ Осанкѣ. Тотъ съ промедленіемъ отвѣтилъ, что надо выждать, когда Гейнике назначутъ или бригаднымъ, или, пока, командиромъ ...го полка, что очень вѣроятно, но раньше конца маневровъ врядъ ли. Люси нервила, размолвки ихъ становились чаще. Первый крупный раздоръ случился изъ-за «несчастной» Малечкиной. Люси пришла отъ нея въ слезахъ.

— Что за ужасные людишки!.. — рассказывала она Буреаву. — Эксплоатировать такъ высокія чувства чловѣка... Бросилъ свои дѣла, душу вложилъ, вырвалъ чудовище изъ ямы, собралъ среди молодежи деньги, а эта гадина... Застала ее въ такой.. такое пьянство, дѣти въ каморкѣ, а она канканить съ какими-то «котами» въ малиновыхъ рубахахъ... я не знала, какъ выскочить! Она меня изругала самыми послѣдними словами, когда я заикнулась, что хочу видѣть ее дѣтей. Сосѣди ужъ проводили меня изъ ея трущобы... Говорять, не давайте, «все на «котовъ» прожреть». Придется написать адвокату, куда эти

деньги.. Отобрать отъ нея дѣтей?.. Я измучилась, доволь-
но... — и она вышвырнула деньги.

— Нечего тутъ наивничать! — рѣзко сказала Ёураевъ.
— Вашъ адвокатъ съ «высокими чувствами»... хлюсть из-
вѣстный, и ему наплевать на все!.. И вытащилъ вашу Ме-
лечкину изъ каторги для общественнаго скандала и свое-
го дешеваго честолюбья... да! Есть болваны, которыхъ
ловятъ на «высокихъ чувствахъ», а болванихъ и подавно.
Убѣдились? Покрасовался молодчикъ передъ дурами съ
куриными мозгами, «привлекъ симпатіи», сорвалъ аппло-
дисменты, воздушные поцѣлуйчики... купленные газетчи-
ки расписали... а онъ, герой, прикрылся «высокими чув-
ствами»!.. Деньги собралъ... прибѣжалъ-запыхался на вок-
залъ... «ахъ, забылъ самое важное... для несчастной жен-
щины»! Убѣдились?.. И очень радъ.

Люси презрительно-дерзко слушала.

— Я всегда считала тебя солдатомъ! — сказала она и
вышла.

— Это вѣрно! — крикнуть онъ ей вдогонку. — Послед-
ній мой солдатишка въ ротъ честнѣй брехуновъ продаж-
ныхъ, вашихъ!.. Честнѣй вашихъ .....! — вырвалось у не-
го «словечко». — Къ нимъ ступайте... какъ разъ подъ-
масть!..

— Романтикъ!.. — крикнула она за дверью.

Два дня не говорили, и опять наступило примиреніе.
И снова размолвка, пѣсерьезнѣй.

-- Я завтра ѣду въ Москву, -- сказала Люси рѣшительно:
дѣло было на Рождествѣ. — Меня принимаютъ въ сту-
дію.

— Вотъ какъ!

— Остановлюсь у Машеньки. Странно, почему ты такъ
медлишь съ переводомъ? Я берусь устроить... можно? Че-
резъ двѣ недѣли ты получишь роту въ ... полку!

— Вотъ какъ?! Ты почти всемогущая. Кто же такъ
ворожить умѣетъ?

— Не все ли равно, кто! Скажи, и...

— Не скажу. Кто это такъ возлюбилъ... меня? и за что?! Нѣтъ, ты не вертись! Теперь, я, я тебя спрашиваю!.. И ты мнѣ должна отвѣтить.

— Ну... Машенька хлопочеть! - - сказала она съ усмѣшкой, — черезъ своего всемогущаго Джугунчи.

Бураевъ пристально посмотрѣлъ въ глаза:

— Неправда, Машеньку не припутывай... она прямѣй! Со мной не играй. Я тебя спрашиваю — кто?..? какая гадина-шпакъ смѣетъ совать свой носъ въ мое движеніе по службѣ?.. изъ какихъ видовъ?!.. Нѣтъ, ты отвѣтишь мнѣ! — въ бѣшенствѣ крикнулъ онъ, отталкивая Люси отъ двери. — Отвѣтишь! Кого ты смѣла просить за меня, за жалкаго солдата, прозябающаго въ дырѣ?..

— Я же тебѣ сказала... И потомъ, я не привыкла, чтобы на меня кричали! Оставь эту... дикую манеру!..

— Оставилъ.

Онъ ушелъ въ полкъ и вызвалъ по телефону Машеньку. Они бесѣдовали часто, особенно въ дежурство.

- - Я тебя понимаю, Степанчикъ... — пѣла въ телефонъ Машенька, - - ты правъ, я не посмѣла бы хлопотать, не спросясь тебя. А кто... право, не знаю точно. Цѣлую тебя, гордецъ. Ты мнѣ не позволяешь пріѣхать... Ну, сдѣлай для меня, пріѣзжай съ Люсикъ, хоть на одинъ денекъ, на елку!.. Нѣтъ денегъ, какая глупость... Что, нельзя? Даже отъ «миленькой» нельзя?.. Ну, Господь съ тобой.

Вернувшись послѣ занятій, онъ засталъ Люси въ спальнѣ: она примѣряла черное шелковое платье, въ которомъ собиралась выступить «на экзаменѣ».

— Ты солгала, какъ я и предполагалъ! - - сказала Бураевъ желѣзнымъ голосомъ. — Кто?..

- - Что - - кто? Я ничего не понимаю... - - сказала она, вертясь заботливо передъ зеркаломъ, словно не было ничего серьезнаго; по по косившему ея глазу съ милой и ненавистой бровкой, Бураевъ понялъ, что въ ней тревога

- - Кто?!.. — повторилъ онъ тѣмъ же желѣзнымъ го-

лосомъ, съ ненавистью любуясь ею, тонкими стройными ногами, обтянутыми юбкой.

Она расхохоталась ему въ глаза:

— Да что ты ко мнѣ присталь!.. Правда, идетъ ко мнѣ... черная бабочка какая?.. — отмахнула она рукавъ. — Ну, какъ же... ѣдемъ?

Это его взорвало.

— Театральности эти къ чорту! — крикнулъ онъ, подходя вплотную. — Я спрашиваю васъ — кто?!

— Ударишь?.. — повела она вызывающе головкой, и загорѣвшіеся презрѣніемъ черно-матовые глаза ея, съ этимъ туманцемъ нѣги, покорявшимъ его всегда, поразили его холодностью.

— Я знаю, кто хлопочеть! Этотъ прохвость, этотъ..!

— Сло-вечко!..

— ...молодящійся жеребецъ во фракѣ, мерзавецъ, болтунъ и лгунъ! Молчи, мы не въ театрѣ, помни! И знай... — погрозилъ онъ пальцемъ, сдерживая себя, чтобы не ударить по смѣющемуся лицу ея, — лучше... предупреди! уйди!!.. Новаго.... захотѣла?!..

Она зажала уши, въ отвращеніи, въ ужасѣ.

— У-бью!.. Я не Краколь, ничтожество... убью!..

Взглянулъ на нее и — новую въ ней увидѣлъ, и съ болью упалъ къ ногамъ, обнялъ ея колѣни.

— Люси... прости, Люси... я не сознаю... я весь истерзанъ... прости!.. Святая моя, прекрасная моя... богиня моя, чистая моя..! Себя убью, Люси..!

— Сумасшедшій... Стефъ... это безуміе, Стефъ... — шептала она, страдая, тиская его голову. — Красавецъ мой, безумный... что выдумалъ!.. Такъ оскорбить... за что? Для тебя, порвала со всѣми... Я же для тебя... Причемъ этотъ адвокатъ?.. что онъ мнѣ!.. Какъ тебѣ не стыдно... мнѣ писала подруга изъ Петербурга, ея мужъ въ главномъ штабѣ... и это она сама предложила мнѣ... если тебѣ понадобится... могу показать письмо!..

Выходъ былъ найденъ — въ страсти.

На другой день Нового Года, встрѣченнаго невесело, не въ кругу полковыхъ товарищей, какъ раньше, а дома, съ Васенькой Шелеметовымъ и конфузливимъ Куличкомъ, Бураевъ самъ проводилъ Люси, терзаясь и сдерживая себя. Она обѣщала вернуться дня черезъ два, — «а тамъ, если устроится, мы рѣшимъ». Что же рѣшать, — рѣшили! Студія, будетъ у Машеньки, иногда будетъ прїѣзжать. И съ — иногда будетъ прїѣзжать.

Она вернулась черезъ три дня, въ четыре часа утра, курьерскимъ. Какое горе, она потеряла шапочку... стащила какая-то дама по вагону! Морозъ былъ за 20 градусовъ. Какъ розовая льдинка, въ розовомъ своемъ капорѣ, она стремительно кинулась на шею и, прямо, задушила, когда онъ открылъ ей дверь. Огненная она была, съ мороза, и запросила вина, вина...

Въ студию ее приняли съ восторгомъ, успѣхъ огромный! Работы бездна, но она такъ счастлива... — и она откидывалась въ качалкѣ, въ нѣгѣ. Въ любви — доходила до безумства, и что-то въ ней было новое. Что-то въ глазахъ, другое, — мечтанье въ нѣгѣ. И въ голосѣ — новая пѣвучесть, слабость. Когда онъ ласкалъ ее, гладилъ ея мохнатки-бровки, она стала бодаться бровками, чего онъ не зналъ еще, искривила въ истомѣ губы и зашептала томно, закрывъ глаза:

— Не надо... лучше скажи... «медвѣ-дики»... «шелковые мои, милые мои мишки-медвѣдики...» онъ дрему-учія у меня, вѣдь, правда?..

И онъ, радостный, повторялъ — «медвѣ-дики... милые мои медвѣ-дики...» — и прикусывалъ съ ея губокъ вишни, пьяныя вишни, отъ Альберта.

Два дня пробыла она, увлекая его на тройкахъ за городъ. Крѣпко морозныя были ночи, въ искрахъ и стрѣлкахъ инея. Въ кудряво-сѣдыхъ березахъ по большаку, въ хрустѣ и скрипѣ снѣга, подъ мѣсяцемъ туманнымъ, дальнимъ, круглымъ, какъ яблочко, мчались они въ просторахъ, ища чего-то, рвали изъ ночи ласки.

- Ахъ, Люси!..
- Ми-лый..
- Скоро уѣдешь...
- Ми-лый..

Дурманило новыми духами — «10 - 20», «божественными»: «dix-vingt». Сладкіе они были, вязкіе. Раньше она душилась ландышемъ. Привлекая его къ себѣ, укрывая мохнатой муфтой, подаркомъ добрячки-Машеньки, Люси шептала:

— Стефъ... пожалѣй меня...

— Развѣ ты такъ несчастна?.. — спрашивалъ онъ, страдая.

— Бабы такъ говорятъ — «пожалѣй»... приласкай!

Новыя были у ней слова, новое что-то въ тонѣ, новый, далекий, взглядъ, словно она — не здѣсь. Студія такъ мѣняется?.. И то, что почувствовалъ въ ней тогда, въ жаркомъ купѣ вагона, когда спала — не спала она, въ чуткомъ оцѣненѣннн, что томило его тревогой, чувствовалъ и теперь Бураевъ — въ дрожи ея объятій. Не та Люси..? И — какъ-будто, вернулось то, что казалось почти забытымъ: первые дни свиданій, весеннихъ, страстныхъ.

Она приѣзжала аккуратно, каждая двѣ недѣли, — дарила страстью. Заглушая тоску по ней и рождавшуюся порой тревогу, онъ всѣ дни проводилъ въ полку, а ночами сидѣлъ надъ книжками. Надо было платить долги. Какой-то скорнякъ Ловягинъ подалъ счетъ на пятьсотъ рублей — за муфту, боа и шапочку! А Люси говорила — уплатила. Пришлось написать отцу. Приносили счета изъ лавокъ, троечникъ приставалъ «съ расчетцемъ».

Машенька умоляла: «тебѣ тяжело, я знаю... прими отъ меня, займы!» Онъ отклонилъ шуточно: «миленькая, не въ деньгахъ счастье!»

Пришло неожиданно письмо, отъ Ниды, тронуло задушевностью. «А я все объ васъ мечтаю, дорогой Степочка, ужъ простите, привычно такъ. Скушно мнѣ безъ васъ стало, какъ встрѣтились. Навѣстите вашу навѣки Нидоч-

ку». И такъ захотѣлось къ ней, показалась такой родной... Подумалъ: «была бы вѣрная, до конца, «безъ грима». Было еще въ письмѣ: «Бываетъ съ человѣкомъ, вотъ затоскуетъ-затоскуетъ, заноситъ сердце! Когда приключится грусть, вспомните обо мнѣ, Нидочка васъ привѣтитъ». Онъ отвѣтилъ ей сдержанно: будетъ въ Москвѣ — заѣдетъ. Подумалъ — и приписалъ, что цѣлуетъ мягкія ея ручки, — «помнишь, играли въ шлепанки?» — что очень радъ, получилось письмо въ тяжелую минуту.

Въ студіи очень ладилось: «черезъ годикъ и публикѣ покажутъ, всѣ отъ меня въ восторгѣ».

Пасху пробыли вмѣстѣ. Торопилась на Фоминой: «идутъ репетиціи, къ экзаменамъ... В. до безумства строгій, такую горячку поретъ!» Но онъ упросилъ остаться: весна какая! Смотрѣли разливъ съ обрыва, какъ медленно отходили воды, какъ розовыя стекла отставшихъ лужъ нѣжно мерцали на закатѣ.

Прошла и Фомина. Онъ умолялъ — останься!

— Что же тогда... бросать?!. Что за... ребячество!..

Буйно цвѣла черемуха. Начинали вѣнчаться вишни. Тихіе вечера томили. Тихая, грустная Люси нѣжно бѣлѣлась на обрывѣ, смотрѣла въ даль. Наканунѣ ея отъѣзда Бураевъ опять сказалъ:

— Ну, хоть одинъ денечекъ... скоро уходимъ въ лагерь..?

Прошла недѣля. Все уже распускалось. Лиловатыя елочки сиреней густо осыпали вершинки. Желтые «бубенцы» пышно сіяли въ вазахъ. Телеграмма изъ студіи: «десятаго экзамень, будьте».

— Ну вотъ, и напоминаніе... такъ это неприятно. Проходимъ Чехова, черезъ меня задержка! В. ужасно требовательнень... — говорила Люси взволнованно. — Завтра я непременно ѣду.

И она побѣжала отправить телеграмму. Пришелъ Вадяськѣ.

— Пакеты отправилъ, ваше высокоблагородіе. Вотъ, зѣнотъ на почтѣ письмецо велѣлъ барынѣ обязательно на руки отдать, а ихъ нѣтъ. Извольте вамъ.

Бураевъ взглянулъ, и сердце его пропало. «До востребованія, Л. В. К.» — твердымъ, красивымъ почеркомъ, — мужскимъ! «Здѣсь» — сказало ему письмо. Онъ сидѣлъ у стола и барабанилъ, а письмо говорило: здѣсь!

Люси, наконецъ, вернулась. Снимала въ передней шляпку.

— Была на почтѣ... — сказала она устало, и Бураевъ въ глазахъ увидѣлъ... — Письмо мнѣ, кажется... передали Валясику на почтѣ?.. Дай-ка... -- увидала она конвертъ, которымъ помахивалъ Бураевъ.

-- Искать васъ, бариня, а васъ нѣтъ... — сказала изъ двери Валясикъ, — барину передавъ.

— Какъ же ты смѣлъ, дуракъ!.. — крикнула на него, не помня себя, Люси.

Бураевъ помахивалъ конвертомъ.

— Виновать, бариня, простите... — смущенно осклабился Валясикъ, — по мнѣ, что баринъ — что бариня... — и понуро ушелъ на кухню.

— За что ты его назвала дуракомъ? — сказалъ, сдерживая себя, Бураевъ. -- Онъ честный, вѣрный солдатъ и преданъ мнѣ, какъ другъ! Больше, чѣмъ... Подъ пулями носилъ мнѣ ѣсть, ночи возлѣ меня сидѣлъ, когда валялся я въ лазаретѣ!.. Если я его иногда ругаю, онъ знаетъ... и прощаетъ, дружески... и я ему многое прощаю! Вотъ твое письмо. Развѣ, здѣсь, тайны, отъ меня?.. «До востребованія»?.. Не знаютъ адреса?..

— Значить, не знаютъ! Отдай письмо... — возбужденно сказала она, протягивая руку.

— Но... я хотѣлъ бы знать — отъ кого?..

— Насиліе?!.. — выкрикнула она, — сейчасъ же извольте отдать письмо!..

— Отъ кого?.. — повторилъ Бураевъ, не сводя глазъ съ мѣнявшагося лица Люси.

— Отдайте сейчас письмо!.. — истерически крикнула она.

— Те перь... не дамь! — чеканя слова, твердо сказала Бураевъ. — Да, на-си-ліе... говорятъ въ нашемъ обществѣ. Но я — грубый солдатъ, что дѣлать! Я знаю, что въ этомъ... «секретномъ» письмѣ — меня касается!.. — выговорилъ онъ медленно въ округлившіеся ея глаза. — Готовъ держать пари...

— Отдайте сейчасъ письмо!..

— За насиліе отвѣчу. Валясикъ, револьверъ!.. — крикнулъ Бураевъ, бросая письмо на столъ. — Не трогайте!..

— Стефъ... — прошептала Люси, блѣднѣя.

— Не волнуйтесь. Сейчасъ поймете.

— Какой прикажете, ваше высокоблагородіе? — спросилъ за дверью Валясикъ.

— Ну... казенный, наганъ... не знаешь!.. — крикнуть Бураевъ раздраженно. — Пройдите въ спальню, — приказалъ онъ Люси, уткнувшейся въ портьеру.

Она не шевельнулась. Онъ взялъ ее за руку, и она покорно пошла за нимъ. Въ спальнѣ онъ заперъ окна и всталъ у двери. Деньщикъ подалъ ему наганъ.

— Ступай, чего ты.? Жди тамъ!.. — крикнулъ на деньщика Бураевъ. — Маршъ!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — и деньщикъ ушелъ.

— Что вы хотите?.. Ради Бога.. Стефъ!.. — шептала Люси, мертвѣя, — за что ты хочешь меня...

— Не васъ. За «насиліе надъ личностью» заплачу. Можете быть спокойны. Письмо я вскрою. И если я... если не касается моей че-сти... расплачусь. Честно, до конца. Довольно этого... — не находилъ онъ слова. — И тебя я мучилъ, и самъ измучился... довольно!

— Не хочу! не хочу!.. — закричала Люси, хватаясь за голову. — Умоляю тебя... Стефъ!..

Онъ разорвалъ конвертъ.

— Стефъ!..

— Ты боишься?.. письмо не задѣваетъ меня..? жалѣешь?!.. знаешь, что я сдержу..?

Она вѣблнлась и не пускала руку. Онъ оттолкнулъ ее. Она уткнулась лицомъ въ подушки. Было всего три строчки: «Зачѣмъ, такъ, мучаешь? Послалъ, четыре, телеграммы, получилъ, твоихъ, двѣ, только! Когда, же?.. Гдѣ, же, слово? забыла? Бѣшено, цѣлую, жду... А.»

Онъ читалъ однотононо, рубя слова. Съ каждымъ словомъ голосъ его снижался, и послѣднее слово — «А» — онъ произнесъ, какъ вздохъ.

Наступило молчаніе. Черезъ это молчаніе взрывами прорывались всхлипы. Буреавъ вздохнулъ, поглядѣлъ на кушетку, гдѣ билась Люси въ подушкахъ.

— Такъ... — какъ во снѣ, произнесъ Буреавъ. — Судьба. Платить не придется за... «насиліе»... Слышали, что вамъ пишетъ любовникъ А.?.. Можетъ быть есть и Б.? -- съ горькой усмѣшкой продолжалъ онъ, -- и В., который «ужасно тре-бователень»?.. требуетъ васъ къ... экза-мену?!.. Хорошъ «экза-мень»! И потому... можете быть за меня спокойны. Дайте сюда «четыре телеграммы».

— Стефъ!.. — умоляюще вскрикнула Люси, сжимая руки, — клянусь тебѣ!.. это ложь, это... кто-то чернить меня, клянусь самымъ...

— Четы-ре телеграммы! — повторилъ онъ.

— Я ничего не помню... это мистифи...

— Послѣдній разъ — четыре телеграммы?.. Валястикъ пойдетъ на почту, съ моимъ письмомъ, за справкой... Въ городѣ, гдѣ всѣ знаютъ все, вы не постѣснились получить тайно телеграммы и письма... бѣгали за... Четыре телеграммы!..

— Но, Стефъ!.. Я ихъ разорвала... ничего тамъ... обыкновенное увлеченіе... самый невинный флиртъ...

— Съ «бѣшенствомъ» поцѣлуевъ?.. Послѣдняя... порядочнѣе васъ, а я называлъ васъ своей женой... и требую не какъ за проститутку!.. Кто этотъ А?..

— Клянусь, не было ничего... Стефъ!..

— Не было и телеграммъ, клялись!.. Кто?!

Она, наконецъ, сказала. Что тутъ особеннаго, самый кевинный флиртъ! Въ нашемъ кругу — обычно. Да, онъ за ней ухаживалъ, рассчитывая, можетъ быть, на легкую побѣду, бомбардировалъ письмами, не разъ получалъ отпоръ...

— А вы такъ рвались къ нему — «на экзамень»!.. трепали хвосты за телеграммами, за письмами «до востребованія»! Онъ васъ «бомбардировалъ»... даже военные термины усвоили!.. А теперь пойдутъ юри-ди-ческіе?!.. У, энциклопедическая.....!

Ее полоснуло, какъ нагайкой. Она вскочила и топнула:

— Какъ ты смѣешь, солдатъ... мужикъ! Гдѣ у тебя доказательства?!.. гдѣ?!.. какъ ты посмѣлъ такъ оскорбить меня, какъ послѣднюю...?! Гдѣ доказательства моей измѣны?!.. гдѣ?!..

Она уже не говорила: она кричала дерзко, самоувѣренно. Округлившіеся отъ страха, мутившіеся глаза ея теперь смотрѣли жгучими «вишнями», налитыми игравшимъ сокомъ, съ искорками огня. Онъ чувствовалъ ея ложь и наглость, верткость и развращенность, — въ тонкомъ изгибѣ губъ, въ судорожномъ дрожаньи пальцевъ, въ поднятыхъ на него бровяхъ-мохнаткахъ, въ которыхъ — что то, дремучее, темная тайна женщины, въ маленькомъ, дѣтскомъ, лбѣ. Этотъ маленький, ясный лобъ, рѣзко подчеркнутый бровями, въ дѣвственности своей казался особенно развратнымъ, лживымъ. Съ ненавистью и болью смотрѣлъ на нес Бураевъ, стараясь сдержатъ себя: страстно ему хотѣлось убить, задушить ее, — и заласкать до смерти.

— Гдѣ доказательства?!..

— Молчи! — крикнулъ онъ, хватая наганъ и — остывая.

Боясь, что сейчасъ случится — чего уже нельзя исправить, онъ вышелъ въ садъ. Было темно, шелъ дождикъ,

шуршаль по листьямъ. Было тепло, парно березой пахло, горечью наливавшейся сирени. Въ невидной поймѣ красилъ уголькомъ костеръ. И такимъ одиночествомъ, такой пустотой охватило Бураева въ этой унылой ночи!. Онъ поглядѣлъ на окна. Розовый свѣтъ отъ лампы толкнулъ его, показался безстыднымъ, грязнымъ, свѣтомъ приотонной комнатки, взятой на полчаса, — бывший его уютъ! Онъ пошелъ отъ обрыва, чтобы не видѣть свѣта. Тыкался по кустамъ сирени, по вязкимъ лужамъ. Дождь пересталъ, ночь подавляла тишиною. И вотъ, въ тишинѣ разлился громъ соловьиной трели. Съ мокрыхъ кустовъ въ оврагѣ сыпало страстнымъ щелканьемъ, сладко томило болью.

— Стефъ..! — услыхалъ Бураевъ тревожный, молящій шопотъ.

«Довольно, кончить... все ложь и грязь!» — сказала онъ себѣ.

И не отвѣтилъ на повторенный окликъ. Ничего не рѣшивъ, чувствуя, что рѣшил о сѣ, онъ вошелъ въ комнаты.

— Стефъ, пойми же..! — начала умоляюще Люси, но онъ оборвалъ ее:

— Съ вами, все, кончено! съ ва-ми!.. Берите ваши тряпки и... вонъ отсюда! — крикнулъ онъ, въ бѣшенствѣ. — Ваши «полчаса» кончились!..

— Какъ вы смѣете оскорблять...! — вскрикнула она дерзко-гордо, но онъ заглушилъ ее:

— Молчать!.. Запритесь въ вашей поганой спальнѣ, чтобы я..!

У него оборвался голосъ. Онъ схватилъ со стола фуражку и револьверъ и выбѣжалъ изъ дома.

Въ заблѣвшемъ разсвѣтѣ, въ моросившемъ опять дождѣ, онъ увидалъ себя на шоссе, на седьмой верстѣ. Мѣсто было высокое. Впереди, за отлогимъ спускомъ, бѣлѣлъ монастырь по горкѣ, спускавшійся бѣлыми стѣнами. Справа, внизу, курилась туманомъ пойма, рѣка ды-

нитась, и длинный товарный поѣзд пыхтѣлъ, направляясь къ городу. Проводивъ его красный глазъ, Бураевъ спять пошелъ. Дошелъ до монастыря, остановился передъ гостиницей, гдѣ любилъ съ Люси зимой. Подумалъ — зайти, уснуть? Знакомый служка раздувалъ на крылечкѣ самоваръ, пахло дымкомъ пріятно, сосновой шишкой. Въ монастырѣ звонили, кричали грачи на кровляхъ.

— Заходите послѣ обѣдни чайку попить! — крикнулъ привѣтливо монашекъ. — Съ тепленькими просвирками...

Бураеву захотѣлось чаю послѣ безсонной ночи. Онъ ничего не сказалъ и вошелъ въ монастырскія ворота. Зачѣмъ онъ сюда попалъ? — спрашивалъ онъ себя, четко стуча по плитамъ. И шелъ къ собору. Главный соборъ былъ запертъ. Монахъ - садовникъ, сажавшій маргаритки, указалъ ему низенькую церковь:

— Раннюю-то у насъ въ «зимней» служить.

Въ низенькой церкви шла ранняя обѣдня. Одиночныя темныя фигуры стояли по простѣнкамъ. Когда Бураевъ вошелъ, іеродіаконъ читалъ Евангеліе. И первое, что услышалъ Бураевъ, давно не бывавшій въ церкви, были слова Христа: «встань, возьми одръ твой и ходи». И дальше, въ самомъ концѣ, услышалъ: ...«не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобой чего хуже». Слушалъ онъ съ удивленіемъ - - и отнесъ къ себѣ.

«Возьми одръ твой и ходи»... «Не грѣши больше, чтобы не случилось чего хуже»!..

Его умилило это. Показалось, что не случайно вышло, что неожиданно попалъ сюда. Что это, - - знаменіе?

Въ «знаменія» онъ вѣрилъ, хотъ и таилъ это отъ себя. Вѣрили всѣ въ роду. Мама знала, что она умретъ молодой, — было такое знаменіе. И дѣдъ по отцу, Авксентій Бураевъ, кирасиръ, сказалъ секундантамъ на дуэли, за «цыганку»: «друзья, прощайте! помните — панихиду съ пѣвчими!» — и подмигнулъ прощально. И у отца - свои знаменія. Онъ дважды «угадывалъ», что будетъ разнень, «но это все пустяки, а впереди еще будетъ много!»

«Развѣ ужъ такъ я грѣшенъ?» — подумалъ съ усмѣшкой Бураевъ и быстро пошелъ изъ церкви.

«Все это дряблость воли, старья выжимки. Надо крѣпче держать себя и дѣйствовать!» И ему стало стыдно, что подчинился какой-то волѣ, зачѣмъ-то пришелъ сюда и ищетъ какихъ-то «знаменій». Помнилось — гдѣ-то читалъ въ романѣ, что такой же, какъ онъ, «несчастный» тоже вдругъ очутился въ церкви, и тоже случилось «знаменіе».

Потерять голову, отъ любви?.. Къ чорту!..

Пріостановился передъ гостиницей, подумалъ — не зайти ли: хотѣлось чаю. Чудилось опять «знаменіе»: пріѣзжали сюда съ Люси, и вотъ, привелъ теперь, словно нарочно — ткнуло!

«Что это — грѣхъ то было, и долженъ сознать его? Потому-то и привелъ?» — съ усмѣшкой опять подумалъ — и не вошелъ. Старенькій служка его окликнулъ:

— Что больно скоро, не помолились-то?.. Чайку бы зашли попить!..

Бураевъ махнулъ рукой. И опять его поразило, когда старичокъ — такой-то веселый старичокъ! — крикнулъ ему вдогонку.

— Отчаянный вы народъ, господа военные... а отчаиваетесь!.. Эхъ, подь дождичекъ — да чайку попить!..

И такъ добродушно засмѣялся!

Вспомнилъ Бураевъ, какъ этотъ же самый старичокъ ласково угощалъ ихъ чаемъ, тогда, зимой... принесъ монастырскаго медю и все любовался ими. Такой-то любопытный, все спрашивалъ: давно ли поженились, да есть ли дѣтки, да ладно ли живете... Очень ему понравились. Такой простодушный старичокъ, душевный. И въ голову не пришло ему, что пріѣхали для «грѣха», а не семейно. Добрый старикъ, житейскій...

И вотъ — «отчаиваетесь»! И странно, въ этомъ почувствовалъ Бураевъ «знаменіе»: значить — нечего принимать всерьезъ.

Онъ пошелъ бодро, походнымъ шагомъ. Подъ откосомъ шоссе, налѣво, его обогналъ товаро-пассажирскій поѣздъ. «Пожалуй, уѣдетъ съ этимъ», — подумалъ онъ. — «Если не было ничего — должна подождать меня, не захочетъ уѣхать такъ, не объяснившись. Скорый проходить въ десять, а сейчасъ семь... застану».

Моросилъ дождь, какъ ночью, и ѣхавшіе въ городъ мужики глядѣли изъ-подъ рогожекъ, какъ офицеръ въ майскомъ кителѣ шлепалъ по шоссе, по лужамъ, въ такую рань. Иные предлагали:

— Вашъ благородіе, подвезу! Чего на дождю-то мокнешь!..

Но онъ упорно шагаль, какъ, бывало, шагаль въ Манчжуріи.

Люси уѣхала, и Бураеву стало ясно: было!

— Очень торопились, — сказалъ Валясикъ, — одинъ всего чимадамчикъ взяли.

Постель была въ безпорядкѣ. Въ столикѣ оставлена записка, написанъ: «Измучилась, бѣгу отъ кошмара, прощай. Л.»

«Бѣжала подъ защиту... Но вѣдь я же ее прогналъ!..»

Онъ старался и отыскать подтвержденія, что — было и тутъ же и опровергнуть ихъ.

«Если — да, зачѣмъ же ей пріѣзжать ко мнѣ? Написала бы, ну... прямо открылась бы, сказала... мы же не связаны... Прожила три недѣли..? Но бѣгала же ко мнѣ отъ мужа?.. Я самъ оставилъ ее тогда, а то продолжала бы! А онъ вотъ не оставилъ...»

Нѣтъ, къ чорту!

Онъ приказалъ Валясику принести дорожную корзину и бѣшено сталъ швырять въ нее все — ея, что попалось подъ руку: бѣлье и платья, шубку и пустяки. Швырять и давилъ ногой. Швырять и думалъ, въ ожесточеніи, — «вотъ ея... зажитое». Вытрясъ всѣ ящики комода, всѣ картонки — шляпки, цвѣты и перья, духи и тряпки, чулки.

вуальки, какія-то коробки, корсетъ, перчатки... «Вотъ ея, за-житое!» Увидаль изорванное письмо -- клочочки, застрявшіе въ щелкахъ ящика. У него задрожали руки... Почеркъ былъ тотъ же самый!

Онъ разложилъ на столикъ, но клочочки все разлетались, отъ дыханья. Мелькали разорванныя слова — «бровки, мои «медвѣдики»... «и всю тебя, Лю...» «и пахнуція гіацинтомъ...» «летѣли мы на вокзалъ... твоя шапочка вдругъ слетѣла...» «и бархатныя твои кол...»

— Вотъ..! крикнулъ Бураевъ, захватывая воздухъ, — вотъ...

Не могъ уже говорить, передъ глазами пошли круги.

— Селезневъ изъ роты пришелъ, ваше высокоблагородіе! — доложилъ Валясикъ.

— Дозвольте доложить, ваше высокоблагородіе... — услыхалъ Бураевъ голосъ своего вѣстового Селезнева, — господинъ фельдфебель послать спросить...

— Сейчасъ!.. — крикнулъ Бураевъ, схвативъ клочки.

Сдѣлавъ распоряженія, онъ приказалъ Валясику завязать корзину, далъ адресъ Машеньки и велѣлъ сейчасъ же сдать багажомъ на скорый. Умылся; пересѣлся и пошелъ въ роту на утреннія занятія, послѣднія передъ уходомъ въ лагерь.

Встрѣтился почтальонъ и подалъ ему письмо, отъ брата Павла. Бураевъ тутъ же и прочиталъ. Подпоручикъ писалъ, подъ большимъ секретомъ, что въ его жизни наступилъ важный переломъ, дальше онъ ждать не можетъ... Однимъ словомъ, онъ женится, и надо достать пять тысячъ для реверса, а ждать до 28 лѣтъ — цѣлыхъ еще два года! «Пожалуйста, подготовь папу, мнѣ какъ-то совѣстно объявить ему». Заканчивалось восторженно: «Если бы зналъ, какъ она прекрасна! Только черезъ нее постигъ я, что такое истинная любовь, что такое для меня — женщина! Я не могу безъ нея... Все равно, если папа не выручитъ какъ-нибудь.. — я знаю, какъ ему тяжело, — при-

дется оставить полкъ и поступить куда-нибудь въ канцелярію, но это для меня ужасно. Не знаю, что дѣлать, помогите!!»

— Дуракъ! — сказалъ въ раздраженіи Бураевъ и смялъ письмо. — Ахъ, чудакъ!

И вспомнилъ, что отецъ такъ и не отвѣтилъ ему на письмо о деньгахъ, хоть и прислалъ поздравленіе на Пашу и ящикъ яблокъ. И стало ему жаль Пашу, котораго онъ любилъ. «Но почему же не подождать... чудакъ! Это — «ужасно»?.. Чудакъ».

Передъ желтыми зданіями казармъ онъ крѣпко собралъ себя и бодро вошелъ въ ворота, отчетливо принимая честь вытянувшагося дневального.

Вотъ что случилось въ жизни капитана Бураева, зъ его «семейной» жизни, до того майскаго дня въ дождѣ, когда получилъ онъ въ собраніи узенькій фіолетовый конвертикъ съ нетвердымъ почеркомъ, съ мольбой — непременно притти сегодня вечеромъ на большакъ, — «иначе меня не будетъ въ жизни, клянусь вамъ!»

IV.

Было не до свиданій. Но заклинаящія слова смущали, а случившееся въ «Мукденѣ» самоубійство какой-то красивой гимназистки являлось, какъ-будто, знаменіемъ. И была еще смутная надежда, таившаяся въ словахъ — «вы в с е узнаете». Начинало казаться, — и такъ хотѣлось! -- что есть какая-то связь между этимъ письмомъ и — т ѣ м ѣ.

Вызванный изъ тяжелыхъ думъ окликомъ своего Вальсика — «четвертаго половина... въ роту, ваше высокоблагородіе, не запоздаете?» — Бураевъ пошелъ въ казармы на репетицію завтрашняго парада. На Большой улицѣ его увидалъ катившій на парѣ сѣрыхъ жандармскій полковникъ Розень, остановилъ лошадей и, звеня шпорами, перемахнулъ къ Бураеву.

— На одну минутку, капитанъ... добраго здоровья. Могъ бы я къ вамъ вечеркомъ сегодня, или мой ротмистръ... справочку намъ одну?

— Извините, полковникъ... сегодня-то и не буду дома. А въ чемъ дѣло?

— Можетъ быть, разрѣшите, въ скверъ присядемъ.. самое большее, пять минутъ? Позволите?..

Полковникъ, красивый брюнетъ съ усами и — Бурева всегда это удивляло — съ Владиміромъ съ мечами и бантомъ, за военные подвиги, былъ крайне предупредителенъ, и Буревъ позволилъ, хоть и недолго любилъ жандармскихъ. Они повернули въ скверъ передъ присутственными мѣстами и присѣли на лавочку.

— Вы, конечно, слышали о вдовѣ Малечкиной, капитанъ. Такъ вотъ... Это могу вамъ довѣрить, какъ офицеръ офицеру: на дняхъ у нея былъ обыскъ. Собственно говоря, она не клиентка наша, а просто .., и къ ней захаживаютъ изъ молодежи. Оказалось, однако, и другое. Въ заднихъ двухъ комнаткахъ у нея иногда собиралась здѣшняя партійная молодежь для конспиративныхъ совѣщаній... интересное совмѣщеніе, не правда ли?..

— Но, позвольте, полковникъ, какое же отношеніе..?

— Одну секунду... Есть показанія... вы меня простите, увѣренъ, что тутъ, просто, недоразумѣніе, что Людмила Викторовна Краколь — полковникъ произнесъ въ высшей степени уважительно — однажды была у Малечкиной, хотѣла ей передать какія-то триста рублей, якобы для дѣтей...

— Простите, полковникъ... не «якобы», а именно для дѣтей!

— Виновать. Но застала Малечкину пьяной... одну секунду!.. Съ другой стороны, при сегодняшнемъ обыскѣ, послѣ самоубійства этой дѣвочки Корольковой, у одного семинариста, постоянного посѣтителя Малечкиной... и не только изъ-за «высокихъ цѣлей», — подмигнувъ весело полковникъ, ... найдена книжечка, гдѣ есть, между пре-

чимъ, такого рода запись: «отъ госпожи Л. В. К. — «на просвѣщеніе» триста дѣлковыхъ». Причемъ — «на просвѣщеніе» — съ кавычками! Миѣ не хотѣлось бы послать въ Москву... Если не ошибаюсь, послѣднее время госпожа Краколь проживаетъ большею частью въ Москвѣ? Можетъ быть вы...

Бураеву было непріятно слушать, и теперь ему было безразлично. Но по тону полковника онъ понялъ, что косвенно и его припутываютъ къ дѣлу, и это раздражало.

— Кажется, могу васъ удовлетворить, полковникъ... — сказалъ онъ сухо. — Триста рублей при миѣ были переданы госпожѣ Краколь адвокатомъ Ростовскимъ для Малечкиной, которую онъ защищалъ здѣсь... для ея дѣтей. Госпожа Краколь ее разыскала, но не могла передать. Попала въ какую-то трущобу, на пьянос безобразіе, и сосѣди помогли ей выбраться. Помнится, она запрашивала адвоката, какъ быть съ этими деньгами, и тотъ просилъ передать ихъ на какой-то «кружокъ самообразованія» или... «просвѣщенія»! Здѣшняя учащаяся молодежь, помнится, подносила ему адресъ за оправданіе этой дряни, такъ вотъ... на кружокъ. Больше я ничего не могу сказать. Обратитесь къ госпожѣ Краколь, въ Москву.

— Жаль, что она уѣхала... и, кажется, сегодня только? Крайне вамъ благодаренъ, капитанъ, — закозырялъ полковникъ, — теперь для меня яснѣе...

И уже другимъ тономъ, какъ добрый собесѣдникъ и общаго круга человѣкъ, сказалъ, что случившееся въ гостиницѣ «Мукденъ» поднимаетъ такую грязь...

— Политика тутъ перемѣшана съ такимъ развратомъ... Что только дѣлается! И не у насъ здѣсь только, а повсюду, по всей Россіи! Не о провокаторахъ я говорю, они были всегда. Правда, не въ такомъ ужъ количествѣ... Нѣтъ. Я отлично знаю исторію революціоннаго движенія, у насъ богатѣйшій матерьялъ... но, знаете... Достоевскій въ своихъ «Бѣсахъ» изобразилъ — пустяки, въ смыслѣ грязи и

пошлости, и по-длости, добавлю! Если бы вамъ показагъ наши матерьялы... на-шу конспирацію... на что идутъ... и про наше общество-съ говорю, а не только про «политиковъ», а-а!.. На ушко скажу вамъ, какъ офицеръ офицеру... десятка полтора господчиковъ изъ здѣшной интеллигенціи... у насъ работаютъ!

— Ну, это вы, полковникъ...

— Фактъ! Изъ нихъ только трое - - по убѣжденію, когда «убѣдились» послѣ 905-го и, особенно, послѣ убійства Столыпина. И они — по идеѣ! Прочая сволочь изъ-за грошей. Грязи накрутилось вокругъ ихняго «храма» — я говорю о «политикахъ»... повѣрите, противно работать даже! Насъ-то, я знаю, презираютъ въ обществѣ, плевать. Я, — поправилъ полковникъ орденъ, а Буреавъ подумалъ — и зачѣмъ онъ его таскаетъ, какъ «присягу», — по характеру боевикъ, и здѣсь работаю, какъ когда-то работалъ на фронтѣ, а придется — и буду, — такъ я съ омерзѣніемъ смотрю и хапаю ихъ пачками, не жалко. Словно не съ преступной идеей борешься, а съ какимъ-то политическимъ... лупанаромъ, увѣряю васъ! Есть и идеалисты, знаю, и, какъ врага, даже уважаю! Боевиковъ, чортъ ихъ дери, все-таки уважаю. А въ общемъ, и де я уже давно охамилась, упростилась до хищнаго и сладострастнаго спорта, начала вонять! И какъ-будто уже не намъ надо бы тутъ работать, а, просто, сыскной полиціи, уголовной. Революціонное, бывшее «дворянство» отходить, идетъ самый-то пошлый и гнусный мѣщанинъ. Отъ господина Горькаго, революціонеръ-босякъ и подлець. Послушайте-ка, что было... какъ начнеть нашъ отставной генералъ Птицынъ про прошлое вспоминать...

На перекресткѣ они разстались. Буреавъ повернулъ на Нижнюю Садовую и только собирался выйти на Косой Тупичокъ, къ казарменному плацу, какъ изъ углового домика, со двора, вывалилась кучка чиновниковъ казенной палаты, а одновременно изъ параднаго крылечка вышла знакомый Буреаву по дворянскому клубу статскій совѣт-

никъ Соболевъ, начальникъ отдѣленія палаты, и на минутку остановилъ.

— Слыхали? Дочурка нашего Королькова, моего стонаначальника, застрѣлилась!

— Да, слыхаль. Что за причина?

— Причина... Ударъ старика хватилъ, помреть, должно быть. Причины никто не знаетъ, отыскивають, и столько грязи разворотили...

Бураевъ взглянулъ на домикъ, съ дощечкой на воротахъ, которую зналъ отлично, — каждый день проходилъ здѣсь четыре раза, — «Домъ Коллежскаго Ассессора А. А. Королькова», и вспомнилъ слова поручика. Такъ вотъ кто это! Онъ вспомнилъ красивую дѣвчушку, съ карими ясными глазами, съ косами, перекинутыми на грудь: она часто смотрѣла на него въ окошко, и онъ всегда любовался чудеснымъ цвѣтомъ ея лица — словно изъ нѣжнаго фарфора. Такъ вотъ это кто, Лизочка Королькова!

Бураевъ искренно посочувствовалъ и вспомнилъ о филоетовомъ письмецѣ. Неужели это она? Показалось вполне возможнымъ. По словамъ Шелеметова, она, очевидно, интересовалась капитаномъ, спрашивала — «почему онъ такой суровый?» Письмо могло быть написано и вчера, а дѣвчонка подала сегодня... Вчера онъ не могъ притти, и она застрѣлилась: «иначе меня не будетъ въ жизни!» Но... причеъ тутъ семинаристъ, гостиница, недопитая бутылка съ коньякомъ, какъ говорили?.. И подписано буквой «К»...

«А можетъ быть хотѣла искать у меня защиты?» — подумалъ онъ. — «Зануталась какъ-то, никого нѣтъ, кто бы могъ помочь... и вспомнила обо мнѣ, часто смотрѣла изъ окошкка, интересовалась...»

Вспомнился и разговоръ съ жандармскимъ.

— Но что особенно ужасно... — продолжалъ Соболевъ, окруженный чиновниками, которые слушали почтительно и кого-то все унимали шопотомъ, — чудесная была дѣвчонка, крестница моя... и религіозная, и отца какъ

любила! И старикъ съ хорошими устоями... И вотъ, замѣшали въ какую-то политическую... и грязную исторію, — заговорилъ онъ шолотомъ и показала на спущенныя въ окнахъ занавѣски, -- обыскъ сегодня былъ, все рыли, а старикъ ужъ хрипѣлъ, а дѣвочка тамъ, въ гнусныхъ номерахъ, гдѣ бывають только... Ударъ за ударомъ, какъ...

И тутъ-то произошло то самое, чему Буряевъ тогда не придавалъ значенія, а вспомнилъ много спустя. Произошла «пьяная исторійка».

Не успѣлъ Соболевъ закончить, какъ изъ кучки чиновниковъ вырвался рыжий лохматый человекъ, въ котелкѣ на сторону, лѣтъ подь сорокъ, и вытянулся во фронтъ:

— Здравія ж-лаю, ваше высокоблагородіе! ...го сапернаго батальона, унтеръ-офицеръ Никольскій! Примите мѣры, господинъ капитанъ, иначе... Дайте мнѣ важный вопросъ сказать... извините, я не пьянъ, а... страдаю! — хлопнулъ онъ себя въ грудь. — Прикажите принять мѣры строгости! Только мы можемъ упрочить... безобразіе! Почему допускають, господинъ капитанъ? Молоденькая дѣвочка, дочка Алексѣй Алексѣича, моего начальника... почему? Должны хирурги вскрыть, по какой причинѣ... а не обыскъ! Хулиганы заманили, знаю фамиліи... всѣхъ этихъ, статистиковъ! И вотъ, при издыханіи на одрѣ, ударомъ! Нельзм такое безобразіе... прикажите рапортъ, начисто чтобы..!

Его потянули съ собой чиновники, но онъ вырывался, продолжая кричать -- «не допускайте, господинъ капитанъ!..»

— Писецъ нашъ, — извинился Соболевъ, когда напишется, начинаетъ протестовать. Дѣло, дѣйствительно, возмутительное. Вообще, творится Богъ знаетъ что... У молодежи нашей нѣтъ этого... чего-то опредѣленнаго, какого-то основного, твердаго идеала, корня!.. И, вообще, никакого плана, цѣли, — ни у кого. Несемся куда-то по теченію, и скука, и недовольство, и броженіе въ мысляхъ...

— Да, разбродъ... — разсѣянно говорилъ Бураевъ, — да, тяжелая исторія.

— Не знаемъ, чего хотимъ. У меня сынъ кончаетъ гимназію, хорошій мальчикъ и отличный ученикъ, но... и своего-то сына не знаю, чего онъ хочетъ, какіе у него идеалы, цѣли... спасибо, хоть не «политикъ»!..

Бураевъ извинился — спѣшить въ казармы.

Съ казарменнаго плаца доносило звуки отдѣльныхъ трубъ и дробную пробу барабановъ. Сѣявшій дождь прошелъ. Въ медленно проплывавшихъ тучкахъ сквозило солнце. Завиднѣлись желтыя казармы, съ колоннами. Скучныя для другихъ, онѣ были милы Бураеву: въ ихъ старинѣ и грузности, въ четкости строгихъ линій чувствовался порядокъ, точность и собранность. Строгая виѣшность ихъ хранила невѣдомое другимъ — священное. Въ черномъ чехлѣ на древкѣ, казавшаяся непосвященнымъ «куклой», хранилась душа полка, связанная со всей Россіей сотнями сильныхъ лѣтъ, блескомъ россійской силы, славой побѣдъ и одолѣній, тысячами живыхъ, сотнями тысячъ павшихъ. Души ихъ — въ этомъ Знамени, въ гордой душѣ полка.

Изъ казармъ выходили роты. Слышалось — «на пле... чо!» — взблескивали штыки на солнцѣ. Мысли пришли въ порядокъ, отступили, и Бураевъ собралъ себя. Все здѣсь было ему понятно, нужно: все сводилось къ опредѣленной цѣли, — освящено. Творилось изъ вѣка въ вѣкъ. Оправдано славнымъ прошлымъ, бережетъ настоящее, къ будущему ведетъ безстрастно. Бураевъ неколебимо зналъ: «Слава Россіи — Армія». Слава и жизнь, и сила. И въ этомъ — все. Эту простую истину принялъ онъ отъ отца, отъ школы: армія создала Россію, ея исторію. Въ это онъ вѣрить крѣпко.

«На пле... чо!» — услыхалъ Бураевъ звончатый голосъ Шелеметова, и сердце его вспорхнуло, подъ взблескъ штыковъ.

— Молодцы! — подумалъ онъ вслухъ, любуясь родною ротой, которая шла по плацу.

«Смирно-о... равненіе напра-во!» — скомандовалъ лихо Шелеметовъ, завидя ротнаго.

— Молодцы!.. — крикнулъ Бураевъ весело, пропуская роту, и она четко гаркнула въ тонъ ему:

— Ррады стараться, ваше высокоблагородіе!..

Слышались по концамъ команды, отдавались въ пустыхъ казармахъ. Румяный Зиммель, полковой адъютантъ, ставилъ линейныхъ, съ флажками на винтовкахъ, бѣгалъ, играя шпорками.

— Батальонъ... сми-рна-а!.. — крутятся на своемъ «Нагибѣ», кричалъ подполковникъ Кожинъ, котораго называли «Донъ-Кихотомъ», за костлявость, усы и эспаньолку. — Слушай!.. на кра... уль!

Шла подготовка къ репетиціи парада. Въ разныхъ концахъ по плацу приводились въ порядокъ роты, вливались въ батальоны. Вспыхивали штыки и падали, шлепали розовыя руки, шагъ отбивали ноги — одна нога. И казавшаяся нестройность незамѣтно преобразилась въ строй, и по великому плацу, по всѣмъ сторонамъ его, выстроились колонны батальоновъ.

Сбоку, подъ тополями, сверкалъ оркестръ. Огромный турецкій барабанъ порой рокоталъ невнятно, сіяя мѣдью. Трубы пускали зайчиковъ.

Командующій парадомъ подполковникъ Туркинъ, верхомъ на своемъ гнѣдомъ, крикнулъ, завидя медленно подѣзжавшаго Гейнике, принимавшаго репетицію парада:

— Полкъ, сми...рно-о!.. ...шай!.. на кра... уль!..

Всплеснуло четко—и замерло. Музыка заиграла встѣчу. Туркинъ подѣхалъ съ рапортомъ. Бѣлая кобыла Гейнике стояла смирно, словно и она принимала рапортъ. Гнѣдой вертѣлся, потряхивая мордой. Принявъ рапортъ, командиръ подалъ оркестру знакъ — прекратить, выѣхалъ на середину плаца, окинулъ полкъ.

— Здорово... молодцы Н...цы!

Полкъ, какъ одинъ, отвѣтилъ. Пустыя казармы повторили. Стало тихо. Сопровождаемый Туркинымъ, штаб-трубачомъ и ординарцами на коняхъ, командиръ медленно поѣхалъ по фронту батальоновъ. Теперь онъ здоровался отдѣльно:

— Здорово, братцы... первый батальонъ!

Такъ — по всѣмъ батальонамъ и командамъ. Красивая его борода по грудь, черная съ просѣдью, развѣвалась по вѣтерку. Крѣпкая, статная фигура, въ защитнаго цвѣта китель, внушала довѣріе солдатамъ. Онъ былъ «простой», — называли его солдаты, — и въ ружьѣ не держалъ подолгу. Но бывало и «погоди-постой», когда налеталъ «бушуетъ». Сегодня онъ былъ «простой». Закончивъ быстро объѣздъ полка, онъ приказалъ оправиться и попросилъ батальонныхъ — «пожалуйте, господа, ко мнѣ». Поблагодаривъ за исправный видъ и выразивъ полную увѣренность, что завтра не подкачаютъ, Гейнике приказалъ командующему парадомъ провести полкъ по-ротно.

Отѣхали. Туркинъ подалъ команду:

— Полкъ, смирно-о!.. Къ церемоніальному маршу-у!..

Полкъ перестроился въ колонну.

— Къ церемоніальному маршу-у!.. По-ротно... на одного линейнаго дистанцію, первый батальонъ..!

Командиръ перваго батальона подполковникъ Кожинъ, выѣхавъ передъ фронтъ, скомандовалъ:

— Къ церемоніальному маршу!.. Батальонъ... на плечо!

Вскинулись и легли винтовки. Офицеры блеснули шапками, на плечо.

— По-ротно-о... На одного линейнаго дистанцію... первая рота, ша... гомь..!

Командиръ первой роты капитанъ Ростовцевъ, повернувшись къ фронту, скомандовалъ:

— Первая рота... р-равненіе направо... ша-а-гомь..!

Повернулся спиною къ ротѣ. Командующій парадомъ подполковникъ Туркинъ и командиръ перваго батальона подполковникъ Кожинъ вразъ опустили поднятыя надъ головою шашки, и ротный закончилъ рѣзко — ...маршъ!

Бухнулъ турецкій барабанъ, ударили литавры, и подъ любимый маршъ Гейнике — «Подъ Двуглавымъ Орломъ» — крѣпко и широко печатая, двинулась плотно рота, бросая въ гремящій воздухъ восторженное, ревущее — рра-а... рра-а... рра-а...

И когда вель 3-ю свою Бураевъ, беря «подвысь» и салютуя «къ ногѣ» сверканьемъ, проходя мимо Гейнике, матовое лицо его строгими синими глазами вливалось въ командира, отдавая себя — на все. Рота несла его. Сотня ея штыковъ сіяла единой сталью, сотня головъ глядѣла однимъ лицомъ, сотня грудей дрожала единой грудью.

— Спасибо, молодцы... тре-тья-а..!

Грономъ гремѣла рота, и все, что было е го, Бураева, что терзало его страданьемъ, потонуло въ стихійной силѣ, которая шла за нимъ. Эта сила несла его. Сердце его захолонуло, остро всего пронзило, и въ синихъ его глазахъ, гордо смотрѣвшихъ вправо, было одно: м о и!

Церемоніальный маршъ кончился. Офицеры стояли группами. Батальонные командиры выслушивали полковника. Фельдфебеля по привычкѣ тянули взводныхъ. Бравые взводные, въ чертовски заломленныхъ фуражкахъ, чѣмъ-то корили отдѣленныхъ, и, какъ бываетъ почти всегда, попадало лѣвофланговому — «за штыкъ»:

— Чего у тебя на плечѣ, штыкъ или...? Чисто цѣпомъ мотаешь, всю роту гадила!

— Я тебѣ, Миньчукъ, натру пятки... Идетъ ровно въ соплѣ запутался?..

— А какъ насъ хвалилъ-то, господинъ отдѣленный?..

— За тебя и хвалилъ... какой у васъ, говоритъ, Миньчукъ... въ лукошкѣ пляшетъ!

А въ толпѣ, окружавшей плацъ, около кучки гимназистовъ на возрастѣ, пьяный писецъ Никольскій рвалъ за обшлагъ худощаго молодого человѣка, въ пенснэ и съ книжкой какого-то журнала:

— Идемте въ полицію, не дозволю оскорблять господъ офицеровъ! Я васъ знаю, лепартеровъ-статистиковъ! Какія вы ироническія слова сейчасъ..? а?! «Дурацкая игра... въ солдатики»?! Про... армію нашу? Я самъ сапернаго батальона, стою на стра-жѣ... внутреннихъ враговъ... идемте!

Его оттолкнули лодоспѣвшіе семинаристы, но онъ продолжалъ кричать:

— Господа офицера, берите его, с. с.!. Чта-а... побѣжали, японцы? А вотъ заявить губернатору... смуту въ народѣ дѣлають..!

— Даль бы въ ухо — и ладно, — сказалъ тоже смотрѣвшій парадъ штукатуръ, въ известкѣ. — Что мы, не знаемъ, что ли... Я самъ ефрейторъ третьяго гренадерскаго Перновскаго короля Фридриха-Вильгельма четвертаго полка, девятьсотъ втораго году. У насъ такихъ въ Москвѣ какъ дупили... въ пятомъ годѣ!..

— Я самъ сапернаго батальону унтеръ-офицеръ! А вотъ дамъ тревогу...

Онъ подбѣжалъ къ барабанщику 16-ой роты, который курилъ на барабанѣ, и затоваль:

— Бей тревогу, чего вы смотрите!..

— Уходите, господинъ... тутъ вольнымъ не полагается, — сказалъ барабанщикъ, сплевывая.

— Я не вольный, я самъ... сапернаго батальону..!

Послышались команды — смирно!

Командиръ полка приказалъ: по Нижне-Садовой, съ пѣснями.

— По-батальонно, сомкнутыми колоннами!.. Роты, повзводно!..

— Правое плечо впередъ... ша-гомъ... маршь!

Тяжелая черная колонна, въ сѣрыхъ скаткахъ черезъ плечо, съ лѣсомъ штыковъ надъ нею, стала грузно спускаться съ плаца. Съ Нижне-Садовой катилась пѣсня. Первый, кожинскій, батальонъ пѣлъ:

Стройся гва-а-ардія въ колон-ны,
Гренадеры, строй каре...
Со восхо-о-оду солнце свѣ-э-титъ,
Госуда-а-арь пріѣдетъ къ намъ...
Онъ пріѣ-э-едетъ — насъ проздравить
И кресто-о-омъ благословить!..

Третій батальонъ еще отбивалъ шагъ на мѣстѣ, а снизу летѣла пѣсня. Второй батальонъ, подполковника Распопова, пѣлъ лихо:

Онъ убить — принакрытъ
Черною китай-кай...
Приходила къ нему баба,
Жена моло-да-я,
Китаичку открывала —
Въ лицо признава-ла...

Издадека, чуть слышно, врывалась пѣсня съ подсвистами:

На горѣ родилася,
Въ чистомъ полѣ выросла,
Эй-ей, е-ха-ха,
Эй-ей, е-ха-ха!..

Четвертый, полковника Краснокутскаго, пѣвучій самый, спускался съ плаца, а третій, туркинский, отхватывалъ лише всѣхъ:

Чризъ законъ онъ приступилъ,
Бритву-ножницы купилъ...
Бритву-ножницы купилъ,
Себѣ бороду обрилъ...

Себѣ бороду обрилъ,
 У француза въ гостяхъ былъ,
 Французъ яво не узналъ,
 Рюмку водки наливаль!..

Первый батальонъ уже поднимался съ другой стороны казармъ, а четвертый, съ выщелканьемъ и свистомъ, съ угольниками и гиканьемъ, съ лихимъ запѣвалой впереди, пѣлъ-гремѣлъ:

Скажи-ка мнѣ, служивый,
 И съ чей ты стороны...
 Йехъ, съ матушки-Расеи,
 Съ поля — съ бороны!..
 Йехъ, чомъ-чом!
 Нипочемъ-нипочемъ!..
 Матушку-Расею
 Ня т-дамъ нипочемъ!..

Доведя свою третью до казармъ, Бураевъ остановилъ ее, окинулъ довольнымъ взглядомъ всю нацѣло, отъ правогофлангового великана Степана Кромина до лѣвофлангового, низкорослаго крѣпыша Сѣмечкина Егора, живую линію ясныхъ глазъ, глядѣвшихъ въ него съ довѣріемъ, бронзовыхъ, крѣпкихъ лицъ, — и крикнулъ:

— Спасибо, братцы!

Получивъ радостное и крѣпкое «рады стараться», онъ далъ Федосѣичу, фельдфебелю, три рубля: «на ситники имъ, на завтра!» Это онъ всегда дѣлалъ, когда былъ доволенъ ротой.

Взглянулъ на часы: четверть восьмого, скоро начнетъ смеркаться; за Старое кладбище, на большакъ, не близко. Послѣ безсонной ночи и безпокойнаго дня онъ почувствовалъ страшную усталость, а не пойти было невозможно: таинственное письмо тревожило. «Иначе меня не будетъ въ жизни!» Онъ позвалъ своего вѣстового Слезнева и приказалъ подать на квартиру «Рябчика», сейчасъ

же. Взялъ извозчика и поѣхалъ домой одѣться: къ вечеру сильно засвѣжѣло. Проѣзжая мимо домика Королькова, онъ ярко вспомнилъ милую дѣвочку съ косами, бывало глядѣвшую на него въ окошко. Окна были завѣшены. Сквозь давившую его свою боль онъ почувствовалъ боль иную — острую жалость къ дѣвочкѣ и незнакомому старику — отцу. Вдругъ показалось, что какъ-то онъ связанъ съ ними... Онъ даже оглянулся на тихій домикъ, и домикъ чѣмъ-то сказалъ ему — да, больно. Болью своею связанъ, — это почувствовалъ Бураевъ, — болью... И совсѣмъ глубоко, подѣ болью, почувствовалось ему, какъ облегченье, что здѣсь — страшнѣе. И въ его памяти острой тревогой встало, какъ раздѣляющее — или объединяющее? — двѣ боли: «иначе меня не будетъ въ жизни, клянусь вамъ!» — «вы все узнаете».

Не доѣзжая до тупичка въ садахъ, Бураевъ встрѣтилъ Валясика. Деньщикъ подбѣжалъ къ нему и подалъ телеграмму:

— Только что подали, бѣжалъ къ вамъ, ваше высокоблагородіе!..

Бураевъ разорвалъ пакетикъ, руки его дрожали. Телеграмма была отъ Машеньки: «Буду завтра три часа, необходимо переговорить, М.».

Ив. Шмелевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Защита Лужина

Романъ

5.

Онъ игралъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Нижнемъ. въ Кіевѣ, въ Одессѣ. Появился нѣкій Валентиновъ, что-то среднее между воспитателемъ и антрепренеромъ. Отецъ послалъ на рукавъ черную повязку, — трауръ по женѣ, и говорилъ провинціальнымъ журналистамъ, что никогда бы такъ основательно не осмотрѣлъ родную землю, если бъ его сынъ не былъ вундеркиндомъ.

Онъ сражался на турнирахъ съ лучшими русскими шахматистами, игралъ въ слѣпую, часто игралъ одинъ противъ человѣкъ двадцати любителей. Лужинъ старшій, много лѣтъ спустя (въ тѣ годы, когда каждый его фельетонъ въ эмигрантской газетѣ казался ему самому его лебединой пѣсней, и Богъ знаетъ, сколько было этихъ лебединыхъ пѣсенъ, полныхъ лирики и опечатокъ), задумалъ повѣсть какъ разъ о такомъ мальчикѣ шахматистѣ, котораго отецъ (по книжкѣ — пріемный) возить изъ города въ городъ. Началъ онъ книгу въ двадцать восьмомъ году, -- вернувшись домой съ засѣданія, на которое онъ пришелъ одинъ. Такъ неожиданно, такъ живо явился ему замыселъ этой книги, пока онъ сидѣлъ и ждалъ въ отдѣльной комнатѣ берлинской кофейни. Пришелъ онъ, какъ всегда, очень точно, удивился, что еще столики не составлены, велѣлъ лакею немедленно это

*) «Соврем. Записки» № 40.

сдѣлать, спросилъ чаю и рюмку коньяку. Комнатка была чистая, ярко освѣщенная, съ натюрмортомъ на стѣнѣ: аппетитные персики вокругъ разрѣзаннаго арбуза. На составленные столики, плавно взлетѣвъ, легла чистая скатерть. Онъ положилъ въ чай кусочекъ сахару и, грѣя безкровная, всегда зябкія руки о стекло, смотрѣлъ, какъ поднимаются пузырьки. Рядомъ, въ общемъ залѣ, скрипка и рояль играли изъ «Травіаты», — и отъ сладкой музыки, отъ коньяку, отъ вида бѣлой скатерти, старику Лужину стало такъ грустно, и грусть была такая пріятная, что онъ боялся двинуться, сидѣлъ, облокотясь на одну руку и прижавъ палець къ виску, — жилистый, красноглазый старикъ, въ вязаномъ жилетѣ и коричневомъ пиджакѣ. Играла музыка, пустая комнатка была налита свѣтомъ, алѣла арбузная рана, — и никто на засѣданіе не шель. Нѣсколько разъ онъ смотрѣлъ на часы, но потомъ такъ разомлѣлъ отъ музыки и чаю, что забылъ о времени и сталъ потихоньку думать о томъ, о семь, — о пріобрѣтенной по случаю пишущей машинкѣ, о Маріинскомъ театрѣ, о сынѣ, никогда не пишущемъ, и такъ рѣдко пріѣзжающемъ въ Берлинъ. А затѣмъ онъ спохватился, что сидитъ уже часъ, что скатерть все такъ же пуста и бѣла... И въ этой свѣтлой, показавшейся ему мистической пустотѣ, сидя за столомъ, предназначеннымъ для несостоявшагося засѣданія, онъ вдругъ рѣшилъ, что давно не являвшееся писательское вдохновеніе теперь постѣтило его.

«Пора подвести нѣкоторые итоги», — подумалъ онъ и оглядѣлъ пустую комнату, — скатерть, синіе обои, натюрмортъ, — какъ оглядываютъ комнату, гдѣ родился извѣстный человѣкъ. И фабула повѣсти, которую старикъ Лужинъ давно лепѣялъ, показалась ему въ этотъ мигъ только что созданной, и онъ пригласилъ мысленно будущаго біографа (парадоксальнымъ образомъ становившагося, по мѣрѣ приближенія къ нему во времени, все призрачнѣе, все отдаленнѣе) повнимательнѣе осмотрѣть эту случай-

ную комнату, гдѣ родилась повѣсть «Гамбитъ». Онъ залпомъ выпилъ остатокъ чаю, надѣлъ пальто и шляпу, узналъ отъ лакея, что нынче не среда, а вторникъ, улыбнулся, не безъ удовольствія отмѣчая свою разсѣянность, и, вернувшись домой, сразу снялъ черную металлическую сумку съ пинущей машинки.

Ярче всего передъ его глазами стояло вотъ это, писательскимъ воображеніемъ слегка ретушированное, воспоминаніе: свѣтлый залъ, два ряда столиковъ, на столикахъ шахматныя доски. За каждымъ столикомъ сидитъ человекъ, за спиной каждого сидящаго стоитъ кучка зрителей, вытянувшихъ шеи. И вотъ, по проходу между столиками, ни на кого не глядя, спѣшитъ мальчикъ, -- одѣтый, какъ Цесаревичъ, въ нарядную бѣлую матроску, — и останавливается поочередно у каждой доски, быстро дѣлаетъ ходъ или на мигъ задумывается, наклонивъ золотисто-русую голову. Если глядѣть со стороны, совершенно непонятно что происходитъ: пожилые люди въ черномъ сумрачно сидятъ за досками, густо уставленными вычурными куклами, а легкій, нарядный мальчикъ, Богъ вѣсть зачѣмъ пришедшій сюда, въ странной, напряженной тишинѣ легко переходитъ отъ столика къ столику, одинъ движется среди этихъ оцѣпенѣвшихъ людей...

Стилизованности воспоминанія писатель Лужинъ самъ не замѣтилъ. Не замѣтилъ онъ и того, что придалъ сыну черты скорѣе «музыкальнаго», нежели шахматнаго вундеркинда, — что-то болѣзненное, что-то ангельское, — и глаза, подернутые странной поволокой, и вьющіеся волосы, и прозрачную бѣлизну лица. Но теперь было нѣкоторое затрудненіе: этотъ очищенный отъ всякой примѣси, доведенный до предѣльной нѣжности, образъ его сына надобно было окружить извѣстнымъ бытомъ. Одно онъ рѣшилъ твердо, — что не дастъ этому ребенку вырасти, не сдѣлаетъ изъ него того угрюмаго человека, который иногда навѣщаль его въ Берлинѣ, односложно отвѣчалъ

на вопросы, сидѣлъ, прикрывъ глаза, и уходилъ, оставивъ конвертъ съ деньгами на подоконникѣ.

«Онъ умреть молодымъ», — проговорилъ онъ вслухъ, безпокойно расхаживая по комнатѣ, вокругъ открытой машинки, слѣдившей за нимъ всѣми бликами своихъ кнопокъ. «Да, онъ умреть молодымъ, его смерть будетъ неизбежна и очень трогательна. Умреть, играя въ постели послѣднюю свою партію». Эта мысль ему такъ понравилась, что онъ пожалѣлъ о невозможности начать писать книгу съ конца. Почему, собственно говоря, невозможно? Можно попробовать... Онъ повелъ было мысль обратнымъ ходомъ, — отъ этой трогательной, такой отчетливой смерти назадъ, къ туманному рожденію героя, но вдругъ встряхнулся, сѣлъ за столъ и сталъ думать наново.

Прежде, когда онъ мечталъ о такой книгѣ, онъ чувствовалъ, что ему двѣ вещи мѣшajúть: война и революція. Даръ сына по настоящему развился только послѣ войны, когда онъ изъ вундеркинда превратился въ маэстро. Какъ разъ наканунѣ этой войны, которая такъ мѣшала воспоминанію работать на стройную литературную фабулу, онъ съ сыномъ и съ Валентиновымъ. уѣхалъ опять за границу. Приглашали играть въ Вѣну въ Будапештъ, въ Римъ. Слава русскаго мальчика, уже побившаго кое-кого изъ тѣхъ игроковъ, имена которыхъ попадаютъ въ шахматные учебники, такъ росла, что объ его собственной скромной писательской славѣ тоже вскользь упоминалось въ иностранныхъ газетахъ. Они были всѣ трое въ Швейцаріи, когда былъ убитъ австрійскій эрцгерцогъ. По сообщеніямъ, совершенно случайнымъ (полезный сыну горный воздухъ, слова Валентинова, что теперь Россіи не до шахматъ, а сынъ только шахматами живъ, да еще мысль, что война не надолго), онъ вернулся въ Петербургъ одинъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ не вытерпѣлъ и вызвалъ сына. Въ странномъ витіеватомъ письмѣ, которому какъ то соотвѣтствовалъ медленный кружной путь, этимъ письмомъ продѣланный. Валентиновъ сообщилъ, что сынъ

прѣхать не хочетъ. Лужинъ написалъ снова, и отвѣтъ, такой же витѣватый и вѣжливый, пришелъ уже не изъ Тараспа, а изъ Неаполя. Валентинова онъ возненавидѣлъ. Были дни необыкновенной тоски. Были нелѣпныя затрудненія съ переводомъ денегъ. Впрочемъ, Валентиновъ въ очередномъ письмѣ предложилъ, что всѣ расходы по содержанию сына возьметъ на себя, что свои — сочтемся (такъ и написалъ). Шло время. Въ неожиданной роли военнаго корреспондента онъ попалъ на Кавказъ. За двумя тоски и острой ненависти по отношенію къ Валентинову (писавшему, впрочемъ, прилежно), пошли дни душевнаго успокоенія, основаннаго на томъ, что сыну за границей хорошо, лучше, чѣмъ было бы въ Россіи (что и утверждалъ Валентиновъ).

Теперь, черезъ почти пятнадцать лѣтъ, эти годы войны оказывались раздражительной помѣхой, это было какое-то посягательство на свободу творчества, ибо во всякой книгѣ, гдѣ описывалось постепенное развитіе опредѣленной человѣческой личности, слѣдовало какъ-нибудь упомянуть о войнѣ, и даже смерть героя въ юныхъ лѣтахъ не могла быть выходомъ изъ положенія. Были лица и обстоятельства вокругъ образа сына, которыя къ сожалѣнію были мыслимы только на фонѣ войны, не могли бы существовать безъ этого фона. Съ революціей было и того хуже. По общему мнѣнію, она повліяла на ходъ жизни всякаго русскаго; черезъ нее нельзя было пропустить героя, не обжигая его, избѣгать ея было невозможно. Это уже было подлинное насиліе надъ волей писателя. Межъ тѣмъ, какъ могла революція задѣть его сына? Въ долгожданный день осенью тысяча девятьсотъ семнадцатаго года явился Валентиновъ, такой же веселый, громкій, великолѣпно одѣтый, и за нимъ пухлый молодой человѣкъ съ усиками. Была минута печали и замѣшательства и страннаго разочарованія. Сынъ былъ молчаливъ и все посматривалъ въ окно («боялся возможной стрѣльбы», — вполголоса пояснилъ Валентиновъ). Сначала все

это было похоже на дурной сонъ, — но потомъ обошлось. Валентиновъ продолжалъ увѣрять, что «свои — сочтемся», — оказалось, что у него большія, таинственныя дѣла, и деньги разсованы по всѣмъ банкамъ союзной Европы. Сынъ сталъ посѣщать тишайшій шахматный клубъ, до-вѣрчиво расцвѣтшій въ самую пору гражданской сумятицы, а весной исчезъ вмѣстѣ съ Валентиновымъ — опять за границу. Дальше слѣдовали воспоминанія только личныя, воспоминанія непривлекательныя, Богъ съ ними, голодъ, арестъ, Богъ съ ними, и вдругъ — благословенная высылка, законное изгнаніе, чистая, желтая палуба, балтійскій вѣтеръ, споръ съ профессоромъ Василенко о безсмертіи души.

Изъ всего этого, изъ всей этой грубой мѣшанины, — такъ и липнущей, такъ и прущей изъ всѣхъ угловъ памяти, принижающей всякое воспоминаніе, загораживающей путь свободной мысли, — непремѣнно слѣдовало осторожно, по кусочкамъ, выскрести и цѣликомъ впустить въ книгу, — Валентинова. Человѣкъ несомнѣнно талантливый, какъ опредѣляли его тѣ, кто собирался тутъ же сказать о немъ что-нибудь скверное; чудакъ, на всѣ руки мастеръ, незамѣнимый человѣкъ при устройствѣ любительскаго спектакля, инженеръ, превосходный математикъ, любитель шахматъ и шашекъ, «амюзантѣйшій господинъ», какъ онъ самъ рекомендовалъ себя. У него были чудесныя каріе глаза и чрезвычайно привлекательная манера смѣяться. Онъ носилъ на указательномъ пальцѣ перстень съ адамовой головой и давалъ понять, что у него были въ жизни дуэли. Одно время онъ преподавалъ гимнастику въ школъ, гдѣ учился маленькій Лужинъ, и большое впечатлѣніе производило на учениковъ и учителей то, что за нимъ пріѣзжаетъ таинственная дама въ лимузинѣ. Онъ изобрѣлъ походя удивительную металлическую мостовую, которая была испробована въ Петербургѣ, на Невскомъ, близъ Казанскаго собора. Онъ же сочинилъ нѣсколько остроумныхъ шахматныхъ задачъ и былъ первымъ экс-

понентомъ такъ называемой «русской» темы. Ему было двадцать восемь лѣтъ въ годъ объявленія войны, и никакой болѣзнью онъ не страдалъ. Анемическое слово «дезертиръ» какъ то не подходило къ этому веселому, крѣпкому, ловкому человѣку, — другого слова, однако, не подберешь. Чѣмъ онъ занимался за границей во время войны — такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Итакъ, было рѣшено полностью имъ воспользоваться, благодаря ему, любая фабула пріобрѣтала необыкновенную живость, привкусъ авантюры. Но самое главное еще оставалось придумать. Вѣдь все это до сихъ поръ были только краски, правда теплыя, живыя, но плывшія отдѣльными пятнами; требовалось еще найти опредѣленный рисунокъ, рѣзкую линію. Впервые писатель Лужинъ, задумавъ книгу, невольно начиналъ съ красокъ.

И чѣмъ ярче становились въ его воображеніи эти краски, тѣмъ труднѣе ему было засѣсть за пишущую машинку. Прошелъ мѣсяць, другой, началось лѣто, и онъ все продолжалъ одѣвать въ наряднѣйшіе цвѣта незримую еще тему. Ему казалось иногда, что вотъ, книга написана, и онъ ясно видѣлъ наборъ, полосы гранокъ съ красными іероглифами по краямъ, а потомъ свѣженькую, брошюрованную книгу, хрустящую въ рукахъ, а дальше былъ чудесный розовый туманъ, сладостныя награды за всѣ неудачи, за всѣ обманы славы. Онъ ходилъ въ гости къ многочисленнымъ своимъ знакомымъ и подолгу, съ удовольствіемъ, рассказывалъ о своей книгѣ. Въ одной эмигрантской газетѣ появилась замѣтка о томъ, что онъ, послѣ долгаго молчанія, работаетъ надъ новой повѣстью. И эту замѣтку, имъ же составленную и посланную, онъ съ волненіемъ перечелъ раза три, вырѣзалъ, положилъ въ бумажникъ. Онъ сталъ чаще появляться на литературныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ адвокатами и дамами, и предполагалъ, что, должно быть, всѣ на него смотрятъ съ любопытствомъ и уваженіемъ. Какъ то, въ невѣрный лѣтній день, онъ поѣхалъ за городъ, промокъ подъ внезапнымъ

живнемъ, пока тщетно искалъ бѣлыхъ грибовъ, и на слѣдующій день слегъ. Болѣлъ онъ одиноко и кратко, и смерть его была беспокойна. Правленіе союза эмигрантскихъ писателей почтило его память вставаніемъ.

6.

«Непремѣнно все высыпется», — сказалъ Лужинъ, опять завладѣвъ сумкой.

Она быстро протянула руку, отложила сумку подальше, хлопнувъ ею объ столикъ, — какъ бы подчеркивая этимъ запретъ. «Вѣчно вамъ нужно теревить что-нибудь», — проговорила она ласково.

Лужинъ посмотрѣлъ на свою руку, топыря и снова сдвигая пальцы. Ногти были желтые отъ куренія, съ грубыми заусеницами, на суставахъ тянулись толстыя поперечныя морщинки, пониже росли рѣдкіе волоски. Онъ положилъ руку на столъ, рядомъ съ ея рукой, молочно-блѣдной, мягкой на видъ, съ коротко и аккуратно подстриженными ногтями.

«Я жалѣю, что не знала вашего отца, — сказала она поголя. — Онъ, должно быть, былъ очень добрымъ, очень серьезнымъ, очень любилъ васъ».

Лужинъ промолчалъ.

«Разскажите мнѣ еще что-нибудь, — какъ вы тутъ жили? Неужели вы были когда-нибудь маленькимъ, бѣгали, возились?»

Онъ опять положилъ обѣ руки на трость, — и, по выраженію его лица, по сонному опусканію тяжелыхъ вѣкъ, по чуть раскрывшемуся рту, словно онъ собирался зѣвнуть, она заключила, что ему стало скучно, что вспоминать надоѣло. Да и вспоминалъ то онъ равнодушно, — ей было странно, что вотъ, онъ мѣсяць тому потерялъ отца и сейчасъ безъ слезъ можетъ смотрѣть на домъ, гдѣ онъ въ дѣтствѣ жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Но даже въ этомъ рав-

нодушіи, въ его неуклюжихъ словахъ, въ тяжелыхъ движеніяхъ его души, какъ бы поворачивавшейся спростонья и засыпавшей снова, ей мерещилось что-то трогательное, трудно опредѣлимая прелесть, которую она въ немъ почувствовала съ перваго дня ихъ знакомства. И какъ таинственно было то, что, несмотря на очевидную вялость его отношенія къ отцу, онъ все-таки выбралъ именно этотъ курортъ, именно эту гостиницу, какъ будто ждалъ отъ когда-то уже видѣнныхъ предметовъ и пейзажей того содроганія, котораго онъ безъ чужой помощи испытать не могъ. А пріѣхалъ онъ чудесно, въ зеленый и сѣрый день, подъ морозящимъ дождемъ, въ безобразной, черной, мохнатой шляпѣ, въ огромныхъ галошахъ, — и, глядя изъ окна на его фигуру, грузно выльзавшую изъ отельнаго автобуса, она почувствовала, что этотъ неизвѣстный пріѣзжій — кто-то совсѣмъ особенный, непохожій на всѣхъ другихъ жителей курорта. Въ тотъ же вечеръ она узнала, кто онъ. Всѣ въ столовой смотрѣли на этого полнаго, мрачнаго человѣка, который жадно и неряшливо ѣлъ и иногда задумывался, водя пальцемъ по скатерти. Она въ шахматы не играла, никогда шахматными турнирами не интересовалась, но какимъ то образомъ его имя было ей знакомо, бессознательно въѣлось въ память, и она не могла вспомнить, когда впервые услышала его. Фабрикантъ, страдавшій давнимъ запоромъ, о которомъ охотно говорилъ, человѣкъ объ одной мысли, но добродушный, пріятный, не безъ вкуса одѣтый, — вдругъ забылъ о запорѣ и въ галлерей, гдѣ пили цѣлебную воду, сообщилъ ей нѣсколько удивительныхъ вещей о мрачномъ господинѣ, который, перемѣнивъ мохнатую шляпу на старое канотье, стоялъ передъ витринкой, вдѣланной въ колонну, и разглядывалъ кустарныя вещицы, выставленныя для продажи. «Вашъ соотечественникъ, — сказалъ фабрикантъ, указывая на него бровью, — знаменитый шахматный игрокъ. Пріѣхалъ изъ Франціи на турниръ. Турниръ будетъ въ Берлинѣ, черезъ два мѣсяца. Если выиграетъ,

то вызоветъ чемпиона міра. Отецъ у него недавно умеръ. Вотъ тутъ въ газетѣ все это сказано».

Ей захотѣлось познакомиться съ нимъ, поговорить по русски, — столь привлекательнымъ онъ ей показался своей неповоротливостью, сумрачностью, низкимъ отложнымъ воротникомъ, который его дѣлалъ почему то похожимъ на музыканта, — и ей нравилось, что онъ на нее не смотритъ, не ищетъ повода съ ней заговорить, какъ это дѣлали всѣ неженатые мужчины въ гостиницѣ. Была она собой не очень хороша, чего-то недоставало ея мелкимъ, правильнымъ чертамъ. Какъ будто послѣдній, рѣшительный толчокъ, который бы сдѣлалъ ее прекрасной, оставивъ тѣ же черты, но придавъ имъ неизъяснимую значительность, не былъ сдѣланъ. Но ей было двадцать пять лѣтъ, по модѣ остриженные волосы лежали прелестно, и былъ у нея одинъ поворотъ головы, въ которомъ сказывался намекъ на возможную гармонию, обѣщаніе подлинной красоты, въ послѣдній мигъ не сдержанное. Она носила очень простыя, очень хорошо сшитыя платья, обнажала руки и шею, немного щеголяя ихъ нѣжной свѣжестью. Она была богата, — ея отецъ, потерявъ одно состояніе въ Россіи, нажилъ другое въ Германіи. Ея мать должна была скоро пріѣхать на этотъ курортъ, и съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Лужинъ, ожиданіе ея шумливаго появленія было чѣмъ то непріятно.

Она познакомилась съ нимъ на третій день его пріѣзда, такъ, какъ знакомятся въ старыхъ романахъ или въ кинематографическихъ картинахъ: она роняетъ платокъ, онъ его поднимаетъ, — съ той только разницей, что она оказалась въ роли героя. Лужинъ шель по тропинкѣ передъ ней и послѣдовательно роняетъ: большой клѣтчатый носовой платокъ, необыкновенно грязный, съ приставшимъ къ нему карманнымъ соромъ, сломанную, смятую папиросу, потерявшую половину своего нутра, орѣхъ; и французскій франкъ. Она подобрала только платокъ и монету и медленно догоняла его, съ любопытствомъ ожи-

дая новой потери. Лужинъ шелъ, держа въ правой рукѣ трость, которой онъ трогалъ каждый стволъ, каждую скамью, а лѣвой рукой все шарилъ въ карманѣ штановъ и, наконецъ, остановился, вывернулъ карманъ и сталъ разглядывать въ немъ дырку. При этомъ выпала еще монета. «Насквозь», — сказала онъ по-нѣмецки, взявъ изъ ея руки платокъ («еще вотъ это», — сказала она по-русски). «Скверная матерія», — продолжалъ онъ, не поднимая головы, не переходя на русскій языкъ, ничему не удивляясь, словно возвращеніе вещей было вполне естественнымъ. «Да не суйте опять туда же», — сказала она и покатила со смѣху. Только тогда онъ поднялъ голову и хмуро на нее посмотрѣлъ. Его полное, сѣрое лицо, съ плохо выбритыми, израненными бритвой щеками, приобрѣло растерянное и странное выраженіе. У него были удивительные глаза, узкіе, слегка раскосые, полуприкрытые тяжелыми вѣками и какъ бы запыленные чѣмъ то. Но сквозь эту пушистую пыль пробивался синеватый, влажный блескъ, въ которомъ было что-то безумное и привлекательное. «Нероняйте больше», — сказала она и пошла отъ него прочь, чувствуя его взглядъ у себя на спиѣ. Вечеромъ, входя въ столовую, она невольно издали улыбулась ему, и онъ отвѣтилъ той угрюмой, кривой полуулыбкой, съ которой иногда смотрѣлъ на черную отельную кошку, безшумно проскользавшую отъ столика къ столику. А на слѣдующій день въ саду, гдѣ были гроты, фонтаны и глиняные карлы, онъ подошелъ къ ней и густымъ, грустнымъ голосомъ сталъ благодарить за платокъ, за монету (и съ той поры онъ смутно, почти безсознательно все слѣдилъ, не роняетъ ли она чего-нибудь, — какъ будто стараясь возстановить какую-то тайную симметрію). «Не за что, не за что», — отвѣтила она и много еще произнесла такихъ словъ, — бѣдные родственники настоящихъ словъ,—и сколько ихъ, этихъ маленькихъ сорныхъ словъ, произносимыхъ скороговоркой, временно заполняющихъ пустоту. Употребляя такія слова и чувствуя ихъ мелкую суетность, она спроси-

да, нравится ли ему курортъ, надолго-ли онъ тутъ, пьеть ли воду. Онъ отвѣчалъ, что нравится, что надолго, что воду пьеть. Потомъ она спросила, сознавая глупость вопроса, но не въ силахъ остановиться, — давно ли онъ играетъ въ шахматы. Онъ ничего не отвѣтилъ, отвернулся, и она такъ смутилась, что стала быстро перечислять всѣ метеорологическія примѣты вчерашняго, сегодняшняго, завтрашняго дня. Онъ продолжалъ молчать, и она замолчала тоже, и стала рыться въ сумкѣ, мучительно ища въ ней тему для разговора и находя только сломанный гребешокъ. Онъ вдругъ повернулъ къ ней лицо и сказалъ: «Восемнадцать лѣтъ, три мѣсяца и четыре дня». Для нея это было восхитительнымъ облегченіемъ, а къ тому же изысканная обстоятельность его отвѣта чѣмъ то польстила ей. Впрочемъ, ее вскорѣ начало немного сердить, что онъ, въ свой чередъ, не задаетъ ей никакихъ вопросовъ, принимаетъ ее какъ бы на вѣру.

«Артистъ, большой артистъ», — часто думала она, глядя на его тяжелый профиль, на тучное, сгорбленное тѣло, на темную прядь, приставшую ко всегда мокрому лбу. И можетъ быть именно потому, что она о шахматахъ не знала ровно ничего, шахматы не были для нея просто домашней игрой, пріятнымъ времяпровожденіемъ, а были таинственнымъ искусствомъ, равнымъ всѣмъ признаннымъ искусствамъ. Никогда она еще не встрѣчала близко такихъ людей — не съ кѣмъ было его сравнить, кромѣ какъ съ гениальными чудаками, музыкантами и поэтами, образъ которыхъ знаешь такъ же опредѣленно и такъ же смутно, какъ образъ римскаго императора, инквизитора, скупца изъ комедіи. Въ памяти у нея была недлинная темноватая галлерей, череда всѣхъ лицъ, чѣмъ либо задѣвшихъ ея воображеніе. Тутъ были школьныя воспоминанія, — женская гимназія въ Петербургѣ съ необычнымъ плющомъ по фасаду на короткой, пыльной, безтрамвайной улицѣ, и былъ нѣкій учитель географіи, преподававшій также въ мужскомъ училищѣ, — большеглазый, бѣлоблѣй чело-

вѣкъ со всклокоченными волосами, больной — говорили — чухоткой, побывавшей — говорили — въ гостяхъ у Далай-ламы, влюбленный — говорили — въ одну изъ старшихъ ученицъ, племянницу сѣдой, голубоглазой инспектрисы, чей опрятный кабинетикъ былъ уютенъ своими синими обоями и бѣлой печкой. Географъ остался у нея въ памяти именно на синемъ фонѣ, окруженный синимъ воздухомъ, и быстро приближался, по привычкѣ своей торопливо и шумно влетая въ классъ, и вдругъ таялъ, пропадалъ, уступая мѣсто другому лицу, показавшемуся ей тоже непохожимъ на всѣ прочія. Появленію этого лица предшествовало долгое внушеніе со стороны инспектрисы, что не надо смѣяться, ни въ коемъ случаѣ не надо смѣяться. Это было въ первый совѣтскій годъ, изъ сорока ученицъ въ классѣ осталось семнадцать, ежедневно встрѣчали учителей вопросомъ «будемъ ли мы сегодня учиться?» и неизмѣнно тѣ отвѣчали: «мы еще не получили окончательныхъ инструкцій». Инспектриса велѣла, чтобы никакихъ смѣшковъ не было, когда пріѣдетъ сейчасъ человекъ изъ комиссаріата народнаго просвѣщенія, что бы онъ ни говорилъ, какъ бы онъ себя ни велъ. И онъ пріѣхалъ, и поселился въ ея памяти, какъ человекъ чрезвычайно забавный, пришедшій изъ другого, нелѣпаго міра. Онъ былъ хромымъ, но очень живой и вертлявымъ, съ быстрыми, прыгающими глазами. Дѣвицы столпились въ притихшей залѣ, и онъ ходилъ передъ ними взадъ и впередъ, проворно хромая, и съ обезьяньей ловкостью поворачиваясь. И, хромая мимо нихъ, ловко таща ногу на двойномъ каблукѣ, правой рукой разрѣзая воздухъ на правильные ломти или разглаживая его, какъ сукно, онъ странно и быстро говорилъ о лекціяхъ по социологіи, которія онъ будетъ читать, о скоромъ сліянніи съ мужской школой, — и неудержимо, до боли въ скулахъ, до судорогъ въ горлѣ, хотѣлось смѣяться. И затѣмъ, въ Финляндіи, оставшейся у нея въ душѣ, какъ что-то болѣе русское, чѣмъ сама Россія, оттого, можетъ быть, что дере-

вянная дача и елки, и бѣлая лодка на черномъ отъ хвойныхъ отраженій озерѣ особенно замѣчались, какъ русское, особенно цѣнились, какъ что-то запретное по ту сторону Бѣлоострова, — въ этой, еще дачной, еще петербургской Финляндіи она нѣсколько разъ издали видѣла знаменитаго писателя, очень блѣднаго, съ отчетливой бородкой, все посматривавшаго на небо, гдѣ начинали водиться вражескіе аэропланы. И онъ остался страннымъ образомъ рядомъ съ русскимъ офицеромъ, впоследствии потерявшимъ руку въ Крыму, — тишайшимъ, застѣнчивымъ человѣкомъ, съ которымъ она лѣтомъ играла въ теннисъ, зимой бѣгала на лыжахъ, и при этомъ снѣжномъ воспоминаніи всплывала вдругъ опять на фонѣ ночи дача знаменитаго писателя, гдѣ онъ и умеръ, расчищенная дорожка, сугробы, освѣщенные электричествомъ, призрачныя полоски на темномъ снѣгу. Послѣ этихъ по разному занятныхъ людей, каждый изъ которыхъ окрашивалъ воспоминаніе въ свой опредѣленный цвѣтъ (голубой географъ, защитнаго цвѣта комиссаръ, черное пальто писателя и человѣкъ, весь въ бѣломъ, подбрасывающій ракеткой еловую шишку), была расплывчатость и мельканіе, жизнь въ Берлинѣ, случайные балы, монархическія собранія, много одинаковыхъ людей — и все это было еще такъ близко, что память не могла найти фокуса, и разобратъ въ томъ, что цѣнно, а что соръ, да и разбираться было теперь некогда, слишкомъ много мѣста занялъ угрюмый, небывалый, таинственный человѣкъ, самый привлекательный изъ всѣхъ ей извѣстныхъ. Таинственно было самое его искусство, всѣ проявленія, всѣ признаки этого искусства. Она вскорѣ узнала, что по вечерамъ, послѣ ужина, до поздней ночи, онъ работаетъ. Но эту работу она представить себѣ не могла, такъ какъ не къ чему было прицѣпиться, ни къ мольберту, ни къ роялю, а именно къ такой, опредѣленной эмблемѣ искусства тянулась ея мысль. Комната его была въ первомъ этажѣ, гуляющіе съ сигарами въ темно-

тѣ по саду иногда видѣли его лампу, его склоненное лицо. Кто-то ей, наконецъ, сообщилъ, что онъ сидитъ за пустой шахматной доской. Ей захотѣлось самой посмотрѣть, и какъ-то, черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ перваго разговора, она пробралась по тропинкѣ между олеандровыми кустами къ его окну. Но, почувствовавъ вдругъ неловкость, она прошла мимо, не посмотрѣвъ, вышла въ аллею, куда доносилась музыка изъ курзала, и, не совладѣвъ съ любопытствомъ, вернулась опять къ окну, при чемъ нарочно скрипѣла гравіемъ, чтобы убѣдить себя, что она не подглядываетъ. Его окно было открыто, штора не спущена, и въ яркомъ провалѣ она увидѣла, какъ онъ снимаетъ пиджакъ и, надувъ шею, зѣваетъ. И въ тяжеломъ, медленномъ движеніи его плеча, которое все повторялось передъ ея глазами, пока она послѣшно уходила сквозь темноту къ освѣщенной площадкѣ передъ гостиницей, ей померещилась какая-то могучая усталость послѣ невѣдомыхъ и чудныхъ трудовъ.

Лужинъ дѣйствительно усталъ. Послѣднее время онъ игралъ много и беспорядочно, а особенно его утомила игра вслѣпую, довольно дорого оплачиваемое представленіе, которое онъ охотно давалъ. Онъ находилъ въ этомъ глубокое наслажденіе: не нужно было имѣть дѣла со зримыми, слышимыми, осязаемыми фигурами, которыя своей вычурной рѣзбой, деревянной своей вещественностью, всегда мѣшали ему, всегда ему казались грубой, земной оболочкой прелестныхъ, незримыхъ шахматныхъ силъ. Играя вслѣпую, онъ ощущалъ эти разнообразныя силы въ первоначальной ихъ чистотѣ. Онъ не видѣлъ тогда ни крутой гривы коня, ни лоснящихся головокъ пѣшекъ, — но отчетливо чувствовалъ, что тотъ или другой воображаемый квадратъ занять опредѣленной сосредоточенной силой, такъ что движенія фигуры представлялось ему, какъ разрядъ, какъ ударъ, какъ молнія, — и все шахматное поле трепетало отъ напряженія, и надъ этимъ напряженіемъ онъ властвовалъ, тутъ собирая, тамъ освобождая электри-

ческую силу. Такъ онъ игралъ противъ пятнадцати, двадцати, тридцати противниковъ, и конечно его утомляло количество досокъ, оттого что больше уходило времени на игру, но эта физическая усталость была ничто передъ усталостью мысли, — возмездіемъ за напряженіе и блаженство, сопряженныя съ самой игрой, которую онъ велъ въ неземномъ измѣреніи, орудуя безплотными величинами. Кромѣ всего, въ слѣпой игрѣ и въ побѣдахъ, которыхъ она ему давала, онъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе. Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы ему не везло на турнирахъ, возникла безплотная преграда, которая ему все мѣшала придти первымъ. Валентиновъ это какъ то предсказалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, незадолго до исчезновенія. «Блещи пока блещется», — сказалъ онъ, послѣ того незабвеннаго турнира въ Лондонѣ, перваго послѣ войны, когда двадцатилѣтній русскій игрокъ оказался побѣдителемъ. «Пока блещется,—лукаво повторилъ Валентиновъ,—а то вѣдь скоро конецъ вундеркиндству». И это было очень важно для Валентинова. Лужинымъ онъ занимался только поскольку это былъ феноменъ, — явленіе странное, нѣсколько уродливое, но обаятельное, какъ кривыя ноги таксы. За все время совмѣстной жизни съ Лужинымъ онъ бозостановочно поощрялъ, развивалъ его даръ, ни минуты не заботясь о Лужинѣ-человѣкѣ, котораго, казалось, не только Валентиновъ, но и сама жизнь проглядѣла. Онъ показывалъ его, какъ забавнаго монстра, богатымъ людямъ, пріобрѣталъ черезъ него выгодныя знакомства, устраивалъ безчисленные турниры, и только когда ему гачало сдаваться, что вундеркиндъ превращается просто въ молодого шахматиста, онъ привезъ его въ Россію обратно къ отцу, а потомъ, какъ нѣкоторую цѣнность, увезъ снова, когда ему показалось, что все-таки онъ ошибся, что еще годика два-три осталось жить феномену. Когда и эти сроки прошли, онъ подарилъ Лужину денегъ, какъ дарятъ опостылѣвшей любовницѣ, и исчезъ, найдя новое развлеченіе въ кинематографическомъ дѣлѣ, въ этомъ та-

инственномъ, какъ астрологія, дѣлѣ, гдѣ читають манускрипты и ищуть звѣздъ. И уйдя въ среду бойкихъ, рѣчистыхъ, жуликовато-важныхъ людей, говорящихъ о философіи экрана, о вкусахъ массъ, объ интимности въ фильмовомъ преломленіи, и зарабатывающихъ при этомъ недурно, онъ выпалъ изъ міра Лужина, что для Лужина было облегченіемъ, тѣмъ страннымъ облегченіемъ, которое бываетъ въ разрѣшеніи несчастной любви. Къ Валентинову онъ привязался сразу — еще въ годы шахматныхъ путешествій по Россіи, а потомъ относился къ нему такъ, какъ можетъ сынъ относиться къ безпечному, ускользающему, холодноватому отцу, которому никогда не скажешь, какъ его любишь. Валентиновъ занимался имъ только, какъ шахматистомъ. Иногда въ немъ было что-то отъ тренера, выющагося вокругъ атлета, съ безпощадной строгостью устанавливающаго опредѣленный режимъ. Такъ, Валентиновъ утверждалъ, что шахматисту можно курить (оттого что и въ шахматахъ и въ курени есть что-то восточное), но ни въ коемъ случаѣ нельзя пить, и, во время ихъ совмѣстнаго житья, въ столовыхъ большихъ гостиницъ, огромныхъ, пустынныхъ въ военные дни гостиницъ, въ случайныхъ ресторанахъ, въ швейцарскихъ харчевняхъ и итальянскихъ тракторіяхъ, онъ заказывалъ для юноши Лужина неизмѣнно минеральную воду. Пищу для него онъ выбиралъ легкую, чтобы мысль могла двигаться свободно, но почему то (быть можетъ, тоже въ туманной связи съ «востокомъ») очень поощрялъ Лужина въ его любви къ сладостямъ. Наконецъ у него была своеобразная теорія, что развитіе шахматнаго дара связано у Лужина съ развитіемъ чувства пола, что шахматы являютъ особымъ преломленіемъ этого чувства, и, боясь, чтобы Лужинъ не израсходовалъ драгоценную силу, не разрѣшилъ бы естественнымъ образомъ благодѣйственное напряжение души, онъ держалъ его въ сторонѣ отъ женщинъ и радовался его дѣломудренной сумрачности. Было что-то унижительное во всемъ этомъ; Лужинъ, вспоминая то вре-

мя, съ удивленіемъ отмѣчалъ, что между нимъ и Валентиновымъ не прошло ни одного добраго человѣческаго слова. И все же, когда, черезъ три года послѣ окончательнаго выѣзда изъ Россіи, ставшей такой непріятной, — Валентиновъ исчезъ, онъ почувствовалъ пустоту, отсутствие поддержки, а потомъ призналъ неизбѣжность случившагося, вздохнулъ, повернулся, задумался опять надъ шахматной доской. Турниры послѣ войны стали учащаться. Онъ игралъ въ Манчестерѣ, гдѣ дряхлый чемпионъ Англіи, послѣ двухъ дней борьбы, форсировалъ ничью, въ Амстердамѣ, гдѣ рѣшающую партію проигралъ, оттого что просрочилъ время, и противникъ, взволнованно крикнувъ, ударилъ по его часамъ, въ Римѣ, гдѣ Турати побѣдоносно пустилъ въ ходъ свой знаменитый дебютъ, и во многихъ другихъ городахъ, которые всѣ для него были одинаковы, — гостиницы и таксомоторъ, и помѣщеніе въ кафе или клубѣ. Эти города, эти ровные ряды желтыхъ фонарей, проходившихъ мимо, вдругъ выступавшихъ впередъ и окружавшихъ каменнаго коня на площади, — были той же привычной и ненужной оболочкой, какъ деревянныя фигуры и черно-бѣлая доска, и онъ эту внѣшнюю жизнь принималъ, какъ нѣчто неизбѣжное, но совершенно незанимательное. Точно также и въ одеждѣ своей, въ образѣ обиходнаго бытія, онъ слѣдовалъ побужденіямъ, очень смутнымъ, ни надъ чѣмъ не задумываясь, рѣдко мѣняя бѣлье, машинально заводя на ночь часы, бреясь тѣмъ же лезвіемъ, пока оно не переставало брать волосъ, питаясь случайно и просто, — и по какой-то печальной инерціи заказывая къ обѣду все ту же минеральную воду, которая слегка била въ ноздрю, вызывая щекотку въ углахъ глазъ, словно слезы объ исчезнувшемъ Валентиновѣ. Онъ замѣчалъ, только изрѣдка, что существуетъ, — когда одышка, мечь тяжелаго тѣла, заставляла его съ открытымъ ртомъ остановиться на лѣстницѣ, или когда болѣли зубы, или когда въ поздній часъ шахматныхъ раздумій протянутая рука, тряска спичечный коробокъ, не вызывала въ немъ дребезжанія

спичекъ, и папираса, словно кѣмъ то другимъ незамѣтно сунутая ему въ ротъ, сразу выростала, утверждалась, плотная, бездушная, косная, и вся жизнь сосредоточивалась въ одно желаніе курить, хотя Богъ вѣсть, сколько папиросъ было уже бессознательно выкурено. Вообще же такъ мутна была вокругъ него жизнь, и такъ мало усилій отъ него требовала, что ему казалось иногда, что нѣкто, — таинственный, невидимый антрепренеръ, — продолжаетъ его возить съ турнира на турниръ, но были иногда странные часы, такая тишина вокругъ, а выглянешь въ коридоръ, — у всѣхъ дверей стоятъ сапоги, сапоги, сапоги, и въ ушахъ шумъ одиночества. Когда былъ еще живъ отецъ, Лужинъ съ тоской думалъ о его прибытіи въ Берлинъ, о томъ, что нужно повидать его, помочь, говорить о чемъ то, — и этотъ веселенькій на видъ старикъ въ вязанномъ жилетѣ, неловко хлопавшій его по плечу, былъ ему невыносимъ, какъ постыдное воспоминаніе, отъ котораго стараешься отдѣлаться, шурясь и мыча сквозь зубы. Онъ не пріѣхалъ изъ Парижа на похороны отца, боясь пуще всего мертвецовъ, гробовъ, вѣнковъ и отвѣтственности, связанной со всѣмъ этимъ, — но пріѣхалъ погодя, отправился на кладбище, потоптался подъ дождемъ между могилъ въ отяжелѣвшихъ отъ грязи калошахъ, могилы отца не нашелъ, увидѣлъ за деревьями челоуѣка, вѣроятно сторожа, но странная лѣнь и робость помѣшали спросить; онъ поднялъ воротникъ и поплелся по пустырю къ ожидавшему таксомотору. Смерть отца не прервала его работы. Онъ готовился къ берлинскому турниру съ опредѣленной мыслью найти лучшую защиту противъ сложнаго дебюта итальянца Турати, самаго страшнаго изъ будущихъ участниковъ турнира. Этотъ игрокъ, представитель новѣйшаго теченія въ шахматахъ, открывалъ партію фланговыми выступленіями, не занимая пѣшками середины доски, но опаснѣйшимъ образомъ вліяя на центръ съ боковъ. Брезгуя благоразумнымъ уютомъ рокировки, онъ стремился создать самыя неожиданныя, самыя

причудливыя соотношенія фигуръ. Уже однажды Лужинъ съ нимъ встрѣтился и проигралъ, и этотъ проигрышъ былъ ему особенно непріятенъ, потому что Турати, по темпераменту своему, по манерѣ игры, по склонности къ фантастической дислокаціи, былъ игрокъ ему родственнаго склада, но только пошедшій дальше. Игра Лужина, въ ранней его юности такъ поражавшая знатоковъ невиданной дерзостью и пренебреженіемъ основными какъ будто законами шахматъ, казалась теперь чуть-чуть старомодной передъ блистательной крайностью Турати. Лужинъ попалъ въ то положеніе, въ какомъ бываетъ художникъ, который, въ началѣ поприща усвоивъ новѣйшее въ искусствѣ и временно поразивъ оригинальностью приемовъ, вдругъ замѣчаетъ, что незамѣтно произошла перемѣна вокругъ него, что другіе, невѣдомо откуда взявшись, оставили его позади въ тѣхъ приемахъ, въ которыхъ онъ недавно былъ первымъ, и тогда онъ чувствуетъ себя обокраденнымъ, видитъ въ обогнавшихъ его смѣльчакахъ только неблагодарныхъ подражателей и рѣдко понимаетъ, что онъ самъ виноватъ, онъ, застывшій въ своемъ искусствѣ, бывшемъ новымъ когда-то, но съ тѣхъ поръ не пошедшемъ впередъ.

Оглядываясь на восемнадцать съ лишнимъ лѣтъ шахматной жизни, Лужинъ видѣлъ нагроможденіе побѣдъ въ началѣ, а затѣмъ странное затишье, вспышки побѣдъ тамъ и сямъ, но въ общемъ — игру въ ничью, раздражительную и безнадежную, благодаря которой онъ незамѣтно прослылъ за осторожнаго, непроницаемаго, сухого игрока. И это было странно. Чѣмъ смѣлѣе играло его воображеніе, чѣмъ ярче былъ вымыселъ во время тайной работы между турнирами, тѣмъ ужаснѣй онъ чувствовалъ свое безсиліе, когда начиналось состязаніе, тѣмъ боязливѣе и осмотрительнѣе онъ игралъ. Давно вошедшій въ разрядъ лучшихъ международныхъ игроковъ, очень извѣстный, цитируемый во всѣхъ шахматныхъ учебникахъ, кандидатъ, среди пяти-шести другихъ, на званіе чемпио-

на міра, онъ этой благожелательной молвой быть обязанъ раннимъ своимъ выступленіямъ, оставившимъ вокругъ него какой-то смутный свѣтъ, вѣнчикъ избранности, поволоку славы. Смерть отца явилась ему, какъ вѣшка, по которой онъ могъ опредѣлить пройденный путь. И на минуту оглянувшись, онъ съ нѣкоторымъ содроганіемъ увидѣлъ, какъ медленно онъ послѣднее время шель, и, увидѣвъ это, съ угрюмой страстью погрузился въ новыя вычисленія, придумывая и уже смутно предчувствуя гармонию нужныхъ ходовъ, ослѣпительную защиту. Ему стало дурно ночью, въ берлинской гостиницѣ, послѣ поѣздки на кладбище: сердцебіеніе, и странныя мысли, и такое чувство, будто мозгъ одеревенѣлъ и покрытъ лакомъ. Докторъ, котораго онъ на утро повидаль, посовѣтоваль отдохнуть, уѣхать въ тихое мѣсто, «...чтобы было кругомъ зелено», сказалъ докторъ. И Лужинъ, отказавшись дать обѣщанный сеансъ игры вслѣпую, уѣхаль въ то очевидное мѣсто, которое ему сразу представилось, когда врачъ упомянулъ о зелени, и даже былъ смутно благодаренъ угодливому воспоминанію, которое такъ кстати назвало нужный курортъ, взяло на себя всѣ заботы, помѣстило его въ уже созданную, уже готовую гостиницу.

Онъ дѣйствительно почувствовалъ себя лучше среди этой зеленой декораціи, въ мѣру красивой, дающей чувство сохранности и покоя. И вдругъ, какъ бываетъ на балланѣ, когда расписная бумажная завѣса прорывается звѣздообразно, пропуская живое, улыбающееся лицо, появился, нивѣсть откуда, человекъ, такой неожиданный и такой знакомый, заговорилъ голосъ, какъ будто всю жизнь звучавшій подъ сурдинку и вдругъ прорвавшійся сквозь привычную муть. Стараясь уяснить себѣ это впечатлѣніе чего то очень знакомаго, онъ совершенно некстати, но съ потрясающей ясностью вспомнилъ лицо молодой проститутки съ голыми плечами, въ черныхъ чулкахъ, стоявшей въ освѣщенной проймѣ двери, въ темномъ перелукѣ, въ безымянномъ городѣ. И нелѣпымъ образомъ ему

показалось, что вотъ это — она, что вотъ, она явилась теперь, надѣвъ приличное платье, слегка подурнѣвъ, словно она смыла какія то оболстительныя румяна, но черезъ это стала болѣе доступной. Таково было первое впечатлѣніе, когда онъ увидѣлъ ее, когда замѣтилъ съ удивленіемъ, что съ ней говорить. И ему было немного досадно, что она не совсѣмъ такъ хороша, какъ могла быть, какъ мерещилась по страннымъ признакамъ, разсѣяннымъ въ его прошломъ. Онъ примирился съ этимъ и постепенно сталъ забывать ея смутные прообразы, но зато почувствовалъ успокоеніе и гордость, что вотъ, съ нимъ говорить, занимается имъ, улыбается ему настоящій, живой человѣкъ. И въ тотъ день, на площадкѣ сада, гдѣ ярко-желтыя осы садились на жестяные столики, поводя опущенными сяжками, — когда онъ вдругъ заговорилъ о томъ, какъ нѣкогда, мальчикомъ, жилъ въ этой гостиницѣ, Лужинъ началъ тихими ходами, смыслъ которыхъ онъ чувствовалъ очень смутно, своеобразное объясненіе въ любви. «Ну, расскажите что-нибудь еще», — повторила она, несмотря на то, что замѣтила, какъ хмуро и скудно онъ замолчалъ.

Онъ сидѣлъ, опираясь на трость, и думалъ о томъ, что этой лилой, стоящей на озаренномъ скатѣ, можно, ходомъ коня, взять вонъ тотъ телеграфный столбъ, и одновременно старался вспомнить, о чемъ именно онъ сейчасъ говорилъ. Лакей съ дюжиной пустыхъ пивныхъ кружекъ, висящихъ на скрюченныхъ пальцахъ, пробѣжалъ вдоль крыла дома, и Лужинъ съ облегченіемъ вспомнилъ, что говорилъ о турнирѣ, нѣкогда происходившемъ какъ разъ въ этомъ крылѣ. Онъ взволновался, ему стало жарко, и кругъ шляпы давилъ виски, и это волненіе было еще не совсѣмъ понятно. «Пойдемте, — сказалъ онъ. — Я вамъ покажу. Тамъ теперь должно быть пусто. И прохладно». Тяжело ступая и таща за собой трость, которая шуршала по гравію и подпрыгнула на порогъ, онъ вошелъ въ дверь первымъ. «Какой неотесанный», — подумала она и поймала

ла себя на томъ, что качаетъ головой, и что это чуть-чуть фальшиво, — дѣло совсѣмъ не въ его неотесанности. «Вотъ, кажется, сюда», — сказала Лужинъ и толкнулъ боковую дверь. Горѣлъ огонь, толстый человѣкъ въ бѣломъ кричалъ что-то, и бѣжала башня тарелокъ на человѣческихъ ногахъ. «Нѣтъ, дальше», — сказала Лужинъ и пошелъ по коридору. Онъ открылъ другую дверь и чуть не упалъ: шли внизъ ступеньки, а тамъ—кусты и куча сору, и осласливо, дрыгающей походкой отходящая курица. «Я ошибся, — сказала Лужинъ, — вѣроятно вотъ сюда, направо». Онъ снялъ шляпу, почувствовавъ, какъ на лбу горячимъ бисеромъ собирается потъ. Ахъ, какъ ясенъ былъ образъ просторной, пустой, прохладной залы, — и какъ трудно было ее найти! «Вотъ эту дверь попробуемъ», — сказала онъ. Дверь оказалась запертой. Онъ нѣсколько разъ нажалъ ручку. «Кто тамъ?» — вдругъ сказалъ хриплый голосъ, и скрипнула постель. «Ошибка, ошибка», — забормоталъ Лужинъ и пошелъ дальше, потомъ оглянулся и остановился: онъ былъ одинъ. «Гдѣ же она?» — сказалъ онъ вслухъ, толчась и озираясь. Коридоръ, окно въ садъ, на стѣнѣ аппаратъ съ квадратными оконцами для номеровъ. Гдѣ то пролетѣлъ звонокъ. Въ одномъ изъ оконцевъ криво выскочилъ номеръ. Ему стало безпокойно и смутно, точно онъ заблудился въ дурномъ снѣ, — и онъ быстро пошелъ назадъ, повторяя вполголоса: «Странныя шутки, странныя шутки». Вышелъ онъ неожиданно въ садъ, и тамъ двое сидѣли на скамейкѣ и съ любопытствомъ смотрѣли на него. Вдругъ онъ услышалъ сверху смѣхъ, поднялъ лицо. Она стояла на балкончикѣ своей комнаты и смѣялась, положивъ локти на перила, ладони прижавъ къ щекамъ и укоризненно-лукаво кивая. Она видѣла его большое лицо, шляпу на-бекрень и ждала, что онъ будетъ теперь дѣлать. «Я не могла за вами поспѣть», — крикнула она, выпрямившись и открывъ руки въ какомъ то объяснительномъ жестѣ. Лужинъ опустилъ голову и пошелъ въ домъ. Она полагала, что онъ сейчасъ посту-

чится къ ней, и думала о томъ, что не впустить его, скажетъ, что въ комнатѣ безпорядокъ. Но онъ не постучался. Когда она спустилась ужинать, его въ столовой не было. «Обидѣлся», — рѣшила она и пошла спать раньше обыкновеннаго. Утромъ она вышла гулять и смотрѣла, не ждетъ ли онъ въ саду, на скамейкѣ, съ газетой, какъ всегда. Его не было ни въ саду, ни въ галлерей, и она пошла гулять безъ него. Когда онъ и къ обѣду не явился, и за его столикомъ оказалась престарѣлая чета, давно на этотъ столикъ мѣтившая, она спросила въ конторѣ, не боленъ ли господинъ Лужинъ. «Господинъ Лужинъ сегодня утромъ уѣхалъ въ Берлинъ», — отвѣтила барышня.

Черезъ часъ вернулся въ гостиницу его багажъ. Швейцаръ и мальчишка дѣловито и равнодушно внесли обратно чемоданы, которые утромъ вынесли. Лужинъ возвращался со станціи пѣшкомъ, — полный, унылый господинъ, придавленный жарой, въ бѣлыхъ отъ пыли башмакахъ. Онъ отдыхалъ на всѣхъ скамейкахъ, раза два сорвалъ ягоду ежевики и сморщился отъ кислоты. Идя по шоссе, онъ вдругъ замѣтилъ, что мелкими шажками слѣдуетъ за нимъ бѣлокурый мальчикъ, съ пустой бутылкой изъ подъ пива въ рукѣ, и, нарочно его не обгоняя, смотреть на него въ упоръ съ невыносимой дѣтской внимательностью. Лужинъ остановился. Мальчикъ остановился тоже. Лужинъ двинулся, мальчикъ тоже двинулся. Тогда онъ разсердился и, обернувшись, погрозилъ тростью. Тотъ замеръ, удивленно и радостно ухмыляясь. «Я тебя...» — густымъ голосомъ сказалъ Лужинъ и пошелъ на него, поднимая трость. Мальчикъ прыгнулъ на мѣстѣ и отбѣжалъ Лужинъ, бурча и сопя, продолжалъ свой путь. Внезапно камушекъ, очень ловко пущенный, попалъ ему въ лѣвую лопатку. Онъ ахнулъ и обернулся. Никого, — пустая дорога, лѣсъ, верескъ. «Я его убью», — громко сказалъ онъ по-нѣмецки и пошелъ быстрѣе, стараясь вилять, какъ это дѣлаютъ (онъ читалъ гдѣ-то) люди, боящіеся выстрѣла въ спину, и повторяя вслухъ свою безпомощную угро-

зу. Онъ тяжело дышалъ, ослабѣлъ, чуть не плакалъ, когда добрался до гостиницы. «Раздумалъ, — сказать онъ мимоходомъ, обращаясь къ рѣшеткѣ конторы. — Остаюсь, раздумалъ». «Навѣрное у себя въ комнатѣ», — произнесъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Онъ вошелъ къ ней съ размаху, словно бухнулъ въ дверь головой, и смутно увидѣвъ ее, лежащую въ розовомъ платьѣ на кушеткѣ, сказалъ торопливо: «Здрасте-здрасте», и кругами зашагалъ по комнатѣ, предполагая, что это все выходитъ очень остроумно, легко, забавно, и вмѣстѣ съ тѣмъ задыхаясь отъ волненія. «Итакъ, продолжая вышесказанное, долженъ вамъ объявить, что вы будете моей супругой, я васъ умоляю согласиться на это, абсолютно было невозможно уѣхать, теперь будетъ все иначе и превосходно», и тутъ, присѣвъ на стулъ у парового отопленія, онъ разрыдался, закрывъ лицо руками; потомъ, стараясь одну руку такъ растопырить, чтобы она закрывала ему лицо, другою сталъ искать платокъ, и въ дрожащіе отъ слезъ просвѣты между пальцевъ видѣлъ двоящееся, расплывающееся розовое платье, которое съ шумомъ надвигалось на него.

«Ну, будетъ, будетъ, — повторяла она успокаивающимъ голосомъ, — взрослый мужчина, и такъ плачетъ». Онъ схватилъ ее за локоть, поцѣловалъ что-то холодное и твердое (часики на кисти). Она сняла съ него соломенную шляпу и погладила по лбу, — и быстро отодвинулась, избѣгая его неловкихъ, хватающихъ движеній. Лужинъ затрубилъ въ платокъ, разъ, еще разъ, громко и сочно; затѣмъ вытеръ глаза, щеки, ротъ, и облегченно вздохнулъ, облокотившись на паровое отопленіе и глядя передъ собой свѣтлыми, влажными глазами.

Ей тогда же стало ясно, что этого человѣка, нравится ли онъ тебѣ или нѣтъ, уже невозможно вытолкнуть изъ жизни, что усѣлся онъ твердо, плотно, повидимому надолго. И вмѣстѣ съ тѣмъ она думала о томъ, какъ же она покажетъ этого человѣка отцу, матери, какъ это онъ будетъ сидѣть у нихъ въ гостиной, — человѣкъ другого измѣре-

нія, особой формы и окраски, несомѣстимый ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ.

Она сначала примѣряла его такъ и этакъ къ роднымъ, къ ихъ окруженію, даже къ обстановкѣ квартиры, заставляла воображаемаго Лужина входить въ комнаты, говорить съ ея матерью, ѣсть домашнюю кулебяку, отражаться въ роскошномъ, купленномъ за границей самоварѣ, — и эти воображаемые посѣщенія кончались чудовищной катастрофой, Лужинъ неуклюжимъ движеніемъ плеча сваливалъ домъ, какъ валкій кусокъ декораціи, испускающій вздохъ пыли. Квартира же была дорогая, благоустроенная, въ бель-этажѣ огромнаго берлинскаго дома. Ея родители, снова разбогатѣвъ, рѣшили зажить въ строгомъ русскомъ вкусѣ, какъ то связанномъ со славянской вязью, съ открытками, изображающими пригорюнившихся боярышень, съ лакированными шкатулками, на которыхъ красочно выжжена тройка или жарь-птица, и съ тѣмъ, прекрасно издаваемымъ, давно опочившимъ журналомъ, гдѣ бывали такіа превосходныя фотографіи старыхъ усадебъ и фарфора. Отецъ говорилъ друзьямъ, что ему особенно пріятно, послѣ дѣловыхъ свиданій и разговоровъ съ людьми подозрительнаго происхожденія, окунуться въ настоящей русской уютъ, ѣсть настоящую русскую пищу. Одно время прислуживалъ настоящей деньщикъ, солдатъ, взятый изъ русскаго барака подь Берлиномъ, но ни съ того, ни съ сего онъ сталъ необыкновенно грубъ и былъ замѣщенъ нѣмецкой полькой. Мать, статная, полнорукая дама, называвшая самое себя бой-бабой или казакомъ (слѣдъ смутныхъ и извращенныхъ реминисценцій изъ «Войны и Мира»), превосходно играла русскую хозяйку, имѣла склонность къ теософіи и порицала радіо, какъ еврейскую выдумку. Была она очень добра и очень безтактна, искренно любила ту размалеванную, искусственную Россію, которую вокругъ себя понастроила, но иногда скучала невыносимо, въ точности не зная, чего ей недостаетъ, ибо, какъ говорила она, свою то Россію она вывезла. Дочь же

была совершенно равнодушна къ этой лубочной квартирѣ, столь непохожей на ихъ тихій петербургскій домъ, гдѣ у мебели, у вещей была своя душа, гдѣ въ кіотѣ былъ незабвенный гранатовый блескъ и таинственные апельсиновые цвѣты, гдѣ по шелку на спинкѣ кресла была вышита толстая, умная кошка, гдѣ было тысяча мелочей, запаховъ, оттѣнковъ, которые всѣ вмѣстѣ составляли что-то упоительное, и раздражающее, и ничѣмъ незамѣнимое.

Молодые люди, бывавшіе у нихъ, считали ее очень милой, но скучноватой барышней, а мать про нее говорила (низкимъ голосомъ, съ усмѣшкой), что она въ домѣ представительница интеллигенціи и декадентства, — потому ли, что знала наизусть стихи Бальмонта, найденные въ «Чтецѣ-Декламаторѣ», или по какой другой причинѣ — неизвѣстно. Отцу нравилась ея самостоятельность, тишина и особая манера опускать глаза, когда она улыбалась. Но до самаго плѣнительнаго въ ней никто еще не могъ докопаться: это была таинственная способность души воспринимать въ жизни только то, что когда то привлекало и мучило въ дѣтствѣ, въ ту пору, когда нюхъ у души безошибоченъ; выскивать забавное и трогательное; постоянно ощущать нестерпимую, нѣжную жалость къ существу, живущему безпомощно и несчастно, чувствовать за тысячу верстъ, какъ въ какой-нибудь Сициліи грубо колотятъ тонконогаго осленка съ мохнатымъ брюхомъ. Когда же и въ самомъ дѣлѣ она встрѣчала обижаемое существо, то было чувство легендарнаго затменія, когда наступаетъ необъяснимая ночь, и летитъ пепель, и на стѣнахъ выступаетъ кровь, — и казалось, что если сейчасъ -- вотъ сейчасъ — не помочь, не пресѣчь чужой муки, объяснить существованіе которой въ такомъ располагающемъ къ счастью мірѣ нѣтъ никакой возможности, сама она задохнется, умретъ, не выдержитъ сердце. И потому жила она въ постоянномъ тайномъ волненіи, постоянно предчувствуя новое увлеченіе или новую жалость, и про нее говорили, что она обожаетъ собакъ и всегда готова одол-

жить денегъ, — и слушая мелкую молву, она чувствовала себя, какъ въ дѣтствѣ, во время той игры, когда уходишь изъ комнаты, а другіе выдумываютъ про тебя разнообразныя мнѣнія. И среди играющихъ, среди тѣхъ, къ которымъ она выходила послѣ пребыванія въ сосѣдней комнатѣ (гдѣ сидишь, ожидая, что тебя позовутъ, и честно напѣваешь что-нибудь, чтобы только не подслушать, или открываешь случайную книгу, и, какъ освобожденная пружина, выскакиваетъ кусочекъ романа, конецъ непонятнаго разговора), среди этихъ людей, мнѣнія которыхъ требовалось угадать, былъ теперь человекъ, довольно молчаливый, тяжелый на подъемъ, совершенно неизвѣстно, что о ней думающій. Она подозрѣвала, что вообще никакого мнѣнія у него нѣтъ, и что онъ не представляетъ себѣ вовсе ея среду, обстановку ея жизни, и потому можетъ ляпнуть что-нибудь ужасное.

Рѣшивъ, что она отсутствовала достаточно, она легонько провела рукой по затылку, приглаживая волосы, и улыбаясь вошла въ холлъ. Лужинъ и ея мать, которыхъ она только что познакомила, сидѣли въ соломенныхъ креслахъ подъ пальмой, и Лужинъ, насупившись, разсматривалъ свою неприличную соломенную шляпу, которую онъ держалъ на колѣняхъ, и въ эту минуту ей было одинаково страшно подумать о томъ, какими словами о ней говорилъ Лужинъ (если, вообще, говорилъ), какъ и о томъ, какое впечатлѣніе самъ Лужинъ произвелъ на ея мать. Наканунѣ, какъ только мать пріѣхала и стала пенять на то, что окно на сѣверъ, и не горитъ лампочка на ночномъ столикѣ, она рассказала, стараясь держать слова на томъ же уровнѣ, какъ и всѣ предыдущіе, что очень подружилась со знаменитымъ шахматистомъ Лужинымъ. «Навѣрное, псевдонимъ, — сказала мать, копаясь въ несесерѣ, — какой-нибудь Рубинштейнъ или Абрамсонъ». «Очень, очень знаменитый, — продолжала дочь, — и очень милый». «Помоги-ка мнѣ лучше найти мое мыло», — сказала мать. И теперь, познакомивъ ихъ, оставя ихъ наединѣ подъ пред-

логомъ заказать лимонаду, она ощущала, возвращаясь въ холлъ, такой страхъ, такую непоправимость уже происшедшихъ катастрофъ, что она еще издали стала громко говорить и споткнулась о край ковра, и разсмѣялась, балансируя руками. Безсмысленная игра съ соломенной шляпой, молчаніе, удивленные, блестящіе глаза матери, неожиданное воспоминаніе о томъ, какъ онъ на-дняхъ плакалъ, обнявъ паровое отопленіе, -- все это было очень тяжело вынести. Но вдругъ Лужинъ поднялъ голову, его ротъ скривился знакомой хмурой улыбкой, — и сразу его страхъ исчезъ, и возможная бѣда показалась чѣмъ-то удивительно забавнымъ, ничего не мѣняющимъ. Лужинъ, какъ будто ожидавшій ея прихода, чтобы ретироваться, крикнулъ, всталъ и замѣчательнымъ образомъ кивнулъ («по-хамски», — весело подумала она, переводя этотъ кивокъ на языкъ матери), направился къ лѣстницѣ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ лакея, несшаго на подносѣ три стакана лимонаду. Онъ остановилъ его, взялъ одинъ изъ стакановъ и, осторожно держа его передъ собой, бровями, а также колеблющемуся уровню жидкости, сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Когда онъ исчезъ за поворотомъ, она стала преувеличенно внимательно сдирать тонкую бумажку съ соломинки. «Хамъ», — довольно громко сказала мать, и дочь почувствовала то удовольствіе, которое бываетъ, когда угаданное значеніе иностраннаго слова находишь въ словарѣ. «Это же не человѣкъ, — продолжала съ сердитымъ изумленіемъ мать. — Что это такое? Вѣдь это же не человѣкъ. Онъ меня называлъ мадамъ, просто мадамъ, какъ приказчикъ. Не человѣкъ, а Богъ знаетъ что. И у него навѣрное совѣтскій паспортъ. Большевикъ, просто большевикъ. Я сидѣла, какъ дура. Ну и разговорчики. Совершенно грязныя манжеты. Ты замѣтила? Совершенно грязныя и обдрипанныя».

«О чемъ были разговорчики?» — спросила она, улыбаясь исподлобья.

«Да, мадамъ, нѣтъ, мадамъ. Тутъ пріятная атмосфера.

Атмосфера, а? Слово-то. Я его спросила, давно ли онъ изъ Россіи, чтобъ какъ-нибудь разговориться. Онъ просто молчитъ. Просто молчитъ. Потому онъ сказалъ про тебя, что ты любишь прохладительные напитки. Прохладительные! А морда какая, морда-то. Нѣтъ, нѣтъ, подальше отъ такихъ...»

Продолжая игру въ мнѣнія, она поспѣшила къ Лужину. За время его неудачнаго отъѣзда, успѣли сдать его комнату, и онъ былъ помѣщенъ въ другую, повыше. Онъ сидѣлъ, облокотившись о столъ, какъ будто пораженный горемъ, и въ пепельницѣ мучительно дымилась недобитая папироса. На столѣ и на полу разсыпаны были листки, исписанные карандашомъ. Ей показалось мелькомъ, что это счета, и она удивилась ихъ количеству. Вѣтеръ, дувшій въ открытое окно, рванулся, когда она открыла дверь, и Лужинъ, выйдя изъ раздумья, поднялъ съ полу листки, аккуратно сложилъ ихъ, улыбаясь ей и моргая. «Ну что? Какъ?» — спросила она. «Оформится во время игры, — сказалъ Лужинъ. — Просто-напросто намѣчаю нѣкоторыя возможности». У нея было чувство, что она ошиблась дверью, попала не туда, куда мѣтила, но въ этомъ неожиданномъ мѣстѣ было хорошо, и не хотѣлось переходить въ тотъ, гдѣ играютъ въ мнѣнія. Но вмѣсто того, чтобы продолжать говорить о шахматахъ, Лужинъ, подѣхавъ къ ней вмѣстѣ со стуломъ, взялъ ее за талію трясущимися отъ нѣжности руками и, не зная, что предпринять, попытался ее посадить къ себѣ на колѣни. Она уперлась ему въ плечи, отстраняя лицо, будто глядитъ на листки. «Это что?» — спросила она. «Ничего, ничего, — сказалъ Лужинъ, — запись различныхъ партій». «Пустите», — попросила она тонкимъ голосомъ. «Запись различныхъ партій, запись...» — повторялъ Лужинъ, прижимая ее къ себѣ и прищуренными глазами глядя снизу вверхъ на ея шею. Лицо его вдругъ исказилось, глаза на мигъ потеряли выраженіе; потомъ черты его какъ то обмякли, руки разжались сами собой, и она отошла отъ него, сердясь, не совсѣмъ точно

зная, почему сердится, и удивленная тѣмъ, что онъ ее отпустилъ. Лужинъ откашлялся, жадно закурилъ, съ непонятнымъ лукавствомъ слѣдя за ней. «Я жалѣю, что пришла, — сказала она. — Во-первыхъ, я вамъ помѣшала въ работѣ...» «Ничуть», — съ неожиданной веселостью отвѣтилъ Лужинъ и хлопнулъ себя по колѣнкамъ.

«Во-вторыхъ, я собственно хотѣла узнать ваши впечатлѣнія». «Дама большого свѣта, — сказала Лужинъ, — это сразу видно».

«Послушайте, — воскликнула она, продолжая сердиться, — вы гдѣ-нибудь воспитывались? Вы гдѣ-нибудь учились? Вы вообще встрѣчались когда-нибудь съ людьми, говорили съ людьми?»

«Я много вояжировала, — сказала Лужинъ. — Тамъ и сямъ. Повсюду понемножку».

«Гдѣ я? Кто онъ? Что же дальше будетъ?», — мысленно спросила она себя и оглядѣла номеръ, столъ, покрытый бумажками, смятую постель, умывальникъ, гдѣ валялось ржавое лезвіе «жиллетъ», полуоткрытый шкафъ, откуда, какъ змѣя, выползала зеленый въ красныхъ пятнахъ гатстукъ. И, среди этого холодного беспорядка, сидѣлъ за мысловатѣйшій человѣкъ, человѣкъ, занимавшійся призрачнымъ искусствомъ, и она старалась остановиться, ухватиться за всѣ его недостатки и странности, сказать себѣ разъ навсегда, что этотъ человѣкъ ей не пара, — и въ то же время совершенно отчетливо безпокоилась о томъ, какъ это онъ будетъ держаться въ церкви, какъ онъ будетъ выглядѣть во фракѣ.

Встрѣчи, конечно, продолжались. Бѣдная дама стала со страхомъ замѣчать, что ея дочь и подозрительный господинъ Лужинъ неразлучны, — были какіе-то между ними разговоры, и взгляды, и флюиды, которые она въ точ-

ности не могла уловить, это показалось ей такъ опасно. что, преодолевъ отвращеніе, она рѣшила Лужина держать какъ можно больше при себѣ, отчасти, чтобы его хорошо раскусить, но главное, чтобы дочь не пропадала такъ часто. Профессія Лужина была ничтожной, нелѣпой... Существованіе такихъ профессій могло быть только объяснимо проклятой современностью, современнымъ тяготѣніемъ къ бессмысленному рекорду (эти аэропланы, которые хотятъ долетѣть до солнца, марафонская бѣготня, олимпийскія игры...). Ей казалось, что въ прежнія времена, въ Россіи ея молодости, человѣкъ, исключительно занимавшійся шахматной игрой, былъ бы явленіемъ невыносимымъ. Впрочемъ, даже и въ нынѣшніе дни такой человѣкъ былъ настолько страненъ, что у нея возникло смутное подозрѣніе, не есть ли шахматная игра прикрытіе, обманъ, не занимается ли Лужинъ чѣмъ то совѣмъ другимъ, — и она замирала, представляя себѣ ту темную, преступную, — быть можетъ, масонскую, — дѣятельность, которую хитрый негодяй скрываетъ за пристрастіемъ къ невинной игрѣ. Мало по малу однако это подозрѣніе отпало. Какъ ждать каверзы отъ такого олуха? Кромѣ того, онъ дѣйствительно былъ знаменитъ. Ес поразило и нѣсколько раздражило, что многимъ хорошо знакомо имя, ей совершенно неизвѣстное (кромѣ, развѣ, какъ случайный звукъ въ прошломъ, связанный съ дальнимъ родственникомъ, у котораго когда то бывалъ нѣкій Лужинъ, петербургскій помѣщикъ). Нѣмцы, жившіе въ курортной гостиницѣ, героически преодолевая трудность чуждой имъ шипящей, произносили это имя съ уваженіемъ. Дочь показала ей послѣдній номеръ берлинскаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ въ отдѣлѣ загадокъ и крестословій была приведена чѣмъ-то замѣчательная партія, недавно выигранная Лужинымъ. «Но развѣ можно увлекаться такими пустяками? -- воскликнула она, растерянно глядя на дочь, — всю жизнь ухлопать на такіе пустяки... Вотъ, у тебя былъ дядя, онъ тоже хорошо игралъ во всякія игры, --

въ шахматы, въ карты, въ билліардъ, — но у него была и служба, и карьера, и все». «У него тоже карьера, — отвѣтила дочь, — и право же онъ очень извѣстенъ. Никто не виноватъ, что ты шахматами никогда не интересовалась». «Фокусники тоже бываютъ извѣстные», — ворчливо проговорила она, но все же призадумалась и рѣшила про себя, что извѣстность Лужина отчасти оправдываетъ его существованіе. Существовалъ онъ, впрочемъ, тяжко. Особенно ее сердило, что онъ постоянно ухитрялся сидѣть къ ней спиной. «Онъ спиной и говоритъ, спиной, — жаловалась она дочери. — Вѣдь у него не человѣческій разговоръ. Увѣряю тебя, тутъ есть что-то прямо ненормальное». Ни разу Лужинъ не обратился къ ней съ вопросомъ, ни разу не попытался поддержать разваливавшуюся бесѣду. Были незабвенныя прогулки по испещреннымъ солнцемъ тропинкамъ, гдѣ, тамъ и сямъ, въ пріятной тѣни, нѣкій заботливый геній разставилъ скамейки, — незабвенныя прогулки, во время которыхъ каждый шагъ Лужина казался ей оскорбленіемъ. Несмотря на полноту и одышку, онъ вдругъ развивалъ необычайную скорость, его спутницы отставали, мать, поджимая губы, смотрѣла на дочь и свистящимъ шопотомъ клялась, что, если этотъ рекордный бѣгъ будетъ продолжаться, она тотчасъ же, — понимаешь, тотчасъ же, — вернется домой. «Лужинъ, — звала дочь, — а, Лужинъ? Передохните, вы устанете». (И то, что дочь звала его по фамилии, тоже было неприятно, — но на ея замѣчаніе та отвѣчала со смѣхомъ: «Такъ дѣлали тургеневскія дѣвушки. Чѣмъ я хуже?»). Лужинъ вдругъ оборачивался, криво усмѣхался и присаживался на скамейку. Рядомъ стояла проволочная корзина. Онъ неизменно рылся въ карманахъ, находилъ какую-нибудь бумажку, аккуратно ее рвалъ на части и бросалъ въ корзину, послѣ чего отрывисто смѣялся. Образецъ его шуточекъ.

Все же, несмотря на совмѣстныя прогулки, ея дочь и Лужинъ находили время уединяться, и послѣ такихъ уединеній она съ нѣкоторой злобой спрашивала дочь: «Что.

цѣлуешься съ нимъ? Цѣлуешься? Я увѣрена, что цѣлуешься. Но та только вздыхала и съ притворной тоской отвѣчала: «Ахъ, мама, какъ ты можешь говорить такія вещи...» «Взасось», — рѣшила она и мужу написала, что несчастна, безпокойна, что у дочери невозможный флиртъ, — опасный угрюмецъ. Мужъ посоветовалъ вернуться въ Берлинъ или переѣхать на другой курортъ. «Ничего онъ не понимаетъ, — подумала она. — Ну все равно. Скоро все это кончится. Нашъ голубчикъ отбудеть».

И вдругъ, за три дня до отъѣзда Лужина въ Берлинъ, случилась одна маленькая вещь, которая не то, что измѣнила ея отношеніе къ Лужину, но смутно ее тронула. Они втроемъ вышли пройтись. Былъ неподвижный августовскій вечеръ, великолѣпный закатъ, какъ до конца выжаренный, до конца истерзаный апельсинъ-королекъ. «А мнѣ что-то холодно, — сказала она. — Привеси-ка мнѣ что-нибудь». И дочь кивнула, сказала «у-хумъ», посасывая стебелекъ травы, и быстро пошла, слегка размахивая руками, обратно къ гостиницѣ.

«Хорошенькая у меня, дѣвочка, правда? Ножки стройныя».

Лужинъ поклонился.

«Значить, вы въ понедѣльникъ отбываете? А потомъ, послѣ вашей игры, обратно въ Парижъ?»

Лужинъ поклонился снова.

«Но въ Парижъ вы останетесь недолго? Опять куда-нибудь пригласятъ выступить?»

Тутъ-то и произошло. Лужинъ оглядѣлся и протянулъ трость.

«Дорожка, — сказалъ онъ. — Смотрите. Дорожка. Я шелъ. И вы представьте себѣ, кого я встрѣтилъ. Кого же я встрѣтилъ? Изъ мифовъ. Амура. Но не со стрѣлой, а съ камушкомъ. Я былъ пораженъ».

«О чемъ вы?» — спросила она съ тревогой.

«Нѣтъ, позвольте, позвольте, — воскликнулъ Лужинъ, поднявъ палецъ. — Мнѣ нужна аудіенція».

Онъ подошелъ къ ней близко, странно приоткрыль ротъ, отчего необыкновенное выраженіе какой-то страдальческой нѣжности появилось на его лицѣ.

«Вы добрая, отзывчивая женщина, — протяжно сказалъ Лужинъ. — Честь, честь имѣю просить дать мнѣ ея руку».

Онъ отвернулся, какъ будто окончивъ театральную реплику, и сталъ тростью выдалбливать узорчикъ въ песокѣ.

«Вотъ тебѣ шаль», — сказалъ сзади нея запыхавшійся голосъ дочери, и шаль легла ей на плечи. «Да нѣтъ, мнѣ жарко, не надо, какая тамъ шаль...»

Прогулка въ тотъ вечеръ была особенно молчалива. Въ умѣ у нея пробѣгали всѣ тѣ слова, которыя придется сказать Лужину, — намекнуть на финансовую сторону, — онъ вѣроятно небогатъ, занимаетъ самую дешевую комнату въ гостиницѣ. И очень серьезно поговорить съ дочерью. Немыслимый бракъ, глупѣйшая затѣя. Но, несмотря на все это, ей было лестно, что Лужинъ такъ взволнованно, такъ по старомодному, обратился первымъ дѣломъ къ ней.

«Произошло, поздравляю, — сказала она въ тотъ же вечеръ дочери. — Не дѣлай невинное лицо, ты отлично понимаешь. Мы желаемъ жениться».

«Напрасно онъ съ тобой говорилъ, — отвѣтила дочь. — Это касается только его и меня».

«Выйти замужъ за перваго встрѣчнаго прохвоста...», — обиженно начала она.

«Не смѣй, — спокойно сказала дочь. — Это не твое дѣло».

И то, что казалось невысказанной затѣей, стало развиваться съ удивительной быстротой. Наканунѣ своего отъѣзда, Лужинъ въ длинной ночной рубашкѣ стоялъ на балкончикѣ своей комнаты, глядѣлъ на луну, которая, дрожа, выпутывалась изъ черной листвы, и, думая о неожиданномъ оборотѣ, принимаемомъ его защитой противъ Турати, слушалъ, сквозь эти шахматныя мысли, голосъ, кс-

торый все продолжалъ звенѣть въ ушахъ, длинными линиями пересѣкала его существо, занимая всѣ главные пункты. Это былъ отзвукъ разговора, который у него только что былъ съ ней, — она опять сидѣла у него на колѣняхъ и общала, общала, что черезъ два-три дня вернется въ Берлинъ, поѣдетъ одна, если мать захочетъ остаться. И держать ее у себя на колѣняхъ, было ничто передъ увѣренностью, что она послѣдуетъ за нимъ, не исчезнетъ, какъ нѣкоторые сны, которые вдругъ лопаются, разбѣгаются, оттого что сквозь нихъ всплываетъ блестящій куполокъ будильника. Прижавшись плечомъ къ его груди, она старалась осторожнымъ пальцемъ повыше поднять ему вѣки, и отъ легкаго нажима на глазное яблоко прыгаль страшный черный свѣтъ, прыгаль, словно его черный конь, который просто бралъ пѣшку, если Турати ее выдвигалъ на седьмомъ ходу, какъ онъ сдѣлалъ при послѣдней встрѣчѣ. Конь, конечно, погибалъ, но эта потеря вознаграждалась замысловатой атакой черныхъ, и тутъ шансы были на ихъ сторонѣ. Была, правда, нѣкоторая слабость на ферзевомъ флангѣ, скорѣе не слабость, а легкое сомнѣнiе, не есть ли все это фантазія, фейерверкъ, и выдержать ли онъ, выдержать ли сердце, или голосъ въ ушахъ все-таки обманываетъ и не будетъ ему сопутствовать. Но луна вышла изъ-за угловатыхъ черныхъ вѣтокъ, — круглая, полнолунная луна, — яркое подтвержденiе побѣды, и, когда наконецъ Лужинъ повернулся и шагнулъ въ свою комнату, тамъ уже лежалъ на полу огромный прямоугольникъ луннаго свѣта, и въ этомъ свѣтѣ — его собственная тѣнь.

8.

То, къ чему была такъ равнодушна его невѣста, проишло вѣло на него впечатлѣнiе, которое никакъ нельзя было предвидѣть. Пресловутую квартиру, въ которой самый

воздухъ былъ сарафанный, Лужинъ посѣтилъ сразу послѣ того, какъ добылъ свой первый пунктъ, раздѣлавшись съ очень цѣпкимъ венгерцемъ; партію, правда, прервала на сороковомъ ходу, но дальнѣйшее было Лужину совершенно ясно. Онъ вслухъ прочелъ безликому шоферу адресъ на открыткѣ («Пріѣхали. Ждемъ васъ вечеромъ») и, незамѣтно преодолевъ туманное, случайное разстояніе, осторожно попробовалъ вытянуть кольцо изъ лѣвиной пасти. Звонокъ подѣйствовалъ сразу: дверь бурно открылась. «Какъ, безъ пальто? Не влущу...» Но онъ уже перешагнулъ черезъ порогъ и махалъ рукой, трясъ головой, стараясь справиться съ одышкой. «Пфуфъ, пфуфъ», — выдохнулъ онъ, приготовившись къ чудесному объѣтыю и вдругъ замѣтилъ, что въ лѣвой, уже протянутой вбокъ, рукѣ — ненужная трость, а въ правой — бумажникъ, который онъ повидимому несъ съ тѣхъ поръ, какъ расплатился съ автомобилемъ. «Опять въ этой черной шляпищѣ.. Ну что жъ вы застыли? Вотъ сюда». Трость благополучно нырнула въ вазоподобную штуку; бумажникъ, послѣ второго совка, попалъ въ нужный карманъ; шляпа повисла на крючкѣ. «Вотъ и я, — сказала Лужинъ, — пфуфъ, пфуфъ». Она уже была далеко, въ глубинѣ прихожей; толкнула бокомъ дверь, протянувъ по ней голую руку и весело исподлобья глядя на Лужина. А надъ дверью, сразу надъ косякомъ, била въ глаза большая, яркая, маляными красками писанная картина. Лужинъ, обыкновенно не примѣчавшій такихъ вещей, обратилъ на нее вниманіе, потому что электрическій свѣтъ жирно ее обливалъ, и краски поразили его, какъ солнечный ударъ. Баба въ кумачевомъ платкѣ до бровей ѣла яблоко, и ея черная тѣнь на заборѣ ѣла яблоко побольше. «Баба», — вкусно сказала Лужинъ и разсмѣялся. «Ну, входите, входите. Не распистоньте этотъ столикъ». Онъ вошелъ въ гостиную и какъ то весь обмякъ отъ удовольствія, и его животъ шодъ бархатнымъ жилетомъ, который онъ почему то всегда носилъ во время турнировъ, трогательно вздрагивалъ

отъ смѣха. Люстра съ матовыми, какъ леденцы, подвѣсками отвѣчала ему странно знакомымъ дрожаніемъ; передъ роялемъ, на желтомъ паркетѣ, въ которомъ отражались ножки ампирныхъ кресель, лежала бѣлая медвѣжья шкура, раскинувъ лапы, словно летя въ блестящую пропасть пола. На многочисленныхъ столикахъ, полочкахъ, поставкахъ были всякія нарядныя вещицы, что-то вродѣ увѣситыхъ рублей серебрилось въ горкѣ, и павлинье перо торчало изъ-за рамы зеркала. И было много картинъ на стѣнахъ, — опять бабы въ цвѣтныхъ платкахъ, золотой богатырь на бѣломъ битюгѣ, избы подъ синими пуховиками снѣга... Для Лужина все это слилось въ удивительный красочный блескъ, изъ котораго на мгновеніе выскакивалъ отдѣльный предметъ, — фарфоровый лось или темноокая икона, -- и опять весело рябило въ глазахъ, и полярная шкура, о которую онъ споткнулся, отъ чего загернулся край, оказалась на красной подкладкѣ съ фестонами. Больше десяти лѣтъ онъ не былъ въ русскомъ домѣ и, попавъ теперь въ домъ, гдѣ, какъ на выставкѣ, бойко подавалась цвѣтистая Россія, онъ ощутилъ дѣтскую радость, желаніе захлопать въ ладоши, -- никогда въ жизни ему не было такъ легко и уютно. «Отъ Пасхи осталось», — убѣжденно сказалъ онъ, указавъ пятымъ пальцемъ на большое деревянное яйцо въ золотыхъ разводахъ (томбольный выигрышъ на благотворительномъ балу). Въ эту минуту бѣлыя двери распахнулись, и быстро вошелъ, уже протягивая на ходу руку, господинъ въ пенсне, очень прямой, остриженный бобркомъ. «Милости просимъ, — сказалъ онъ. — Радъ познакомиться». Тутъ же онъ, какъ фокусникъ, открылъ кустарный портсигаръ съ александровскимъ орломъ на крышкѣ. «Съ мундштучками, — сказалъ Лужинъ, покосившись на папиросы. — Этихъ не курю. А вотъ...» Онъ сталъ рыться въ карманахъ, извлекая толстыя папиросы, высыпавшіяся изъ бумажнаго мѣшочка; нѣсколько штукъ онъ уронилъ, и господинъ ловко ихъ поднялъ. «Душенька, -- сказалъ онъ, — дай намъ пепель-

ницу. Садитесь, пожалуйста. Виновать... ваше имя-отчество?» Хрустальная пепельница опустилась между ними, и, одновременно макнувъ въ нее папиросы, они сшиблись кончиками. «Жадубъ», — добродушно сказалъ Лужинъ, выправляя согнувшуюся папиросу. «Ничего, ничего, — быстро сказалъ господинъ и выпустилъ двѣ тонкихъ струи дыма изъ ноздрей вдругъ сузившагося носа. — Ну вотъ, вы въ нашемъ богоспасаемомъ Берлинѣ. Моя дочь мнѣ рассказала, что вы прѣехали на состязаніе». Онъ высвободилъ крахмальную манжету, подбоченился и продолжалъ: «Я, между прочимъ, всегда интересовался, нѣтъ ли въ шахматной игрѣ такого хода, благодаря которому всегда выиграешь. Я не знаю, понимаете ли вы меня, но я хочу сказать... простите, ваше имя-отчество?» «Нѣтъ, я понимаю, — сказалъ Лужинъ, прилежно пораздумавъ. — Мы имѣемъ ходы тихіе и ходы сильные. Сильный ходъ...» «Такъ, такъ, вотъ оно что», — закивалъ господинъ. «Сильный ходъ, это который, — громко и радостно продолжалъ Лужинъ, — который сразу даетъ намъ несомнѣнное преимущество. Двойной шахъ, примѣрно, со взятіемъ фигуры тяжелаго вѣса или пѣшка возводится въ степені ферзя. И такъ далѣе. И такъ далѣе. А тихій ходъ...» «Такъ, такъ, — сказалъ господинъ. — Сколько же дней приблизительно будетъ продолжаться состязаніе?» «Тихій ходъ это значитъ подвохъ, подкопъ, complicація, — стараясь быть любезнымъ и самъ входя во вкусъ, говорилъ Лужинъ. — Возьмемъ какое-нибудь положеніе. Бѣлые...» Онъ задумался, глядя на пепельницу. «Къ сожалѣнію, — нервно сказалъ господинъ, — я въ шахматахъ ничего не смыслю. Я только васъ спрашивалъ... Но это пустякъ, пустякъ. Мы сейчасъ пройдемъ въ столовую. Что, душенька, чай готовъ?» «Да! — воскликнулъ Лужинъ. — Мы просто возьмемъ положеніе, на которомъ сегодня былъ прерванъ эндшпиль. Бѣлые: король сѣ-три, ладья а-одинъ, конь дѣ-пять, пѣшки бѣ-три, сѣ-четыре. Черные же...» «Сложная штука шахматы», — проворно вставилъ госпо-

динь и пружинисто вскочилъ на ноги, стараясь пресѣчь потокъ буквъ и цифръ, которыя имѣли какое-то отношеніе къ чернымъ. «Предположимъ теперь, — вѣско сказала Лужинъ, — что черные сдѣлаютъ лучшей въ этомъ положеніи ходъ, — э-шесть жэ-пять. На это я и отвѣчаю слѣдующимъ тихимъ ходомъ...» Лужинъ прищурился и почти шопотомъ, выпятивъ губы, какъ для осторожнаго поцѣлуя, испустилъ не слова, не простое обозначеніе хода, а что-то нѣжнѣйшее, безконечно хрупкое. У него было то же выраженіе на лицѣ — выраженіе человѣка, который сдуваетъ перышко съ лица младенца, -- когда, на слѣдующій день, онъ этотъ ходъ воплотилъ на доскѣ. Венгерець, совершенно желтый послѣ безсонной ночи, за которую онъ успѣлъ провѣрить всѣ варианты (приведившіе къ ничьей), не замѣтивъ только вотъ этой скрытой комбинаціи, крѣпко задумался надъ доской, пока Лужинъ, жеманно покашливая, любовно отмѣчала сдѣланный ходъ на листочкѣ. Венгерець скоро сдался, и Лужинъ съѣлъ играть съ компатріотомъ. Партія началась интересно, и вскорѣ вокругъ ихъ стола образовалось плотное кольцо зрителей. Любопытство, напоръ, хрусть суставовъ, чужое дыханіе и, главное, шопоть. --- шопоть, прерываемый еще болѣе громкимъ и раздражительнымъ «цысь!», — часто мучили Лужина: онъ живо чувствовалъ этотъ хрусть, и шелестъ, и отвратительное тепло, если не слишкомъ глубоко уходилъ въ шахматныя бездны. Краемъ глаза онъ видѣлъ ноги столпившихся, и его почему то особенно раздражала, среди всѣхъ этихъ темныхъ штановъ, пара дамскихъ ногъ въ блестящихъ сѣрыхъ чулкахъ. Эти ноги явно ничего не понимали въ игрѣ, непонятно, зачѣмъ онѣ гризли.. Сизья, заостренные туфли съ какими то перхватцами лучше бы цокали по панели, — подальше, подальше отсюда. Останавливая свои часы, записывая ходъ или отставляя взятую фигуру, онъ искоса поглядывалъ на эти неподвижныя ноги, и только черезъ полтора часа, когда онъ выигралъ партію и всталъ, оттягивая внизъ жи-

летъ, Лужинъ увидѣлъ, что эти ноги принадлежать его невѣстѣ. Онъ ощутилъ острое счастье оттого, что она присутствовала при его побѣдѣ, и жадно ждалъ исчезновенія шахматныхъ досокъ и всѣхъ этихъ шумныхъ людей, чтобы поскорѣй ее погладить. Но шахматы не сразу исчезли, и даже, когда появилась свѣтлая столовая и огромный, мѣдью сіяющій самоваръ, сквозь бѣлую скатерть проступали смутные, ровные квадраты, и такіе же квадраты, шоколадные и кремовые, несомнѣнно были на пирогахъ. Мать невѣсты встрѣтила его съ тѣмъ же снисходительнымъ, слегка насмѣшливымъ благодушіемъ, съ какимъ встрѣтила его наканунѣ, когда появленіемъ своимъ прервала шахматный разговоръ, — а вчерашній господинъ, повидимому ея мужъ, подробно рассказывалъ, какое у него было образцовое имѣніе въ Россіи. «Пойдемъ къ вамъ въ комнату», — хрипло шепнулъ Лужинъ невѣстѣ, и она прикусила губу и сдѣлала большіе глаза. «Пойдемъ же», — повторилъ онъ. Но она ловко положила ему на стеклянную тарелочку чудеснаго малиноваго варенья, и сразу подѣйствовала эта клейкая, ослѣпительно-красная сладость, которая зернистымъ огнемъ переливалась на языкѣ, душистымъ сахаромъ облипала губы. «Мерси, мерси», — кланялся Лужинъ, пока ему накладывали вторую порцію, и среди гробового молчанія зачмокалъ опять, облизывая еще горячую отъ чаю ложечку, боясь растерять хоть каплю упонительнаго сока. И когда наконецъ онъ добился своего и оказался съ ней наединѣ, правда, не у нея въ комнатѣ, а въ цвѣтистой гостиной, онъ привлекъ ее къ себѣ, грузно сѣлъ, держа ее за кисти, но она молча вывернулась, закружившись, опустилась на пуфъ. «Я вовсе еще не рѣшила, выйду ли я за васъ замужъ, — сказала она. — Помните это». «Все рѣшено, — сказалъ Лужинъ. — Если они не захотятъ, мы ихъ заставимъ силой, чтобы они подписали». «Подписали что? — спросила она удивленно. «А я не знаю... Вѣдь нужны, кажется, какія-то подписи». «Глупый, глупый, — нѣсколько разъ повторила она. — Непроницае-

мая и неисправимая глупость. Ну что мнѣ съ вами дѣлать, какъ мнѣ съ вами быть... И какой у васъ усталый видъ. Я увѣрена, что вамъ вредно такъ много играть». «Ach wo, — сказала Лужинъ, — пара партишекъ». «А по ночамъ думаете. Нельзя такъ. Уже поздно, знаете. Идите домой. Спать вамъ нужно, вотъ что». Онъ однако оставался сидѣть на полосатомъ диванчикѣ, и она подумала, что какіе же это они разговоры ведутъ, — все тягъ да ляпъ, случайныя словечки. И ни разу еще онъ ее не поцѣловалъ по настоящему, а все выходитъ криво, странно, и ни одно движеніе, которымъ онъ до нея дотрагивается, не похоже на простое человѣческое объятіе. Но эта сирая преданность въ его глазахъ, этотъ таинственный свѣтъ, который озарялъ его, когда онъ давеча наклонялся надъ шахматами. И на слѣдующій день ее опять потянуло въ совершенно безмолвное помѣщеніе во второмъ этажѣ большого кафе, на узкой, шумной улицѣ. На этотъ разъ Лужинъ сразу ее замѣтилъ: онъ тихо разговаривалъ съ широкоплечимъ, бритымъ господиномъ, у котораго коротко остриженные волосы казались плотно надѣтыми на голову и мыскомъ находили на лобъ, а толстыя губы облѣпляли, всасывали потухшую сигару. Художникъ, посланный газетой, поднимая и опуская лицо, какъ китайскій болванчикъ, быстро рисовалъ этотъ профиль съ сигарой. Мимходомъ заглянувъ въ его альбомчикъ, она увидѣла рядомъ съ начатымъ Турати уже вполне готоваго Лужина, прс-увеличенно унылый носъ, двойной подбородокъ въ черныхъ точечкахъ и на вискѣ знакомую прядь, которую она называла кудрей. Турати сълъ играть съ нѣмецкимъ мастеромъ, а Лужинъ къ ней подошелъ и хмуро, съ виноватой усмѣшкой, сказалъ что-то длинное и несуразное. Она съ удивленіемъ поняла, что онъ проситъ ее уйти. «Я радъ, я очень радъ постфактумъ, — умоляющимъ тономъ пояснилъ Лужинъ, — но пока... пока это какъ то мѣшательно». Онъ прослѣдилъ глазами, какъ она покорно удаляется между шахматными столиками, и, дѣловито кивнувъ

самому себѣ, направился къ доскѣ, за которую уже усаживался его новый противникъ, сѣдой англичанинъ, игравшій съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ и неизмѣнно проигрывавшій. Богиня Каисса и на этотъ разъ не улыбнулась ему, и Лужинъ опять побѣдилъ, а на слѣдующій день сдѣлалъ ничью, а потомъ снова выигралъ, — и уже пересталъ отчетливо чувствовать грань между шахматами и невѣстнымъ домомъ, какъ будто движеніе ускорилося, и то, что сперва казалось чередой полосъ, было теперь мельканіемъ.

Онъ шель, не отставая отъ Турати. Турати дѣлалъ пунктъ, и онъ дѣлалъ пунктъ; Турати дѣлалъ половинку, и онъ дѣлалъ половинку. Такъ они двигались, словно взбираясь вверхъ по сторонамъ равнобедреннаго треугольника, и въ рѣшительную минуту должны были сойтись на вершинѣ.

Ночи были какія-то ухабистыя. Никакъ нельзя было себя заставить не думать о шахматахъ, хотя клонило ко сну, а потомъ сонъ никакъ не могъ войти къ нему въ мозгъ, искалъ лазейки, но у cadaго входа стоялъ шахматный часовой, и это было ужасно мучительное чувство, — что вотъ, сонъ тутъ какъ тутъ, но по ту сторону мозга: Лужинъ, томо разсѣянный по комнатѣ, спитъ, а Лужинъ, представляющій собой шахматную доску, бодрствуетъ и не можетъ слиться со счастливымъ двойникомъ. Но что было еще хуже, — онъ послѣ cadaго турнирнаго сеанса все съ большимъ и большимъ трудомъ вылѣзалъ изъ міра шахматныхъ представлений, такъ что и днемъ намѣчалось негріятное раздвоеніе. Послѣ трехчасовой партіи странно болѣла голова, не вся, а частями, черными квадратами боли, и не сразу онъ находилъ дверь, заслоненную чернымъ пятномъ, и не могъ вспомнить адресъ завѣтнаго дома: по счастью, въ карманѣ хранилась старая, сложенная вдвое и уже рвущаяся по стигу открытка («Пріѣхали. Ждемъ васъ вечеромъ»). Онъ еще продолжалъ ощущать радость, когда входилъ въ домъ, полный русскихъ игрушекъ, но радость тоже была пятнами. И какъ то, въ день передышки, онъ пришелъ раньше обыкновеннаго, и дома была

только сама хозяйка. Она рѣшила продолжить разговоръ, бывший на закатѣ въ буковой роцѣ, и, преувеличивая свою, весьма цѣнную ею самой, способность рѣзать правду-матку (за что молодые люди, посѣщавшіе ея домъ, считали ее большой умницей и очень ея боялись), она насѣла на Лужина, первымъ дѣломъ отчитала его за окурки, на ходимые во всѣхъ вазочкахъ и даже въ пасти распластаннаго медвѣдя, а затѣмъ предложила ему нынче же, въ субботній вечеръ, принять у нихъ ванну, послѣ того, какъ выкупается мужъ. «Рѣдко навѣрное моеетесь, — сказала она безъ обиняковъ. — Рѣдко? Признайтесь-ка». Лужинъ мрачно пожалъ плечами, глядя на полъ, гдѣ происходило легкое, ему одному примѣтное движеніе, недобрая дифференціація тѣней. «И вообще, продолжала она, — надо подтянуться». И такимъ образомъ создавъ необходимое настроеніе у слушателя, она перешла къ самому главному. «Скажите, — спросила она, — я думаю, вы успѣли очень развратить мою дѣвочку? Такіе, какъ вы, большіе развратники. А она у меня чистая, не то, что нынѣшнія. Скажите, вѣдь вы развратникъ, развратникъ?» «Нѣтъ, мадамъ», — со вздохомъ отвѣтилъ Лужинъ и затѣмъ поморщился, быстро провель подошвой по полу, стирая нѣкоторое, уже совсѣмъ опредѣленное, сгущеніе. «Я вѣдь васъ вовсе не знаю, — продолжалъ быстрый, звучный голосъ. — Мнѣ придется навести справки, — да-да, справки, — не больны ли вы какой-нибудь такой болѣзною». «Одышка, — сказала Лужинъ. — И еще — маленькій ревматизмъ». «Я не про то говорю, — сухо перебила она. — Дѣло серьезное. Вы повидимому считаете себя женихомъ, бываете у насъ, уединяетесь. Но я не думаю, чтобы скоро могла быть рѣчь о свадьбѣ». «А въ прошломъ году былъ геморрой», — скучно сказала Лужинъ. «Послушайте, я съ вами говорю объ очень важныхъ вещахъ. Вы вѣроятно хотѣли бы жениться уже сегодня, сейчасъ. Знаю я васъ. Потомъ будетъ она ходить съ брюхомъ, замучите ее сразу» Лужинъ, вытоптавъ въ одномъ мѣстѣ тѣнь, съ тоской

увидѣлъ, что далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ сидитъ, происходитъ на полу новая комбинація. «Если вы хоть немножко интересуетесь моимъ мнѣніемъ, то должна вамъ сказать, что считаю этотъ бракъ чепухой. Кромѣ того вы вѣроятно думаете, что мой мужъ будетъ васъ содержать. Признайтесь: думаете?» «Я испытываю стѣсненіе въ капиталахъ, — сказала Лужинъ. — Я бы совсѣмъ немножко бралъ. И мнѣ предлагали вести шахматный отдѣлъ въ одномъ журналѣ...» Тутъ испріятности на полу такъ облаглѣли, что Лужинъ невольно протянулъ руку, чтобы увести тѣневого короля изъ подъ угрозы свѣтовой пѣшки. И вообще, съ этого дня онъ сталъ избѣгать сидѣть въ гостиной, гдѣ было слишкомъ много всякихъ деревянныхъ вещицъ, принимавшихъ, если долго смотрѣть на нихъ, очень опредѣленные очертанія. Его невѣста замѣчала, какъ, съ каждымъ турнирнымъ днемъ, онъ все хуже и хуже выглядить. Мутно-фіолетовые оттѣнки появились у него вокругъ глазъ, а тяжелыя вѣки были воспалены. Онъ былъ такъ блѣденъ, что всегда казался плохо выбритымъ, хотя, по настоянію невѣсты, брился каждое утро. Окончаніе турнира ожидалось ею съ большимъ нетерпѣніемъ, и ей было больно думать, какія страшныя, вредныя для него усилія долженъ онъ дѣлать, добывая каждое очко. Блѣдный Лужинъ, таинственный Лужинъ... Играя утромъ въ теннисъ съ пріятельницей нѣмкой, слушаая давно пріѣвшіяся лекціи по исторіи искусства, перелистывая у себя въ комнатѣ потрепанныя, разношерстныя книжки, — андреевскій «Океанъ», романъ Краснова, брошюру «Какъ сдѣлаться іогомъ», она все время сознавала, что вотъ сейчасъ Лужинъ погруженъ въ шахматныя вычисленія, борется, мучится, и ей было немного обидно, что она не можетъ раздѣлить муки его искусства. Въ его геніальность она вѣрила безусловно, а кромѣ того была убѣждена, что эта геніальность не можетъ исчерпываться только шахматной игрой, какъ бы чудесна она ни была, и что, когда пройдетъ турнирная горячка, и Лужинъ успокоится, от-

дохнетъ, въ немъ заиграють какія-то еще невѣдомыя силы, онъ расцвѣтетъ, проснется, проявитъ свой даръ и въ другихъ областяхъ жизни. Ея отецъ называлъ Лужина узкимъ фанатикомъ, но добавлялъ, что это несомнѣнно очень наивный и очень порядочный человекъ. Мать же утверждала, что Лужинъ не по днямъ, а по часамъ сходитъ съ ума, что умалишеннымъ по закону запрещено жениться, и первые дни скрывала невѣроятнаго жениха отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, что было сначала легко, — думали, что она съ дочерью на курортѣ, — но потомъ, очень скоро, появились опять всѣ тѣ люди, которые обыкновенно у нихъ въ домѣ бывали, — какъ на примѣръ: очаровательный старенькій генералъ, всегда доказывавшій, что не Россіи намъ жаль, а молодости, молодости; двое русскихъ нѣмцевъ; Олегъ Сергѣевичъ Смирновскій, — теософъ и хозяинъ ликерной фабрики; нѣсколько бывшихъ офицеровъ; нѣсколько барышень; пѣвица Воздвиженская; чета Алферовыхъ; а также престарѣлая княгиня Уманова, которую называли пиковой дамой (по извѣстной оперѣ). Она то первая и увидала Лужина и заключила изъ поспѣшнаго и невразумительнаго разъясненія хозяйки дома, что онъ имѣетъ какое-то отношеніе къ литературѣ, къ журналамъ, — сочинитель, однимъ словомъ. «А вотъ это вы знаете?» — спросила она, учтиво завязавъ литературный разговоръ. Изъ новой поэзіи... немного декадентское... что-то о василькахъ, «все васильки, васильки». . . Олегъ Сергѣевичъ немедленно попросилъ его сыграть съ нимъ партію въ шахматы, но къ сожалѣнію шахматъ въ домѣ не оказалось. Молодые люди между собой прозвали его шляпой, и только старенькій генералъ отнесся къ нему съ сердечнѣйшей простотой и долго увѣщевалъ его гойти посмотреть на маленькаго жирафа, только что родившагося въ зоологическомъ саду. Лужинъ, съ тѣхъ поръ какъ стали приходиться гости, появлявшіеся теперь каждый вечеръ въ различныхъ комбинаціяхъ, ни минуты не могъ остаться одинъ съ невѣстой, и борьба съ ними, стре-

мление проникнуть через ихъ гущу къ невѣстѣ, немедленно пріобрѣло шахматный отгѣнокъ. Однако побороть ихъ оказалось невозможно, появлялись все новые и новые, и ему мерещилось, что они же, эти безчисленные, безликіе гости, плотно и жарко окружаютъ его въ часы турнира.

Объясненіе всему происходившему пришло какъ то утромъ, когда онъ сидѣлъ на стулѣ посреди номера и старался сосредоточить мысль только на одномъ: вчера сдѣланъ десятый пунктъ, сегодня предстоитъ выиграть у Мозера. Вдругъ къ нему вошла невѣста. «Прямо какой-то божокъ, — разсмѣялась она. — Сидитъ посередкѣ, и къ нему приходятъ съ жертвоприношеніями». Она протянула ему коробку шоколадныхъ конфетъ, и внезапно смѣхъ съ ея лица исчезъ. «Лужинъ, — крикнула она, — Лужинъ, проснитесь! Что съ вами?» «Реальность?» — тихо и недоувѣрчиво спросилъ Лужинъ. «Конечно, реальность. Что за манера поставить стулъ посреди комнаты и усѣсться. Если вы сейчасъ не встряхнетесь, я уйду». Лужинъ покорно встряхнулся, поводя головой и плечами, потомъ пересѣлъ на кушетку, и еще несовсѣмъ утвердившееся, несовсѣмъ вѣрное счастье заскользило въ его глазахъ. «Скажите, когда это кончится? — спросила она. — Сколько еще партий?» «Штучки три», — отвѣтилъ Лужинъ. «Я сегодня читала въ газетѣ, что вы должны выиграть турниръ, что вы этотъ разъ играете необычайно». «Но есть Турати», — сказалъ Лужинъ и поднялъ палецъ. «Меня тошнить», — добавилъ онъ грустно. «Тогда никакихъ конфетъ», — быстро сказала она и взяла квадратный пакетъ опять подмышку. «Лужинъ, я позову къ вамъ доктора. Вы же просто умрете, если будетъ такъ продолжаться». «Нѣтъ-нѣтъ, — сказалъ онъ сонно. — Уже прошло. Не надо доктора». «Меня это волнуетъ. Еще, значитъ, до пятницы, до субботы... этотъ адъ. А у насъ дома довольно мрачно. Всѣ согласны съ мамой, что нельзя мнѣ за васъ выйти. Почему васъ тошнило, съѣли что-нибудь такое?» «Прошло же,

абсолютно», — протянул Лужинъ и опустил голову къ ней на плечо. «Вы просто очень устали, бѣдный. Неужели вы сегодня будете играть?» «Въ три часа. Противъ Мозера. Я вообще играю... какъ было сказано?» «Необычайно», — улыбулась она. Голова, лежавшая у нея на плечѣ, была большая, тяжелая, — драгоценный аппаратъ со сложнымъ, таинственнымъ механизмомъ. И черезъ минуту она замѣтила, что онъ уснулъ, и стала думать, какъ теперь передожить его голову на какую-нибудь подушку. Очень осторожными движениями ей удалось это сдѣлать; онъ теперь подулелжалъ на кушеткѣ, неудобно согнувшись, и голова на подушкѣ была, какъ восковая. На мгновеніе ее схватилъ ужасъ, не умеръ ли онъ внезапно, она даже тронула его кисть, мягкую и теплую. Когда она разогнулась, то почувствовала боль въ плечѣ. «Тяжелая голова», шепнула она, глядя на спящаго, и тихо вышла изъ комнаты, унося неудачный свой подарокъ. Горничную, встрѣченную въ коридорѣ, она просила Лужина разбудить черезъ часъ и, беззвучно спустившись по лѣстницѣ, направилась по солнечнымъ улицамъ въ теннисный клубъ, — и поймала себя на томъ, что все еще старается не шумѣть, не дѣлать рѣзкихъ движений. Горничной будить Лужина не пришлось, — онъ проснулся самъ и сразу началъ усиленно вспоминать прелестный сонъ, который ему приснился, — зная по опыту, что, если сразу не начнешь вспоминать, то уже потомъ будетъ поздно. А видѣлъ онъ во снѣ, будто странно сидитъ, — посрединѣ комнаты, — и вдругъ съ нелѣпой и блаженной внезапностью, присущей снамъ, входитъ его невѣста, протягивая коробку, перевязанную красной ленточкой. Одѣта она тоже по модѣ сновидѣній. — бѣлое платье, беззвучныя бѣлыя туфли. Онъ хотѣлъ обнять ее, но вдругъ затошнило, закружилась голова, и невѣста тѣмъ временемъ рассказывала, что необычайно пишутъ о немъ въ газетахъ, но что мать все-таки не хочетъ, чтобы они поженились. Вѣроятно было еще много, много чего, но память не успѣла догнать уплывавшее, —

и, стараясь по крайней мѣрѣ не растерять того, что ему удалось вырвать у сновидѣнія, Лужинъ осторожно задвигался, пригладилъ волосы, позвонилъ, чтобы принесли ему обѣдъ. Послѣ обѣда пришлось засѣсть за игру, и въ этотъ день мѣръ шахматныхъ представленій проявилъ ужасную власть. Онъ игралъ безъ передышки четыре часа и побѣдилъ, но, когда уже сѣлъ въ таксомоторъ, то по пути забылъ, куда отправляется, забылъ, какой адресъ далъ прочесть шоферу («...вась вечеромъ»), и съ интересомъ ждалъ, гдѣ автомобиль остановится.

Домъ онъ впрочемъ узналъ, — и опять были гости, гости, — но вдругъ Лужинъ понялъ, что онъ просто вернулся въ недавній сонъ, ибо невѣста шопотомъ спросила его: «Ну что, не тошнить больше?» — и какъ же она могла объ этомъ знать на яву? «Въ хорошемъ снѣ мы живемъ, — сказалъ онъ ей тихо. — Я вѣдь все понялъ». Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, увидѣлъ столъ и лица сидящихъ, отраженіе ихъ въ самоварѣ — въ особой самоварной перспективѣ — и съ большимъ облегченіемъ добавилъ: «Значить, и это тоже сонъ? эти господа — сонъ? Ну-ну...» «Тише, тише, что вы лопочете», — безпокойно шептала она, и Лужинъ подумалъ, что она права, не надо спугивать сновидѣніе, пусть они посидятъ, эти люди, до поры до времени. Но самымъ замѣчательнымъ въ этомъ снѣ было то, что кругомъ, повидимому, — Россія, изъ которой самъ спящій давненько выѣхалъ. Жители сна, веселые люди, пившіе чай, разговаривали по-русски, и сахарница была точь-въ-точь такая же, какъ та, изъ которой онъ черпалъ сахарную пудру на верандѣ, въ лѣтній малиновый вечеръ, много лѣтъ тому назадъ. Это возвращеніе въ Россію Лужинъ отмѣтилъ съ интересомъ, съ удовольствіемъ. Оно его забавляло главнымъ образомъ, какъ остроумное повтореніе извѣстной идеи, что бываетъ, на примѣръ, когда въ живой игрѣ на доскѣ повторяется въ своеобразномъ преломленіи чисто задачная комбинація, давно открытая теоріей.

Все время однако, то слабѣе, то рѣзче, проступали въ этомъ снѣ тѣни его подлинной шахматной жизни, и она наконецъ прорвалась наружу, и уже была просто ночь въ гостиницѣ, шахматныя мысли, шахматная бессонница, размышленія надъ острой защитой, придуманной имъ противъ дебюта Турати. Онъ ясно бодрствовалъ, ясно работала умъ, очищенный отъ всякаго сора, понявшій, что все, кромѣ шахматъ, только очаровательный сонъ, въ которомъ млѣетъ и таетъ, какъ золотой дымъ луны, образъ милой, ясноглазой барышни съ голыми руками. Лучи его сознанія, которые, бывало, разсѣивались, ощупывая окружавшій его несовершенство понятный міръ, и потому теряли половину своей силы, теперь окрѣпли, сосредоточились, когда этотъ міръ расплылся въ миражъ, и уже не было надобности о немъ беспокоиться. Стройна, отчетлива и богата приключеніями была подлинная жизнь, шахматная жизнь, и съ гордостью Лужинъ замѣчалъ, какъ легко ему въ этой жизни властвовать, какъ все въ ней слушается его воли и покорно его замысламъ. Нѣкоторыя партіи, имъ сыгранныя на берлинскомъ турнирѣ, были знатоками тогда же названы бессмертными. Одну онъ выигралъ, пожертвовавъ послѣдовательно ферземъ, ладьей, конемъ; въ другой занялъ такую динамическую позицію одной своей пѣшкой, что она приобрѣла совершенно чудовищную силу, и все росла, вздучалась, тлетворная для противника, какъ злокачественный нарывъ въ самомъ нѣжномъ мѣстѣ доски; въ третьей, наконецъ, партіи Лужинъ, сдѣлавъ бессмысленный на видъ ходъ, возбуждвшій ропотъ среди зрителей, построилъ противнику сложную ловушку, которую тотъ разгадалъ слишкомъ поздно. Въ этихъ партіяхъ и во всѣхъ остальныхъ, сыгранныхъ имъ на этомъ незабываемомъ турнирѣ, чувствовалась поразительная ясность мысли, беспощадная логика. Но и Турати игралъ превосходно, Турати тоже дѣлалъ пунктъ за пунктомъ, нѣсколько гипнотизируя противника дерзостью воображенія и слишкомъ быть можетъ довѣряясь шахматной фортунѣ,

не покидавшей его до сихъ поръ. Его встрѣча съ Лужинымъ рѣшала, кому достанется первый призъ, и были тѣ, которые говорили, что прозрачность и легкость лужинской мысли одержать верхъ надъ мятежной фантазіей итальянца, и были тѣ, которые предсказывали, что огненный, нахрапомъ берущій Турати побѣдитъ дальнзоркаго русскаго игрока. И день этой встрѣчи насталь.

Лужинъ проснулся, полностью одѣтый, даже въ пальто, посмотрѣлъ на часы, поспѣшно всталъ и надѣлъ шляпу, валявшуюся посреди комнаты. Тутъ онъ спохватился и оглядѣлъ комнату, стараясь понять, на чемъ же онъ, собственно говоря, спалъ? Постель была не смята, и бархатъ кушетки совершенно гладокъ. Единственное, что онъ зналъ достовѣрно, это то, что споконъ вѣка играетъ въ шахматы, — и въ темнотѣ памяти, какъ въ двухъ зеркалахъ, отражающихъ свѣчу, была только суживающаяся, свѣтлая перспектива: Лужинъ за шахматной доской, и опять Лужинъ за шахматной доской, только поменьше, и потомъ еще меньше, и такъ далѣе, безконечное число разъ. Но онъ опоздалъ, опоздалъ, надо торопиться. Онъ быстро отперъ дверь и въ недоумѣніи остановился. По его представленію, тутъ сразу долженъ былъ находиться шахматный залъ, и его столикъ, и ожидающій Турати. вмѣсто этого былъ пустой коридоръ, и дальше — лѣстница. Вдругъ оттуда, со стороны лѣстницы, появился быстро несущійся человѣчекъ и, увидѣвъ Лужина, развелъ руками. «Маэстро, — воскликнулъ онъ, — что жъ это такое! Васъ ждуть, васъ ждуть, маэстро... Я три раза вамъ телефонилъ, и все говорятъ, что вы не отвѣчаете на стукъ. Синьоръ Турати радуется...» «Убрали, — кисло сказалъ Лужинъ, указавъ тростью на пустой коридоръ, — Я не могъ знать, что все передвинулось». «Если вы себя плохо чувствуете...» — началъ человѣчекъ, съ тоской глядя на блѣдное, лоснящееся лицо Лужина. «Ну, ведите меня!» — тонкимъ голосомъ крикнулъ Лужинъ и стукнулъ тростью объ полъ. «Пожалуйста, пожалуйста», — растерянно забормоталъ

тотъ. Глядя только на пальтишко съ поднятымъ воротникомъ, бѣгущее передъ нимъ, Лужинъ сталъ преодолевать непонятное пространство. «Пѣшкомъ, — говорилъ вожитый, — это же ровно минута ходьбы». Онъ узналъ съ облегченіемъ стеклянныя, вращающіяся двери кафе и потомъ лѣстницу и наконецъ увидѣлъ то, чего искалъ въ коридорѣ гостиницы. Войдя, онъ сразу почувствовалъ полноту жизни, покой, ясность, увѣренность. «Ну и побѣда будетъ», — громко сказалъ онъ, и толпа туманныхъ людей разступилась, пропуская его. «Таръ, таръ, третаръ», — затараторилъ, качая головой, внезапно возникшій Турати. «Аванти», — сказалъ Лужинъ и засмѣялся. Между ними оказался столъ, на столѣ доска съ фигурами, разставленными для боя. Лужинъ вынулъ изъ жилетнаго кармана папиросу и безсознательно закурилъ.

Тутъ произошла странная вещь. Турати, хотя и получилъ бѣлые, однако не пустилъ въ ходъ своего громкаго дебюта, и защита, выработанная Лужинымъ, пропала даромъ. Предугадалъ ли Турати возможное осложненіе или просто рѣшилъ играть осторожно, зная спокойную силу, проявляемую Лужинымъ на этомъ турнирѣ, но началъ то онъ трафаретнѣйшимъ образомъ. Лужинъ мелькомъ пожалѣлъ о напрасной своей работѣ, однако и обрадовался: такъ выходило свободнѣе. Кромѣ того, Турати повидимому боялся его. Съ другой же стороны, въ невинномъ, явленьемъ началъ, предложенномъ Турати, несомнѣнно скрывался какой то подвохъ, и Лужинъ принялся играть особенно осмотрительно. Сперва шло тихо, тихо, словно скрипки подъ сурдинку. Игроки осторожно занимали позиціи, кое-что выдвигали впередъ, но вѣжливо, безъ всякаго признака угрозы, — а если угроза и была, то вполне условная, — скорѣе намекъ противнику, что вонъ тамъ хорошо бы устроить прикрытіе, и противникъ, съ улыбкой, словно это было все незначительной шуткой, укрѣплялъ, гдѣ нужно, и самъ чуть-чуть выступалъ. Затѣмъ, ни съ того, ни съ сего, нѣжно заплѣла струна. Это одна изъ

силъ Турати заняла діагональную линію. Но сразу и у Лужина тихохонько намѣтилась какая-то мелодія. На мгновение протрепетали таинственные возможности, и потомъ опять — тишина: Турати отошелъ, втянулся. И снова нѣкоторое время оба противника, будто и не думая наступать, занялись прихорашиваніемъ собственныхъ квадратовъ, — что-то у себя пестовали, переставляли, приглаживали, — и вдругъ опять неожиданная вспышка, быстрое сочетаніе звуковъ: сшиблись двѣ мелкія силы, и обѣ сразу были сметены: мгновенное виртуозное движеніе пальцевъ, и Лужинъ снялъ и поставилъ рядомъ на столъ уже не безплотную силу, а тяжелую желтую пѣшку; сверкнули въ воздухѣ пальцы Турати, и въ свою очередь опустилась на столъ косная черная пѣшка съ бѣлымъ бликомъ на головѣ. И отдѣлавшись отъ этихъ двухъ внезапно одереветнѣвшихъ шахматныхъ величинъ, игроки какъ будто успокоились, забыли мгновенную вспышку: на этомъ мѣстѣ доски, однако, еще не совсѣмъ остылъ трепетъ, что то все еще пыталось оформиться... Но этимъ звукамъ не удалось войти въ желанное сочетаніе, — какая то другая, густая, низкая нота загудѣла въ сторонѣ, и оба игрока, покинувъ еще дрожащій квадратъ, заинтересовались другимъ краемъ доски. Но и тутъ все кончилось впустую. Трубными голосами перекликнулись нѣсколько разъ крупнѣйшія на доскѣ силы, — и опять былъ размѣнъ, опять преображеніе двухъ шахматныхъ силъ въ рѣзныя, блестящія лакомъ куклы. И потомъ было долгое, долгое раздумье, во время котораго Лужинъ изъ одной точки на доскѣ вывелъ и проигралъ послѣдовательно десятокъ мнимыхъ партій, и вдругъ нащупалъ очаровательную, хрустально-хрупкую комбинацію, — и съ легкимъ звономъ она рассыпалась послѣ перваго же отвѣта Турати. Но и Турати ничего не могъ дальше сдѣлать и, выигрывая время, — ибо время въ шахматной вселенной безпощадно, — оба противника нѣсколько разъ повторили одни и тѣ же два хода, угроза и защита, угроза и защита, но при

этомъ оба думали о сложнѣйшей комбинаціи, ничего общаго неимѣвшей съ этими механическими ходами. И Турати наконецъ на эту комбинацію рѣшился, — и сразу какая-то музыкальная буря охватила доску, и Лужинъ упорно въ ней искалъ нужный ему отчетливый маленькій звукъ, чтобы въ свою очередь раздуть его въ громовую гармонию. Теперь все на доскѣ дышало жизнью, все сосредоточилось на одномъ, ту же и ту же сматывалось; на мгновение полегчало отъ исчезновенія двухъ фигуръ, и опять — фуріозо. Въ упорительныхъ и ужасныхъ дебряхъ бродила мысль Лужина, встрѣчая въ нихъ изрѣдка тревожную мысль Турати, искавшую того же, что и онъ. И оба одновременно поняли, что бѣды не должны дальше развивать свой замыселъ, вотъ-вотъ сейчасъ потеряютъ ритмъ. Турати поспѣшилъ предложить размѣнъ, и число силъ на доскѣ снова уменьшилось. Новыя намѣтилились возможности, но еще никто не могъ сказать, на чьей сторонѣ переѣсть. Лужинъ, подготавливая нападеніе, для котораго требовалось сперва изслѣдовать лабиринтъ вариантовъ, гдѣ каждый его шагъ будилъ опасное эхо, надолго задумался: казалось, — еще одно послѣднее, неимовѣрное усиліе, и онъ найдетъ тайный ходъ побѣды. Вдругъ что-то произошло въ его существа, жгучая боль, — и онъ громко вскрикнулъ, трясая рукой, ужаленной огнемъ спички, которую онъ зажегъ, но забылъ поднести къ папиросѣ. Боль сразу прошла, но въ огненномъ просвѣтѣ онъ увидѣлъ что-то нестерпимо страшное, онъ понялъ ужасъ шахматныхъ безднъ, въ которыя погружался, и невольно взглянулъ опять на доску, и мысль его поникла отъ еще никогда не испытанной усталости. Но шахматы были безжалостны, они держали и втягивали его. Въ этомъ былъ ужасъ, но въ этомъ была и единственная гармонія, ибо что есть въ мірѣ, кромѣ шахматъ? Туманъ, неизвѣстность, небытіе... Онъ замѣтилъ вдругъ, что Турати уже не сидитъ, а стоитъ, заломивъ руки. «Перерывъ, маэстро, — сказалъ голосъ сзади. — Запишите ходъ». «Нѣтъ, нѣтъ, еще».

— умоляюще сказалъ Лужинъ, ища глазами говорившаго. «Перерывъ», — повторилъ тотъ же голосъ, опять сзади, такой вертлявый голосъ. Лужинъ хотѣлъ встать и не могъ. Онъ увидѣлъ, что куда то назадъ отъѣхалъ со своимъ стуломъ, а что на доску, на шахматную доску, гдѣ была только что вся его жизнь, хищно накинудись какіе то люди и, ссорясь и гадя, быстро переставляютъ такъ и этакъ фигуры. Онъ опять попытался встать и опять не могъ. «Зачѣмъ, зачѣмъ?» — жалобно проговорилъ онъ, стараясь разглядѣть доску межъ склоненныхъ надъ ней черныхъ, узкихъ спиныхъ. Онѣ сузились совсѣмъ и исчезли. На доскѣ были спутаны фигуры, валялись кое-какъ, безобразными кучками. Прошла тѣнь и, остановившись, начала быстро убирать фигуры въ маленькій гробъ. «Кончено», — сказалъ Лужинъ и со стономъ усилія оторвался отъ стула. Кое-какіе призраки еще стояли тамъ и сямъ, обсуждая что-то. Было холодно и темновато. Призраки уносили доски, стулья. Въ воздухѣ, куда ни посмотришь, бродили извилистые, прозрачные шахматные образы, — и Лужинъ, понявъ, что завязъ, заплуталъ въ одной изъ комбинацій, которыя только что продумывалъ, сдѣлалъ отчаянную попытку высвободиться, куда-нибудь вылѣзти, — хотя бы въ небытіе. «Идемте, идемте», — крикнулъ ему кто-то и со звономъ исчезъ. Онъ остался одинъ. Становилось все темнѣй въ глазахъ, и по отношенію къ каждому смутному предмету въ залѣ онъ стоялъ подъ шахомъ, — надо было спастись. Онъ двинулся, трясаясь всѣмъ своимъ полнымъ тѣломъ, и никакъ не могъ сообразить, какъ дѣлать, чтобы выйти изъ комнаты, — а вѣдь есть какой-то простой методъ... Черная тѣнь съ бѣлой грудью вдругъ стала увиваться вокругъ него, подавая пальто и шляпу. «Зачѣмъ это нужно?» — забормоталъ онъ, влѣзая въ рукава и кружась вмѣстѣ съ услужливой тѣнью. «Сюда», — бодро сказала тѣнь, и Лужинъ шагнулъ впередъ и вышелъ изъ страшнаго зала. Увидѣвъ лѣстницу, онъ сталъ ползти вверхъ, но потомъ передумалъ и пошелъ внизъ,

такъ какъ было легче спускаться, чѣмъ карабкаться. Онъ попалъ въ дымное помещеніе, гдѣ сидѣли шумные призраки. Въ каждомъ углу зрѣла атака, и толкая столики, ведро, откуда торчала стеклянная пѣшка съ золотымъ горломъ, барабанъ, въ который били, изогнувшись, грибастый шахматный конь, онъ добрался до стекляннаго, тихо вращающагося сіянія и остановился, не зная, куда дальше идти. Его окружили, что-то хотѣли съ нимъ дѣлать «Уходите, уходите», — повторялъ сердитый голосъ. «Куда же?» — рыдая проговорилъ Лужинъ. «Идите домой», — вкрадчиво шепнулъ другой голосъ, и что-то толкнуло Лужина въ плечо. «Какъ вы сказали?» — переспросилъ онъ, вдругъ переставъ всхлипывать. «Домой, домой», — повторилъ голосъ, и стеклянное сіяніе, захвативъ Лужина, выбросило его въ прохладную полутьму. Лужинъ улыбался. «Домой, — сказала онъ тихо. — Вотъ, значить, гдѣ ключъ комбинаціи»

И надо было поторапливаться. Съ минуты на минуту шахматныя заросли могли его снова оцѣпить. Пока же была кругомъ сумеречная муть, глухой ватный воздухъ. У призрака, шмыгнувшаго мимо, онъ спросилъ дорогу на мызу. Призракъ ничего не понялъ, хотѣлъ пройти. «Одинъ моментъ», — сказала Лужинъ, но было уже поздно. Тогда, покачивая короткими своими руками, онъ ускорилъ шагъ. Проплылъ блѣдный огонь и рассыпался съ печальнымъ шелестомъ. Трудно, трудно было найти дорогу домой въ этомъ мягкомъ туманѣ. Лужинъ чувствовалъ, что нужно взять налѣво, и тамъ будетъ большой лѣсъ, а ужъ въ лѣсу онъ легко найдетъ тропинку. Опять шмыгнула мимо тѣнь. «Гдѣ лѣсъ, лѣсъ? — настойчиво спросилъ Лужинъ и, такъ какъ это слово не вызывало отвѣта, попробовалъ найти синонимъ: — Боръ? Вальдъ? — пробормоталъ онъ. — Паркъ?» — добавилъ онъ снисходительно. Тогда тѣнь указала налѣво и скрылась. Лужинъ, коря себя за медлительность, ежеминутно предчувствуя погоню, зашагалъ по указанному направленію. И точно: деревья

неожиданно обступили его, шуршалъ папоротникъ подъ ногами, было сыро и тихо. Онъ тяжело опустился, при-сѣлъ, очень ужъ заляхался, и слезы лились по лицу. По-года онъ всталъ, сиялъ съ колѣна мокрый листъ и, по-бродивъ между стволами, нашель знакомую тропинку. «Маршь, маршь», — подгонялъ себя Лужинъ, шагая по вязкой землѣ. Полпути было уже сдѣлано. Сейчасъ по-явится рѣка и лѣсопильный заводъ, и черезъ голые кусты глянетъ усадьба. Онъ спрячется тамъ, будетъ питаться изъ большихъ и малыхъ стеклянныхъ банокъ. Таинствен-ная погоня далеко позади. Теперь ужъ его не поймаешь. Нѣтъ-нѣтъ. Если бъ только легче было дышать, и про-шла бы эта боль въ вискахъ, одуряющая боль... Тропин-ка, поюливъ въ лѣсу, вылилась въ поперечную дорогу, а дальше, въ темнотъ, поблескивала рѣка. Увидѣлъ онъ и мостъ, и на томъ берегу смутное нагроможденіе, и сперва, на одинъ мигъ, ему показалось, что вошь тамъ, на тем-номъ небѣ, знакомая треугольная крыша усадьбы, черный громоотводъ. Но сразу онъ понялъ, что это какая-то тон-кая уловка со стороны шахматныхъ боговъ, ибо на перч-лахъ моста выросли мокрыя отъ дождя, дрожащія, голыя великанши. и невиданный отблескъ запрыгалъ въ рѣкѣ. Онъ пошелъ берегомъ, стараясь найти другой мостъ, тотъ мостъ, гдѣ по щиколку утопаешь въ опилкахъ. Искаль онъ долго и наконецъ, совсѣмъ въ сторонѣ, нашель мо-стикъ. узенькій и тихій, и подумаль, что тутъ можно по крайней мѣрѣ спокойно перейти. Но на томъ берегу все было незнакомо, пробѣгали огни, скользили тѣни. Онъ зналъ, что усадьба гдѣ-то тутъ, подъ бокомъ, но подхо-дилъ то онъ къ ней съ незнакомой стороны, и такъ это было все трудно... Ноги отъ нятокъ до бедеръ были плотно налиты свинцомъ, какъ налито свинцомъ основаніе шахматной фигуры. Понемногу исчезали огни, рѣдѣ-ли призраки, и волна тяжелой черноты поминутно его за-ливала. При какомъ то послѣднемъ отблескѣ онъ разгля-дѣлъ палисадникъ, круглые кусты, и ему показалось, что

онъ узнаеть дачу мельника. Онъ потянулся къ рѣшеткѣ, но тутъ торжествующая боль стала одолевать его, давила, давила сверху на темя, и онъ какъ будто сплющивался, сплющивался, и потомъ беззвучно расфѣлся.

9.

Панель скользнула, поднялась подъ прямымъ угломъ и качнулась обратно. Онъ разогнулся, тяжело дыша, а его товарищъ, поддерживая его и тоже качаясь, повторялъ: «Гюнтеръ, Гюнтеръ, попробуй же итти». Гюнтеръ выпрямился совсѣмъ, и послѣ этой короткой, уже не первой остановки, они оба пошли дальше по ночной пустынной улицѣ, которая то плавно поднималась къ звѣздамъ, то ухала внизъ. Гюнтеръ, крѣпкій и крупный, выпилъ больше товарища: тотъ, по имени Куртъ, поддерживалъ спутника, какъ могъ, хотя пиво громовымъ дактилемъ звучало въ головѣ. «Гдѣ дру... гдѣ дру... — тоскливо силился спросить Гюнтеръ. — Гдѣ дру... гдѣ?» Еще такъ недавно они всѣ сидѣли вокругъ дубоваго стола, празднуя пятую годовщину окончанія школы, хорошо такъ пѣли и съ густымъ звономъ чокались, человѣкъ тридцать, пожалуй, и всѣ счастливые, трезвые, весь годъ прекрасно работавшіе, а теперь, какъ только стали расходиться по домамъ, такъ сразу — тошнота, и темнота, и безнадежно валкая панель. «Другіе тамъ», — сказала Куртъ съ широкимъ жестомъ, который неприятно призывалъ къ жизни ближайшую стѣну: она наклонилась и медленно выпрямилась опять. «Разфѣхались, разошлись», — грустно пояснилъ Куртъ. «А впереди насъ Карлъ», — медленно и отчетливо произнесъ Гюнтеръ, и упругимъ пивнымъ вѣтромъ обоихъ качнуло въ сторону: они остановились, отступили на шагъ и опять пошли дальше. «Я тебѣ говорю, что тамъ Карлъ», — обиженно повторилъ Гюнтеръ. И дѣйствительно, на краю панели сидѣлъ съ опущенной головой человѣкъ.

Они не рассчитали шага, и ихъ пронесло мимо. Когда же имъ удалось подойти, то человѣкъ зачмокалъ губами и медленно повернулся къ нимъ. Да, это былъ Карлъ, но какой Карлъ, — лицо безъ выраженія, большіе, опустѣвшіе глаза. «Я просто отдыхаю, — тусклымъ голосомъ сказалъ онъ. — Сейчасъ буду продолжать». Вдругъ по пустынному асфальту медленно прокатилъ таксомоторъ съ поднятымъ флажкомъ. «Остановите его, — сказалъ Карлъ. — Пускай онъ меня отвезетъ». Автомобиль подѣхалъ. Гюнтеръ валился на Карла, стараясь ему помочь подняться, Куртъ тянулъ чью-то ногу въ сѣромъ гетрѣ. Шоферъ все это поощрялъ добродушными словами, потомъ слѣзъ и тоже сталъ помогать. Вяло барахтавшееся тѣло было втиснуто въ проѣму дверцы, и автомобиль сразу отѣхалъ. «А намъ близко», — сказалъ Куртъ. Стоявшій съ нимъ рядомъ вздохнулъ, и Куртъ, посмотрѣвъ на него, увидѣлъ, что это Карлъ, а увезли то значить Гюнтера. «Я помогу тебѣ, — сказалъ онъ виновато. — Пойдемъ». Карлъ, глядя передъ собой пустыми, дѣтскими глазами, склонился къ нему, и оба двинулись, стали переходить на ту сторону по волнующемуся асфальту. «А вотъ еще», — сказалъ Куртъ. На панели, у рѣшетки палисадника, лежалъ согнувшись толстый человѣкъ безъ шляпы. «Это вѣроятно Пульвермахеръ, — пробормоталъ Куртъ. — Ты знаешь, онъ очень за эти годы измѣнился». «Это не Пульвермахеръ, — отвѣтилъ Карлъ, садясь на панель рядомъ. — Пульвермахеръ лысый». «Все равно, --- сказалъ Куртъ. — Его тоже надо отвезти». Они попытались приподнять человѣка за плечи и потеряли равновѣсіе. «Не сломай рѣшетку», — предупредилъ Карлъ. «Надо отвезти, — повторилъ Куртъ. — Это, можетъ быть, братъ Пульвермахера. Онъ тоже тамъ былъ».

Человѣкъ повидимому спалъ и спалъ крѣпко. Онъ былъ въ черномъ пальто съ бархатными полосками на отвороткахъ. Полное лицо съ тяжелымъ подбородкомъ и выпуклыми вѣками лоснилось при свѣтѣ уличнаго фонаря. «Пс-

ждемъ таксомотора», — сказала Куртъ и послѣдовала примѣру Карла, который присѣлъ на край панели. «Эта ночь кончится», — увѣренно сказала онъ, и добавилъ взглянувъ на небо: «Какъ онѣ кружатся». «Звѣзды», — объяснилъ Карлъ, и оба нѣкоторое время неподвижно глядѣли ввысь, гдѣ въ чудесной, блѣдно-сизой безднѣ дугообразно текли звѣзды. «Пульвермахеръ тоже смотреть», — послѣ молчанія сказала Куртъ «Нѣтъ, спать», — возразилъ Карлъ, взглянувъ на полное, неподвижное лицо. «Спать», — согласился Куртъ.

Вдругъ скользнулъ по асфальту свѣтъ, и тотъ же добродушный таксомоторъ, отвезшій Гюнтера куда-то, мягко присталъ къ панели. «Еще одинъ? — засмѣялся шоферъ. — Можно было и сразу». «Куда же?» — сонно спросилъ Карлъ у Курта. «Какой-нибудь адресъ... въ карманѣ»; — туманно отвѣтилъ тотъ. Пошатываясь и произвольно кивая, они нагнулись надъ неподвижнымъ чело-вѣкомъ, и то, что пальто его было растянуто, облегчило имъ дальнѣйшія изысканія. «Бархатный жилетъ, — сказала Куртъ. — Бѣдняга, бѣдняга...» Въ первомъ же карманѣ они нашли сложенную вдвое открытку, которая расползлась у нихъ въ рукахъ, и одна половинка съ адресомъ получателя выскользнула и безслѣдно пропала. На оставшейся половинкѣ нашелся однако еще другой адресъ, написанный поперекъ открытки и жирно подчеркнутый. На оборотѣ была всего одна ровная строчка, слѣва прерван-ная, но, даже если бъ и удалось приставить отвалившуюся и потерянную половинку, то врядъ ли смыслъ этой строки сталъ бы ясныѣ. «Бакъ берепомъ», — прочелъ Куртъ по системѣ «реникса», что было простительно. Адресъ, найденный на открыткѣ, былъ сказанъ шоферу, и затѣмъ пришлось втаскивать безжизненное, тяжелое тѣло въ автомобиль, и опять шоферъ пришелъ на помощь. На дверцѣ, при свѣтѣ фонаря, мелькнули крупные шахматные квадраты, — гербовые цвѣта таксомоторовъ. Наконецъ, плотно наполненный автомобиль двинулся.

Карль по дорогѣ уснулъ. Тѣло его и тѣло неизвѣстнаго, и тѣло Курта, сидѣвшаго на полу, приходили въ мягкія, безвольныя соприкосновенія при каждомъ поворотѣ, и затѣмъ Куртъ оказался на сидѣніи, а Карль и большая часть неизвѣстнаго на полу. Когда автомобиль остановился, и шоферъ открылъ дверцу, то не могъ первое время разобрать, сколько людей въ автомобилѣ. Карль проснулся сразу, но человекъ безъ шляпы былъ по прежнему неподвиженъ. «Интересно, что вы теперь будете дѣлать съ вашимъ другомъ», — сказалъ шоферъ. «Его, вѣроятно, ждутъ», — сказалъ Куртъ. Шоферъ, полагая, что свое дѣло онъ выполнитъ и достаточно за ночь поносилъ всякихъ тяжестей, поднялъ флажокъ и объявилъ сумму. «Я заплачу», — сказалъ Карль. «Нѣтъ, я, — сказалъ Куртъ. — Я его первый нашель». Этотъ доводъ Карла убѣдилъ. Съ трудомъ опорожненный автомобиль отѣхалъ. Трое людей остались на панели: одинъ изъ нихъ лежалъ, представленный затылкомъ къ каменной ступени.

Пошатываясь и вздыхая, Куртъ и Карль стали посреди мостовой и затѣмъ, обратившись къ единственному освѣщенному въ домѣ окну, хрипло крикнули, и тотчасъ, съ неожиданной отзывчивостью, жалюзи, прорѣзанное свѣтомъ, дрогнуло и взвилось. Изъ окна выглянула молодая дама. Не зная, какъ начать, Куртъ ухмыльнулся, потомъ, собравшись съ силами, бодро и громко сказалъ: «Сударыня, мы привезли Пульвермахера». Дама ничего не отвѣтила, и жалюзи съ трескомъ опустилось. Было видно однако, что она осталась у окна. «Мы его нашли на улицѣ», — неувѣренно сказалъ Карль, обращаясь къ окну. Жалюзи опять поднялось. «Бархатный жилетъ», — съелъ нужнымъ пояснить Куртъ. Окно опустѣло, но черезъ минуту темнота за парадной дверью распалась, сквозь стекло появилась освѣщенная лѣстница, мраморная до первой площадки, и, не успѣла эта новорожденная лѣстница полностью окаменѣть, какъ уже на ступеняхъ появились быстрыя женскія ноги. Ключъ заигралъ въ замкѣ, дверь открылась. На па-

нели, спиной къ ступенямъ, лежалъ полный человекъ въ черномъ.

Межъ тѣмъ, лѣстница продолжала рожать людей... Появился господинъ въ ночныхъ туфляхъ, въ черныхъ штанахъ и крахмальной рубашкѣ безъ воротничка, за нимъ коренастая блѣдная горничная въ шлепанцахъ на босу ногу. Всѣ наклонились надъ Лужинымъ, и виновато улыбавшіеся, совершенно пьяные незнакомцы что-то объясняли, и одинъ изъ нихъ все соваль, какъ визитную карточку, половинку почтовой открытки. Лужина впятеромъ понесли вверхъ по лѣстницѣ, и его невѣста, поддерживавшая тяжелую, драгоценную голову, ахнула, когда внезапно свѣтъ на лѣстницѣ потухъ. Въ темнотѣ все качнулось куда-то, былъ стукъ, и шарканіе, и пытаніе, кто-то оступился и помянулъ по-нѣмецки Бога, и, когда свѣтъ зажегся опять, одинъ изъ незнакомцевъ сидѣлъ на ступенькѣ, другой былъ придавленъ тѣломъ Лужина, а повыше, на площадкѣ, стояла мать въ ярко расшитомъ капотѣ и, выпучивъ блестящіе глаза, смотрѣла на безжизненное тѣло, которое, крихтя и приговаривая, подпиралъ ее мужъ, на большую страшную голову, которая лежала на плечѣ у дочери. Лужина внесли въ гостиную. Молодые незнакомцы щелкали каблуками, нытаясь кому-то представиться, и шарахались отъ столиковъ, уставленныхъ фарфоромъ. Ихъ видѣли сразу во всѣхъ комнатахъ. Они вѣроятно хотѣли уйти и не могли дорваться до передней. Находили ихъ на всѣхъ диванахъ, и въ ванной комнатѣ, и на сундукѣ въ коридорѣ, и не было возможности отъ нихъ отдѣлаться. Число ихъ было неизвѣстно, — колеблющееся, туманное число. А черезъ нѣкоторое время они исчезли, и горничная сказала, что двоихъ выпустила, и что остальные должно быть еще гдѣ-нибудь валяются, и что пьянство губить мужчинъ, и что женихъ ее сестры тоже пьетъ.

«Поздравляю, налимонился, — сказала хозяйка дома, глядя на Лужина, который, полураздѣтый и прикрытый пледомъ, лежалъ, какъ мертвый, на кушеткѣ въ гостиной.

— Поздравляю. До положенія ризъ». И странное дѣло: то, что Лужинъ напился до положенія ризъ, понравилось ей, возбудило въ ней по отношенію къ Лужину теплое чувство. Въ такомъ дебошѣ она усматривала что-то человѣческое, естественное и, пожалуй, нѣкоторую удачу, размахъ души. Въ подобномъ положеніи бывали люди, которыхъ она знала, хорошіе люди, веселые люди. (И то сказать, разсуждала она, наше лихолѣтье сбиваетъ съ панталыку, и понятно, что время отъ времени русолять обращается къ зеленому утѣшителю...). Когда же оказалось, что отъ Лужина и не пахнетъ виномъ, и что спать то онъ странно, вовсе не какъ пьяный, она испытала разочарованіе и обидѣлась на самое себя, что могла въ Лужинѣ предположить хоть одну естественную склонность.

Пока врачъ, пріѣхавшій на разсвѣтъ, осматривалъ его, въ лицѣ у Лужина произошла перемѣна, вѣки поднялись, и изъ-подъ нихъ выглянули мутные глаза. И только тогда его невѣста вышла изъ того душевнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ находилась съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла тѣло, лежавшее у подъѣзда. Правда, она съ вечера ожидала чего то страшнаго, но такого именно ужаса представить себѣ не могла. Когда вечеромъ Лужинъ не явился, она позвонила въ шахматное кафе, и ей сказали, что уже давно игра кончилась. Тогда она позвонила въ гостиницу, и оттуда ей отвѣтили, что Лужинъ еще не вернулся. Она выходила на улицу, думая, что, быть можетъ, Лужинъ ждетъ у запертой двери, и опять звонила въ гостиницу, и совѣтовалась съ отцомъ, не извѣстить ли полицію. «Ерунда, — рѣшительно сказалъ отецъ. — Мало ли, какіе у него есть знакомые. Пошелъ въ гости человѣкъ». Но она отлично знала, что никакихъ знакомыхъ у Лужина нѣтъ, и что чѣмъ-то бессмысленно его отсутствіе.

И теперь, глядя на большое, блѣдное лицо Лужина, она такъ вся исполнилась мучительной, нѣжной жалости, что, казалось, не будь въ ней этой жалости, не было бы и жизни. Невозможно было думать о томъ, какъ валялся

ка улицѣ этотъ безобидный человѣкъ, какъ тискали его мягкое тѣло пьяные люди; невозможно было думать о томъ, что всѣ приняли его таинственный обморокъ за рыхлый и грубый сонъ бражника, и что ждали бравурнаго храпа отъ его безпомощной тишины. Такая жалость, такая мука. И этотъ старенькій, чудаковатый жилеть, на который нельзя смотрѣть безъ слезъ, и бѣдная кудря и бѣлая, голая шея, вся въ дѣтскихъ складкахъ... И все это произошло по ея винѣ, — не досмотрѣла, не досмотрѣла. Надо было все время быть рядомъ съ нимъ, не давать ему слишкомъ много играть, — и какъ это онъ до сихъ поръ не попалъ подъ автомобиль, и какъ она не догадалась, что вотъ, — онъ можетъ отъ шахматной усталости такъ грохнуться, такъ онѣмѣть? «Лужинъ, — сказала она, улыбаясь, словно онъ могъ видѣть ея улыбку, — Лужинъ, все хорошо. Лужинъ, вы слышите?»

Какъ только его перевезли въ больницу, она поѣхала въ гостиницу за его вещами, и сначала ее не пускали въ его номеръ, и пришлось долго объяснять, и вмѣстѣ съ довольно наглымъ отельнымъ служащимъ звонить въ санинаторію, и потомъ платить за послѣднюю недѣлю пребыванія Лужина въ номерѣ, и не хватило денегъ, и надо было опять объяснять, и при этомъ ей все казалось, что продолжается измываніе надъ Лужинымъ, и трудно было сдерживать слезы. Когда же, отказавшись отъ грубой помощи отельной горничной, она стала собирать лужинскія вещи, то чувство жалости дошло до крайней остроты. Среди его вещей были такія, которыя онъ должно быть возилъ съ собой давно-давно, не замѣчая ихъ и не выбрасывая. — ненужныя, неожиданныя вещи: холщевый кушакъ съ металлической пряжкой въ видѣ буквы S и съ кожанымъ карманчикомъ сбоку, ножичекъ-брелокъ, отдѣланный перламутромъ, пачка итальянскихъ открытокъ, — все синева да мадонны, да сиреневый дымокъ надъ Везувіемъ; и несомнѣнно петербургскія вещи: маленькіе счеты съ красными и бѣлыми костяшками, настольный ка-

лендарь съ перекидными листочками отъ совершенно некалендарнаго года — 1918. Все это почему то валялось въ шкапу, среди чистыхъ, но смятыхъ рубашекъ, цвѣтныя полосы и крахмальные манжеты которыхъ вызывали представленіе о какихъ то давно минувшихъ годахъ. Тамъ же нашелся шапо-клякъ, купленный въ Лондонѣ, и въ немъ визитная карточка какого-то Валентинова... Туалетныя принадлежности были въ такомъ видѣ, что она рѣшила ихъ оставить, — купить ему резиновую губку взамѣнъ невѣроятной мочалки. Шахматы, картонную коробку, полную записей и диаграммъ, килу шахматныхъ журналовъ она завернула въ отдѣльный пакетъ: это ему было теперь не нужно. Когда чемоданъ и сундучокъ были наполнены и заперты, она еще разъ заглянула во всѣ углы и достала изъ-подъ постели пару удивительно старыхъ, рваныхъ, потерявшихъ шнурки, желтыхъ башмаковъ, которые Лужину служили вмѣсто ночныхъ туфель. Она осторожно сунула ихъ обратно подъ постель.

Изъ гостиницы она поѣхала въ шахматное кафе, вспомнивъ, что Лужинъ былъ безъ трости и шляпы, и думая, что быть можетъ онъ ихъ тамъ оставилъ. Въ турнирномъ залѣ было много народу, и, стоя у вѣшалки, бодро снимая пальто итальянецъ Турати. Она сообразила, что попала какъ разъ къ началу шахматнаго сеанса, и что по видимому никто не знаетъ о болѣзни Лужина. «Будь, что будетъ, — подумала она съ нѣкоторымъ злорадствомъ. — Пусть ждуть». Трость она нашла, но шляпы не было. И съ ненавистью посмотрѣвъ на столикъ, гдѣ уже были разставлены фигуры, и на широкоплечаго Турати, который потиралъ руки и, какъ бась передъ выступленіемъ, густо прочищаль горло, она быстро вышла изъ кафе, сѣла опять въ таксомоторъ, на которомъ трогательно зеленѣлъ клѣтчатый лужинскій сундучокъ, и вернулась въ санаторію.

Ея не было дома, когда явились вчерашніе молодые люди. Они пришли извиниться за бурное ночное вторже-

ніе. Были они прекрасно одѣты, все кланялись и шаркали, и спрашивали, какъ себя чувствуетъ господинъ, котораго ночью привезли. Ихъ благодарили за доставку, и было имъ для приличія сказано, что господинъ прекрасно выспался послѣ дружеской пирушки, на которой его чествовали сослуживцы по случаю его обрученія. Посидѣвъ десять минутъ, молодые люди встали и очень довольные ушли. Приблизительно въ это же время явился въ санаторію растерянный маленькій человѣкъ, имѣвшій отношеніе къ устройству турнира. Къ Лужину его не пустили; спокойная молодая дама, говорившая съ нимъ, холодно ему сказала, что Лужинъ переутомился и неизвѣстно когда возобновитъ шахматную дѣятельность. «Это ужасно, неслыханно, ... нѣсколько разъ жалобно повторилъ маленькій человѣкъ. — Неоконченная партія! И такая хорошая партія! Передайте маэстро... Передайте маэстро мое волненіе, мои пожеланія...» Онъ безнадежно махнулъ ручкой и поплелся къ выходу, качая головой.

И въ газетахъ появилось сообщеніе, что Лужинъ заболѣлъ нервнымъ переутомленіемъ, недоигравъ рѣшительной партіи, и что, по словамъ Турати, черные несомнѣнно проигрывали, вслѣдствіе слабости пѣшки на эфъ-четыре. И во всѣхъ шахматныхъ клубахъ знатоки долго изучали положеніе фигуръ, прѣслѣживали возможные продолженія, находили слабый пунктъ у бѣлыхъ на дэ-три, но никто не могъ найти ключъ къ безспорной побѣдѣ.

В. Сиринъ.

)Окончаніе слѣдуетъ.(

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Въ плѣну у льдовъ стеклянныхъ,
Съ десяткомъ фонарей —
Архангельскъ деревянныхъ
Бревенчатыхъ церквей,

Полночный міръ сугробовъ,
Мѣховъ и тучныхъ рыбъ,
Большой любви до гроба
Средь айсберговыхъ глыбъ.

Летаетъ снѣгъ надъ міромъ,
Надъ сказкой ледяной,
Чадитъ китовымъ жиромъ
Свѣтильникъ городской,

И просить сѣверъ строя,
Зефировъ и колоннъ,
А небо золотое,
Какъ странный дѣтскій сонъ...

Тамъ корабли мечтають
О голубыхъ моряхъ,
Тамъ розы умирають
На снѣжныхъ пустыряхъ,

Въ арктическихъ пожарахъ,
На ложѣ пуховомъ,
И китобои въ барахъ,
Какъ воду, хлещутъ ромъ.

Ахъ, жарче дона Хозе
Пылаеть этотъ ледъ
И къ эскимосской розѣ
Полярный воздухъ льнетъ,

Холодную голубку
Приносить мальчикъ въ домъ,
Раскуриваетъ трубку
Мечтатель уголькомъ.

ЗИМА.

Тринадцатаго вѣка
Я полюбилъ красу, —
Румяныхъ дровосѣковъ
Въ готическомъ лѣсу,

Жаръ изразцовъ, органы
Средь нюрнбергской тьмы,
Камины и каштаны
Классической зимы

Пришелъ конецъ телѣгамъ,
И крендель золотой
Посыпанъ сладкимъ снѣгомъ
Надъ булочной ночью:

Колеса замерзають,
Не вертятся, ползуть,
Коню не помогаютъ
Ни окрики ни кнутъ,

И по дорогѣ темной,
Среди парнасскихъ чащъ,
Бредеть поэтъ бездомный,
Запахиваетъ плащъ,

Завидуешь прохожій
Теплу бобровыхъ шубъ,
Домамъ далекимъ тоже,
Гдѣ дымъ валить изъ трубъ

Звенить стекломъ планета
Отъ вѣтра и колесъ,
Но солнце для поэта
Выходитъ на морозъ.

Вотъ — елочекъ уколы
Хрустальныхъ на окнѣ,
Летаетъ снѣгъ, какъ пчелы,
Въ прекрасной тишинѣ,

Какъ въ скандинавской драмѣ,
Въ послѣднемъ актѣ, — вдругъ
Онъ падаетъ горстями
Изъ чьихъ-то нѣжныхъ рукъ,

Онъ землю утѣшаетъ
Паденіемъ своимъ
И къ небу отлетаетъ
Дыханій нашихъ дымъ

Ант. Ладинскій.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ.

I.

Есть времени безшумный океанъ
Съ холодными и ѣдкими волнами,
Черты лица и городовъ и странъ
Онъ разрушаетъ бережно съ годами.

Какъ жжетъ его таинственный составъ,
Разлитый между нами, между всѣми,
И кто не знаетъ, что нибудь начавъ,
Что силы въ немъ подтачиваетъ время.

Есть времени кладбищенское дно,
Гдѣ все — забвеніе, гдѣ въ вязкомъ илѣ
Такъ много затонувшаго давно,
И гдѣ лишь тѣнь того, что мы любили,

И только тѣнь кого-нибудь изъ насъ,
И то — съ какими смутными чертами,
Потомка нашего пыливый глазъ
Отыщетъ подъ холодными волнами.

II.

Твоя душа беззлобна, какъ овца,
Ей травки надо бы, а то — сѣнца.

Легко ли ей среди несходныхъ душъ:
Одна — какъ гадина, какъ скользкій ужъ.

Та— какъ лиса, пушиста и хитра;
Другая — какъ глубокая нора,

Гдѣ острозубый прячется хорекъ,
Гдѣ въ ѣдкой сырости — червей клубокъ.

Среди венеціанскихъ голубей
Покойно было бы душѣ твоей.

Но чтобы какъ то съ этими прожить,
Ты долженъ тоже зубы наточить

И тоже ядь для ближнихъ завести.
— Не думай душу на землѣ спасти!

III.

Среди друзей, среди чужихъ
— Да что я спорю, все равно,
Ты шепчешь, вглядываясь въ нихъ,
И, какъ въ раскрытое окно
Дождя и листьевъ дрожь и звукъ,
Ты слышишь сердца грустный стукъ:

— Другъ съ другомъ ты и та и тотъ,
И безъ признанія вины
(Глаза лукавятъ, голосъ лжетъ)
Навѣкъ, навѣкъ разлучены . . .

Какъ если бы изъ гроба въ гробъ
Стучался къ мертвецу мертвецъ
И призывалъ и доски скребъ,
Таковъ у насъ языкъ сердецъ.

Николай Оцупъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я помню тусклый кишиневскій вечеръ:
 Мы огибали Инзовскую горку,
 Гдѣ жилъ когда-то Пушкинъ. Жалкій холмъ,
 Гдѣ жилъ курчавый низенькій чиновникъ —
 Прославленный кутила и повѣса —
 Съ горячими арапскими глазами
 На некрасивомъ и живомъ лицѣ.

За пыльной хмурой, мертвой Азіатской,
 Вдоль жесткихъ стѣнъ Родильнаго Пріюта,
 Несли на палкахъ мертваго еврея.
 Подъ траурнымъ несвѣжимъ покрываломъ
 Костлявья виднѣлись очертанья
 Обглоданнаго жизнью человѣка.
 Обглоданнаго, видимо, настолькоъ,
 Что послѣ нечѣмъ было поживиться
 Худымъ червямъ еврейскаго кладбища.

За стариками, несшими носилки,
 Шла кучка мане-кацовскихъ евреевъ,
 Зеленовато-желтыхъ и глазастыхъ.
 Отъ ихъ заплѣсневѣлыхъ лапсердаковъ
 Шелъ сложный запахъ святости и рока,
 Еврейскій запахъ --- нищеты и пота,
 Селедки, моли, жаренаго лука,
 Священныхъ книгъ, пеленокъ, синагоги.

Большая скорбь имъ веселила сердце —
 И шли они неслышною походкой,

Покорной, легкой, мѣрной и неспѣшной,
Какъ будто шли они за трупомъ годы,
Какъ будто нѣтъ ихъ шествию начала,
Какъ будто нѣтъ ему конца . . . Походкой
Сіонскихъ — кишиневскихъ — мудрецовъ.

Предъ ними—за печальнымъ чернымъ грузомъ—
Шла женщина, и въ пыльномъ полумракѣ
Не видно было намъ ея лицо.

Но какъ прекрасенъ былъ высокій голосъ!

Подъ стукъ шаговъ, подъ слабое шуршанье
Опавшихъ листьевъ, мусора, подъ кашель
Лилась еще неслыханная пѣснь.
Въ ней были слезы сладкаго смиренья,
И преданность предвѣчной волѣ Божьей,
Въ ней былъ восторгъ покорности и страха...

О, какъ прекрасенъ былъ высокій голосъ!

Не о худомъ еврейѣ, на носилкахъ
Подпрыгивавшемъ, нѣлъ онъ — обо мнѣ,
О насъ, о всѣхъ, о суетѣ, о прахѣ,
О старости, о горести, о страхѣ,
О жалости, тщетѣ, недоумѣннѣ,
О глазахъ умирающихъ дѣтей...

Еврейка шла, почти не спотыкаясь,
И каждый разъ, когда жестокій камень
Подбрасывалъ на палкахъ трупъ, она
Бросалась съ крикомъ на него — и голосъ
Вдругъ ширился, крѣпчалъ, звучалъ металломъ,
Торжественно гудѣлъ угрозой Богу,
И веселѣлъ отъ яростныхъ проклятій.

И женщина грозила кулаками
 Тому, Кто плыль въ зеленоватомъ небѣ,
 Надъ пыльными деревьями, надъ трупомъ,
 Надъ крышею Родильнаго Приюта,
 Надъ жесткою, корявою землей.

Но вотъ — пугалась женщина себя,
 И била въ грудь себя, и леденѣла,
 И каялась надрывно и протяжно,
 Испуганно хвалила Божью волю,
 Кричала изступленно о прощеньи,
 О вѣрѣ, о смиреніи, о вѣрѣ,
 Шарахалась и ежилась къ землѣ
 Подъ тяжестью невыносимыхъ глазъ
 Глядѣвшихъ съ неба скорбно и сурово.

Что было? Вечеръ, тишь, заборъ, звѣзда,
 Большая пыль... Мои стихи въ «Курьерѣ»,
 Довѣрчивая гимназистка Оля,
 Простой обрядъ еврейскихъ похоронъ
 И женщина изъ Книги Бытія.

Но никогда не передамъ словами
 Того, что рѣяло надъ Азіатской,
 Надъ фонарями городскихъ окраинъ,
 Надъ смѣхомъ, затаеннымъ въ подворотняхъ,
 Надъ удалью невѣдомой гитары,
 Богъ знаетъ гдѣ рокочущей, надъ лаемъ
 Тоскующихъ рышкановскихъ собакъ.

...Особенный, еврейско-русскій воздухъ...
 Блаженъ, кто имъ когда-либо дышалъ.

Довидъ Кнуть.

Атлантида

(Изъ книги «Тайна Запада»).

МИОЪ ИЛИ ИСТОРИЯ?

I

Два сказанія о гибели перваго человѣчества дошли до втораго: вавилонское, повторенное въ книгѣ Бытія, о потопѣ, и египетское, записанное Платономъ, объ Атлантидѣ.

Двадцать пять вѣковъ люди ломаютъ голову надъ загадкой Платона о первомъ концѣ міра и, вѣроятно, будутъ ломать до конца втораго. Что такое Атлантида, миоѣ или исторія?

II

«Кто ее создалъ, тотъ и разрушилъ», смѣется Аристотель. Это значитъ: Атлантида — миоѣ. Но, если даже такъ, вспомнимъ, что для самого Платона значитъ «миоѣ» — можетъ быть, лучшая часть всей его мудрости. Не ближе ли и намъ, не роднѣе ли, потому что бессмертнѣе, миоѣ Платона, чѣмъ вся его діалектика?

Миоѣ — полетъ, діалектика — лѣстница; рушится лѣстница, крылья миоѣ возносятся на высоты нерушимыя; дальше всѣхъ человѣческихъ глазъ, край земли и неба, начало и конецъ всего — «Атлантиду» — видитъ орлиное око миоѣ.

Слушая споръ, діалектику, споришь и самъ; слушая миоѣ, молчишь и вспоминаешь райскія пѣсни Ангела, пѣтя всякой душѣ до рожденія:

И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

III.

Миѡы Платона — всѣмъ эллинскимъ миѡамъ вѣнецъ, а жемчужина въ вѣнцѣ — «Атлантида».

«Кто ее создалъ, тотъ и разрушилъ», чтобы это сказать, надо быть такимъ трансцендентно-лютымъ врагомъ Платона, какимъ былъ Аристотель.

Рафаэль, въ Ватиканской фрескѣ «Школа Аѡинскихъ мудрецовъ», далъ въ руки Платона «Тимея» — «Атлантиду», какъ бы желая тѣмъ показать, что здѣсь его глубочайшая мудрость.

IV.

Что такое миѡъ? Небылица, ложь, сказка для взрослыхъ дѣтей? Нѣтъ, одежда мистеріи. Голыми ходятъ у Платона только низшія истины; высшія облакаются въ миѡъ, такъ чтобы истина сквозила сквозь «басню», какъ тѣло сквозь ткань. Тутъ парадоксъ, непонятный всѣмъ «Аристотелямъ»: въ грѣшное облакается святое, истина — въ ложь. Нѣтъ ли и за ложью «Атлантиды» истины?

V.

Двѣ музы у Платона: ученица Сократа, съ разумными устами спорщица, и ученица Орфея, «съ изступленными устами Пиѡія». Та объ Атлантидѣ молчитъ, говорить только эта.

Два у Платона Сократа: собственный его, одержимый богомъ вакхантъ, — можетъ быть, миѡическій, и чужой, Ксенофоновскій, Меморабилійный, — вѣчный вопрошатель, самъ не отвѣтчикъ, «повивальная бабка», самъ не рождающій, — двусмысленно жутко смѣющійся Фавнъ, — можетъ быть, историческій.

Если такъ, то и здѣсь, у самыхъ истоковъ Платоновой мудрости, борется миѡъ-мистерія съ исторіей.

VI.

Прежде чѣмъ спрашивать, была ли Атлантида, надо бы спросить, что думаетъ объ этомъ самъ Платонъ. Но вотъ, какъ это ни странно, за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ, этого никто не сдѣлалъ. Сдѣлать это, впрочемъ, не такъ-то легко.

Миѡъ — мистерія — исторія въ Платоновой мудрости сплетены, сотканы, какъ тончайшія, въ органическихъ тканяхъ, волокна, какъ элементы въ химическихъ тѣлахъ.

Эти три порядка слиты въ немъ такъ, какъ духъ, душа и тѣло въ человѣкѣ. Какъ же ихъ разсѣчь, не убивая?

VII.

Первый изъ двухъ «Атлантическихъ» діалоговъ Платона, «Тимей», есть продолженіе, если не существующаго, то воображаемаго, діалога «О республикѣ»: вчера говорили о ней — сегодня будутъ говорить объ «Атлантидѣ». Цѣль обѣихъ бесѣдъ одна — строеніе наилучшаго Града, Полиса. Это для Платона уже не мифъ, не сказка, не игра, а самое важное и отвѣтственное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ.

VIII.

«Одинъ, два, три, а гдѣ же четвертый?» начинается бесѣда Сократъ, считая собесѣдниковъ и, ужъ конечно, не думая о пифагорейской тайнѣ Числа — «Четверицы Божественной», *tetraktys*, и еще меньше думая о нашей Троицѣ, Тайнѣ Трехъ. Но намъ, въ такомъ началѣ такой бесѣды, трудно не вспомнить о Ней.

— «Главное изъ сказаннаго мною вчера о Республикѣ, вотъ что, — продолжаетъ Сократъ. — Какое и изъ какихъ людей правленіе наилучшее... Самая природа души, говорили мы, должна быть у стражей Града, *phylakes*, огненной и мудрой вмѣстѣ, чтобы они могли, смотря по нуждѣ, быть то милосердными, то грозными».

Вѣчный образъ, платоновская «идея» Града, былъ данъ Сократомъ вчера, въ безплотной и безкровной отвлеченности—въ мифѣ; сегодня надо облечь ее въ плоть и кровь—въ исторію; но сдѣлать этого Сократъ не можетъ, потому что ему не хватаетъ чего-то,—чего-то не знаетъ онъ, при всей своей мудрости, какъ самъ признается, — признаніе для обоихъ, Платона и Сократа, ученика и учителя, безконечно-важное; сдѣлаетъ это за него одинъ изъ трехъ собесѣдниковъ, Критій Младшій, вспоминая, что слышалъ мальчикомъ отъ дѣда своего, Критія Старшаго, а тотъ — отъ Солона Законодателя, а тотъ — отъ стараго жреца въ храмѣ Саисской богини, Нейтъ (*Neith*), а тотъ, наконецъ, читалъ въ незапамятно-древнихъ записяхъ Неитова храма, — «не измышленную басню, а сущую истину», какъ скажетъ Сократъ, — объ «Атлантидѣ», первомъ, погибшемъ человѣчествѣ, и современныхъ Атлантидѣ, Аѳинахъ или какомъ то неизвѣстномъ, доисторическомъ городѣ,

названномъ «Аѳинами» на платоно-пифагорейскомъ, сокровенномъ языкѣ мѳа — мистеріи — исторіи.

Молча, нѣмо, слушаетъ Критія Сократъ, какъ будто смиренно учится.

— «А теперь, Сократъ, — заключаетъ Критій, — гражданъ и градъ, изображенныхъ тобою вчера, какъ бы въ мѳѣ, перенесемъ въ дѣйствительность, предполагая, что дѣло идетъ вотъ объ этомъ дѣйствительно-существующемъ городѣ (Аѳинахъ), и что измышленные тобою граждане — вотъ эти настоящіе предки наши, о которыхъ говорилъ (Саисскій) жрецъ; пусть будетъ между ними соотвѣтствіе полное... и граждане твои будутъ тѣми самими, которые, дѣйствительно, существовали тогда (во времена Атлантиды)... Итакъ, намъ нужно рѣшить, будемъ ли мы сегодня говорить объ этомъ или о чемъ нибудь другомъ.

— «О чемъ же, Критій, могли бы мы говорить приличнѣе въ этотъ канунъ богининой жертвы (Панаѳиней), тѣмъ болѣе, что все это не измышленная басня, а сущая истина, *mé plâsthenta mython, all' alêtinon logon*» вотъ что главное!»

IX.

Кажется, ясно, насколько можетъ быть ясно въ такой бесѣдѣ о такомъ предметѣ. «Одинъ, два, три, а гдѣ же четвертый?» Можетъ быть, только Четвертый, еще не приходившій, но ожидаемый, разъяснилъ бы все до конца. Главное, впрочемъ, ясно и такъ: самъ Платонъ въ «Атлантиду» вѣрить; можетъ быть, обманывается, не не лжетъ, кто ее создалъ, тотъ не разрушилъ.

Два у него поручителя истины: предокъ, «полубогъ», Солонъ, и современникъ, «божественный» учитель, Сократъ; воплощенная истина — оба.

Если «Атлантида» — ложь, то и эти оба лгутъ, или Платонъ лжетъ на нихъ, въ самомъ для него великомъ и святомъ — въ строеніи человѣческаго Града — «Града Божьяго»; лжетъ не только предъ лицомъ своего народа и времени, но и всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ: вѣдь знаетъ же — помнить, по его же собственному, чудному слову, что голосъ его дойдетъ до нихъ всѣхъ.

Это невѣроятно, но еще невѣроятнѣе, что онъ лжетъ такъ неуклюже, какъ будто нарочно, чтобы быть изобличеннымъ навѣрняка и съ наибольшею легкостью.

X.

«Прежде всего, широко-распространенная и излюбленная гипотеза, будто бы «Атлантида» Платона есть голая басня, должна быть отвергнута, по общимъ соображеніямъ культурно-психологическимъ, — хорошо говорить объ этомъ нѣмецкій ученый, Рихардъ Геннигъ. — Связовать описаніе совершенно-баснословной страны съ точно-извѣстными географическими именами есть нѣчто во всемирной литературѣ безпримѣрное. Обозначеніе мѣстъ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда умышленно-сбивчиво или даже просто шутливо... А Платонъ недвусмысленно указываетъ на географически-опредѣленные мѣста: «Геркулесовы Столпы» (Гибралтаръ), «область Гадира» (Кадикусь) и проч.» Кстати сказать, это «прочее», забытое Геннигомъ, потому что привычно-забвенное, можетъ быть, главное: «Атлантида» — «Атлантика», въ этомъ созвучіи — нерасторжимая связь мифа съ исторіей; весь вопросъ въ томъ, кто кого родилъ, Атлантида — Атлантику, или наоборотъ.

«Во всѣхъ подобныхъ мифахъ, какъ это видно по другимъ такимъ же загадкамъ (Офиръ, Винета и т. п.), слышатся отзвуки исторіи, — заключаетъ Геннигъ. — Думать, что у Платона дѣло обстоитъ иначе, нѣтъ никакихъ оснований. Вотъ почему можно считать разъ навсегда установленнымъ, что мифъ объ Атлантидѣ взять не съ вѣтра; за нимъ лежитъ какая-то несомнѣнно-историческая дѣйствительность».

XI.

Вотъ одна невѣроятность лжи, географическая, а вотъ и другая, психологическая, едва ли не большая.

Мы узнаемъ отъ Критія, что Солонъ, если бы хотѣлъ и не былъ слишкомъ занятъ политикой, могъ бы сдѣлаться великимъ поэтомъ, «не меньше Гомера и Гезіода». Кажется, еще въ Египтѣ, гдѣ слышалъ отъ жрецовъ сказаніе о войнѣ Атлантиды съ Аѳинами, онъ началъ писать поэму, по собственноручной записи о слышанномъ, но не кончилъ и привезъ въ Аѳины только черновой набросокъ ея вмѣстѣ съ тою записью. «Она была у дѣда моего, Критія Старшаго... Я зачитывался ею въ дѣтствѣ», сообщаетъ Критій или его устами Платонъ, должно быть, общее семейное преданіе, потому что Критій — дальній родственникъ Платона, по мачехѣ его, Периктионѣ, внучкѣ Критія Старшаго.

Если все это ложь и никакой Солоновой записи у Критія не было, то совершенно непонятно, зачѣмъ Платону лгать такъ ребячески глупо: вѣдь стоило только Аѳинянамъ полюбопытствовать, гдѣ поэма и записъ объ ихъ величайшемъ древнемъ подвигѣ, чтобы узнать — всякая собака въ Аѳинахъ знала Солона и обоихъ Критіевъ, — что ни поэмы, ни записи, нѣтъ, и что Платонъ — безстыдный лжець. Если же поэма и записъ, дѣйствительно, были, то значить, Солонъ что-то слышалъ отъ Саисскихъ жрецовъ, достойное записи, и тѣ что-то знали о какой-то неизвѣстной странѣ въ Океанѣ. А это и значить: за Атлантидой — исторія.

XII.

Туть-то, однако, и начинается трудность — отдѣлнть мнѣ отъ исторіи, вынуть его изъ нея, какъ душу изъ тѣла, не убивая обоихъ. Но ужъ если кому нибудь бороться съ этой трудностью, то, казалось бы, намъ, можетъ быть очень слабымъ въ религіи, но достаточно-сильнымъ въ исторіи. Во всякомъ случаѣ, игра стоитъ свѣчь: если Атлантида была, то вся исторія человѣчества озаряется новымъ свѣтомъ.

XIII.

Какъ же, однако, второе человѣчество могло забыть первое. Что значить это мертвое молчаніе исторіи. Почему голосъ Платона единственный? До него молчаніе, а послѣ — только эхо его же голоса. Крантонъ, Прокль, Эліанъ, Тимагенъ, Діодоръ, Плиніи, Страбонъ, Плутархъ, Посидоній, — до темнаго варвара, византійскаго инока, Козьмы Индикопла, — всѣ только повторяютъ или искажаютъ Платона. «Атлантида упоминается имъ однимъ, да тѣми, кто его читалъ», этотъ приговоръ одного изъ лучшихъ знатоковъ вопроса какъ будто подтверждается каждый разъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи источниковъ.

Что это значить? Вотъ первый вопросъ, приходящій въ голову всѣмъ, кто ломаетъ ее надъ загадкой Платона.

Мы увидимъ, что молчаніе исторіи, можетъ быть не такое мертвое, какъ это кажется. Но пусть даже мертвое; люди молчатъ, — говорятъ боги, звѣри, злаки, камни, воды — вся тварь: «Атлантида была».

XIV.

Внятны, однако, чуткому уху и человѣческіе шопоты.

Греческій историкъ Марцеллъ (Aethiopiaka), упоминаемый Прокломъ, комментаторомъ «Тимее», сообщаетъ, ссылаясь на древнѣйшихъ историковъ, что во Внѣшнемъ Океанѣ (Атлантикѣ) находилось семь острововъ малыхъ, посвященныхъ Прозерпинѣ (можетъ быть, Канарскій архипелагъ), и три большихъ; одинъ изъ нихъ въ 1.000 стадій длины, былъ посвященъ богу Посейдону. «Жители этого острова сохранили, дошедшую до нихъ отъ праотцевъ, память объ Атлантидѣ, огромнѣйшемъ островѣ, существовавшемъ нѣкогда въ этихъ мѣстахъ, господствовавшемъ въ теченіе многихъ вѣковъ, надъ всѣми островами Внѣшняго Моря и посвященномъ также Посейдону».

Это сообщеніе древнѣе Платонова; слѣдовательно, отъ него независимо и его подтверждаетъ.

Тотъ же Проклъ сообщаетъ, что, черезъ триста лѣтъ послѣ Солона, александрійскому неоплатонику, Крантору (Krantor) Саисскіе жрецы показывали столбы съ іероглифной исторіей объ «Атлантидѣ». Это значитъ: Кранторъ видѣлъ то, о чемъ только слышалъ Солонъ.

Въ III - IV вѣкѣ по Р. Х., латинскій поэтъ Авіенъ (Avicinus) упоминаетъ о «мѣстечкѣ, oppidum, Гадиръ, въ Сѣверной Африкѣ. «Gaddir», по финикійски значитъ «ограда», «крѣпость». «Къ сѣверу отъ Гибралтара, Геркулесовыхъ Столповъ, находится другая финикійская крѣпость того же имени», сообщаетъ Авіенъ. Имя одного изъ десяти Атлантскихъ царей у Платона — Гадиръ (Gadeiros) близнецъ перваго царя Атлантиды, Атласа, онъ получилъ во владѣніе «Гадирскую область, epichorion Gadeiron, на обращенномъ къ Геркулесовымъ Столпамъ, концѣ Острова», сообщаетъ Платонъ. Значитъ, имя «Гадиръ» взято имъ не съ вѣтра: за мнѣомъ — исторія.

XV.

Древне-финикійскій и преэллинискій г. Тартессъ (Tartessos) библейскій Фарсисъ (Tarsehisch) — европейская столица Бронзоваго вѣка, — можетъ быть, здѣсь то онъ и родился, — средиземноморскій рынокъ мѣди и серебра изъ богатѣйшихъ Сиерра-Моренскихъ рудниковъ и Касситеридскаго олова, столь драгоцѣннаго для сплава съ мѣдью, дающаго бронзу, — Тартессъ находился, какъ показано новѣйшими раскопками, въ устьи Гвадалquivира,

къ сѣверу отъ нынѣшняго Кадикса, древняго Гадира, къ сѣверо-западу отъ Гибралтара.

Если Атлантида существовала, и Тартессъ, какъ очень похоже на то, была Атлантскою гаванью, у Гибралтара, воротъ Средиземнаго моря — великаго Атлантическаго пути на Востокъ, то понятны и многозначительныя слова Геродота: «быль путь изъ Оивъ египетскихъ къ Столпамъ Геркулесовымъ», — слова, подтверждающія свидѣтельство Саисскихъ жрецовъ у Платона: «эта держава (Атлантида) владѣла Ливіей (Сѣверной Африкой) до предѣловъ Египта». Снова и здѣсь, какъ уже столько разъ, мы убѣждаемся, что Геродотъ не «отецъ лгуновъ», по выраженію еще недавнихъ скептиковъ, а «отецъ Исторіи».

Понятно и то, откуда имя «Атласскихъ» горъ, на томъ же великомъ пути западныхъ колонизаторовъ; почему Гекатей и Геродотъ называютъ обитающихъ у подножья этихъ горъ, полудикихъ кочевниковъ, Берберовъ, — «Атлантами»; понятно, что песчаное дно, находящагося здѣсь же озера Тритонисъ, внезапно обнаженное мировымъ катаклизмомъ — хлынувшей на Атлантиду, исполинскою волною — образовало часть нынѣшней Сахары.

Все это и значить: нѣтъ дыма безъ огня — мифа безъ исторіи.

XVI.

Почему же все-таки въ молчаніи слышатся только невнятные шопоты? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Платонъ или Саисскій жрецъ, и если отвѣтъ не рѣшаетъ вопроса окончательно, то онъ звучитъ опять не мифомъ, а исторіей.

— «О, Солонъ, Солонъ! вы эллины, — вѣчныя дѣти; нѣтъ старца въ Элладѣ», сказалъ одинъ изъ жрецовъ.

— «Что это значить?» спросилъ Солонъ.

— «Всѣ вы юны духомъ», отвѣтилъ жрецъ. — Нѣтъ у васъ никакихъ преданій, никакой памяти о сѣдой старинѣ».

Могъ ли такъ говорить египтянинъ, хотя бы и Саисскаго вѣка? Во всякомъ случаѣ, удивительно, что такъ говорить Платонъ. Кажется, и мы, со всѣми нашими безконечно-большими историческими знаніями, со всей нашей исторической критикой, глубже не заглядывали въ душу Египта и Греціи, въ ихъ вѣчной противоположности.

Въ самомъ дѣлѣ, чудная и страшная способность забвенія, какъ бы историческаго безпамятства, обморока, — не одна ли изъ главныхъ силъ и слабостей греческаго

генія? Прошлаго не любить, какъ бы не вѣрять въ него. спѣшать забыть, сдѣлать исторію миѳомъ, слишкомъ жгучій огонь ея — благоуханнымъ облакомъ дыма; только настоящимъ живутъ, какъ дѣти, звѣри и боги. Райская свѣжесть ихъ и, увы, быстрота увяданія — не отсюда ли? Знаютъ, что память — смертная тяжесть: помнить, значить страдать, умирать; жить — забывать.

Греки живутъ, забываютъ; египтяне помнятъ, и все такъ живутъ; смертную тяжесть памяти несутъ, какъ легкое бремя; любятъ прошлое, потому что любятъ вѣчное; знаютъ, что помнить, значить не только страдать, умирать, но и воскрешать, а забывать — не только жить самому, но и убивать другихъ. Этою безстрашною памятью египтяне сильнѣе и благочестивѣе грековъ.

Видѣть все это со стороны, черезъ двѣ тысячи лѣтъ историческаго опыта, намъ теперь легко; но какой нуженъ былъ Платону острый взглядъ на себя, какое смиреніе въ познаніи, чтобы такъ увидѣть Грецію; и какой нуженъ былъ судъ надъ собой, какая, уже въ нашемъ смыслѣ, «историческая критика», чтобы это понять и сказать!

XVII.

Гдѣ же грекамъ помнить войну съ Атлантами, если и Троянской войны не помнятъ, какъ слѣдуетъ? Шлиманнъ, а не Гомеръ, открылъ намъ историческую Трою, Микены, Тиринѳъ. Если бы не раскопки Эванса, мы все еще не знали бы, что Греція — только блѣдная тѣнь Миносскаго Крита.

Критъ и Атлантида провалились для грековъ въ одну и ту же черную дыру безпамятства, Лету забвенія.

XVIII.

Чтобы это увидѣть, Платону мало было историческаго генія; нужно было и какое-то знаніе, котораго, можетъ быть, у насъ уже нѣтъ.

Кажется онъ вообще не договариваетъ; больше знаетъ, чѣмъ говорить; меньше говоритъ, чѣмъ думаетъ и чувствуетъ; что-то скрываетъ — приподымаетъ край завѣсы, чтобы тотчасъ вновь опустить. Это, впрочемъ, и понятно: миѳъ — покровъ мистеріи. Миѳомъ скрываетъ Платонъ Атлантиду — святую и страшную тайну исторіи.

XIX.

«Нѣтъ, я не умолчу объ этомъ, — отвѣчаетъ Саисскій жрецъ Солону, когда тотъ проситъ его сообщить ему исторію допотопныхъ Аѳинъ. — Я скажу тебѣ все изъ уваженія къ тебѣ и къ нашему городу, а больше всего, къ богинѣ, сохранившей, вскормившей и образовавшей оба города — вашъ, на тысячу лѣтъ раньше нашего, а потомъ и нашъ, ибо въ нашихъ святыхъ письменахъ записано число лѣтъ образованія нашего — восемь тысячъ».

Гея, Мать Земля — первая богиня допотопныхъ Аѳинъ или того неизвѣстнаго города, который «теперь называется Аѳинами», какъ съ историческою точностью поправляетъ Солон-Платонъ Саисскій жрецъ; а богиня вторая — небесная Дѣва-Мать, греческая Аѳина-Паллада, египетская Нейтъ-Изида — подъ двумя именами одна. Мудрость, наука, искусство, гражданственность — все устроеніе, «украшеніе», *diacoscôsis*, по глубокому слову Платона, или по нашему, плоскому — «цивилизация», общая Египту и Греціи, вся — отъ нея, Великой Матери; или говоря опять по-нашему, доисторическій корень обѣихъ «цивилизаций» — одинъ.

Только черезъ двадцать пять вѣковъ, по недавнимъ раскопкамъ на Критѣ и другихъ островахъ Эгейскаго моря, мы поняли, что Платонъ правъ, что онъ или Саисскій жрецъ что-то знаетъ о доисторической древности, его мы уже не знаемъ. Мимо Платонова «миѳа» люди проходили двадцать пять вѣковъ, такъ же слѣпо, какъ мимо тѣхъ пустынныхъ холмовъ, гдѣ скрыты были дворцы Кносса и Фѣста — міръ чудесъ, не меньшій Египта, Вавилона и Греціи.

XX.

Мы также знаемъ или начинаемъ узнавать, что не только у Египта и Греціи, но и у Шумеро-Аккада, Элама, Вавилона, Ханаана, Хеттеи, — можетъ быть, у всѣхъ древнихъ культуръ — корень одинъ, бѣлый, радужно, въ разныхъ средахъ, преломляемый лучъ одного солнца; всѣ онѣ восходятъ изъ-за горизонта исторіи, какъ бы внезапно-готовыя, каждая — въ полномъ кругѣ своемъ, подобномъ кругу восходящаго свѣтила.

Гдѣ же источникъ общаго свѣта? Этого мы не знаемъ; можетъ быть, знаетъ Платонъ, но опускаетъ покровъ надъ этою слишкомъ святою и страшною тайною: солнце Ат-

лантиды, зашедшее въ бездны Атлантики, — свѣтъ всего человѣчества.

— «Лучшее племя людей, жило въ вашей землѣ (до потопа), — говоритъ Саисскій жрецъ Солону. — Вы произошли отъ его уцѣлѣвшаго малаго сѣмени».

Это и значить: первое человѣчество — сѣмя второго; Атлантида — сѣмя Европы.

XXI.

Чтобы понять мнѣ Платона о войнѣ Атлантовъ съ Греками, надо помнить главную цѣль бесѣды: плотью и кровью облечь отвлеченную идею Града, показать его въ героическомъ дѣйствиіи.

«Городомъ вашимъ совершенъ былъ подвигъ величайшій, и правленіе было въ немъ наилучшее, о какихъ мы когда либо слышали, — продолжаетъ рассказчикъ. — Въ нашихъ писаніяхъ сохранилась память о томъ, какъ смирилъ вашъ городъ эту великую державу (Атлантиду), когда устремилась она съ дерзновеніемъ изъ глубины Атлантики на всю Европу и Азію». — «Ибо, соединивъ однажды всѣ свои силы, кинулась Атлантида на вашу землю и нашу, такъ же какъ на всѣ другія земли по сую сторону Пролива (Гибралтара), чтобы поработить ихъ всѣ однимъ ударомъ. Тутъ-то городъ вашъ и явилъ себя міру во всемъ своемъ величьи, ибо, превзойдя всѣхъ военнымъ искусствомъ и доблестью, сначала во главѣ Эллиновъ, а затѣмъ, по неволѣ, одинъ, покинутый всѣми, уже на краю гибели, онъ все же побѣдилъ врага, воздвигъ трофеи, спасъ отъ рабства никогда не бывшихъ рабами и остальныхъ, не помня зла, освободилъ».

Надо сказать правду: слишкомъ похожи эти Атланты на Персовъ, и война ихъ съ Аѳинянами слишкомъ похожа на Персидскую, чтобы все это не казалось сплошнымъ патриотическимъ вымысломъ. Но взгляды, нѣтъ ли тутъ, подъ шелухою мифа, зерна исторіи.

XXII.

Если Атлантида была, дѣйствительно, такимъ огромнымъ островомъ-материкомъ. «больше чѣмъ Ливія и Малая Азія», какъ сообщаетъ Платонъ, и находилась тамъ, гдѣ онъ помѣщаетъ ее, — посреди Атлантики, и была тѣмъ, чѣмъ онъ ее дѣлаетъ, — великою военно-морскою державою, то всемірно-историческія судьбы ея предрѣ-

шались неизбежно и естественно: ей нужно было политически господствовать надо всѣмъ, что она объединяла географически.

«Ливіей (Сѣверной Африкой) до Египта и Европой до Тирреніи (Сѣверной Италіи) овладѣла эта держава», сообщаетъ Платонъ. Если такъ, то, овладѣвъ одной половиной Средиземнаго моря, она уже не могла остановиться — должна была овладѣть и другой половиной, чтобы открыть себѣ путь на Востокъ, ибо мы знаемъ, по собственному страшному опыту, какъ непреложенъ тотъ законъ, владѣющій великими державами, который можно бы назвать притяженіемъ пустоты: въ міровыя войны падаютъ онѣ, какъ физическія тѣла — въ пустоту. Это и значитъ: Западъ долженъ былъ начать войну съ Востокомъ, Атлантида — съ Европою, — міровую войну за міровое владычество, или рядъ безконечныхъ войнъ.

Можетъ быть, память объ одной изъ нихъ и сохранилась въ записяхъ Саисскаго храма. Старый жрецъ взялъ грѣхъ на душу, преувеличивая въ угоду именитому гостю побѣды «Аѳинянь»: слишкомъ былъ нуженъ союзъ дряхлѣющему Египту съ юной Аѳинской республикой.

Что же значитъ мифъ Платона? Въ трехъ великихъ столкновенияхъ Запада съ Востокомъ, въ трехъ войнахъ Атлантской, Троянской, Персидской — ставится одинъ вопросъ: кто утолитъ вѣчную и главную муку человѣчества — жажду всемірности — Атлантида въ рабствѣ или Европа въ свободѣ? Этотъ вопросъ и для насъ, черезъ двадцать пять вѣковъ послѣ Платона, относится не къ мифу, а къ исторіи.

XXIII.

Можетъ быть, лучше всѣхъ древнихъ и новыхъ «Аристотелей» понялъ Платона темный варваръ, византийскій инокъ IX вѣка, Козьма Индикоплъ (*Cosmos Indikopleustes*). Къ своей «Христіанской Топографіи», *Topographia Christiana*, онъ приложилъ дѣтски-нелѣпую карту земного шара: внутренняя сфера, сплошной материкъ, окруженный моремъ, ни на чемъ не держится, какъ бы виситъ въ воздухѣ, и окружена второю сферою, внѣшнюю, съ надписью: «земля за океаномъ, гдѣ люди обитали до потопа. *terra ultra oceanum, ubi ante deluvium habitabant homines*».

Моисей въ книгѣ Бытія и Платонъ, по мнѣнію Индикоп-

ла, говорятъ одно: міръ допотопный есть не что иное, какъ «Атлантида», а десять Атланскихъ царей суть «десять родовъ отъ Адама до Ноя». Атлантида — земной рай; оттуда вышелъ Адамъ, оттуда же и Ной въ ковчегѣ переплылъ черезъ воды потопа, изъ внѣшней сферы земли—во внутреннюю, гдѣ мы сейчасъ обитаемъ, какъ бы перешелъ изъ того міра въ этотъ, или, говоря нелѣпо-трансцендентно, въ духѣ Козьмы, — изъ «полу-того» міра въ «этотъ со-всѣмъ».

Рай — на востокѣ, а мѣсто потопа — на западѣ, но въ томъ же внѣшнемъ кругѣ земли, за Океаномъ, гдѣ Рай. Если бы Колумбъ зналъ Индокопла, то, можетъ быть, нашелъ бы въ немъ подтвержденіе тоже какъ будто нелѣпой вѣры своей, что, плывя на крайній Западъ, можно приплыть на крайній Востокъ — въ Индію. Любопытно, что, уже открывъ Америку, Колумбъ не сомнѣвался, что открылъ допотопный міръ, и думалъ, что Ориноко есть Гихонъ, одна изъ четырехъ Эдемскихъ рѣкъ. «Все заставляетъ думать, что Рай находится въ этихъ мѣстахъ, — пишетъ онъ въ Испанію. — Это подтверждается не только согласіемъ математическихъ выкладокъ съ ученіемъ святыхъ отцовъ и теологовъ, но и всѣми признаками и свойствами этихъ мѣстъ».

Если бы Колумбъ читалъ Платона — а, можетъ быть, и читалъ, — то не сомнѣвался бы, что открылъ «Атлантиду».

XXIV.

Атлантида, Островъ Блаженныхъ, есть Рай съ первымъ человекомъ въ раю, Адамомъ-Атласомъ: можетъ быть, кое-что знаетъ объ этомъ и Платонъ, но меньше говоритъ, чѣмъ знаетъ; скрываетъ отъ непосвященныхъ, потому что здѣсь мистическое — уже начало мистеріи.

Рай не только Атлантида, но отчасти и весь допотопный міръ, озаряемый райскимъ свѣтомъ съ Запада — входящимъ солнцемъ Атлантиды.

«Лучшее и прекраснѣйшее племя людей обитало въ вашей землѣ (до потопа), — вотъ чего вы не знаете», приподымаетъ Саисскій жрецъ край завѣсы надъ этою святою и страшною тайною.

Атлантида — «золотой вѣкъ». — «Вы жили тогда подъ такими же благими законами, какъ мы, и даже лучшими, превосходя всѣхъ людей добродѣтелью, какъ и подоба-

еть чадамъ и питомцамъ боговъ», Градомъ Божьимъ была совершенная республика, управляемая людьми богоподобными «*andres theioi*» — «людьми-богами».

XXV.

«Человѣку надо измѣниться физически, чтобы сдѣлаться Богомъ», бредитъ сумасшедшій Кирилловъ у Достоевскаго, какъ будто страшно-далеко отъ «Христіанской Топографіи» Козьмы Индикопла, а на самомъ дѣлѣ, страшно-близко. «Измѣниться физически», значить, не умирая, оставаясь въ тѣлѣ, перейти изъ этого міра въ тотъ или «полу-тотъ»; переплыть, какъ Ной, черезъ воды потопа, но уже обратно — изъ «внутренней сферы земли» во «внѣшнюю», вернуться съ чужбины на родину — въ «Атлантиду» изъ исторіи.

XXVI.

Если бы мы увидѣли сейчасъ Атлантовъ, то, можетъ быть, не сразу узнали бы, кто это: страшное, заморское племя, что-то вродѣ Ацтековъ или Майя, — казалось бы намъ. Но, вглядываясь пристальнѣе, мы удивлялись бы, нугались все больше и больше и, можетъ быть, наконецъ, поняли бы, что это не совсѣмъ люди, а существа иной породы, какъ бы обитатели другой планеты — Марса или Сатурна.

XXVII.

Можно ли «измѣниться физически», этого, кажется, ни Платонъ, ни Савскій жрецъ не знаютъ. Но знаетъ Аристотель, что дѣлаетъ, разрушая «Атлантиду», изсушая этотъ подземный источникъ всѣхъ древнихъ и новыхъ мифовъ-мистерій. Смѣхомъ — ядовитѣйшимъ оружіемъ — убиваетъ онъ ее; смѣхомъ же отвѣтила ему судьба: разрушеніемъ Атлантиды послужилъ онъ не только всѣмъ будущимъ «Аристотелямъ», большимъ и маленькимъ, — Лукіанамъ, Лукреціямъ, — но и всѣмъ теологамъ-схоластикамъ, для которыхъ вѣдь тоже бѣльмо на глазу связь Платона съ Моисеемъ, Атлантиды съ Бытіемъ, а можетъ быть, и съ Апокалипсисомъ. Существованіе перваго челоувѣчества измѣняетъ метафизически не только всю нашу исторію, но и всю теологію: это какъ бы новый катаклизмъ, переворотъ духовный.

XXVIII.

Кажется, впрочем, иногда, что и самъ Платонъ не радъ своей «Атлантидѣ»: такъ же, какъ мы, ломаемъ надъ нею голову, путается въ трехъ порядкахъ — мифѣ, исторіи, мистеріи — или, можетъ быть, дѣлаетъ это нарочно: боится разгадать загадку. Вызывалъ духа, неискусный волшебникъ, и не знаетъ, какъ его спровадить назадъ; можетъ быть, радъ бы исполнить совѣтъ Аристотеля: «кто ее создалъ, тотъ и разрушилъ», но разрушить нельзя: Атлантида есть — будетъ Колумбъ; будетъ и новый Аристотель, Бэконъ Веруламскій, съ «Новой Атлантидой», — Америкой.

И смѣются боги, смѣются бѣсы, видя, какъ люди ломаютъ голову надъ этою дѣтски-простою загадкою. «Одинъ, два, три... Гдѣ же Четвертый?» Онъ то, можетъ быть, и разгадаетъ загадку мудрецовъ такъ, что дѣти поймутъ.

УМИРАЮЩИИ ЛЕБЕДЬ.

I.

Отчего погибло первое человѣчество, — вотъ, кажется, главное, что говорить или хотѣть бы сказать Платонъ не только своему, но и всѣмъ грядущимъ вѣкамъ — всему второму человѣчеству.

Чтобы яснѣе понять, что онъ думаетъ о концѣ Атлантиды, надо въ ней различить яснѣе, чѣмъ дѣлаетъ онъ, два вѣка, — золотой и желѣзный, мирный и военный.

Божьи сыны, Атланты, — сыны мира. «Въ мирѣ жити, не подымать другъ на друга оружья, *mête pote horea ep'allélous oisein*, — главный законъ, самимъ Богомъ начертанный не только на орихалковомъ столбѣ закона, но и въ сердцѣ Атлантовъ.

Солнце, озаряющее Островъ Блаженныхъ, — солнце мира. Атлантида — рай на землѣ, потому что миръ есть рай, — не было другого и не будетъ.

II.

Миромъ начали Атланты — кончили войной. Эти два вѣка Платонъ смѣшиваетъ, вѣкъ золотой заслоняетъ желѣзнымъ; вотъ почему такъ трудно понять его въ самомъ главномъ — въ отвѣтъ на вопросъ: отчего погибла Атлантида?

Кажется, онъ изображаетъ ее наканунѣ войны: миръ еще не нарушенъ, но война уже зрѣтъ. Берегъ, падающій въ море отвѣсными кручами скалъ, уединявшій нѣкогда райскія долины Острова, вдругъ дѣлается грозною стѣною крѣпости; и вся столица Атлантовъ, со своими циклопическими стѣнами, обитыми мѣдью, орихалкомъ и оловомъ, съ концентрическими кольцами рововъ и валовъ, съ крѣпостными на мостахъ воротами и башнями, съ подземными каналами и гаванями, арсеналами и казармами, — одна исполинская крѣпость. Вся Атлантида, готовая кинуться изъ глубины Атлантики на Европу и Азію, ошетибилась, какъ звѣрь. — «Звѣрь, выходящій изъ бездны». Апокалипсиса.

III.

Чтобы дать понятіе о военной мощи Атлантовъ, Платонъ приводитъ точныя цифры набора, производимаго на одной только великой равнинѣ за Городомъ, раздѣленной на 60.000 военныхъ округовъ: 10.000 боевыхъ колесницъ, 240.000 коней, 1.200 военныхъ судовъ и 1.200.000 пѣшаго войска. А эта равнина лишь малая часть одного изъ десяти Атлантическихъ царствъ. Если же прибавить къ нимъ поселенія Атлантовъ въ Америкѣ, Европѣ и Африкѣ, то общія военныя силы державы должны исчисляться въ десятки милліоновъ людей: «множество неисчислимое, *aperantos arithmos*», говоритъ Платонъ.

Вплоть до нашей міровой войны, такого войска уже не будетъ въ исторіи. «Басней» казалось оно во времена Платона, и вотъ, черезъ двадцать пять вѣковъ, оказалось-таки «сущей истиной».

IV.

Десять царей Атлантиды рѣшили войну. Какъ — помимо народа, противъ него или съ нимъ? Этого мы не знаемъ, потому что не знаемъ, какое было въ Атлантидѣ правленіе. Мы только отчасти можемъ объ этомъ судить по тому, что сообщаетъ Платонъ о правленіи въ тогдашнихъ «Аѳинахъ» или неизвѣстномъ городѣ этого имени.

Въ «баснѣ» объ Атлантидѣ скрыта «сущая истина», а въ допотопныхъ Аѳинахъ нѣтъ ничего, кромѣ «басни»; но можетъ быть, и по ней проходятъ блѣдныя отблески той же истины, какъ свѣтвыя картины волшебнаго фонаря по бѣлой стѣнѣ; если такъ, то мы можемъ узнать изъ нихъ и кое-что объ Атлантидѣ.

Кажется, оба правленія Аѳинянъ и Атлантовъ, вопреки различію внѣшнему, — тамъ республика, здѣсь монархія, — по внутреннему существу, родственны: теократіи, олигархіи — оба, и оба — «наилучшія», по мнѣнію Платона.

V.

Власть Бога надъ людьми — власть генія, — «пусть царствуетъ геній», — такова основная мысль Платонова Града, Полиса, — метафизика въ политикѣ, осуществляемая въ обоихъ правленіяхъ одинаково.

«Богоподобные люди», *andres theioi*, верховные вожди Аѳинской республики, соотвѣтствуютъ «сынамъ божьимъ», десяти царямъ Атлантиды. Эти — «сѣмя» отца Океана,

Атласа, тѣ — матери Земли, Гэй; но и тѣ и эти — Богомъ поставленные надъ людьми, «Стражи», *phylakes*, особая порода людей, высшая, отдѣленная отъ низшей — не только политически, искусственно, но и физически, естественно. Выше всѣхъ «богоподобные люди», «люди-боги» — должно быть, мудрецы и пророки; глухо, двумя словами, говорить о нихъ Платонъ, можетъ быть, скрывая тайну мистеріи отъ непосвященныхъ; «воины», герои, — подъ ними, и, наконецъ, въ самомъ низу, всѣ прочіе граждане.

«Были и другія сословія гражданъ, занимавшихся ремеслами и добычей всего, что даетъ людямъ земля. Но племя воиновъ, какъ отдѣлили его отъ другихъ людей люди-боги, въ самомъ началѣ, такъ и жило потомъ всегда отдѣльно. Каждый имѣлъ все для себя и для дѣтей своихъ нужное, но ни у кого никакой собственности не было, все же, что имѣли, почитали общимъ, *haranta koina nomizontes*. Около святилища Аѣины и Гефеста, на высотѣ Акрополя, въ тѣ дни гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ нынѣшній, разрушенный потопами и землетрясениями, «въ мѣстѣ, огражденномъ стѣнами, какъ садъ одного дома, жили они въ общихъ домахъ, имѣя общую трапезу и все довольство, но серебромъ и золотомъ никогда ни для чего не пользуясь и соблюдая середину между богатствомъ и бѣдностью; «жили въ домахъ прекрасно-устроенныхъ, переходившихъ по наследству, изъ рода въ родъ, всегда въ одномъ и томъ же видѣ. Было же тѣхъ Стражей около двадцати тысячъ, и это число старались они сохранить неизмѣннымъ... И будучи не только Стражами своихъ соотечественниковъ, но и другихъ, свободно ихъ власть признавшихъ Эллиновъ, потому что власть ихъ была справедливою... славились они и почитались по всей Европѣ и Азій, больше всѣхъ тогдашнихъ людей, за красоту тѣлъ и совершенство душъ».

VI.

«Собственности никакой ни у кого не было, но все, что имѣли, почитали общимъ»: это, говоря нашимъ грубымъ, но точнымъ словомъ, — коммунизмъ. Если Богъ одинъ, одинъ Божій законъ для всѣхъ людей, то и совершенное правленіе одно — коммунизмъ — земной рай, золотой вѣкъ — не только въ Аѣинахъ, но и въ Атлантидѣ.

Этотъ рай Платона нѣсколько напоминаетъ будущій рай Великаго Инквизитора у Достоевскаго. «Стражи» —

у этого, «мудрецы» — у того: «тысячи мудрыхъ, скорбныхъ, и милліоны счастливыхъ младенцевъ», а надо всѣмъ — единый Стражъ — «великій и умный Духъ Небытія».

VII.

Рай на землѣ — коммунизмъ, но какой — мирный или военный? Кажется, Платонъ не различаетъ ихъ вовсе; мы же различаемъ въ высшей степени.

«Было у множества ихъ одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее»... Кто это говоритъ, Платонъ объ Атлантахъ — Аэнианахъ? Нѣтъ, ев. Лука — объ апостольской общинѣ. *Naranta koina* — у Платона, *panta koina* — у Луки: тѣ же слова у обоихъ.

«Сердце одно, одна душа», — вотъ мирный коммунизмъ, — въ самомъ дѣлѣ, рай на землѣ, золотой вѣкъ, царство Божіе. Этого рая мы еще или уже не знаемъ, но адъ военнаго коммунизма знаемъ хорошо.

VIII.

Можетъ быть, въ Атлантидѣ мирный коммунизмъ превратился въ военный съ такою же «магической» внезапностью, съ какою молоко скисаетъ въ грозу, или вокругъ опущенной въ соляной растворъ палочки, онъ вдругъ весь кристаллизуется. Это законъ физики — Божій законъ естества; это было и будетъ отъ начала міра до конца. Этого Платонъ еще не знаетъ, но мы уже могли бы знать.

IX.

«Миръ лучше войны», помнить Египетъ — вечерняя заря Атлантиды; Греція — глухая ночь — уже забыла. Не потому ли и Платонъ забылъ или помнить слишкомъ смутно, отчего погибла Атлантида?

«Басней» заслоняетъ «сущую истину», но и сквозь басню слышится истина.

«Въ роды родовъ, доколѣ божеское сѣмя господствовало въ нихъ (Атлантахъ), блюди они законъ, и богомъ рожденные, волю его творили во всемъ, потому что велики были всѣ помыслы ихъ, и что бы имъ судьба ни послала, они поступали мудро и милостиво другъ къ другу, ставя все ни во что, кромѣ добра, почитая все свое величье за малость и неся, какъ легкое бремя, тяжесть золота и всѣхъ своихъ сокровищъ, не падая подъ ними, какъ нья-

ные, не теряя надъ собою власти, но трезвясь и видя острымъ окомъ, что все это ко взаимной любви и добру само прилагается, а отъ корысти и жадности не только гибнетъ само, но и губить своихъ обладателей. Этимъ-то познаниемъ, а также сохранявшеюся въ нихъ, божеской природой умножались у нихъ всѣ тѣ блага, о которыхъ мы говорили».

Такъ было въ роды родовъ, но не вѣчно. «Божеское, смѣшиваясь слишкомъ часто и много съ человѣческимъ, постепенно убывало въ нихъ, и когда, наконецъ, человѣческое совершенно возобладало надъ божескимъ, то, уже не въ силахъ вынести того, что имѣли, развратились они. Зрячіе видѣли, что, погубивъ прекрасную славу свою, сдѣлались они презрѣнными, а слѣпые почитали себя всеблаженными и всепрекрасными, въ то время, какъ пресытились неправеднымъ богатствомъ и могуществомъ».

Тогда-то, обуянные «духомъ божеской, титанической гордости»—*hubris*—рѣшили они, «устремившись изъ глубины Атлантики на всю Европу и Азію, поработить ихъ однимъ ударомъ».

X.

Бога-жертву зажавъ, божьей крови испивъ и облекшись въ прекраснѣйшія, темно-синія, какъ синсва Океана, одежды, десять царей Атлантиды сидѣли на стынущемъ пеплѣ жертвы, во святилищѣ, гдѣ всѣ огни были потушены, и только рдяный отблескъ отъ потухавшихъ на жертвенникѣ углей да звѣздный свѣтъ мерцали на орихалковомъ столбѣ Закона.

«Миръ или война?» рѣшали они судьбы Атлантиды, судьбы двухъ человѣчествъ — своего и нашего. Были, можетъ быть, и среди нихъ слѣпые и зрячіе, глупые и мудрые. Если такъ, то уже не могли они рѣшить, по древнему согласью — древней «магін», а должны были рѣшить по новой «механикѣ» — большинству голосовъ: «миръ или война?» И глухыхъ оказалось, какъ почти всегда, больше, чѣмъ мудрыхъ; они-то и рѣшили войну — міровую войну за міровое владычество.

Но, если и одинъ только мудрый былъ среди нихъ, то, сидя на стынущемъ пеплѣ жертвы, онъ зналъ, что вся Атлантида будетъ пепломъ и жертвою.

XI.

Зналь, что ось міра колеблется, меркнетъ солнце, озаряющее Островъ Блаженныхъ, бѣлая магія становится черною: пили кровь божью — будутъ пить кровь человѣческую; жертвовали міру собою — будутъ жертвовать міромъ себѣ.

Скисло молоко въ грозу; кристаллизовался соляной растворъ вокругъ палочки съ магической внезапностью; кручи райскаго берега сдѣлались срывами въ адъ.

«Умный и страшный Духъ Небытія» торжествовалъ: кончился миръ, началась война.

XII.

«И воззрѣлъ Господь Богъ на землю, и вотъ, она растлѣна, ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ» — путь мира на путь войны. «И сказалъ Господь Богъ: конецъ всякой плоти пришелъ предъ лице Мое, ибо земля наполнилась отъ нихъ злодѣянїями. И вотъ, Я истреблю ихъ съ земли».

XIII.

«Богъ боговъ, Зевсъ, — повѣствуетъ Платонъ, — царящій въ законѣ, всевидящій, видя, какъ низко палъ родъ ихъ (Атлантовъ), и рѣшивъ ихъ казнить, чтобы въ разумъ пришли и покаялись, собралъ боговъ въ обитель славнѣйшую, воздвигнутую въ сердцѣ міра, откуда видно все, что причастно рождению, и, собравъ ихъ, сказалъ»...

Что сказалъ, мы никогда не узнаемъ: «Критій» на этомъ словѣ обрывается. Что произошло и съ Атлантидой, мы не узнали бы, если бы не краткія слова «Тимея». Аѳиняне побѣдили Атлантовъ. «Но послѣ того, произошли ужасныя землетрясенія, потопаы, и въ одинъ злой день, въ одну злую ночь, ваше (Аѳинское) войско, все до послѣдняго воина, поглощено было внезапно разверзшейся подъ нимъ землею, и островъ Атлантида, погрузившись въ море, исчезъ».

XIV.

Гибель перваго человѣчества — величайшее изъ всѣхъ событій міра — описана однимъ только словомъ: «исчезъ», éphanisthé.

Богъ «в с к о р м и лъ» Атлантовъ; люди «п и л и» кровь бога; островъ Атлантида «и с ч е зъ»: слово для на-

чала, слово для середины, и слово для конца. Вся «Атлантида» — въ трехъ словахъ — трехъ лучахъ, сверкающихъ сквозь облако дыма — мѣта — отъ огня мистеріи. Чудо Платонова генія въ этой краткости. Равная — можетъ быть, только у Гераклита; бѣльшая — только въ «Библіи». Но для насъ, увы, эти три слова — три загадки, одна темнѣе другой, и, кажется, послѣдняя — самая темная.

Казнь Атлантиды понятна, но за что казнены Аѳиняне — «лучшее племя людей», — только-что совершивъ «величайшій подвигъ»?

Вспомнимъ еще разъ, въ концѣ бесѣды, ея начало и цѣль: плотью и кровью облечь отвлеченную схему Сократовой истины, показать совершенную республику—«Градъ Божій» — въ героическомъ дѣйствіи. Что же показано? Общая гибель злыхъ и добрыхъ. «Участь одна праведному и неправедному, доброму и злему... Все идетъ въ одно мѣсто: изошло изъ праха и отыдетъ въ прахъ» (Екклезіастъ). Но вѣдь съ такою мудростью если что и построишь, то развѣ только «Городъ мертвыхъ», а не «Городъ живыхъ».

Или правъ Титанъ:

Новый кормчій править небомъ,
На Олимпѣ Зевсъ насильемъ
Стародавніе законы
Святотатственно поправъ?

Правъ Іовъ: «о, если бы человѣкъ могъ состязаться съ Богомъ, какъ сынъ человѣческой съ ближнимъ своимъ!» — «Вотъ, я кричу: «обида!» и никто не слушаетъ; вопію, и нѣтъ суда?»

Или правѣ всѣхъ жена Іова: «похули Бога и умри?»

XV.

Здѣсь, у Платона, концы съ концами не сходятся: начало за здравье, кончилъ за упокой Сократовой и своей Республики. Градъ Божій — плодъ всей своей мудрости — хотѣлъ вознести до неба, и низвергъ въ преисподнюю; только-что попробовалъ сдвинуть его неподвижную схему, какъ все рушилось, словно песочная башенка, игрушка дѣтей.

«Люди-боги» или Сократовы «демоны» вели наилучшимъ путемъ наилучшую Республику, и вотъ до чего до-

вели — до хулы на Бога въ безсмысленной гибели.

XVI.

Или Зевсъ все-таки правъ, казнивъ Атлантовъ и Аѳинянь общемоу казнью, потому что и эти не лучше тѣхъ: «всякая плоть извратила путь свой на землѣ»? Но, если, какъ учить Платонъ, отъ «уцѣлѣвшаго малаго сѣмени» перваго человѣчества произошло второе, то нѣтъ ли и въ немъ той же заразы, и спасуть ли его новые «люди-боги», вожди новой Республики, — не поведутъ ли тѣмъ же путемъ къ той же гибели?

Знаеть ли это Платонъ? Или того, что знаетъ о далекихъ Атлантахъ, не хочеть знать о близкихъ Аѳинянахъ, — закрываетъ на это глаза отъ какого-то страха?

XVII.

Страхъ смертный находилъ на него, когда онъ писалъ «Атлантиду»; не дописавъ, умеръ отъ страха. Кажется, читая послѣднія строки діалога, видишь, какъ рука его слабееть, дрожитъ.

Конецъ «Атлантиды» — конецъ Платона. Ею онъ боленъ, отъ нея умираеть. Островъ Блаженныхъ — предсмертная греза его, горячечный бредъ:

Болѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой, —

тьмой смерти.

XVIII.

«Если не покаеться, всѣ также погибнете!» хочеть онъ крикнуть Аѳинянамъ, видя гибель Атлантовъ, и не можеть, — чувствуетъ, что ему самому нужно въ чемъ-то покаеться, но не знаетъ, въ чемъ.

XIX.

Есть у Платона діалоги метафизически болѣе высокіе, но нѣтъ болѣе трагически-глубокаго, чѣмъ этотъ. Въ «Атлантидѣ» — вся его собственная трагедія. Чѣмъ больше вглядываешься въ нее, тѣмъ яснѣ видишь, что онъ ее не выдумалъ, а только передалъ въ ней то, что слышалъ отъ другихъ, во что другіе вѣрили. Вѣритъ ли и онъ?

«Атлантида была — Атлантиды не было», двуострое жа-

ло этой дилеммы, кажется, пронзаает сердце Платона еще больнѣе, чѣмъ наше; эта загадка для него еще неразгаданнѣй.

XX.

Люди передъ смертью иногда сходятъ немного съ ума: «Атлантида» — такое безумье Платона.

«Я не чувствую въ себѣ прежней твердости разсудка», признавался Ньютонъ, когда писалъ «Комментаріи къ Апокалипсису». Въ томъ же могъ бы признаться и Платонъ, когда писалъ «Атлантиду».

«Выжилъ старикъ изъ ума!» можетъ быть, смѣялись надъ нимъ Аѳиняне, такъ же, какъ потомъ, надъ апостоломъ Павломъ, благовѣствовавшимъ «безуміе креста»: «объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время».

Павлу смѣхъ не страшенъ: онъ знаетъ, что «мудрость челоуѣковъ — безуміе предъ Господомъ». Этого не знаетъ Платонъ и, если не договариваетъ многого, то, можетъ быть, потому, что даже въ предсмертномъ бреду боится смѣха больше, чѣмъ смерти.

XXI.

Можно сказать, что Платонъ умеръ, такъ же какъ вся языческая древность, отъ жажды и голода — жажды истинной Крови, голода истинной Плоти: плоть и кровь въ Діонисовыхъ, Озирисовыхъ, Таммузовыхъ и прочихъ таинствахъ не утоляютъ, потому что призрачны.

Богъ Загрей-Діонисъ, растерзанный Титанами гдѣ-то на небѣ, вѣчно сходить на землю, въ образѣ жертвы-Быка, чтобы насытить алчущихъ плотью своей, утолить жаждущихъ кровью: въ это можно вѣрить, какъ въ сокровенное знаменье, символъ — святую и мудрую сказку древности. Богъ сошелъ на землю однажды въ образѣ челоуѣческомъ — Орфея-пророка или Вакха-царя, завоевателя Индіи, вышелъ изъ вѣчности въ вѣка — въ исторію, родился, жилъ и умеръ, какъ челоуѣкъ, лицо историческое, о чемъ, однако, забыла исторія, и помнить только миѳъ, — вѣрить въ это люди уже не могутъ, только-что научились отличать миѳъ отъ исторіи. «Было», говорить миѳъ; «не было», говорить исторія; «будетъ», могла бы сказать мистерія, но, если и сказала, то не такъ, чтобы оправдать себя въ исторіи.

Миѳъ разсѣлся, какъ оиміамъ съ жертвенника, огонь

потухъ, храмъ опустѣлъ, и опустошилось таинство, сдѣлавшись холодною мудростью книжниковъ, пламеннымъ бредомъ безумцевъ или тою ужасною пыткой, о которой говорить пророкъ: «какъ алчущему снится, будто онъ ѣсть, но пробуждается, и душа его тоща; и какъ жаждущему снится, будто бы онъ пьетъ; но пробуждается, и вотъ, онъ томится, и душа его жаждетъ: такъ будетъ и множеству всѣхъ народовъ».

Это и значить: будутъ умирать отъ жажды и голода. Такъ умеръ и Платонъ.

XXII.

Въ смертной мукѣ не помочь ему Сократъ — Сократъ, отказавшійся отъ посвященія въ Елевзинскія таинства, потому ли, что не очень былъ голоденъ и жаждалъ, или потому, что плохо вѣрилъ въ утоленіе таинствомъ. Посвящаться отсовѣтовалъ ему и Демонъ. Что такое Демонъ Сократа, — въ иномъ родѣ загадка, но почти такая же темная, какъ «Атлантида» Платона. Вѣжливо отказался отъ посвященія Сократъ, а ученикъ его, Алкивиадъ, за грубое кощунство надъ тѣмъ же таинствомъ приговоренъ былъ къ смерти и спасся только бѣгствомъ. Другой ученикъ, Еврипидъ за такое же кощунство въ «Вакханкахъ» надъ Дионисовымъ таинствомъ растерзанъ былъ дикими овчарками или менадами, у подножья горы Пангея, на родинѣ своей — родинѣ Вакха. Еврипидъ — «безбожникъ» тайный, а Эликуръ, тоже ученикъ или почти ученикъ Сократа, — безбожникъ явный. Судьи Сократа, осудившіе его самого за «безбожье», конечно, грубо ошиблись, но, можетъ быть, не такъ грубо, какъ это кажется намъ: «демонъ» его опаснѣе, чѣмъ и это намъ кажется.

XXIII.

Вся «Атлантида» — мистерія; вся — на крови: «пили кровь». Не потому ли Сократъ и молчитъ о ней такъ упорно? «Это не басня, а сущая истина», сказалъ и умолкъ, можетъ быть, усмѣхаясь «демонически»; самъ же искусилъ ученика и самъ же покинулъ его въ смертной мукѣ.

• «Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ».

Нѣтъ, перста своего не омочить Сократъ, языка не прохладить Платону.

Тотъ же огонь, что сжигаетъ его, сжегъ и Атлантиду, и всѣ воды Атлантики огня не зальютъ: всныхнетъ снова и сожжетъ міръ.

Два бываютъ конца — водный и огненный, потопъ и пожаръ, *hydátôsis—ekpyrosis* по орфической эсхатологіи: это знаетъ Платонъ, этого страшится и жаждетъ — умираетъ отъ жажды и страха.

XXIV.

Стаи перелетныхъ птицъ каждый годъ слетаются туда, гдѣ была Атлантида, кружатся надъ водою, ищутъ земли, не находятъ, и часть ихъ падаетъ въ воду, изнеможенная, а остальныя улетають обратно. То, что мы называемъ «инстинктомъ», — вѣщее «знаніе-воспоминаніе», *anamnêsis* Платона, — сильнѣе въ животныхъ, чѣмъ въ людяхъ: десять тысячъ лѣтъ для него минута. Древнюю родину, Островъ Блаженныхъ, помнятъ они, какъ вчера.

Манить насъ всѣхъ Оксанъ, обтекающей Островъ Блаженныхъ,

Люди забыли его — птицы помнятъ.

Помнить и вѣщій мудрецъ: въ поискахъ древней родины, кружится надъ океаномъ, ищетъ земли, не находитъ ее, падаетъ въ волны и, умирая, сладкозвучно поетъ Гиперборейскій лебедь, Платонъ.

Д. Мережковскій.

Державинъ *)

IV.

Это была, пожалуй, самая веселая пора екатерининскаго царствованія. Минувшія войны были побѣдоносны, значеніе Россіи возросло, осыпанное милостями дворянство приходило въ себя послѣ ужасовъ пугачевщины, даже въ царской семьѣ, казалось, расцвѣталъ миръ: овдовѣвшій великій князь вступилъ въ новый бракъ, и вторая супруга на время сблизила его съ матерью. Дворъ и Петербургъ жили занятою и кипучей жизнью, въ которой великолѣпіе мѣшалось съ убожествомъ, изысканность съ грубостью; шестерка лошадей насилу вытаскивала золоченую карету изъ уличной грязи; фрейлины разыгрывали пасторали на эрмитажныхъ собраніяхъ — случалось, что послѣ того ихъ сѣкли; вельможи собирали картины, бронзу, фарфоръ, отвѣщивали другъ другу версальскіе поклоны и обмѣнивались оплеухами; императрица переписывалась съ Гриммомъ — Митрофанъ Простаковъ не хотѣлъ учиться, хотѣлъ жениться; вистъ, фараонъ и макао процвѣтали вездѣ — отъ дворца до лачуги.

Полученныя земли Державинъ заложилъ въ банкъ; это не обезпечивало его будущности, но, вмѣстѣ съ карточной игрой, давало возможность существовать пристойно, въ ожиданіи лучшаго. Найти службу значило прежде всего найти пріятелей. Державинъ сталъ возобновлять былыя знакомства и искать новыхъ. Служба должна была быть статская; мундиры вокругъ Державина постепенно смѣнялись бархатными кафтанами.

Трудная молодость сдѣлала его отчасти скрытнымъ и сдержаннымъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ умѣлъ быть пріятнымъ. У Алексѣя Петровича Мельгунова, на Мельгуновскомъ тѣ-

---

*) См. «Соврем. Записки», кн. 39 и 40.

нистомъ островѣ (томъ, что впослѣдствіи перешелъ къ Елагину, оберъ-гофмейстеру), на пикникахъ, средь умной и просвѣщенной бесѣды, онъ былъ занимателенъ. Масоны изъ мельгуновскихъ друзей звали его въ свою ложу, но онъ воздержался. Онъ былъ свой человѣкъ и на пышныхъ пиршествахъ кн. Мещерскаго съ генераломъ Перфильевымъ, и среди людей не столь знатныхъ, тамъ, гдѣ попросту пѣнилась старая серебряная кружка, налитая пополамъ русскимъ и англійскимъ пивомъ (въ пиво сыпались гренки и лимонная корка). Женщины, чаще всего — доступныя участницы холостыхъ пирушекъ, находили въ немъ предпримчиваго и веселаго поклонника. Между возлюбленными, какъ между винами, не имѣлъ онъ особыхъ пристрастій: любилъ всѣхъ равно:

Вотъ красно-розово вино:
 За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
 Какъ сердцу сладостно оно
 Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
 Ты тожь, румяна, хороша:
 Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ черно-тинтово вино:
 За здравье выпьемъ чернобровыхъ.
 Какъ сердцу сладостно оно
 Намъ съ поцѣлуемъ устъ лиловыхъ!
 Ты тожь, смуглянка, хороша:
 Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато-кипрское вино:
 За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
 Какъ сердцу сладостно оно
 Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
 Ты тожь, бѣлянка, хороша:
 Такъ поцѣлуй меня, душа!..

Братья Окуневы, у которыхъ пять лѣтъ тому назадъ, выйдя въ прапорщики, приобрѣлъ онъ въ долгъ первую свою карету, теперь ввели его въ домъ князя Вяземскаго. Это было знакомство особой важности: князь Александръ Алексѣевичъ былъ Андреевскій кавалеръ и генераль-прокуроръ Сената, т. е., приблизительно, совмѣщалъ должности министра финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Возвышеніемъ онъ обязанъ былъ своей глупости: поручая ему веденіе важныхъ дѣлъ, Екатерина могла быть спокойна, что никому не прійдетъ въ голову приписывать Вяземскому ея собственныя заслуги. Впрочемъ, рекомендованный государынѣ еще Орловыми, Вяземскій умѣлъ быть отличнымъ служакой; угождая государынѣ, не забывалъ и себя, т. е. воровалъ, но въ мѣру; былъ неразборчивъ въ средствахъ и дѣятеленъ, потому что завистливъ. Онъ жилъ на Малой Садовой въ собственномъ домѣ, гдѣ кстати помѣщалась и тайная канцелярія; иногда онъ лично присутствовалъ при допросахъ. Никто его не любилъ, но всѣ у него бывали: какъ не бывать у генераль-прокурора? Ему было пятьдесятъ лѣтъ. Жена его, урожденная княжна Трубецкая, была значительно моложе своего супруга и старалась придать дому нѣкоторую пріятность.

Ища покровительства Вяземскихъ, Державинъ постановилъ ихъ очаровать и скоро того достигъ. Онъ сталъ проводить у нихъ цѣлые дни, сдѣлалъ своимъ человѣкомъ; иногда читалъ князю вслухъ, «большею частію романы, за которыми не рѣдко и чтець, и слушатель дремали»: Вяземскій — потому, что именно такъ и смотрѣлъ на литературу, какъ на снотворное средство, а Державинъ — по врожденной сонливости (при всей кипучести своего характера онъ обладалъ страннымъ свойствомъ: порою, даже среди оживленной бесѣды, сонъ внезапно его охватывалъ). Вечерами играли въ вистъ; эта игра не давалась Державину; къ счастью, въ то время, какъ другіе вельможи игравали на брилліанты, черпая ихъ изъ шкатулки ложкою, у Вяземскихъ игра шла по самой маленькой (хозяинъ дома былъ скупъ). Что касается княгини, то Державинъ порою сочинялъ отъ ея имени стихи, обращенные къ супругу, «хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу». Княгиня была къ Державину столь благосклонна, что даже хотѣла выдать за него свою двоюродную сестру, княжну Урусову, славную стихотворицу того времени, — но Державинъ отшутился. (Княжна такъ и осталась старою дѣвой).

Послѣ всего этого не покажется удивительно, что лѣто 1777 года Державинъ провелъ въ имѣніи Вяземскихъ, подѣ Петербургомъ. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ открылась въ Сенатѣ вакансія, и Державинъ назначенъ былъ эк-

зекуторомъ I-го департамента (государственныхъ доходовъ).

Должность была довольно видная, но требовала не малыхъ трудовъ. Отношенія съ сослуживцами тотчасъ сложились отличныя: главнымъ начальникомъ былъ кн. Вяземскій, а ближайшимъ и непосредственнымъ — оберъ-прокуроръ I-го департамента Резановъ, съ всею семьей котораго Державинъ давно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Точно такъ же онъ и раньше знакомъ былъ, а теперь сошелся короче съ оберъ-секретаремъ Александромъ Васильевичемъ Храповицкимъ. Это былъ толстый, веселый человѣкъ, не лишенный лукавства, любившій наблюдать молча, но умѣвшій порою сказать словцо острое и пронизательное. Въ юности подавалъ онъ поэтическія надежды, но лиру почти забросилъ. Однако, усердно вписывалъ въ особую книгу вольные стихи, написанные другими. Вообще любилъ собирать документы, записки, письма, вель дневники. Въ немъ дремалъ историкъ.

Козодавлевъ, Осипъ Петровичъ, такой же экзекуторъ, какъ и Державинъ, но во 2-мъ департаментѣ, былъ умомъ куда проше; за то въ свое время учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, переводилъ съ нѣмецкаго и самъ баловался стишками (впрочемъ — кто ими не баловался?). Очень былъ юркій и обязательный человѣкъ. Вскорѣ послѣ начала ихъ знакомства, 30 августа, въ день Александра Невского, Державинъ былъ приглашенъ къ Козодавлеву смотрѣть изъ окна крестный ходъ. Были и другіе гости, среди которыхъ одна дѣвица особенно привлекала вниманіе. Было ей лѣтъ семнадцать. Черные, какъ смоль, волосы, острый, съ легкой горбинкою носъ, изъ-подъ черныхъ бровей — огненные глаза на нѣсколько блѣдномъ, словно не русскомъ, слегка бронзовато-оливковомъ лицѣ, — все изумило Державина. Она была съ матерью. Державинъ освѣдомился о фамилии. Б а с т и д о н о в ы былъ отвѣтъ. Державинъ уѣхалъ. Смуглая красавица не выходила у него изъ памяти. Зимой онъ встрѣтилъ ее въ театрѣ, — и вновь она поразила его.

**

23 февраля, на масляной недѣлѣ въ пятницу, младшій изъ братьевъ Окуневыхъ, бывъ на конскомъ бѣгу, изъ-за

чего-то поссорился съ Храповицкимъ. Дошло до того, что они ударили другъ друга хлыстиками и порѣшили быть поединку. Храповицкій объявилъ своимъ секундантомъ младшаго сенатскаго секретаря Александра Семеновича Хвостова. (Хвостовъ тоже писалъ стихи, и двадцатилѣтній братецъ его двоюродный, Дмитрій Ивановичъ, тоже писалъ, да такъ плохо, что ужъ тогда смѣялись). Окуневъ же прискакалъ къ Державину, въ свою очередь прося быть секундантомъ. Державину эта просьба не улыбалась: онъ боялся испортить отношенія съ Храповицкимъ. Какъ быть? Онъ далъ Окуневу согласіе, но при условіи, что напередъ посоветуется съ Резановымъ: если Резановъ не посмотритъ косо --- Державинъ будетъ секундантомъ, въ противномъ же случаѣ вмѣсто себя приведетъ Гасвицкаго, того самаго офицера, котораго вѣкогда въ Москвѣ спасъ отъ шулеровъ. Въ согласіи Гасвицкаго онъ не сомнѣвался.

На томъ и порѣшили. Державинъ поѣхалъ къ Резанову, но не засталъ дома: сказали, что онъ на Васильевскомъ островѣ, у герольдмейстера Тредьяковскаго на блинахъ. (Это былъ Левъ Васильевичъ Тредьяковскій, сынъ покойнаго поэта). Дѣлать нечего, отправился Державинъ на Васильевскій островъ. Наступилъ уже вечеръ, обѣдъ кончился, гости разъѣзжались. Запорошенный снѣгомъ, Державинъ вѣжалъ въ переднюю, — тамъ, возлѣ матери, въ ожиданіи своей кареты стояла она!

Встрѣча была мгновенна. Черезъ минуту красавицы уже не было, но послѣ того съ Резановымъ говорилъ Державинъ торопливо и безтолково — то о дуэли, то о дѣвицѣ Бастидоновой. Вдругъ объявилъ, что готовъ жениться. Резановъ смѣялся, не понимая, шутитъ онъ или говорить правду. Отъ секундантства совѣтовалъ по возможности уклониться, напомнивъ, что Храповицкій — любимецъ Вяземскаго.

Тогда Державинъ поѣхалъ звать Гасвицкаго, но и того не засталъ. Все еще думая о черноокой дѣвицѣ, оставилъ записку; изложилъ дѣло, сообщилъ, что дуэль состоится завтра, въ такомъ-то часу, въ лѣсу подъ Екатерингофомъ, просилъ пріѣхать. Потомъ, наконецъ, вернулся домой, велѣлъ подать свѣчи, припомнилъ весь этотъ странный и суетливый день и уснулъ влюбленнымъ безповоротно.

Въ субботу поутру, не имѣя отвѣта отъ Гасвицкаго, пришлось Державину ѣхать въ Екатерингофъ. Тамъ всѣ уже были въ сборѣ. Направились къ лѣсу. По дорогѣ Дер-

жавинъ старался примирить противниковъ, и это ему легко удалось, ибо отважными забіяками они не были. Пока добрались до назначеннаго мѣста, враги уже цѣловались. Хвостовъ, однако, сказалъ, что должно бы имъ хоть для вида поцарапаться, чтобы не было стыдно. Державинъ возразилъ: если противники помирились безъ боя, никакого въ томъ стыда нѣтъ. Хвостовъ началъ спорить, Державинъ вспылить, и слово за слово, дошло до того, что горячіе секунданты схватились за оружіе. По поясъ въ снѣгу, они уже обнажили шпаги и стали въ позитуру. Въ самое это мгновеніе, весь красный отъ спѣшки и оттого, что былъ прямо изъ бани, явился Гасвицкій. Бросившись между Державинимъ и Хвостовымъ, онъ пресѣкъ битву. Тогда всей компаніей отправились въ трактиръ, выпили кто чаю, кто луншу и отпраздновали общее примиреніе.

Межъ тѣмъ, красавица все приносила воображенію Державина. Ъдучи домой съ Гасвицкимъ, онъ ему открылся. На другой день, въ прощенное воскресенье, былъ при дворѣ большой маскарадъ. Влюбленный явился на немъ вмѣстѣ съ наперсникомъ, оба въ маскахъ. Гасвицкому предстояло взглянуть на дѣвицу безпристрастными дружескими глазами. Державинъ тотчасъ увидѣлъ ее въ толпѣ и громко воскликнулъ:

— Вотъ она!

И мать, и дочь обернулись и поглядѣли пристально. Во весь маскарадъ, слѣдуя по пятамъ за ними, кавалеры наши старались примѣтить поведеніе молодой красавицы, съ кѣмъ и какъ она обращается. «Увидѣли знакомство степенное и поступь дѣвушки во всякомъ случаѣ скромную, такъ что при малѣйшемъ пристальномъ на нее знакомомъ взглядѣ лицо ея покрывалось милою, розовою стыдливостію. Вздохи уже вырывались изъ груди улыбаващагося экзекутора». Наперсникъ вполне имъ сочувствовалъ. Тутъ же примѣрно подсчитали державинскіе достатки, и рѣшено было свататься.

Восторговъ своихъ Державинъ не скрылъ и отъ прочихъ друзей, бывшихъ на маскарадѣ. Такъ что на слѣдующій день, въ чистый понедѣльникъ, за обѣдомъ у Вяземскихъ, надъ Державинимъ стали уже подтрунивать за вчерашнія маскарадныя шашни. Вяземскій спросилъ:

— Кто такая красавица, которая столь скоропостижно плѣнила?

Державинъ назвалъ фамилію. Это не понравилось упр-

вляющему ассигнаціоннымъ банкомъ дѣйствительному статскому совѣтнику Кирилову, который присутствовалъ на обѣдѣ. Когда встали изъ-за стола, онъ отвелъ Державина въ сторону:

— Слушай, братецъ, не хорошо шутить на счетъ честнаго семейства. Сей домъ мнѣ коротко знакомъ; покойный отецъ дѣвушки, о коей рѣчь идетъ, мнѣ былъ другъ, да и мать ея тоже мнѣ пріятельница; то шутить при мнѣ на счетъ сей дѣвицы я тебѣ не позволю.

— Да я не шучу, я поистинѣ смертельно влюбленъ.

— Когда такъ, что ты хочешь дѣлать?

— Искать знакомства и свататься.

— Я тебѣ могу симъ служить.

Положено было завтра же ввечеру, будто ненарочно, заѣхать въ домъ Бастидоновой.

**

*

Великій князь Павелъ Петровичъ родился 20 сентября 1754 года. Тотчасъ послѣ того, какъ духовникомъ ихъ высочествъ была прочтена очистительная молитва, императрица Елисавета Петровна явилась въ спальню великой княгини и забрала младенца къ себѣ. Съ этой минуты мать почти не видала его и всею душою разъ навсегда возненавидѣла мамушекъ и нянюшекъ, попеченію коихъ онъ былъ врученъ. Первое мѣсто среди этихъ женщинъ естественно занимала кормилица, по имени Матрена Дмитріевна. Ея тогдашняя фамилія до насъ не сохранилась. Вскорѣ, впрочемъ, она овдовѣла, а въ 1757 году вступила во второй бракъ. Избранникомъ ея сердца былъ Яковъ Бенедиктъ Бастидонъ, родомъ португалець, въ Россію пріѣхавшій изъ Голштиніи: Петръ III, тогда еще великій князь, привезъ его въ качествѣ своего камердинера. Отъ Бастидона — въ Россіи звали его Бастидоновымъ — у Матрены Дмитріевны было четверо дѣтей: сынъ и три дочери. Изъ нихъ семнадцатилѣтняя Екатерина Яковлевна и была та самая, чью покорила сердце Державина.

Къ тому времени, когда произошла эта знаменитая встрѣча, самого Якова Бастидона уже не было на свѣтѣ: Матрена Дмитріевна овдовѣла вторично. Была она женщина многоопытная, пронырливая и жадная, но обстоятельства ея выходили довольно трудны. Дѣтямъ она ста-

ралась дать пристойное воспитаніе, дочерей надо было одѣть и вывезти, а покойный мужъ большихъ средствъ не оставилъ. Давно миновали счастливыя времена, когда сама Елисавета Петровна наряжала Матрену Дмитріевну къ вѣнцу, когда на свадьбѣ гремѣла придворная музыка, и государыня изволила танцовать. О милостяхъ нынѣшней императрицы нечего было думать: Екатерина, какъ сказано, терпѣть не могла Бастидониху. Отъ великаго князя Павла Петровича помощи тоже не было: выкормышь Матрены Дмитріевны самъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Поэтому семья жила по мѣщански, скромно, почти бѣдно, въ собственномъ, но не большомъ домѣ у церкви Вознесенія.

27 февраля, во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста, вечеромъ, подѣхали къ этому дому Кириловъ съ Державинымъ. Гостей въ такой день не ждали. Босая дѣвка съ сальной свѣчей въ мѣдномъ подсвѣчникѣ встрѣтила ихъ въ сѣняхъ. Кириловъ объявилъ хозяйкамъ, что проѣзжая мимо съ пріятелемъ, захотѣлось ему напиться чаю. Тутъ онъ представилъ Державина. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей сѣли. Та же босая дѣвка подала чай. Часа два провели въ общежительномъ разговорѣ. Сестры красавицы хохотали и говорили много, пускаясь въ хитрые пересуды, чтобы выказать острогу свою и умѣніе жить въ большомъ свѣтѣ. Катенька же сидѣла тихо, вязала чулокъ и вмѣшивалась въ бесѣду съ великою скромностію, разсудительно и пристойно. Влюбленный не только «жадными очами пожиралъ всѣ пріятности, его обворожившія», но и старался примѣтить все — отъ разговора до утвари. Заключилъ, наконецъ, что люди не богатые, но честные, благочестивы нравомъ и опрятны въ одеждѣ. Откланиваясь, новый знакомый просилъ позволенія и впредь быть къ нимъ въѣзжу.

На другой день Кириловъ явился къ Матренѣ Дмитріевнѣ и отъ имени Державина сдѣлалъ настоящее предложеніе. Мать отвѣчала, что сразу не можетъ рѣшиться и просила дать нѣсколько дней сроку, чтобы развѣдать о женихѣ. Но Державину, разумѣется, нетерпѣлось. Въ Сенатѣ служилъ еще одинъ знакомый Бастионовыхъ, нѣкто Яворскій. Державинъ просилъ и его подкрѣпить сдѣланное предложеніе. Яворскій пообѣщавъ.

Межъ тѣмъ, влюбленный сталъ часто ѣздить преддомомъ любезной особы. Это входило въ правила ухажив-

ванія. Катенька, со своей стороны, полюбила сживать у окна. Вскорѣ послѣ бесѣды съ Яворскимъ Державинъ вслѣдилъ такой часъ, когда матери дома не было, и рѣшился заѣхать. Хотѣлось ему узнать мысли самой невѣсты. Вошелъ, онъ по обыкновенію поцѣловалъ руку и сѣлъ рядомъ съ Катенькой. Затѣмъ просто, безъ обиняковъ, спросилъ, извѣстна ль она объ исканіи его.

— Матушка сказывала, -- былъ отвѣтъ.

— Что жъ вы думаете?

— Отъ нея зависитъ.

— Но если бъ отъ васъ, могу ли я надѣяться?

— Вы мнѣ не противны, — сказала красавица вполголоса и покраснѣлась.

Тогда онъ бросился на колѣни и сталъ цѣловать ея руки. Тутъ, какъ въ доброй старой комедіи, открылась дверь, и вошелъ Яворскій.

— Ба, ба! и безъ меня дѣло обошлось! — вскричалъ онъ. — Гдѣ матушка?

— Она поѣхала развѣдать о Гаврилѣ Романычѣ.

— О чемъ развѣдывать? я его знаю, да и вы, какъ вижу, рѣшились въ его пользу. То, кажется, дѣло и сдѣлано.

Вскорѣ вернулась Матрена Дмитріевна. Среди обвѣстій, слезъ, поцѣлуевъ Державинъ съ Катенькой были помолвлены. Госпожа Бастидонова все-таки объявила, что для окончательнаго сговора нужно соизволеніе великаго князя, который, какъ молочный братъ Катеньки, почитался ея покровителемъ. Само собой, дѣло шло не столько о соизволеніи, сколько о помощи въ разсужденіи приданого. Черезъ нѣсколько дней Державинъ съ будущей тещей предстали передъ наслѣдникомъ. Чувствительный и уязвленный Павелъ Петровичъ сердечно радовался каждому знаку вниманія. Онъ принялъ гостей въ кабинетѣ, говорилъ съ ними долго, обласкалъ чрезвычайно и отпустилъ, общавъ хорошее приданое, «какъ скоро въ силахъ будетъ». Въ силахъ, однако жъ, онъ такъ и не оказался.

Свадьбу сыграли 18 апрѣля 1778 года. За два дня передъ тѣмъ изъ Казани пущено было такое письмо:

«Государыня моя, Екатерина Яковлевна! Любезное письмо ваше отъ 14 марта я съ немалымъ удовольствіемъ приняла, и когда уже по благословенію Божію судьба соединяетъ васъ въ супружество моему сыну, сіе есть мое обрадованіе, и взаимно обнадеживаю васъ моею къ вамъ усердною и материнской любви горячною, и желаю,

чтобы я была счастлива въ старости моею вашимъ почитаніемъ и любовію, кою я уже и предвижу, отъ чего зависть мое благополучіе и утѣшеніе, и въ знакъ къ вамъ моею любви при семъ посылаю гостинецъ, хотя не въ драгихъ вещахъ состоящій, но оно отъ моего искренняго усердія; прими, моя любезная, и будь благословенна Божіею милостію и увѣрьтесь, что я вамъ во всю мою жизнь усердная.

«Матушкѣ вашей, милостивой государынѣ моей, свидѣтельствуйте мое почитаніе и прошу о принятіи меня въ ея благосклонность, а я съ моей стороны оное сохранить конечно не премину, а затѣмъ пребываю охотная вамъ къ услугамъ

Еккла Державина».

**

Державинъ женился стремительно, но вовсе не очертя голову. Впервые переступивъ порогъ бастидоновскаго дома (въ тотъ памятный вечеръ, когда пріѣхалъ туда съ Кириловымъ), онъ сразу сталъ зорко всматриваться въ невѣсту — и если бы не нашелъ того, что ему было нужно, не сталъ бы свататься, отступилъ бы. Въ числѣ его прочныхъ и простыхъ взглядовъ былъ и взглядъ на семейную жизнь. Онъ хотѣлъ быть въ домѣ главою, — тѣмъ болѣе женясь тридцати пяти лѣтъ на дѣвушкѣ, которая была ровно вдвое моложе его. Будучи самъ порывистъ и неуступчивъ (что почиталъ въ себѣ отчасти даже достоинствами), отъ жены онъ требовалъ вовсе иныхъ добродѣтелей: «тихость и смиреніе суть первая достоинства женщинъ, и они одни тѣ истинныя превосходствы, которыя всѣ ихъ прелести и самое непорочнѣйшее ихъ поведеніе украшаютъ. Безъ нихъ страстнѣйшая любовь — вздоръ».

Тихость и смиреніе онъ подмѣтилъ въ Екатеринѣ Яковлевнѣ при первой бесѣдѣ, а угадалъ, пожалуй, и раньше — при первомъ на нее взглядѣ. И въ самомъ дѣлѣ, то были ея первѣйшія добродѣтели. Если онъ собирался быть съ нею строгимъ, то оказалось тотчасъ же, что это не требуется. Она была передъ мужемъ тиха и смиренна, и это давалось ей безо всякой борьбы, безъ самопожертвованія: во-первыхъ, потому, что такъ она понимала свой долгъ, во-вторыхъ, потому, что мужа считала умнѣе себя и во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣе, а, въ-третьихъ,

и это, конечно, главное — потому, что его любила. Выходила за него, можетъ быть, безъ особой страсти, но потомъ словно влюблялась все горячѣе и крѣпче. Ея сердечная преданность была безгранична, вѣрность — мало сказать непоколебима: просто она даже никогда не подвергалась и не могла подвергнуться никакому испытанію.

При всей кротости Екатерина Яковлевна не была однако жъ безвольна. Благожелательная ко всѣмъ, она была уступчива лишь до извѣстнаго предѣла и въ случаѣ необходимости могла постоять за себя, а въ особенности за мужа. Была добра безъ навязчивости, почти незамѣтно, ласкова — безъ слащавости, привѣтлива — безъ униженія. Словомъ, самыя чувства и добродѣтели, сильныя, но подчиненныя внутренней гармоніи, были развиты въ ней такъ же стройно, какъ она была стройна внѣшнѣе. Самому Державину лишь постепенно открылась ея плѣнительность. И онъ передъ нею не размякалъ, но какая же могла быть рѣчь о суровости или строгости, если его любовь изо дня въ день, а послѣ — изъ году въ годъ только росла и крѣпла? Въ то время поэты любили давать прозванія своимъ возлюбленнымъ. Темиры, Дафны, Лилеты, Хлои, какъ чужеземныя птицы, налетѣли въ поэзію. Державинъ своей женѣ далъ русское, задушевное имя Пльниры.

Вскорѣ послѣ свадьбы онъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ и повезъ жену въ Казань, показать ее своей матери. Екатерина Яковлевна безъ усилій плѣнила и свекровь, и все казанское общество. Когда вернулись Державины въ Петербургъ, директоръ казанской гимназій Каницъ писалъ: «*Noch lange werden die vernünftigen unter den Casanschen Schönnern, daran gedenken, dass die junge, verehrungswerte Catharina Jakowna sich eine Zeitlang hier aufgehalten habe*».

Денежныя дѣла улучшались. Имѣніе Маслова, пущенное съ публичнаго торга, почти цѣликомъ досталось Державину, какъ главному кредитору. Уплоченныя изъ выигрыша двадцать тысячъ вернулись къ нему въ видѣ трехсотъ душъ въ Рязанской губерніи. Заключивъ мировую съ однимъ изъ казанскихъ сосѣдей, онъ получилъ еще восемьдесятъ. Когда правительство стало безденежно раздавать новопріобрѣтенныя днѣпровскія земли, Державинъ раздобылъ себѣ въ Херсонской губ. 6000 десятинъ со ста тридцатью душами запорожцевъ. Такимъ образомъ, вмѣ-

стѣ съ пожалованными при выходѣ изъ полка тремя стами, а также съ материнскими и отцовскими, всего очутилось за Державинымъ больше тысячи душъ. Это былъ уже извѣстный достатокъ. Сюда надо прибавить сенатское жалованье. Державины могли жить «приличнымъ домомъ».

Они поселились на Сѣнной площади. Счастливый Державинъ былъ чрезвычайно радушнымъ хозяиномъ. Поэзія гостепріимства была ему вѣдома. Хвостовъ, Храповицкій, Резановы, Козодавлевъ, Окуневы, порою — самъ генералъ-прокуроръ съ супругою стали его гостями. Но сердце больше лежало къ нѣсколькимъ новымъ знакомымъ.

Съ молодымъ стихотворцемъ Василиемъ Васильевичемъ Капнистомъ первая встрѣча произошла еще въ полку. Теперь знакомство перешло въ дружбу. Родомъ малороссъ (онъ не только говорилъ, но и писалъ съ малороссійскимъ выговоромъ: Катеньку звалъ Катерына Яковлевна), Капнистъ былъ отчасти увалень, былъ порою хмуръ и склоненъ къ обидчивости, но при всемъ томъ — человекъ добрѣйшій и великій семьянинъ. Впрочемъ, женатъ онъ былъ лишь недавно.

Двѣ молодыя четы коротко сблизились, и это повело къ тому, что вскорѣ вокругъ Державиныхъ образовался цѣлый кружокъ. Дѣло въ томъ, что у Александры Алексѣевны Капнистъ (урожденной Дьяковой, дочери сенатскаго оберъ-прокурора) была сестра, Марья Алексѣевна, дѣвушка очень милая и собой пріяздная. Два друга капнистовыхъ были въ нее влюблены (надо ли прибавлять, что оба принадлежали къ числу стихотворцевъ?).

Перваго звали Львовъ, Николай Александровичъ. Судьба была къ нему благосклонна. Пріятный лицомъ, состоятельный, имѣвшій очень большія связи, хорошо образованный, былъ онъ заразъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ и архитекторъ. Ничего вполнѣ замѣчательнаго не удалось ему создать ни въ поэзіи, ни въ живописи, ни въ архитектурѣ, ни въ музыкѣ. Но всюду онъ былъ умнымъ и тонкимъ цѣнителемъ. Не безъ пріятнаго легкомыслія онъ одновременно переводилъ Анакреона и строилъ церкви. Стихи его были не глубоки, но забавны, веселы, бодры, какъ самъ онъ былъ всегда легкокъ, весель и бодръ. Много онъ суетился, любилъ хлопотать за пріятелей, покровительствовать, шумѣть и блистать. Впрочемъ, дѣлалъ все это со вкусомъ и не безъ тонкости. Былъ чувствителенъ. Маша Дьякова отвѣчала на его чувства нѣжной взгл-

имностью, но отецъ ея почему-то былъ противъ этого брака.

Другой поклонникъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца Иванъ Ивановичъ Хемницеръ. Онъ ничѣмъ не походилъ на Львова. Былъ настроенъ философически, сдержанъ, задумчивъ, — отчасти потому, можетъ быть, что ужь очень былъ нехорошъ собою, даже до безобразія. Какъ разъ не за долго до женитьбы Державина вернулся онъ изъ заграничной поѣздки, влюбился въ Машу Дьякову и сталъ самымъ прискорбнымъ образомъ за нею ухаживать. Притворялся щеголемъ, петиметромъ, густо пудрилъ уродское лицо свое и сажалъ на него мушки. Любви не скрывалъ, даже посвятилъ Машенькѣ первую книгу своихъ сказокъ и басенъ, но все было напрасно. Ни Маша, ни счастливый соперникъ надъ Хемницеромъ не смѣялись (по крайней мѣрѣ при немъ), къ чувствамъ его относились бережно, Львовъ, пожалуй, даже особенно былъ съ нимъ ласковъ, — но бѣдный Хемницеръ еще не зналъ самаго горькаго обстоятельства: Маша Дьякова жила у отца, значилась въ дѣвушкахъ, но была уже тайно повѣнчана съ Львовымъ.

Семеро друзей сходились часто. Три прелестныя женщины и четыре поэта связаны были любовью, дружбой, бесѣдами объ искусствахъ. Екатерина Яковлевна рисовала силуэты или занималась рукодѣліемъ. Львовъ руководилъ ея искусными вышиваніями. Иногда посѣщали Львова на его дачѣ, близъ Невскаго монастыря, на Охтѣ. Тамъ, въ память прочнаго союза, каждый посадилъ по молодому вязу или по сосенкѣ. Порою мелькала среди этого общества красивая, чернокудрая, не по лѣтамъ высокая дѣвочка. Это была третья изъ сестеръ Дьяковыхъ — Даша. Впрочемъ, ей было всего лѣтъ одиннадцать.

**
*

Въ 1777 году умеръ Сумароковъ. Теперь на вершинахъ россійскаго Парнасса гремѣли дѣйствительный статскій совѣтникъ Херасковъ и кабинетный переводчикъ Василій Петровъ, семинаристъ, имѣвшій честь слыть «карманнымъ ея величества стихотворцемъ», каковымъ прозвищемъ онъ весьма гордился. Оба, однако жъ, были значительно старше Державина: ихъ слава началась еще при Ломоносовѣ.

Но и ближайшіе сверстники Державина не оставались вѣтѣни. Княжнинъ родился въ 1742 г., Богдановичъ въ 1743, Фонвизинъ въ 1744. Отъ каждаго изъ нихъ Державинъ по возрасту разнился не годами, а мѣсяцами. Но Княжнинъ былъ извѣстенъ уже «Дидоной», Богдановичъ написалъ «Душеньку» и пребывалъ «на розахъ», Фонвизинъ прославился «Бригадиромъ», путешествовалъ за границей и дружилъ съ самимъ Никитою Панинымъ. Рядомъ съ ними Державинъ былъ просто никто.

Два стихотворенія, напечатанныя имъ передъ самою пугачевщиной, справедливо прошли незамѣченными. После пугачевщины выдалъ онъ «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». Онѣ были замѣчены только среди поэтической молодежи. Будучи лѣтами гораздо старше, Державинъ оказался литературнымъ сверстникомъ Капниста и Львова.

Онъ смиренно склонялся (передъ авторитетами; они съ авторитетами готовы были бороться. Но, ища новизны и даже отчасти чуя къ ней вѣрный путь, сами они оставались поэтами заурядными. Напротивъ того, Державинъ, стремясь подражать, оказывался непроизвольно оригинальнѣе.

Его познанія были слишкомъ невелики. Онъ пополнял ихъ жадно, но беспорядочно. Съ того дня, какъ онъ вышелъ изъ гимназіи, учиться ему было некогда; къ тому же онъ не умѣлъ учиться. «Читалагайскія оды» были чудесной побѣдой генія надъ безграмотностью. Свой собственный стихъ Державинъ обрѣлъ, имѣя весьма спутанныя понятія о стихахъ вообще, не зная простѣйшихъ правилъ, которыя для Капниста и Львова были дѣтскою азбукой. Державинъ дѣлалъ ошибки въ размѣрѣ, въ рифмѣ, въ цезурѣ, даже въ языкѣ: самые неотесанные провинциализмы уживались у него рядомъ съ явными германизмами (нѣмецкій языкъ былъ для него языкомъ поэзіи).

Его неопытность была очевидна Капнисту и Львову, но они, можетъ быть, почувяли, что Державинъ превосходитъ ихъ дарованіемъ. Въ общемъ же считали его себе ровней, видѣли въ немъ возможнаго соратника и старались просвѣтить въ духѣ новыхъ вѣяній. Эти новыя вѣянія были не слишкомъ ясны имъ самимъ, но они читались Горациемъ и находили великія откровенія въ теоріи Батте. Теперь мы можемъ сказать, что то были первыя, остро переживаемыя, но смутно осознанныя влеченія къ

реализму, которымъ силою вещей пора было зародиться въ русской поэзіи. Этимъ влеченіямъ предстояла долгая и славная жизнь, но тогда, при первомъ своемъ зарожденіи, они выражались въ попыткахъ замѣнить условности ломоносовской школы новыми условностями, представлявшими, однако же, нѣкій шагъ впередъ.

Впослѣдствіи Державину казалось, будто именно въ это время, подъ вліяніемъ Львова, Капниста и Хемницера, въ его поэзіи совершился глубокой переломъ. Въ дѣйствительности такого перелома не было. Учителя неопытные и сами себѣ не вполне уяснявшіе сущность своего ученія, Львовъ и Капнистъ не столько внушили Державину новыя поэтическія идеи, сколько попросту исправляли его просодическія и стилистическія ошибки, не умѣя, однако, дать въ руки ученику вѣрные способы избѣжать такихъ же ошибокъ въ будущемъ. Особенно тутъ старался Львовъ, чинившій державинскіе стихи съ тою же дружеской хлопотливостью, съ какой онъ устраивалъ служебныя дѣла Хемницера и Капниста.

Въ глубинѣ же державинской поэзіи происходило медленное и закономерное развитіе. Дѣйствительно, оно кое въ чемъ совпадало съ чаяніями Капниста и Львова: тутъ чуть ихъ не обмануло, Державинъ былъ ихъ естественнымъ соратникомъ. Но это развитіе протекало самостоятельнымъ, чѣмъ казалось самому Державину. Послѣ Читалагайскихъ одъ, написанныхъ до литературной встрѣчи съ Капнистомъ и Львовымъ, слѣдующій важный этапъ его поэзіи составили стихи на смерть Мещерскаго. Но какъ разъ они-то и связаны всего непосредственнѣй съ тѣми же Читалагайскими одами.

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами Смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, съчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдъ червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ Время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна Смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
 Въ которую стремглавъ свалимся;
 Приемлемъ съ жизнью смерть свою;
 На то, чтобъ умереть, родимся;
 Безъ жалости все Смерть разить:
 И звѣзды ею сокрушатся,
 И солнцы ею потушатся,
 И всѣмъ мірамъ она грозить.

.....
 Смерть, трепеть естества и страхъ!
 Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
 Сегодня богъ, а завтра прахъ;
 Сегодня льститъ надежда лестна,
 А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
 Едва часы протечь успѣли,
 Хаоса въ бездну улетѣли,
 И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ...

Гдѣ только ни искали источниковъ, изъ которыхъ по-
 черпнуть, будто бы, отдѣльныя частности и сама мысль
 этихъ стиховъ! И у Горация, и у Геллера, и у Петрова, и въ
 Библии... Не обратили вниманія лишь на то, что и мысль
 и всѣ замѣченные параллельныя мѣста (и еще рядъ не-
 замѣченныхъ) имѣются гораздо ближе: въ той изъ Чита-
 лагайскихъ одъ, которая переведена изъ Фридриха и на-
 зывается «Жизнь есть сонъ»: «О Мовтерпій, дражайшій.
 Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь! Лишь только ты
 родился, уже рокъ того дня влечетъ тебя къ разрушаю-
 щей ночи...» Много мыслей и образовъ перенесено изъ
 оды Фридриха въ оду на смерть Мещерскаго, — вплоть
 до знаменитаго обращенія къ Перфильеву:

Сей день иль завтра умереть,
 Перфильевъ! должно намъ конечно, —

навѣяннаго обращеніемъ Фридриха къ Мовтерпію *).

*) Который есть не кто иной, какъ французскій ученый Мопе-
 тьюи. Эта забавная ошибка произошла отъ необразованности и гор-
 ливости Державина. Французское Maupertuis онъ прочелъ на лати-
 ской ладъ да еще по разсѣянности переставилъ буквы: получилъ
 Mauterpius, превратившійся по-русски въ Мовтерпія. Этому легенди-
 ному лицу суждено было на многіе годы стать спутникомъ самыхъ
 мрачныхъ раздумій Державина.

Между Читалагайскими одами и «Одой на смерть кн. Мещерскаго» нѣтъ скачка; есть лишь огромное поэтическое развитие, которое становится особенно замѣтно именно потому, что такъ очевидна связь между ними. Въ стихахъ, родственныхъ стиху Читалагайскихъ одъ, но несравненно болѣе совершенныхъ, Державинъ говоритъ о владычествѣ смерти. Въ этомъ слѣдуетъ онъ за Фридрихомъ, но превосходить его. Державинская ода короче и сильнѣе. Въ ней каждое слово бьетъ прямо въ цѣль. Такой лапидарности и точности Державинъ, быть можетъ, не достигалъ уже никогда впослѣдствіи. Уже самая постановка темы замѣчательна. Державинъ не разсуждаетъ, какъ Фридрихъ, но развертываетъ свою тему на конкретномъ примѣрѣ, который, однако же, избранъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ода не оказалась слишкомъ прикрѣплена къ случаю.

Мещерскій не былъ человѣкомъ выдающимся. Въ его лицѣ Державинъ не оплакиваетъ ни героя, ни прерваннаго поприща, ни кѣмъ-либо понесенной утраты. Мещерскій — просто богачъ, «сынъ роскоши, прохлады и нѣгъ», ничего больше. Въ его жизни представлена сама сладость жизни. Чѣмъ чувственнѣй и обильнѣй житейскія блага, отъ коихъ его похищаетъ смерть, тѣмъ разительнѣй выступаетъ предметъ всей оды. Картина еще усилена внезапностью смерти. «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ»: невозможно сказать общіе и въ то же время конкретнѣе; короче — и въ то же время сильнѣе.

Державинъ не былъ другомъ Мещерскаго, былъ просто знакомымъ. Ходилъ слухъ, будто во времена пугачевщины онъ вѣшалъ людей «болѣе изъ поэтического любопытства, нежели изъ настоящей необходимости». Это не вѣрно. Но вѣрно то, что съ самой читалагайской поры размышленія о смерти стали для него притягательны. Онъ охотно имъ предавался — среди счастья и довольства въ особенности. Есть нѣкое поэтическое сладострастіе въ томъ, какъ здоровый, благополучный, окруженный друзьями, любимый и любящій Державинъ созерцаетъ смерть Мещерскаго и по поводу нея философствуетъ. Четыре года онъ тайлъ и вынашивалъ эти мрачные образы, выжидая лишь послѣдняго толчка, подходящаго случая, чтобы придать имъ форму и съ творческимъ наслажденіемъ выбросить изъ себя. Такимъ случаемъ была смерть Мещер-

скаго. Рѣзкіе жизненные контрасты прельщали Державина такъ же, какъ рѣзкія столкновенія словъ и образовъ. Эти стихи о скоротечности жизни и ложности счастья писалъ онъ какъ разъ въ тѣ дни, когда твердо вѣрилъ въ свое счастливое будущее. Это вѣрованіе прорвалось наружу: не даромъ въ одной изъ заключительныхъ строфъ онъ сказалъ о самомъ себѣ: «Зоветь, я слышу, славы шумъ». То было первое изъ числа пророчествъ, которыхъ впоследствии онъ находилъ много въ своихъ стихахъ и которыми столь гордился.

**
*

Тогда всѣ поэты служили — званіе писателя не существовало. Общественное значеніе литературы уже признавалось, но на занятіе литературой смотрѣли, какъ на частное дѣло, а не общественное. Что касается Державина, то въ его понятіяхъ поэзія и служба были связаны особеннымъ образомъ.

Онъ, конечно, не думалъ, что чинъ или орденъ могутъ прибавить достоинства его стихамъ; равнымъ образомъ не смотрѣлъ онъ и на стихи, какъ на способъ для добыванія орденовъ и чиновъ; это пошлое представленіе пора забыть. Дѣло обстоило иначе, гораздо серьезнѣе и достойнѣе. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда Державинъ достигъ довольно замѣтнаго положенія въ службѣ и сталъ выдвигаться въ литературѣ, поэзія и служба сдѣлались для него какъ бы двумя поприщами единого гражданскаго подвига.

Поѣздка по Волгѣ, предпринятая Екатериной въ 1767 году, подтвердила ея неутѣшительныя мысли о внутреннемъ положеніи Россіи. Случаю было угодно, чтобы эти печальныя наблюденія были сдѣланы въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прошло горькое дѣтство Державина и невеселая его юность. Угнетеніе, произволъ, безправье, безсудье — вотъ что увидѣла государыня во глубинѣ страны. То, что ей было показано лишь издали и отчасти, Державину было давно вѣдомо безо всякихъ прикрасъ по личному опыту и по опыту его близкихъ. Врожденная бѣдность, несмотря на дворянское званіе, рано приблизила его къ простому народу, и память объ этой близости никогда въ немъ не угасала: жила въ воспоминаніяхъ объ избитомъ

отца, о челобитчицѣ-матери, плачущей у приказныхъ дверей, о собственномъ сиротствѣ, о грубостяхъ и обидахъ солдатчины; жила эта память и въ складѣ его ума, отчасти мужицкаго, и въ чертахъ житейскаго обихода, и въ его отношеніи къ собственнымъ крѣпостнымъ, и, наконецъ — въ самомъ языкѣ его.

На усмиреніе пугачевщины Державинъ отправился по карьернымъ соображеніямъ; онъ и усмирялъ ее со всеусердіемъ — по тѣмъ же соображеніямъ, и по долгу присяги, и потому, что Емельянь Пугачевъ былъ въ его глазахъ жестокимъ и грязнымъ обманщикомъ. Но вотъ что весьма замѣчательно: не въ личности Пугачева, конечно, но въ пугачевщинѣ, какъ движеніи народномъ, онъ очень скоро почувялъ если не правду, то все же логику. Понялъ, что возмущеніе имѣетъ свои причины и оправданія. Слѣдъ этихъ раздумій — въ его письмѣ къ казанскому губернатору Бранту отъ 4 июня 1774 г.: «Доложить вашему высокопревосходительству имѣю: надлежитъ искоренить взятки. Говорить о истребленіи заразы сей потому я за должное себѣ поставляю, что разліяніе оной наиболѣе всего, по моимъ мыслямъ, пособствуетъ злу, терзающему наше отечество». Но это лишь слѣдъ, лишь то, что Державинъ по своему положенію могъ сказать къ слову и въ официальной бумагѣ. Мысли его шли дальше. Это видно изъ того отношенія, которое въ пору пугачевщины стало у него складываться къ самодержавной власти и къ личности самодержца.

Уже въ раннихъ (очень слабыхъ) стихахъ Державина, посвященныхъ Екатеринѣ, находимъ многословныя разсужденія о ея заслугахъ и общественныхъ добродѣтеляхъ. Однако жъ, авторъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что эти заслуги суть основаніе и оправданіе ея власти. Державину съ малыхъ лѣтъ была внушена идея о святости самодержавія, о его происхожденіи свыше. Въ глазахъ молодого Державина помазанникъ правъ и великъ уже въ силу своего помазанія. (Разумѣется, очень хорошо, если при томъ имѣются за нимъ и заслуги).

Послѣ пугачевщины у него отъ этихъ возрѣній ничего не осталось. Насколько повліяла тутъ пугачевщина, рѣшить невозможно, у насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ. Но въ самомъ фактѣ сомнѣнія быть не можетъ: уже въ пору писанія Читалагайскихъ одъ Державинъ такъ или иначе разстался съ идеей о божественномъ происхожденіи царской

власти. Помазаніе и титуль перестали для него значить что бы то ни было. Отнынѣ въ его глазахъ «пышность одеждъ» равняетъ царей не только съ богами, но и съ куклами. Императорская порфира не мѣшаетъ ея носителю падать и еще ниже:

Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?

Два года спустя, въ «Эпистолѣ И. И. Шувалову» мысль эта повторена:

О! жалкій полубогъ, кто тщетно носить санъ:
Предъ трономъ онъ ничто, на тронѣ истуканъ.

Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Державинъ не признаетъ царской власти. Онъ только ищетъ для нея иной источникъ и иную опору. Вотъ отрицательная формула, изъ которой, однако жъ, легко вывести и положительную:

Пускай въ подсолнечную трубить
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда народъ кого не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ.

Это неуклюже, но ясно. Это значить, во-первыхъ, что властитель, не опирающийся на народную любовь, въ сущности безвластенъ. Во-вторыхъ, что онъ и не царь, а тиранъ, захватчикъ власти, котораго можно согнать съ престола, не совершая никакого святотатства. Слѣдовательно, царя отъ тирана отличаетъ не помазаніе, а любовь народа. Только эта любовь и есть истинное помазаніе. Такимъ образомъ, не только опорой, но и самымъ источникомъ царской власти становится народъ. Эта мысль не вяжется съ укоренившимися представленіями о Державинѣ. Однако жъ, она не случайно, не въ «поэтическомъ жару» высказана; Державинъ постоянно къ ней возвращается, она отнынѣ лежитъ въ основѣ его воззрѣній, и безъ нея понять Державина невозможно.

Подъ словомъ народъ онъ склоненъ былъ разумѣть всю націю, и это ему удавалось, пока шла рѣчь о дѣлахъ военныхъ или дипломатическихъ, пока русскій народъ противопоставлялся какому-нибудь иному. Но лишь только взоръ Державина обращался во глубину страны, непосредственное чувство тотчасъ побуждало его звать на-

родомъ лишь обездоленную, безправную часть націи. Дѣло однако шло вовсе не объ одномъ крестьянствѣ: бѣдный дворянинъ, вотще ищущій суда и управы на богатаго сосѣда, или мелкій чиновникъ, прижимаемый крупнымъ, въ глазахъ Державина были такими же представителями народа, какъ и крестьянинъ, страждущій отъ произвола помѣщичьяго. Словомъ, такъ выходило, что кто страдаетъ, тотъ и принадлежитъ къ народу; царь же народный — защита и покровъ всего слабаго и угнетаемаго отъ всего сильнаго и угнетающаго.

На Екатерину Державинъ взиралъ съ благоговѣніемъ. Онъ ожидалъ, что именно ей дано стать такой народной монархиней, «радостію сердець», способною облегчить народную долю, защитить слабыхъ, укротить сильныхъ, утереть слезы вдовъ и сиротъ, Эти надежды казались ему тѣмъ болѣе основательными, что первые уроки вольнодумства были даны ему самой жизнью, а вторые, болѣе систематическіе, онъ извлекъ изъ екатерининскаго Наказа, этого собранія самыхъ передовыхъ, самыхъ гуманныхъ и либеральныхъ идей, дотогѣ высказанныхъ въ Россіи (да и не только въ Россіи: не даромъ распространеніе Наказа было воспрещено во Франціи). Екатерина была его наставницей: уже въ Читалагайскихъ одахъ онъ дѣлаетъ прямыя заимствованія изъ Наказа. Больше того: Наказъ и созывъ Комиссіи по составленію проекта новаго уложенія одушевили Державина главною мыслью, которой суждено было стать основаніемъ его поэтическаго и служебнаго пафоса.

Послѣ того, какъ существующее законодательство было съ высоты трона объявлено несовершеннымъ и не ограждающимъ народа отъ произвола и кривотолка; послѣ того, какъ отсутствіе законности было признано первымъ зломъ русской жизни; послѣ того, какъ законопослушаніе было названо основной добродѣтелью не только подданнаго, но и монарха, — у Державина, можно сказать открылись глаза. Простое слово **Законъ** въ русскомъ тогдашнемъ воздухѣ прозвучало, какъ откровеніе. Для Державина оно сдѣлалось источникомъ самыхъ высокихъ и чистыхъ чувствъ, предметомъ сердечнаго умиленія. **Законъ** сталъ какъ бы новой его религіей, въ его поэзіи слово **Законъ**, какъ Богъ, стало окружено любовью и страхомъ.

Наказъ, между тѣмъ, давно лежалъ подъ сукномъ, а Комиссія была распущена. Это не смущало Державина.

Екатерина въ его глазахъ была навсегда озарена сіяніемъ Наказа. Упрямый и прямолинейный, онъ въ воображеніи своемъ надѣлялъ и ее этими двумя свойствами, которыхъ въ ней какъ разъ не было. Тѣхъ сложныхъ политическихъ и личныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ протекала жизнь государыни и которыя постепенно вводили ее отъ возвышенныхъ предначертаній Наказа, онъ отчасти не зналъ, отчасти не хотѣлъ знать. Весьма рационалистически лишивъ монархію религіознаго ореола, онъ въ цѣлости перенесъ этотъ ореолъ на голову данной монархини. Его поэтическій гиперболизмъ превращался тутъ въ политическій. Екатерина въ его глазахъ сдѣлалась обладательницей гражданскихъ, то есть вполнѣ человѣческихъ добродѣтелей, но въ полнотѣ и степени уже не человѣческой, титанической. Онъ допускалъ, что на ея пути могутъ встрѣтятся и препятствія, и несчастія, но, съ безжалостной требовательностью обожателя, готовъ былъ имъ радоваться:

Услыште всѣ земны владыки
И всѣ державныя главы!
Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надлѣжитъ зло претерть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ небесъ не устрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богиню онъ хотѣлъ окружить жрецами, ея достойными. Онъ видѣлъ пороки и происки вельможъ. Ему представлялся выборъ: бичевать порокъ или поощрять добродѣтель. Онъ не хотѣлъ вовсе отказаться отъ перваго, но избралъ преимущественно второе: вотъ почему онъ не сталъ сатирикомъ. Изображеніе добра представлялось ему болѣе плодотворнымъ, нежели обличеніе зла. Онъ старался создать образецъ вельможи добродѣтельнаго, великодушнаго, безкорыстнаго, пекущагося о народномъ благѣ:

Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю,
Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю...

«Другъ царскій и народный» — вотъ, по его опредѣленію, истинный вельможа. Такими видѣлись ему Бибииковъ,

И. И. Шуваловъ. Такимъ онъ желалъ стать и самъ. Тутъ, именно въ этой точкѣ, поэтическая дѣятельность соприкасалась у него со служебной. По его мнѣнію, слова поэта должны быть имъ же претворены въ дѣла. Обожатель Екатерины мечталъ быть ея вѣрнымъ сподвижникомъ, поклонникъ Закона хотѣлъ стать его неколебимымъ блюстителемъ.

**

Въ 1779 году зданіе Сената перестраивалось. Державинъ, по должности экзекутора, наблюдалъ за работами. Между прочимъ, зала общаго собранія была украшена новыми барельефами, изваянными Рашетомъ. По окончанія работъ Вяземскій вздумалъ осмотрѣть залу. На одномъ изъ барельефовъ представленъ былъ храмъ Правосудія; императрица, въ образъ Россійской Минервы, вводила въ него Истину, Человѣколюбіе и Совѣсть. Поглядѣвъ на обнаженную фигуру Истины, Вяземскій сдѣлалъ кислое лицо и обратился къ Державину:

— Вели ее, братецъ, нѣсколько прикрыть.

Можетъ быть, онъ не намѣревался придать этимъ словамъ аллегорической смыслъ, но для Державина они прозвучали именно такъ. Чѣмъ ближе знакомился онъ съ дѣлами, тѣмъ видѣлъ яснѣе, что «стали отчасу болѣе прикрывать правду въ правительствѣ». Кос-какія продѣлки генераль-прокурора онъ уже примѣтилъ. Въ слѣдующемъ году между нимъ и начальникомъ впервые пробѣжала черная кошка.

Только что были учреждены экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Онъ находились въ вѣдѣніи генераль-прокурора. Державинъ былъ назначенъ однимъ изъ совѣтниковъ экспедиціи доходовъ, и это поставило его въ непосредственную служебную близость къ Вяземскому. Для начала надобно было составить «начертаніе» о кругѣ дѣйствій и объ обязанностяхъ экспедицій. Случилось такъ, что тѣ, кому надлежало бы этимъ заняться (въ томъ числѣ Храповицкій), — уклонились, и Вяземскій съ неохотою поручилъ дѣло Державину, хотя почиталъ его не довольно опытнымъ. Послѣднее было справедливо. Самъ Державинъ не безъ отчаянія принялся за работу, постановивъ однако же лицомъ въ грязь не ударить. Онъ заперся у себя и не велѣлъ никого принимать.

«Поелику ему была дика и непонятна почти матерія, то мараль, перемѣняя и наконецъ черезъ двѣ недѣли составилъ кое-какъ цѣлую книгу безъ всякой посторонней помощи». На общемъ собраніи экспедиціи, когда читался державинскій трудъ, Вяземскій всячески придирался, но все же вынужденъ былъ представить «начертаніе» государынѣ; оно было подтверждено и вошло въ Полное Собраніе Законовъ (XXI, 15.120).

Конечно, Державинъ былъ весьма гордъ: безъ знаний, безъ подготовки удалось ему выполнить порученіе важное и отвѣтственное. Онъ ждалъ награды — и не получилъ. Даже такъ выходило, что его трудъ едва ли не пытались приписать Храповицкому. Обиженный Державинъ повѣдалъ горе пріятелю своему Львову; Львовъ былъ, что называется, правой рукой Безбородки, тогда состоявшаго однимъ изъ секретарей государыни. Державинъ черезъ голову Вяземскаго былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Понятно, какую досаду вызвало это въ генераль-прокурорѣ, тѣмъ болѣе, что Безбородко былъ въ числѣ его недруговъ. Онъ все же старался скрыть раздраженіе: пріязнь между семействами Вяземскихъ и Державиныхъ еще поддерживались, княгиня очень любила Екатерину Яковлевну.

Насталъ, однако же, день, имѣвшій рѣшительное вліяніе не только на отношенія Державина съ генераль-прокуроромъ, но и на всю его жизнь.

То было въ концѣ мая, въ 1883 году. Державинъ обѣдалъ у Вяземскихъ. Онъ былъ не въ духѣ: съ часу на часъ должно было рѣшиться одно дѣло, исходъ котораго тревожилъ его уже нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ послѣ обѣда, часу въ девятомъ, вызываютъ его въ переднюю; тамъ стоитъ почталіонъ съ пакетомъ; на пакетѣ странная надпись: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны мурзѣ Державину», — а внутри осыпанная брилліантами золотая табакерка съ пятью стами червонцевъ.

Державинъ тотчасъ догадался, что это и есть рѣшеніе его участи. «Но не могъ и не долженъ былъ принять это тайно, не объявивъ начальнику, чтобы не подать подозрѣнія во взяткахъ: а для того, подошедъ къ нему, показаль».

— Что за подарки отъ киргизцевъ? — гнѣвно проворчалъ было генераль-прокуроръ. Но осмотрѣвъ табакерку, онъ тоже все понялъ: посылка была отъ императрицы.

— Хорошо, братецъ, вижу и поздравляю, — сказалъ Вяземскій. — Возьми, коди жалуютъ.

При этомъ постарался онъ улыбнуться, но улыбка вышла язвительная...

«Оду къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ» Державинъ написалъ еще въ прошломъ году, но ея вольный тонъ и насмѣшливые намеки на сильнѣйшихъ вельможъ — даже на Потемкина — показались опасны самому автору. Львовъ и Капнистъ были того же мнѣнія. Рѣшено было оду прятать, но пронырливый Козодавлевъ, живя съ Державинимъ въ одномъ домѣ, однажды увидѣлъ ее на столѣ, прочелъ нѣсколько строкъ и упросилъ показать полностью. Потомъ, подъ страшными клятвами, взявъ списать для нѣкоей госпожи Пушкиной, любительницы поэзіи, а черезъ нѣсколько дней ода уже очутилась у И. И. Шувалова, — разумѣется, по секрету. Шуваловъ, въ застольной бесѣдѣ прочелъ ее нѣсколькимъ господамъ — опять-таки по секрету. Они по секрету пересказали ее Потемкину — Потемкинъ ее затребовалъ отъ Шувалова. Тотъ въ страхѣ вызвалъ Державина и спросилъ, какъ быть: посылать цѣликомъ или выбросить строфы, относящіяся къ Потемкину? Постановили послать цѣликомъ, чтобы не возбуждать лишнихъ подозрѣній. Тутъ только узналъ Державинъ, какую огласку получили его стихи. Онъ поѣхалъ домой «съ крайнимъ прискорбіемъ». Все это могло кончиться для него плохо.

Нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ онъ послѣдствій и томился неизвѣстностію. Межъ тѣмъ къ веснѣ 1883 года кн. Дашкова, будучи директоромъ академіи наукъ, задумала издавать журналъ. Козодавлевъ въ ту пору при ней состоялъ совѣтникомъ. Опять ничего не сказавъ Державину, онъ принесъ Дашковой «Фелицу» — и 20 мая, въ субботу, ода внезапно появилась въ первой книжкѣ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». Теперь она должна была дойти до императрицы; Державинъ жилъ въ страшномъ волненіи, не зная, чего ожидать. Въ день обѣда у Вяземскихъ приходъ почталіона разрѣшилъ все, — страхи смѣнились великой радостью.

Къ тому, что писали о ней въ стихахъ и въ прозѣ, Екатерина была любопытна. Прежнія похвалы Державина, въ сущности болѣе громкія и глубокія, нежели тѣ, которыя заключались въ «Фелицѣ», она, вѣроятно, тоже читала. Но онѣ даже не запомнились — потонули въ хорѣ при-

вѣчной лести. А надъ «Фелицей» она нѣсколько разъ принималась плакать. «Какъ дура, плачу», сказала Дашковой. Почему же она была такъ растрогана?

Она не слишкомъ любила стихи, не много въ нихъ понимала и самаго вещества поэзіи не чувствовала. Вопросы чистой поэзіи не занимали ее. При всей любви къ литературнымъ упражненіямъ, она не умѣла составить ни одного стиха и сама въ томъ признавалась; даже легонькіе куплеты для своихъ комедій заказывала другимъ. Чѣмъ выше парило стихотвореніе, чѣмъ было высокопарнѣе (вернемъ этому слову его прекрасный первоначальный смыслъ), тѣмъ слабѣе оно доходило до ея слуха, тѣмъ менѣе было способно затронуть въ ней чувства.

«Фелица» должна была прійтись ей по вкусу и пониманію — именно тѣми особыми свойствами, которыя снижали это произведеніе, какъ собственно оду: своей сатирической стороной, своимъ легкимъ, шутливымъ тономъ, своимъ бытовымъ, приближеннымъ къ обыденности матеріаломъ, наконецъ — самимъ слогомъ, который Державинъ такъ мѣтко назвалъ «забавнымъ», съ его «низкимъ» словаремъ и обильными заимствованіями изъ повседневной рѣчи. Эти же качества вызвали бурный успѣхъ «Фелицы» и у большинства тогдашнихъ читателей (въ томъ числѣ у многихъ стихотворцевъ), и у потомства. Не должно, однако, смотрѣть на «Фелицу», какъ на преобразование оды. На самомъ дѣлѣ то было не преобразование, а разрушеніе. Конечно, значеніе «Фелицы» въ исторіи русской литературы огромно: съ нея (или почти съ нея) пошелъ русскій реалистическій жанръ, этимъ она способствовала даже развитію русскаго романа; но ода, какъ таковая, въ ней не преобразована, потому что она сама переставала уже быть одой: до такой степени въ ней нарушена одическая традиція русско-французскаго классицизма.

Но вернемся къ Екатеринѣ. Конечно, не литературными свойствами «Фелицы» были вызваны ея слезы; эти литературныя свойства только открыли императрицѣ доступъ къ пониманію оды, сняли печать со слуха.

Чувствительность не была ей чужда; знавала она и сильныя увлеченія; случалось, что приступы горя или гнѣва овладѣвали ею; но при всемъ томъ здравый смыслъ покидалъ ее развѣ лишь на мгновенія. Въ частности, она очень трезво и просто смотрѣла на собственную особу. Дальше всего она была отъ того, чтобы считать себя ка-

кимъ-нибудь сверхестественнымъ существомъ. Когда ее изображали богиней, она принимала это, какъ должное, но не узнавала себя въ этихъ изображеніяхъ. Шлемъ Минервы былъ ей великъ, одежды Фелицы прилисли какъ разъ въ пору. Державинъ думалъ, что внѣшняя шутиливость тутъ искупается внутреннимъ благоговѣніемъ. Въ глазахъ же Екатерины это было какъ разъ такое изображеніе, которому она могла, наконецъ, повѣрить. То, что казалось Державину почти дерзостью съ его стороны, нечаянно обернулось лестью, проникшей Екатеринѣ въ самое сердце. Въ «Фелицѣ» она увидала себя прекрасной, добродѣтельной, мудрой, но и прекрасной, и мудрой, и добродѣтельной въ предѣлахъ, человѣку доступныхъ. А сколько вниманія было проявлено авторомъ не только къ ея государственнымъ трудамъ, но и просто къ привычкамъ, обычаямъ, склонностямъ, сколько подмѣчено вѣрныхъ и простыхъ чертъ, даже обиходныхъ мелочей и пристрастій! Словомъ, при всей идеальности, портретъ и на самомъ дѣлѣ былъ очень схожъ. Екатерина считала, что безымянный авторъ разгадалъ ее всю — отъ большихъ добродѣтелей до маленькихъ слабостей. «Кто бы меня такъ хорошо зналъ?» въ слезахъ спрашивала она у Дашковой.

Даже такая, въ сущности, мелочь, какъ выгодное сравненіе съ окружающими вельможами, доставила ей удовольствіе. Это сравненіе было вполнѣ въ ся духъ: она не хотѣла быть выше сравненій. Она довольно суетливо принялась разсылать оттиски «Фелицы» Потемкину, Панину, Орлову — всѣмъ, кто задѣтъ былъ авторомъ: императрица и самодержица всероссійская любила разыгрывать съ приближенными забавные witz'ы въ духъ добраго, стараго ангалтъ-цербстскаго захолустья. Табакерка съ червонцами, посланная «мурзѣ Державину» отъ имени киргизской царевны, конечно, принадлежала сюда же. Но она разомъ ставила Державина очень высоко, какъ бы вводила его въ кругъ людей, съ которыми императрица шутиль.

Въ тотъ майскій вечеръ, съ табакеркой Фелицы въ карманѣ, Державинъ уходилъ отъ Вяземскаго новою знаменитостью. Послѣдующіе дни принесли ему такую шумную литературную славу, какой Россія до тѣхъ поръ не видывала. Въ поэтическомъ отношеніи эта слава была бы справедливѣе, если бы послѣдовала тотчасъ за стихами

на смерть Мещерскаго. Но были общественныя причины ей прійти именно теперь. Духъ «Фелицы» сталъ духомъ «Собесѣдника». Журналъ сдѣлался прибѣжищемъ смѣлой общественной критики. Похвалы Екатеринѣ въ немъ сочетались съ острой полемикой по поводу такихъ предметовъ, о какихъ прежде молчали. Екатерина собственными писаніями тому способствовала, пока не пришлось ей полемике прекратить, ибо языки развязались слишкомъ.

**

Екатерина любила давать прозвища; Вяземскаго она звала Брюзгой. Былъ онъ человѣкъ желчный. У него не было основаній завидовать Державину, но его раздражало, зачѣмъ отличаютъ Державина не черезъ его посредство. Когда же отличіе выпало за стихи, генераль-прокуроръ вышелъ изъ себя. Послѣ «Фелицы» онъ уже «равнодушно съ новопрославившимся стихотворцемъ говорить не могъ: привязываясь во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу». Слѣдуетъ, впрочемъ, и пожалѣть его: судьба была немилосердна къ этому человѣку, имѣвшему мужество ненавидѣть поэзію открыто: чуть не всѣ его подчиненные были стихотворцами.

Какъ ни упоенъ былъ Державинъ милостію императрицы, онъ по мѣрѣ силъ сдерживался, пока дѣло не шло дальше насмѣшекъ и происковъ, направленныхъ лично противъ него. Съ Вяземскимъ онъ то ссорился, то мирился (мирили по обыкновенію жены). Коса все же нашла нѣ камень, когда задѣты были его гражданскія чувства, его преданность дѣлу и долгу.

Въ 1883 году была закончена послѣдняя такъ называемая ревизія, которая, въ виду увеличенія оброка съ казенныхъ и частновладѣльческихъ крестьянъ, должна была дать государству замѣтное повышеніе доходовъ. Полученныя отъ губернаторовъ вѣдомости объ ожидаемыхъ поступленіяхъ предстояло принять во вниманіе при составленіи доходной таблицы на предстоящій годъ. Вдругъ Вяземскій, ссылаясь на неясность и неполноту этихъ новыхъ вѣдомостей, потребовалъ, чтобы табель составили на основаніи старыхъ. На дѣлѣ это должно было привести къ тому, что доходы будутъ показаны значительно ни-

же тѣхъ, которые поступать въ дѣйствительности. Противъ такой утайки возсталъ Державинъ: онъ не могъ допустить, чтобы государыня была обманута.

Замѣчательно, что поведеніе генераль-прокурора онъ себя объяснялъ довольно еще невинно. Предполагалъ онъ, во-первыхъ, что Вяземскій, воюя за власть съ губернерами, хочетъ подъ нихъ подкопаться, изображая ихъ неридивость; во-вторыхъ же — что Вяземскій, зная расточительность Екатерины, скрываетъ отъ нея часть доходовъ, чтобы въ подходящую минуту, «будто особымъ своимъ изобрѣтеніемъ и радѣніемъ», найти для нея лишнія деньги и тѣмъ выслужиться. Державинъ не зналъ, что сокрытіе доходовъ не Вяземскимъ было придумано и практиковалось еще при Елисаветѣ Петровнѣ генераль-прокуроромъ Глѣбовымъ ради обыкновеннаго воровства. Едва вступивъ на престолъ, Екатерина провѣрила счета и открыла цѣлыхъ двѣнадцать милліоновъ утайки. Вяземскій былъ не доблестнѣй своего предшественника.

Какъ бы то ни было, послѣ тяжелыхъ сценъ съ генераль-прокуроромъ, Державинъ забралъ вѣдомости домой, сказался больнымъ и черезъ двѣ недѣли представилъ собранію экспедиціи новую, свою табель. Сколько ни придирались къ ней, были вынуждены признать, что доходу можно въ крайней мѣрѣ на восемь милліоновъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. «Нельзя изобразить, какая фурія представилась на лицѣ начальника».

Побѣда все-таки обошлась Державину дорого. Дальнѣйшая служба при Вяземскомъ стала невозможна, онъ подалъ въ отставку, и опредѣленіемъ Сената былъ уволенъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Конфирмуя докладъ объ его увольненіи, императрица сказала Безбородкѣ: «Скажите ему, что я его имѣю на замѣчаніи. Пусть теперь отдохнетъ; а какъ надобно будетъ, то я его позову». Всю исторію съ сокрытіемъ доходовъ она знала въ точности. О преслѣдованіяхъ, которымъ Державинъ подвергался со стороны Вяземскаго, Фонвизинъ прозрачно намекалъ на страницахъ «Собесѣдника», и смыслъ этихъ намековъ, конечно, извѣстенъ былъ государынѣ. Но Вяземскій не услышалъ отъ нея ни одного упрека.

Если бъ Державинъ надо всѣмъ этимъ задумался, онъ, можетъ быть, уже теперь понялъ бы то, что ему пришлось понять много позже.

**

*

Быль слухъ, что казанскій губернаторъ уходитъ въ отставку. Державинъ сталъ мѣтить на его мѣсто. Предстояли объ этомъ хлопоты, но Державинъ рѣшилъ напередъ, что поѣдетъ въ Казань при всякомъ исходѣ: либо губернаторомъ, либо просто отдыхать и хозяйствовать года на два. Какъ разъ въ это время мать написала ему, что тяжело больна, не надѣется выжить и просить пріѣхать проститься съ нею. (Шесть лѣтъ они не видались).

Въ февралѣ 1884 г., покуда стоялъ санный путь, Державинъ отправилъ въ Казань весь домашній скарбъ, но самъ съ женою задержался еще въ Петербургѣ. Губернаторство въ общемъ было обѣщано, однако дѣло нужно было подталкивать. И вотъ, посреди хлопотъ, стараній, подчасъ униженій и забѣганій предъ сильными сего міра, стало его тревожить безпокойство вовсе иного рода.

Года четыре тому назадъ, во время пасхальной заутрени въ Зимнемъ дворцѣ, посѣтило его вдохновеніе; пріѣхавъ домой онъ въ горячности положилъ на бумагу первыя строки оды:

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый...

Но порывъ миновался, мышцы душевныя ослабѣли. Отвлекаемый службой и свѣтскими суетами, сколько ни принимался онъ — продолжать не могъ. Про себя постоянно однако же возвращался къ начатой одѣ, въ глубинѣ памяти копилъ мысли и образы, то собственные, то извлеченные изъ чтеній. За четыре года все это въ немъ, наконецъ, дозрѣло и стало проситься наружу. Теперь, на свободѣ, онъ опять взялся за перо, но все-таки суета житейская, городская мѣшала ему. Сердце хотѣло уединенія, онъ рѣшилъ бѣжать. Вдругъ объявилъ женѣ, что ѣдетъ осматривать бѣлорусскія свои земли, въ которыхъ никогда не былъ, хотъ владѣлъ ими семь лѣтъ. Стояла самая распутица, о дальней дорогѣ нечего было думать. Жена

удивилась, но онъ ей не далъ опомниться. Доскакалъ до Нарвы, повозку и слугъ бросилъ на постояломъ дворѣ, снялъ захудалый покойчикъ у старой нѣмки и заперся въ немъ.

Онъ писалъ, пока сонъ не валилъ его на постель, а проснувшись вновь брался за работу. Старуха носила ему пищу. Онъ работалъ въ такомъ же дикомъ уединеніи, въ такомъ же неистовомъ напряженіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, въ какихъ Челлини отливалъ нѣкогда своего Персея. Такъ продолжалось нѣсколько дней.

То была вновь высокая ода. Державинъ самъ съ замираніемъ сердца ощущалъ высоту своего паренія. Образы и слова онъ вновь громоздилъ, точно скалы, и стелкивая звуки, самъ упивался звукомъ ихъ столкновений.

Онъ написалъ не много — около ста строкъ всего. Изъ нихъ не всѣ сдѣланы изъ одинаково драгоцѣннаго матеріала, но всѣ равновѣсны и одинаково наполнены. Въ этихъ стихахъ не трудно узнать автора Читалагайскихъ одъ. Но тамъ все-таки былъ передъ нами отчаянный подмастерье, работавшій наугадъ, знавшій замѣчательныя удачи, но мѣстами лишь портившій матеріалъ; теперь это полный мастеръ. Не трудно узнать въ немъ и лаконическаго автора оды на смерть Мещерскаго. Но теперь его лаконизмъ пересталъ быть порывистъ и угловатъ. Въ «Богѣ» Державинъ привелъ въ движеніе какія-то огромныя массы; столь же огромна сила, на это затраченная, но ни одна частица ея не пропадаетъ даромъ, и надсада, усилія мы нигдѣ не видимъ. Таково на сей разъ его господство надъ матеріаломъ, что съ начала до конца все въ одѣ движется стройно и плавно, несмотря на то, что въ процессѣ работы онъ постепенно отходитъ отъ первоначальнаго замысла. Вдохновеніе владѣеть имъ, но матеріаломъ владѣеть онъ.

Его первую цѣлью было вообразить величество Божіе. Взоръ его устремленъ былъ къ Богу. Но по мѣрѣ того, какъ предметъ ему открывался, его охватывало изумленіе передъ собственною способностью къ подобному постиженію. Смотря на собственное отраженіе въ одѣ, видѣлъ онъ отраженіе Бога въ себѣ самомъ — и все болѣе поражался:

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,

Какъ солнце въ малой каплѣ водѣ.
 Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
 Несытымъ нѣкакимъ летаю
 Всегда паренъсмъ съ высоты;
 Тебя душа моя быть чаеъ,
 Вникаеъ, мыслить, разсуждаеъ:
 Я есмь — конечно есь и Ты!

Ты есь! Природы чинъ вѣщаеъ,
 Гласить мое мнѣ сердце то,
 Меня мой разумъ увѣряеъ:
 Ты есь — и я ужъ не ничто!
 Частица цѣлой я вселенной,
 Поставлень, мнитъся мнѣ, въ почтенной
 Срединѣ естества я той,
 Гдѣ кончили тварей Ты тѣлесныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
 И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.

Съ этого стиха ода Богу стала одой божественному сыновству человѣка:

Я связь міровыхъ повсюду сущихъ,
 Я крайня степень вѣщества,
 Я средоточіе живущихъ,
 Черта начальна Божества.
 Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю,
 Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!
 Но будучи я столь чудесенъ,
 Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ,
 А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
 Твоей премудрости я тварь,
 Источникъ жизни, благъ податель,
 Душа души моей и царь!
 Твоей то правдѣ нужно было,
 Чтобъ смертну бездну преходило
 Мое безсмертно бытіе,
 Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
 И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
 Отецъ! въ безсмертіе твое.

Тутъ охватило его такое упоеніе величайшею гордо-стью и сладчайшимъ смиреніемъ, открытыми челювѣку, такое невыразимое счастье пребыванія въ Богѣ, что далѣе ужъ писать онъ не могъ. Было то уже почью, незадолго до разсвѣта. Силы его покинули, онъ уснулъ и увидѣлъ во снѣ, что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его. Онъ проснулся, и въ самомъ дѣлѣ воображеніе такъ было разгорячено, что казалось ему — вокругъ стѣнъ бѣгаетъ свѣтъ. И онъ заплакалъ — отъ благодарности и любви къ Богу. Онъ зажегъ масляную лампу и написалъ послѣднюю строфу, окончивъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ проливалъ благодарныя слезы за тѣ понятія, которыя были ему даны:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Когда онъ кончилъ, былъ день.

Владиславъ Ходасевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ прошлаго

Освободительное движеніе.

I.

Освободительнымъ движеніемъ въ кавычкахъ называютъ ту работу общественныхъ силъ, которая охватила Россію въ концѣ 19 вѣка и привела къ капитуляціи Самодержавія. Это движеніе развилось подъ лозунгомъ «Долой Самодержавіе». Имъ опредѣлились и начало, и конецъ движенія. Но освободительное движеніе въ кавычкахъ было лишь эпизодомъ того же движенія безъ кавычекъ, т. е. той борьбы за либеральныя начала, за личность, самоуправленіе, законность, которая шла приливами и отливами, но никогда не исчезала въ Россіи. Шестидесятые годы были моментомъ коренного переустройства Россіи на эти хъ началахъ; но реформы этихъ годовъ были совершены въ рамкахъ Самодержавія и имъ самимъ. Реакція Александра III, вызванная больше всего внѣшними успѣхами революціи, начатыхъ реформъ не продолжала. Временная остановка была естественна, но могла быть только временною; дальнѣйшее развитіе предпринятаго дѣла должно было возобновиться. Этого не случилось. Законное нетерпѣніе стало ясно ощущаться въ срединѣ девяностыхъ годовъ. Началось опять оживленіе общества. Но характеръ этого оживленія измѣнился. Ограниченіе Самодержавія, т. е. то, что раньше называлось «увѣнчаніемъ зданія», стало выдвигаться на первый планъ, какъ «предпосылка» для всякой реформы. Мысль, что прогрессъ Россіи возможенъ при Самодержавіи, что нужно поэтому добиваться его «оздоровленія», стала разсматриваться какъ недомысліе или измѣна. Самодержавіе было заклеяно, какъ такое же абсолютное зло подлежащее уничтоженію, какимъ до «великихъ реформъ» было крѣпостничество, а сейчасъ является господство коммунистической партіи. Взглядъ на Самодержавіе сдѣлался

простъ. Оно было Карфагеномъ, который надо было разрушить во всякомъ случаѣ и прежде всего остального.

«Освободительное движеніе» создало эту элементарную психологію. Въ ней была его оригинальность и его сила. Эта простая идея при помощи больше всего самого Самодержавія постепенно завоевала общественное мнѣніе; говорю «завоевала», такъ какъ мое поколѣніе еще заставало въ обществѣ другія настроенія.

Я оставляю въ сторонѣ поклонниковъ установленнаго Александромъ III режима, которые о шестидесятыхъ годахъ говорили съ такимъ же ужасомъ, съ какимъ дѣятели Реставраціи вспоминали о Революціи. Такіе люди въ счетъ не идутъ. Я имѣю въ виду только лицъ преданныхъ либеральнымъ идеямъ, т. е. разнообразныхъ дѣятелей освободительнаго движенія безъ кавычекъ. Если среди нихъ и были конституціоналисты, то и они не надѣялись на скорое осуществленіе своего идеала. Манифестъ 29-го апрѣля 81 года и успѣхъ политики Александра III принесли имъ слишкомъ глубокое разочарованіе. Среди нихъ преобладали другія теченія, которыя хотѣли работать на торжество въ Россіи либеральныхъ началъ, но не вступая въ борьбу съ Самодержавіемъ.

Въ своей молодости мнѣ пришлось застать многихъ красочныхъ представителей этихъ теченій. «Освободительное движеніе» стало третировать ихъ, какъ «отсталыхъ» и «дилетантовъ». Оно нашло и новыхъ вождей и властителей думъ. Политика и историческихъ заслугъ не шадитъ. Но мы теперь стали «исторіей» и можемъ позволить себѣ роскошь объективной оцѣнки.

Помню, напримѣръ, съ какимъ озлобленіемъ въ эпоху «движенія» относились къ славянофильству. Конституціоналисты разоблачали его съ не меньшей страстностью, съ какой коммунисты клеймятъ сейчасъ социаль-демократовъ. Социаль-демократовъ обвиняютъ теперь за «соглашательство» съ буржуазіей. Славянофиловъ винили тогда за соглашательство съ Самодержавіемъ. И само Самодержавіе относилось къ славянофильству не лучше. «Пріятіе» Самодержавія не мѣшало славянофиламъ его политику обличать. Этому Самодержавію имъ не прощало. Такъ было при Николаѣ I, такъ было и позже. Александръ III при вступленіи на престолъ могъ сказать А. Тютчевой нѣсколько лестныхъ словъ по адресу статей ея мужа И. С. Аксакова;

но его политикѣ онъ не послѣдовалъ. Славянофильская же критика для вдохновителей реакціи того времени была даже больнѣе, чѣмъ конституціонные аргументы, точно такъ, какъ для коммунистовъ обличенія социаль-демократовъ теперь чувствительнѣй, чѣмъ негодование легитимистовъ.

Вспоминая позицію славянофиловъ въ разгаръ реакціи восьмидесятихъ годовъ, мнѣ было бы трудно сейчасъ признать, чтобы выпады противъ нихъ «освобожденцевъ» были справедливы по одному тому, что славянофилы конституціи не хотѣли. Конституція, парламентаризмъ — большія идеи, но не панацея. Стремленіе славянофиловъ исправить Самодержавіе было не только почтенно, но тогда могло быть полезно; я не могу отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія можетъ быть потому, что мнѣ въ мои юные годы пришлось хорошо знать одного незауряднаго славянофила.

Нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ по имѣнію и мѣстнымъ мировымъ судьей былъ П. Д. Голохвастовъ, сынъ того Д. П. Голохвастова, близкаго родственника А. И. Герцена, который при Николаѣ I былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа и о личности котораго Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» сообщилъ много ядовитаго. Голохвастовъ жилъ въ Покровскомъ, одномъ изъ дворянскихъ гнѣздъ Московской губерніи, гдѣ не разъ гашивалъ Герценъ. Послѣ смерти П. Д. Голохвастова это имѣніе было куплено С. Т. Морозовымъ. Онъ отремонтировалъ его на современный ладъ, съ проведеніемъ воды, электричества и телефона. Къ слову сказать, тотъ же С. Морозовъ купилъ и полностью уничтожилъ знаменитый домъ И. С. Аксакова на Спиридоновкѣ съ громаднымъ садомъ, въ которомъ въ самомъ центрѣ Москвы можно было слушать весной соловьевъ. На мѣстѣ этого дома былъ построенъ особнякъ-замокъ Морозова; старый садъ былъ вырубленъ, вычищенъ и превращенъ въ англійскій паркъ. Такъ символически прежнее родовое дворянство уступало мѣсто разбогатѣвшей буржуазіи. Въ деревнѣ Савва Морозовъ былъ менѣе радикаленъ; онъ сохранилъ старый каменный домъ и только пристроилъ къ нему новое зданіе, болѣе современнаго стила. Во всемъ хозяйствѣ появился порядокъ. Съ крестьянами было произведено размежеваніе, восстановлены настоящія границы владѣній; все окопано канавами и обнесено межевыми столбами; закрыты само-

вольныя дорожки черезъ барскую землю; но проселки вездѣ замѣнились шоссейной дорогой, на канавахъ и рѣчкахъ были поставлены мосты изъ желѣза, болота осушены, сторожки лѣсныхъ сторожей превращены въ каменные дома съ желѣзными крышами; словомъ, вездѣ проступало цивилизирующее могущество капитала. Прежній заупущенный садъ былъ приведенъ въ образцовый видъ и только въ качествѣ реликвіи сохранена часть стараго каменнаго забора въ одномъ углу этого сада. Съ этого забора, по просьбѣ Ѳ. Родичева, я снялъ фотографію для Общества имени Герцена; заборъ видалъ еще Герцена. Голохвастовы свято чтли память своего отца; у него была извѣстная слабость къ рысистымъ лошадямъ; его гордостью былъ знаменитый «Бычокъ», о которомъ вспоминаетъ и Герценъ. Подлинное стойло «Бычка» съ такой памятной надписью, которую можно сейчасъ увидать на домахъ, гдѣ жили или умерли великіе люди, — сохранялось Голохвастовыми до самой ихъ смерти. На мѣстѣ этой конюшни Морозовъ построилъ другую образцовую, съ послѣднимъ словомъ комфорта, о которомъ въ свое время не снилось «Бычку». П. Д. Голохвастовъ жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи вмѣстѣ со своимъ братомъ Д. Д. Голохвастовымъ, предводителемъ и дѣятелемъ эпохи Александра II, общепризнаннымъ лучшимъ ораторомъ этого времени, сказавшимъ когда-то на московскомъ дворянскомъ собраніи нашумѣвшую рѣчь вольнаго, хотя и чисто дворянскаго содержанія, за что былъ по высочайшему повелѣнію лишенъ предводительства и высланъ въ деревню. Объ удивительномъ краснорѣчьи этого человѣка я потомъ слыхалъ отъ Л. Н. Толстого. Въ то время, которое я помню, онъ былъ уже руиной, разбитымъ параличемъ и совершенно глухимъ. Его возили на коляскѣ и съ нимъ разговаривали лишь по запискамъ. Онъ прошелъ мимо моего наблюденія. Зато его брата П. Д. я помню отлично и онъ былъ самъ интересной фигурой.

Широко образованный по понятіямъ того времени, говорившій свободно на четырехъ языкахъ, исколесившій всѣ европейскія страны, по внѣшности и манерамъ онъ представлялъ истинный типъ европейца. Онъ и въ деревнѣ ходилъ не иначе, какъ въ европейскомъ костюмѣ, съ крахмальнымъ воротничкомъ, охотно разговаривалъ на иностранныхъ нарѣчьяхъ, былъ знатокомъ французскихъ винъ и курилъ только дорогія сигары. Со всѣмъ тѣмъ онъ

былъ однимъ изъ могиканъ славянофильства. Онъ изъѣздилъ Европу только затѣмъ, чтобы придти къ заключенію, что Россія выше всего. Это предпочтеніе сказывалось во всѣхъ мелочахъ. У него была удивительная память на тексты, и на стихи, и на прозу. Онъ любилъ говорить о превосходствѣ русской литературы, цитировать на память баллады Шиллера, а потомъ ихъ же въ переводѣ Жуковского и тонко доказывать, насколько переводъ выше подлинника. Онъ всегда съ радостью отмѣчалъ всякое русское преимущество. Онъ рассказывалъ, какъ ѣздилъ къ Герцену объясняться за несправедливость, которую тотъ допустилъ въ оцѣнкѣ его отца, Д. П. Голохвастова. Онъ увѣрялъ, будто Герценъ это призналъ и передъ нимъ извинился. Но рассказывая объ ихъ разговорѣ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ передавалъ, какъ увлеченный воспоминаніями о Россіи Герценъ сказалъ: «вотъ вамъ крестъ» и уже началъ крестное знаменіе, но, поймавъ себя на такомъ несовременномъ жестѣ и выраженіи, улыбнулся, и, протянувъ ему руку, окончилъ: «вотъ вамъ моя рука: если бы я могъ знать навѣрное, что вернувшись въ Россію буду сосланъ въ Сибирь, но смогу пережить время ссылки и вернуться въ Россію живымъ, даю вамъ слово, что тотчасъ вернулся бы». Голохвастовъ много занимался русской исторіей; писалъ рядъ монографій. У него была полемика съ В. О. Ключевскимъ о древне-русскомъ «кормленіи». Голохвастовъ доказывалъ, что терминъ «кормленіе» происходитъ не отъ слова «кормиться»; мысль, будто верховная власть посылала чиновниковъ «кормиться» отъ населенія ему казалась кощунствомъ надъ русскою старинной. Терминъ «кормленіе» онъ выводилъ отъ корня «корма», «кормчій», что значило — управленіе. Власть посылала не «кормиться», а «управлять». Въ полемикѣ съ Голохвастовымъ, Ключевскій былъ очень рѣзокъ по его адресу. Судьба ихъ свела потомъ въ нашемъ домѣ; не знаю, была ли встрѣча пріятна обоимъ, но они скоро разговорились, увлеклись и заспорили. Цѣлый вечеръ препирались о значеніи слова «бобыль». Но Голохвастовъ не только занимался исторіей. Однажды онъ чуть не сдѣлалъ большого политическаго дѣла въ Россіи. Я мальчикомъ присутствовалъ при его разсказѣ о несостоявшемся Земскомъ Соборѣ 82 г., который былъ затѣянъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьевымъ, за что онъ и долженъ былъ выйти въ отставку. По словамъ Голохвастова идея Земскаго Со-

бора принадлежала ему. Я былъ тогда слишкомъ малъ, чтобы понять интересъ этого разсказа. Но не разъ его вспоминалъ, когда въ оглашенныхъ въ послѣднее время документахъ сталъ встрѣчать упоминанія о роли П. Голохвастова въ этой попыткѣ.

Возстановливая въ памяти фигуру этого Голохвастова, я не могъ бы сейчасъ зачислить его въ число простыхъ ретроградовъ. Этотъ взглядъ слишкомъ упрощенъ. Въ 82 г. Голохвастовъ чуть не устроилъ Земскаго Собора въ Россіи; онъ постоянно негодовалъ на стѣсненія совѣсти, слова и печати; былъ между прочимъ по религіознымъ мотивамъ непримиримымъ противникомъ смертной казни. При добрыхъ личныхъ отношеніяхъ съ правящими сферами, въ частности съ Побѣдоносцевымъ, онъ возмущался ихъ политической линіей, считая, что она губить монархію. Припоминаю его отзывъ о реформѣ 89 г., о земскихъ начальникахъ. Его утѣшала только вѣра въ благородство русской души, которую не надо смѣшивать съ модной *âme slave*. Въ Европѣ, говорилъ онъ, земскіе начальники просто возстановили бы крѣпостное право; у насъ они будутъ стараться принести посильную пользу крестьянамъ, но принесутъ только вредъ. Такая оцѣнка этой главной реформы Александра III сближала Голохвастова съ либерализмомъ; но горячо порицая политику Александра III, Голохвастовъ оставался убѣжденнымъ сторонникомъ Самодержавія. Онъ считалъ конституціонный порядокъ гибелью для Россіи и началомъ развращенія общества. Онъ осуждалъ русскихъ либераловъ, самыхъ честныхъ его представителей, вродѣ Арсеньева, Стасюлевича. «Вѣстникъ Европы» съ его европейскими взглядами былъ, по его выраженію, только помоями, которыя съ корабля выливаютъ на море. Это — грязь, но грязь лишь наносная; подъ нею чистое народное море, которое этой грязью не замутишь.

Когда я былъ студентомъ, мнѣ часто приходилось разговаривать съ Голохвастовымъ; и тогда я становился втуликъ передъ вопросомъ, куда его отнести; къ реакціи или къ прогрессу? Правда, онъ былъ поклонникомъ Самодержавія и это казалось большимъ недостаткомъ; но Самодержавію онъ поклонялся лишь потому, что одно Самодержавіе, по его мнѣнію, было способно служить народу «дѣйственно» и «безкорыстно». Такой мотивъ съ Голохвастовымъ примирялъ. Къ тому же Голохвастовъ не прини-

малъ Самодержавія безъ самоуправленія. Онъ любилъ напоминать, что и мѣстное самоуправленіе и общерусскій Земскій Соборъ впервые расцвѣли именно при такомъ идеалистѣ Самодержавія, какимъ былъ Иванъ Грозный. Голохвастовъ мистически вѣрилъ, что гласъ народа — гласъ Божій и потому вѣрилъ въ Земскій Соборъ. Земскій Соборъ, по его мнѣнію, ошибиться не могъ. Онъ какъ-то прочелъ свое сочиненіе (не знаю было ли оно напечатано) о Соборѣ 1598 года, который избралъ Годунова на царство. Голохвастовъ держался на Годунова отброшенныхъ теперь наукой взглядовъ. Онъ считалъ избраніе недостойнаго Годунова ошибкой; но не могъ допустить, чтобы Земскій Соборъ смогъ ошибиться. И потому онъ пришелъ къ парадоксальному выводу, будто Земскій Соборъ былъ подтасованъ, что его не было вовсе, а что только потомъ по позднѣйшимъ образцамъ отъ имени Собора написали подложную грамоту. Все это Голохвастовъ доказывалъ кропотливымъ изученіемъ текста грамоты и состава Собора. Но признавалъ, что «гласъ народа — гласъ Божій», Голохвастовъ не считалъ гласомъ народа простое мнѣніе его большинства. Въ этой замѣнѣ одного понятія совершенно другимъ, въ раболопномъ преклоненіи передъ принципомъ большинства, т. е. передъ цифрою, онъ видѣлъ всю зловредную «ложь конституціи». Изъ погони за числомъ голосовъ развивается политическій развратъ нашего времени, необходимость партій, партійной дисциплины, обязательной партійной лжи и т. п. Царь не можетъ идти противъ народа, думалъ Голохвастовъ. Передъ его единодушіемъ онъ всегда преклонится. Отличіемъ Земскаго Собора отъ парламента должно было быть требованіе единогласія; только оно для Царя обязательно. Но если единогласія нѣтъ, нѣтъ и голоса народа; есть только отдѣльныя мнѣнія. Изъ нихъ — и это отличіе отъ *liberum veto* — Царь по разуму и совѣсти свободенъ выбирать то, которое считаетъ полезнѣе. Въ этомъ и состоитъ истинное дѣло Царя, быть арбитромъ; такъ ой способъ рѣшенія разномыслія разумнѣе, чѣмъ механическій подсчетъ голосовъ.

Вотъ чему вѣрилъ Голохвастовъ; пусть это идилия, надъ которой «умные» люди позднѣе смѣялись. Это не мѣшаетъ тому, что въ критической части славянофильства были вѣрныя мысли. Ихъ идеалъ былъ самъ по себѣ

безпощаднымъ обличеніемъ нашего полицейскаго Самодержавія, при которомъ въ странѣ не могло образоваться ни общенароднаго голоса, ни даже отдѣльныхъ мнѣній. Ученіе славянофиловъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ Россіи, вело Россію впередъ, не назадъ. Что же касается до ихъ критики конституціоннаго строя, то возстаніе противъ принципа большинства, какъ *ultima ratio* для разрѣшенія спора, противъ замѣны «разума» голосующихъ «партійной дисциплиной» указывало на дѣйствительно дурныя стороны народоправства. Эти стороны можетъ быть его не избѣжное зло, но все-таки зло, котораго нѣтъ смысла скрывать.

Но съ славянофильствомъ можно было не церемониться; съ момента своего возникновенія оно встрѣчало только насмѣшки. Наконецъ, оно не было народнымъ движеніемъ, не выходило за предѣлы верхушки интеллигенціи. Среди общественныхъ настроеній оно могло считаться *quantité négligeable*. Но возьмемъ другое теченіе, болѣе популярное въ толщѣ демократической интеллигенціи, вышучивать которое рѣшился только агрессивный юный марксизмъ, это — народничество. А это теченіе при всей ненависти къ режиму, который установился въ Россіи, тоже не видѣло единственнаго спасенія въ конституціи.

Да будетъ мнѣ позволено вспомнить объ одномъ москвичѣ Л. В. Любенковѣ, о которомъ молодое поколѣніе не знаетъ и никогда не узнаетъ. Любенковъ въ «исторію» не перешель; онъ болѣзненно боялся всякой рекламы; нельзя было бы представить себѣ его сообщающимъ журналистамъ о томъ, какъ онъ «живетъ и работаетъ»; онъ убѣждалъ бы отъ попытки устроить ему какое-либо публичное чествованіе. Лишь, когда онъ былъ разбитъ параличемъ и въ Городской Думѣ былъ поставленъ вопросъ о назначеніи ему пенсіи, его имя и перечень его заслугъ передъ городомъ попали въ печать. Можно было тогда увидѣть и рѣдкое зрѣлище, какъ на исключительномъ уваженіи къ Любенкову сошлись всѣ рѣшительно гласные. Онъ скоро скончался и никто пышныхъ некрологовъ ему не посвятилъ. Но москвичи, особенно судьи, его не забудутъ. Если можно дѣлить всѣхъ людей на честолюбцевъ (спортсменовъ) и праведниковъ, Любенковъ былъ праведникомъ общественной дѣятельности. Самъ онъ оставался въ тѣни, выдвигалъ впередъ молодыхъ, уклонялся отъ отвѣтственныхъ должностей, но по моральному авторите-

ту былъ вождемъ и учителемъ. При немъ становилось стыдно «мелкихъ помысловъ и мелкихъ страстей». Наблюдая его я понималъ вліяніе тѣхъ людей, кого народная память называла «святыми».

Любенковъ былъ состоятельнымъ тульскимъ помѣщикомъ Богородицкаго уѣзда, гласнымъ Губернскаго Земства и безсмѣннымъ Мировымъ Судьею Пречистенскаго участка въ Москвѣ. На службѣ земству и мировому суду прошла вся его долгая жизнь. Въ Гранатномъ переулкѣ у него былъ маленькій домикъ, съ большимъ садомъ, смежнымъ съ садомъ Саввы Морозова по Спиридоновкѣ. Садъ давалъ ему иллюзію жизни въ деревнѣ. Это было только послѣдовательно, такъ какъ въ немъ самомъ не было ничего городского. Когда часовъ въ 5 онъ пѣшкомъ возвращался изъ камеры, онъ снималъ европейскій костюмъ, облекался въ поддевку, изъ которой уже не выѣзжалъ. Онъ никогда не выѣзжалъ, но его домъ былъ всегда полонъ народу. Къ обѣду приходили незваные; всѣ проходили черезъ кухню, съ чернаго хода. Если раздавался звонокъ съ параднаго подъѣзда, въ домѣ поднимался переполохъ; это значило — чужіе, непривычные гости. Тогда бѣжали зажигать лампы въ передней. Старики уходили встрѣчать гостей, наглухо запирали двери туда, гдѣ оставалась одна молодежь, и возвращались потомъ съ облегченнымъ вздохомъ: бѣда миновала.

Этотъ непритязательный, скромный старикъ былъ иллюстраціей поговорки, что человѣкъ красить мѣсто. Тамъ, гдѣ онъ былъ и работалъ, онъ становился немедленно авторитетомъ и центромъ. Въ земствѣ онъ былъ председателемъ редакціонной комиссіи; и эта комиссія стала инстанціей, которая направляла всю земскую жизнь. Въ Москвѣ онъ по средамъ сидѣлъ въ составѣ Мирового Судейскаго Съѣзда; и въ этотъ составъ Съѣзда тотчасъ ради него стали направляться всѣ сложнѣйшія сѣздовыя дѣла. Въ Любенковѣ цѣнили не только тонкій юридическій умъ, но и исключительную независимость совѣсти; его нельзя было бы поймать ни на какую уловку. Онъ сталъ идеаломъ мирового судьи; своимъ обаяніемъ создалъ школу и былъ непререкаемымъ авторитетомъ въ спорныхъ вопросахъ.

Отношеніе Любенкова къ людямъ было интересно сравнить съ Голохвастовскимъ. Тотъ образованный европеецъ тоже предпочиталъ всему русскаго человѣка; но

даже мнѣ, мальчику, было понятно, что это потому, что въ русскомъ человѣкѣ онъ видитъ свой идеаль, свое сочиненіе. Любенковъ же любилъ свой народъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ; онъ его не идеализировалъ, но за то и неспособенъ былъ бы его разлюбить за его недостатки. У него, какъ у мирового судьи, было обширное поле для наблюденія, и онъ былъ мастеромъ наблюдать и рассказывать. Эти рассказы всегда дышали непоколебимымъ доброжелательствомъ къ русскому человѣку во всѣхъ его проявленіяхъ. Онъ умѣлъ отыскивать залогъ хорошаго въ самомъ дурномъ, а законную досаду смягчать добродушной усмѣшкой. Онъ одинаково беззлобно подтрунивалъ и надъ безтолковостью некультурныхъ людей и надъ горделивой претензіей самодовольнаго «барина». Онъ понималъ, что нравы сильнѣе законовъ, что надо себя долго воспитывать, чтобы отдѣлаться отъ старыхъ привычекъ. Несмотря на встряску шестидесятыхъ годовъ, въ людяхъ еще сохранялись прежніе слѣды и «рабства» и «барства»; они то и дѣло вылѣзали наружу въ причудливыхъ формахъ. Къ этимъ чертамъ Любенковъ относился безъ озлобленія, такъ какъ онѣ были естественны, но и безъ снисхожденія; онѣ мѣшали Россіи двигаться дальше. Постепенно побѣдить эти пережитки въ себѣ и другихъ казалось ему главной задачей. Этому онъ достигъ въ своемъ домѣ; въ немъ установилась особая атмосфера, которую рѣдко гдѣ можно было встрѣтить.

Любенкова коробило все показное; коробилъ и показной демократизмъ. Онъ счелъ бы проявленіемъ «барства» демонстративную подачу министромъ руки швейцару, въ чемъ въ первые дни революціи видѣли символъ прогресса. Но Любенковъ былъ тѣмъ естественнымъ демократомъ, который не могъ ни въ чемъ не проявить «сословнаго» предрасудка, ни задѣть чужого достоинства. Въ его домѣ всѣ были равны. Прислуга чувствовала себя домочадцами; по привычкѣ говорила «ты» молодымъ господамъ, а подругъ дочери безразлично величала «красавицами». Никого въ домѣ не шокировало и не удивляло, когда прислуга принимала участіе въ разговорѣ господъ.

Любопытно было отношеніе Любенкова къ молодому поколѣнію. У него было два сына и дочь, и домъ былъ всегда полонъ ихъ друзьями и гостями. У стариковъ былъ культъ молодежи; не тотъ лицемѣрный и льстивый культъ,

который можно наблюдать въ Совѣтской Россіи, гдѣ молодежь сознательно развращаютъ, чтобы имѣть ее на своей сторонѣ. Любенковъ былъ убѣжденъ, что молодое поколѣніе и лучше и умнѣе его, что надо только ему не мѣшать, не стараться передѣлывать его на свой образецъ. Онъ по стариковски сразу начиналъ говорить всѣмъ намъ «ты», но никогда ничѣмъ не старался намъ импонировать. Когда между нами происходили споры, онъ подходилъ незамѣтно изъ-за двери послушать, но въ споръ не вступалъ. Изрѣдка съ извиненіями, что онъ, старикъ, себѣ позволялъ вмѣшаться, говорилъ свое мнѣніе и поскорѣе уходилъ, повторяя: «гдѣ мнѣ съ вами спорить». Сверстники Любенкова говорили, что онъ былъ превосходнымъ ораторомъ; намъ этого таланта видѣть не приходилось; съ нами онъ только разговаривалъ, при этомъ какъ бы всегда извиняясь предъ нами своей добродушной улыбкой. Только случайно онъ какъ будто забудется, голосъ его станетъ строгимъ, отрывистымъ, даже властнымъ и мы видѣли какъ онъ могъ и спорить и бороться, когда спорить хотѣлъ.

Старикъ Любенковъ, его дѣти, ихъ близкіе друзья и товарищи были по направленію тѣмъ, что въ широкомъ смыслѣ называлось «народничествомъ». Цѣлью ихъ жизни было служить народу. Одинъ его сынъ былъ, какъ и отецъ, мировымъ судьей, другой земскимъ врачомъ; дочь была фельдшерницей и вышла замужъ за земскаго доктора. Раньше у нихъ былъ большой кружокъ сверстниковъ, который поставилъ задачей: всѣмъ идти на земскую службу, заполнить цѣлый уѣздъ на разныхъ постахъ — медиками, учителями, агрономами и т. д. Они такъ и сдѣлали; захватили почти цѣликомъ въ свои руки Богородицкій уѣздъ Тульской губерніи. Другіе въ другихъ губерніяхъ и уѣздахъ, но дѣлали одно и то же дѣло: служили народу по земству. Эта служба казалась имъ самой полезной и самой главной; все остальное въ свое время придетъ.

Любенковы сошли со сцены и кружокъ ихъ распался еще до «освободительнаго движенія». Трудно предвидѣть, какъ бы этотъ кружокъ отнесся къ увлеченіямъ того времени. Но въ то время, когда я его помню, лозунгъ «долой самодержавіе», его не захватилъ бы; онъ нашелъ бы этотъ лозунгъ слишкомъ упрощеннымъ, книжнымъ, не народнымъ, словомъ, «барскимъ» и «интеллигентскимъ». Въ

этомъ отношеніи кружокъ Любенковыхъ былъ не моего поколѣнія.

Самъ старикъ помнилъ шестидесятые годы и сохранилъ кулъть къ Александру II. Въ Тулѣ ставили памятникъ этому государю, и Любенковъ былъ приглашенъ на торжество. Уклониться онъ не хотѣлъ, но рассчитывалъ остаться въ тѣни. Этого ему не удалось, Губернаторъ Зиновьевъ его спровоцировалъ. Официальную рѣчь свою онъ неожиданно кончилъ словами: «а о томъ, что сдѣлалъ Александръ II, пусть вамъ расскажетъ тотъ, кто лучше всѣхъ это сможетъ: Левъ Владиміровичъ Любенковъ». Отказаться было нельзя и Любенковъ заговорилъ. Эту рѣчь онъ намъ передавалъ; другіе рассказали о произведенномъ ею впечатлѣніи. Выходя на трибуну Любенковъ не зналъ, что онъ скажетъ. Но памятникъ Александру II, воздвигнутый въ эпоху реакціи, его воодушевилъ. Какъ онъ говорилъ, что-то сдавило ему горло и онъ началъ сразу повышеннымъ тономъ, указывая на бюстъ Александра II: «Великая тѣнь великаго прошлаго встала передъ нами — смотрите!» Послѣдовала вдохновенная импровизація, которая вышла цѣльной потому, что всѣ ея мысли были давно глубоко продуманы. Этому прошло столько времени, что въ памяти моей сохранился только общій планъ рѣчи и отдѣльныя фразы. Любенковъ превозносилъ Александра II за то, что онъ обновилъ русскую жизнь «идеями» свободы и самоуправленія. Онъ противопоставлялъ «идеямъ» то, что изъ нихъ на практикѣ получилось. Александръ II былъ изображенъ, какъ настоящій идеалистъ, ученикъ идеалиста Жуковского. Любенковъ картинно изображалъ его реформаторскую дѣятельность. «Онъ далъ народу свободу», говорилъ Любенковъ. — «Но какъ же управлять имъ, Ваше Величество», съ удивленіемъ спрашивали его приближенные. И Александръ отвѣчалъ: «пустъ управляется самъ» и создалъ сельское и волостное самоуправленіе, волостные суды. Потомъ по тому же образцу уже для всѣхъ создалъ безсловное земство, университетскую автономію, судебную независимость. Наконецъ, онъ понесъ свободу и за границу; освободилъ славянъ на Балканахъ. И на прежній вопросъ, какъ ими управлять, сказалъ тѣ-же слова: «пустъ управляются сами», и далъ имъ конституцію. Любенковъ кончалъ выводомъ: «все, что было великаго въ шестидесятихъ годахъ, всѣ великія идеи были провозглашены

имъ, Александромъ II; а въ томъ, что изъ этого вышло, виноваты только мы сами». Пусть этой юбилейною рѣчью Александръ II былъ поставленъ на высоту имъ незаслуженную. Но величіе идей шестидесятыхъ годовъ и идейный упадокъ позднѣйшей политики были имъ изображены такъ убѣдительно, что самъ губернаторъ со слезами въ голосъ повторялъ заключительныя слова: «да, мы, мы виноваты».

Такого культа Александра II молодое поколѣніе, собиравшееся у Любенковыхъ, уже не знало. Но отъ мысли, что просвѣщенный абсолютизмъ не сказалъ своего послѣдняго слова, оно не отказывалось. Конечно самоуправленіе оставалось его главной вѣрой. Сельскій сходъ, крестьянская община, которая еще не потеряла своего обаянія, въ представленіи людей этого настроенія были не прикосновенны; слѣдующимъ этапомъ, который народу надлежало пройти, было всесословное земство. Сфера мѣстныхъ непосредственныхъ интересовъ была народу доступна и въ ней онъ могъ быть хозяиномъ. Но зато сразу сдѣлать народъ вершителемъ судебъ всего государства, значило оказать народу плохую услугу, отдать его въ руки демагогіи; Самодержавіе еще должно было на общее благо спланивать самоуправляющійся народный міръ въ государство, не дѣля своей верховной власти съ «барскимъ» Парламентомъ. Эти «демократическія» настроенія, которыя не были враждебны Самодержавію, въ кружкѣ Любенковыхъ сохранялись долго. Помню споры послѣ злополучной рѣчи Николая II о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ». Ею всѣ возмущались; возмущались и тѣмъ, что молодой Императоръ сказалъ это старымъ людямъ, которые пріѣхали для поздравленія. Но сынъ Любенкова, убѣжденный народникъ, земскій врачъ Владиміръ Львовичъ выступилъ съ другой точкой зрѣнія. Онъ прочелъ докладъ, около котораго и завязались страстныя пренія. «Если дѣло въ невѣрливой фразѣ, говорилъ Владиміръ Львовичъ, этой «шаркунской» оцѣнки оспаривать я не буду. Я просто съ ней не считаюсь. Когда рѣчь идетъ о такомъ гигантскомъ принципѣ, какъ Самодержавіе, разсматривать его съ точки зрѣнія «свѣтскихъ манеръ» смѣшно». Но споръ по существу Любенковъ готовъ былъ принять. И такой споръ могъ происходить въ 95 г., и защиту Самодержавія могъ брать на себя человѣкъ такой исключительной искренности, какимъ былъ молодой Любенковъ!

Еще удивительнѣй, что въ видѣ исключенія и старикъ Любенковъ убѣжденно поддерживалъ позицію сына. Черезъ 34 года я не помню всѣхъ доводовъ этого мнѣнія, но основной тенденціи ихъ не забылъ. Тогдашняго полицейскаго Самодержавія, конечно, никто не защищалъ; но чтобы задачей было не исправленіе Самодержавія, а введеніе «конституціи», съ этимъ Любенковы не соглашались. Конституціонная практика Запада въ восторгъ ихъ не приводила; они указывали въ ней тѣ же недостатки, что и славянофилы. Въ неподготовленной, некультурной Россіи государственное самоуправленіе, по ихъ мнѣнію, было бы самообманомъ. Они предсказывали при конституціи образованіе класса профессиональных политиковъ, у котораго заботы о благѣ народа переродятся въ тактику «уловленія» голосовъ; всеобщее избирательное право превратится въ поддѣлку подъ народную волю; разумъ и «совѣсть» народныхъ представителей смѣнятся подчиненіемъ новымъ деспотамъ-партіямъ, ихъ случайному большинству и безответственнымъ руководителямъ и т. д.

Нашъ слишкомъ короткій собственнй опытъ (906 - 917) и слишкомъ долгія наблюденія надъ граничной жизнью могли показать, сколько правды было въ такой критикѣ конституціи. Въ конституціи есть своя Ахиллесова пята. Народовластіе немислимо безъ развитія «партій», а «партійная игра, какъ тонко сказалъ Алдановъ, есть организованная нечестность мысли» *). Кумиръ народовластія — принципъ «большинства» неминуемо ведетъ къ циничному правилу не «взвѣшивать», а только «считать» голоса; интересы страны при этомъ уступаютъ первое мѣсто «партійнымъ» соображеніямъ. Современная «партійная» политика при конституціи необходима; но она унизительна и аморальна, какъ и война; она развращаетъ тѣхъ, кто ею занимается, до такой степени, что они перестаютъ замѣчать ея недостатки.

Все это такъ, но упреки, съ которыми пора считается въ Европѣ, для тогдашней Россіи были слишкомъ умны. Отрицать болѣе совершенный порядокъ лишь потому, что въ немъ есть оборотная сторона, приводило къ опасности — стать въ политикѣ Гамлетомъ. Въ девяностыхъ годахъ режимъ политической свобо-

---

*) М. Алдановъ: «Современники», стр. 195.

ды былъ необходимою и спасеніемъ для Россіи несмотря на присущіе ему недостатки; видѣть только ихъ и ихъ испугаться было признакомъ преждевременной старости.

Я задержался на этихъ воспоминаніяхъ не по соблазну возстановить въ памяти нѣкоторыя оригинальныя фигуры добраго стараго времени. Не представивъ себѣ тогдашней политической атмосферы, трудно усвоить, что новаго принесло съ собою «освободительное движеніе». Наканунѣ его Самодержавіе обреченнымъ еще не казалось. За него стояли не только поклонники Александра III. Среди настроеній, которыя хотѣли продолжать линію шестидесятыхъ годовъ, были такія, которыя конституціи не добивались. Въ нихъ лежали зачатки самаго бытія русскаго политическаго творчества. Если бы Самодержавіе сумѣло и дальше вести Россію по тому пути обновленія, на который Россія вступила въ шестидесятые годы, оно могло бы долго еще сохранить свой *raison d'être*. Оно, конечно, не было бы вѣчнымъ, постепенно измѣнялось бы и потомъ совершенно исчезло, но исчезло бы такъ, какъ люди становятся лысыми, т. е. такъ, что трудно было бы указать опредѣленно законодательный актъ, который Самодержавіе уничтожилъ бы. «Освободительное движеніе» направило жизнь по другому пути.

Это сдѣлало время. Поколѣніе девяностыхъ годовъ не помнило роли Самодержавія въ шестидесятыхъ годахъ. Оно видѣло въ немъ только враждебную силу, о которую разбивались попытки работать на благо народа. Смѣна царствованія, на которую по традиціи возлагали столько надеждъ, ихъ не оправдала; напротивъ. Лозунгъ осторожной работы, на которомъ стояло прежнее поколѣніе, не могъ удовлетворять тѣхъ, кто пришелъ послѣ него. Создавалась психологическая почва, которая предшествоуетъ общественнымъ увлеченіямъ: жажда новаго слова.

«Новыя слова» и этой эпохи были сначала повтореніемъ старыхъ; воскресало «народовольчество» съ его терроризмомъ; «народничество», которое прикрывалось Толстовскимъ ученіемъ. Но позднѣе пришло нѣчто дѣйствительно новое. Чѣмъ, кромѣ тоски по новому слову, можно объяснить неслыханный успѣхъ марксизма въ Россіи? Онъ явился въ упрощенномъ видѣ, съ парадоксаль-

ными утверждениями, съ дерзкимъ отношеніемъ къ недавнимъ авторитетамъ. И все-таки успѣхъ его былъ оглушительнъ; самая элементарность его построеній обезпечивала ему популярность. Но марксизмъ обращался не ко всѣмъ; и по пятамъ за нимъ скоро пришла другая волна, которая поставила еще проще вопросъ и въ короткое время всѣхъ захватила: это и было «освободительное движеніе» съ его лаконическимъ лозунгомъ: «долой самодержавіе».

Такая постановка вопроса была, къ несчастью, логична. Самодержавіе девяностыхъ годовъ себя пережило: всю программу оно свело къ своему охраненію. Это предвѣщало отвѣтъ. Если полезныя для страны начинанія отбрасывались ради Самодержавія, нужно было съ нимъ покончить. «Движеніе» сдѣлало этотъ естественный выводъ.

Но сила «освободительнаго движенія» была не въ логичности. Одна логика увлечь за собой не могла. Лозунгъ «долой самодержавіе» сталъ значить иное. Въ уничтоженіи Самодержавія стали видѣть осуществленіе всѣхъ надеждъ, желаній и нуждъ, какъ будто съ Самодержавіемъ исчезло бы все, что лежало на пути къ общему счастью. Въ увлеченіи этимъ лозунгомъ забывали, что политическая система тѣмъ труднѣе для примѣненія, чѣмъ она совершеннѣе. Въ Самодержавіи не хотѣли видѣть ничего хорошаго, даже въ прошломъ; зато въ конституціи не замѣчали никакихъ недостатковъ. Людью стали руководить не опытъ, не разумъ, а вѣра; «конституція» сдѣлалась вѣрой. Желанное новое слово пришло.

Но ставя вопросъ такъ упрощенно, движеніе шло по линіи наибольшаго сопротивленія. Всякій режимъ изъ чувства самосохраненія себя защищаетъ. У Самодержавія же могли быть и другіе мотивы; оно себя вреднымъ не признавало. Въ его прошломъ были большіе успѣхи, а въ его распоряженіи и сейчасъ громадныя матеріальныя и моральныя силы. Въ девяностыхъ годахъ введеніе конституціи въ Россіи представлялось несбыточнымъ. Ни серьезные люди, ни рядовой обыватель не вѣрили въ насильственное сверженіе Самодержавія и не могли надѣяться убѣдить его добровольно себя ограничить. Пусть въ Николаѣ II было больше патріотизма, чѣмъ властолюбія. Онъ и въ 1905 и въ 1917 году отступилъ передъ перспективой гражданской войны для со-

храненія власти. Но охрана Самодержавія была все-таки для нашей династїи семейной традиціей. Всѣ государи были убѣждены въ необходимости его не для себя, а для страны. Самые реакціонные Самодержцы Николай I и Александръ III служили Россіи, а не личному благу. Они могли вѣрить тѣмъ, кто ихъ увѣрялъ, что самодержавная власть связана съ пользой Россіи. Въ разгаръ «освободительнаго движенія» московскій Губернскій Предводитель дворянства, князь П. Н. Трубецкой, осенью 904 года, говорилъ съ Государемъ о конституціи: «неужели Вы думаете, сказалъ ему Государь, что я на минуту могъ бы колебаться подписать конституцію, если бы считалъ ее полезной Россіи? Неужели Самодержавіе нужно для меня самого?» — и онъ грустно улынулся при этихъ словахъ. И онъ привелъ Трубецкому два сомнѣнія, которыя всякаго могли останавливать. — Можно ли было быть увѣреннымъ, что въ некультурной Россіи народовластіе не будетъ началомъ разгрома культурнаго меньшинства и не приведетъ къ отпаденію отъ Россіи окраинъ? Кто за это могъ поручиться? Вотъ струны, на которыхъ могли играть тѣ, которые въ сохраненіи Самодержавія находили личный свой интересъ. Здѣсь была трудность конфликта. Если для «освободительнаго движенія» уничтоженіе Самодержавія казалось неперемѣннымъ условіемъ всякаго улучшенія, то для власти его сохраненіе казалось основнымъ долгомъ передъ той же Россіей. «Освободительное движеніе» начинало войну, которую нельзя было кончить въ ничью и въ которой матеріальная сила была не на его сторонѣ.

И однако эта война была имъ выиграна. Не прошло пяти лѣтъ какъ Самодержавіе себя упразднило. 17 октября 1905 г. Рубиконъ былъ перейденъ; все остальное было детали. Какъ бы строго мы ни судили Основные Законы 1906 года, избирательный законъ не только 3-го іюня, но и 11 декабря, какъ бы ни клеймили новыхъ порядковъ терминомъ *Schein-Konstituationalismus*, какъ бы ни огорчались, что титулъ «Самодержавный» не былъ исключенъ изъ текста законовъ, что въ него не было введено слово «конституція», какъ будто это могло бы кого-то вести въ заблужденіе, все равно «легальнаго» Самодержавія больше не было *). Монархія себя не упразднила,

---

*) Терминъ «конституція», отсутствіе котораго въ текстѣ закона

не превратила въ безсильный придатокъ народовластія, а оставила за собой реальную власть; она предусмотрѣла даже пути для борьбы съ эксцессами народовластія, подобно тѣмъ, которые были и въ нѣкоторыхъ другихъ конституціяхъ; но борьба съ этими «недостатками» конституціи должна была идти уже въ рамкахъ новаго строя. Съ «легальнымъ» Самодержавіемъ было покончено и навсегда. Правы были послѣдніе рыцари Самодержавія, Д. Н. Шиповъ, Н. А. Хомяковъ и М. А. Стаховичъ, когда послѣ 17-го октября сочли свое дѣло проиграннымъ и, какъ остріль Хомяковъ, стали конституціоналистами по Высочайшему повелѣнію. Россія вступила въ новый періодъ исторіи.

Руководители «освободительнаго движенія» въ этотъ день могли чувствовать себя побѣдителями; ихъ тактика оправдалась. Я говорю о «руководителяхъ», ибо «освободительное движеніе», было очень сознательнымъ. Мы противопологаемъ это понятіе стихійности, т. е. тѣмъ массовымъ настроеніямъ, которыя не направляетъ разумная воля. Элементы стихійности были и въ «освободительномъ движеніи», но въ немъ былъ центръ, который умѣлъ ими руководить или ихъ въ своихъ интересахъ использовать. У движенія былъ свой органъ «Освобожденіе», на страницахъ котораго шло то столкновеніе мнѣній, которое на большевистскомъ жаргонѣ теперь называютъ «дискуссіей». По «Освобожденію» можно слѣдить, какъ движеніе нарастало и крѣпло и окапывалось на новыхъ позиціяхъ. Если исторію освободительнаго движенія сравнивать съ Февральской Революціей, которая всѣхъ захватила врасплохъ, то это движеніе можно считать образцомъ планомерно и побѣдоносно «проведенной кампаніи»^{*)}. Это внушило и въ Россіи и за границей то довѣріе къ русской общественности и ея вожакамъ, при которомъ никто не сомнѣвался въ окончательномъ ихъ торжествѣ. День 17 октября долженъ былъ быть для нихъ апогеемъ успѣха, тѣмъ, чѣмъ былъ для Клемансо день armistice'a. Въ этотъ

очень огорчало нашихъ политиковъ, былъ такъ понятенъ и близокъ народу, что конституціонно-демократическая партія на второмъ своемъ съѣздѣ должна была переименовать себя въ партію «народной свободы» именно для того, чтобы ея имя что-нибудь говорило народу.

^{*)} Еще болѣе планомерно была разыграна развѣ кампанія большевиковъ противъ Временнаго Правительства въ 1917 году.

день весь Парижъ облетѣла фраза, которая имъ была будто бы сказана: «si j'étais sage, j'aurais dû mourir aujourd'hui».

Но 17 октября было не только побѣдой руководителей, оно было побѣдой Россіи. Несмотря на многочисленныя ошибки, которыя потомъ были сдѣланы, этотъ день все же оказался благодѣтельнымъ переломомъ нашей исторіи; 17 октября привело къ небывалому расцвѣту Россіи въ экономическомъ, культурномъ и политическомъ отношеніи въ тотъ краткій историческій мигъ, который продолжался съ 906 по 917 годъ. Этотъ мигъ показалъ, какія силы были заложены въ русскомъ обществѣ и какія надежды были Россіи позволены. Однако, хотя Россія обнаружила такіе задатки, а руководители ея въ предыдущей борьбѣ показали такіе таланты, побѣда, одержанная въ 905 году, не привела къ столько же счастливому миру и не дала вѣдѣть результатовъ, на которые можно было рассчитывать. Теперь, когда цѣлая пропасть насъ отдѣляетъ отъ этого времени и позволяетъ судить объективно, можно сказать, что позднѣйшую неудачу нужно было тогда же предвидѣть. Мало того; съ ней было тѣмъ труднѣе бороться, что она была результатомъ тѣхъ же причинъ, которыя «освободительному движенію» дали побѣду. Это движеніе было открытой войной съ Самодержавіемъ и велось по военному. Но война не есть нормальное состояніе; послѣ войны надо скорѣе вырабатывать пріемлемыя условія мира и умѣть жить въ этихъ условіяхъ. Это совсѣмъ другое искусство; оно требуетъ иныхъ пріемовъ и иныхъ талантовъ. Тѣ самыя свойства, которыя на войнѣ доставляютъ побѣду, часто мѣшаютъ заключенію разумнаго мира. Недаромъ военные побѣдители бывають часто опасны, когда оканчиваются военныя дѣйствія, и Бисмаркъ страдалъ отъ того самаго Мольтке, которому онъ былъ обязанъ военной побѣдой Германіи. И кромѣ того война поднимаетъ въ народахъ такія глубокія страсти, что ихъ нельзя уничтожить однимъ подписаніемъ мира; ихъ можно потомъ только изживать постепенно. Все это и мы испытали.

II.

Сравнивая «освободительное движеніе» съ войной, я отдаю дань впечатлѣніямъ Великой Войны. Сами дѣятели этого времени называли его «Революціей». Утвержденіями, будто Россія въ 1904 - 5 годахъ вступила въ эпоху «Революціи», полна тогдашняя литература. Все это лишь сравненія и аналогіи. «Освободительное движеніе» не было ни войной, ни революціей. Но его можно приравнивать одинаково къ нимъ обѣмъ. Обѣ представляются явленіями ненормальными и преходящими; обѣ стремятся къ одной опредѣленно поставленной цѣли, которая въ этотъ моментъ доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ; въ интересахъ этихъ цѣлей приносятся въ жертву всѣ матеріальныя и моральныя цѣнности. Въ эпоху войны это формулировалось классической фразой: все для войны. Та-же психологія была и у «освободительнаго движенія».

И война, и революція могутъ стать неотвратимы, но онѣ по существу ненормальны и нежелательны. Цѣли, которыя они себѣ ставятъ могутъ быть всегда достигнуты иными путями. Это можно сказать и про «войну» съ «Самодержавіемъ». Политическія формы государства мѣняются не потому, что съ ними начинаютъ воевать, а потому, что измѣняются условія жизни, которымъ соответствуютъ эти формы. Самодержавіе въ той постановкѣ, которую оно приняло въ 19-мъ вѣкѣ, имѣло свой *raison d'être*. Оно было подготовлено социальными перемѣнами, которыя совершались въ Россіи и было тѣсно связано съ словнымъ строемъ нашей страны. Самодержавіе въ послѣднее время уже стояло на перепутьи; сословный строй его создалъ, онъ же ему и грозилъ. Правящее сословіе — дворянство стремилось къ ограниченію его въ свою пользу; если бы это ему удалось, русскій царь сталъ бы сословнымъ царемъ и палъ бы вмѣстѣ съ этимъ сословіемъ, какъ абсолютизмъ французскихъ королей палъ вмѣстѣ съ дворянствомъ. Самодержавіе, и въ этомъ оно показало свой историческій разумъ, пошло иной дорогой. Оно не согласилось ограничить себя въ пользу дворянства. Оно сдѣлало больше. «Сотрудничество» самодержавія съ дворянствомъ завершилось реформами Александра II. Эти реформы покончили какъ съ перспективой сословнаго царя, такъ и съ самимъ первенствующимъ сосло-

віемъ въ Россіи. Но это самодержавіа спасти не могло. Для него почвы болѣе не осталось. Органическое развитіе преобразованій Александра II, нормальный ходъ жизни по проложеннымъ имъ новымъ путямъ, сами вели къ замѣнѣ Самодержавія правовымъ представительнымъ строемъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ сдѣлало Самодержавіе, но ими же оно себя обрекло на уничтоженіе. Самодержавіе и тотъ порядокъ, который оно установило, были à la longue несомвѣстимы. Мы переживаемъ нѣкоторую аналогію этого въ настоящее время. Коммунистическая партія объявила Нэпъ для Россіи и этимъ на время себя дѣйствительно укрѣпила; но Нэпъ и господство партіи исключаютъ другъ друга. Кто работаетъ надъ развитіемъ Нэпа, работаетъ тѣмъ самымъ надъ упраздненіемъ партіи. Или Нэпъ долженъ былъ быть сведенъ на нѣтъ и уничтоженъ, или онъ подкопается подъ основы коммунистической власти. И потому партія при первыхъ успѣхахъ Нэпа стала съ ними бороться, хотя бы за ея побѣдой стояла гибель Россіи. Если преслѣдовать не интересы Россіи, а только минутную выгоду коммунистической партіи, ея теперешнюю борьбу съ Нэпомъ надо считать разумной политикой.

Реформы, произведенныя Александромъ II, были далеко незакончены, но самое логическое развитіе ихъ разрушало самодержавіе бюрократіи.

Главной реформой было уничтоженіе въ Россіи сословности. Съ того момента, какъ политическая власть дворянства надъ крестьянствомъ была уничтожена, полное уравненіе сословій становилось простымъ дѣломъ времени. Остатки искусственной сословности разрушались естественнымъ ходомъ жизни. Разъ трудъ былъ сдѣланъ свободнымъ, на первый планъ выступило экономическое соревнованіе; въ обществѣ стало господствовать то, что успѣхъ создаетъ и въ чемъ успѣхъ выражается — капиталъ. Взамѣнъ прежнихъ «сословныхъ» дѣленій выдвинулись «соціальныя» классы. Дворянскія привилегіи должны были перекечевать въ безобидную область придворной жизни и свѣтскихъ гостинныхъ и тамъ могли сохраняться тѣмъ дольше, чѣмъ у нихъ было бы меньше претензій. Сама жизнь ликвидировала предразсудки сословности. Всякій, кто независимо отъ происхожденія, своей дѣятельностью приобрѣталъ средства и знанія, завоевывалъ положеніе, становился создателемъ на-

ціональныхъ богатствъ, тѣмъ самымъ работаль надъ образованіемъ новаго общества, безсословной демократіи. Для перерожденія Самодержавія въ конституцію существованіе такого общества было обязательной предпосылкой. И тѣ, кто въ условіяхъ преформенной жизни, не задаваясь политическими цѣлями, слѣдуя правилу — *enrichissez-vous*, не проживали деньги, а творили богатства, въ своей совокупности все же готовили Россію къ введенію въ нее конституціоннаго строя. Они служили этому безсознательно, но часто не меньше, чѣмъ тѣ «политики» по профессіи, которые конституцію проповѣдывали. Такъ и въ совѣтской Россіи, работники Нэпа, преуспѣвающіе «частники», дѣйствительнѣе «теоретиковъ» подкапываютъ диктатуру коммунистической партіи.

Гдѣ основой жизни является свободный трудъ и его результаты, рождается неизбежное понятіе индивидуальнаго права, которое не зависитъ отъ одной «воли народа». Безъ признанія за каждымъ его права, безъ защиты его отъ всякаго нарушенія невозможна продуктивная дѣятельность. Понятіе личнаго права, какъ основы гражданства, которое государство обязано охранять, есть предпосылка правового порядка; безъ него нѣтъ правовой психологіи, а только новое рабство передъ новымъ владыкой. Реформы Александра II поставили Россію и на этотъ путь права. Этимъ путемъ нужно было идти до конца; работы для созданія правовой атмосферы въ странѣ былъ непочатый уголь. Всѣ лица и профессіи, которые въ разныхъ сферахъ боролись за право, за подчиненіе власти закону, этимъ самымъ готовили другую необходимую предпосылку для конституціи.

Но прямая дорога къ конституціонному строю шла черезъ мѣстное самоуправленіе. Конституція только его дополняла и изъ него вытекала. Мѣстное самоуправленіе вѣдало тѣ-же общія нужды, что и государство. Какъ само государство оно было принудительной организаціей. Государство призывало его сотрудничать вмѣстѣ съ собой. Ясна поэтому та дорога, по которой могло идти дальнѣйшее развитіе этой идеи. Принципъ самоуправления долженъ былъ проникать во всѣ области и во всѣ учрежденія; углубляться и укрѣпляться внизу, подыматься все выше. На этомъ началѣ надо было орга-

низовывать земскихъ профессиональныхъ работниковъ; установить болѣе мелкую, чѣмъ уѣздъ, единицу самоуправления — волость; увеличивать контактъ и сотрудничество между уѣздными и губернскими земствами; создавать болѣе крупныя земскія объединенія; расширить земскую компетенцію; закрѣплять связь земствъ и государственныхъ учреждений. Представимъ, что центральная власть не боялась бы увеличенія земскаго авторитета, была бы готова раздѣлять съ земствами заботы о населеніи и сама бы искала путей, при которыхъ ея дѣйствія были бы лучше согласованы съ народными нуждами. Легко начертать ту дорогу, по которой жизнь стала бы развиваться. Сначала центральная власть стала бы систематически опрашивать земства по отдѣльнымъ вопросамъ государственной жизни; потомъ для упрощенія дѣла стала бы вызывать въ центръ отдѣльныхъ ихъ представителей для совѣщанія съ ними; эти представители образовали бы изъ себя постоянный представительный органъ; авторитетъ этого органа сдѣлалъ бы невозможнымъ принимать рѣшенія съ нимъ несогласныя; изъ совѣщательнаго онъ превратился бы въ законодательный. Онъ сталъ бы дальше указывать, что дѣло не въ одномъ законодательствѣ, что и управление должно соответствовать идеѣ законовъ. Явился бы контроль за управленіемъ, а потомъ и политическая отвѣтственность исполнительной власти. А пока жизнь проходила бы эти этапы, воспитывались бы кадры людей, которые на опытѣ знали бы нужды, о которыхъ они призваны говорить, знали бы трудности, которыя предстояли при ихъ разрѣшеніи и были бы подготовлены, чтобы смѣнить собою прежнихъ представителей власти.

Конечно, такъ гладко жизнь никогда не идетъ. Въ намѣченной выше политической эволюціи были бы тренія, движенія взадъ и впередъ. Была бы борьба власти и общества, но важно, что послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ, для того, чтобы двигаться впередъ по этой схемѣ, Революціи не было нужно. Главное и труднѣйшее уже было сдѣлано. Съ тѣхъ поръ, какъ Самодержавная власть свернула съ прежней дороги, между правительствомъ и населеніемъ стояли вопросы техническіе, не политическіе. Органическое развитіе жизни само уже переносило постепенно реальную власть отъ бюрократіи къ обществу. Этотъ путь могъ быть долгимъ; онъ предпола-

галь не смѣлое законодательствованіе à la Аманудла, а медленное усвоеніе всей страной новыхъ навыковъ общезжитія. Но зато это былъ бы путь вѣрный; шагъ впередь дѣлался бы только тогда, когда страна уже была способна его переварить.

Надо отдать справедливость русскому обществу, что послѣ шестидесятихъ годовъ оно пошло этою дорогою. Это было его заслугой и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Не увлекаясь эффектомъ «борьбы» и немедленныхъ «политическихъ» достижений представители русскаго общества дѣлали свое практическое дѣло на многообразныхъ дорогахъ, которыя передь нимъ раскрывались. Условія этой работы были неблагоприятны и трудны. Успѣхъ покупался дорогой цѣной; но «достиженія» были громадны. Чтобы видѣть ихъ, не нужно было специальныхъ журналовъ «о достиженияхъ». Россія воскресала послѣ Николаевщины и шла впередь такъ же быстро, какъ позднѣе пошла послѣ 905 г. А самые уже достигнутые ею успѣхи ее толкали впередь. Накапливался опытъ, формировались традиции; главное, создавались и воспитывались кадры новыхъ людей. Изъ нихъ должны были выходить двигатели государственной эволюціи; у нихъ бюрократія должна была узнавать, что нужно странѣ; имъ постепенно уступать свои полномочія. Только практическая работа воспитываетъ людей, только она и импонируетъ власти.

Къ несчастью, по соображеніямъ чистой «политики» государственная власть въ эти же годы пошла обратной дорогою. Какъ ни неприятно сравнивать нашу власть, которая при всѣхъ своихъ ошибкахъ думала о благѣ Россіи, съ тѣми, кто сейчасъ Россію сознательно губятъ и думаютъ, нельзя отрицать, что наша государственная власть стала относиться къ реформамъ Александра II и ея результатамъ такъ, какъ коммунистическая партія сейчасъ относится къ Нэпу. Она увѣряетъ, что Нэпъ объявленъ «всерьезъ и надолго», а съ его результатами и основами борется. Нэпъ въ своемъ примѣненіи велъ къ созданію и развитію въ совѣтской Россіи новыхъ общественныхъ силъ; зажиточныхъ крестьянъ, спецовъ и хозяйственниковъ, которые въ результатѣ сбросили бы никому ненужную партійную диктатуру. Коммунисты поняли это и принялись разрушать достижения Нэпа. Точно также въ эпоху Александра III, во имя Самодержавія правительство ве-

ло борьбу съ тѣми общественными силами и элементами, которыя возникли въ результатѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ, крѣпли и шли на смѣну Самодержавія. Конечно, борьба нашего правительства съ ними была не столь жестока, груба, цинична, безстыдна, какъ борьба, которую теперь ведутъ коммунисты. Но эта борьба была все-таки совершенно достаточна, чтобы наполнить горечью и отчаяніемъ самыхъ умѣренныхъ дѣятелей нашей общественности, чтобы тѣ техническіе вопросы, о которыхъ приходилось имъ спорить съ властью, сами собой замѣнились однимъ «политическимъ». Какъ остроумно позднѣе было сказано Меньшиковымъ, всѣ согласились, что Россіи нужны «не реформы, а реформа». Такъ «политика» власти сама привела и общество къ чистой «политикѣ». И какъ это бываетъ всегда, именно тогда, когда Самодержавіе стало нуждаться въ помощи общества, когда попыталось сдѣлать шаги для примиренія съ нимъ, привлекло всю страну къ совѣщанію по коренному вопросу о сельскомъ хозяйствѣ, именно въ этотъ моментъ вскрылся непримиримый антагонизмъ между властью и обществомъ. Власть подразнила общество до того, что оно ей объявило войну. Эта война — «освободительное движеніе», къ несчастью, и свела исторію Россіи на другую дорогу.

III.

«Освободительное движеніе» какъ переходъ общественности къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Самодержавія опредѣлило по новому программу, тактику и самое руководство движеніемъ. Какъ въ настоящей войнѣ на первое мѣсто выступаютъ военные, отодвигая на задній планъ дѣятелей мирнаго времени, такъ и во время политической войны съ самодержавіемъ руководство этой войной перешло къ профессиональнымъ «политикамъ».

Я не пишу исторію этого времени. Но тѣмъ, кто тогда ее дѣлалъ, слѣдуетъ ее написать. Slѣдуетъ разсказать ставя точки на і и о томъ, что въ свое время скрывалось, но пока еще многимъ извѣстно: о дѣйствительной роли земства въ этомъ движеніи, о томъ, какъ возникла «земская конституціонная группа», въ какое отношеніе она стала къ «Союзу Освобожденія». Я объ этомъ знаю

только по рассказамъ другихъ. Я земскимъ дѣятелемъ не былъ; когда земскіе сѣзды стали въ центрѣ движенія и я хотѣлъ знать, что въ нихъ происходитъ, я достигъ этого только обходнымъ путемъ: поступилъ въ составъ секретаріата, который записывалъ пренія. Въ такомъ качествѣ я сидѣлъ на земскихъ сѣздахъ.

Я заговорилъ особо о земствѣ не только потому, что конституціонное движеніе нормально должно было выйти изъ земской среды, но и потому, что по внѣшности это какъ будто такъ и происходило. Во время «освободительнаго движенія» земство долго стояло въ центрѣ вниманія. Какъ въ 1917 году событія концентрировались около Государственной Думы и первое революціонное правительство было создано ея именемъ, хотя она въ этомъ участія не принимала, такъ въ эпоху девятисотыхъ годовъ земскіе люди, земскіе собранія и сѣзды сосредоточили на себѣ надежды страны. Вступленіе земцевъ въ бой съ Самодержавіемъ придало особо серьезный характеръ движенію. За мелкими исключениями, все общественное мнѣніе признавало тогда земскую гегемонію. На мигъ земства стали такъ-же популярны, какъ позднѣе Государственная Дума. И Витте, назначенный 17 октября Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, отдалъ дань популярности земства, когда за поддержкой правительства обратился въ «бюро земскихъ сѣздовъ».

Но это было иллюзіей. Земская среда взяла на себя инициативу движенія, дала ему свой флагъ, отчасти свой аппаратъ, какъ позднѣе то же самое дала Государственная Дума; но движеніе направлялось не земскими людьми, какъ таковыми. Это понятно. Поскольку при нормальной эволюціи именно практическіе работники земства должны были руководить преобразованиемъ государства въ представительный строй, постольку эта среда для «военныхъ» дѣйствій не была приспособлена. Чѣмъ земцы были болѣе земцами и чѣмъ болѣе свою земскую работу любили, тѣмъ болѣе эта работа мѣшала ихъ воевать съ государственной властью. Земская работа и раньше происходила въ условіяхъ борьбы, но это было мирной борьбой, не войной; война для нихъ была невозможна. Земскіе люди лучше другихъ знали препятствія, которыя ихъ работѣ ставила администрація. Но путемъ приспособленій они многого достигали; и они понимали, что это ихъ служеніе Россіи не безрезультатно. Ихъ дѣятельность бы-

ла мартирологомъ, но чѣмъ большей цѣной покупались ихъ «достиженія», тѣмъ болѣе они ими дорожили. Органическая работа на пользу страны, въ условіяхъ борьбы съ администраціей воспитывала въ земцахъ свои приемы и свою психологію. Имъ было трудно признать, что ихъ завоеванія — самообманъ, ихъ осторожность — трусость и шкурничество и что эффектъ «политическаго протеста» важнѣе ихъ достиженій. Въ моментъ «освободительнаго движенія» въ земской средѣ родился поэтому своеобразный *cas de conscience* противъ тактики, которую имъ стали совѣтовать; мы находимъ его въ «Освобожденіи» и онъ поучителенъ.

Сотрудничество въ «Освобожденіи» было тогда не безопасно, а для многихъ казалось предосудительнымъ *) Тѣмъ характернѣе, что во второмъ номерѣ «Освобожденія» появилось письмо, подъ которымъ въ подлинникѣ стояли 22 подписи. Авторы его заявляли, что земцы не могутъ отказаться отъ своей культурной работы, предпочитаютъ ей «политику», что на прежнемъ пути земцы уже многого добились. Не знаю, чьи подписи это были; но фактъ, что эти земцы написали коллективное письмо въ «Освобожденіе» и въ письмѣ заявили свою «солидарность» съ направлениемъ этого органа, показываетъ, что авторы письма не были реакціонеры и трусы. Въ нихъ только говорило то чувство, которое потомъ мѣшало профессорамъ

---

*) У меня по этому поводу личное воспоминаніе. Въ 1904 году М. А. Стаховичъ привлеченъ къ ответственности за клевету князя Мещерскаго, усматривая ее въ томъ, что статья Стаховича, напечатанная въ «Освобожденіи» безъ согласія автора, по словамъ князя Мещерскаго была будто бы напечатана тамъ съ его одобренія. Это было неправда. Статья Стаховича была написана для «Правды», и въ «Освобожденіе» попала безъ его вѣдома. По этому дѣлу я выступала вмѣстѣ съ Плевако. Щекотливость моего положенія заключалась въ томъ, что по структурѣ процесса я должна была бы доказывать, что самое обвиненіе въ сотрудничествѣ въ «Освобожденіи» есть клевета, т. е. обвиненіе Стаховича въ позорномъ дѣяніи. Лично я не могъ квалифицировать такъ это сотрудничество и процессъ строить иначе. Объ этомъ моемъ *cas de conscience* мнѣ пришлось долго спорить не только съ Плевако но и со Стаховичемъ. Стаховичъ убѣжденно доказывалъ, что для него, какъ губернскаго предводителя, которымъ онъ былъ въ это время, сотрудничество въ нелегальномъ органѣ не только формально неправо, но морально позорно. Такова еще была сила прежнихъ политическихъ взглядовъ.

привѣтствовать политическія забастовки студентовъ. Преданность культурной работѣ заставляла земцевъ бояться войны и избѣгать ея послѣдствій для населенія. Но не всѣ такъ смотрѣли. Возраженія вышли изъ среды самихъ земцевъ. Въ № 7 «Освобожденія» земскій гласный Т. обрушился на такую устарѣлую земскую психологію. Онъ мотивируетъ свои возраженія характернымъ сравненіемъ: «Бываютъ моменты, когда кашеварамъ приходится браться за ружье». Авторъ указываетъ, что наступила пора покоячить съ «робкими полумѣрами легальной оппозиціи»; что «не останавливаясь передъ жертвами мы должны энергичнымъ протестомъ показать, что мы представляемъ нравственную силу, способную толкать впередъ русское общественное движеніе». Т. находитъ, что время организаторской земской работы прошло и наступилъ моментъ использовать ея результаты. Логика на его сторонѣ. Если принять лозунгъ «Долой Самодержавіе», какъ главную цѣль, то все остальное естественно изъ него вытекаетъ. Объявить войну, все ей подчинить, а затѣмъ отступить передъ ея разрушительными дѣйствіями было бы простой непослѣдовательностью.

Но по своему прошлому земская среда была именно такова и если бы она не была такова, она такъ многого не сумѣла бы добиться. Непригодность земской среды для агрессивныхъ политическихъ дѣйствій была ясна гласному Т. Это его не останавливало. Передовые земскіе элементы должны, по его мнѣнію, вести за собой отсталую земскую массу. «Неправильно, говоритъ гласный Т. въ № 22 «Освобожденія», созывать земскій съѣздъ и на немъ выработать принципы дѣятельности... Центральная группа образовывается самопроизвольно, путемъ частной инициативы и личныхъ сношеній и должна быть составлена съ привлеченіемъ минимальнаго числа членовъ».

Лица болѣе меня посвященные могли бы сказать, была ли эта статья предложеніемъ, которое позднѣе было исполнено, или она только освящала уже совершившійся фактъ. Но несомнѣнно, что движеніе въ земской средѣ пошло по этой схемѣ. Образовалась «конституціонная земская группа», которая стала дѣйствовать именемъ земства и повела за собой остальныхъ.

Этотъ пріемъ былъ классическимъ пріемомъ этой эпохи; такъ развивалось и крѣпло движеніе. Когда оно захватило профессиональныя объединенія, превращая и ихъ

въ политическія организаціи, оно шло э т и м ъ путемъ. Создавались иниціативныя ячейки политическихъ единомышленниковъ, которыя созывали съѣзды профессиональныхъ работниковъ и на нихъ проводили свою программу, президіумъ, делегатовъ, которые въ дальнѣйшемъ говорили именемъ этихъ союзовъ.

Я вспоминаю это не для умаленія тогдашнихъ политическихъ заявленій. Возможность проводить свою программу черезъ безразличное большинство уже была симптоматична. Она показывала, куда перешло сочувствіе обывательской массы. Противники «политическихъ» начинаній бойкотировали эти собранія, блистали отсутствіемъ, считая, что ихъ дѣло проиграно; если и выступали, не имѣли успѣха. Масса шла не за ними, а за «политиками». Масса рѣшаетъ судьбу государства; въ освободительную эпоху она явно сочувствовала не тѣмъ, кто дорожилъ мирной работой, а тѣмъ, кто всѣмъ жертвовалъ ради лозунга «Долой Самодержавіе». Такъ «Освободительное движеніе» повело нашу общественность по н о в о й дорогѣ.

Это общее наблюденіе ставитъ и общій вопросъ: кто же былъ руководителемъ всего движенія? Отвѣтъ не представляетъ ничего неожиданнаго. Съ того момента какъ «освободительное движеніе» поставило передъ страной вопросъ политической, руководство имъ и переходило къ «политикамъ». Но практическихъ политическихъ дѣятелей Россія того времени не имѣла. Какъ остроумно замѣтилъ однажды покойный В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, «въ Россіи не было политическихъ дѣятелей, а только политическіе преступники». Тѣ, кто спеціально интересовались политикой, могли служить ей только въ области мысли, науки и публицистики. Публицистика пріобрѣла поэтому въ Россіи особый характеръ. На Западѣ, гдѣ были «практическіе» политическіе дѣятели, публицистика являлась для нихъ подсобнымъ занятіемъ. Она вела и дѣйную борьбу на-ряду съ борьбой практической. Но не она руководила политической жизнью, не публицисты считались политическими вождями и знаменосцами; если они выдвигались, то тотчасъ переходили въ разрядъ практическихъ дѣятелей. У насъ практическая дѣятельность была по существу невозможна; публицисты оставались публицистами и журналистика замѣняла собой практическую дѣятельность. Теоретики становились единственными спеціалистами политики, но

зато и политика приобрѣла характеръ «теоріи». Самый выводъ, что Россіи необходима конституція, безъ которой ничего добиться нельзя, какъ онъ ни былъ справедливъ и особенно своевременъ, былъ все-таки только абстракціей. Онъ могъ исходить лишь отъ «теоретиковъ». Все руководство движеніемъ перешло поэтому къ теоретикамъ, къ интеллигенціи въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Это сказалося въ «Освобожденіи»; въ его первомъ же номерѣ была помѣщена руководящая статья «Отъ русскихъ конституціоналистовъ». «Мы стоимъ передъ важнымъ моментомъ, говорить декларация, все общество требуетъ отъ власти въ одинъ голосъ серьезной политической реформы, и «Освобожденіе» разсматриваетъ себя, какъ органъ этого единогогласнаго настойчиваго общественнаго мнѣнія».

Кто же это «мы» и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ земцамъ? Статья отвѣчаетъ на это: «среди разнообразныхъ общественныхъ группъ мы стоимъ всего ближе къ одной, къ той изъ нихъ, которая помимо нравственнаго и интеллектуальнаго способовъ дѣйствія на общество, имѣетъ въ своемъ распоряженіи еще тотъ политическій способъ, какой ей даетъ фактическое участіе въ самоуправленіи страны. Это фактическое положеніе земской общественности.... налагаетъ на нее обязанности.... земскіе люди обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы исползовать все преимущество своего фактическаго положенія».

Эти слова опредѣляютъ соотношеніе силъ. Руководители—это мы, т. е. русскіе конституціоналисты, земство же только воинская часть, которой указываютъ ея мѣсто на фронтѣ. Но кто же все-таки эти конституціоналисты? Я не считалъ бы себя вправѣ раскрывать анонимы, хотя сейчасъ нѣтъ условій, которыя заставляли въ свое время къ нимъ прибѣгать. Но въ «Послѣднихъ Новостяхъ» въ дни юбилейныхъ воспоминаній было указано, что эта руководящая статья написана П. Н. Милюковымъ, т. е. не земцемъ, не практикомъ, а теоретикомъ, ученымъ историкомъ и публицистомъ, какимъ былъ и самъ редакторъ «Освобожденія», ученый экономистъ и публицистъ П. Б. Струве. Декларация исходила не отъ одного П. Н. Милюкова, но характерно, что написана была именно имъ.

Тому же автору, какъ разъяснено въ подстрочномъ примѣчаніи редакціи, принадлежитъ и другая статья въ № 17 «Освобожденія», подъ заглавіемъ «Къ очереднымъ

вопросамъ». Въ этой статьѣ рѣчь опять заходитъ о земцахъ, о которыхъ говорилось въ первой статьѣ. Но вторая статья личная, не коллективная, и потому отношеніе автора къ земцамъ опредѣленнѣе. Лозунгъ «Освобожденія» вызвалъ въ земской средѣ споръ двухъ направленій. Въ этомъ спорѣ раскрывалась душевная драма тѣхъ, кто «практически» работалъ въ Россіи на какомъ бы то ни было поприщѣ. Было ясно, какъ много силъ непроизводительно тратилось ради небольшихъ достиженій; но было также ясно, что «достиженія» все-таки существуютъ, что они двигаютъ вперёдъ русскую жизнь и готовятъ Россіи лучшее будущее. Перерывъ въ этой работѣ, хотя бы во имя войны съ Самодержавіемъ, казался рискованнымъ шагомъ. Этого *cas de conscience* для профессиональныхъ политическихъ теоретиковъ существовать не могло. П. Н. Милюковъ его просто вышучиваетъ: «будемъ надѣяться, пишетъ онъ, передавая своими словами разногласія земцевъ, что ненависть къ тому политическому строю, который могильной плитой придавилъ живыя силы пробуждающагося народа, докончить политическое воспитаніе земскихъ тружениковъ и уравниваетъ настроеніе въ земской средѣ. Надо думать, тогда станутъ невозможными и реплики диллетантовъ политической борьбы по адресу кандидатовъ въ ея мученики».

Это картинное выраженіе «реплики диллетантовъ», которое смутило даже Редактора, заявившаго въ примѣчаніи, что онъ не понимаетъ этого слова, напоминаютъ высокомѣріе, съ которымъ во время войны военные принимаютъ «штатскія разсужденія». Милюковъ послѣдователенъ; если война, такъ война. Можно было не объявлять войны Самодержавію, продолжать работу въ рамкахъ существовавшаго строя; мириться съ тѣмъ, что значительная часть этой работы уходитъ на тренія и надѣяться на эволюцію. Но если мирные пути оставлены и война объявлена, нельзя смущаться тѣмъ, что война остановитъ всѣ мирныя достиженія и разрушитъ то, что было сдѣлано раньше. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Когда штатскіе указываютъ военнымъ на зло войны, напоминаютъ о необходимости упасть жизни, постройки и цѣнности, военные вправѣ раздражаться на такія «диллетантскія реплики». Съ т а к и м и взглядами нельзя войны объявлять, потому что ее нельзя выиграть. И можно быть увѣреннымъ, что война противъ Самодержавія не была бы полностью выиграна, и при-

миреніе съ нимъ произошло бы гораздо раньше, если бы во главѣ движенія остались наши прежніе практическіе дѣятели, а не тѣ, кто даже будучи ими по профессіи и положенію, стали политическими теоретиками по психологіи. Для полной побѣды въ этой войнѣ нужно было имѣть руководство ихъ и потому они затмили и повели за собой испытанныхъ «практиковъ».

Вотъ почему представленіе о земской гегемоніи въ движеніи было иллюзіей. «Освободительное движеніе» было не земскимъ движеніемъ, даже если говорить о той земской группѣ, которая называла себя «конституціонной». Земство было частью наилучше приспособленной для атаки, не больше. Для руководства войной земства не годились. Финалъ «освободительнаго движенія» долженъ былъ раскрыть имъ глаза на ихъ положеніе. Въ іюль 905 г. былъ собранъ съѣздъ группы «земцевъ конституціоналистовъ» для обсужденія вопроса объ образованіи вмѣстѣ съ Союзомъ Союзовъ политической партіи. Этой группѣ пришлось тогда испытать прелесть правила: Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ уйти. Отчетъ объ этомъ съѣздѣ изложенъ въ № 78 и 79 «Освобожденія». Онъ полонъ красочныхъ нотъ и оцѣнокъ. Милюкову, какъ представителю Союза Союзовъ, было суждено поставить на мѣсто земскую группу, которая вздумала говорить о своихъ самостоятельныхъ взглядахъ. Онъ закончилъ свою рѣчь ироническимъ замѣчаніемъ по адресу земцевъ: «послѣ всего того, что мнѣ пришлось выслушать здѣсь, у меня является сомнѣніе не въ томъ, входитъ или не входитъ вамъ въ Союзъ Союзовъ, а по вопросу не откажется ли Союзъ Союзовъ отъ чести состоять съ вами въ товарищескихъ отношеніяхъ».

Такъ земская среда въ 905 г. сыграла въ движеніи ту же роль, что Государственная Дума въ 917 г. Не участвуя земцы въ движеніи, власть въ 905 году такъ скоро не уступила бы, точно такъ-же, какъ въ 917 году она тоже не уступила бы, если бы въ первыхъ рядахъ противъ нея не шла Дума. Но земства, какъ позже и Дума, были только ударною группой, которая прорвала фронтъ непріятеля. Хозяевами побѣды оказались не земцы, а тѣ, кто ими руководилъ, и кто могъ послѣ побѣды поставить свои условия мира.

IV.

Цѣль «освободительнаго движенія» опредѣлила и ея программу. Она вся умѣстилась въ словахъ «долой самодержавіе», которыя изъ эвѳемизма назывались въ то время «двухчленной формулой», а по попавшему въ печать простодушному донесенію одного провинціального полицейскаго пристава, были «извѣстной русской поговоркой». Этой отрицательной формулой исчерпывалась вся программа. Такъ и программой войны бываетъ только одно: побѣдить, сломить живую силу противника, заставить его принять условія мира. О самыхъ же условіяхъ мира во время войны мало думаютъ или во всякомъ случаѣ не говорить.

«Освободительное движеніе» приняло именно такую военную программу и ограничилось фразой «долой Самодержавіе». Это съ большой опредѣленностью изложено въ цитированной уже руководящей статьѣ № 1 «Освобожденія» «Отъ русскихъ конституціоналистовъ». «Нѣтъ смысла, говорить эта статья, поднимать въ настоящемъ заявленіи вопросы о тѣхъ законодательныхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ предстоитъ будущему органу русскаго народнаго представительства. Экономическія, финансовыя, культурныя, просвѣтительныя, административныя реформы, рабочее законодательство и аграрный вопросъ (курсивъ мой. В. М.), децентрализація и переустройство мѣстнаго самоуправленія — все это и подобныя имъ вопросы, выдвинутые русской жизнью, составляютъ неисчерпаемый матеріалъ для будущей законодательной дѣятельности представительнаго органа...»

Такая постановка вопроса съ точки зрѣнія военной тактики была разумна и выгодна; благодаря ей каждый могъ по своему мечтать о послѣдствіяхъ конституции. Если бы передъ общественнымъ мнѣніемъ были поставлены конкретныя мѣропріятія, въ которыхъ нуждалась Россія, то, во-первыхъ, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ начались бы принципіальные споры, а, во-вторыхъ, окказалось бы, что многія могли бы быть проведены существующей властью. Правительство могло *progrigio motu* начать осуществлять такія реформы и внести этимъ раздоръ въ лагерь противниковъ. Какъ во время войны опас-

на формулировка цѣлей войны, такъ во время войны съ Самодержавіемъ, для того чтобы утверждать, что до паденія Самодержавія никакія улучшенія не возможны, было осторожиѣе не углубляться въ вопросъ, какія именно улучшенія нужны. И last but not least переходъ рук-водства движеніемъ отъ «практиковъ» къ «теоретикамъ» дѣлалъ наиболѣе удобной именно такую постановку вопроса; конкретныя нужды Россіи были въ компетенціи «практиковъ». «Теоретикамъ» нужно было отучить общество придавать излишнее значеніе практической прозѣ. Имъ нужно было создать психологію, при которой—надъ этимъ напрасно смѣялись—въ профессиональные дѣятели могли заявлять, что своего дѣла они исполнять не въ состояніи, пока не будетъ собрано Учредительное Собраніе по четырехвосткѣ. Чтобы имѣть возможность это серьезно сказать, было предпочтительнѣй не конкретизировать, что имъ, какъ профессиональнымъ дѣтелямъ, было дѣйствительно нужно.

Итакъ программа движенія опредѣлилась цѣлью, которую оно себѣ ставило; но эта же цѣль заставила однако скоро отказаться отъ прежней принципиальности. Прошло восемь мѣсяцевъ со дня выхода 1-го номера «Освобожденія» и въ № 17, въ личной статьѣ Милюкова, позиція измѣнилась. И перемѣна характерна.

«Истекшій годъ», говорится въ этой статьѣ, даль политическимъ дѣтелямъ исключительный опытъ и этотъ опытъ не можетъ пройти безслѣдно». Что же онъ измѣнилъ? Первая статья заявляла, что нѣтъ смысла поднимать вопроса о законодательныхъ задачахъ будущаго народнаго представительства, въ томъ числѣ и вопросовъ «рабочаго и аграрнаго», — и это было логично. А послѣ опыта оказалось, что если не поднять именно этихъ вопросовъ, то партія «политическаго освобожденія» «оттолкнетъ тѣ элементы, безъ привлеченія которыхъ она будетъ влачить жалкое существованіе». Одной политической реформой, одной конституціей народа въ широкомъ смыслѣ не захватить; интеллигенція осталась бы при своихъ собственныхъ силахъ. И вотъ для привлеченія «крестьянъ и рабочихъ» программа должна дать имъ обѣщанія. Такъ самая постановка этихъ пунктовъ программы уводитъ насъ отъ программы въ область тактики и объ нихъ надо говорить въ связи съ ней.

Быль конечно одинъ вопросъ, который требоваль отвѣта немедленно: что будетъ поставлено на мѣсто Самодержавія? Звучное слово «дойой» этого не объясняло. Но въ этомъ вопросѣ руководители движенія оставались въ предѣлахъ своей компетенціи; и на отвѣтъ, который ими былъ данъ, они наложили свой отпечатокъ.

Какъ я говорилъ, политическая дѣятельность въ Россіи могла быть только «теоретической»; политика не выходила за предѣлы науки и публицистики. У служителей же этихъ профессій не было самаго главнаго— опыта. Чѣмъ больше опыта, тѣмъ больше политической зрѣлости. Въ странахъ съ развитой политической жизнью политическіе дѣятели кончаютъ свое воспитаніе только тогда, когда побываютъ у власти. Только это есть законченный опытъ. Сравнивая два англійскихъ рабочихъ правительства, мы видимъ, что даже кратковременная власть безслѣдно для нихъ не прошла. Но и безъ власти у политической оппозиціи Запада былъ все-таки практической опытъ; ея представители участвовали въ обсужденіи вопросовъ законодательства и управленія, вносили конкретныя предложенія, реально влияли на политику. Это было немало для воспитанія. Мы увидѣли это и на себѣ. За 10 лѣтъ Думы и свободы печати, какъ ни малъ былъ этотъ срокъ, русскіе политическіе дѣятели многому научились. Но какая школа, какой опытъ могли быть у нашихъ политиковъ до 905 года? Всѣ отрицательныя черты ихъ школы и ихъ опыта, т. е. ихъ исключительно «теоретическаго» книжнаго воспитанія, всѣ отразились на томъ движеніи, которымъ имъ пришлось управлять.

Какую политическую борьбу могли до 905 г. вести наша наука и публицистика, хотя бы въ сферѣ только идейной борьбы, т. е. въ «теоріи»? Основной вопросъ всего движенія, вопросъ о Самодержавіи былъ для нихъ абсолютно закрытъ. Публицистика могла, поскольку ей этого не запрещали спеціальныя циркуляры, обсуждать отдѣльные законопроекты, указывать ихъ недостатки. Но вопросы о недостаткахъ Самодержавія, о желательности его замѣны представительнымъ строемъ, даже простые вопросы о смѣнѣ Министра, были запрещены для нея. Объ этихъ вопросахъ могли думать и говорить, но печать была обречена на молчаніе. Печать не можетъ не отзываться на общественные интересы и она отзывалась; но ей оставался одинъ только пріемъ, то, что у насъ называли эзоповскимъ

языкомъ, т. е. намеки и аналогїи. Благодаря этому политическая мысль никогда не могла быть доведена до конца и ни одинъ русскій политическій вопросъ не былъ освѣщенъ всесторонне. Только такъ, полунамеками русскія политическія проблемы и трактовались. Естественно, что съ давнихъ поръ публицистика устремила свое вниманіе на заграничную жизнь; объ ней она могла по крайней мѣрѣ разсуждать безпрепятственно и въ чужой жизни могла отстаивать свои принципы и идеалы. А недостаточное знакомство съ этой жизнью и полная безответственность за сужденія склоняли публицистику къ наиболѣе «идейнымъ», къ теоретически наиболѣе выдержаннымъ взглядамъ и выводамъ. Не смѣя критиковать Самодержавія, она отыгрывалась на порицаніи англійскихъ консерваторовъ, французскихъ оппортунистовъ, на безпощадномъ осужденіи компромиссовъ. Этимъ радикализмомъ она брала свой реваншъ. Такая публицистика давала политическое воспитаніе интеллигенціи. Она дѣлала доброе дѣло, была противовѣсомъ казенной идеологии, напоминала обществу о томъ, что могло бы быть и въ Россіи. Но она соединяла въ себѣ всѣ профессиональные недостатки безответственной оппозиціи, которая судитъ о жизни только по несомнѣнностію ея своему идеалу, безъ учета реальныхъ возможностей.

У публицистики было другое свойство того же порядка и происхожденія. Идеаль, на которомъ была воспитана наша интеллигенція, былъ такъ далекъ отъ русской дѣйствительности, что она и не старалась его съ ней преемственно связывать. Публицистика не интересовалась вопросомъ, какъ должны преломиться въ русской жизни принципы, которые она провозглашала, и какимъ существовавшимъ у насъ институтамъ суждено «переродиться» въ европейскія учрежденія? Наши историки, которые такъ хорошо разрабатывали вопросъ о преемственной смѣнѣ политическихъ формъ въ нашемъ прошломъ, говоря о будущемъ, старались забыть объ этомъ прошломъ, какъ о дурной наслѣдственности, которая только мѣшаетъ. Любопытно, что самыя условія цензуры благоприятствовали такой точкѣ зрѣнія; надо было и збѣгать слишкомъ явныхъ параллелей и аналогій. Читатель давно научился читать между строкъ и понимать намеки съ полъ слова. Знаменитая записка Витте о томъ, какъ земства ведутъ къ конституціи, произвела потрясающее впечатлѣ-

ніе болѣе всего потому, что со всей рѣзкостью поставила вопросъ, котораго въ печати ставить не смѣли и о которомъ общественное мнѣніе мало думало. Вѣдь для нашей печати на этомъ настаивать значило бы компрометировать земства и съ ея стороны это было бы сочтено за «доносъ». Такъ политическое воспитаніе наше приучало насъ къ идеѣ о перерывѣ преемственности въ государственнымъ развитіи, заставляло смотрѣть на Россію какъ на *tabula rasa*, на которой въ извѣстный моментъ будетъ строиться новый политическій строй по послѣднимъ рецептамъ искусства. А эти рецепты публицистика давно изучила и не видѣла основанія отказать въ нихъ Россіи.

Вспоминаю курьезъ. С. А. Муромцевъ былъ большимъ любителемъ процедуры, формъ и систематики; онъ не только любовно сочинилъ Думскій регламентъ, онъ проявлялъ это влеченіе въ сферахъ отъ него очень далекихъ. Какъ то мы ѣхали на процессъ въ Харьковъ. По дорогѣ онъ мнѣ рассказывалъ, что на досугъ сочинялъ примѣрныя росписи поѣздовъ съ наибольшими удобствами для пассажировъ и съ наименьшей затратой усилій для желѣзныхъ дорогъ. Свойства ума С. А. Муромцева создавали въ немъ такіе своеобразные интересы. Муромцевъ принималъ участіе въ составленіи конституціи Союза Освобожденія, такъ называемаго «Основного Закона». Онъ былъ построенъ на отвлеченныхъ принципахъ, точь въ точь какъ «нормальный» уставъ какого-либо акціонернаго общества. Но С. А. Муромцевъ наряду съ этимъ занялся другимъ дѣломъ. Онъ попробовалъ изложить нашу конституцію иначе, въ видѣ исправленія прежнихъ статей нашего I-го тома. Характерно, что на эту работу всѣ, кто ее видѣлъ, въ томъ числѣ и онъ самъ, смотрѣли какъ на курьезъ и забаву. Тогда никто не согласился бы съ тѣмъ, что именно такъ, а не иначе должна была бы быть написана конституція для Россіи; что было полезно сохранить преемственную связь новаго порядка со старымъ, хотя бы въ ущербъ стройности новаго здания; что надо было бы стараться выводить новое изъ простого видоизмѣненія старыхъ законовъ, идти по дорогѣ нашего кассационнаго Сената, который путемъ вольной интерпретаціи пополнялъ и исправлялъ недостатки нашего 10-го тома. Мысль о преимуществѣ эволюціи пе-

редь постройкой новаго зданія показалась бы тогда ненужной или вѣрнѣе отсталой.

Понятно, какъ я конституція выработалась въ такой атмосферѣ. Она отразила всѣ свойства мышленія нашихъ «политиковъ», которые заботились лишь объ одномъ; что бы не забыть въ ней какихъ-либо послѣднихъ словъ политической мысли. Эта забота превосходная для «теоретиковъ», была недостаточна для «практическихъ» дѣятелей. Государственные люди, какъ указалъ Наполеонъ въ своемъ завѣщаніи, должны прежде всего понимать, съ какимъ человѣческимъ матеріаломъ они должны оперировать. Наши политики объ этомъ не размышляли, ибо никогда съ нимъ не оперировали. Я не знаю для этого примѣра болѣе красочнаго, чѣмъ разговоръ П. Н. Милюкова съ С. Ю. Витте въ 905 г. Я не рѣшился бы передавать этого разговора, если бы самъ Милюковъ не привелъ его въ своей книжкѣ «Три попытки». Разговоръ относится къ той эпохѣ, когда Витте только что назначенный премьеромъ входилъ въ контактъ съ нашей общественностью, просилъ у нея и совѣта и помощи. Милюковъ, и въ этомъ можно ему отдать справедливость, лично для себя отказался идти по пути, который однако считалъ тогда обязательнымъ для кадетъ, т. е. отъ требованія созыва Учредительнаго Собранія по четырехвосткѣ. Политическій смыслъ и сознаніе отвѣтственности на этотъ разъ побѣдили въ немъ партійную дисциплину. «И на поставленный мнѣ сразу вопросъ Витте: что дѣлать, пишетъ Милюковъ, я рѣшилъ отвѣтить по совѣсти и по личному убѣжденію, не связывая себя общепринятыми политическими формулами моихъ единомышленниковъ. Я хотѣлъ свести споръ съ академическихъ высотъ въ сферу реальной дѣйствительности». (Три попытки, стр. 23). Такое рѣшеніе отвѣтить по совѣсти, и по личному убѣжденію можно только приветствовать. Чтобы не дезавуировать партіи, которой онъ былъ самымъ отвѣтственнымъ представителемъ, онъ отвѣтилъ Витте дипломатично: «Если-бы я выражалъ мнѣніе партіи, отвѣтилъ я Витте, то я повторилъ бы то-же, что сказалъ намъ Кокошкинъ. Но я понимаю, что для васъ это мнѣніе не можетъ имѣть той силы, какъ для насъ, и что положеніе слишкомъ сложно, чтобы примѣнять теоретически правильные совѣты во всей чистотѣ». (Три попытки, стр. 23). Это едва ли совершенно логично, но тѣмъ интереснѣе, какъ ой же совѣтъ онъ ему далъ отъ себя? Я оставляю въ

сторонѣ поднятый въ бесѣдѣ вопросъ о составѣ правительства. Странно, что Милюковъ и сейчасъ какъ будто не понимаетъ, почему данный имъ совѣтъ не призывать о бщественныхъ дѣятелей, а составить кабинетъ бюрократовъ былъ принять Витте съ такимъ экспансивнымъ восторгомъ. Но что посоветовалъ онъ вмѣсто Учредительнаго Собранія, которое было въ то время боевымъ кличемъ нашей интеллигенціи, политическимъ сгедо передовой русской общественности? Цитирую его слова такъ, какъ онъ самъ ихъ привелъ: «Произнесите слово: конституція, — говорилъ Милюковъ. — Опять-таки для ускоренія и для упрощенія дѣла позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русскій языкъ бельгійскую или, еще лучше, болгарскую конституцію, завтра поднесите ее царю для подписи и послѣ завтра опубликуйте. Это будетъ конституція октроированная, и васъ будутъ бранить за такой образъ дѣйствій, но потомъ успокоятся, и все войдетъ въ норму. Нельзя говорить, что мы, русскіе, не доросли до этого, разъ я вамъ ссылаюсь на такую страну, какъ Болгарія, оттуда я недавно пріѣхалъ». (Три попытки, стр. 24 - 25).

Приводя свой отвѣтъ Милюковъ продолжаетъ: «Одушевленіе Витте прошло». Еще бы! Тѣмъ кто зналъ Витте, его острый практической умъ, его умѣнье не критиковать, не фантазировать, а о с у щ е с т в л я т ь, легко понять, почему все «одушевленіе» Витте отъ подобнаго совѣта «прошло». Чт о долженъ былъ онъ подумать? Если въ э т о м ъ была государственная мудрость нашихъ общественныхъ дѣятелей, если одни требовали опаснаго эксперимента Учредительнаго Собранія, а другіе «перевода» чужихъ конституцій, помощи отъ нихъ ждать было нельзя. Для Витте стало ясно, что общественность не понимаетъ трудности положенія и не сознаетъ ответственности за то, что можетъ произойти. Ея совѣты могли только увеличить, а не устранить сумбуръ, который уже водарялся въ Россіи. И Витте поневолѣ оставалось искать выхода п о м и н о общественности.

Мнѣ придется къ этой эпохѣ вернуться; въ ней лежитъ ключъ къ позднѣйшимъ событіямъ. Сейчасъ я говорю о ней лишь потому, что этотъ разговоръ Милюкова, который онъ самъ приводилъ для «уличенія» Витте, характеренъ для психологін этого времени, когда въ поискахъ того, что нужно Россіи, даже такіе выдающіеся люди, какъ

Милюковъ, считали достаточнымъ «переводъ на русскій языкъ бельгійской или болгарской конституціи». Долгое насильственное устраненіе русскаго общества отъ политической жизни, запретъ для печати обсуждать эти вопросы получали въ этомъ свою Немезиду *).

Когда такіе политики стали сочинять для Россіи «нормальную» конституцію, понятно къ какимъ выводамъ они приходили; ихъ конституція соединяла въ себѣ послѣднія слова политической науки и техники. Всеобщее избирательное право, отвѣтственное министерство, сведеніе монархіи къ декорации и, наконецъ, — *la grande pensée du règne* — созывъ Учредительнаго Собранія по четыреххвосткѣ для составленія конституціи на этихъ началахъ. Единственная связь съ существовавшимъ строемъ Россіи заключалась въ томъ, что для составленія избирательнаго закона въ Учредительное Собраніе — и только для этого — должно было быть создано специальное многочленное собраніе (Комиссія по составленію избирательнаго закона въ 917 г. состояла, если не ошибаюсь, больше чѣмъ изъ 100 человекъ), и это собраніе должно было состояться изъ представителей существующихъ общественныхъ организацій и учреждений. Итакъ вотъ къ чему сводилась тогдашняя освобожденская схема: во-первыхъ, громоздкая комиссія для составленія избирательнаго закона въ Учредительное Собраніе; потомъ созванное по этому закону Учредительное Собраніе, которое сочинить русскую конституцію; и только тогда нормальное законодательное собраніе, которое будетъ думать объ текущихъ нуждахъ страны. Вотъ та сложнѣйшая и медлительная схема, которая должна была дополнить лаконическую формулу «долой самодержавіе». Она соотвѣтствовала психологіи нашихъ руководителей; но можно спросить, какъ могла она быть принята широкимъ общественнымъ мнѣніемъ?

Я имѣю здѣсь личный опытъ и могу о немъ говорить. Мнѣ уже былъ сдѣланъ упрекъ, что въ своихъ Воспоми-

---

*) Какъ ни характеренъ отвѣтъ Милюкова для психологіи интеллигенціи, еще характернѣе позднѣйшее замѣчаніе М. Вишняка, который въ своей интересной статьѣ «О русской революціи» («Современныя Записки» № 38) приводитъ этотъ Милюковскій отвѣтъ, какъ доказательство того, что Милюковъ «былъ болѣе, чѣмъ умѣренъ въ своемъ совѣтѣ Витте».

наніяхъ я не говорю о себѣ и мнѣ было указано, что и на мнѣ лежитъ отвѣтственность за революцію*). Последняго я не отрицалъ никогда, и если и впередъ собираюсь какъ можно меньше говорить о себѣ, то совсѣмъ не потому, чтобы хотѣлъ уклониться отъ личной отвѣтственности. И въ данномъ вопросѣ я охотно сошлюсь на свой личный опытъ; онъ характеренъ для этой отвѣтственности.

Я никогда не скрывалъ своего отношенія къ четырехвосткѣ. По моему мнѣнію она преходящій и очень несовершенный институтъ демократіи, который непременно замѣнится чѣмъ-то другимъ. Представительное собраніе, особенно полномочное, должно выражать не только народную волю, но и народный разумъ; волю можно еще опредѣлять числомъ голосовъ, разума же такъ не находятъ. Сводя все къ «волѣ» народа, которой будто бы мы безпрекословно должны подчиняться только потому, что такова народная воля, мы живемъ по старымъ понятіямъ, когда отъ насъ требовали подчиненія «волѣ» нашего Самодержца. «Воля» ничего не доказываетъ и не всего можно «волей» достигнуть. И тѣмъ не менѣе и мнѣ однажды довелось выступить защитникомъ освободительской политической схемы съ четырехвосткой.

Послѣ 18 февраля 905 г., когда всѣ были приглашены представлять въ Совѣтъ Министровъ свои пожеланія, этимъ правомъ рѣшила воспользоваться Московская адвокатура. Я не помню деталей того, какъ это собраніе было устроено. Конечно, оно состоялось по общему рецепту собраній этого рода. Была инициативная группа, которая взялась провести заранѣе приготовленную для сего резолюцію. Не помню по какимъ основаніямъ этой группой было поручено мнѣ предложить и защищать резолюцію. Она была той банальной схемой, о которой я говорилъ. Для московской адвокатуры въ ея совокупности она была неожиданной. Политическіе взгляды адвокатуры такъ далеко не шли. Правда, 1905 годъ былъ разгаромъ «освободительнаго движенія», когда правые боя не принимали, и сочувствіе либеральной резолюціи было предрѣшено; но отъ «либерализма» до «освободительской формулы» было далеко и убѣдить собраніе принять ее казалось не просто. Можно было ждать возраженій. Но адвокатура

---

*) М. Вишнякъ, «Современныя Записки», 38-ая книга, «О русской Революціи», стр. 318, 351.

была интеллигентскимъ собраніемъ, впитала въ себя интеллигентскую психологію, и это дѣлало мою задачу и мой успѣхъ очень легкимъ. Логически освобожденская позиція была неуязвима. Я началъ съ того, что достаточно нѣсколькихъ принциповъ и примѣненія логики, чтобы вывести изъ нихъ полностью всю нашу программу. Дѣйствительно, если мы признаемъ, что политическія права не привилегія, а право каждого гражданина, все остальное приложится. Если мы строимъ новый порядокъ на осуществленіи каждымъ своихъ политическихъ правъ, вся власть должна принадлежать народному представительству; въ выборахъ этой власти у всѣхъ должно быть равное право. Если только народное представительство полноправно для одобренія текущихъ законовъ, очевидно, только оно можетъ написать и «конституціонный законъ». Такъ доказывалась и необходимость Учредительнаго Собранія, и четыреххвостка, и предварительная Комиссія для выработки четыреххвостки. Для интеллигентскаго мышленія эти доводы были неотразимы. Слабымъ ихъ мѣстомъ была ихъ отвлеченность. Подобныя разсужденія могли быть примѣнены ко всякому народу и ко всякому государству; о томъ, въ какой мѣрѣ такой порядокъ могъ годиться Россіи и соответствовать развитости ея населенія, вопроса не ставилось. Самая постановка его показала бы неуваженіемъ къ суверенитету народа. Точно также мы обходили вопросъ: какую роль въ переустройствѣ Россіи мы предоставимъ существующей власти? Мы разсуждали такъ, какъ будто бы ея уже не было. Практически это было нежизненно; но съ точки зрѣнія логики построеніе было безукоризненно и на нашемъ собраніи оказалось, что не о чемъ спорить. Всѣ были согласны. Одинъ Шмаковъ завелъ свою обычную пѣсню. Конечно, говорить ему и не дали; однако послѣ того, какъ заставили его замолчать, стали побѣдоносно ему возражать. Помню, что только одинъ адвокатъ предложилъ ограничить право голоса «грамотными». Но ему возражали, что неграмотные невиноваты въ томъ, что ихъ не «учили», какъ будто вопросъ можно ставить въ плоскость «вины». Такъ вся освобожденская формула была съ легкостью принята. Позднѣе мнѣ приходилось выступать на менѣ интеллигентныхъ собраніяхъ и «защищать» самый Манифестъ и основы тогдашаго строя, которыя Манифестъ объявлялъ. На народ-

ныхъ собраніяхъ даже это было труднѣе; нужно было считаться съ возраженіями отъ «здраваго смысла», которыя интеллигенцію не останавливали.

Но дѣло не въ легкости, съ которой можно было защищать освобожденческую формулу. Я долженъ объяснить, почему я ее защищалъ, хотя ей не сочувствовалъ? Этотъ личный вопросъ имѣетъ общее значеніе, ибо въ такомъ положеніи я былъ не одинъ.

Причина этой аномалии въ томъ, что «освободительное движеніе» объединялось только отрицательнымъ его лозунгомъ «долой Самодержавіе». Въ этомъ пунктѣ единство было едино; самодержавіе послѣдняго Государя къ нему привело. Все остальное было лишь «тактикой». Конечно были искренніе поклонники и четырехвостки, и Учредительнаго Собранія; ихъ даже было больше, чѣмъ полагалось бы по здравому смыслу. Но было еще гораздо больше людей болѣе скептическихъ и осторожныхъ. Но эти люди именно благодаря своему скептицизму хорошо понимали, что рѣчь шла только объ идеаль, что существовавшая власть ни четырехвостки, ни Учредительнаго Собранія не допустить, что все кончится компромиссомъ. Такъ думало большинство объявителей. Въ этой увѣренности общественность считала долгомъ своего знамени не спускать, до уступокъ сразу не унижаться и свою программу сначала «развертывать» полностью. Эта система «запроса» для обезпеченія въ будущемъ возможныхъ уступокъ такъ укоренилась въ нашихъ привычкахъ, что и послѣ долгое время почиталась государственной мудростью «оппозиціи». Вотъ почему сами скептики принимали освобожденческую программу безъ энтузіазма, но и безъ опасеній. Это одно; а другое, что въ принятіи ея была реальная выгода; этой программой либеральное движеніе сближалось съ революціонными партіями и выбивало изъ ихъ рукъ главное оружіе противъ либерализма. Для русской Революціи полновластное Учредительное Собраніе было издавна символомъ вѣры. Народовольцы въ письмѣ къ Александру III отказывались отъ террора, если бы Учредительное Собраніе было создано. Если бы имъ въ тѣ годы сказали, что революціонеры разгоняютъ Учредительное Собраніе, выбранное по максимальной, фантастической четырехвосткѣ, что самый принципъ Учредительнаго Собранія будетъ объявленъ

изобрѣтешемъ буржуазіи, они это сочли бы клеветою на Революцію.

Вотъ причины, по которымъ многіе, и я въ томъ числѣ, даже не будучи еще ни какой партійною дисциплиной связаны, шли общимъ фронтомъ въ этомъ вопросѣ и почему я могъ тогда этотъ фронтъ защищать. Эта общая позиція характерна. Въ то время и не только въ этомъ всѣ руководились одной заботой; найти лучшую тактику для борьбы съ Самодержавіемъ. На войнѣ всегда такъ разсуждаютъ и для побѣды все приносится въ жертву. Такое общественное настроеніе, конечно, могло побѣдѣ надъ самодержавіемъ; но за него мы дорого заплатили позднѣе. Къ этой тактикѣ я теперь и перейду.

В. Маклаковъ.

Новая Россія

НОВОЕ ОБЩЕСТВО *)

Ни въ чемъ такъ не выразилась грандіозность русской революціи, какъ въ произведенныхъ ею социальныхъ сдвиггахъ. Это самое прочное, не поддающееся передѣлкѣ и пересмотру «завоеваніе» революціи. Смѣнится власть, падеть, какъ карточный домикъ, фасадъ потемкинскаго социализма, но останется новое тѣло Россіи, глубоко переродившейся, съ новыми классами и новой психологіей старыхъ. Глубина переворота зависитъ отъ того, что совершенъ онъ не только политической волей большевистской партіи. Помимо указанныхъ выше могущественныхъ факторовъ, здѣсь дѣйствовали такія силы, какъ голодъ и разореніе гражданской войны, и даже годы войны «империалистической». Все било въ одну точку: раздавить хрупкую въ Россіи прослойку людей умственного труда и полнѣе значеніе крѣпкихъ мускуловъ. Борьба за существованіе сама совершала классовый отборъ. Цѣлыхъ классовъ — помѣщиковъ, интеллигенціи, старой буржуазіи — уже не существуетъ. Ихъ мѣсто заняли новыя образованія. Вглядимся же въ новый чертежъ социального строенія Россіи.

а) Крестьянство.

Крестьянство осталось по-прежнему въ основаніи пирамиды, производящимъ, кормящимъ, поддерживающимъ атлантомъ. Но это уже не послѣднее, не униженное сосло-

---

*) Настоящіе очерки примыкаютъ къ статьѣ «Революція идетъ», напечатанной въ № 39 «Совр. Зап.». Связующей частью между ними должна была служить «Схема революціи». Отсутствіемъ ея объясняется нѣкоторая недоговоренность печатаемыхъ главъ. Г. Ф.

віе: по существу, даже первое сословіе «земской, неопричной Россіи. Политическое безправіе и даже экономическая эксплуатація деревни городомъ не въ силахъ парализовать ея соціального подъема. Подъемъ этотъ всего менѣе отражается въ цифрахъ. Его трудно показать невидящему и невѣрящему, потому что онъ заключается въ невѣсомомъ, но огромной важности фактѣ: въ соціальномъ самосознаніи.

Выкуривъ помѣщика, вооруженное винтовками и пулеметами, крестьянство одно время воображало, что оно съ такой же легкостью можетъ уничтожить и городъ и государство. Прекративъ уплату податей, уклоняясь отъ мобилизацій, оно съ злорадствомъ смотрѣло на толпы нищихъ мѣшечниковъ, которыя высылали къ нему голодающій городъ. На фонѣ грязныхъ лохмотьевъ обносившейся городской культуры, деревенская овчина казалась боярскимъ охабнемъ. Когда деньги превратились въ бумажную труху, мужикъ сталъ ѣсть мясо и вернулся къ натуральному хозяйству, обеспечивающему его независимость отъ города. Въ городѣ разваливались каменные дома, деревня отстраивалась: помѣщичій лѣсъ и паркъ шель на бѣлую избяную стройку.

Это благополучіе оказалось непрочнымъ. Вооруженные отряды, отбравшіе «излишки», декреты, приводившіе къ сокращенію посѣвной площади, голодъ и людоедство въ Поволжьи и въ Крыму, — все это слишкомъ памятно. Отступленіе партіи, длительный, хотя очень медленный подъемъ деревни (1922 - 1927), и, наконецъ, новое разореніе послѣднихъ лѣтъ—все время нервнируютъ возможности удовлетворенія. Въ деревнѣ, освобожденной отъ помѣщика и отъ навожденія земельной прирѣзки, проснулся небывалый голодъ къ труду. Крестьянинъ словно впервые почувствовалъ себя хозяиномъ на своей землѣ: онъ жадно слушаетъ агронома, бросается на техническія новинки, которыя еще недавно его пугали. Онъ рассчитываетъ, строитъ планы, — и убѣждается, что, при данной фискальной системѣ, самое умное — скосить свой хлѣбъ на сѣно. Но при малѣйшей передышкѣ онъ показываетъ свою силу. Среди старшаго поколѣнія три милліона побывавшихъ въ нѣмецкомъ плѣну вернулись энтузіастами технического прогресса. Остальные — всѣ, посидѣвшіе въ окопахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ казармахъ,

исходившіе Россію изъ конца въ конецъ, цѣлые годы пившіе газетой и опіумомъ митинговыхъ рѣчей, — какъ не похожи они на патріархальный типъ русскаго Микулы. Многие до сихъ поръ продолжаютъ бриться и носить городской пиджакъ. Большинство, разувѣрившееся въ новыхъ фестишахъ, не вернулось къ старымъ святынямъ. Мужикъ сталъ рационалистомъ. Онъ понимаетъ русскій литературный языкъ и правильно употребляетъ множество иностранныхъ словъ. Правда, это скудный языкъ газеты, и вмѣстѣ съ нимъ въ голову входятъ газетныя идеи. Обычный здравый смыслъ крестьянина предостерегаетъ его еще отъ прямолинейнаго рѣшенія послѣднихъ вопросовъ жизни. Онъ не вынесетъ изъ избы иконъ; не бывая въ церкви по воскресеньямъ, онъ придетъ туда вѣнчать, крестить, хоронить своихъ домочадцевъ. Но на землѣ для него уже нѣтъ ничего таинственнаго. Онъ превосходно разбирается въ экономическихъ вопросахъ, столь запутанныхъ въ совѣтской Россіи. Онъ заглянулъ и въ лабораторію власти, которая утратила для него священное обаяніе. Отношеніе его къ совѣтскому правительству весьма сложно.

Мужикъ уже не склоненъ ломать шапки передъ начальствомъ. Какъ ни бьютъ деревню, она не забита. Мужикъ боится всоруженной силы, пока самъ безоруженъ. Власть можетъ разстрѣлять десятокъ-другой изъ деревенскихъ «кулаковъ», можетъ спалить все село — въ случаѣ возстанія. Но когда она является въ деревню безъ военнаго сопровожденія, она не импонируетъ. Проѣзжаго комиссара всегда могутъ «обложить» въ совѣтѣ, да и въ уѣздномъ городѣ мужикъ не очень стѣсняется съ начальникомъ: свой братъ. Демагогія является необходимымъ моментомъ коммунистической деспотіи, и демагогія не проходитъ даромъ. Нельзя безнаказанно чуть не каждую недѣлю собирать людей, обращаться къ нимъ, какъ къ свободнымъ и властнымъ хозяевамъ земли, представлять имъ фиктивные отчеты по всѣмъ статьямъ внутренней и вѣшной политики. Крестьянинъ уже повѣрилъ въ то, что серпъ съ молотомъ должны править Россіей, что онъ хозяинъ русской земли по праву. А если въ жизни онъ по-прежнему обиженъ, онъ знаетъ, что наслѣдники Ленина его обманываютъ, какъ прежде царскіе министры. Ненавидя коммунистовъ, онъ не унижается передъ ними. Впрочемъ, и ненависть его къ коммунистамъ лишена классоваго характера. Она смягчается сознаніемъ, что въ новомъ правя-

щемъ словѣ все свои люди. Правда, въ деревнѣ процентъ коммунистовъ совершенно ничтоженъ. Но трудно представить современную крестьянскую семью, у которой не было бы родственника въ городѣ на видномъ посту: командира Красной Арміи или судьи, агента Г. П. У. или, по крайней мѣрѣ, студента. Поругивая молодежь, дѣлающую карьеру, старики все же гордятся ею. Да, наконецъ, и сами партійцы ругаютъ власть. Деревня знаетъ, какъ много въ партіи «редисокъ»: иные и въ коммунисты пошли, чтобы лучше тянуть семью или служить своей деревнѣ въ Сельсовѣтѣ. И деревенскій терроръ вовсе не цѣлится въ коммунистовъ, какъ таковыхъ: зачастую онъ направляется рукою коммуниста. Деревня сейчасъ, вопреки разговорамъ о «кулакахъ», представляетъ небывалое единство въ экономическомъ отношеніи. Но всегда находится одинъ или нѣсколько паразитовъ, желающихъ устроиться на чужой счетъ: будутъ ли они называться кулаками, бѣдняками или колхозниками, предсѣдателями или селькорами, это не важно. На нихъ то и сосредоточивается ненависть деревни. Несмотря на просачивающіяся кое-гдѣ требованія легализаціи крестьянской партіи, едва ли деревня имѣетъ опредѣленный политическій идеалъ. Безспорно, выросла ея политическая независимость, но трудно сказать, насколько выросло ея государственное сознаніе со времени анархическаго утара 1917 - 19 г. г.

б) Рабочій классъ.

Рабочій классъ, быть можетъ, несчастнѣе всѣхъ въ современной Россіи. Незадачливый диктаторъ, претендентъ на роль новаго дворянина, онъ, въ отличіе отъ крестьянина, сильно опустился. Революція дала ему титулы (герой труда), знамена, даже ордена, но лишила самаго главнаго: его мечты. Матеріально, его положеніе почти не улучшилось. Кое-гдѣ, для нѣкоторыхъ категорій, даже улучшилось немного. На фонѣ общей нищеты это создавало иллюзію достижений. По «I-ой категоріи» рабочій питался лучше учителя. Хмель социальныхъ привилегій бросался въ годову. И нужно сказать, что рабочій, воспитанный на марксизмъ, принималъ, какъ должное, привилегіи. Превосходство мозолистыхъ рукъ надъ мозгомъ казалось ему безспорнымъ. Черезъ 12 лѣтъ послѣ революціи, когда

давно пора было улечься классовой ненависти, рабочій находить еще удовольствіе въ травлѣ инженероѡ, въ истязаніи врачей. Правда, теперь это уже не торжество побѣдителя, а слѣпая злоба побѣжденнаго.

Нельзя безъ конца упиваться привилегіями, когда онѣ не реализуются въ жизненныхъ цѣнностяхъ. Рабочій, быть можетъ, одинъ боролся по настоящему за социализмъ, жертвовалъ для него страданіями, голодомъ, кровью. Его ослѣпляла мечта о земномъ раѣ. И вотъ, онъ по-прежнему прикованъ, какъ каторжникъ къ тачкѣ, къ постылому, бессмысленному труду. Обстановка, самый процессъ этого труда на фабрикѣ измѣнились лишь къ худшему: статистика несчастныхъ случаевъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ.

При номинальномъ 8-часовомъ, или даже 7-часовомъ рабочемъ днѣ, сверхурочные часы обязательны. Дисциплина? Здѣсь трудно уравнивать два ряда противоположныхъ явленій: съ одной стороны, прогулы, пьянство — въ размѣрахъ, невозможныхъ на старой фабрикѣ, съ другой — опыты рационализаци, тейлоризаци, фордизаци, подстрекательство къ «соревнованіямъ», придирчивый контроль. Гдѣ же свобода? Въ мастерскихъ шпионы занимаютъ, въ правильномъ порядкѣ, мѣста за станками, чтобы не проронить ни одного слова. Красный директоръ изъ выслужившихся пролетаріевъ лишь раздражаетъ вчерашнихъ товарищей, попавшихъ подъ его тяжелую руку. Комячейка изъ тунеядцевъ, которая верховодитъ всѣмъ на фабрикѣ, вызываетъ зависть и злобу.

Не нужно забывать, какой огромный процентъ рабочихъ-соціалистовъ дѣлаетъ административную карьеру — вплоть до постовъ въ Совнаркомѣ и командующихъ арміями. Многие изъ нихъ перестали быть декоративными фигурами и разбираются въ дѣлѣ не хуже другихъ. Но для станка они потеряны безвозвратно. Этого кровопусканія «сознательныхъ» рабочій классъ вынести не могъ. Онъ сталъ стремительно падать. Его апатія сказалась въ отсутствіи культурныхъ интересовъ. Онъ пересталъ посѣщать лекціи, остылъ къ рабфакамъ. Въ то время, какъ государство изъ кожи лѣзетъ, чтобы «рабочить» науку и искусство, рабочій сталъ къ нимъ совершенно равнодушенъ. Пролеткультура оказалась блефомъ. Рабочій клубъ превратился въ притонъ, и въ неслыханномъ пьянствѣ и развратѣ рабочая молодежь убиваетъ въ себѣ послѣднюю

искру соціального идеализма. Вся работа интеллигенціи съ 90-хъ г. г. въ воскресныхъ школахъ пошла на смарку. Чубаровщина именно пролетарскій продуктъ, и, конечно, никогда въ своей страдальческой исторіи русскій рабочий не падалъ такъ низко.

в) Совѣтскіе служащіе.

Этотъ классъ представляетъ самый оригинальный продуктъ русской революціи. Въ немъ слились въ одинъ весьма сложный сплавъ остатки старой бюрократіи и старой интеллигенціи съ «новой демократіей», отчасти съ верхушками пролетаріата. Было бы слишкомъ просто сказать, что въ этомъ образованіи бюрократія поглотила интеллигенцію, и что мы имѣемъ въ Россіи типично чиновничье государство. Вѣрно то, что интеллигенція въ Россіи исчезла безъ остатка — интеллигенція въ старомъ смыслѣ, какъ общество, противоположавшее себя государству. Но умирая, она завѣщала бюрократіи частицу своего духа, кое-что отъ своихъ традицій, хотя и чрезвычайно деформированныхъ. Упрощая, можно было бы сказать, что Россія вернулась къ 18 вѣку, когда не существовало противоположности между обществомъ и служилымъ классомъ. Конечно, нужно помнить, что это произошло цѣною такого давленія пресса, при которомъ всякая свободная дѣятельность становилась невысказанной. «Свободная профессія» — каторжное клеймо въ Россіи.

Саботажъ былъ естественной, но кратковременной реакціей безсилія на государственный переворотъ. У части интеллигенціи мотивы соціального служенія не допускали саботажа. Униженная, она продолжала служить народу — государству. Передъ остальной массой не было выбора: служба или голодная смерть. Втянувшись въ ярмо, она работала уже и за страхъ и за совѣсть. У людей, измученныхъ многолѣтней пыткой и страхомъ смерти, атрофировалось самое чувство свободы. Примиряясь съ рабствомъ, не хотѣли примиряться лишь съ полной бессмысленностью жизни, стараясь вложить какъ можно больше смысла въ свой подневольный трудъ.

Однимъ изъ пороковъ старой интеллигенціи было ея презрѣніе къ профессиональному труду. Рѣдко можно было встрѣтить въ Россіи человѣка, призваніе котораго, въ

его глазахъ, совпадало бы съ профессіей. Теперь почувствовали, что, составляя каталогъ бібліотеки, охраняя музей, выполняютъ огромное дѣло — «спасенія русской культуры». И въ дѣло вкладывали всѣ еще неистраченные силы, весь, подогрѣтый въ кострѣ революціи, энтузіазмъ жертвы.

Старая бюрократія могла дать интеллигенціи свой опытъ формъ, рабочихъ приѣмовъ, свой духъ профессионализма. Въ общемъ, въ процессѣ работы, она слилась съ интеллигенціей такъ, что уже ничего не оставалось отъ стараго вѣкового антагонизма. Вчерашній адвокатъ работаетъ рядомъ съ прокуроромъ — оба юристы, — и старыя политическія программы уже давно не раздѣляютъ людей.

Новые люди приживались медленно. Они входили, какъ чужіе, и занимали лучшія мѣста. Долго длилось взаимное подсиживание, мстительный прижимъ побѣдителей, злобное шипѣніе побѣжденныхъ. Новые люди были, мягко говоря, малограмотны, и не имѣли понятія о дѣлѣ, къ которому были приставлены. Зато они были полны кипучей энергіей и стремленіемъ все перевернуть вверхъ дномъ. Началась трагикомическая борьба (отнюдь не саботажъ), гдѣ интеллигенція, самая передовая, вынуждена была заниматься чистымъ охранительствомъ, во имя здраваго смысла. Шли годы, паовеню обтесывались, учились и, если не становились растратчиками и прожигателями жизни (что тоже не рѣдкость), то проявляли иногда большія способности. Во всякомъ случаѣ, эта группа сообщила совѣтскому механизму тотъ стремительный темпъ, тотъ беспощадный напоръ работы, который менѣе всего вяжется съ классическимъ представленіемъ о бюрократіи. Отъ совѣтскаго служащаго требуется не только исполненіе предначертаній (конечно, и это, и самыхъ противоположныхъ при томъ), но и собственный починъ, изобрѣтательность, творчество. Въ соответствіи съ нелѣпостью основной идеи, огромный процентъ этихъ изобрѣтеній и этой работы дѣлается совершенно зря. Но не все же зря. Есть обширныя сферы чисто профессиональныхъ заданий, которыя не могутъ быть освѣщены (или искажены) идеей. Тутъ-то и протекаетъ подлинно творческая работа новаго служащаго класса. Здѣсь огромная, пока еще почти только потенциальная энергія, которой лишена была им-

нераторская бюрократія, и которая можетъ быть направлена на строительство будущей Россіи.

Но, въ отличіе отъ старой бюрократіи, новому служилому классу не принадлежитъ власти надъ Россіей. «Партія» держитъ власть въ своихъ рукахъ. Совслужащіе лишь въ ничтожной долѣ совмѣщаютъ работу въ государственномъ и партійномъ аппаратѣ. Вся масса ихъ, несмотря на огромный и безкорыстный трудъ, и на 12-мъ году революціи остается на положеніи бѣлыхъ рабовъ; идеологія новаго государства не оставляетъ имъ мѣста въ царствѣ «рабочихъ и крестьянъ».

г) Нэпманы.

Какъ извѣстно, въ Россіи это псевдонимъ буржуазіи, т. е. торгово-промышленнаго класса. Тотъ оттѣнокъ новаго, «нзвориша», который звучитъ въ этомъ словѣ, имѣетъ свое оправданіе. Вся старая буржуазія въ Россіи выкорчевана начисто. Старыя семьи среди нэпмановъ встрѣчаются въ видѣ исключенія. Само бытіе этого класса весьма прекарно. Каждый день нэпманъ можетъ ждать раззоренія, тюрьмы, ссылки. Государство официально защищаетъ теорію, согласно которой нэпманъ откармливается, въ буквальномъ смыслѣ, на убой. Эти періодическія бойни держатъ новорожденный классъ въ очень худомъ тѣлѣ. Объ обростаніи жиромъ говорить не приходится. Лишь въ 1923 г., въ первый годъ настоящаго, Ленинскаго нэпа, наживались серьезные капиталы. Можно было говорить о совѣтскихъ милліонерахъ. Черезъ годъ уже съ этимъ было покончено. Но самое существованіе нэпмана столь же неизбежно, какъ существованіе крестьянина. Одинъ производитъ элементарные продукты, другой распределяетъ ихъ. Безъ нэпмана, какъ безъ мужика, Россія умерла бы съ голоду. Это онъ, въ первобытной формѣ мѣшечника, спасъ ее въ 1918 - 19 годахъ.

Новый торгово-промышленный классъ (болѣе торговый, чѣмъ промышленный) не однороденъ. И по происхожденію и по функциямъ онъ распадается рѣзко на два слоя. Внизу — мелкій торговецъ, лабазникъ, непрестанно выдѣляемый деревней, какъ желчь — печенью. Девявентскій «кулакъ» искони стремился завести лавку или трактиръ. Въ годы мѣшечничества горячка спекуляціи за-

хватила самые низы народныхъ массъ. Эти вкусы остались, несмотря на большой рискъ, связанный съ промысломъ. Городской базаръ, городская мелкая торговля главнымъ образомъ держатся выходцами изъ деревни. Новый торговецъ сильно отличается отъ дореволюціоннаго. Онъ много культурнѣе; онъ стремится дать своимъ дѣтямъ среднее или высшее образованіе. По настроеніямъ, это самый консервативный слой Россіи. Но достатки его не велики, фигура его мало замѣтна: этой незамѣтностью своей онъ и спасается, отдавая фининспектору львиную долю своего заработка.

Внизу мелкій торговецъ — на верху дѣлецъ-спекулянтъ. Это совершенно разные типы. Послѣдній можетъ заниматься и торговлей покрупнѣе, — но не начинаетъ съ нея. Источникъ подлиннаго накопленія капиталовъ въ Россіи — эксплуатація государства. Соціалистическое хозяйство представляетъ для этого куда болѣе широкій просторъ, чѣмъ бюрократическое 18 - 19 вѣка. Въ голодные годы военного коммунизма предприимчивые люди спекулировали валютой, скупали за безцѣнокъ брилліанты, торговали вагонами, хлѣбомъ, чѣмъ попало. Всѣ эти операціи разсматривались, какъ тягчайшія преступленія. За нихъ угрожалъ разстрѣлъ. Пойти на нихъ могли лишь очень ловкіе люди, со связями въ коммунистическихъ кругахъ. Въ послѣдующіе годы крупный нѣпманъ кормится главнымъ образомъ вокругъ трестовъ и другихъ органовъ государственнаго хозяйства. Онъ скупаетъ государственную продукцію и сбываетъ ее мелкому лавочнику. Онъ въ сговорѣ съ «краснымъ купцомъ» или даже самъ числится таковымъ официально. Онъ живетъ въ мірѣ растратчиковъ, взяточниковъ и казнокрадовъ. Если не смерть, то ссылка и тюрьма всегда висятъ надъ его головой. Въ условіяхъ совѣтской экономики, лойальная организація крупнаго частнаго производства или торговаго дѣла невозможна. Развѣ лишь на территоріи иностранныхъ концессій.

Этотъ верхній или спекулятивный слой буржуазіи въ Россіи почти исключительно еврейскій: обстоятельство весьма чреватое послѣдствіями для національнаго развитія Россіи — настоящей и будущей. Причины его слишкомъ понятны. Русскій купецъ, оглушенный революціей, не могъ и не хотѣлъ къ ней приспособиться. Оставшіеся въ живыхъ русскіе «буржуи» успѣли обратить все иму-

щество въ золото или камни, и проѣдаютъ ихъ до сихъ поръ. Они очутились въ подпольѣ, не понимая ничего изъ происходящихъ событій. Другое дѣло евреи. Во-первыхъ, прошлое достаточно приучило ихъ къ борьбѣ за существованіе въ нелегальныхъ формахъ («право жительства»), равно какъ и къ спекулятивнымъ кредитнымъ операціямъ. Во-вторыхъ, терроръ въ первые годы революціи менѣе коснулся еврейской буржуазіи, чѣмъ русской, ибо она имѣла за собой ореолъ угнетенной націи. Въ-третьихъ, по условіямъ еврейскаго быта, купцы и спекулянты были связаны кровными узами родства съ революціонерами, а значитъ — и съ большевиками. У русскаго коммуниста очень рѣдко найдется папаша лавочникъ, у еврейскаго сплошь да рядомъ. Эти родственныя связи были использованы въ годы террора для разныхъ болѣе или менѣе нелегальныхъ лицензій. Теперь уже не то. Когда государство бьетъ по нѣпману, оно бьетъ по еврею, и знаетъ это. Коммунистическая партія потеряла очень большой процентъ еврейскихъ «товарищей», которые главнымъ образомъ пополнили ряды новой буржуазіи. Въ партіи свиваетъ гнѣздо антисемитизмъ, для котораго борьба съ капитализмомъ и еврействомъ (какъ нѣкогда для Маркса) сливается въ одно. Но то же происходитъ и въ народныхъ низахъ. Рабочій и крестьянинъ, даже требуя свободной торговли, ненавидитъ спекулянта. Для народа еврей отвѣчаетъ вдвойнѣ: и за спекулятивный типъ новаго капитала и за коммунистическую партію, которую по традиціи, уже устарѣлой, продолжаютъ считать еврейской.

д) Партія.

Партія, не совѣтскій аппаратъ, представляетъ правящій слой въ Россіи. Какъ ни своеобразна эта форма — «единственной государственной партіи» — она уже имѣетъ свой дубликатъ въ Италіи. Соціологически такую партію нелегко опредѣлить, какъ большинство переходныхъ формъ, къ числу которыхъ она принадлежитъ. Созданная въ качествѣ частнаго, притомъ анти-государственнаго союза, она сдѣлалась главнымъ рычагомъ государственнаго управленія, мозгомъ и рукой диктатуры. Къ этому такъ привыкли, что не удивляются болѣе. А удивляются здѣсь есть чему. Государственная партія отличается въ настоя-

щее время отъ всякихъ иныхъ партій тѣмъ, что она не имѣетъ сама свободнаго голоса, являясь въ той же мѣрѣ, какъ и государство, орудіемъ олигарховъ, или даже единоличнаго диктатора. Партійный аппаратъ развѣтвляется параллельно съ «совѣтскимъ», подчиняясь одной и той же направляющей водѣ. Къ чему этотъ дуализмъ, это удвоеніе работы, огромный накладной расходъ? Тѣ, кто смотритъ на коммунистическую партію въ Россіи, какъ на чисто бюрократическій аппаратъ, какъ на содержанку государства, не смогутъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ дѣйствительности, партія есть организація идеи и, поскольку она жива, она живетъ остатками бывлой идейности. Въ Россіи имѣется, можетъ быть, не одинъ миллионъ людей, для которыхъ Бухаринскій катехизисъ является священнымъ писаніемъ. Пусть вожди, или часть вождей, уже не вѣрятъ въ побѣду. Но монополія коммунистическаго слова, монополія школы создали огромные кадры юношей, для которыхъ внѣ коммунизма нѣтъ ничего въ жизни. Наиболѣе вѣрующіе и наиболѣе чистые, какъ всегда, встрѣчаются среди женщинъ. Среди женщинъ — сверстницъ Ленина есть окаменѣлости, напоминающія многими чертами бывлыхъ шестидесятницъ. Но вѣрующіе тупицы встрѣчаются и среди мужчинъ изъ бывшей революціонной среды. Напрасно думаютъ, что коммунисты въ Россіи держатся на государственный счетъ. Это вѣрно лишь относительно аппаратчиковъ. Остальные, напротивъ, нерѣдко должны отдавать партіи часть своего совѣтскаго жалованья и почти весь свой досугъ, безвозмездно. Главная награда, конечно, — въ удовлетвореніи честолюбія. Партія — единственные ворота въ общественную жизнь. Вотъ почему она привлекаетъ всѣхъ активныхъ или безпринципныхъ, желающихъ играть роль, вести толпу или проводить свои идеи, часто не имѣющія ничего общаго съ коммунизмомъ. И, наконецъ, третій — вѣроятно, самый значительный слой — людей устраивающихся, лишенныхъ честолюбія, но охочихъ половить рыбку въ мутной водѣ. Если не въ партіи, то съ партійнымъ билетомъ можно прокормить себя.

Отъ насъ скрыты подробности внутреннихъ процессовъ, протекающихъ въ партіи. Общая картина ясна: отчаянная борьба идейнаго ядра съ честолюбивымъ и корыстнымъ хвостомъ и не менѣе отчаянная борьба внутри ядра за потерянный ленинскій путь. Ядро таетъ съ года-

ми, пожираетъ само себя, хотя остерегается слѣдовать якобинскимъ методамъ. Подчиняясь диктатурѣ одного, растрчивая идейный багажъ, партія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше утрачиваетъ смыслъ своего существованія. Сталинская диктатура лучше охраняется совѣтскимъ аппаратомъ Г. П. У.

Какъ складываются отношенія между безпартійной массой и партией? Весьма различно. Онѣ тѣснѣе въ низахъ, слабѣе среди интеллигенціи. Въ Москвѣ большинство интеллигенціи давно уже пьетъ чай съ коммунистами. Въ Петербургѣ отъ этого воздерживаются до сихъ поръ. Провинція идетъ по серединѣ. Несомнѣнно, каждый коммунистъ давно уже обросъ хвостомъ безпартійныхъ друзей и даже родственниковъ, его разлагающихъ. Но страхъ доноса создаетъ вокругъ коммуниста холодокъ, который преодолеваютъ лишь немногіе. Незримо присутствующая тѣнь Г. П. У. деморализуетъ почти всѣ общественныя отношенія въ Россіи, но изолируетъ партію. Быть можетъ, только послѣдніе расколы въ ней и кары, обрушившіяся на оппозицію, заваливаютъ ровъ между обывателемъ и коммунистомъ, который, вѣдь, почти всегда принадлежитъ — въ глубинѣ души, по крайней мѣрѣ — къ тому или иному оппозиціонному уклону.

***

Таковы классы современнаго русскаго общества. Его строеніе стало много бѣднѣе, чѣмъ въ дореволюціонное время. Нельзя думать, конечно, что социальная кристаллизация приняла окончательныя формы. Напротивъ, формы эти поддерживаются, и въ то же время уродуются непрерывнымъ нажимомъ государственнаго прессы. Легко предсказать себѣ, что, съ устраненіемъ механическаго давленія, буржуазія получитъ несравненно болѣе значительное развитіе, возродится интеллигенція, въ смыслѣ профессій свободнаго умственнаго труда, произойдетъ разслоеніе деревни. Но, съ другой стороны, немыслимо, чтобы 12 тяжкихъ лѣтъ, младенческихъ лѣтъ новой Россіи, прошли безслѣдно для будущаго. Сейчас закладывается фундаментъ, на которомъ будетъ строить не одно поколѣніе.

По сравненію съ императорскою, революціонная Россія поражаетъ однородностью своего состава. Крайности сблизилась, разстоянія между классами сошлись — конечно,

цѣною обезглавленія всего, стоящаго выше средняго уровня. Но новый средній уровень проходитъ гораздо выше бывшихъ низовъ. Низы поднялись, если не экономически, то культурно — во всякомъ случаѣ, социально. На улицѣ русскаго города вы не всегда отличите по одеждѣ и по лицу рабочаго отъ служащаго или торговца. И, что гораздо важнѣе, не отличите и по рѣчи. Въ культурной борьбѣ классовъ побѣдительницей оказалась «новая демократія», т. е. низы интеллигенціи. Это она навязала рабочему, а частью и крестьянину свой галстухъ, пиджакъ или толстовку. Давно прошло время, когда европейскій костюмъ былъ признакомъ барства. Если остатки старой интеллигенціи чѣмъ и отличаются отъ «народа» по внѣшности, то лишь тѣмъ, что они хуже одѣты. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно относительно женщинъ. Работница носить шелковые чулки, и въ ея костюмѣ сказывается отдаленное вліяніе Парижа. Не даромъ въ эпоху голода и ужасовъ гражданской войны, выпиской модныхъ журналовъ изъ Парижа кормились многіе изъ бывшихъ людей. Въ языкѣ полу-интеллигенціи тоже одержала побѣду, хотя здѣсь очень сильно и пагубно отразилось армейское вліяніе. Люди стали вѣжливѣе, извиняются безпрестанно, и къ старой «барышнѣ» прибавилось «дамочка», отнюдь не означающее буржуйку. Народъ въ городѣ говоритъ полу-литературнымъ языкомъ, хотя и сильно замутненнымъ войной и революціей. Зоценко вѣрно схватываетъ его слабыя мѣста, но пародій Зоценки нельзя принимать за этнографическую запись. Народъ пересталъ ненавидѣть интеллигенцію съ тѣхъ поръ, какъ самъ сталъ производить ее. Современные студенты лѣтомъ косятъ и жнутъ со своими братьями и односельчанами и ни въ быту, ни въ рѣчи не отличаются отъ нихъ. Можно жалѣть о гибели старо-народнаго быта, языка и фольклора, но нельзя не видѣть, что общество послѣ революціи приобрѣло гораздо большую устойчивость и цѣльность. Какъ это ни странно, оно стало болѣе похожимъ на западную Европу нѣкоторой общностью междуклассоваго культурнаго фонда и самымъ содержаніемъ новой культуры. Впрочемъ, типомъ социальнаго строенія оно скорѣе напоминаетъ русскій 18 вѣкъ. Заполненіе пропасти между классами, съ одной стороны, и между обществомъ и государствомъ (не «партіей»), съ другой, создаетъ предпосылки для новаго національнаго сознанія.

НОВАЯ КУЛЬТУРА.

Говоря о новой культурѣ, нельзя не задать себѣ вопроса о судьбахъ старой: на чемъ держится преемство традиціи, безъ котораго культура, вообще, невозможна? Зрѣлище вулканическихъ разрушеній не должно закрывать отъ насъ сложныхъ процессовъ жизни. Основной фактъ современной русской культуры — ея экстенсификація. Исполнскій резервуаръ, искусственное озеро, наполняемое столѣтіями, вдругъ прорвало плотины и затопило страну. Но среди этого межководнаго, подчасъ болотистаго разлива такъ рѣдки глубокія воды. Россія кишитъ полуинтеллигентной, полужизнями, но въ ней рѣдко встрѣишь «культурнаго» человѣка въ старомъ смыслѣ слова. Новая школа его уже не даетъ. Старые человѣческіе занасы изсякаютъ. «Недорѣзанные», но задушенные теряютъ культурный обликъ. На совѣтской службѣ, какъ на заводѣ Рено, не до книжки; а газету русской интеллигентъ читаетъ отвыкъ, презирая совѣтскія «Правды». За этимъ презрѣніемъ — законнымъ — къ газетѣ скрывается часто презрѣніе ко всему тому политическому міру, которымъ газета питается. Когда на улицахъ Москвы и Петербурга появились, впервые послѣ блокады, Berliner Tageblatt и Temps, ихъ почти никто не читалъ: отвыкли. Едва ли многіе изъ представителей старой интеллигенціи могли бы назвать фамилію французскаго президента. Но гораздо страшнѣе: вмѣстѣ съ поверхностной политической пленкой изъ сознанія вчерашняго интеллигента вывѣтриваются и болѣе глубокіе слои, давашіе ему вѣкогда право на социальную избранность.

И все же приходится удивляться, какъ много силъ сохранилось. Произошелъ отборъ: не опустившіеся, не превращенные въ «поденщиковъ заботъ» нашли въ себѣ неожиданные источники силъ для творческой дѣятельности. Областью этой дѣятельности для многихъ явилась наука. Въ Россіи существуютъ десятки университетовъ, тысячи научныхъ работниковъ. Среди этихъ работниковъ большинство молодежи, прошедшая старую школу университета или, по крайней мѣрѣ, гимназіи, выученики старыхъ профессоровъ. Но рядомъ съ ними много внѣ-академическихъ людей. Педагогъ или юристъ, общественный дѣя-

тель, придушенные революціей, вспомнили о мечтахъ юности, о ненаписанныхъ диссертацияхъ, и возвращаются къ научной работѣ. Экзамены облегчены, требованія понижены. Университетъ спасаетъ и отъ тюрьмы (относительно) и отъ голодной смерти. Это въ притокъ силъ отчасти компенсируетъ огромную убыль отъ смертности среди старыхъ ученыхъ, не вынесшихъ голодныхъ лѣтъ. Конечно, количество за счетъ качества: все постѣрѣе, это уже поскребыши, со дна котла.

Въ глухой провинціи остатки мѣстной интеллигенции группируются вокругъ обществъ краевѣдѣнія, бывшихъ «архивныхъ комиссій». Со страстью изучаютъ мѣстную этнографію, областное прошлое. «Регионализмъ» — единственная легальная форма патриотизма въ Россіи. Нужно молчать объ отечествѣ, но можно пламенно говорить о краѣ. Въ этихъ кругахъ несутъ свое служеніе съ аскетическимъ энтузіазмомъ, который часто связанъ съ религиознымъ служеніемъ православной культурѣ. Русская икона — новая, открывшаяся область изученія — служить однимъ изъ мостовъ между двумя мірами: научнымъ и религиознымъ.

Существуетъ ли высшая школа въ Россіи? Это вопросъ, на который не такъ легко отвѣтить. Было время — около 1920 г. — когда почти каждый губернской городъ гордился своимъ университетомъ. Разумѣется, такой университетъ или ИНО былъ не болѣе, чѣмъ Учительскимъ Институтомъ стараго времени. Теперь число ихъ поубавилось, но все же превышаетъ наличіе ученыхъ силъ Россіи. Нивеллировка, децентрализація и здѣсь сказались въ упадкѣ столичныхъ, и вообще старыхъ (особенно Украинскихъ и Казанскаго) Университетовъ и сравнительномъ процвѣтаніи новыхъ, областныхъ, чаще всего восточныхъ центровъ: въ Саратовѣ, Ташкентѣ, Баку. Многія кафедры заняты педагогами средней школы или коммунистами съ партійнымъ стажемъ. Но рядомъ съ ними работаютъ настоящіе ученые старой или новой формации. Студенты? Ихъ квалификація представляетъ еще большія трудности. Лишь часть ихъ проходитъ черезъ среднюю школу. Но современная средняя школа не даетъ особыхъ преимуществъ передъ рабфаковцемъ или партійцемъ. На приемныхъ экзаменахъ большинство поражаетъ своей общей безграмотностью. Но профессора нерѣдко не нахвалятся ихъ прилежаніемъ. Упорные кроты «грызутъ гранитъ науки» Разумѣется, имъ

не наверстать пробѣловъ общаго образования. Для этого отсутствуют всѣ средства и возможности. Ни философскихъ кафедръ въ университетѣ, ни настоящихъ журналовъ, лекцій, культурной среды, наконецъ, которая вчера обтесывала разночинца. Но у него остается нѣкоторая возможность выработать изъ себя узкаго специалиста. Плохой врачъ, плохой инженеръ, но все же не фельдшеръ, не претой техникъ. А главное, почти всегда человекъ съ большой волей, съ большимъ вкусомъ къ «строительству» жизни.

Пройдемся мысленно по коридорамъ русскаго университета и взглянемъ въ молодые лица съ опредѣленнымъ вопросомъ: слѣдуетъ ли смотрѣть на нихъ, какъ на новое поколѣніе русской интеллигенціи или какъ на совершенно новый классъ? Я думаю, у каждаго создадутся разныя впечатлѣнія. По одеждѣ, конечно, вузовцы не очень отличаются отъ стараго демократическаго студенчества -- во всякомъ случаѣ, болѣе обращаютъ вниманія на нее. По лицамъ, бритымъ, грубоватымъ, судить трудно. Обрывки подслушанныхъ разговоровъ, скорѣе, пугаютъ: порчей литературнаго языка, простонародной фонетикой, морфологіей, синтаксисомъ. Но все это еще не рѣшающее. Вспоминаешь шестидесятые годы съ ихъ надрывомъ дворянской традиціи, съ языкомъ «шерамуровъ». Думается, пропасть между современниками Герцена и Чернышевскаго была немногимъ меньше той, которую разверзъ между двумя поколѣніями русской интеллигенціи 1917 годъ. Но не выходитъ ли уже послѣднее поколѣніе за предѣлы интеллигенціи, а его школа за предѣлы университета? Старый русскій университетъ — по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и Петербургѣ — за послѣдніе годы, не уступалъ лучшимъ въ Германіи. Но уже къ Оксфорду нельзя подходить съ континентальной мѣркой. А университеты есть и въ Америкѣ. Мы готовы сказать: мѣрѣя американскимъ (или, можетъ быть, австралійскимъ, ново-зеландскимъ) аршиномъ, — университеты есть и въ Россіи.

Въ такомъ же смыслѣ рѣшается вопросъ и о средней школѣ. Она выпускаетъ людей полуграмотныхъ, не имѣющихъ понятія объ исторіи, безъ древнихъ и, въ сущности, безъ новыхъ языковъ, со скудными обрывками новой русской литературы. Но она сообщаетъ извѣстную сумму математическихъ, естественно-научныхъ, техническихъ знаній и, что особенно важно, навыковъ. На школьныхъ вы-

ставкахъ поражаешься технической ловкости маленькихъ дикарей. Они рисуютъ, лѣпятъ, конструируютъ модели, чертятъ діаграммы. Иной можетъ построить аэропланъ. Есть школы, гдѣ физическіе кабинеты, и очень недурные, оборудованы руками учениковъ. И потомъ они такъ много видятъ, такъ много ходятъ съ экскурсіями и путешествуютъ. И музей и фабрика на нихъ производятъ впечатлѣніе. Они знакомы съ элементами статистическаго обслѣдованія и имѣютъ нѣкоторое понятіе объ экономическихъ явленіяхъ. Не забудемъ, наконецъ, широкаго увлеченія музыкой и спортомъ. Изъ совѣтской школы выходятъ односторонніе марсіане, но полные активности люди, — быть можетъ, лучше насъ вооруженные для жизни.

Если средняя и высшая школа въ Россіи до нѣкоторой степени остаются подѣ вопросомъ, то бытіе Академіи, и послѣ недавней ломки, не вызываетъ сомнѣній. Дѣтище Петрово пережило Елисаветинскій университетъ. Наука въ Россіи не погибла, но сильно стѣснена въ средствахъ своей работы. Сотни трудовъ въ рукописяхъ ожидаютъ очереди въ скупо отмѣренныхъ изданіяхъ. То, что выходитъ, не вызываетъ тревоги своимъ качествомъ. Университетъ пересталъ быть семинаріемъ ученыхъ, но его роль заняли различныя институты при Академіи, музеи и даже библиотеки, гдѣ поддерживается личное общеніе, на совмѣстной работѣ, учителя съ учениками.

Судьба отдѣльныхъ наукъ, конечно, различна. Иныя погибли, иныя расцвѣли, въ зависимости отъ случайностей «соціального заказа». Физикъ, напримѣръ, повезло, благодаря прикладнымъ институтамъ, связаннымъ съ индустріей. Русскіе физики, среди которыхъ много мировыхъ именъ, ведутъ нелегкую борьбу за сохраненіе теоретической науки въ университетѣ. Но уже чистая математика сильно изувѣчена. Счастливы дисциплины, которыя могутъ укрыться подѣ сѣнью «Комиссіи по изученію производительныхъ силъ Россіи» (геологія, почвовѣдѣніе и др.). Могутъ работать и биологи, интересующіе государство вопросами селекции, евгеники и проч. Но молодежь среди нихъ увлекается и философскими основами науки.

Медицина, конечно, неистребима, поскольку неистребимъ страхъ смерти, даже для коммунистовъ. Но потребность въ обслуживаніи совѣтскаго аппарата спасла и остатки (практической) юриспруденціи отъ угрожавшей ей,

казалось, окончательной гибели. Теоретическая экономика уничтожена монополией марксизма. Но зато развивается досель бывшая въ пренебреженіи экономика практическая и описательная («идіографическая»). Доминируютъ, естественно, вопросы организациі производства и экономической политики.

Сильнѣе всѣхъ пострадалъ историко-филологическій факультетъ. Онъ потерялъ философію, совершенно, и, въ значительной мѣрѣ, исторію. Лучше сохранились филологія и искусствовѣдѣніе. Почти окончательно погибла, со смертью древнихъ языковъ, наука классической древности, и медіэвастика, представленная недавно въ Москвѣ и Петербургѣ двумя большими (можетъ быть, непропорціонально для Россіи) школами ученыхъ. Презрѣніе къ католической культурѣ и романо-германскому міру одинаково повинны въ совѣтскомъ дискретированіи этой науки. Изъ всеобщей исторіи уцѣлѣла новѣйшая, какъ исторія революцій въ марксистскомъ освѣщеніи. Да еще торжествуетъ Востокъ — по всей линіи: филологической, исторической, археологической. На первомъ планѣ и здѣсь практическая потребность: подготовка дипломатовъ и революціонеровъ для работы въ Азіи, но за этимъ — и безкорыстное увлеченіе Востокомъ, какъ обратная сторона ненависти къ Западу.

Русская исторія спаслась, несмотря на сознательно антирусскую политику Комиссаріата (Покровскій). Причина — въ социальномъ и экономическомъ направленіи русской исторіографіи въ школахъ Ключевского и Платонова. Старые марксисты воспитаны на Ключевскомъ, и переиздаютъ «Очерки смуты» Платонова, по недоразумѣнію, какъ образецъ историческаго матеріализма. Наука русской исторіи (по давней традиціи!), не требующая ни иностранныхъ языковъ, ни филологической культуры, издавна была удѣломъ демократическихъ слоевъ студенчества. Продолжаетъ она привлекать ихъ и теперь. У стариковъ можно замѣтить иногда, какъ реакцію противъ духа времени, возрастаніе интересовъ къ духовной культурѣ Россіи, но въ печати эти интересы находятъ лишь слабое отраженіе.

Какъ это ни странно, необычайно расцвѣтаетъ изученіе русской литературы (только не древней). Эта дисциплина всегда была въ позорномъ загонѣ въ русскихъ университетахъ. Въмѣсто художественнаго слова изучались нерѣдко направленія публицистической мысли — «интеллигенціоло-

гія». Наканунѣ революціи небольшая, но ярко талантливая группа отдаленныхъ учениковъ Потебни подняла бунтъ. «Формалисты» разсматриваютъ идеи и сюжеты, «какъ явленія стидя». Анти-гуманизмъ и анти-идеализмъ новой школы создалъ для нея извѣстную неуязвимость со стороны академической Че-Ка. Большевики ихъ терпятъ, хотя предпочитаютъ имъ пролетарскихъ Венгеровыхъ съ социологическимъ подходомъ. Фактически формалисты господствуютъ. Они развиваютъ огромную рабочую энергію, которой соответствуетъ не меньшая литературная продукція.

И, наконецъ, искусствовѣдѣніе. Русская революція, въ разрѣзъ со всѣми историческими прецедентами, проявила необычайную робость въ разрушеніи памятниковъ искусства. Это объясняется отнюдь не кротостью народной стихіи, всегда иконоборческой. Не успѣлъ улечься вихрь разрушенія, какъ царскіе дворцы переименовываются въ музеи. Памятники Николая I, и даже Александра III пережили крушеніе кумировъ. Наконецъ, въ обѣихъ столицахъ существуютъ высшіе институты искусствовѣдѣнія, цѣлая Академія исторіи искусствъ (подъ именемъ Академіи Матеріальной Культуры), и во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ бѣтается полноцѣнная научная жизнь. Здѣсь не пахнетъ халтурой. Здѣсь совершаются серьезныя научныя открытія. Матеріалы, накопленные, отчасти изученные послѣ революціи, такъ огромны и неожиданны, что исторію древняго русскаго искусства теперь надо писать заново. Невѣроятно: въ странѣ безбожія существуютъ иконописныя школы и школы реставраторовъ иконы. Какъ объяснить это? Здѣсь возможны двѣ догадки. Во-первыхъ, эстетизмъ, лежащій въ основѣ одной изъ большевицкихъ формаций. Объ этомъ ниже. Во-вторыхъ, суевѣрное уваженіе марксиста къ памятникамъ «матеріальной культуры». Есть категорія марксистовъ-искусствовѣдцовъ, которые больше интересуются составомъ красокъ и доской, чѣмъ картиной (такова первоначальная идея Академіи М. К.). За технологіей красокъ пришлось допустить и фактуру, технику живописи. А дальше, какъ съ литературой: марксистъ губитъ казенную бумагу классовою интерпретаціей, ученый остается въ границахъ формалистическаго изученія, свѣжаго и плодотворнаго. Средства, отпускаемая государствомъ для раскопокъ, изслѣдованій и публикацій чрезвычайно скудны. Но они съ избыткомъ восполняются энтузіазмомъ изслѣдователей.

Таковы обломки стараго. Ихъ, какъ видимъ, не мало. Нѣкоторыя вѣтви старой культуры пустили свѣжіе, многообѣщающіе побѣги. Но вся эта культурная поросль глущится буйнымъ ростомъ молодняка. Вся культурная работа старыхъ направленій остается неорганизованной, необъединенной. Она не выходитъ изъ рамокъ специальныхъ исследованийъ. Она всегда въ колодкахъ, какъ и хозяйственная жизнь. Не довѣряя жизненнымъ силамъ новой культуры, государство сознательно губить старую. Система цензуры, созданная имъ, дѣйствительно, превосходитъ николаевскую. Ея ужасъ въ томъ, что она чувствуетъ свое родство не съ полиціей, а съ богословіемъ: пытается не пресѣкать, а учить и назидать; даетъ «соціальный заказъ» и печется о «малыхъ сихъ». Второе ея отличие отъ николаевской въ томъ, что она нашла въ Россіи не первые побѣги, а великолѣпное дерево національной культуры и поставила себя цѣлью выкорчевать его съ корнемъ. Теперь дѣло идетъ не о стихахъ лишь и романахъ, а о русской философіи, богословіи, историографіи, социологіи. «Поле, усѣянное костями» русской мысли, представляетъ самое потрясающее кладбище изъ театровъ великой войны. Французская революція, которая, какъ извѣстно, «не нуждалась въ ученыхъ», нашла господствующимъ строй идей, въ которомъ коренилась она сама. Русская пришла незванымъ гостемъ на чужой пиръ. Здѣсь все было ей чужимъ, и все подлежало гибели. Предстояло планомѣрно выкорчевать вѣковой лѣсъ и замѣнить его новой пролетарской посадкой. Не вина (и не заслуга) большевиковъ, если они лишь наполовину успѣли въ этой неблагоприятной задачѣ.

**
*

Новая культура (для иныхъ все еще только новое варварство) не чувствуетъ себя хозяиномъ ни въ университетахъ ни въ академіяхъ. Однако къ ней мы отнесли бы господствующій въ искусствовѣдѣніи формализмъ. И средняя школа въ значительной мѣрѣ является проводникомъ новыхъ вѣяній. Но главные органы ихъ — митингъ, газета, книга, театръ, такъ называемая совѣтская общественность. Серьезность новой культуры доказывается ея полной побѣдой въ художественной литературѣ: ей служатъ стихи и проза и театръ. Нѣтъ «совѣтской» науки, но есть «совѣт-

ское» искусство. Но труднѣе создать продажное искусство, чѣмъ продажную науку. Значить, гипотеза продажности не объясняетъ сути новаго явленія, хотя было бы невозможно отрицать глубокой деморализации литературныхъ нравовъ.

Трудность въ оцѣнкѣ новой культуры, какъ и всего въ Россіи, заключается въ сложномъ соотношеніи между коммунистическимъ и національнымъ. Ихъ нужно раздѣлять, но нельзя раздѣлять до конца, ибо, несомнѣнно, идеологія коммунизма была центромъ кристаллизаціи всѣхъ новыхъ силъ. Лживость, составляющая нормальную атмосферу интеллектуальной жизни въ Россіи — оборотная сторона тираніи — мѣшаетъ уяснить до конца соотношение между новой культурой и коммунизмомъ. Коммунизму льстятъ, курятъ өмиміамъ и стараются лягнуть его незамѣтно, чтобы тутъ же отпереться отъ неосторожныхъ словъ. Кадятъ идолу, чтобы обезпечить свободу служенія инымъ, своимъ богамъ. Въ обстановкѣ всеобщаго идоложертвеннаго культа трудно разобраться въ отгѣнкахъ личныхъ вѣрованій.

Представляется несомнѣннымъ одно: не марксизмъ легъ въ основу новой культуры, хотя онъ завѣщалъ ей нѣкоторые изъ своихъ элементовъ. Огромныя средства, потраченныя государствомъ на пропаганду марксизма, множество журналовъ, марксистскихъ институтовъ и академій не дали ни одного серьезнаго ученаго, ни одного талантливаго писателя. Россія изрыгнула изъ себя всѣ лошадиныя дозы марксистскаго яда, какъ не оставила почти ни одного изъ портретовъ и бюстовъ злого Карла, украшавшихъ всѣ витрины въ 1918 - 20 годахъ. Что осталось отъ марксизма — такъ это социальный реализмъ, вѣрнѣе, цинизмъ, классовый примитивъ въ оцѣнкѣ социальныхъ явленій. Осталось общее достояніе I-го Интернаціонала, скорѣе Бакунинъ, чѣмъ Марксъ. Большевики сумѣли обязательнымъ катехизисомъ своей политграмоты отбить вкусъ къ марксизму, вызвать ощущение, близкое къ тошнотѣ, у всѣхъ, проходящихъ черезъ ея мытарства. Но не нужно поддаваться иллюзіямъ: молодые люди, проклинающіе политграмоту, не способны въ большинствѣ случаевъ ни критиковать ея ни преодолѣть. Она остается въ ихъ мозгахъ неперевареннымъ комомъ, какъ куча скучныхъ, пошлыхъ истинъ — но все-таки истинъ. Освобожденіе изъ духовной тюрьмы совершается не на путяхъ соціологической мысли.

А религиозное или эстетическое преодоленіе марксизма все еще оставляетъ на днѣ сознанія каменный балластъ классовыхъ и экономическихъ схемъ.

Марксизмъ, какъ экономическая доктрина, опредѣлилъ сознаніе лишь перваго поколѣнія большевиковъ (90-ые годы). Немногіе изъ коммунистовъ читали Маркса. Молодежь гораздо болѣе увлекается естествознаніемъ. Дарвинъ вытѣснилъ Маркса, и народная Россія переживаетъ свои 60-ые годы. Это эпоха наивнаго просвѣтительства, юношескаго богоборчества — казалось, давно преодоленная русской мыслью. Воскрешеніе Базарова послѣ Владимира Соловьева — расплата за вѣковую безпочвенность русскаго культурнаго слоя. Новый натурализмъ — дѣйствительно, широкое, народное увлеченіе, не только коммунистическій ингредиентъ. Въ деревнѣ молодежь спорить со стариками о громѣ и молніи, о всемірномъ потопѣ. Ужась въ томъ, что партіи, т. е. отсталымъ, заскоружлымъ старикамъ ея, удалось обмануть эту юную пытливость, подмѣнивъ науку научнымъ суевѣріемъ, современную біологію почти столѣтнимъ дарвинизмомъ. Въ то время, какъ молодые біологи въ Россіи становятся виталистами и христіанами, приобретающая къ культурѣ масса принимаетъ матеріализмъ, какъ новую научную вѣру. Въ этомъ реальная почва антирелиgioзнаго движенія въ Россіи, которое держится не одними партійцами, а если партійцами, то второго и третьяго сорта.

Марксизмъ всегда заключалъ въ себѣ технологическій слой, прикрытый у Маркса понятіемъ «производительныхъ силъ». Ученики оставили въ забросѣ эту богатую жилу. Въ совѣтской Россіи она разрабатывается впервые не столько по требованію теоретической діалектики, сколько изъ практическаго интереса. Старый марксистъ, читавшій лекціи о фабричномъ производствѣ, былъ не въ состояніи разобратся въ самой простой машинѣ. Теперь ему или его выученику пришлось стать во главѣ фабрики, обобранной до тла, и возстановливать производство. Понятно, что вопросы техники играютъ въ Россіи главенствующую роль, затѣняя даже космологическія проблемы. И здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ партійной директивой, но и съ широкимъ, низовымъ увлеченіемъ. Никогда въ Россіи не было столько самоучекъ-изобрѣтателей, какъ въ наши дни. Надъ Москвой, почти надъ каждымъ домомъ, лѣсъ антеннъ, и приборы радіо чаще всего домашняго изготовле-

нія. О конструктивныхъ способностяхъ школьника мы уже говорили выше. Много здѣсь, конечно, маниловщины: такова ленинская электрофикація, сталинская пятилѣтка и проч. Но есть и живой потокъ народной энергіи, нашедшій для себя практическое поле. Интересно, что тутъ, въ техническомъ воспріятіи культуры, Россія встрѣчается съ ненавистнымъ Западомъ, и скорѣе всего съ дальнимъ Западомъ. Мы имѣемъ право говорить объ американизмѣ современной Россіи, который отвѣчаетъ на предсмертную мечту Ленина. Россія отвергаетъ всѣ глубокіе слои западной культуры — отъ античности до либерализма, — но жадно бросается на послѣднія слова ея новаго, «американскаго» дня. Можно очертить приблизительно кругъ темъ, актуальныхъ на Западѣ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ комплексъ «совѣтской культуры». Тейлоризмъ, фордизмъ, радіо, авіація, кинематографъ, спортъ во всѣхъ его видахъ, вопросы практической біологіи: омоложение, евгеника, искусственное скрещеніе видовъ (человѣка съ обезьяной), побѣда надъ смертью (микробъ старости) и т. д., и т. д. Весь этотъ комплексъ говоритъ о молодой и животной жизнерадостности, которую мы привыкли считать почти исключительнымъ свойствомъ англосаксонской расы. Громко кричитъ потребность комфорта, жажда устроиться прочно и навсегда на этой землѣ, не нуждающейся въ преображеніи. Эту жажду гениально выразилъ Маяковский, поэтъ новаго дня:

Надоѣли намъ небесныя сласти,
Будемъ жрать хлѣбнице ржаной!

Этотъ голодъ по хлѣбу, впрочемъ, еще не получилъ буржуазнаго отпечатка. Преобладаетъ стремленіе все перестроить, начать жизнь сызнова, зачеркнувъ исторію. Отсюда социальный революціонизмъ, который даже для успокоившихся и обрюзгшихъ остается догматомъ вѣры. Что Европа сгнила, и что только революція можетъ воскресить ее, — въ этомъ не сомнѣвается никто изъ людей новой формаціи.

Что глубоко отличаетъ современную Россію отъ Россіи 60-хъ годовъ, — такъ это ея повышенный интересъ къ вопросамъ искусства. О «разрушеніи эстетики» никто и не помышляетъ. Впрочемъ, эстетика и искусство совершенно разныя вещи. Сначала объ искусствѣ.

Съ изобразительнымъ искусствомъ у революціи былъ краткій, но замѣчательный романъ. Съ самаго Октября лѣ-

ные русскіе художники (назовемъ ихъ условно футуристами) поступили на службу революціи — сознательно и безкорыстно. Съ революціей ихъ роднила ненависть къ буржуазному искусству (сжечь Эрмитажъ!), предчувствіе небывалыхъ формъ жизни. Именно жизни, ибо, разочарованные въ поискахъ новыхъ художественныхъ формъ, футуристы провозглашали уже смерть искусству и служеніе жизни. Этотъ лозунгъ могъ имѣть только одинъ смыслъ: прикладное, техническое искусство. И новые художники прежде всего явились декораторами революціи. Они писали тысячи плакатовъ, которыми была заклеена умирающая съ голоду Россія, они создавали въ дни революціонныхъ празднествъ великолѣпныя декорации на разрушающихся улицахъ столицъ. Иногда имъ удавались поразительные эффекты, соперничающіе съ революціонными инсценировками Давида. Кубизмъ, механизмъ, безчеловѣчность новаго искусства отвѣчали геометрической жестокости большевиковъ. Этотъ союзъ для обѣихъ сторонъ обѣщаль многое. Всякая тиранія нуждается въ художественномъ помазаніи: безъ нея она недолговѣчна. Бѣда большевиковъ заключалась въ низкомъ уровнѣ ихъ эстетической культуры и, главное, въ давленіи массъ. Рабочіе и крестьяне требовали здоровой, простой пищи, т. е. наивнаго передвижничества. Власть подчинилась, и народные праздники утратили всякій художественный интересъ. Государство поощряетъ придворныхъ портретистовъ и бездарныхъ мазилокъ массовыхъ сценъ. Лѣвое искусство выдохлось, ибо — декоративное по существу, — оно не можетъ жить безъ заказчика.

Счастливымъ оказалось художественное слово. Его бракъ съ революціей не расторгнуть доселѣ. Большевикамъ повезло удивительно. Въ то время, какъ почти вся интеллигенція отвергла ихъ революцію, почти всѣ русскіе поэты ее привѣтствовали. — Внутренніе мотивы тѣ же, что у художниковъ. — Въ годы гражданской войны Россія могла быть названа «соловинымъ садомъ». Потому многіе соловьи замолкли навсегда, и социальный заказъ произвелъ между ними очень суровый отборъ. Сейчасъ стиховъ почти не печатаютъ въ Россіи. Проза вытѣснила интересъ къ нимъ. Формальнымъ наслѣдствомъ символизма еще живутъ отсталые рабоче-крестьянскіе поэты. Сегодняшній день принадлежитъ настоящему революціонеру — къ сожалѣнію, разболтавшемуся Маяковскому и Пастернаку, ко-

торый посвящает свой умный и холодный талантъ темамъ революціи.

Художественная проза — самое живое и интересное въ новой Россіи. И при томъ это, въ полномъ смыслѣ, дѣтище революціи. Въ Россіи почти не осталось старыхъ беллетристовъ. Молодые вышли изъ народа или изъ новой демократіи. Учились на мѣдные гроши, зато имѣли богатый опытъ жизни: продѣлали гражданскую войну — конечно, въ красныхъ рядахъ. Они преданы революціи, воспитавшей ихъ, и творятъ красную легенду боевыхъ лѣтъ. Это даетъ имъ право на извѣстную независимость по отношенію къ внутренней и внѣшней цензурѣ. Большинство ихъ не чувствуютъ себя рабами и полны гордаго и оптимистическаго утвержденія жизни. И здѣсь, какъ въ живописи, вліяніе соціальнаго заказа, а также примитивность массоваго читателя сказалось обиліемъ халтуры и воскрешеніемъ давно похороненныхъ литературныхъ явленій. Параллельно съ передвижничествомъ революціонной живописи возродился соціально-дидактическій романъ 60 - 70-хъ годовъ. Герои Шеллера-Михайлова и Оммулевскаго, переряженные въ коммунистовъ, продолжаютъ просвѣщать героическихъ дѣвушекъ и бороться съ темнымъ царствомъ. Къ сожалѣнію, по этой тропинкѣ пошли почти всѣ пролетарскіе писатели, доказывая духовную слабость своего класса. Не мало и крестьянскихъ идейныхъ романовъ, но здѣсь не они задаютъ тонъ. Литература попутчиковъ свободна отъ идейности. Но она одна и составляетъ художественную литературу въ Россіи. У новыхъ писателей одна семейная черта: брутализмъ. Ихъ тема — примитивная, звѣриная жизнь, какъ она выражается въ голодѣ, похоти и убійствѣ. Война, революція, борьба за жизнь — даютъ неисчерпаемый запасъ сюжетовъ. Быть деревни на первомъ планѣ. Мужикъ изображается перомъ не барина, а своего собственнаго сына — съ беспощаднымъ реализмомъ. Въ этомъ сильномъ, хитромъ, аморальномъ дикарѣ (Всеволодъ Ивановъ) трудно узнать кроткаго мученика народнической литературы. Но Толстой, Чеховъ и Бунинъ уже помогаютъ уяснить его генезисъ. Не все въ этой новой революціонной «иконѣ» клевета на народъ. Многого надо отнести насчетъ оголенія и озвѣрѣнія революціонныхъ лѣтъ. Остальное — насчетъ требованій новаго стиля. Искусствъ, отталкиваясь отъ барской рафинированности вчерашняго дня, неизбѣжно влечется къ брутализму. На этомъ опас-

номъ пути, указанномъ Толстымъ, еще возможны потрясающія открытія звѣриной правды о человѣкѣ. Возможно и новое мощное чувство природы, не отдѣленной отъ темной глубины въ человѣкѣ.

Большіе эффекты достигаются методами изобразительнаго импрессионизма. Живопись яркихъ пятенъ, мазковъ, выступающихъ изъ мрака, безъ соединяющаго линейнаго контура повѣствованія, впечатляетъ и раздражаетъ одновременно. Языкъ освободился отъ оковъ литературной рѣчи и упивается народнымъ говоромъ. Тысячи новыхъ словъ, иногда очень яркихъ, иногда просто непонятныхъ, затопили литературу. Русскій литературный языкъ вступилъ въ новую (послѣ Карамзина) полосу линіянія. Однако эти черноземные, даже навозные языковые пласты (въ Россіи, повидимому, уже нѣтъ непечатныхъ словъ) идутъ на сложную барочную лѣпку. Вліяніе символизма не прошло даромъ для этихъ примитивистовъ. Народный «сказъ» ведетъ въ школу Ремизова, а потребность въ «остранненіи» повѣствованія заставляетъ нѣкоторыхъ (Пильнякъ) заимствовать даже форму симфоній Андрея Бѣлаго. Мучительный, выкрученный, патетическій стиль не говоритъ, а кричитъ о заревѣ вчерашнихъ пожаровъ. У многихъ русскихъ писателей все еще прыгаютъ въ глазахъ «красавыи мальчики».

Почти всѣ они кажутся, или желаютъ казаться совершенными аморалистами. Какъ на современномъ портретѣ, человѣческое лицо значитъ не больше кошки или кухонной посуды. Лишь у немногихъ (Леоновъ, Фединъ), просвѣчиваетъ нѣчто отъ старой русской жалости къ человѣку. Большинство не уступаетъ въ жестокости Стендалю или Флоберу.

Слабость новой литературы очевидна: въ ея безформенности, безмѣрности, безстильности. Но за всѣмъ этимъ стоитъ огромная сила, еще не высвободившаяся отъ власти стихій, но начавшая завоеваніе новой земли.

Ни малѣйшаго сравненія съ литературой не выдерживаетъ новый театр. Онъ представляется намъ очень интереснымъ, но совершенно беспочвеннымъ. Вѣриѣе, социальную почву его нужно искать въ ночныхъ московскихъ кабаре эпохи военнаго коммунизма, гдѣ поэты, чекисты и воры объединялись на кокаинѣ. Содержаніе новаго зрѣлища сводится къ жестокому гротеску. Режиссеръ довольствуется превращеніемъ человѣка въ натюръ-мортъ, а те-

атра въ блестящій циркъ. Съ изгнаніемъ слова, театръ становится чисто декоративнымъ искусствомъ, но съ большимъ динамизмомъ движенія. Исторически, гротескный театръ отражаетъ кровавый бредъ 1918 - 19 г. г. въ гурманскомъ преломленіи эстетовъ.

Театръ Мейерхольда ставить передъ нами вопросъ: какъ возможно возрожденіе эстетства въ революціонной Россіи? Выкорчевывая религію и буржуазную мораль, почему совѣтскіе цензоры останавливаются передъ снобистской эстетикой. Одни изъ напрашивающихся отвѣтовъ состоятъ въ томъ, что въ такой эстетикѣ видятъ средство разрушенія морали. Но это приводитъ насъ къ дальнѣйшему вопросу объ отношеніи большевизма къ морали и значеніи имморализма въ современной русской куьтурѣ.

Самое старое поколѣніе большевиковъ — пятидесятиники — были релятивистами въ теоретическихъ вопросахъ морали и аскетами въ личной жизни, продолжая полувѣковую традицію русской интеллигенціи. Но уже поколѣніе 1900-хъ г. г. воспитывалось въ атмосферѣ анархическаго индивидуализма: ранній Горькій, воскрешенный Писаревъ, Ницше и Гамсунъ, Андреевъ и Шишбышевскій, журналъ «Правда». Соедѣство съ декадентами, иной разъ довольно близкое въ 1905 году, привило многимъ марксистамъ изрядную долю примитивнаго эстетизма. Парикмахерское выраженіе его мы наблюдаемъ въ Луначарскомъ. Но за нимъ стоитъ рядъ дамъ, нынѣ сановницъ, и болѣе скромныхъ и болѣе заслуженныхъ передъ художественной культурой Россіи. Этой именно группѣ мы и обязаны сохраненіемъ русскихъ дворцовъ и музеевъ. Однако стоящее за этимъ «консерваторствомъ» мироощущеніе гораздо менѣе невинно. Оно оказало и продолжаетъ оказывать большое, чаще всего разлагающее вліяніе на русскую молодежь пореволюціоннаго времени. Определить его кратко можно такъ: это базаровщина, пропущенная сквозь брюсовщину.

1917 годъ сорвалъ съ разрушенныхъ гнѣздъ массу авантюристовъ, искавшихъ въ революціи сильныхъ ощущеній. Первые перебѣжчики изъ интеллигенціи на службу новымъ господамъ были чаще всего люди безъ чести и совѣсти. Все это создавало въ годы гражданской войны остро пахнущій букетъ имморализма на верхахъ совѣтскаго общества. Общаясь съ продажными декадентами и жуирами, разлагались и недавніе аскеты. Да и человѣческая природа не выноситъ большихъ кровопусканій безъ наркотиковъ.

Идейные чекисты неизбежно ищут забвенія въ кокаинѣ, развратѣ или эстетикѣ. Много страшнѣе, когда эстетическій (или голый) имморализмъ захватываетъ свѣжіе, здоровые слои революціонной молодежи. Но это явленіе позднѣйшихъ дѣтъ.

Съ концомъ героической эпопеи революціи, тысячи бойцовъ оказываются выброшенными на мель. Напившись свѣжей крови, они не желаютъ «питаться падалью» добродѣтельнаго строительства. Годы идутъ, и это строительство во постепенно разоблачается, какъ грандіозный блефъ. Начинается полоса совѣтскихъ буденъ, невыносимая для молодыхъ умовъ, жаждущихъ подвига. Отсюда разочарованность новаго поколѣнія, приводящая къ культу официально попираемой личности. Возрождается анархическій индивидуализмъ, вообще характерный для послѣ-революціонныхъ эпохъ. Изъ русскихъ прецедентовъ прежде всего напрашивается Арцыбашевскій Санинъ, выразившій «огарочныя» настроенія молодежи послѣ 1905 года.

Десятилетники, особенно десятилетницы, первые забили тревогу. Начались поиски новой, пролетарской этики, долженствующей замѣнить этику христіанскую. Эти теоретическія потуги, конечно, обречены на неудачу. Но нельзя закрывать глаза на то, что въ новой жизни довольно здоровыхъ силъ, которые ведутъ не безъ успѣха борьбу съ моральнымъ разложеніемъ. Читая о половомъ безстыльствѣ молодежи — тема излюбленная и совѣтскими романистами — мы склонны обобщать эти явленія. Они отвратительны, но едва ли типичны. Рядомъ со слабыми вырожденками растутъ здоровые и сильные юноши, которые умѣютъ работать и понимаютъ смыслъ общественной дисциплины. Революція создала не одинъ имморализмъ, но и нѣкоторыя основы для новой этики; не пролетарской, но коллективистической. Это этика полувоееннаго типа: въ ней много родственнаго скаутизму, и красные пионеры, въ сущности, несутъ скаутское знамя, соціально окрашенное. Служеніе обществу—въ частности, своему коллективу—замѣняетъ личное рыцарство. Жертва и здѣсь является краеугольнымъ камнемъ. Пионеръ долженъ помогать слабымъ, женщинѣ на улицѣ, измученной лошади, пожарному, но и милиціонеру при исполненіи его обязанностей. И эти требованія не остаются мертвой буквой. Быть можетъ, въ этой пионерской средѣ только и горитъ въ Россіи соціальный идеализмъ. Уже въ комсомольствѣ къ нему примѣшива-

ются (если не преобладаютъ) личные, карьерные мотивы; въ этомъ же возрастѣ происходятъ кризисы міросозерцанія, опустошающіе душу, но и очищающіе ее. Среди взрослыхъ коммунистовъ въ настоящіе годы принципиальные люди встрѣчаются въ видѣ исключенія. Чѣмъ больше революція идетъ на убыль, тѣмъ слабѣетъ сопротивление коллективистической этики разлагающимъ началамъ. Мы имѣли бы основаніе прийти въ ужасъ за народъ и его будущее, если бы революционнымъ идеализмомъ исчерпывались духовные ресурсы націи. По счастью, это не такъ. «Новая культура» не покрываетъ всѣхъ живыхъ силъ, которыми спасается Россія. Эти силы — внѣ культуры, ихъ источники бѣгутъ изъ подземной глубины, и шумъ этихъ водъ заглушаетъ въ Россіи нестройный стукъ молотковъ въ рукахъ строителей Вавилонской башни.

ЦЕРКОВЬ.

Въ настоящихъ очеркахъ соціально-публицистическаго характера нѣтъ мѣста для изученія идей и духовныхъ реальностей. Реальности эти появляются въ нихъ лишь постольку, поскольку облакаются въ общественно-организованную форму: соціальной группы, класса, партіи. Извѣстно, какую огромную соціально-формирующую силу представляетъ религія. Исторія христіанскихъ обществъ не можетъ быть построена безъ исторіи Церкви. Для классическихъ эпохъ христіанской культуры общество и Церковь совпадаютъ. Однако, въ эпохи упадка соціальное значеніе Церкви сильно суживается. Исторію 18 и 19 столѣтій можно писать, отвлекаясь отъ христіанскихъ церквей и сектъ. Оказалось возможнымъ и исторію разложенія императорской Россіи схематически чертить безъ изображенія церковнаго быта 19 вѣка. Быть можетъ, это было нѣкоторымъ упущеніемъ. Картина дворянскаго упадка могла бы быть дополнена очеркомъ церковнаго оскуднѣнія. Мы увидѣли бы приниженность духовенства, угодливыхъ и честолюбивыхъ іерарховъ, сельскихъ священниковъ, погрязшихъ въ пьянствѣ и любостыжаніи, распущенныхъ монаховъ: во всей Россіи едва ли удалось бы насчитать десятка два обитателей, въ которыхъ теплилась духовная жизнь. Для религіознаго взора это наблюденіе открываетъ многое: изъ подробности общей картины оно можетъ стать

ключемъ, объясняющимъ цѣлое. Именно здѣсь, въ религіозномъ центрѣ, изсякали духовныя силы націи. Но эту связь не легко показать убѣдительно для всѣхъ. Зато для всѣхъ явственно совершается возрожденіе Церкви въ очистительномъ горнилѣ революціи.

Одинъ убѣдительный фактъ дѣлаетъ невозможнымъ обойти Церковь въ любомъ изображеніи русской революціи (какъ возможно обойти ее въ краткомъ очеркѣ французской): о Церковь разбились въ Россіи волны разрушительныхъ силъ. Изъ всѣхъ организованныхъ силъ старой Россіи Церковь одна устояла подъ напоромъ большевиковъ. Церковь сдѣлалась центромъ кристаллизации духовныхъ анти-коммунистическихъ силъ, ни малѣйшимъ образомъ не связывая себя съ контръ-революціей или со старой Россіей. И то и другое требуетъ объясненій.

Если бы Церковь была столь же слаба въ Россіи, какъ въ старой Франціи, большевики, конечно, не задумались бы поступить съ ней по методу якобинцевъ: закрыть всѣ храмы и разстрѣлять священниковъ. Въ недостатокъ рѣшимости или ненависти къ христіанству ихъ подозрѣвать не приходится. Они терпятъ культъ потому, что рабочіе и крестьяне въ немъ нуждаются и не позволяютъ отнять его. Съ другой стороны, несомнѣнно, революція вызвала широкій отходъ отъ Церкви, или охлажденіе къ ней. Однако это охлажденіе было далеко отъ прямой ненависти. Народъ сталъ религіознымъ минималистомъ, скептикомъ, если угодно, только не богоборцемъ, какимъ хотѣла бы его сдѣлать коммунистическая партія. Народъ допустилъ вскрытіе мощей безъ всякаго протеста, народъ допустилъ, хотя и съ протестомъ, ограбленіе храмовъ, но онъ не допускаетъ ихъ закрытія. Онъ по прежнему креститъ въ нихъ своихъ дѣтей и отпѣваетъ покойниковъ: въ деревнѣ даже гражданскіе браки большая рѣдкость. Этого минимальный ритуализмъ уживается съ раціоналистическимъ разложеніемъ религіознаго сознанія, о которомъ мы говорили выше.

Почему народъ не пережилъ активной ненависти къ Церкви, подобно передовой интеллигенціи? Нужно думать, что грѣхи духовенства не были столь тяжки въ народныхъ глазахъ, чтобы поставить лопа на одну доску съ бариномъ. Средній типъ русскаго священника, въ своей убогой простотѣ, обезоруживалъ народное сердце. Народъ не уважалъ духовенства, но не питалъ къ нему злобы. Встрѣча-

лись среди священниковъ и праведники, которые примирились ожесточенныхъ. Праведники были, конечно, во всѣхъ сословіяхъ. Но баринъ — безсребренникъ и филантропъ оставался чуждъ народу въ своемъ духовномъ обликѣ и потому подозрителенъ. А христіанская святость была насквозь понятна и обаятельна. Но Церковь была дорога не служеніемъ пастыря, а красотой обряда, съ которымъ сросся кровно народный бытъ.

Вотъ общій фонъ, на которомъ развѣртывалась драма русской Церкви. Тяжель ея первый актъ — режимъ террора и остраго гоненія, въ который была сразу поставлена Церковь октябрьской революціей. Кадры ея активныхъ дѣятелей и сторонниковъ сильно порѣдѣли. «Церковники» это уже не народъ, а группа, лишенная всенародной поддержки и сочувствія. Засѣданія Московскаго собора заглушаются громомъ гражданской войны. Изъ кого же состоитъ эта порѣдѣвшая, но сплоченная церковная среда, ведущая борьбу за Церковь? Разумѣется, ядро ея составляютъ люди консервативнаго православнаго склада, для которыхъ Церковь не только религіозная, но и національная святыня. Большинство ихъ не примирилось съ горечью утраты Помазанника, и въ своемъ противодѣйствіи революціи не дѣлало различія между февралемъ и октяремъ. Многие надѣялись, что Церковь объединитъ всѣ живыя, т. е. національныя силы и спасетъ Россію. Эта надежда заставляла льнуть къ Церкви и людей, чуждыхъ ея догматамъ, отвыкшихъ отъ ея уставовъ. Событія, казалось, предназначали русскую Церковь для активной борьбы съ революціей. Но Церковь не пошла по этому пути. Послѣ первыхъ колебаній (начало 1918 г.), она рѣшительно вышла изъ политической борьбы.

Патріархъ Тихонъ былъ символомъ аполитической Церкви, и его отказъ благословить бѣлыя арміи (лѣтъ 1918 г.) — знакомъ новаго дня. Его позиціи, столь трудной для многихъ активно-патріотическихъ церковниковъ, невозможно объяснить оппортунизмомъ. Служеніе Церкви въ годы террора было само по себѣ исповѣдничествомъ, которое для тысячъ и тысячъ стало подлиннымъ мученичествомъ. Явилось ли у патріарха и окружавшихъ его вождей Церкви тогда уже сознаніе обреченности блага дѣла? Мы не знаемъ. Это могло бы быть не столько политическимъ расчетомъ, сколько внутренней интуиціей, прозрѣніемъ въ сущность еще неясныхъ событій. Состоя-

ніе народной души было скорѣе открыто для іерарховъ и пастырей, чѣмъ для увлеченныхъ идей интеллигентовъ. Но все это соображенія, лишеныя глубины. Истинный смыслъ отрицательной тактики (аполитизма) Церкви — въ положительной духовной жизни, въ ней раскрывающейся. Въ громахъ апокалиптическихъ событій, обрушившихся на русскую землю, въ этой, казалось, финальной катастрофѣ, перегарали всѣ земныя, часто слишкомъ земныя узы, соединявшія Церковь съ обществомъ и государствомъ вчерашняго дня. Россія можетъ не быть, но вѣченъ Христосъ. Сегодняшній день можетъ быть послѣднимъ днемъ исторіи: войдемъ въ себя! Церковь аскетически и мученически отрекалась отъ Россіи, слагая съ себя печаль о ея земномъ тѣлѣ. То, что замѣстило національное сознаніе Церкви въ годы революціи, была святость. Ея необычайный расцвѣтъ въ смертные годы, — такой отвѣтъ на вызовъ революціи былъ возможенъ, разумѣется, лишь потому, что русская Церковь не растратила живущихъ въ ней потенцій святости. Несмотря на видимую упадочность 19 вѣка, традиція святости не прерывается въ Церкви, и можно даже наблюдать къ концу вѣка нарастаніе этихъ внутреннихъ, мистическихъ силъ. Несомнѣнно подготавливалось возрожденіе церковной жизни, хотя оно ничѣмъ еще не сказывалось въ ея іерархическомъ и бытовомъ строѣ. Понадобилась революція, т. е. послѣднее отчаяніе, чтобы вывести святость изъ затвора кельи на широкую арену Церкви и міра.

Революція была мечемъ, раздѣляющимъ — живое отъ мертваго. Въ тѣхъ же семьяхъ, въ тѣхъ же условіяхъ жизни одни ожесточались или оподлялись въ животной борьбѣ за существованіе, другіе достигали высокаго просвѣтленія. Мы всѣ знаемъ этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, которые находили силу простить врагамъ, нерѣдко признавали заслуженность и справедливость самаго своего паденія. Сколь многіе, въ итогѣ пустой или легкомысленной жизни, находили въ себѣ силы, подобно послѣднему русскому царю, умереть съ мужествомъ и достоинствомъ христіанина. Люди этого типа, а не политики опредѣлили судьбу русской Церкви въ голы революціи. Политики, вытѣсненные взяться за церковный руль, погибли въ гражданской войнѣ или ушли изъ Россіи; оставшіеся въ ней духовно выросли и смирились. Цѣлые годы продолжалось это очищеніе Церкви кровью мучениковъ и аскетическимъ пре

бываніемъ во внутренней пустынѣ. То, чего не успѣлъ сдѣлать палачъ Че-Ка, додѣлалъ Тучковъ изъ Г. П. У., вытянувъ изъ Церкви послѣдніе старорежимные соки въ «обновленчество», въ «живоцерковство». Въ этомъ расколѣ добросовѣстно запутались и люди демократическаго склада, обманутые лукавой діалектикой революціи, подобно смѣновѣховцамъ и евразійцамъ. Но основную массу обновленческаго духовенства составили «попы», которые больше всего на свѣтѣ боялись мученическихъ вѣнцовъ и не могли вынести тяжести разрыва съ государствомъ. Если не царская, то хоть революціонная, но власть, — эти люди не могли жить безъ политическаго заслона. Съ уходомъ ихъ, аполитизмъ Церкви закрѣпленъ окончательно.

Для этихъ первыхъ лѣтъ аскетическаго очищенія Церкви характерно возвращеніе къ ней значительной части интеллигенціи. Съ отходомъ отъ Церкви народныхъ массъ это проникновеніе въ нее новаго слоя, ранѣе чуждаго ей, замѣтно окрасило ея составъ. Въ городахъ это бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на молящуюся толпу, переполнявшую храмы. Разнообразны были мотивы, опредѣлявшіе обращеніе блуднаго сына. Мы уже говорили о политикахъ. Для многихъ, потерявшихъ все на свѣтѣ, въ безпросвѣтномъ отчаяніи и одиночествѣ, Церковь была единственнымъ прибѣжищемъ. Въ пошлости и гамѣ революціонной улицы удивительной красотой звучало торжественное тысячелѣтнее слово и византійскій обрядъ, уводящій изъ царства красныхъ флаговъ. Но не изъ раздавленныхъ калѣкъ, не изъ опустошенныхъ эстетовъ слагалось новое церковное общество. Обращеніе интеллигенціи, т. е. части ея, было естественнымъ завершеніемъ мощнаго движенія русской культуры конца XIX и начала XX вѣка. Школа Достоевскаго и Вл. Соловьева владѣла умами послѣдняго предреволюціоннаго поколѣнія. Символизмъ въ лицѣ самыхъ мудрыхъ своихъ провидцевъ подводилъ къ порогу Церкви. Громъ революціи лишь ускорилъ неизбѣжную развязку. Въ 1918 и слѣдующихъ годахъ рядъ профессоровъ, писателей и поэтовъ принимаютъ священство. Другіе отдають свои силы Церкви въ Богословскомъ Институтѣ (Петроградѣ), на церковной кафедрѣ, теперь открытой для мірянъ, въ тайныхъ кружкахъ и братствахъ. Новые люди принадлежали въ недавнемъ прошломъ къ самымъ разнымъ политическимъ партіямъ. И теперь они отличаются направленіями религіозной мысли. Преобладають мисти-

чекія настроенія и идеи (имяславчество); апокалиптика упраздняетъ соціальныя и національныя проблемы. Повышенная страстность, радикализмъ въ постановкѣ вопросовъ и жизненномъ ихъ рѣшеніи замѣтно отдѣляютъ эту группу неопитовъ отъ спокойной сдержанности наслѣдственнаго духовенства: такъ Волгу долго окрашиваютъ въ свой цвѣтъ Камскія воды. Интеллигентскій радикализмъ иногда заставляетъ этихъ людей, переступающихъ порогъ Церкви, приносить изувѣрскія жертвы. Не рѣдкость — полное отрицаніе культуры, проповѣдь мистическаго нигилизма. Эти настроенія особенно опасны въ виду стремительнаго паденія старой культуры и трудности сохраненія ея уровня. Есть люди, которые уже ничего не читаютъ, кромѣ Добролюбія. Но другіе приносятъ въ Церковь свою науку, свое искусство, ища освятить въ ней свое творчество. Въ Церкви происходитъ огромное накопленіе культурныхъ силъ, лишь насильственно обреченныхъ на молчаніе. Но легальная культура представляетъ лишь малый секторъ духовной жизни Россіи. Въ подпольной борьбѣ христіанства съ безбожіемъ всѣ преимущества культурнаго вооруженія на сторонѣ Церкви.

Конечно, Церковь не вобрала въ себя всей старой интеллигенціи. Процессъ оцерковленія ея замедлился черезъ нѣсколько лѣтъ и, кажется, остановился. Раздѣленіе прошло здѣсь, главнымъ образомъ, по моральной линіи. Но нельзя отрицать, что и страхъ духовной реакціи, т. е. мистико-эсхатологическихъ идей удерживаетъ многихъ на порогѣ. Даже среди интеллигенціи церковники — это меньшинство, но меньшинство сильное, подвижническое, жаждающее завоеваній.

Выходъ изъ подполья патріаршей церкви съ освобожденіемъ патріарха (1923), знаменуетъ начало церковной экспансіи. Періодъ аскетическаго сосредоточенія собрали и дисциплинировали огромныя силы, которые теперь отчасти устремляются на завоеваніе міра. Проблема Россіи, не погибшей, но погибающей, опять становится въ центрѣ религіознаго зрѣнія. Но спасеніе ея мыслится не на политическихъ путяхъ. Отвоеваніе массъ у антихриста, новое крещеніе Руси — вотъ поставленная цѣль, которая объясняетъ политику преемниковъ почившаго патріарха: ихъ тягу къ легальности.

Среди новой демократіи, среди студенческой молодежи религіозныя исканія замѣтны давно. Съ первыхъ лѣтъ революціи въ религіозныхъ кружкахъ встрѣчаются комму-

нисты, бывшіе или даже настоящіе, которые ищутъ духовнаго осмысленія своей работы. Марксизмъ явно не можетъ быть духовной пищей. Обыкновенно къ концу университетскихъ лѣтъ молодежь разочаровывается въ немъ. Большинство — чтобы отдаться потоку буржуазныхъ настроеній и практическому завоеванію жизни; меньшинство — чтобы искать новаго идеала. Среди молодежи, отдавшей наукѣ, аспирантовъ на кафедры, особенно много христіанъ. Но не требуется большого научнаго аппарата, чтобы разобраться въ безграмотномъ хламѣ антирелигіозной литературы. Новое поколѣніе мало интеллектуально. Оно рѣшаетъ вопросы вѣры нравственной интуиціей. Борьба идетъ не между вѣрой и разумомъ, но между двумя вѣрами. И здѣсь обаяніе мученической Церкви вырываетъ чистыя сердца и воли изъ власти лживой, духовно разжирѣвшей коммунистической секты.

За молодежью — рабочіе. Среди рабочихъ петроградскихъ окраинъ и въ годы революціоннаго угара митрополитъ Веніаминъ пользовался большою популярностью, — какъ въ Москвѣ патріархъ Тихонъ. Это было, конечно, меньшинство — люди семейнаго, традиціоннаго уклада, особенно связанные съ деревенской родиной. Но за послѣдніе годы церковныя настроенія среди рабочихъ растутъ. Они уже кое-гдѣ на скудные гроши строятъ храмы, преодолевая страшное сопротивленіе храморазрушителей. Возвращаясь въ Церковь, рабочий опережаетъ крестьянина. Онъ несчастнѣе другихъ. У него нѣтъ уже никакихъ политическихъ или социальныхъ надеждъ. Съ другой стороны, его нервная, безпокойная душевная организація болѣе способна къ идеалистическому подъему. Безъ идеаловъ онъ не можетъ жить, и падаетъ на дно, не поддерживаемый бытовымъ и хозяйственнымъ укладомъ жизни. Отсюда это соединеніе разгула и жертвенности, разврата и религіозности въ одной и той же средѣ, характеризующее современное состояніе рабочаго класса въ Россіи.

И, наконецъ, въ самое послѣднее время, поскольку можно судить отсюда, религіозное возрожденіе захватываетъ и деревню. Въ народныхъ низахъ, въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, у Церкви есть соперникъ, въ лицѣ баптизма и вообще рационалистическаго сектантства, сильно выросшаго въ Россіи. Сектанты имѣли передъ православнымъ духовенствомъ преимущество старыхъ гоненій и, слѣдовательно, моральнаго авторитета. Они умѣли соединять свой пла-

менный евангелизмъ съ социальнымъ радикализмомъ, искреннимъ въ ихъ средѣ, въ отличіе отъ скомпрометированныхъ морально обновленцевъ. Они опередили Церковь въ христіанизации народныхъ массъ. Но, постепенно, и Церковь выходитъ на народную ниву.

Это медленный процессъ, и мы присутствуемъ при самомъ его началѣ. Два теченія: рационализация народнаго сознанія и его христіанизация — протекаютъ одновременно и параллельно. Это значитъ, въ глубинахъ происходитъ жестокая борьба міросозерцаній — самое важное изъ того, что совершается въ Россіи.

Борьбу эту нельзя разсматривать, какъ продолженіе борьбы стараго съ новымъ. Христіанство — не старое, но вѣчное, а «новое», противъ чего оно ведетъ борьбу — уже слишкомъ старо и обветшало. Нельзя думать, что успѣхи Церкви въ Россіи равнозначны съ побѣдами старой культуры. У Церкви нѣтъ основаній отрицать техническую или физическую направленность новой культуры. Молодежь, становясь религіозной, не перестаетъ интересоваться спортомъ и машиной. Даже церковныя организаціи молодежи, о которыхъ доходятъ глухіе слухи, должны считаться съ этими настроеніями умовъ. Церковь, порвавшая мучительно съ кровной для нея традиціей православнаго царства, не станетъ защищать интеллектуальныхъ или эстетическихъ идеаловъ XIX вѣка — ей чуждыхъ. Пока еще рано говорить о творчествѣ церковной культуры въ Россіи. Для этой работы у Церкви нѣтъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ возможностей. Она живетъ первичнымъ религіознымъ актомъ, по ту сторону всякой культуры. Но этотъ актъ заключаетъ въ себѣ огромную динамическую энергію, источникъ всякаго творчества. Изъ этого резервуара духовныхъ силъ будутъ питаться всѣ живыя направленія русской культуры. Именно всѣ — а не одно изъ нихъ. Побѣда Церкви не обезпечиваетъ торжества консервативныхъ или прогрессивныхъ началъ въ культурѣ. Она обезпечиваетъ жизнь, т. е. творческую глубину самой культуры. Къ этому можно прибавить лишь одно. Церковь не знаетъ прерывовъ въ своемъ ростѣ, и каждый прошлый день сохраняется ею для вѣчности. Поэтому она возсоздаетъ непрерывно единство прошлаго и настоящаго, и въ этомъ смыслѣ является въ Россіи единственной носительницей духовнаго преемства, — тѣмъ ковчегомъ, на которомъ спасается все живое (но только живое) въ потопѣ революціи.

Г. Федотовъ.

Изъ исторіи гражданской войны

«Мы всё — невольно или вольно —
Свидѣтели мятѣжныхъ лѣтъ
Слышали голосъ колокольный
И видѣли багровый свѣтъ»..

А. Блокъ. (Изъ опущенныхъ строфъ).

1.

Съ началомъ весны 18 г. событія пошли быстрѣе. Выступленіе чехословаковъ придадо имъ головокружительный, вихревой характеръ.

Выступленіе было неожиданно для всѣхъ: для большевиковъ, для противниковъ большевиковъ, для самихъ чеховъ. Именно о немъ можно сказать, что оно случилось: никто его не дѣлалъ и не готовилъ. И чехи меньше всего хотѣли «увязнуть» въ русской междуусобицѣ и неразберихѣ, и большевики больше всего хотѣли удалить изъ Россіи это чужеродное обоюдоострое тѣло. Судьба чеховъ — и Чехіи — находилась въ прямой зависимости отъ исхода міровой войны на западномъ фронтѣ, а не гражданской — въ Россіи. И потому ихъ интересы и взоры были обращены туда, на Западъ, гдѣ эта судьба рѣшалась. Объявивъ себя, по соглашенію съ французскимъ командованіемъ, частью автономной чехословацкой арміи, формировавшейся во Франціи (согласно декрету президента французской республики отъ 17 декабря 17 г.), чехословаки въ Россіи вступили въ соглашеніе съ совѣтской властью о разрѣшеніи имъ беспрепятственно уйти кружнымъ путемъ, черезъ Владивостокъ, моремъ во Францію. Оба соглашенія — съ представителемъ французскаго командованія ген. Табуи и съ совѣтскимъ «главкомомъ» Муравьевымъ — были заключены Масарикомъ въ февралѣ 18 г.

*) См. «Соврем. Записки» № 40.

Соглашаясь съ большевиками, чехи не могли, разумѣется, вступать одновременно въ соглашеніе съ противниками большевиковъ. Этимъ уничтожались бы всё надежды и расчеты на лояльное содѣйствіе со стороны совѣтской власти передвиженію чехословацкаго войска. Препятствовали соглашенію съ антибольшевицкимъ лагеремъ и соображенія политическаго порядка. Къ тому времени, кромѣ добровольческой арміи ген. Алексѣева, проникнутой опредѣленно правыми, противореволюціонными настроеніями, другихъ формъ вооруженнаго сопротивления большевикамъ еще не существовало. Масарикъ же опредѣленно отстаивалъ республиканскій характеръ чешскаго движенія, и борьбу за чешскую свободу хотѣлъ вести въ союзѣ съ социалистами, а не въ борьбѣ противъ нихъ. По этимъ обстоятельствамъ онъ отказалъ въ просьбѣ о поддержкѣ добровольческаго движенія ген. Алексѣеву. Отказалъ въ томъ же и П. Н. Милюкову письмомъ отъ 19 февраля (См. П. Н. Милюковъ: «Россія на переломѣ», т. II, прим. къ стр. 25).

Съ теченіемъ времени содѣйствіе со стороны совѣтской власти все опредѣленнѣе перерождалось въ противодействіе. Большевики охотно «маневрировали», но, относясь безъ «предубѣжденій» ко всякаго рода словамъ и «клочкамъ бумаги», не могли считать себя слишкомъ связанными соглашеніемъ съ «наемниками Антанты». Не справились еще большевики къ тому времени и съ самочинствомъ совѣтской власти «на мѣстахъ». Стало сказываться послѣ Бреста и давленіе нѣмцевъ, настаивавшихъ передъ большевиками на разоруженіи чеховъ. Уйдя съ боемъ, на переправахъ черезъ Днѣпръ, изъ занятой нѣмцами Украины, чехи уже въ мартѣ должны были заплатить командовавшему совѣтскими войсками Антонову-Овсѣенко — будущему «полпреду» въ Чехословакии — пулеметами и орудіями за дальнѣйшее продвиженіе. Такого рода выкупной платежъ сдѣлался послѣ этого обычной нормой.

«Оружіе, передаваемое чехословаками, революціонныя войска принимаютъ какъ братскій подарокъ», — писалъ Антоновъ-Овсѣенко въ «Приказѣ» № 92, изданномъ 16 марта «Штабомъ Народнаго Комиссара по борьбѣ съ контръ-революціей». А въ сообщеніи по прямому проводу Сталина отъ 26 марта уже устанавливалось, что, по соглашенію (вынужденному) съ чехословаками, они «продвигаются не какъ боевыя единицы, а какъ группа свобод-

ныхъ гражданъ, берущихъ съ собою извѣстное количество оружія для своей самозащиты отъ покушеній со стороны контръ-революціонеровъ». На эшелонъ разрѣшается сохранить вооруженіе только на одну роту — 168 винтовокъ и 1 пулеметь.

Эта благочестиво-лживая фразеологія — «братскій подарокъ», «свободные граждане» подъ угрозой «покушеній со стороны контръ-революціонеровъ» — могла лишь отсрочить возникновеніе конфликта, только на короткое время успокоить «совѣты на мѣстахъ», въ Поволжьи и Сибири, опиравшіеся на военноплѣнныхъ мадярь и нѣмцевъ, лишь частично удовлетворить становившееся все болѣе требовательнымъ германское командованіе. И телеграммой № 229 отъ 21 апрѣля Чичеринъ предписалъ пріостановить движеніе «чехословацкихъ отрядовъ на востокъ», ибо — «опасаясь японскаго выступленія въ Сибири, Германія (!) рѣшительно требуетъ, чтобы была начата скорая эвакуація нѣмецкихъ плѣнныхъ изъ восточной Сибири въ западную или въ европейскую Россію». Чехи должны были ждать, потому что желѣзнодорожная сѣть нужна была нѣмецкимъ военноплѣннымъ¹.

А черезъ нѣсколько недѣль, 14 мая, по случайному поводу, на вокзалѣ въ Челябинскѣ произошло вооруженное столкновеніе между чехами и австрійскими военноплѣнными. Это столкновеніе привело чехословаковъ въ столкновеніе и съ челябинскимъ совѣтомъ: Совѣтъ арестовалъ чешскихъ солдатъ, а затѣмъ и делегацію, требовавшую освобожденія арестованныхъ. Товарищи послѣднихъ освободили ихъ силой и вооружились захваченными у челябинскихъ красногвардейцевъ и на мѣстномъ складѣ оружіемъ. Москва отвѣтила арестомъ представителей російскаго Отдѣленія («отбочки») чехословацкаго Національнаго Совѣта — Максы и Чермака. Послѣдовали телеграммы-приказы, сводившіе на нѣтъ всѣ прежнія соглашенія.

23 мая «завѣдующій оперативнымъ отдѣломъ народнаго комиссаріата по военнымъ дѣламъ» Араловъ телеграфировалъ пензенскому совдепу — : «Въ подтвержденіе раньше даннаго приказа (въ которомъ говорилось: «сдѣлайте все отъ васъ зависящее для поддержки организаціи чехословацкихъ коммунистовъ» и вступленія «чехословаковъ, находящихся въ поѣздахъ, въ ряды совѣтской красной арміи») предлагаю немедленно принять срочныя мѣры къ задержкѣ, разоруженію и расформированію всѣхъ

эшелоновъ и частей чехословацкаго корпуса, какъ остатка старой регулярной арміи. Изъ личнаго состава корпуса формируйте красноармейскія и рабочія артели». А еще черезъ два дня самъ «наркомвоенморъ», въ присущемъ ему состояніи крайней революціонной запальчивости и раздраженія, опубликовалъ одинъ изъ своихъ «историческихъ» приказовъ, дорого обошедшійся и Совѣтамъ, — что было бы уже не такъ скверно, — и Россіи.

Троцкій обязывалъ «всѣ соведлы желѣзныхъ дорогъ отъ Пензы до Омска» разоружить чехословаковъ «Каждый чехословакъ, который будетъ найденъ вооруженный на желѣзно-дорожной линіи, долженъ быть разстрѣлянъ на мѣстѣ, каждый эшелонъ, въ которомъ окажется хотя бы одинъ вооруженный, долженъ быть выгруженъ изъ вагоновъ и заключенъ въ лагерь для военнопленныхъ... Всякое промедленіе будетъ равносильно безчестной измѣнѣ и обрушится на виновныхъ суровую кару. Одновременно присылаются въ тылъ чехословаковъ надежныя силы, которымъ поручено проучить мятежниковъ. Съ честными чехословаками, которые сдадутъ оружіе и подчинятся совѣтской власти, будетъ поступлено какъ съ братьями. Имъ будетъ оказана всяческая поддержка. Всѣмъ желѣзнодорожникамъ сообщить, что ни одинъ вагонъ чехословаковъ не долженъ продвинуться на востокъ. Кто уступитъ насилію и окажетъ содѣйствіе чехословакамъ съ продвиганіемъ ихъ на востокъ, будетъ сурово караться».

При самомъ «соглашательскомъ» отношеніи къ совѣтской власти — выбора больше не оставалось. Приказъ Троцкаго клалъ предѣлъ всѣмъ сомнѣніямъ и иллюзіямъ со стороны совѣтской власти при лояльномъ отношеніи къ ней и невмѣшательствѣ въ русскія дѣла. Депеша Троцкаго какъ бы провоцировала чехословаковъ на вооруженное выступленіе противъ большевиковъ или — на сдачу на милость и усмотрѣніе сидѣвшаго въ Москвѣ графа Мирбаха. Не чехи бросили жребій. Онъ былъ за нихъ вынута правительствомъ гражданской войны въ Россіи, РКП. Имѣли свою долю «заслуги» въ «превращеніи разстоянія между совѣтскимъ правительствомъ и чехословацкой добровольческой арміей въ пропасть» и чешскіе коммунисты. Какъ писалъ впоследствии Яр. Паповшекъ о «Причинахъ чехословацкаго выступленія въ 1918 году», — чешскіе коммунисты въ Москвѣ «вмѣсто того, чтобы перекинуть

мость через пропасть, старались въ личныхъ цѣляхъ сдѣлать мирное соглашеніе невозможнымъ». («Воля Россіи» № 8 - 9 за 1928 г., стр. 304, 321, 340 и др.).

Какъ ни хотѣлось чехословакамъ выйти изъ огня гражданской войны, полыхавшаго по Россіи, какъ ни отталкивались отъ нея и какъ ни сопротивлялись, большевики всё же толкнули ихъ въ противобольшевицкій лагерь, заставили ихъ отражать нападенія на чехословацкіе поѣзда у Мариановки (близъ Омска), въ Маріинскѣ, Ново-Николаевскѣ — 25 мая, въ Иркутскѣ — 26, въ Златоустѣ — 27-го и т. д.

Уже шли форменныя сраженія, въ которыхъ чехословаки насчитывали десятки убитыхъ и до сотни раненыхъ, а политическіе руководители войска, не взирая ни на что, упорно продолжали отстаивать прежнюю свою позицію лояльности въ отношеніи къ Совѣтамъ и невмѣшательства въ гражданскую войну. «У совѣтскаго правительства всюду очень много враговъ, которые стремятся соблазнить (!) насъ выступить въ ихъ пользу и низвергнуть существующее правительство, — читаемъ мы въ «Чехословацкомъ Ежедневникѣ» отъ 28 мая. Но это не является нашей задачей; наша цѣль это — далекій западный фронтъ, гдѣ мы будемъ вѣствовать съ нѣмецкимъ империализмомъ». И въ сообщеніи «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», разосланномъ изъ Челябинска отъ того же 28 мая, за подписью Б. Павлу и Рихтера заявляется, что чехословаки «оставляютъ на мѣстахъ гражданскую власть Совѣтовъ. Чехословаки не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскаго народа» *).

*) Только разгоряченное воображеніе Троцкаго, распаленное демагогіей и ощущеніемъ собственной своей виновности, могло увидѣть въ выступленіи чехословаковъ осуществленіе «дьявольскаго», «злостнаго, точно рассчитаннаго плана». — Суть плана, по Троцкому, «состояла въ томъ, что для империалистовъ Франціи, разумѣется, было бы желательно имѣть лишній чехо-словацкій корпусъ, но что для нихъ въ 10 разъ стало важнѣе имѣть чехо-словацкій корпусъ на русской территоріи противъ русскіхъ же рабочихъ и крестьянъ, создавъ такимъ образомъ то ядро, вокругъ котораго можно было бы группировать бѣлогвардейцевъ, монархистовъ, всѣ разсыпавшіеся по странѣ буржуазные элементы» и т. д. (Л. Троцкий: «Какъ вооружалась революція», т. I, стр. 221 — рѣчь-докладъ на чрезвычайномъ объединенномъ засѣданіи ВЦИК V созыва совместно съ моск. совѣтомъ раб., кр. и солд. депутатовъ, профессиональными союзами, фабрично-заводскими комитетами 29 июля 18 г.).

Болѣе поздніе большевистскіе источники, нѣсколько отошедшіе

Событія опередили эти планы и желанія. Вопреки имъ, чехословакамъ пришло сь вмѣшаться въ русскія дѣла и упразднить и гражданскую власть Совѣтовъ. Имъ пришлось биться не на «далекомъ западномъ фронтѣ» съ нѣмецкимъ имперіализмомъ, а тутъ же, на «восточномъ», поволжскомъ фронтѣ прежде всего съ совѣтской властью и лишь косвенно и посредственно — съ нѣмецкимъ имперіализмомъ (*).

2.

Къ моменту выступленія противъ большевиковъ чехословацкій корпусъ былъ разбросанъ на огромной магистральной въ 8 тысячъ верстъ, соединявшей Пензу съ Владивостокомъ. Въ этой разбросанности была и слабость, и сила чехословаковъ: слабость — въ разсѣянности отдѣльных частей и группъ, сила — въ повсемѣстномъ пребываніи и возможности одновременнаго выступленія по всѣмъ направленіямъ.

Тѣ, кто твердятъ о національномъ характерѣ Октября, о томъ, что большевизмъ и есть единственно-подлинная революціонная стихія подавляющаго большинства русскаго народа, есть проявленіе специфической «русскости», не должны все-таки упускать изъ виду, что въ маѣ-іюнѣ 1918 года достаточно было демобилизованнаго корпуса въ составѣ 33.800 человекъ («штыковъ» было гораздо меньше, ибо въ составъ корпуса входили и инвалиды, больные, нестроевые, музыканты, повара, пи-

---

отъ запальчивости Троцкаго, отошли и отъ его точки зрѣнія. Въ обстоятельной работѣ Н. Какурина: «Какъ сражалась революція» т. I, стр. 212 можно прочесть: «Нельзя сказать, чтобы чехословаки особенно стремились принять активное участіе въ гражданской войнѣ въ Россіи. Предшествующая исторія этого войска свидѣтельствуетъ о его стремленіи уклониться отъ участія въ ней, несмотря на желанія контр-революціонеровъ привлечь ихъ на свою сторону».

*) Опровергая «американскую ложь», Троцкій вынужденъ былъ признать 22 августа 18 г., что число бывшихъ военнопленныхъ, ставшихъ «солдатами совѣтской арміи составляетъ никакъ не больше одной двадцатой (!) части всего количества совѣтскихъ войскъ» («Какъ вооружалась революція», т. I, стр. 209).

саря, врачи и т. д. *), для того чтобы буквально въ мгновение ока большевицкой власти не стало, чтобы она была свергнута на всемъ протяженіи отъ Пензы до Владивостока. И народъ, не поддержавшій въ свое время Учредительнаго Собранія, какъ злорадствовали справа и слѣва, пальцемъ не двинулъ, чтобы поддержать и «свою» «рабоче-крестьянскую» власть.

Телеграмма Троцкаго имѣла молниеносный эффектъ. Она привела въ движеніе весь чехословацкій корпусъ. 29-го мая чехи заняли Пензу, Сызрань, Канскъ; 30-го — Батраки и мостъ черезъ Волгу; черезъ день — Тайгу, Томскъ, Петропавловскъ и т. д. Выступленіе чехословаковъ повсемѣстно вызываетъ отвѣтную «детонацію» со стороны окружающаго населенія. Слѣдуютъ взрывы возмущенія, въ два счета ликвидирующіе «власть Совѣтовъ на мѣстахъ». Повсюду дѣйствуютъ болѣе или менѣе однообразно. Организуютъ новую власть безъ опредѣленнаго и конкретнаго плана, часто импровизируя въ мѣру собственнаго разумія и примѣнительно къ обстановкѣ.

Тутъ-то и дали себя знать плоды той длительной и неблагодарной, глухой и невидимой, подпольной работы по подготовкѣ возстанія противъ большевиковъ, въ которой, по признанію даже самыхъ непримиримыхъ противниковъ эсэровъ, социалисты-революціонеры проявили «наибольшую активность» (Гинсъ) и «брали на себя инициативу» (Деникинъ). Эта работа и побудила, и облегчила руководителямъ чехословацкаго корпуса выйти изъ того «внутренняго противорѣчія», въ которомъ они, по собственному ихъ признанію, очутились: не желая вмѣшиваться въ русскія дѣла и готовые «оставить на мѣстахъ гражданскую власть Совѣтовъ», они въ то же время хотѣли «биться съ германскимъ империализмомъ», фактическимъ въ то время союзникомъ Совѣтовъ. Историкъ и участникъ событій того времени Яр. Папоушекъ подчеркиваетъ значеніе, которое имѣлъ для политическаго самоопредѣленія чеховъ тотъ фактъ, что повсюду, гдѣ военные отряды Совѣтовъ терпѣли поражение, «сейчасъ же начинали приобрѣтать силу антисовѣтскіе элементы, организующіе безъ всякаго затрудненія новое правительство». Такое развитіе событій

*) Кап. В. Голечекъ: «Чехословацкое войско въ Россіи». — Иркутскъ, 1919. Изд. Информационно-просвѣтительнаго Отдѣла чехословацкаго военн. министерства.

корпусомъ «привѣтствовалося. Не только потому, что благодаря такой ситуаціи значительно упрощалось положеніе, но и потому, что во главѣ мѣстныхъ правительствъ оказались въ началѣ главнымъ образомъ Соціал.-революціонеры, чрезвычайно близкіе чехословацкому корпусу, какъ своимъ мировоззрѣніемъ, такъ и своей союзнической ориентаціей».

О томъ же свидѣтельствуетъ и другой чехъ — д-ръ Ф. Штейндлеръ. «Наши побѣды стали импульсомъ къ мѣстнымъ антибольшевицкимъ переворотамъ, производимымъ русскими антибольшевиками, подъ руководствомъ социалистовъ-революціонеровъ, которые, впрочемъ, давно до нашего выступленія и независимо отъ него готовились къ перевороту... И надо признать, что явно антибольшевицкое и чехословацкое настроеніе населенія значительно помогало нашимъ военнымъ успѣхамъ». (См. «Вольная Сибирь» № 4. — Прага, 1928.).

Въ анти-большевицкомъ движеніи, какъ и въ большевицкомъ, сильна была стихія. Соперничая съ началомъ организационно-волевымъ и сознательнымъ, она, для лагеря большевиковъ, можетъ быть, была даже болѣе характерна. Чѣмъ дальше отъ столичныхъ очаговъ разложенія, отъ линіи фронта и желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ отчетливѣе проступала стихія. Въ глубинѣ деревенской Россіи большевизмъ никогда не былъ пріятъ. Отталкиваніе отъ него никогда не прекращалось съ той видимой для всѣхъ разницей, что инстинктивное и пассивное сначала, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ все отчетливѣе смѣняется оно прямымъ и сознательнымъ сопротивленіемъ. Не надо преуменьшать роль стихійнаго начала въ войнѣ. Не надо, однако, и недооцѣнивать роли активнаго, организационно-сознательнаго участія въ ней.

Какъ ни слабы, а, сравнительно съ нуждой, даже ничтожны были силы, дѣйствовавшія съ разгона Учредительнаго Собранія въ Поволжьи и Сибири, однако, и онѣ наложили свою печать и имѣли большое вліяніе въ ходѣ и исходѣ послѣдующихъ событій. И какъ ни умалятъ «роль личности въ исторіи» и, въ частности, роль опредѣленныхъ лицъ въ волжскихъ событіяхъ, врядъ ли правильно говорить, что «на Волгѣ и въ приволжскихъ округахъ вспыхнуло стихійное, грандіозное народное возстаніе», — какъ въ явное противорѣчіе съ другими свидѣтелями-очевидцами и съ самимъ собой утверждаетъ одинъ

изъ видныхъ участниковъ волжскаго фронта В. И. Лебедевъ (См. «Волю Россіи» № 8 - 9, стр. 201). Это и объективно не такъ, и звучитъ, какъ преувеличеніе размѣровъ движенія и преуменьшеніе личной роли и отвѣтственности.

Конечно, въ извѣстной мѣрѣ Самара случайно стала и аванпостомъ, и однимъ изъ главныхъ центровъ вооруженной борьбы противъ большевиковъ. Какъ замѣчаетъ другой участникъ борьбы И. П. Нестеровъ, — «еще никакой Самары не было, а гражданская война уже гуляла въ степяхъ Заволжья». Но, съ другой стороны, Самара была заранее намѣчена и сознательно выбрана въ качествѣ аванпоста и центра. Стихийныя возстанія вспыхивали въ Самарѣ и раньше: то артиллеристы, недовольные дѣлежомъ казеннаго имущества и технического матеріала, выкатятъ свои пушки противъ совѣтской пѣхоты; то «сухопутные моряки», собравшіеся въ Самарѣ, свергнуть «революціонный комитетъ» и оставить въ обладаніи большевиковъ одинъ самарскій вокзалъ. Но къ политически-осмысленному результату возстаніе пришло лишь подъ воздействием цѣлесознательныхъ, въ подпольѣ готовившихъ его силъ, и, главнымъ образомъ, эсэровъ. Какъ это было, — рассказывали недавно въ «Воле Россіи» № № 8 - 9, и 10 - 11 организаторы возстанія И. М. Брушвигъ, П. Д. Климушкинъ, И. П. Нестеровъ, вмѣстѣ съ двумя другими членами Учредительнаго Собранія той же эсэровской фракціи Б. К. Фортунатовымъ и В. К. Вольскимъ возглавившіе правительство переворота *).

Сибирь, которую объѣхалъ Брушвигъ съ цѣлью установленія связи, назначила совмѣстное выступленіе на 15-16 мая. «Мы работали совершенно независимо и даже не знали о томъ, въ какомъ положеніи находятся чехи», свидѣтельствуетъ Брушвигъ. И только отъ прѣзжаго изъ Москвы, посланца эсэровскаго Ц. К., узнали въ Самарѣ о назрѣвавшемъ у чехословаковъ, сгруппировавшихся въ Пензѣ, конфликтѣ съ большевиками. «Тогда только постановлено было отправить меня (Брушвигъ) въ Пензу для

*) Несмотря на неимовѣрное, почти необозримое количество матеріала, исторически иногда совершенно никчемнаго, публикуемаго безпрестанно совѣтской властью по исторіи гражданской войны, — специально по исторіи борьбы въ Самарѣ нѣтъ почти ничего, если не считать полупутныхъ замѣчаній — и, конечно, «квалификаціи» — по другимъ «исторіямъ»: Интервенціи, Колчаковщины и т. д.

связи съ чехословаками... Тогда только! Такимъ образомъ въ русской общественной средѣ готовились организованно къ выступленію противъ большевиковъ задолго до прихода чехословаковъ, при чемъ имѣлось въ виду задержать-ся на Волгѣ и на Уралѣ».

Попавъ къ чехословакамъ въ Пензу, Брушвить, конечно, сталъ ихъ убѣждать въ томъ, что имъ не миновать физическаго столкновенія съ Совѣтами. И когда его слова оправдались, и чехи, несмотря на все свое отталкиваніе, вынуждены были выступить противъ Совѣтовъ съ оружіемъ въ рукахъ, естественно поднялся и авторитетъ тѣхъ, кто это выступленіе предвидѣли и, какъ могли, къ нему готовились. Выступленіе противъ Совѣтовъ, естественно, сблизило чеховъ съ эсэрами по мотивамъ политической солидарности и технической взаимопомощи.

Брушвить вѣдалъ «внѣшнія сношенія»: былъ живою связью сначала съ Сибирью, потомъ съ приближавшейся къ Самарѣ пензенской группой чехословаковъ. Климушкинъ вѣдалъ «деревню»: собиралъ крестьянскіе съѣзды, готовилъ, какъ умѣлъ, «аппаратъ» на слѣдующій день послѣ сверженія большевиковъ, велъ переговоры о содѣйствіи съ другими мѣстными партійными группами и безпартійными организаціями. «Военное дѣло»: сначала только партійную «боевую дружину» и воинскія части, сочувствовавшія перевороту, а потомъ и техническое руководство возстаніемъ рабочихъ на Иващенкоовскихъ заводахъ — въ 40 верстахъ отъ Самары, центрѣ огромнѣйшихъ запасовъ патроновъ и снарядовъ — вѣдалъ Фортунатовъ. Здѣсь, въ Иващенкоовѣ, впервые было произнесено имя КОМУЧ-а, Комитета Учредительнаго Собранія, именемъ котораго иващенкоовскіе рабочіе захватили городъ и закрѣпились на вокзалѣ еще до прихода чеховъ.

Вспоминая прошлое, б. командующій поволжскимъ фронтомъ — «всеми войсками Народной арміи и мобилизованными частями Оренбургскихъ и Уральскихъ казачьихъ войскъ», — чешскій ген. Чечекъ писалъ: «Могу съ увѣренностью сказать, что Иващенкоово спасло насъ. Вывезенными оттуда матеріалами и порохомъ питались потомъ вся база Поволжскаго фронта, Урала и наша армія. Иващенкоово поддерживало насъ цѣлыхъ полгода»...

Сколь ни ничтожны были силы эсэровъ въ Самарѣ, сколь ни «провинціальные» были онѣ качественно, все же онѣ сыграли значительную, едва ли не рѣшающую роль въ

фактъ возстанія, въ его успѣхѣ и въ закрѣпленіи успѣха. Только онѣ, можно сказать, и сыграли эту роль, ибо всѣ другіе круги русской общественности или вовсе умыли руки, или предпочли до времени политику выжиданія и воздержанія.

Мѣстная организація социаль-демократовъ (меньшеви-ковъ) заявила, что «принципiально» она стоитъ за «активную борьбу съ большевиками», но, считаясь съ противоположной точкой зрѣнія своего Ц. К., она практически «вынуждена воздержаться отъ активнаго участія въ борьбѣ». Такъ же отвѣтила и вліятельная организація рабочихъ печатнаго дѣла, позднѣе, когда опредѣлился исходъ возстанія, какъ и с.-д.-ская организація, оказавшая серьезнѣйшую поддержку перевороту. Лидеръ самарскихъ к.-д. безъ гарантіи того, что «чехи пробудутъ на Волгѣ такъ долго, какъ этого потребуютъ наши русскіе интересы», и самъ отказывался отъ имени мѣстнаго комитета принимать участіе въ возстаніи, и другихъ отъ этого предостерегалъ: «Само собою понятно наше сочувствіе цѣликомъ на вашей сторонѣ и впослѣдствіи, когда ситуація измѣнится и е с л и вамъ удастся убѣдить чехословаковъ остаться здѣсь надолго, мы не откажемся и отъ активнаго участія въ борьбѣ съ большевиками, а пока мы будемъ пассивны».

Поддержку обѣщали лишь народныя социалисты... Иными словами — эсэры были съ самаго начала предоставлены самимъ себѣ. Помощники и совѣтчики, критики и ректификаторы пришли послѣ, уже на готовое, когда многого и нельзя было исправить, а другое — по праву перваго обрѣвшаго — и не хотѣлось уступать. Это надо твердо помнить при оцѣнкѣ государственно-организаціонной импровизаціи, создавшей въ Самарѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, и подъ давленіемъ внѣшней, объективной обстановки.

Организаторы возстанія меньше всего были «доктринерами». Не было среди нихъ и ученыхъ юристовъ. Въ этомъ, если угодно, можно видѣть положительное начало, обусловившее самый успѣхъ дѣла. Еще и сейчасъ одинъ изъ видныхъ участниковъ КОМУЧ-а и его историкъ С. Н. Николаевъ, въ интересномъ очеркѣ, помѣщенномъ въ томъ же № 8 - 9 «Воли Россіи», полагаетъ, что «теоретическія размышленія о сохраненіи чистоты и цѣлости формальныхъ юридическихъ принциповъ являются скорѣе обстоятельствомъ разлагающимъ и губящимъ живое дѣло».

Какъ бы то ни было, но, критикуя совершенно очевидные недостатки плана государственнаго преобразованія эсэровскихъ Сперанскихъ, собравшихся въ Самарѣ въ маѣ 18 г. надо имѣть въ виду и ту обстановку гражданской войны, при которой «въ три дня былъ не только теоретически разработанъ весь планъ управленія, но и были приглашены уже на всѣ отвѣтственные мѣста должностныя лица»...

Планъ «управленія» былъ чрезвычайно простъ. «Во главѣ аппарата стоитъ комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія съ представителями отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ самоуправленій. Во главѣ арміи стоитъ военный штабъ, состоящій изъ трехъ лицъ: полк. Галкина (артиллеристъ, руководившій въ подпольѣ безпартийной офицерской организаціей), Фортунатова и Боголюбова, а дальше, въ нисходящемъ порядкѣ, идутъ министерства, губернскіе и уѣздные уполномоченные, начальники милиции и т. д.»

Здѣсь былъ принципъ — безличное основаніе власти. Не тѣ физическія лица, которымъ посчастливилось одержать верхъ и свергнуть ненавистную власть Совѣтовъ, признавались носителями власти въ силу фактическаго ея захвата, не они несли «въ себѣ» основаніе власти, а то учрежденіе, вѣрнѣе, учрежденія, которыя созданы были единственнымъ источникомъ и «дарителемъ» власти — народомъ и его волеизъявленіемъ, обнаруживавшимся во всеобщемъ голосованіи. Отсюда и «управленіе» призваны возглавлять, на ряду съ членами Учредительнаго Собранія, и «представители отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ самоуправленій» *).

*) По тому же принципу и образцу построена была новая власть и въ Архангельскѣ, гдѣ и юристы были, и правительство было возглавлено не эсэрами, якобы «лѣваго тѣла», а такимъ болѣе чѣмъ умѣреннымъ демократомъ, какимъ въ пору гражданской войны былъ Н. В. Чайковский. — Послѣ сверженія совѣтской власти въ Архангельскѣ 2-го августа было возвѣщено, что «Отнынѣ носителями Верховной государственной власти въ сѣверномъ краѣ является Верховное Управленіе Сѣверной Области въ составѣ: членовъ Учредительнаго Собранія, а также представителей земствъ и городовъ въ этой области». И фактически въ правительство вошла, на ряду съ членами У. С., — преимущественно сѣверныхъ избирательныхъ округовъ: вятскаго, архангельскаго, вологодскаго, новгородскаго, — тов. городского головы г. Вологды и зам. предсѣдателя городской думы г. Архангельска. —

Принципъ былъ правильный, — единственный, который могъ дать правовое основаніе власти. А необходимость такого основанія сознавали и его искали и тѣ, кто въ условіяхъ рискованной и нелегальной подготовки возстанія не имѣлъ ни вкуса, ни досуга «заниматься рѣшеніемъ формально-юридическихъ вопросовъ», къ кому, какъ правильно замѣчаетъ Николаевъ, «въ огнѣ гражданской войны трудно было обратитъ требованіе о построеніи власти на основѣ сложившихся въ государственной наукѣ схемъ и формулъ». Иначе обстояло съ практическимъ воплощеніемъ принципиально правильного начала.

Власть возглавлялась КОМУЧ-емъ, какъ властью верховной и временной — впредь до восстановленія Всероссийскаго Учредительнаго Собранія и до-октябрьскаго законодательства и порядка, поправныхъ большевицкой властью. Личный составъ не былъ установленъ даже количественно. Численность Комитета была подвижна. Каждый членъ У. С. могъ стать членомъ самарскаго КОМУЧ-а, т. е. носителемъ верховной власти. Для этого достаточно было удовлетворять двумъ положительнымъ условіямъ и двумъ отрицательнымъ: быть въ Самарѣ, заявить о своемъ желаніи вступить въ составъ КОМУЧ-а и не принадлежать ни къ большевицкой, ни къ лѣво-эсэровской фракціямъ У. С. Послѣднія исключались на основаніи соучастія въ органахъ власти, ведшей вооруженную борьбу съ органами и защитниками народовласти. И формально «уходъ» этихъ фракцій изъ засѣданія У. С. 6-го января приравнивался къ «отказу отъ званія» члена Собранія, правомѣрно распущеннаго законой, по ихъ убѣжденію, властью.

Въ идеѣ — внѣпартийный и общенациональный, КОМУЧ фактически возникъ какъ однопартийно-эсэровскій пятичленный органъ. Черезъ 4 мѣсяца, къ 1-му октября, по даннымъ «Вѣстника Комитета членовъ Учредительнаго Собранія», въ КОМУЧ-ѣ было уже 95 человекъ. Достаточно одного этого факта, чтобы признать правильной характеристику Николаева, — «внутреннее строеніе новой власти не отличалось ни постоянствомъ формы, ни выдержанностью плана и системы». КОМУЧ являлся одно-

---

Юридическое различіе заключалось только въ томъ, что члены У. С. входили какъ бы по личному прямому праву, тогда какъ гласные — по представительству отъ соответствующаго городского или земскаго учрежденія.

временно и верховной властью, и властью законодательной и исполнительной. Власть не была разделена ни по материальному своему содержанию, ни формально, по компетенціямъ.

Лишь въ порядкѣ технической необходимости произведено было суммарное распредѣленіе работы между членами КОМУЧ-а, «завѣдывавшими» отдѣльными отраслями, и дѣйствительными «управляющими» различными «вѣдомствами». И только къ началу августа, съ образованіемъ, такъ называемаго, Совѣта управляющихъ вѣдомствами, произошло хоть нѣкоторое отдѣленіе власти «верховой» КОМУЧ-а отъ власти правительственной, надѣленной и законодательными функциями — Совѣта управляющихъ вѣдомствами. Но и это разграниченіе страдало серьезнымъ порокомъ. Среди «управляющихъ» преобладающее большинство составляли члены У. С. въ качествѣ таковыхъ входившіе въ составъ органа «верховой власти» — КОМУЧ-а *).

Были и другіе пороки не формально-юридической только структуры новой власти, которые и сейчасъ многимъ представляются малосущественными и «доктринерскими». И среди нихъ едва ли не наиболѣе вреднымъ по своему непосредственному впечатлѣнію и массовому дѣйствию было присвоеніе флагу самарскаго правительства, на которомъ значилось: «Власть народа — власть Учредительному Собранію!», краснаго цвѣта.

Поскольку эмоции являются одной изъ самыхъ главныхъ силъ именно въ гражданской войнѣ, красный символъ, за который и подъ которымъ надо было сражаться и умирать по приказу КОМУЧ-а не только добровольцамъ, но и мобилизованнымъ для борьбы противъ большевиковъ, которые сражались и умирали за такое же красное знамя, — вносилъ, конечно, безысходную тоску и смуту въ души борцовъ.

---

*) Въ составъ управляющихъ вѣдомствами входили: Роговскій (предсѣдатель Совѣта и управляющій госуд. охраной), Климушкинъ (внут. дѣль), Былинкинъ (юстиціи), Филипповскій (торговли и промышленности), Лазаревъ (нар. просвѣщенія), с. д. Майскій (труда), Алмазовъ В. (продовольствія и снабженія), Веденяпинъ (иностр. дѣль), Раковъ (финансы), безпартійный Красновъ (государств. контроль), безпартійный полк. Галкинъ (военн. дѣль), Несеровъ (путей сообщенія), Бѣлозеровъ (почтъ и телеграфа), Масловъ П. Г. (земледѣлія).

3.

Коллегіальная и въ своемъ личномъ составѣ подвижная самарская власть имѣла много дефектовъ, организационныхъ и иныхъ. Но если къ этимъ дефектамъ подойти съ сравнительно-исторической точки зрѣнія и сравнивать ихъ съ дефектами единоличной и военной власти, образовавшейся на югѣ, а потомъ и на востокѣ, сѣверѣ, и сѣверо-западѣ, — самая суровая критика должна, если не замолкнуть, то значительно смягчиться.

Между тѣмъ и по сей день, уже въ историческомъ аспектѣ, постигшую самарскую власть неудачу даже самые серьезные ученые продолжаютъ объяснять причинами и обстоятельствами мнимыми и несоотвѣтствующими реальности. Такъ, по утверженію историка Милюкова, «для всего хода борьбы» на Волжскомъ фронтѣ «роковое значеніе» имѣло то обстоятельство, что тамъ фактически преобладали социал.-революціонеры «лѣваго типа Чернова», а политической программой КОМУЧ-а будто бы была «программа лѣвыхъ с.-р.». Что КОМУЧ дѣйствовалъ въ качествѣ временнаго держателя власти именемъ распущеннаго Учредительнаго Собранія и при этомъ руководился «рѣшеніями, слѣшно принятыми въ послѣднія минуты единственнаго засѣданія Учр. Собранія 6 января», — это совершенно вѣрно. Но что «рѣшенія» эти составили цѣлую «программу» и при томъ «программу лѣвыхъ с.-р.», — этого П. Н. Милюковъ и не пробовалъ доказать. Вѣроятно потому, что это и не можетъ быть доказано.

Среди эсэровъ оставались, конечно, программно-тактические расхожденія и послѣ формальнаго откола лѣвыхъ эсэровъ послѣ Октября. Но рѣзкое расхожденіе «лѣвыхъ» и «правыхъ» — по признаку «соглашательства» съ не-социалистическими элементами — обнаружилось позднѣе. Во время же существованія волжскаго фронта власть — и по личному составу КОМУЧ, и по проводимымъ имъ мѣропріятіямъ — была, конечно, не лѣвой, а «п р а в о й». Въ частности, лидеръ «лѣвыхъ» В. М. Черновъ не только не былъ никакъ причастенъ къ самарской власти и волжской борьбѣ, но и физически очутился въ Самарѣ лишь наканунѣ самоустраненія самарскаго правительства въ итогѣ государственнаго совѣщанія въ Уфѣ. Не лѣвыми были «все тѣ же с.-р.-ы», благодаря которымъ, по свидѣтельству Ми-

люкова, усилилось «вліаніе русской точки зрѣнія» на чеховъ, и, въ частности, удалось убѣдить ихъ задержаться временно на Волгѣ. Отнюдь не лѣвыми были и тѣ эсэры, въ чьихъ рукахъ «находилась» кооперация, дававшая «деньги на покупку оружія» для возстанія противъ большевиковъ, и съ которыми приходилось вступать въ сношенія всѣмъ офицерскимъ и инымъ организациямъ. Лѣвымъ нечего было дѣлать и во всѣхъ «однобокихъ» правительствахъ, которыя возникали въ цѣляхъ вооруженной борьбы противъ большевиковъ въ Самарѣ, Сибири, Архангельскѣ, и «въ которыхъ с.-р. имѣли перевѣсъ» («Россія на переломѣ» т. II, стр. 41, 34 и 31).

- Можно и должно критически относиться къ волжской эпопеѣ и вообще — къ вооруженной борьбѣ противъ большевиковъ. Можно относиться отрицательно къ мѣропріятіямъ и даже къ личному составу правительствъ, земствъ, городовъ, коопераций и прочихъ учреждений, зѣ которыхъ въ 17 и 18 г. г. преобладали эсэры. Врядъ ли, однако, допустимо критическое отношеніе къ эсэрамъ подмѣнять одной квалификаціей ихъ «лѣвыми эсэрами», — широко распространенной, и тѣмъ не менѣе объективно невѣрной. И вообще невозможенъ историческій подходъ, не корректируемый сравнительной оцѣнкой аналогичныхъ явленій: чтобы исторически объективно оцѣнить волжскую борьбу, необходимо знать и помнить, какъ протекала и протекла борьба на другихъ фронтахъ.

Дѣятельность самарскаго правительства проникнута была съ самаго начала служеніемъ «единой независимой свободной Россіи», въ которомъ находили сочетаніе и идея народовластія, и «вѣра въ Россію, въ русскій народъ, въ его свѣтлое будущее», гдѣ «свѣтлые благородные порывы, честь и совѣсть» сочетались съ задачей возстановленія въ странѣ «закона, покоя и порядка». Объ этомъ говорилось съ перваго же дня, когда возвѣщено было о «переворотѣ, совершенномъ нами благодаря подходу блестящихъ чехо-словацкихъ отрядовъ» и изданъ былъ «Приказъ» № 1 «О принятіи власти Комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія».

Уже второй приказъ посвященъ организациі Народной арміи. «Для защиты возстановленныхъ органовъ истиннаго народоправства отъ посягательствъ подходящихъ большевицкихъ и нѣмецкихъ бандъ», Комитетъ членовъ У. С. «именемъ Учредительнаго Собранія» приказывалъ военно-

му штабу «въ срочномъ порядкѣ приступить къ формированію дисциплинированной и сильной арміи». Но вскорѣ добровольчество пришлось восполнить принудительнымъ наборомъ родившихся въ 1897 и 1898 г. г.

Въ арміи проведено было раздѣленіе подчиненныхъ и начальниковъ соответствующихъ чиновъ. Армія служить народу, націи, и потому безпартійна. Вхожденіе военно-служащихъ въ политическія партіи совершенно недопустимо. Всѣ службы всѣ равноправны и равнообязаны передъ родиной, вышнимъ выраженіемъ чего служатъ «гладкіе изъ простого сукна контръ-погоны» (изъ доклада КОМУЧ-у тов. управляющаго военнымъ вѣдомствомъ Взорова въ августѣ 18 г.). Армія была наиболѣе уязвимымъ пунктомъ самарской власти. На 1-ое августа въ ней числилось 8.485 добровольцевъ и 21.888 мобилизованныхъ. Она нуждалась во всемъ: въ амуниціи, экипировкѣ, винтовкахъ*), артиллеріи, инструкторахъ, деньгахъ и т. д. Въ виду хроническаго безденежья добровольцы получали совершенно ничтожное жалованье: наensem готовомъ 15 р. — солдаты и офицеры. По отзыву компетентныхъ свидѣтелей части Народной арміи сражались охотно только вблизи своихъ деревень. И здѣсь они были безпощадны по отношенію къ большевикамъ. Вдали же отъ родныхъ селеній онѣ представляли недостаточно устойчивую силу, значительно уступающую въ крѣпости боевого духа чехословакамъ. Лучшими частями считались конный отрядъ Фортунатова и добровольческіе отряды рабочихъ Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ.

Вопреки утвержденіямъ многочисленныхъ «историковъ»-недруговъ Народной арміи, комиссаровъ и комитетовъ въ арміи не существовало. На стражѣ дисциплины стоялъ военно-полевой судъ.

Комитеты и комиссары въ арміи были упразднены. Распущены были Совѣты. Какъ органы власти, Совѣты тоже были упразднены и замѣнены возстановленными органами мѣстнаго самоуправленія. Волостнымъ Совѣтамъ было

*) Большевицкіе источники доводятъ численность Народной арміи до 50 - 60 тысячъ человекъ. Но и они отмѣчаютъ, что «вооруженія хватало только на 25 тыс. бойцовъ». — См. среди «Воспоминаній и статей участниковъ борьбы съ учредилковской (!) и колчакской контрреволюціей» ст. Н. Какурина въ сборникѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь». Госизд. 1928 г.

предписано немедленно сдать дѣла волостнымъ управамъ. Но самарскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ не былъ упраздненъ. Онъ былъ сохраненъ, какъ органъ «общественнаго мнѣнія пролетаріата». Срокъ и порядокъ выборовъ въ новый Совѣтъ былъ установленъ рабочей конференціей въ іюнь. Въ августѣ Совѣтъ началъ дѣйствовать, а въ концѣ сентября былъ упраздненъ. Какъ отмѣчаетъ бывший управляющій вѣдомствомъ труда въ Самарѣ И. Майскій, — впоследствии перебѣжавшій къ большевикамъ и дослужившійся до высокихъ степеней и званія «полпреда» въ Японіи и Финляндіи, — самарская «буржуазія и офицерство самое слово «Совѣтъ» не могли произносить безъ скрежета зубоваго... Въ этомъ лежала одна изъ главныхъ причинъ ссоры между Комитетомъ и поддерживавшими его вначалѣ правыми элементами» (см. «Демократическая контръ-революція», стр. 93. — Госизд. 1923 г.).

Возстановленіе Совѣта было безспорно ошибкой самарскаго правительства, позднѣе осознанной имъ и признанной. Подсказана она была неувѣренностью въ себя, необходимостью имѣть за собой рабочій классъ, близостью іюня 18 г. ко времени, когда Совѣты играли руководящую роль въ русской революціи, наконецъ, общей политической линіей — возстанавливать большевиками упраздненное и упразднять лишь то, что большевиками было введено.

Не вступая на путь новаго органическаго правотворчества и отбегая все наносное, имѣвшее своимъ происхожденіемъ узурпацію власти, самарское правительство денационализировало банки, возобновило дѣятельность государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учреждений, возстановило частную собственность на процентныя бумаги, денационализировало и возвратило въ частное владѣніе фабрично-заводскія предпріятія, передало временно, «до изданія особаго распоряженія», въ вѣдѣніе городского сземууправленія захваченные большевиками дома, гостиницы, бани, кинематографы, возстановило институтъ фабричной и горной инспекціи, отмѣнило, такъ называемый, рабочій контроль и т. д.

Въ деклараціи КОМУЧ-а отъ 24 іюля говорилось, что, «желая оказать содѣйствіе тѣмъ лучшимъ представителямъ торгово-промышленнаго класса, которые искренне стремятся къ возрожденію родины и проникнуты желаніемъ

емъ всемѣрно содѣйствовать возстановленію нормальной хозяйственной жизни», Комитетъ признаетъ за предпринимателями «право требовать отъ рабочихъ интенсивнаго и доброкачественнаго труда въ теченіе всего рабочаго времени, опредѣленнаго закономъ и договоромъ, и увольнять не подчиняющихся этимъ требованіямъ, соблюдая соотвѣтствующія законныя нормы. Предпринимателямъ предоставляется право увольнять лишнихъ рабочихъ съ соблюденіемъ установленныхъ для этой цѣли законовъ и постановленій».

И тотъ же Майскій публично заявлялъ въ то время, что «демагогическія утвержденія, будто Россія переживаетъ социалистическую революцію, на время увлекли потерявъ границу между мечтой и дѣйствительностью. Теперь жизнь возвращаетъ рабочій классъ на землю... Выполняя свой долгъ передъ пролетаріатомъ, революція въ правѣ требовать, чтобы пролетаріатъ въ свою очередь выполнялъ свой долгъ передъ революціей. Учредительное Собраніе гарантируетъ 8 часовъ рабочаго дня, но эти 8 часовъ они должны хорошо работать... Плохая работа при 8-мичасовомъ днѣ не только страшный ущербъ для страны, но и позоръ для пролетаріата. Съ плохой работой должно быть покончено ».

Твердыя цѣны на хлѣбъ были отмѣнены. Земельные комитеты возстановлены, при чемъ имъ рекомендовалось «принять къ точному и неуклонному исполненію первые десять пунктовъ Основнаго закона о землѣ», принятаго Учредительнымъ Собраніемъ. Насильственное возвращеніе имущества воспрещалось и подлежало пресѣченію и преслѣдованію «самымъ строгимъ образомъ» такъ же, какъ и прямой захватъ.

КОМУЧ не переставалъ подчеркивать, что руководится онъ «преданностью родинѣ и стремленіемъ къ національному возрожденію ея, воссозданію боевой мощи, установленію порядка, улучшенію экономическаго состоянія страны, охранѣ труда, утвержденію демократическихъ принциповъ въ странѣ. Эти дѣйствія направлены также къ полному уничтоженію совѣтской власти и въ единеніи съ союзниками. Комитетъ считаетъ необходимымъ ясно, открыто заявить: хотя большинство его принадлежитъ къ фракціи с.-р. Всероссийскаго Учредительнаго Собранія, это не

значить, что органъ власти есть проводникъ идей одной этой партіи» (Декларация отъ 1 августа).

Это — программа лѣвыхъ эсэровъ?!

Гораздо ближе къ истинѣ утверждение Майскаго, въ обличительныхъ цѣляхъ доказывавшаго въ своей книгѣ «Демократическая контр-революція», что «Программа Комитета являла собой довольно точное воплощеніе программы обыкновенной буржуазной демократіи». Это, можетъ быть, было и худо, можетъ быть, хорошо, — но это было такъ! Это подтверждается и болѣе заинтересованными и болѣе близкими — хронологически и топографически — свидѣтелями.

На торжественномъ засѣданіи земско-городскихъ дѣятелей, общественныхъ организацій, партій и союзовъ въ Симбирскѣ представитель к.-д. Бончъ-Осмоловскій свидѣтельствовалъ, что его партія счастлива оказать поддержку КОМУЧ-у и Народной арміи. Вышедшая въ Казани во второй половинѣ августа «Камско-Волжская Рѣчь» писала, что «государственная власть въ лицѣ Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, смѣнившая въ цѣломъ рядѣ городовъ тиранію партіи большевиковъ, провозгласила на своемъ знамени тѣ лозунги, за которые мы раньше боролись — воссозданіе единой Россіи, власть твердая, національная, внѣпартійная, съ широкимъ государственнымъ горизонтомъ.. Неумѣстно разжигать классовую или партійную ненависть, когда дѣло идетъ о существованіи всей страны» *).

Классовой и, главное, партійной ненависти КОМУЧ-у

*) Надо ли указывать, что и на противоположномъ флангѣ по другимъ мотивамъ и въ соответственныхъ выраженіяхъ по существу удостовѣрялся тотъ же фактъ. — «Дѣятельность КОМУЧ-а съ самаго же начала носила рѣзко реакціонный характеръ», — пишетъ, напр., П. Лисовскій въ книжкѣ «Изъ службъ капитала. Эсэро-меньшевистская контр-революція». 1928. «Эта политика вызвала бурныя симпатіи къ КОМУЧ-у со стороны мѣстной буржуазіи, которая чувствовала въ КОМУЧ-ѣ свою власть, хотя сама въ ней и не была непосредственно представлена». — Другой авторъ А. Соколовъ въ сборникѣ «Колчакъщина» изд. «Истпартъ при Уралобкомѣ РКП» 1924 г. удостовѣряетъ, что «буржуазія чувствовала, что приходятъ ея времена», что «собиравшіяся въ Поволжьи подъ флагомъ Учредительнаго Собранія контр-революціонныя офицерскія банды возбуждали меньше подозрѣній со стороны маѣсъ» и т. д. — Подобныхъ отзывовъ можно привести сколько угодно.

предотвратить, правда, не удалось. Но надо признать, что шла и пришла она не отъ КОМУЧ-а, а съ другой стороны.

О характерѣ новой власти свидѣтельствуютъ не только ея мѣропріятія, но самая ея «фразеологія»; она не перестала говорить о «родинѣ», «національномъ возрожденіи», «полномъ уничтоженіи совѣтской власти» и т. п.; наконецъ, какъ уже отмѣчалось, — личный составъ органовъ власти. Многіе изъ высшихъ руководителей и идеологовъ волжскаго движенія въ послѣдствіи сильно «полѣвѣли», кое-кто даже переметнулся прямо къ большевикамъ, но это случилось въ послѣдствіи: тогда, лѣтомъ 18 года, подавляющее большинство находилось едва ли не на крайнемъ, правомъ флангѣ русской демократической и социалистической общественности.

И, характерно, что одни противники КОМУЧ-а обличали его въ слабволюіи и «кереңщинѣ», въ то время какъ другіе обвиняли его какъ разъ въ противоположномъ, осуждали — и не только слѣва, что неудивительно, но и справа — за чрезмѣрную суровость, за слишкомъ рѣшительную расправу съ реакционными заговорщиками, съ бастующими и возставшими (въ томъ же Иващенковѣ) рабочими, съ крестьянами, не выполнявшими приказа о мобилизаціи, за обстрѣлъ артиллерійскимъ огнемъ деревни, отказавшейся подчиниться приказу о явкѣ новобранцевъ и т. под.

Но большевикамъ ли этимъ возмущаться? Реакціонерамъ ли справа объ этомъ печаловаться?

4.

Въ первое время самарскій фронтъ имѣлъ успѣхъ за успѣхомъ. Энтузіазмъ восполнялъ недостаточное умѣніе и подготовленность. Недостатки техническіе и организаціонные искупались натискомъ и героизмомъ, глубокой, часто слѣпой вѣрой въ правоту и удачу своего, народнаго дѣла; презрѣніемъ къ силамъ неправаго врага.

Уже черезъ недѣлю, 15 іюня, первое ядро добровольческой Народной арміи совмѣстно съ ротой чехословаковъ съ боемъ отняли у большевиковъ г. Ставрополь. Еще черезъ день была занята Сызрань. Чрезвычайно важный въ стратегическомъ отношеніи, центръ расположенія совѣтскихъ войскъ, Симбирскъ былъ взятъ небольшимъ отря-

домъ въ 283 человекъ послѣ тяжкаго и рискованнаго перехода 150 верстъ въ трое сутокъ, днемъ и ночью. По составленному заранѣе плану сдана была КОМУЧ-у Уфа подполк. генеральнаго штаба Ф. Е. Махинымъ, занявшимъ командный постъ въ совѣтской арміи съ вѣдома эсэровскаго Ц. К.

Объемъ освобождаемой отъ большевицкой власти территоріи увеличивался чуть ли не съ каждымъ днемъ. Успѣхи подняли духъ и окрылили надеждами борющихся противъ большевиковъ на другихъ фронтахъ. Они же вызвали растерянность и тревогу, временами — и панику въ совѣтскомъ лагерѣ. Въ смежныхъ мѣстностяхъ съ напряженнымъ волненіемъ слѣдили за перемѣщеніемъ линіи фронта. Какъ правило, истомившееся подъ властью большевиковъ населеніе ждало освобожденія, а сопротивлявшаяся ему власть даже и не скрывала своей увѣренности въ томъ, что освобожденіе отъ нея неминуемо. Смѣна власти почти повсюду происходила безболѣзненно. «Совѣтская» власть уходила — приходила власть «учредилонецъ», «учредителей», КОМУЧ-а. Оказывавшіеся при этомъ члены Учредительнаго Собранія, преимущественно, мѣстнаго происхожденія или избранія всячески содѣйствовали признанію «самарской» власти, какъ власти центральной и руководящей.

Кульминаціоннымъ пунктомъ въ успѣхахъ было взятіе Народной арміей и чехословаками Казани 7-го августа.

«Намъ казалось, писалъ впоследствии извѣстный Ладисъ, орудовавшій въ Казани въ качествѣ предсѣдателя Ц. К. по борьбѣ съ контръ-революціей «на чехословацкомъ фронтѣ», — что Казань сдавать нельзя, что сдача Казани равняется открытію доступовъ къ Москвѣ, что наша армія, разбитая подъ Казанью, покатится до Нижняго *), и непріятель, такимъ образомъ, тѣснымъ кольцомъ окружитъ насъ съ востока и сѣвера». И самъ Троцкій, прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій, угрожалъ и соблазнялъ — «Если какая-либо часть отступить самовольно, первымъ будетъ разстрѣлянъ комиссаръ, вторымъ — командиръ. Мужественные, храбрые солдаты будутъ награжде-

---

*) Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ паденія Казани «сводель» въ Нижнемъ-Новгородѣ большинствомъ лишь въ два голоса отклонилъ предложеніе о немедленной сдачѣ Нижняго Народной арміи и признаніи власти КОМУЧ-а.

ны по заслугамъ и поставлены на командные посты. Труссы, шкурники и предатели не уйдутъ отъ пули» (Приказъ ПредВВС и Наркомвоенмора № 18). Подстрекая — «утопить чешскихъ наемниковъ и офицеровъ-громилъ на Волгѣ и раздавить ихъ преступный мятежь противъ рабоче-крестьянской революціи», онъ доказывалъ, что «если мы вырвемъ Казань, то этимъ разобьемъ непріятельскій фронтъ. Симбирскъ и Самара падутъ сами собой. Англо-французскій ничтожный десантъ не будетъ намъ страшенъ. Нѣмцу незачѣмъ будетъ наступать, разъ новаго фронта не образуется въ Россіи» *).

И тѣмъ не менѣ Казань была сдана — точнѣе — взята. Взять былъ ключъ, отпирившій экономической и стратегической доступъ къ бассейну средней и нижней Волги, къ воротамъ Урала и Сибири, вмѣстѣ со всѣмъ находившимся тамъ російскимъ золотымъ запасомъ **) номинальной стоимостью въ 657 милліоновъ р. (по курсу 18 г. околѣ 6½ милліардовъ р.), запасами платины, серебра, кредитныхъ знаковъ, военного снаряженія, интендантскаго снабженія и т. д. Взяты были съ налету, порывомъ, отвагой и энтузіазмомъ. Ни рабочіе, ни крестьяне и не думали поддерживать падающую «рабоче-крестьянскую власть», какъ, впрочемъ, не торопились они и позднѣе на помощь КОМУЧ-у. Бытописатель Казани того времени правильно замѣчаетъ — : «Самая быстрота сдачи, сопровождаемая или злорадствомъ, или равнодушіемъ, должна была у новой власти возбуждать не малую тревогу. Большевицкая власть ушла изъ Казани, но разбуженный революціей социальный утопизмъ далеко еще не былъ изжитъ ни рабочими, ни крестьянами. Оставалось... предъявленіе къ власти повышенныхъ требованій и ожиданіе отъ нея социальнаго чуда» (См. у В. Архангельскаго: «Казань во время борьбы съ большевиками». — «Воля Россіи» № № 8 - 9 и 9 - 10 за 1928 г.).

Отсутствіе личной отвѣтственности за судьбы Россіи ч

*) «Какъ вооружалась революція». Т. I, стр. 234 и 245. — Изд. Высш. военнаго редакціоннаго совѣта. 1923.

**) Троицкій разъяснялъ эту потерю такъ — : «Захватъ золота былъ произведенъ по приказанію французскихъ, англійскихъ, японскихъ и американскихъ капиталистовъ. Русскій народъ послѣ октябрьской революціи отказался платить заграничнымъ ростовщикамъ по займамъ, заключеннымъ царями». (Тамъ же, стр. 261).

активнаго содѣйствія привѣтствуемой новой власти было характерно не для одной только Казани. Оно было гораздо болѣе распространеннымъ; за небольшими исключеніями, почти что всеобщимъ въ эпоху гражданской войны. Оно было характерно не для низовыхъ только, менѣе культурныхъ слоевъ. Въ еще большей мѣрѣ «шкурничествомъ» и «рвачествомъ» были заражены состоятельные, «средне-высшіе» классы. Они стремились поймать «моментъ», использовать «конъюнктуру» и, вернувъ убытки, а, гдѣ можно, и наверставъ упущенное, бѣжать. Давали знать и мстили за себя вѣками взращивавшіеся навыки пассивнаго и «вѣрнопопуданническаго» отношенія къ власти. Грѣхи старой Россіи тяготѣли и надъ новой. «Русскаго обывателя — жаловалась самарская «Земля и Воля» — нужно обязательно принудить, призвать или напомнить, чтобы онъ лѣзливо и неохотно пошелъ защищать свое гибнущее отечество, свою свободу, кровь, честь и свое достоинство»...

Со взятіемъ Казани, къ началу августа, боевой фронтъ съ лозунгомъ «Вся власть Учредительному Собранію!» протянулся черезъ Симбирскъ, Сызрань, Хвалынскъ, Вольскъ. У Балакова онъ переходилъ на лѣвый берегъ Волги и черезъ Николаевскій уѣздъ соединялся съ фронтомъ Уральскихъ казаковъ, тянувшихся отъ Николаевска на Александровъ-Гай. Оренбургъ и Орскъ защищались казачьимъ ополченіемъ и башкирами подъ общимъ руководствомъ атамана оренбургскаго казачьяго войска полк. Дутова (у ген. В. Г. Болдырева, верховнаго главнокомандующаго при Директоріи: «Директорія, Колчакъ, Интервенты», стр. 29. — Сибкрайиздат. 1925.).

Фактически къ тому времени была освобождена отъ совѣтской власти значительно большая часть російской территоріи: не говоря о югѣ, юго-западѣ и сѣверѣ, — все среднее Поволжье, Уралъ и Сибирь. Волжскій, почти 800-еотверстный фронтъ держался совмѣстными усиліями Народной арміи, казачьихъ уральскихъ и оренбургскихъ войскъ и чехословаковъ. Съ послѣдними КОМУЧ-у удалось установить самыя лучшія и дружескія отношенія, организационно закрѣпленные назначеніемъ командующимъ всѣми русскими войсками чешскаго полковника Чечека. Съ оренбургскимъ казачьимъ войскомъ самарская власть была связана личной уніей чрезъ войскового атамана Дутова, вошедшаго въ составъ КОМУЧ-а и пользовавшагося всяческой, и прежде всего финансовой поддержкой Сама-

ры. Наконецъ, и въ отношеніи къ Уральскому войску публичный обмѣнъ заявленіями удостовѣрилъ, что позиціи уральскаго правительства «совершенно тождественны съ той, которую занимаетъ Комитетъ членовъ Учред. Собранія въ области основныхъ принциповъ и заданий».

Въ этомъ запротоколированномъ обмѣнѣ мнѣніями въ засѣданіи КОМУЧ-а 26 іюля получили оформленіе и нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній, которымъ въ послѣдствіи суждено было стать пунктами серьезныхъ расхожденій и осложненій для КОМУЧ-а.

«Мы мыслимъ себѣ Комитетъ, какъ эмбрионъ Учредительнаго Собранія, — формулировалъ точку зрѣнія КОМУЧ-а его предсѣдатель Вольскій, — а не какъ областной органъ. Въ силу этого всѣ члены Учред. Собранія (за исключеніемъ большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ) могутъ быть здѣсь въ Комитетѣ. Но... въ Комитетѣ могутъ быть только члены Учред. Собранія... Временная Верховная власть естественно должна сосредоточиться въ Комитетѣ членовъ У. С., и этотъ органъ, какъ единственный въ Россіи правомочный органъ, долженъ быть признанъ нормальнымъ органомъ, исполняющимъ общенациональныя государственныя задачи». Отъ верховной власти, на которую КОМУЧъ притязалъ нераздѣльно, онъ отличалъ власть правительственную — Всероссийское Правительство, которое должно быть составлено «независимо отъ партійности или вхожденія въ составъ У. С.», на началахъ представительства отъ областныхъ правительствъ: самарскаго, сибирскаго, уральскаго. Представитель послѣдняго Фомичевъ, съ своей стороны, призналъ «тождественность» общихъ принципиальныхъ позицій и «пріемлемость» намѣченнаго КОМУЧ-емъ пути. Соглашеніе было достигнуто и относительно того минимума членовъ КОМУЧ-а, при которомъ онъ могъ бы себя считать «въ числѣ» для созданія центрального правительства. Кворумъ былъ опредѣленъ въ 150 членовъ У. С.

Дружественныя отношенія удалось установить и съ мѣстными инородческими организаціями: съ временнымъ народнымъ совѣтомъ Алашъ Орды (киргизами), Башкурдистаномъ и татарами Поволжья или внутренней Россіи.

За тюрко-татарами и мусульманами признаны были права культурно-національной автономіи: право открывать всевозможныя школы, строить свою религіозную жизнь, вѣдать общественное призрѣніе, просвѣщеніе и культуру

и создать органъ національнаго самоуправленія, правомочный устанавливать и взимать спеціальныя налоги для удовлетворенія національно-культурныхъ нуждъ. Словомъ, — полный комплексъ, такъ называемыхъ, правъ меньшинствъ. Въ отношеніи кайсакъ-киргизскаго народа Алашъ былъ признанъ, до окончательнаго утвержденія Учредительнымъ Собраніемъ, автономной областью съ тѣмъ, что дѣла общегосударственнаго значенія, касающіяся вѣдомствъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ, путей сообщенія и продовольствія, оставались въ вѣдѣніи центральной власти, а до ея созданія — КОМУЧ-а.

КОМУЧ твердо стоялъ на единственно-правильной позиціи въ національномъ вопросѣ, что «для возсозданія единой, сильной, свободной Россіи и укрѣпленія въ ней федеративно-демократическаго строя, необходимо участіе въ предстоящей созидательной работѣ всѣхъ населяющихъ ее народностей, одушевленныхъ сознаніемъ, что каждой изъ нихъ будутъ гарантированы условія самостоятельной автономно-творческой дѣятельности». Прежде, чѣмъ встать на гибельный и для нихъ, и для Россіи путь сепаратизма, народы Кавказа торжественно заявляли: «Разгонъ Учредительнаго Собранія оборвалъ послѣднюю связь, которая могла бы объединить всю Россію и всероссійскую революціонную демократію» (см. Декларацію Закавказскаго Краевого Центра отъ 12 - 1 918 г. въ «Документахъ и матеріалахъ по внѣшней политикѣ Закавказья и Грузіи»). Этотъ взглядъ раздѣлялъ и КОМУЧ. Борясь за Учредительное Собраніе, онъ боролся за единство Россіи и борясь за единство Россіи, — за объединеніе «въ неразрывномъ союзѣ народовъ и областей въ предѣлахъ, установленныхъ федеральной конституціей, суверенныхъ», какъ гласила формула Учредительнаго Собранія, — КОМУЧ и тѣ народности, которыя собрались для борьбы противъ большевиковъ на Волгѣ, не могли не бороться и за Всероссійское Учредительное Собраніе.

5.

Менѣе успѣшной была «внѣшняя» политика КОМУЧ-а. Причины лежали не столько въ немъ, сколько во внѣ, въ «союзникахъ».

Союзники долго, очень долго, упуская все сроки технически и психологически, колебались въ сырьѣ «стоп-ди», на которую поставить свою союзническую ставку. Они колебались въ своемъ отношеніи къ большевикамъ, какъ возможнымъ все-таки противникамъ гогенцоллерновской Германіи, и анти-большевикамъ. Положеніе чрезвычайно осложнялось недовѣріемъ союзниковъ другъ къ другу, ихъ взаимнымъ соперничествомъ и ревностью *). Разнобой среди нихъ былъ необычайный, — ничуть не меньшій, чѣмъ въ русскомъ анти-большевицкомъ лагерѣ. И не только разныя миссіи сталкивались другъ съ другомъ. Столкновения происходили внутри миссій отдѣльныхъ державъ. И не, какъ обыкновенно, военные только расходились съ дипломатами. Дипломаты никакъ не могли согласиться между собой, даже внутри каждой миссіи. И въ то время, какъ уполномоченные, напр., французской и американской миссій кап. Садуль и полк. Робинсъ держались «соглашательской» по отношенію къ Совѣтамъ линіи, главы этихъ миссій, послы Франціи и Соединенныхъ Штатовъ Нулансъ и Фрэнсисъ не вѣрили въ успѣхъ этой линіи и возможность соглашенія съ Совѣтами. Двойную игру охотно играла, конечно, и совѣтская власть, кокетничавшая одновременно и съ союзниками, и съ германцами. Ленинъ велъ «многообѣщующіе переговоры» съ Робинсомъ и де-Люберсакомъ и Троцкій не переставалъ вести задушевныя бесѣды и съ Садулемъ, и съ Робинсомъ, и съ Локартомъ, и съ чехами**)

*) Ср., напр., описаніе напряженнѣйшихъ отношеній и нескрываемой вражды, царившихъ между японцами, «германцами востока», и англичанами, англичанами и французами, американцами и японцами и т. д. у Дж. Уорда «Союзная интервенція въ Сибири въ 1918 - 19 г. г.»

**) Еще 26 февраля Нулансъ телеграфировалъ Троцкому — : «При вашемъ сопротивленіи Германіи можете рассчитывать на военную и финансовую помощь Франціи». А Садуль еще 7 мая пересылалъ А. Тома завѣренія Троцкого въ томъ, что «нельзя болѣе отрицать доброй воли Совѣтовъ совместно работать съ Антантой».

Фрэнсисъ, вызвавшій къ русскому народу оказать сопротивленіе Германіи и большевикамъ, обѣщая съ своей стороны, общесоюзническую помощь, — до начала мая 18 г. вообще былъ рѣшительнымъ противникомъ союзнической интервенціи въ Россіи. Свою переѣмчивость взгляда Фрэнсисъ датируетъ 2-мъ мая. См. исключительно интересную дипломатическую переписку между Фрэнсисомъ и Робинсомъ за время между 11 марта и 14 мая въ Russian American Relations 1917-

И, потому, одинъ изъ младшихъ агенто́въ французской миссiи имѣлъ въ послѣдствiи всѣ основанiя написать: «Многiе представители союзниковъ, упуская изъ виду цѣлое и общiй интересъ цивилизованнаго мiра, не видѣли ничего, кромѣ дурно понятаго интереса собственной страны. Какъ простодушный солдатикъ во время боя, они считали, что «чемоданы», которые падаютъ на сосѣднiй секторъ, не имѣютъ никакого значенiя. И такiе «чемоданы» сыпались градомъ по всему участку, занятому Антантой, къ великой радости совѣтскаго правительства *)».

Республиканцы и демократы у себя, представители французской, англiйской, даже американской миссiи становились, за немногими исключенiями, проводниками реакционныхъ влiянiй въ Россiи. Въ этомъ сказывалось не только непониманiе происшедшаго и окружавшаго, но и высокомерiе, часто даже нескрываемое презрѣнiе къ огромной и дикой, полуазиатской странѣ, не знавшей въ теченiе вѣковъ иной власти, кромѣ деспотической, и потому отъ вѣка опредѣленной сносить любое насилiе и издѣвательство. Вдали отъ мѣста дѣйствiя руководители союзнической политики прислушивались къ разнымъ точкамъ зрѣнiя, но сообразовывались они только со своими интересами и возможностями, никакъ не считаясь съ интересами и возможностями Россiи. Это явственно ощущали не лѣвые только обличители Антанты. Въ этомъ признавались сами союзническiе представители.

Такъ сыграннiй весьма серьезную и, на нашъ взглядъ, чрезвычайно плачевную роль въ Россiи англiйскiй пред-

---

1920. Documents and Papers. — New-York. Особенно № № 72, 105, 109 и др.

Весьма освѣдомленный во вѣшной политикѣ чехо́въ Папоуцекъ сообщаетъ, что еще въ концѣ марта англiйское правительство обращалось къ французскому и чешскому Национальному совѣту и, ссылаясь на то, что и Тройкiй хотѣлъ бы, чтобы чехословацкая армiя осталась въ Россiи, — просило, чтобы Национальный совѣтъ далъ свое согласiе на использование чехословацкаго войска въ Россiи для оккупации въ Сибири Омскаго округа или базы у сѣвернаго моря (Архангельскъ или Мурманскъ) или, наконецъ, восточной Сибири совмѣстно съ Семёновыми. «Начиная съ этого момента дискусси́я между союзниками и совѣтскими дѣлателями о примѣненiи чехословацкаго войска уже не прекращалась».

*) *Capitaine Guin et «En Mission à travers la Russie de Léning»*. P. 321. Paris, 1921.

ставитель полк. Уордъ опредѣленно призналъ, что союзники предприняли интервенцію исключительно въ «своихъ собственныхъ цѣляхъ» и мало того, что не выполнили формально данныхъ ими обѣщаній и взятыхъ на себя обязательствъ. «Мы сдѣлали вѣчто худшее, чѣмъ это. Неисполненіе обѣщанія — только отрицательное преступленіе. Союзники ударились въ другую крайность: ихъ помощь приняла характеръ прямой, преднамѣренной обструкціи». Уордъ говоритъ даже о прямомъ «дезертирствѣ» по отношенію къ русскому народу и увѣряетъ, что будь онъ правителемъ, онъ сталь бы «просить боговъ избавить его отъ двуличныхъ союзниковъ и черезчуръ осторожныхъ друзей» («Союзная Интервенція», стр. 26 и 170).

Тамъ, гдѣ шла реальная борьба, союзники не скупились на самыя щедрія обѣщанія, увѣряя, что всяческая помощь не только будетъ оказана, но уже идетъ и съ востока, черезъ Владивостокъ, и съ сѣвера, черезъ Мурманскъ, Архангельскъ, Вятку. Обѣщанія эти ни въ какой мѣрѣ не выполнялись. И правъ былъ наблюдавшій дѣйствія союзниковъ на мѣстѣ французскій военный агентъ при чешскомъ Національномъ совѣтѣ, уже упоминавшійся нами Гинэ, когда писалъ — : «Антанта вела войну безъ убѣжденій, желая казаться нейтральной, и вела ее такъ плохо, что вскорѣ побѣдители германцевъ вынуждены были отступать передъ красногвардейцами». Вѣчныя колебанія и промедленія, посылка ничтожнаго числа солдатъ «маленькими пакетами» вводили лишь въ заблужденіе тѣхъ, кто реально держалъ фронтъ, поддерживали въ нихъ лишь иллюзіи и миражи. И, можетъ быть, лучше бы было, если бы союзники не оказывали антибольшевицкому лагерю никакой помощи, нежели ту призрачную и ничтожную, которую они фактически оказали на дѣлѣ, а не на словахъ. Ибо предоставленный собственнымъ силамъ антибольшевистскій лагерь не обольщался бы безпочвенными мечтаніями, не вынуждался бы виѣстѣ съ тѣмъ и считаться, а иногда и подчиняться чужеземнымъ политикамъ и стратегамъ. Рассчитывая только на себя, антибольшевицкое движеніе, можетъ быть, пошло бы менѣе опростраченными и безответственными путями, проявило бы и больше активности, и больше умѣнія дѣйствовать если не солидарно, то хотя бы согласованно».

Союзническая стратегія и политика только проэцировалась на Россію. Устанавливалась и рѣшалась же она за

тысячи верстъ отъ русскаго театра дѣйствій, въ союзническихкихъ столицахъ. И тамъ унаслѣдованные отъ прежнихъ времянь военные и дипломатическіе представители Россіи весьма, конечно, мало были склонны оказывать содѣйствіе «соціалистическому» правительству Самары. Гораздо болѣе расположены были они отстаивать и представлять другія правительства. И ихъ симпатіи и взгляды опредѣленно сказывались въ тѣхъ нотахъ и депешахъ, которыя получала Самара. Едва ли наиболѣе яркой въ этомъ отношеніи была депеша «господину Веденяпину» отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Пишона, который телеграфировалъ: «Былъ счастливъ узнать отъ Маклакова о созданіи правительства, имѣющаго цѣлью воссоединить Россію и возстановить нормальныя условія жизни. Какъ только вы докажете намъ, что у васъ въ рукахъ реальная власть, что васъ слушаются въ Россіи, что вокругъ васъ группируются силы, — это произведетъ огромное впечатлѣніе. Такимъ образомъ ключъ къ вашей значительности за границей лежитъ скорѣе въ реальной силѣ, чѣмъ въ вашихъ легальныхъ правахъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія огнюдь не несомнѣнны. Всѣ здѣсь полагаютъ, что только У. С. можетъ реорганизовать руссійское государство. Но невозможно отождествлять У. С. съ его Комитетомъ, изъ котораго исключены двѣ политическія партіи, что колеблетъ самый принципъ легальности... Вотъ почему ваше происхожденіе отъ У. С. не имѣетъ большого вѣса въ глазахъ Европы. Это скорѣе моральная, чѣмъ законная сила. Такимъ образомъ необходимо вашей уступчивостью, вашей реальной силой, дать намъ доказательства признанія васъ страной. Такое доказательство вызоветъ здѣсь общее облегченіе. Желаю вамъ всяческаго успѣха. Готовый помогать вамъ всѣми силами. — Пишонъ».

Въ этой характерной телеграммѣ есть пунктъ, посвящій явные слѣды русскаго вліянія и внутреннихъ русскихъ споровъ. Это — указаніе на незаконность власти, черпающей свой авторитетъ изъ усѣченнаго У. С. — безъ большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ. Это указаніе совершенно въ духѣ и стилѣ русскихъ законниковъ, правосознаніе коихъ отказывалось мириться съ правопораженіемъ коммунистовъ и лѣвыхъ эсэровъ *) и въ то же время, какъ видно

*) При обсужденіи отношенія къ распущенному Учред. Собранію въ Ц. К. к.-д.-ской партіи — : «Не было у насъ разногласій и въ

будеть изъ дальнѣйшаго, болѣе чѣмъ снисходительно отнеслось къ произвольному самозарожденію и самопровозглашенію власти буквально изъ ничего, — уже безъ всякой тѣни основаній не только законныхъ, но и моральныхъ.

Между тѣмъ шедшая на Волгѣ борьба направлена была не только противъ большевиковъ, но и противъ общаго съ союзниками внѣшняго врага. Троцкій въ Москвѣ, Скоропадскій въ Кіевѣ, Красновъ въ Новочеркасскѣ находились въ прямомъ соглашеніи съ Германіей. Даже добровольческая армія Деникина, опираясь на охраняемый Красновымъ и его соглашеніемъ съ нѣмцами Донъ, ползовалась въ борьбѣ противъ большевиковъ благами этого соглашения, правда, не открыто, а прикровенно. И только фронтъ Учредительнаго Собранія съ начала и до конца, явно и внутри себя остался вѣренъ союзнической оріентации. Не только всѣ официальные деклараціи и воззванія это подтверждаютъ. Это подтверждается и частными сношеніями эсэровъ, такъ сказать, по партійной линіи.

Въ телеграммѣ, подписанной Веденяпинымъ, уже не въ качествѣ управляющаго вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, а въ качествѣ члена эсэровскаго Ц. К. по порученію послѣдняго, 2-го ноября, и адресованной въ Стокгольмъ делегированному с.-р.-ской фракціей членовъ У. С. для участія на международной социалистической конференціи Сухомлину, говорится — : «Послѣдними своими соглашениями большевики окончательно сдѣлали изъ нашей страны часть Германіи, помогающую нѣмцамъ разрѣшить продовольственныя затрудненія. Въ порядкѣ компенсации большевики пользуются всяческимъ содѣйствіемъ нѣмцевъ въ гражданской войнѣ. Главную силу красной арміи составляютъ германскіе и мадьярскіе военнопленные, латыши и даже китайцы. Много нѣмецкихъ инструкторовъ... Антибольшевицкій фронтъ не можетъ быть отдѣленъ отъ фронта противогерманскаго. Всякое запозданіе съ союзнической помощью, военной, финансовой и продовольственной объективно будетъ равнозначно измѣнѣ по отношенію къ

томъ, что безъ коммунистовъ и лѣвыхъ эсэровъ Учредит. Собраніе, какъ выразитель воли всего населенія, перестаетъ существовать», — рассказываетъ Л. А. Кроль: «За три года». — Воспоминанія, впечатлѣнія и встрѣчи. — Стр. 12. 1922. Владивостокъ.

намъ и къ чехамъ. Мы просимъ поэтому воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ союзныхъ странахъ».

Можно считать такую безусловную преданность общему дѣлу съ союзниками неправильнымъ, — свидѣтельствомъ романтической вѣрности данному слову, но не политической дальновидности и гибкости. Можно считать самую вооруженную борьбу съ большевиками никчемной, заранее осужденной на неудачу «авантюрой», какъ ее и называли, официальные социаль-демократы меньшевики, во главѣ съ Мартовымъ и Даномъ, — «эсэровской авантюрой». Но чего сказать никакъ нельзя, ни при какихъ оговоркахъ, это — что лѣвый флангъ антибольшевицкаго лагеря поднималъ вооруженную борьбу не во имя интересовъ Россіи, какъ онъ, конечно, понималъ эти интересы, а въ своекорыстныхъ партійныхъ или программно-тактическихъ цѣляхъ. Въ пылу злободневной полемики, въ своей предвзятости, не всегда считавшейся съ дѣйствительностью, это еще можно было утверждать. Но въ историческомъ аспектѣ такое утвержденіе никакъ не можетъ быть оправдано.

Участники волжской борьбы были демократы, социалисты, революціонеры. Но это не мѣшало имъ быть и патриотами. Кто относился равнодушно къ интересамъ и судьбѣ Россіи, тому для возстановленія ея государственнаго и международнаго значенія не къ чему было рисковать — и физически, и морально-политически, соучаствіемъ въ кровавомъ братоубійствѣ. Это очевидно и *a priori*. Это слѣдствіе и изъ политики, заявленій и мѣропріятій, которыя проводилъ КОМУЧ. Повторяю, много можно поставить на минусъ КОМУЧ-а и ошибокъ, и прегрѣшеній, и неумѣніе, и переоцѣнку своихъ и чужихъ силъ и т. д. Однако нельзя ему поставить въ укоръ, хотя бы при малѣйшемъ безпристрастіи, — недостаточное якобы радѣніе о судьбахъ отечества, недостаточную любовь и заботу о будущемъ Россіи, ея чести и достоинствѣ.

Прочтите опубликованныя недавно «Записи», сдѣланныя «въ періодъ описываемыхъ событій» однимъ изъ наиболѣе активныхъ бойцовъ, организаторовъ и пропагандистовъ волжскаго фронта и власти КОМУЧ-а. О чемъ думаетъ, о чемъ «мечтаетъ» наединѣ съ собой этотъ «чрезвычайный» уполномоченный КОМУЧ-а «съ неограниченными полномочіями какъ по гражданской, такъ и по воен-

ной части», бравшіи Сызрань, Симбирскъ и — въ прямое нарушение военнаго приказа — Казань? *).

Вл. Лебедевъ думаетъ и говоритъ только объ «оскорбленіи Россіи», о «большихъ силахъ націи», о томъ, какъ «зажечь пламя патриотизма во всей Россіи и заставить союзниковъ считаться съ нами, какъ съ великимъ государствомъ», о Народной арміи, «борющейся во имя Россіи и только во имя ея», о «страшномъ, все выжигающемъ словѣ Россія. Нѣтъ того дѣла, на которое не пойдешь за него. Изъ-за него и изъ-за слова Москва». «Взятіе Москвы — да это колоссальный электрической разрядъ по всей нашей родинѣ. Это конецъ большевицкой власти, это конецъ германской ориентации, это самый могущественный призывъ къ борьбѣ съ германцами, это колоссальный подъемъ патриотизма по всей Россіи» и т. д.

Или — «О, какое безумное, бѣшеное чувство злобы и ненависти загорается въ сердцѣ противъ тѣхъ, кто цѣной сговора съ Вильгельмомъ пришли къ власти, тѣхъ, кто при помощи военнопленныхъ, латышей и китайцевъ бросили одну часть народа въ братоубійственную войну противъ другой... Въ Кіевѣ Милюковъ перемѣнилъ ориентацию на германскую и всюду приходится слышать о томъ, что въ случаѣ побѣды надъ большевиками его, какъ и боль-

*) «Записки» въ «Волгѣ Россіи» включают въ себя «Записки очевидца и участника сверженія большевистской власти на Волгѣ и въ Сибири», изданныя В. И. Лебедевымъ еще въ 1919 г. въ Нью-Йоркѣ подъ заголовкомъ — «Борьба русской демократіи противъ большевиковъ». Между «Записками» и «Записками» есть существенное фактическое разногласіе. Въ «Запискахъ» разсказывается, какъ авторъ послалъ на аэропланѣ изъ Симбирска въ Самару капитана французской службы Борда, чтобы испросить разрѣшеніе наступать на Казань, и какъ «главнокомандующій Чечекъ по выслушаніи Борда и далъ разрѣшеніе на взятіе Казани» (стр. 34). А изъ «Записокъ», въ которыхъ воспроизводятся подлинные разговоры между собой и ленты разговоровъ по прямому проводу, слѣдуетъ съ неопровержимостью, что Чечекъ не только такого разрѣшенія не далъ, а отдалъ приказъ обратнаго содержанія. А руководители операціи — Степановъ, Фортунатовъ, и Каппель — «за самоваромъ (на пароходѣ во время рейса) рѣшили по моему, главнымъ образомъ, настоянно не подчиняться». Лебедевъ убѣдилъ слутниковъ своихъ въ томъ, что «естъ положенія и моменты, когда прямая обязанность военнаго патриота и революціонера не исполнять приказа... Пусть насъ судитъ Россія и Исторія, пусть насъ разстрѣляютъ, — но постъ взятія Казани. Казань должна быть взята».

шевиловъ, и Краснова, и Скоропадскаго придется судить за государственную измѣну». — Или уже не политика, а лирика, наивная, восторженная, но патриотически чистая. «Сегодня ночью былъ заключенъ настоящий союзъ. Степановъ и Каппель послѣ моихъ рѣчей о будущихъ походахъ подали другъ другу руку и дали слово итти на Москву... Здѣсь снова рѣшалась судьба Россіи. Здѣсь изъ мечтаній о Москвѣ выросла желѣзная рѣшимость дойти до Москвы. Какъ чудесно жить на свѣтѣ... Это уже не жизнь, — это подлинное горѣніе и сгораніе. Какъ прекрасна Волга и несущаяся по ней мощная, организованная человѣческая волна, эти три батальона русскихъ и чешскихъ энтузіастовъ... Приходить извѣстіе, что Казань свободна. Что съ нами? Мы больше не люди... Какое счастье!.. Какія минуты, это уже не жизнь!.. Это восторгъ, это безуміе!.. Григорьевъ плачетъ. Каппель и Степановъ въ слезахъ» (См. въ «Волѣ Россіи» № № 8 - 9 за 28 г. стр. 116, 124, 139, 150-154).

Какъ во всякихъ дневникахъ, и въ «Записяхъ» Лебедева избыточествуетъ «ячество». Но за неизбежными: «я» сказалъ, «я» приказалъ, «я» потребовалъ и т. д., нельзя же все-таки не видѣть подлинныхъ думъ и мукъ о Россіи, за Россію, подтвержденныхъ и личной жертвенностью на дѣлѣ, а не словеснымъ лишь изблеченіемъ *post factum* недостаточной жертвенности у другихъ. Эти настроенія, родственныя юношескимъ настроеніямъ Герцена и Огарева на Воробьевыхъ горахъ, можетъ быть, еще въ большей мѣрѣ близки карамзинскимъ настроеніямъ. Въ нихъ немало отъ карамзинской «Бѣдной Лизы» — этого не скроешь! Но есть въ нихъ нѣчто и отъ карамзинской «Исторіи государства російскаго»!..

Нынѣшній единомышленникъ Лебедева и соредакторъ по журналу можетъ обличать «политическій романтизмъ» боровшихся на Волгѣ. Можетъ заключать въ ироническія кавычки «національный» характеръ поднятаго тогдашними руководителями партіи с.-р. возстанія. Можетъ доказывать заднимъ числомъ «иллюзорность» возстановленія восточнаго фронта» на томъ основаніи, что, какъ стало извѣстно впоследствии, «исторіей не было отмѣрено достаточно времени, ибо судьба войны уже рѣшалась на западномъ и салоникскомъ фронтахъ» (см. у В. В. Сухомлина въ «Волѣ Россіи» № № 10 - 11 за 28 г.). Но исторически онъ, конечно, не правъ. Гораздо болѣе близки къ тому,

что было, къ исторической правдѣ и къ тому, что можетъ быть объективно-исторически, а не условно-политически, оправдано, тѣ, кто были «политическими романтиками» на Волгѣ, да и сейчасъ остались вѣрными девизу: «лучше пораженіе — чѣмъ измѣна!» Это «лучше» во многихъ отношеніяхъ. Въ частности, — и «въ интересахъ Россіи», о которыхъ хлопочетъ и Сухомлинъ, почему-то твердо убѣжденный въ томъ, что «моральныя чувства» будто бы никакъ «не котируются на аренѣ международной политики» и вообще не являются ни «реальными фактами», ни «реальной силой».

Нѣтъ, съ исторической точки зрѣнія Сухомлинъ никакъ не болѣе правъ, чѣмъ и Милоковъ, убѣжденный, что «роковое значеніе для всего хода борьбы» на Волгѣ имѣло то обстоятельство, что перевѣсъ здѣсь получили эсэры «лѣваго типа Чернова». Такіе «типы» въ реальной борьбѣ не принимали никакого или почти никакого участія *).

Роковое значеніе имѣли совсѣмъ другого порядка обстоятельства. Своимъ плацдармомъ они имѣли Сибирь.

М. В. Вишнякъ.

---

*) Не раздѣлявшій тактики эсэровъ на Волгѣ М. Л. Коганъ-Бернштейнъ вышелъ тогда же изъ состава Ц. К. Направляясь въ Саратовъ къ Чернову съ цѣлью побудить его скорѣе появиться въ Самарѣ, Коганъ-Бернштейнъ при переходѣ на совѣтскую сторону черезъ линію фронта былъ схваченъ и разстрѣлянъ большевиками.

Судъ надъ кадетскимъ „либерализмомъ“

Два года тому назадъ В. А. Маклаковъ выступилъ съ предисловіемъ къ французскому переводу наиболѣе интересныхъ показаній, которыя даны были дѣятелями царской эпохи въ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи, организованной временнымъ правительствомъ подъ предсѣдательствомъ Н. К. Муравьева *). Въ этомъ предисловіи (стр. 7 - 87) бывший членъ партіи народной свободы расширилъ предѣлы своей непосредственной задачи и далъ общую характеристику политическихъ событій послѣдняго двѣнадцатилѣтія передъ октябрьской революціей. Своей задачей В. А. Маклаковъ поставилъ полный пересмотръ сложившихся взглядовъ на значеніе подготовительнаго періода къ революціи и сосредоточилъ свою критику обычныхъ представленій почти исключительно на роли партіи народной свободы. Статья вызвала на отвѣтъ; но предназначенная для французскихъ читателей, она прошла незамѣченной въ русской литературѣ. Въшшняго повода для отвѣта не было. Онъ явился, когда В. А. Маклаковъ началъ перерабатывать содержаніе своей французской статьи для русской публики и помѣстилъ часть этой переработки въ двухъ статьяхъ «Современныхъ Записокъ» (томы XXXVIII и XL). Какъ увидитъ читатель, статьи В. А. Маклакова, хотя и претендуютъ на установленіе объективной исторической истины, являются выраженіемъ опредѣленной политической тенденціи. Слѣдуя правилу: *audiat et altera pars* редакція «Современныхъ Записокъ» любезно представила мнѣ мѣсто для критическаго отзыва. По необходимости, — такъ какъ отношенія В. А. Маклакова къ партіи составляютъ, пользуясь его выраженіемъ, «невралгиче-

*) *La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres etc... Préface de V. Maklakoff, ancien ambassadeur de Russie à Paris. Payot, Paris, 1927.*

скій пунктъ» его статей, — и мои замѣчанія должны будутъ сосредоточиться на дѣятельности партіи народной свободы въ характеризуемый В. А. Маклаковымъ періодъ.

Не было, кажется, другой политической партіи въ Россіи, на которую бы такъ часто, настойчиво и сурово нападали, какъ на партію народной свободы. На лѣвыя партіи нападали справа; на правыя — нападали слѣва. На партію народной свободы нападали и справа и слѣва. Справа находили, что она подалась черезчуръ налѣво. Слева, — что она сдѣлала слишкомъ много уступокъ правымъ. Справа находили программу партіи черезчуръ радикальной. Слева находили тактику партіи черезчуръ умѣренной. Никто не былъ доволенъ; но и никто не могъ замѣнить партіи на томъ центральномъ мѣстѣ, на которомъ она представляла какъ бы синтезъ русской политической жизни. Конечно, партія не жила абстракціями и кабинетными разсужденіями. Она жила современной ей жизнью русской общественности и вмѣстѣ съ ней подавалась и вправо, и влѣво. Она нѣсколько подвинула свою программу вправо сравнительно съ исходными требованіями своего учредительнаго съѣзда и первыми опытами своей законоподготовительной дѣятельности. И она сильно радикализировала свою тактику, слѣдуя за ходомъ событій, складывавшихся, помимо ея воли, въ направленіи, далеко для нея нежелательномъ. Эти измѣненія и приспособленія сохраняли партію живой и жизненной за все время ея существованія. Но немудрено, что, смотря по характеру перемѣнъ, то правые, то лѣвые были ею недовольны. И не только правые и лѣвые внѣ партіи, но и внутри: ибо, какъ во всякой большой политической партіи, въ партіи к. д. было свое правое и лѣвое крыло, между которыми центръ устанавливалъ подвижное равновѣсіе. Не вина партіи, а скорѣе ея заслуга, что въ общемъ итогъ ходъ русской жизни подвинулъ ее, послѣ первоначальнаго движенія вправо, — довольно значительно влѣво. Это движеніе влѣво особенно обозначилось послѣ революціи 1917 года. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ передвиженіяхъ, партія не теряла своего центра и оставалась сама собою, со своей особенной политической окраской отличавшей ее и отъ правыхъ, и отъ лѣвыхъ.

Въ статьяхъ В. А. Маклакова, разборъ которыхъ посвящена эта статья, эта подвижная жизнь партіи превращается въ какую-то неподвижную отвлеченную схему. Разложивъ ее на своемъ анатомическомъ столѣ, В. А. Маклаковъ

какъ бы превращаетъ ее въ трупъ, чтобы удобнѣе было оперировать. Эта операція очень облегчается увѣренностью, что «теперь партіи больше нѣтъ; ея дѣятельность ушла въ исторію и о ней можно говорить, не опасаясь ей повредить». Послѣднія слова, невольно для автора, выдаютъ его особое отношеніе къ партіи. Выходитъ, что В. А. Маклаковъ раньше молчалъ лишь потому, чтобы «не повредить» партіи. Стало быть, и раньше, до его теперешняго выступленія, его сужденіе о партіи было очень строго и отрицательно. Для членовъ партіи не было секретомъ, что В. А. Маклаковъ всегда былъ въ партіи при особомъ мнѣніи. Изъ разбираемыхъ статей видно, что онъ считалъ вообще партію за неизбежное зло — *inévitable revers du régime libre* — и разрѣшалъ себѣ, очевидно поэтому, лишь минимумъ партійной дисциплины. Учитель Маклакова Плевако сказалъ мнѣ когда-то, что онъ, «какъ архіерей, можетъ служить только по праздникамъ». В. А. Маклаковъ тоже служилъ партіи по праздникамъ. Я долженъ искренно признать, что, дѣйствительно, было праздникомъ для партіи, когда Маклаковъ соглашался — или лучше сказать предлагалъ — говорить рѣчь въ Г. Думѣ. Но именно поэтому В. А. Маклаковъ не занялъ въ партіи того мѣста, на которое ему давали право его умъ и талантъ. Онъ какъ бы остерегался подходить ближе къ ежедневной дѣятельности партіи, держа въ умѣ, очевидно, тѣ мысленныя оговорки, которыя теперь счелъ возможнымъ сдѣлать, «не вредя партіи».

Что же именно, по его мнѣнію, повредило-бы партіи въ случаѣ его несвоевременнаго откровеннаго выступленія? Отвѣтъ на это находимъ въ началѣ первой статьи «Изъ прошлаго», напечатанной имъ въ «Современныхъ Запискахъ» (кн. XXXVIII). Политическая борьба есть своего рода война, говорить здѣсь В. А. Маклаковъ. Въ ней есть своя «условная ложь», свои реляціи о «побѣдахъ», своя «систематическая обработка» «общественнаго мнѣнія», въ которомъ видятъ «волю народа». Ковычки сопровождаютъ «общественное мнѣніе» и «волю народа» въ текстѣ Маклакова. Онъ дѣлалъ честь руководителямъ партіи допускать, что они сами, конечно, не вѣрятъ въ подобныя глупости, но говорятъ о нихъ, «хвалятъ себя, хулятъ противниковъ, создаютъ легенды о своихъ талантахъ и популярности» — все въ видахъ войны и побѣды. В. А. Маклаковъ великодушно молчалъ о такомъ поведеніи «лиде-

ровъ», «стѣсняясь тактическими соображеніями» и «опасаясь чему-то помѣшать». Сейчасъ эти соображенія отпадаютъ, и В. А. Маклаковъ свободно высказываетъ то, что принужденъ былъ скрывать тогда. Прибавлю: скрывалъ для п е ч а т и, потому что, какъ намъ было извѣстно, въ своихъ экстракурахъ онъ и тогда критиковалъ довольно свободно то, что считалъ, если не глупостью, то «условной ложью» своихъ лидеров: всѣ эти «четырехвостки», «учредилки» и т. п. Признаться, я лично, въ виду этой альтернативы, предпочелъ бы быть обвиненнымъ, безъ всякаго снисхожденія, въ глупости.

Итакъ, теперь, когда «партія нѣтъ» и «прежніе общественные дѣятели ушли въ прошлое», В. А. Маклаковъ считаетъ своевременнымъ высказать публично свое мнѣніе о ихъ бывшихъ «ошибкахъ». Онъ, правда, иногда говоритъ при этомъ о «н а ш и х ъ ошибкахъ». Но это только проявленіе его снисходительности. Ему было уже замѣчено въ печати, что дѣло идетъ объ «ошибкахъ», которыми онъ чуждъ, ибо и раньше не принималъ въ нихъ участія и уклонялся отъ отвѣтственности за нихъ. Прежде чѣмъ перейти къ разбору этихъ ошибокъ, необходимо отмѣтить еще одну личную особенность автора, выясняющую ту точку зрѣнія, на которую онъ становится, творя свой судъ надъ «нашими» ошибками.

В. А. Маклаковъ — адвокатъ по профессіи. Какъ-то въ Г. Думѣ онъ вызвалъ большую веселость въ аудиторіи, обратясь къ членамъ Думы съ возгласомъ: «господа судьи». Я не хочу платить Маклакову той же монетой и не буду говорить о роли «условной джи» въ его профессіи. Признаемъ, что «пледировать» — значитъ выяснять долю истины, благоприятную для клиента. Но выборъ стороны опредѣляется (за исключеніемъ явно неправыхъ дѣлъ) болѣе или менѣе случайными обстоятельствами, и, естественно, создается привычка видѣть долю истины на сторонѣ противника и долю «ошибки» на своей собственной сторонѣ. Нѣкоторое безразличіе — или, скажемъ, «объективное» отношеніе къ существу истины становится тѣмъ легче, что подходъ къ ея выясненію у адвоката долженъ быть, прежде всего, формальный, юридическій. Юридическая консультація — таковъ типъ отношеній между человѣкомъ закона и человѣкомъ жизни въ періодъ подготовки къ защитѣ. А когда позиція выбрана, ближайшей задачей становится сгруппировать аргументы, долженствующіе убѣ-

дять въ правотѣ дѣла именно данный составъ присяжныхъ и судей. Учитель Маклакова, Плевако, былъ виртуозомъ въ этой области. Его искусство перешло и къ его ученику. Въ третьей Думѣ онъ лишь перенесъ приемы адвокатской профессіи въ политику. Онъ далъ большинству Третьей Думы превосходную, вполне объективную консультацию по вопросу о томъ, какъ обуздать ораторовъ и обструкторовъ оппозиціи. — и по справедливости заслужилъ лестное названіе «отца наказа». Недавно онъ рассказаль самъ о другой своей консультациіи — тоже, конечно, объективной, съ Юсуповымъ и Пуришкевичемъ по поводу убійства Распутина. И совсѣмъ недавно мы читали его тонкую защиту Толстого, опять-таки при полномъ устраненіи себя отъ сужденія по существу вопроса. Рѣчи В. А. Маклакова въ Думѣ были рядомъ блестящихъ попытокъ убѣдить «господъ присяжныхъ» двухъ послѣднихъ Думъ доступными имъ аргументами. Партийный интересъ при этомъ методѣ защиты выигрывалъ по формѣ, но иной разъ страдалъ по существу. Политикъ никакъ не могъ стать на точку зрѣнія относительности истины.

Я заговорилъ объ этихъ приемахъ аргументаціи Маклакова, потому что ими въ значительной степени опредѣлилась в н ѣ ш н я я форма разбираемыхъ статей. Маклаковъ ведетъ свой процессъ со свойственнымъ ему искусствомъ. Онъ тщательно анализируетъ юридическую сторону поступковъ обвиняемыхъ. Онъ подводитъ ихъ подъ точно опредѣленную квалификацію политическихъ деликтовъ. Онъ настойчиво подчеркиваетъ, для усугубленія вины, возможную альтернативу правильнаго поведенія и отграничиваетъ преступленія обвиняемаго отъ другихъ, подходящихъ подъ другую статью закона и для его «дѣла» различныхъ. Онъ предвидитъ, наконецъ, всѣ возраженія защитника (самъ онъ беретъ на себя роль обвинителя). Чтобы обезоружить защиту, онъ напередъ излагаетъ въ самой яркой формѣ всѣ смягчающія обстоятельства. Защитнику трудно спорить съ нимъ, ибо Маклаковъ прекрасно видитъ обратную сторону развиваемыхъ имъ положеній, и не только видитъ, но и говоритъ о ней. Производитъ впечатлѣніе, что всѣ обстоятельства дѣла изложены обвинителемъ съ подкупающей объективностью, — и противнику нечего къ этому прибавить.

И однако же, въ обвинительномъ актѣ Маклакова есть одна слабая сторона — эмоціональнаго происхожденія.

Вся конструкция обвиненія служитъ одной, заранее заданной цѣли. Эта цѣль, по видимости, вполне законна. Маклаковъ хочетъ въ свѣтѣ бесспорныхъ, совершившихся позднѣе историческихъ фактовъ объективно установить «наши» общія ошибки, — чтобы не повторять ихъ въ будущемъ. Но онъ выдаетъ себя постояннымъ подчеркиваніемъ, что онъ, Маклаковъ, видѣлъ послѣдствія этихъ ошибокъ уже тогда, когда онѣ совершались. «Уроки исторіи» лишь помогаютъ ему взять запоздалый реваншъ надъ тѣми «лидерами», которые въ свое время навязали ему, посредствомъ партійной дисциплины, осуждаемое нынѣ поведеніе. Невозможность провести свою точку зрѣнія въ жизнь въ свое время, очевидно, оставила въ его сознаніи глубокой и горькой слѣдъ, который и сказывается теперь, — когда ни «вреда» для партіи отъ несвоевременныхъ разоблаченій ея «условной лжи», ни опасности партійнаго обвиненія въ отступничествѣ болѣе не существуетъ. Маклаковъ неосторожно самъ указываетъ на эти исчезнувшія препятствія, налагавшія на него печать вынужденнаго молчанія. Такъ, личная точка зрѣнія пробивается сквозь видимую объективность юридическихъ построений. Маклаковъ ведетъ свой личный процессъ. Этимъ объясняется и неспокойный тонъ его характеристикъ, и та прорывающаяся неотвязная мысль о партійной обидѣ, которая, какъ магнитъ, кристаллизуетъ около себя всю пеструю кучу событій, давая ихъ толкованію опредѣленное направленіе. Передъ этимъ настроеніемъ отступаетъ даже логика Маклакова. Вотъ почему и предвидѣніе возможныхъ возраженій ведетъ не къ уступкѣ имъ и не къ побѣдѣ надъ ними, а только къ механическому сопоставленію неразрѣшенныхъ противорѣчій, плохо бронирующихъ автора отъ критическаго анализа.

Исходная точка зрѣнія Маклакова, дѣйствительно, была давно извѣстна его бывшимъ единомышленникамъ. Она въ самомъ дѣлѣ предшествовала «урокамъ исторіи». Самъ Маклаковъ въ излагаемомъ имъ разговорѣ съ П. А. Столыпинымъ въ 1907 г. опредѣляетъ ее словами, что онъ находится «на крайнемъ правомъ флангѣ кадетовъ». Эту крайнюю правую позицію онъ теперь и защищаетъ, какъ оправданную уроками исторіи. Какъ урокъ для будущаго, эта позиція, даже если допустить ея тогдашнюю правильность, мало пригодна уже потому, что обстоятельства, вызвавшія ошибочное и преступное, по мнѣнію Маклакова,

поведеніе его единомышленниковъ, никогда болѣе не повторятся. И весь тонъ статей свидѣтельствуеъ не столько о предвидѣннн будущаго, сколько о бесплодномъ сожалѣннн о прошломъ. Къ прошлому прикована мысль Маклакова; оттуда пошло и дожило до настоящаго времени и его оскорбленное чувство.

Въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній обвиненія Маклакова были высказаны уже во французской статьѣ. Въ «С. З.» онъ привелъ эти мысли въ систему и предпослалъ своимъ разсужденіямъ чрезвычайно искусственную схему. Принятіе ея уже было бы равносильно, въ сущности, присоединенію къ его точкѣ зрѣнія. Остановимся, поэтому, прежде всего, на этой схемѣ, положенной въ основу плана, по которому написана первая статья «С. З.».

Основная мысль Маклакова очень проста. Либералы изменили либерализму, перейдя на сторону революціи. Отсюда произошли всѣ бѣдствія, которымъ эти либералы подвергли Россію, отказавшись сыграть предназначенную имъ исторіей роль буржуазныхъ реформаторовъ. Чтобы заранѣе исключить все спорное и противорѣчащее этой мысли, Маклаковъ даетъ нужные ему опредѣленія того, что такое «революція» и что такое «либерализмъ». Опредѣленія тоже очень просты. Революція есть разрушеніе преемственности власти, а либерализмъ есть сохраненіе преемственности власти. Слѣдовательно, либерализмъ не можетъ имѣть ничего общаго съ революціей; а поскольку онъ имѣетъ это общее, — онъ изменяетъ себѣ.

Развивается эта схема такъ. Революція начинается тамъ и тогда, гдѣ и когда нарушается преемство власти и на смѣну старой власти появляется власть, созданная революціей. По этому опредѣленію юридически великая французская революція началась не въ 1789 г., а лишь 10 августа 1792 г., когда былъ низложенъ король. И русская революція началась только съ отреченія Михаила, съ 3 марта. Все предыдущее было лишь «ненормальной и экстраординарной формой государственной эволюціи». Если бы значеніе этихъ утвержденій было ограничено чисто юридической стороною — юридическимъ анализомъ совершившихся событій, то противъ новой юридической консультаціи Маклакова не стоило бы возражать. Можно было бы только вмѣстѣ съ нимъ (см. французскую статью) удивиться, какъ это «квалифицированные юристы-патріоты», Набоковъ и Нольде, не замѣтили, что, составляя

«странный и преступный манифестъ» отреченія Михаила, они «навязываютъ всей странѣ революцію». Очевидно, квалифицированные юристы понимали, что дѣло тутъ не только въ юридической сторонѣ и что они писали актъ, по существу политическій. Но и самъ Маклаковъ не удерживается на чисто юридической позиціи. Подъ видомъ юридического анализа и онъ старается навязать свое политическое пониманіе значенія момента. Не мнѣ, конечно, отрицать это значеніе. Мое отношеніе къ отреченію Михаила извѣстно. Но съ конструкціей Маклакова и я совершенно не могу согласиться. Онъ разсматриваетъ (во французской статьѣ) — отнюдь не «строго юридически» — первые дни февральской революціи, какъ побѣду Государственной Думы и «прогрессивнаго блока». Отреченіе Николая изображается не какъ капитуляція передъ революціей, а какъ полная уступка требованіямъ блока. Послѣ этой уступки, по идиллическому изображенію Маклакова, блоку «оставалось лишь управлять согласно своей программѣ», — можетъ быть съ «нѣкоторыми ретушами», требуемыми «измѣненіемъ политической ситуаціи». Если бы этотъ планъ, который, впрочемъ, Маклаковъ не успѣлъ сообщить намъ въ эти февральскіе дни, былъ выполненъ, то онъ убѣжденъ, что «революціи» въ Россіи вовсе бы не было и дѣло пошло бы путемъ болѣе медленной эволюціи, уже начатой изданіемъ въ 1906 г. «основныхъ законовъ». О томъ, что и эти законы, и Дума, и блокъ и его компромиссная программа были уже начисто сметены первыми же днями революціи, Маклаковъ не желаетъ и слышать. Онъ, конечно, знаетъ и говоритъ, что побѣда надъ старымъ режимомъ была достигнута «во имя Думы, но не Думой», что тактика блока не удалась. Но онъ утверждаетъ, что борьба противъ соперниковъ «прогрессивнаго блока» была возможна и что она даже имѣла на своей сторонѣ «всѣ шансы успѣха», ибо ее «поддержали-бы симпатіи массъ». Настаивая на принятіи власти Михаиломъ, я, конечно, тоже предлагалъ — не теперь, заднимъ числомъ, а тогда, въ разгаръ событій, — рискнуть открытымъ конфликтомъ съ такъ наз. «революціонной демократіей». Но, разумѣется, отнюдь не на платформѣ старыхъ основныхъ законовъ, программы прогрессивнаго блока съ «ретушами» и дальнѣйшаго существованія Думы третьяго іюня. Можно было бы предположить, что, утверждая это, Маклаковъ забылъ про остроту момента. Но доктринерское ослѣпленіе

нашего юридическаго консултанта — болѣе давняго происхожденія. Оно становится прямо поразительнымъ, когда черезъ полгода, консультируя ген. Алексѣева въ моментъ выступленія Корнилова, онъ уже развиваетъ теперешній свой взглядъ. По его собственному разсказу, онъ предлагалъ поставить Корнилову изумившее Алексѣева требованіе — въ случаѣ побѣды вернуться къ этимъ первымъ днямъ революціи, — «вернуться къ легальности», т. е. къ «послѣднему законному акту — отреченія Николая», «возстановить монархію, конституцію (1906 г.), народное представительство (т. е. четвертую Думу съ ея прогрессивнымъ блокомъ)». Иначе «не стоитъ побѣждать революцію; чтобы ее вновь возстановить». Маклаковъ при этомъ оговаривается, что онъ только далъ юридическую справку, потому что только за этимъ обратился къ нему Алексѣевъ. Самъ онъ вовсе не вѣрилъ въ успѣхъ Корнилова, а слѣдовательно и вся справка имѣла чисто «юридическій», т. е. по-просту отвлеченный и неприложимый къ дѣлу, характеръ. Она намъ оказываетъ ту услугу, что лишній разъ показывается, до какой степени развиваемые теперь Маклаковымъ взгляды вовсе не есть результатъ какой-либо новой переоцѣнки цѣнностей послѣ тяжкихъ историческихъ уроковъ, а давно сложившееся мнѣніе. «О политическомъ положеніи», говоритъ онъ самъ, «мое мнѣніе было давно готово». Ген. Алексѣеву, очевидно, оставалось только развести руками и поблагодарить за «юридическій» совѣтъ...

Чтобы понять, какимъ образомъ Маклаковъ могъ смѣшать разсчитанную на военное положеніе программу прогрессивнаго блока, по которой онъ предлагаетъ «управлять» во время революціи, съ программой кадетскаго «либерализма», перейдемъ къ его опредѣленію понятія «либерализмъ». Онъ самъ признаетъ, что «это наименованіе неясно, а для многихъ, какъ недостаточно демократическое, и одіозно», и заявляетъ, что «за терминъ онъ не стоитъ». Однако, этотъ терминъ оказываетъ ему значительную услугу, ибо позволяетъ на «неясности» обосновать его собственное политическое міровоззрѣніе. Либералы, по его «неясному» опредѣленію, суть противники «старыхъ русскихъ устоевъ», желающіе сблизить Россію съ современными государствами Европы» (нѣчто вродѣ того, что прежде называлось «западниками»). Отъ революціонеровъ они отличаются тѣмъ, что «считаютъ необходимымъ идти къ своему идеалу не путемъ насильственныхъ катастрофъ и

скачковъ, не разрушеніемъ стараго, а естественнымъ его развитіемъ и улучшеніемъ», словомъ тѣмъ, что носить названіе «эволюціи». Эта весьма приблизительная характеристика связана, какъ видимъ, съ опредѣленіемъ революціи. Не останавливаясь на содержаніи либеральныхъ идеаловъ, она переноситъ главное удареніе съ программы на тактику. Эта перестановка дѣлается сознательно. «Различіе между ними было бы неправильно искать въ ихъ программахъ», говоритъ Маклаковъ... «Программы могли совпадать. Зато всегда оставалась разница въ способахъ борьбы». Отсюда уже легко перейти къ положеніямъ, что «тотъ, кто стоялъ за эволюцію (т. е. «либераль»), тѣмъ самымъ стоялъ за постепенность въ реформахъ, понималъ опасность уклоненія отъ законныхъ путей..., былъ привязанъ къ закону и праву». У него «не могло быть огульной ненависти къ старому строю».

Конечно, Маклаковъ неправъ, прежде всего, въ своемъ выдвигеніи тактики передъ программой. Странно ставить достиженіе цѣли въ безусловную зависимость отъ способа дѣйствія. Революционеромъ можетъ стать при извѣстныхъ обстоятельствахъ и либераль, какъ «эволюционистомъ» можетъ сдѣлаться и социалистъ. Маклакову, затѣмъ, уже было указано на неприемлемость его отождествленія «закона» съ «правомъ», на игнорированіе разныхъ способовъ происхожденія права, на отрицаніе возможности революціоннаго творчества права и т. д. Такое огульное отрицаніе характерно для стараго либерализма: терминъ, который въ Европѣ, послѣ достиженія первоначальной либеральной программы, осуществленной во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, давно потерялъ свой первоначальный смыслъ. Либерализмъ тамъ пріобрѣлъ охранительный характеръ. Естественно, что Маклаковъ не можетъ не чувствовать неудобства приложенія термина съ такимъ прошлымъ и настоящимъ къ партіи, къ которой самъ принадлежалъ. «На языкѣ европейскомъ», признаетъ онъ, «эта партія имѣла бы опредѣленное имя, она — партія радикальная». Характернымъ образомъ, тотчасъ за этой фразой онъ прибавляетъ: «какъ показываетъ самое слово (?), это партія отвлеченныхъ принциповъ, логическихъ построений». Во французской статьѣ Маклаковъ идетъ еще дальше въ этомъ направленіи. «Различіе между революціонными партіями и либералами», заявляетъ онъ тутъ, «было скорѣе вопросомъ степени, а не принципа... Для поясне-

нія онъ не можетъ не прибавить: «Законность никогда не была въ чести въ Россіи». Справедливость и лучшее знаніе исторіи требовали бы иного отношенія къ роли и либерализма, и революціи въ насажденіи на Руси новаго для нея понятія законности. Слѣдовало бы, именно, не отрицать у либераловъ идею законности, а распространить ее и на «революціонеровъ». Но куда же дѣлась бы тогда вся историческая постройка Маклакова? На кого пролился бы давно сдерживаемый гнѣвъ?

Юридическія опредѣленія революціи и либерализма, во всякомъ случаѣ, оказываютъ Маклакову услугу, какую не могло бы оказать большее уваженіе къ реальности. Для его цѣлей ему необходимо употреблять оба термина именно въ ихъ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ. При такомъ употребленіи, однако, со словомъ либерализмъ, какъ и со словомъ революція, происходятъ немалыя затрудненія. Приходится заразъ и отдѣлять к. д. отъ либерализма, и смѣшивать съ нимъ. Съ одной стороны (см. русскую статью) «наша русская радикальная партія — кадеты — не отличалась отъ русскаго либерализма, была его разновидностью, и я могу говорить о всѣхъ нихъ вмѣстѣ». Но съ другой стороны, историческая роль либерализма попала къ кадетамъ, какъ оказывается, по ошибкѣ. Эти радикаль-либералы, отличающіеся только «въ степени» отъ революціонеровъ, виноваты въ томъ, что заняли чужое мѣсто и сдѣлались «олицетвореніемъ всего русскаго либерализма»... «Чрезмѣрный успѣхъ этой партіи, за слѣдившей собой болѣе осторожныхъ и опытныхъ либераловъ, былъ несчастьемъ для нея самой. Онъ предоставилъ ей роль, которая въ тотъ историческій моментъ должна была принадлежать еще не ей».

Но кому же? Съ октябристами вѣдь опытъ тоже былъ сдѣланъ. Маклаковъ признаетъ его неудачу — правда, по случайнымъ причинамъ. Конечно, кадеты на роль октябристовъ не претендовали. Но Маклакову нужно, чтобы они играли и эту роль; иначе никакого обвиненія за ея неудачное выполненіе не выйдетъ. Съ собственной точки зрѣнія Маклакова ужъ скорѣе можно бы было сказать, что роль «осторожныхъ и опытныхъ либераловъ» еще не наступила. и оставить к. д. съ ихъ радикализмомъ за одной чертой съ «революціонерами». Но нѣтъ; Маклаковъ принимается доказывать, что все-таки к. д. были «эволюціонной»

партіей — и приводитъ несомнѣнные доказательства того, что они вовсе не желали революціи и даже хотѣли быть лояльными по отношенію къ существующей власти. Это, конечно, вѣрно; но Маклаковъ и изъ добродѣтели ухитряется сдѣлать порокъ. «Лояльность» партіи открываетъ для него возможность другого обвиненія: въ противорѣчій «мирной тактики» к. д. съ «неумѣренностью ихъ партійной программы».

Тутъ опять страннымъ образомъ извращается дѣйствительность. «Мирная тактика» к. д. отнюдь не была той тактикой компромисса, которую рекомендуетъ Маклаковъ. Она была все-таки тактикой борьбы, согласованной съ программой. Правда, эта борьба должна была вестись не революціонными, а парламентскими методами: въ этомъ и заключался смыслъ существованія партіи и ея воспитательная роль по отношенію къ обществу, — роль, которую Маклаковъ признаетъ. Формы парламентской борьбы оказались непримѣнимыми вслѣдствіе непримиримой тактики власти (и Маклаковъ признаетъ ее таковой). Но вѣдь эта непримѣнимость формъ мирной борьбы и открыла путь методамъ революціоннымъ. Маклаковъ хочетъ, чтобы никакой борьбы не было, а былъ бы компромиссъ. Но безсиліе партіи компромисса во что-бы то ни стало, какой была партія октябристовъ, — безсиліе компромисса на самой умѣренной программѣ, — какъ нельзя лучше демонстрируетъ невозможность той роли, которую онъ навязываетъ кадетамъ и которую онъ считаетъ истиннымъ выраженіемъ русскаго либерализма. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ примѣры этой невозможности и, слѣдовательно, фантастичности тактики, рекомендуемой Маклаковымъ.

Что касается программы к. д., она, конечно, была радикальна. Но никакъ нельзя доказать, что она была утопична. Въ частности, правильность постановки аграрнаго вопроса у к. д. была признана самими октябристами (Шидловскимъ), когда было уже поздно. Если нужно было избѣжать революціи, программа к. д. была своевременной и минимальной. Но при тогдашнемъ настроеніи власти, которое Маклаковъ вполнѣ признаетъ, одинаково неосуществимы и утопичны были, въ сущности, и болѣе скромныя требованія, — такія, какъ требованія элементарныхъ политическихъ свободъ, не исключенныя и изъ программъ «осторожныхъ и опытныхъ либераловъ», любезныхъ сердцу Маклакова. Что касается близости программы партіи к. д.

къ социалистическимъ программамъ, — она такова же, какъ и въ программахъ европейскаго «неолиберализма». Никакія специфически социалистическія требованія въ нее не введены. Но либерализмъ несомнѣнно обязанъ социализму цѣлымъ рядомъ новыхъ положеній, введенныхъ повсемѣстно въ программы либеральныхъ партій, не потерявшихъ въ процессѣ вырожденія либерализма своего прогрессивнаго характера.

Такъ стоитъ дѣло съ предварительными опредѣленіями «революціи» и «либерализма», на которыхъ покоится вся переоцѣнка цѣнностей Маклаковымъ. Какой же выводъ дѣлаетъ онъ изъ этихъ обезкровленныхъ опредѣленій? Основной его выводъ — тотъ, что либералы — главные виновники революціи, ибо они измѣнили тому понятію, которое Маклаковъ о нихъ составилъ, и не выполнили своей «исторической роли». И не «либералы» вообще, а именно кадеты, узурпировавшіе право говорить и дѣйствовать отъ имени либерализма. Они виновны, безъ снисхожденія, — и «исторія будетъ къ нимъ еще суровѣе, чѣмъ ихъ несчастныя современники» (заключительныя слова французской статьи).

Какъ же поступить «исторія» съ тѣми, кто сдѣлалъ революцію не избѣжн о й, и съ тѣми, кто совершилъ ее фактически: съ реакціонерами и съ революціонерами? По Маклакову, исторія найдетъ для нихъ смягчающія обстоятельства, которыхъ онъ не находитъ для к. д. Реакціонеры будутъ вправѣ сказать: мы предвидѣли, что либералы сдадутъ власть революціи; поэтому мы и боролись съ либерализмомъ. Революціонеры съ своей стороны скажутъ: да, мы хотѣли революціи; мы шли къ ней сознательно, и, вопреки всему, что случилось, мы имѣемъ право говорить о «завоеваніяхъ» революціи. Самъ Маклаковъ весьма снисходителенъ къ первымъ — и почти присоединяется ко вторымъ. «Это (т. е. революція), быть можетъ, будетъ къ лучшему», говоритъ онъ въ томъ же концѣ французской статьи: «порядокъ, который въ концѣ концовъ установится въ Россіи, будетъ болѣе устойчивъ и проченъ, ибо будетъ покоиться на народномъ сознаніи; культура понизится, но будетъ лучше распредѣлена. Россія станетъ истинной демократіей со всѣми ея преимуществами». Казалось бы, этотъ выводъ есть признаніе общихъ «завоеваній». Но либераловъ, послѣ ихъ грѣхопаденія 3 марта 1917 г., Маклаковъ рѣшительно изгоняетъ изъ этого

будущаго рая. Революція была и хъ «пораженіемъ», поэтому они лишены права «говорить о какихъ-то завоеваніяхъ». «Партіи эволюціи надлежало помогать власти во всѣхъ ея попыткахъ двигаться въ лучшую сторону, какъ бы ни было это движеніе незначительно, если оно все-таки вело къ улучшенію; имъ надлежало избѣгать всякаго шага, который могъ толкать къ тупику, изъ котораго не было другого выхода, кромѣ общаго взрыва. Только такая политика была бы политикой эволюціи, соответствовала бы идеологіи партіи и той исторической роли, которую она должна была сыграть при н о р м а л ь н о м ъ (курсивъ мой) развитіи».

Объ «эволюціи» и «идеологіи» я уже говорилъ. То и другое, смотря по надобности, то признается, то отвергается за к. д. Что касается политическаго совѣта Маклакова, противники партіи иногда такъ и характеризовали ея смиренную роль. Несомнѣнно, партія въ своемъ большинствѣ употребляла всѣ усилія, чтобы спасти Россію отъ революціи, къ которой ее фатально вели другіе факторы, имѣющіе получить отъ маклаковской «исторіи» частичную амнистию. Если это не удалось, то надо еще доказать, что неудача — или, какъ говоритъ Маклаковъ, «пораженіе» зависѣло отъ воли и поведенія партіи, что другіе факторы не были сильнѣе этой воли и этого поведенія. Другими словами, надо радикально перестроить подъ это толкованіе все изображеніе событій. Такъ примѣрно и изображаютъ ихъ реакціонные, а иногда и революціонные памфлетисты, враждебные партіи. Дѣлаетъ ли Маклаковъ подобную попытку?

Да, онъ ее дѣлаетъ, — правда, не для русской, а для французской публики. Но результатъ получается совсѣмъ не тотъ, какого мы были бы вправѣ ожидать. Маклаковъ не въ силахъ — да, вѣроятно, и не хочетъ — измѣнять общей рамки, въ которой движутся событія. Онъ изображаетъ роль — а слѣдовательно, и степень ответственности за событія — правящихъ круговъ, императора, чиновничества и дворянства совершенно такъ же, какъ они вообще изображаются, — конечно, со свойственнымъ ему блескомъ изложенія. Читая его изображеніе, французскій читатель долженъ придти къ заключенію, что была какая-то *force majeure*, которая сдѣлала революцію неизбѣжной. Основнымъ факторомъ фатальнаго исхода является у Маклакова, какъ и на дѣлѣ, неискренность уступки, сдѣланной вла-

стью въ манифестъ 17 октября. Набрасывая картину постепенной изоляціи монарха, онъ даже забываетъ объ отрицаніи за к. д. права—судить объ отношеніи къ нимъ народныхъ массъ. Забываетъ и о своемъ ироническомъ отношеніи къ ихъ ссылкамъ на «общественное мнѣніе» и «волю народа». Общественныя силы въ его изображеніи даже являются болѣе организованными и играютъ, пожалуй, болѣе крупную роль, чѣмъ это можно было бы доказать документально. Всякое небольшое измѣненіе въ отношеніи власти къ Думѣ, всякая перемѣна въ составѣ министерства, по Маклакову, вызываетъ соотвѣтственную и немедленную реакцію въ «странѣ». «Страна» то даетъ популяристы партіямъ, то отнимаетъ ее; «страна» «мирится съ партіями прогрессивнаго блока»; «страна становится единодушной», и именно настроеніе «страны» ведетъ къ фатальной развязкѣ. А гдѣ же силы стараго режима? В. А. Маклаковъ отмѣчаетъ любопытную «общую черту», — которая должна объясняться и «общими причинами». «Въ моментъ кризиса никто не хотѣлъ бороться за выродившійся режимъ», а передъ специальной комиссіей Муравьева «никто не поднималъ голоса въ его оправданіе». «Никто (изъ старыхъ дѣятелей) не могъ защищать режимъ безъ оговорокъ, т. е. безъ критики». Это потому, что «режимъ, рухнувшій 2 марта, давно уже былъ мертвъ»!

Какъ видимъ, все идетъ гладко, пока вопросъ не касается роли «либерализма» въ событіяхъ. Казалось бы, все предыдущее очерчиваетъ для этой роли довольно узкія рамки. Событія развертываются среди фатально дѣйствующихъ причинъ, не зависящихъ отъ воли «либераловъ». Но вѣдь либералы во всемъ виноваты: а вины не бываетъ безъ свободы дѣйствія. Стало быть, для приложенія воли либераловъ къ событіямъ надо расчистить для нихъ нѣкоторый просторъ. И Маклаковъ, столь проникательный въ оцѣнкѣ событій, приведшихъ къ революціи, вдругъ становится слѣпъ. Онъ начинаетъ самымъ неопозволительнымъ образомъ извращать факты и перетолковывать ихъ значеніе, чтобы показать, что либералы могли сдѣлать то и другое, но зарыли данный имъ талантъ. Послѣдуемъ за нимъ и въ эту область квази-исторіи.

Первымъ шагомъ для подготовкы обстановки обвиненія противъ к. д. является у Маклакова чрезвычайное преувеличеніе значенія октроированныхъ передъ созывомъ первой Думы основныхъ законовъ апрѣля 1906 г. Эти за-

коны были, по его утверженію, «*quand même une constitution*». Эта «бюрократическая работа» была «громаднымъ» этапомъ, измѣнившимъ весь обликъ русской земли. Правда, современники почему-то не ощутили этого «этапа». Маклаковъ отлично знаетъ, почему. Царь «саботировалъ конституцію и хитрилъ съ своимъ словомъ»; онъ сдѣлался вождемъ партіи государственнаго переворота и торжественно объявилъ, что «его самодержавіе осталось такимъ, какимъ было встарь». Вопреки Маклакову, Николай II былъ почти правъ даже и формально. Я конечно не беру назадъ своего отвѣта на знаменитую фразу Коковцева: слава Богу, у насъ нѣтъ парламента. Я отвѣтилъ ему то же самое, что Маклаковъ утверждаетъ теперь: «слава Богу, у насъ есть конституція». Но вѣдь это утвержденіе было сдѣлано въ порядкѣ борьбы, а не юридической интерпретаціи. Въ порядкѣ такой интерпретаціи германскіе юристы отлично мирили коренныя верховныя права императора и короля въ законодательствѣ съ производными правами народнаго представительства. Основные законы 1906 г. были насквозь проточены всевозможными японо-германскими и собственными Виттевскими лазейками, дѣлавшими «конституціонный» характеръ новыхъ законовъ вполнѣ иллюзорнымъ. Недаромъ самое слово «конституція» было строго запрещено, ибо «царь этого не хочетъ» (слова Витте).

Маклаковъ хотѣлъ-бы видѣть въ Россіи партію, которая бы «на почвѣ существующей конституціи, въ ея рамкахъ и мирнымъ путемъ стремилась-бы легально получить необходимыя реформы». Онъ даже «совершенно увѣренъ, что, если бы не было войны, то уступки, сдѣланныя въ 1905 г. и выразившіяся въ конституціи 1906 г., оказались бы вполнѣ достаточными, чтобы надолго, если не навсегда предотвратить опасность новой революціи». Увы, эта увѣренность ни на чемъ не основана. Самъ же Маклаковъ напоминаетъ о томъ, какъ наканунѣ войны 1914 г. партія государственнаго переворота поставила на очередь вопросъ объ уничтоженіи государственной Думы — не первой или второй, а лояльной Думы третьяго іюня... И не будь войны, кто знаетъ, можетъ быть, эта цѣль и была бы достигнута. Весь вопросъ, конечно, въ томъ, что считать «необходимыми реформами». Но надо прибавить, что и расхвядясь въ этомъ совершенно съ Маклаковымъ, его партія какъ разъ поставила себѣ ту задачу, о которой онъ мечтаетъ: задачу добиться «необходимыхъ» реформъ именно

легальнымъ путемъ. Хотя партія и рассчитывала расширить узкія рамки псевдоконституціи, но, вопреки утверждениямъ Маклакова, она хотѣла сдѣлать это въ порядкѣ примѣненія царской инициативы. Могла-ли она надѣяться на такую инициативу и не было-ли такое желаніе «утопическимъ»? Все зависѣло отъ оцѣнки конъюнктуры. Вѣдь если бы Николай II не «испугался», то и полученіе манифеста 17 октября было бы утопической мечтой, «безсмысленнымъ мечтаніемъ». Можно возразить, что к. д. ошибались въ оцѣнкѣ конъюнктуры и что моментъ наивысшаго давленія на волю императора уже прошелъ послѣ того, какъ революціонное движеніе отдѣлилось отъ конституціоннаго, пошло своимъ путемъ — и было разбито въ Москвѣ, въ декабрѣ 1905 г. Это совершенно вѣрно (хотя это какъ разъ и доказываетъ значеніе параллелизма революціонной и конституціонной борьбы и оправдываетъ временный контактъ обѣихъ тактикъ). Но совершенно неправильно рисовать к. д. какими-то глупенькими новичками въ политикѣ, которые распыляются въ восторгахъ въ первые дни открытія думы и не подозреваютъ опасности положенія. Утверждать это — значитъ просто не знать или забыть рядъ партійныхъ документовъ, сохранившихъ свидѣтельство о томъ, что тактика к. д. была выработана въ полномъ сознаніи грозящей Думѣ опасности и безъ большой надежды на то, что благопріятная конъюнктура конца 1905 г. будетъ продолжаться.

Тутъ мы подходимъ ко второму моменту исторической реконструкціи Маклакова: къ дѣятельности двухъ первыхъ государственныхъ Думъ. Я не могу слѣдить здѣсь шагъ за шагомъ за всѣми неправильностями французскаго изложенія Маклакова. Остановлюсь только на самихъ главныхъ моментахъ. Неправильно, прежде всего, то общее освѣщеніе, при которомъ Дума въ цѣломъ представляется органомъ революціи, естественно, измѣнившимъ первоначальное «безупречное поведеніе» царя на настроеніе обиды, а потомъ и открытой вражды. «Безупречность» могла продолжаться, по словамъ самого Маклакова, лишь тогда, когда Дума приняла бы планъ Горемыкина: распустить ее немедленно на каникулы, а съ осени занять бюджетомъ. Въмѣсто этого, утверждаетъ Маклаковъ, Дума «вышла открыто изъ рамокъ закона» и «рѣшительно стала на сторону революціи». Чтобы утверждать это, нужно все забыть объ умѣряющемъ вліяніи к. д., начавшемся уже до созыва

Думы на ихъ сѣздахъ, допустившихъ такъ назыв. тогда «органическую работу» въ Думѣ. Это вліяніе продолжалось и въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Если бы Маклаковъ возстановилъ въ памяти отчетъ М. М. Винавера о «конфликтахъ» въ первой Думѣ (онъ не могъ этой статьи достать), то онъ вспомнилъ бы, какая серьезная и систематическая работа — именно съ цѣлью ввести борьбу въ рамки закона — велась фракціей к. д. надъ политическимъ воспитаніемъ лѣвыхъ элементовъ (к. д. вовсе не составляли большинства). Неправильно, далѣе, утверждать, что адресъ первой Думы былъ «антиконституціоннымъ». Можно сколько угодно доказывать, что пожеланія Думы были неисполнимы; они такими и оказались. Но вѣдь это и были только пожеланія, для осуществленія которыхъ Дума не отказывалась отъ конституціоннаго пути. Неконституціонно, какъ отмѣчаетъ и Маклаковъ, было отвѣтное заявленіе министровъ, что намѣченныя Думой законодательныя мѣры были «недопустимы». Доказательство революціонности Думы Маклаковъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что Дума отвергла предложеніе Стаховича присоединить къ просьбѣ объ амнистіи осужденіе террора. Но только недоброжелательство можетъ утверждать, что этотъ отказъ означалъ, будто Дума одобряетъ терроръ. Возможность такого неблагоприятнаго для Думы толкованія ея рѣшенія и объясняетъ, почему предложеніе Стаховича оказалось, дѣйствительно, «провокаціоннымъ». Надо вспомнить, что отказъ отъ осужденія террора былъ и долго оставался сильнѣйшимъ политическимъ оружіемъ противъ Думы въ рукахъ кабинета. На дѣлѣ, касаясь только прошлаго, — того прошлаго, которое привело къ созданію самой Думы, этотъ отказъ, разумѣется, не означалъ присоединенія Думы къ продолженію революціонной борьбы.

Несомнѣнно и то, что к. д. не имѣли въ виду «превратить Думу въ національное собраніе», какъ утверждаетъ Маклаковъ. Они не шли дальше попытокъ проводить въ ней, по мѣрѣ возможности, практику парламентскихъ обычаевъ. Сюда относилось и толкованіе привѣтствія царя, какъ «тронной рѣчи», и отвѣтъ на нее и, наконецъ, вынесенный Думой вотумъ недоувѣрія министрамъ. Что к. д. вовсе не были окончательно «побѣждены» сохраненіемъ министерства у власти и не очутились въ глупомъ и «противорѣчивомъ» положеніи, какъ изображаетъ Маклаковъ, яв-

ствуеть изъ того, что вопросъ о перемѣнѣ министерства — съ привлеченіемъ к. д. — очень скоро былъ поставленъ на очередь и даже предприняты были шаги для осуществленія такого министерства. Я подробно объяснилъ въ своей брошюрѣ «Три попытки», почему этотъ планъ привлечь к. д. къ власти — не удался ни Витте, ни Столыпину. Говоря выразительными словами гр. Гейдена, «насъ приглашали на роль наемныхъ дѣтей при дамахъ легкаго поведенія». Я указалъ Столыпину въ 1907 году, что если хотять использовать нашу популярность, принимая въ кабинетъ лица, но не принимая программы, то этотъ расчетъ ошибоченъ, ибо немедленно по принятіи власти безъ всякихъ условій, мы будемъ дискредитированы и потеряемъ всякое довѣріе въ странѣ. Справедливость этого соображенія и оправдалась потомъ — на октябристахъ. Такимъ образомъ, даже вполнѣ понимая неприемлемость нашихъ условій для тогдашней власти, мы должны были эти условія выставить, — хотя бы для того, чтобы показать, что надо сдѣлать, если власть желаетъ мирнаго исхода. Неприемлемость нашихъ условій именно и доказывала безысходность положенія. Сердиться на насъ за это было бы такъ же нелѣпо, какъ обвинять градусникъ, что онъ свидѣтельствуетъ о болѣзни организма, а не о здоровьѣ. Впрочемъ, Маклаковъ самъ оказался въ такомъ же положеніи, когда во второй Думѣ вздумалъ, втайнѣ отъ своихъ единомышленниковъ, убѣдить Столыпина не распускать этой Думы. Теперь онъ и самъ признаетъ свой ночной визитъ къ Столыпину — «безпредметнымъ». Но интересно проанализировать его заявленія премьеру. Столыпинъ взялъ быка за рога и поставилъ визитерамъ (Маклаковъ былъ не одинъ) въ упоръ коренной для него вопросъ: можно-ли образовать во второй Думѣ правое большинство и вотируетъ-ли оно стольпинскіе декреты о крестьянствѣ? «Мы подали ему эту надежду», сообщаетъ, къ моему большому удивленію, Маклаковъ. Конечно, подать такой надежды они не могли; а Столыпинъ не могъ повѣрить столь легкомысленно данному обѣщанію. И онъ провѣрилъ ихъ искренность весьма простымъ вопросомъ. «Если такъ, то почему же кадеты, мозгъ націи, не хотять разорвать съ революціонерами? Голосуйте за мое предложеніе; исключите социаль-демократовъ; вы увидите, какъ мы съ вами будемъ работать». Будь Маклаковъ не «крайне правымъ к. д.», онъ нашель бы возможность объяснить

Столыпину настоящее отношеніе к. д. къ дѣвшимъ партіямъ. Но онъ самъ думалъ, какъ Столыпинъ, что к. д. «не хотятъ разорвать съ революціонерами». И все же даже и онъ нашелъ, что «это предложеніе было морально и политически невозможно. Страна насъ дезавуировала бы». И онъ отвѣтилъ Столыпину въ томъ самомъ непримиримомъ тонѣ, за который насъ обвиняетъ: «я на крайней правой к. д., но я буду голосовать противъ вашего предложенія». Характеренъ и отвѣтъ Столыпина, у котораго указъ 3 іюня былъ уже въ карманѣ, нашимъ опытнымъ политикамъ. «Въ такомъ случаѣ, ничего не подѣлаешь; но это вы распустили Думу». Съ той же степенью справедливости, но, конечно, безъ столыпинской мертвой хватки и безъ столыпинскаго лицемѣрія, Маклаковъ теперь говоритъ намъ: это вы виноваты въ русской революціи...

Маклаковъ вообще выбираетъ Столыпина въ свои герои. Это третій этапъ его политической слѣлоты — и третья серия его фактическихъ искаженій, — которая тутъ становятся еще болѣе кричащими. Онъ очень сомнѣвается, чтобы кадеты въ роли министровъ спасли Россію отъ революціи; хотя справедливо замѣчаетъ, что «безполезно обсуждать эту проблему»; вѣдь опытъ не былъ продѣлать. Но въ чемъ Маклаковъ совершенно убѣжденъ, это въ томъ, что Столыпинъ навѣрное спасъ бы Россію. И онъ обвиняетъ «режимъ» (т. е. царя), что онъ не узналъ въ Столыпинѣ своего спасителя. Самъ Столыпинъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлалъ все, чтобы фигурировать въ роли спасителя и тогда, когда нужда въ немъ миновала и когда онъ оказался въ своей дѣйствительной роли — орудія «темныхъ силъ», выше него стоящихъ.

Чтобы реабилитировать Столыпина, Маклаковъ доходитъ до самыхъ рискованныхъ утверженій. Знаменитая 87-я статья основныхъ законовъ, разрѣшавшая внѣзаконное изданіе декретовъ съ силой закона, была не просто лазейкой, а настоящей брешью, черезъ которую въ новый режимъ нѣзаконности врывались старое безправіе и безответственность власти павшаго режима. Маклаковъ беретъ на себя неблагоприятную задачу защиты столыпинскаго злоупотребленія 87-й статьей. Онъ находитъ, что общественное мнѣніе, возставшее противъ этой статьи было «легкомысленно и несправедливо». Въ чемъ же дѣло? Мак-

лаковъ утверждаетъ, что «частое употребленіе ст. 87 отчасти должно быть поставлено на счетъ самой Думы»; ибо она «работала медленно и пренебрегала своими обязанностями». Думскія комиссіи, по его мнѣнію, были слишкомъ многочисленны, рѣдко собирались, часто не собирали кворума, истошались въ болтовнѣ, и «самыя спѣшныя проекты не доходили до обсужденія». Замѣтимъ, что это сужденіе относится не только къ комиссіямъ первой и второй Думы. Долженъ сказать, что я просто пораженъ характеристикой Маклакова, дѣйствительно «легкомысленной и несправедливой». Мнѣ приходилось быть членомъ нѣсколькихъ комиссій третьей и четвертой Думъ, слѣдить за работами многихъ другихъ, и я могу засвидѣтельствовать, что комиссіи продѣлали огромную работу, отличаясь большей частью свойствами, прямо противоположными указаннымъ у Маклакова. Въ качествѣ примѣра Маклаковъ приводитъ законопроектъ о реформѣ полиціи, пролежавшій въ комиссіи безъ движенія пять лѣтъ. Нетрудно догадаться, что промедленіе въ данномъ случаѣ было намѣренное, ибо согласовать думскій законъ о полиціи съ конституціонными вольностями при отношеніи правительства къ этимъ вольностямъ и къ Думѣ было нелегко. Во всякомъ случаѣ, вѣдь рѣчь идетъ о примѣненіи 87 ст. не съ дѣловой цѣлью — чтобы очистить думскія залежи, а съ цѣлями ярко политическими. Сюда, конечно, прежде всего, относится аграрное законодательство Столыпина, которое, по Маклакову, «вызвало бы наименѣе возраженій въ Думѣ». Дѣйствительность совершенно не оправдываетъ этого предположенія. Это законодательство было чуть не самымъ спорнымъ; оно вызвало огромное волненіе во всей крестьянской Россіи и продолжительныя пренія въ Г. Думѣ. Маклаковъ, игнорируя политическія задачи Столыпина, выдвигаетъ на первый планъ «либеральное» значеніе его реформъ, какъ уравнивающихъ крестьянъ съ другими сословіями и вводящихъ право частной собственности вмѣсто патріархальной общины. Маклаковъ не можетъ не знать, что «ставка на крѣпкихъ» мужичковъ сопровождается ограбленіемъ менѣе состоятельныхъ и этимъ пытались отвести вниманіе крестьянства отъ дворянскихъ земель. И не вопросъ объ общинѣ и о частной собственности, гдѣ не было принципиальныхъ разногласій — и который уже былъ поставленъ Витте, — а именно этотъ вопросъ вызывалъ борьбу оппозиціи съ законопроектомъ.

Игнорировать все это — значить быть явно пристрастнымъ и принимать сторону въ спорѣ. Если Маклаковъ думаетъ, что «исторія признала правоту Столыпина передъ его противниками», то онъ забываетъ, что «исторія» начисто смела столыпинскихъ хуторянъ.

Не менѣ спорна роль Столыпина въ другомъ изъ двухъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ, по Маклакову, онъ хотѣлъ «модернизировать и демократизировать государство»: въ вопросѣ о его отношеніи къ конституціи. Кратковременный флиртъ Столыпина съ октябристами точно такъ же характеризовалъ переходную стадію отъ думъ народныхъ къ думамъ третьяго іюня, какъ когда-то проектъ «земскаго собора» гр. Игнатѣва характеризовалъ переходъ отъ Лорисъ-Меликовской конституціи къ реакціи Побѣдоносцева. Но Столыпинъ хотѣлъ самъ сыграть обѣ переходныя роли. «Мавръ» скоро почувствовалъ, что дѣло съ октябристами сдѣлано и что, если онъ хочетъ быть нужнымъ, то надо какъ можно скорѣе дѣлать ставку на националистовъ. Маклаковъ недоумѣваетъ о причинахъ поворота Столыпина и допускаетъ рядомъ съ общественными мотивами возможность чисто личныхъ. Какъ бы то ни было, тутъ былъ налицо политикъ, который въ направленіи компромисса, рекомендуемомъ Маклаковымъ, пошелъ гораздо дальше его совѣтовъ. И что же? Каковъ былъ результатъ? Маклаковъ признаетъ, что Столыпинъ только дискредитировалъ въ глазахъ «страны» партію, на которую опирался. А отношеніе власти къ этому вѣрному слугѣ окончательно доказало, — опять таки, по утверженію самого Маклакова, — что эта власть осуждена на гибель. Какъ же можно утверждать, что и Столыпинъ, какъ Витте, погубила невозможность для «либераловъ» съ нимъ сговориться? Не была ли напротивъ, одна тѣнь возможности сговора причиной паденія обоихъ? Признаетъ же Маклаковъ, что «довѣріе» либераловъ было достаточной причиной для паденія министровъ.

Мы уже отмѣтили выше четвертый этапъ историческихъ блужданій Маклакова. Это — его мнѣніе о роли Думы и прогрессивнаго блока въ февральской революціи 1917 года. Трудно представить себѣ, какъ послѣ всего, имъ же сказаннаго, Маклаковъ могъ не понять, что причиной популярности Думы въ «странѣ» была не работа ея умѣреннаго большинства, а политическія выступленія оппози-

ціи, давшія широкую извѣстность отдѣльнымъ оппозиціоннымъ ораторамъ. И еще труднѣе понять, какъ могъ Маклаковъ заблуждаться относительно невозможности поставить дѣйствительную, реальную Думу во главѣ движенія, начатаго февральскими днями. Между тѣмъ, мы видѣли, что въ самоотреченіи Думы Маклаковъ ищетъ главный моментъ кадетскаго «предательства» и главную причину большевистской побѣды. Не мнѣ отрицать большую и тяжелую отвѣтственность отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей и теченій за неудачу февральской революціи. Я написалъ объ этомъ три тома исторіи, и во многомъ мои точки зрѣнія совпадаютъ съ маклаковскими. Но, когда онъ искусственно выдѣляетъ изъ контекста событій нелюбимую имъ группу к. д., чтобы взвалить на нее всю отвѣтственность, то я вспоминаю о «болѣе глубокихъ причинахъ», которыхъ онъ не отказывается искать въ другихъ случаяхъ. Когда непротивленецъ кн. Львовъ (сомнительный к. д.) и весьма энергичный противленецъ, октябристъ А. И. Гучковъ одинаково впадаютъ въ маразмъ и одинъ «разлагаетъ» администрацію, а другой «разлагаетъ» армію, то я начинаю думать, что процессъ разложенія совершается, хотя бы отчасти, независимо отъ столь различныхъ темпераментовъ и возрѣній. Поскольку я все-таки склоненъ искать личной отвѣтственности за событія, я ищу ее не тамъ — или не только тамъ, гдѣ ищетъ Маклаковъ. Революцію нельзя было предотвратить, и съ этимъ, въ противорѣчій съ самимъ собой, невольно соглашается и Маклаковъ, такъ краснорѣчиво говорящій о «смерти» режима и объ «обременности» императора. Но взять революцію въ руки, канализировать ее было и по моему мнѣнію возможно въ теченіе перваго времени. И на этой позиціи были «побѣждены» не мы, а другіе. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что и въ этомъ пунктѣ не могу вполнѣ согласиться съ Маклаковымъ. Умѣренные социалисты очень слабо и неуверенно, но все же пытались бороться съ большевизмомъ. Социалистическіе министры быстро приходили къ пониманію значенія государственности. Но это пониманіе только ускоряло ихъ дискредитацію въ массахъ. Процессъ этотъ еще разъ доказываетъ, что въ игрѣ дѣйствовали такіа *forces majeures*, справитися съ которыми стало съ извѣстнаго момента не подъ силу отдѣльнымъ дѣятелямъ. Какъ жалко среди этого вихря событій, показывавшихъ, что ре-

волюція есть дѣйствительно революція, выгладить попытка навязать наиболѣе отвѣтственную роль наименѣе отвѣтственнымъ — и потомъ судить ихъ за то, что они оказались «ниже своей исторической роли».

Каковъ же выводъ изъ всего сказаннаго? «Исторія» не говоритъ устами В. А. Маклакова. Прежде чѣмъ выносить «приговоры», она вообще займется пристальнымъ изученіемъ фактовъ и отысканіемъ ихъ «глубокихъ причинъ», на которые Маклаковъ указываетъ, но на которыхъ не останавливается. Это — первый выводъ. Второй заключается въ томъ, что В. А. Маклаковъ напрасно ссылается на послѣднія событія, будто-бы заставившія его переоцѣнить прежнія цѣнности. В. А. Маклаковъ не пересматриваетъ с в о й прежній взглядъ, а просто воспроизводитъ его въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ сложился уже во время разбираемыхъ имъ событій. Разница между тогда и теперь, по его собственному признанію, та, что прежде онъ принужденъ былъ, по той или другой причинѣ, скрывать свой взглядъ, теперь же считаетъ возможнымъ высказать его открыто. Третій выводъ тотъ, что въ основѣ сужденій В. А. Маклакова не только не лежитъ спеціальнаго изучения предмета, но, напротивъ, лежитъ забвеніе многого общезвѣстнаго и игнорированіе того, что въ свое время, по обстоятельствамъ, не дошло до его свѣдѣнія. Въ результатѣ, все изображеніе событій сильно сдвинуто вправо отъ того центра, черезъ который проходилъ дѣйствительный нервъ событій. Смыслъ событій, такъ сказать атмосфера, въ которой они происходили, оказалась заслоненной абстрактной юридической конструкціей. И, наконецъ, четвертый выводъ. Всѣ недосмотры и извращенія фактовъ объясняются той предвзятой цѣлью, которую поставилъ себѣ Маклаковъ: выдѣлить изъ контекста событій одну политическую группу, произвести надъ ней «юридическую» оперцію суда и вынести именно ей, игнорируя силу вещей и отвѣтственность другихъ факторовъ, встрѣчающихъ снисходительное отношеніе, суровый обвинительный приговоръ. Психологическій источникъ такой неисторической постановки вопроса мной указанъ выше.

Написавъ статью о послѣднихъ годахъ передъ октябрьской революціей, В. А. Маклаковъ поддался соблазну — приложить найденный имъ критерій и къ предыдущему

періоду исторіи, — со времени реформъ Александра II. Здѣсь отрицательныя стороны его метода развернулись въ полной силѣ. Но обсужденіе второй статьи «Современныхъ Записокъ», въ которой содержится эта вторая попытка допросить съ пристрастіемъ русскую исторію, мнѣ придется отложить до другого раза.

П. Милуковъ.

О Ближнемъ Востокѣ

Караванные города Аравіи, Заіорданья и Сиріи.

1.

Караванная торговля. Историческій очеркъ.

Въ прошломъ году мнѣ пришлось побывать, во второй разъ въ моей жизни, въ Палестинѣ, сѣв. Аравіи, Заіорданьи и Сиріи. Ѣздилъ я туда, чтобы вплотную заняться эллинистической и римской исторіей этихъ странъ много-тысячелѣтней культуры, которая теперь автомобиль и французскій и англійскій мандаты сдѣлали легко доступными какъ туристу, такъ и историку, умѣющему читать не только надписи и другіе писанные документы, но и руины городовъ, зданій и дорогъ. Имѣлъ я и болѣе спеціальную задачу. Мой университетъ въ Америкѣ — одинъ изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ — Yale University рѣшилъ испробовать свои силы и на почвѣ археологическаго изслѣдованія. По моему совѣту объектомъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи онъ сдѣлалъ два наиболѣе интересныхъ караванныхъ города Ближняго Востока — Джерашъ и Дуру. Моей задачей въ эту поѣздку и было ознакомиться съ этими городами и возобновить раскопки въ одномъ изъ нихъ — Дуру, за которыя я отвѣтственъ почти полностью.

Въ этомъ очеркѣ о караванныхъ городахъ мнѣ и хотѣлось бы подѣлиться съ читателями тѣмъ, что я видѣлъ, и постараться выяснить историческое значеніе систематическаго разслѣдованія караванныхъ городовъ. Вотъ уже больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я провелъ (весною 1928 г.) около трехъ мѣсяцевъ въ Аравіи, Заіорданьи, Палестинѣ и Сиріи, но впечатлѣнія мои такъ же свѣжи, какъ они были годъ тому назадъ, и мои мысли объ историческихъ судьбахъ караванныхъ городовъ за годъ присталь-

ной работы надъ этой проблемой углубились и расширились. Первоначально я хотѣлъ изложить эти мои мысли и впечатлѣнія въ формѣ газетныхъ фельетоновъ, и первый изъ очерковъ — вводный былъ уже напечатанъ въ юлѣ прошлаго года въ Рулѣ и Возрожденіи. По разнымъ, отъ меня независящимъ причинамъ, остальные очерки напечатаны не были и я печатаю ихъ теперь вмѣстѣ съ первымъ, въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ, но въ общемъ въ той же формѣ, которую я далъ имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго.

Что я имѣю въ виду говоря о «караванныхъ» городахъ? Напомню нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ. Всѣмъ извѣстна конфигурація Сиріи съ Финикіей, Палестины и Аравіи (см. карту на табл. I-ой). Огромный четырехугольникъ Арабскаго полуострова съ юга омывается океаномъ, съ востока и съ запада двумя бухтами океана — Персидскимъ заливомъ и Краснымъ моремъ. За исключеніемъ небольшой плодородной полосы на юго-западномъ побережьи Аравіи, т. наз. Счастливой Аравіи и нѣсколькихъ оазисовъ, Аравія — сплошная пустыня. Сѣверная часть этой пустыни ограничена горами Палестины, Финикіи, Сиріи, М. Азіи и Иранскаго плато, полумѣсяцемъ окружающими пустыню. Въ горахъ сѣва Ливана, Тавра и Иранскаго плато и обильные дожди питаютъ рядъ крупныхъ и мелкихъ рѣкъ (Иорданъ, Оронтъ, Евфратъ, Хабуръ, Тигръ и т. д.), создающихъ богатая плодородныя равнины. Эта же влага, обиліе дождей и освѣжающіе вѣтры Средиземнаго моря дѣлаютъ прибрежную полосу у Средиземнаго моря — приморскія Палестину, Финикію и Сирію сплошнымъ садомъ и тучной нивой. Бурные и мутные потоки Евфрата, Хабура съ ихъ притоками и Тигра въ ихъ крутыхъ берегахъ, использованные мѣстнымъ населеніемъ, позволяютъ этому населенію оросить и отвоевать у пустыни значительную полосу земли вдоль этихъ рѣкъ. Тѣ же Тигръ и Евфратъ у ихъ устьевъ создали богатѣйшую наносную Дельту — т. наз. Месопотамію, которая при должномъ вниманіи, дренажѣ и канализаціи способна превратиться изъ болота и пустыни въ богатѣйшіе сады, нивы и пастбища. Наконецъ, та же влага горъ и періодическіе дожди отняли у пустыни широкой полумѣсяцъ полуорошенной земли, принявшій степной характеръ, богатѣйшее пастбище для скота ко-

чевниковъ пустыни и потенциальныя нивы для осѣдлаго населенія.

Такова была конфигурація Ближняго Востока въ древности, такой же она осталась въ общихъ чертахъ и теперь. Историческая климатологія, созданная, главнымъ образомъ, усиліями моего коллеги по Yale University E. Huntington, правда, не безъ основанія указываетъ на то, что въ древности полоса обработанной земли такъ называемаго «плодороднаго полумѣсяца» на границѣ пустыни бывала, въ зависимости отъ періодическаго, спазмодическаго увеличенія и уменьшенія влажности въ этихъ мѣстностяхъ, значительно шире, и въ эти періоды земледѣлю и скотоводству открывались огромныя пространства того, что въ періодъ сухости дѣлалось безводной и безрастительной пустыней. Въ эти періоды кочевое населеніе пустыни возрастало въ числѣ и становилось осѣдлымъ. Но наступать новый періодъ сухости и населеніе пустыни отъ голоду бросалось на осѣдлыя и цвѣтущія мѣстности, жгло и громило, уничтожало культуру и людей, чтобы вновь начать, въ новый періодъ увеличенія влажности, процессы завоеванія пустыни для цивилизаціи. Несомнѣнно, что историческая климатологія права во многомъ. Но дѣло идетъ лишь о мѣстныхъ и частичныхъ процессахъ. Въ общемъ не столько климатъ, сколько люди виноваты въ полномъ запустѣніи когда то цвѣтущей Месопотаміи и многихъ когда то плодородныхъ мѣстностей по теченію Евфрата. Люди потеряли навыкъ къ организованной, цѣлесообразной работѣ, когда то приобрѣтенный въ вѣковой тренировкѣ и то, что было садомъ, нивой и пастбищемъ, благодаря труду людей, стало пустыней. Каналь и дамба дѣло рукъ людей, а не климата, а безъ этого нѣтъ культуры въ долинахъ великихъ рѣкъ Ближняго Востока.

Описанный характеръ страны не сузилъ ей крупной роли въ міровой исторіи. Нѣкоторыя части ея производили много и потенциально могли не только существовать на это, но и вывозить. Для этого, однако, нужны были не только организованное земледѣліе и скотоводство, но и организованная торговля. Трудно сказать, что въ странѣ, которая производитъ, старше — производство или обмѣнъ. Нѣтъ періода въ исторіи человѣчества, становящагося культурнымъ, который не зналъ бы обмѣна. Обмѣнъ такъ же старъ, какъ и производство. Стадія замкнутаго

домашняго хозяйства --- плодъ воображенія теоретиковъ-экономистовъ. Для развитія обмѣна Ближній Востокъ — благословенная страна. Аравійская пустыня — не только мертвое пятно на картѣ земли. Она не только граница культурной жизни. Пустыня, какъ и море, не только разъединяетъ, но и соединяетъ. Это — широкая открытая дорога для торговли. Она сама создала и носителя этой торговли, корабль пустыни --- верблюда. За предѣлами пустыни — на востокъ ширилось благословенное плато Ирана, а за нимъ и за Персидскимъ Заливомъ --- Индiя съ ея сказочными богатствами. На западъ Красное море столько же разъединяетъ, сколько соединяетъ Аравию съ другою сказочной страной --- центральной Африкой, полной причудливыхъ и высоко цѣнныхъ для человѣка продуктовъ. Наконецъ, на сѣверъ пустыню связываетъ съ богатѣйшимъ Египтомъ Суэцкій перешеекъ и съ Средиземноморьемъ --- Греціей, Италией, Испаніей, — рядъ превосходныхъ гаваней прибрежныхъ Палестины, Финикiи и Сириi.

Какъ только въ дельтѣ Тигра и Евфрата и въ дельтѣ Нила зародились древнѣйшія въ мiрѣ цивилизаціи, какъ только эти юныя цивилизаціи стали расти и развиваться, потянулись караваны черезъ Аравию къ Вавилонiи и къ прибрежнымъ городамъ Палестины, Финикiи и Сириi, прорѣзали моря первые корабли вавилонцевъ, египтянъ, арабовъ южной Аравіи и жителей прибрежной Индiи, стали появляться изъ-за горъ Ирана первые ряды двугорбыхъ лохматыхъ верблюдовъ, сѣверныхъ сородичей одногогорбыхъ изящныхъ дромадеровъ Аравіи. Везли эти корабли и караваны то, чего не хватало Вавилонiи и Египту и что дѣлалось чѣмъ дальше, тѣмъ больше потребностью, а не роскошью для культурнаго человѣка: золото и слоновую кость, драгоценные камни и драгоценные сорта дерева, ароматы для боговъ и женщинъ, духи и приправы для женщинъ и мужчинъ, пряныя приправы для ихъ кухни. Все это въ изобиліи рождали Индiя, южная Аравiя и центральная Африка. Въ обмѣнъ слала цивилизаціи своимъ плодомъ: металлическія издѣлія, главнымъ образомъ, оружіе, цвѣтныя ткани, стеклянные бусы для древнѣйшихъ поселенцевъ Индiи и чернокожихъ Африки, вино и масло, хлѣбъ и финики для полуголодныхъ бедуиновъ пустыни. Не могло не завязаться и сношеній цивилизованныхъ странъ между собой; одна посылала другой послѣднія новинки своихъ культурныхъ достижений.

Шли вѣка и укладъ цивилизованной, городской жизни захватывалъ все большія и большія пространства. Покрылись гордами долины и степи плодороднаго полумѣсяца, выросли въ крупные городскіе центры прибрежныя поселенія Палестины, Финикіи и Сиріи, появились города въ Малой Азіи, завязалась связь съ европейскимъ побережьемъ Средиземнаго моря, гдѣ шло то же развитіе. Спрость на продукты Индіи, Аравіи и Африки становился все болѣе значителенъ и торговья сношенія по Персидскому заливу и Красному морю и черезъ Аравійскую пустыню упрочивались и приобрѣтали цѣлесообразную организацію. Создались торговые навыки, развилась торговая сметка, нарождалось гражданское и специально торговое, сначала обычное, а затѣмъ и писанное право. На зарѣ челоѣческой культуры мы застаемъ это право, въ Вавилоніи, не только писаннымъ, но кодифицированнымъ. Мы знаемъ теперь, что сводъ законовъ Хамурраби (около 1900 года) не былъ первой попыткой кодификаціи уголовнаго и гражданского права. Знаемъ мы и то, что уже въ III-емъ тысячелѣтіи до Р. Хр. существовали тысячи контрактовъ и договоровъ самаго разнообразнаго характера, на старѣйшемъ языкѣ — носителѣ права — сумерійскомъ. Навыкъ къ праву, къ сношеніямъ, урегулированнымъ правомъ, захватывалъ и новыя страны — ученицы Сумеріи и Вавилоніи. Недавно открыты фрагменты древняго ассирійскаго свода законовъ, восходящаго вѣроятно къ 15 вѣку до Р. Хр. и немногимъ моложе такой же писанный сводъ законовъ великой Малоазійской Хетской державы, выросшей изъ одной изъ провинцій сумерійско-вавилонской имперіи въ культурную и прочно организованную имперію въ первыя столѣтія второго тысячелѣтія до Р. Хр.

Право создано обмѣномъ, но оно же регулируетъ обмѣнъ, дѣлаетъ его болѣе цивилизованнымъ, болѣе упорядоченнымъ. Откровеніемъ для науки была находка въ сѣверо-восточной М. Азіи, въ Каппадокіи сотенъ документовъ частно-правового характера, которые свидѣлствуютъ о систематической эксплуатаціи серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ сѣв. побережья Чернаго моря усиліями культурныхъ колонистовъ, пришедшихъ туда изъ одной изъ провинцій Сумерійской Имперіи, ранней Ассиріи. Металлы, добывавшіеся здѣсь, шли и внизъ по Евфрату въ Месопотамію и по караваннымъ дорогамъ въ финикій-

скіе порты, главнымъ образомъ Библь, откуда ихъ везли въ формѣ массивныхъ колець въ Египеть.

Однимъ изъ величайшихъ достижений Сумерійско - вавилонской культуры было и созданіе металлической единицы обмѣна, предшественницы чеканной монеты, впервые появившейся въ М. Азіи и Греціи въ VII в. до Р. Хр., на два тысячелѣтія позже перваго появленія металлической единицы обмѣна. Базированъ былъ обмѣнъ на серебрѣ — на серебряной минѣ и ея подраздѣленіи шеккель. Созданіе серебряной валюты было не только дѣломъ частныхъ купцовъ и первыхъ банкировъ-торговцевъ деньгами, но и государства.

Все это повліяло и на урегулированіе и прочную организацию караванной торговли. Бедуины пустыни постепенно сдѣлались не только пастухами и разбойниками, но и рожденными купцами и спекулянтами. Караванъ сталъ организацией, своеобразнымъ и строго регулируемымъ міромъ въ себѣ, такимъ же, какимъ онъ существуетъ и по сейчасъ, пока еще не положили предѣла его своеобразному существованію желѣзныя дороги и автомобили.

Пока живо и крѣпко было Вавилонское царство, пока твердо владѣло оно устьями Тигра и Евфрата, товары Индіи и Аравіи шли прямымъ путемъ въ Вавилонію по водамъ и берегамъ Персидскаго залива; по морю — на корабляхъ, но больше сухимъ путемъ по берегу, главнымъ образомъ западному, на верблюдахъ и ослахъ при посредствѣ арабовъ-кочевниковъ. То, что шло въ Египеть изъ Индіи, также шло черезъ Арабовъ южнаго побережья Аравіи, сначала на корабляхъ въ гавани южной Аравіи, а затѣмъ по пустынѣ вдоль западнаго берега Аравіи или, въ видѣ исключенія, на корабляхъ по Красному морю. Въ это раннее время моря не любили и сму не довѣряли. Пользовались имъ только постольку, поскольку безъ него нельзя было обойтись. Верблюды и пустыня казались болѣе вѣрными и болѣе надежными, чѣмъ измѣнчивое и капризное море. Черезъ Аравію же, наконецъ, шли въ Вавилонію и Сирію и далеко за предѣлы ихъ на сѣв. и зап. не только продукты Индіи и самой Аравіи, но и продукты центральной Африки.

Шли вѣка. Вавилонская имперія разрушилась. На Ближнемъ Востокѣ установилось т. наз. «равновѣсіе силъ». Культуру и торговлю Вавилоніи унаслѣдовали крупныя и мелкія государства и города Ближняго Востока: Индо-

европейскій Ханигалбатъ или Митанни на верховьяхъ Евфрата, такая же арийская Хетская держава въ М. Азии, большіе торговые города сѣверной Сирии и среди нихъ Алеппо и Дамаскъ, города финикійскаго побережья. Египеть то подымался, то падалъ, то создавалъ великую державу, то сжимался по берегамъ Нила, но всегда оставался центромъ цивилизованной жизни и огромнымъ богатымъ рынкомъ для ввоза и вывоза.

На смѣну Сумерійско - Вавилонской имперіи въ началѣ I-го тысячелѣтія пришла имперія Ассиріи, когда то вассала Месопотаміи, а слѣдомъ за ней великая Персидская держава. За все это время торговля и особенно торговля караванная все развивались и все болѣе и болѣе организовывались. Ей несомнѣнно обязаны своимъ блескомъ жемчужины Ближняго Востока, уже названные Алеппо и Дамаскъ, старѣйшіе караванные города, она же толкнула и финикійскіе города по пути ихъ безпримѣрнаго въ исторіи торговаго развитія. Исторія вышнихъ торговыхъ сношеній Персидской имперіи еще не написана. Но несомнѣнно, что объединеніе всѣхъ восточныхъ культурныхъ націй въ одну могучую и прекрасно организованную державу, съ превосходными дорогами, перерѣзанными ея съ Запада на Востокъ и съ Юга на Сѣверъ, съ одной прочной и твердой монетной системой (золотые «даріки» Персіи проникали во всѣ углы Средиземноморскаго міра) не могло не дать огромнаго толчка вышней торговлѣ Персидской имперіи. О постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Персіи съ Востокомъ — съ Индіей и Китаемъ говорить огромное вліяніе, которое оказало Персидское искусство на развитіе архитектуры и скульптуры въ Индіи и на развитіе монументальной скульптуры въ Китаѣ, о которыхъ я недавно говорилъ въ моей англійской книгѣ о бронзовомъ китайскомъ таѣ эпохи Хана въ собраніи С. Т. Лоо. Еще большіе размѣры имѣла торговля Персіи съ Западомъ: съ міромъ греческихъ городовъ-государствъ въ собственной Греціи, на берегахъ Чернаго моря и въ Италіи и Сициліи и съ финикійскими колоніями въ Сѣверной Африкѣ и черезъ нихъ съ племенами юго-западной и сѣверной Европы. То, что вывозилось туда, были главнымъ образомъ продукты караванной торговли, въ особенности разнаго рода «вѣщамы», абсолютно необходимыя для культа, а также вся серія предметовъ роскоши — духовъ, притираний, подѣлокъ изъ слоновой кости и

драгоценныхъ сортовъ дерева, окрашенныхъ въ пурпуръ и шитыхъ золотомъ тканей и т. д. Не забудемъ какъ расцвѣли греческіе города М. Азии, подданные Персіи, особенно Милетъ, не забудемъ какъ богаты были Фригія и затѣмъ Лидія въ М. Азии, посредники между Персіей и Западомъ въ эпоху ранней Персидской монархіи и какую огромную торговлю вела греческая Навкратида, основанная греческими торговыми городами на сѣв. берегу Египта, посредница между Западомъ и Египтомъ, предшественница Александріи. Для насъ русскихъ крупная роль Персіи въ мировой торговлѣ должна быть особенно ясна. Греческіе города сѣв. побережья Чернаго моря пышно расцвѣли въ VI и V в. в. до Р. Хр. не только благодаря ихъ торговлѣ съ греческими городами Средиземноморья, но и благодаря ихъ оживленному обмѣну съ Персидской державой, какъ черезъ Кавказъ и черезъ Черное море, такъ и по старымъ путямъ караванной торговли, ведшимъ изъ Туркестана черезъ степи юго-восточной Россіи къ Дону и къ Пантикапеѣ. Вліяніе персидскаго искусства въ VI и V в. на греко-восточное искусство южной Россіи еще не оцѣнено достаточно въ ученыхъ работахъ русскихъ археологовъ.

На Ближнемъ Востоцѣ, въ Аравіи, Месопотаміи и Сирии караванная торговля Персидской имперіи мало чѣмъ отличалась отъ караванной торговли ея предшественницъ Сумерійско-Вавилонской и затѣмъ Ассирійской державъ. Главные пути шли черезъ Иранское плато въ долину Евфрата и черезъ или вдоль Персидскаго Залива къ устью Евфрата, а затѣмъ вверхъ по Евфрату въ М. Азію и Сирию съ Финикіей. Большіе торговые караванные города, насчитывавшіе уже многія столѣтія существованія, Халебъ (Алеппо), Дамаскъ, Хамаъ (нынѣ Гама), Эмеса (нынѣ Гомсъ) и другіе продолжаютъ жить и развиваться, какъ города персидскаго царства. Настоящими «караванными» городами т. е. городами, созданными караванной торговлей, ни одинъ изъ нихъ не былъ. Всѣ они были центрами большей или меньшей плодородной области съ развитой земледѣльческой, садоводческой и скотоводческой жизни. Но крупное значеніе и богатство дала имъ, несомнѣнно, только караванная торговля.

По сравненію съ этими восточными путями западный египетскій путь вдоль Аравійскаго побережья Краснаго моря и на Красномъ морѣ съ паденіемъ военной и полити-

ческой мощи Египта игралъ вѣроятно меньшую роль, но все же питалъ египетскую торговлю всѣми тѣми продуктами, которые Египетъ издавна получалъ изъ Аравіи, а теперь и изъ Индіи. Новымъ явленіемъ въ исторіи этого пути надо считать возникновеніе Петры въ сѣверной Аравіи. Возникновеніе это, несомнѣнно, надо отнести къ эпохѣ владычества Ассиріи и Персіи въ Палестинѣ, Финикіи и Сиріи. Объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ сильное ассирійское и болѣе слабое поздне-египетское вліяніе на архитектуру Петры. О Петрѣ еще будетъ рѣчь ниже. Укажу только, что объединеніе караванной торговли Аравіи въ рукахъ Петры тѣсно связано съ торговлей Египта. Въ персидскую эпоху караваны Аравіи Петра несомнѣнно двигала не черезъ Заиорданье, въ это время большое разбойничье гнѣздо, въ Палестину и Финикію, а черезъ Синайскую пустыню или черезъ одну изъ гаваней сѣвернаго побережья Краснаго моря въ Египетъ.

Но пала Персидская держава подъ ударами Александра Великаго. Центръ тяжести исторіи при преемникахъ Александра перемѣстился съ Востока на Западъ. Измѣнились и условія караванной торговли, особенно въ Аравіи и въ Сиріи. Александръ въ организациі своей греко-восточной державы слѣдовалъ нѣ общему традиціямъ и навикамъ Персіи. Но послѣ него его держава распалась. Востокъ раскололся на рядъ государствъ, частью греческихъ, частью полугреческихъ, частью мѣстныхъ. Иранское плоскогорье ушло изъ подъ греческаго вліянія. Выросло и упрочилось здѣсь иранское Пароянское царство, преемникъ персидскихъ традицій. Полугреческая Бактрія (Афганистанъ) жила и развивалась самостоятельно. Индія — одно время персидская, а затѣмъ Александрова провинція — вернула себѣ самостоятельность и создала (временно) могучую имперію. Греческія и полугреческія государства, на которыя распалась Александрова держава, — Сирія, Египетъ, Македонія, позднѣе рядомъ съ ними нѣсколько М. Азійскихъ монархій (Пергамъ, Виѳинія, Понтъ, Каппадокія, Арменія) — вѣчно ссорились и воевали одно съ другимъ. Намъ, русскимъ, не слѣдуетъ забывать и того, что одной изъ греческихъ эллинистическихъ монархій было Босфорское царство, съ центромъ въ Пантикалеѣ (нынѣ Керчь).

Но ростъ и развитіе цивилизациі не остановились, несмотря на это расчлененіе, и спросъ на товары Ин-

дн, Аравіи и Африки становился все значительнѣе и значительнѣе. Вопросъ о томъ, по какимъ путямъ пойдетъ восточная торговля, сталъ однимъ изъ большихъ вопросовъ политики эллинистическихъ державъ. Монархи Сиріи желали монополизировать ее для себя, цари Египта дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы направить ее черезъ свои владѣнія и концентрировать ввозъ по возможности въ Александрію. Арабская пустыня стала лакомымъ кускомъ. За ней охотились и Селевкиды, цари Сиріи, и Птолемен, цари Египта. Но завоевать ее не могли ни Александръ, ни его преемники. Не въ силахъ сдѣлать этого и теперь ни англичане, ни французы даже при помощи аэроплановъ и бронированныхъ автомобилей. Тамъ, гдѣ безсильно оружіе, работаетъ дипломатія. Такъ было и въ эллинистическую эпоху. Пока Сирія твердо владѣла Месопотаміей, а Египетъ Финикіей, Палестиной и Заиорданьемъ—создалось нѣчто вродѣ *entente cordiale*: восточная Аравія и караванный путь черезъ Иранское плато — Селевкидамъ (отсюда пышный ростъ Селевкии на Тигрѣ и Антиохіи на Оронтѣ съ ея гаванями на морѣ — Лаодикеей и Селевкией въ Піеріи), западный путь и африканская торговля — Птолемямъ (отсюда расцвѣтъ Александріи и созданіе ряда гаваней на арабскомъ и египетскомъ побережьи Краснаго моря).

Съ конца III в. до Р. Хр. и особенно во II и I в. в. до Р. Хр. обстоятельства вновь измѣнились. Селевкиды послѣ затяжной и кровавой борьбы принуждены были уйти изъ Ирана окончательно и даже уступить Месопотамію пареянамъ. Взамѣнъ этого они получили отъ безнадежно ослабѣвшихъ Птолемеевъ ихъ восточныя провинціи — Палестину и Финикію. Затяжная борьба Сиріи съ Пареіей подорвала наладившуюся было караванную торговлю черезъ Иранское плато и по берегамъ и водамъ Персидскаго залива. Захватъ Пареіей Месопотаміи нанесъ ей еще болѣе сильный ударъ. Госпожей этихъ путей стала Пареія, никогда не сдѣлавшаяся вполне упроченнымъ, упорядоченнымъ и централизованнымъ государствомъ и никогда не прекращавшая мечтать о захватѣ всей Сиріи. Война на Евфратѣ была поэтому эндемичной.

Не удивительно, что поздніе Селевкиды охладѣли къ старымъ путямъ черезъ Иранское плато и черезъ Персидскій заливъ и всячески старались эмансипироваться отъ Парейянъ и направить торговлю Индіи и Аравіи по новымъ путямъ, черезъ новыя свои владѣнія и новую сферу свое-

то влиянія, черезъ зап. Аравію и Заіорданье въ Палестину, Финикію и Сирію. Птолемямъ, чтобы спасти возможно большую часть своей индійской, арабской и африканской торговли оставалось одно — вліять на Петру и особенно направлять товары Индіи, Аравіи и Африки въ Александрію морскимъ путемъ — черезъ египетскіе порты Краснаго моря. Сѣверно-арабскій старый центръ караванной торговли Петра, не подчинившаяся Селевкидамъ и предпочитавшая имѣть дѣло со старымъ своимъ союзникомъ — Египтомъ отозвалась, какъ кажется, сразу на старанія позднихъ Птолемеевъ. Но этого было мало. Каждую минуту Петра могла попасть въ руки Селевкидовъ. Поэтому Птолемен и египетскіе купцы рѣшительно вступаютъ на почву морскихъ экспериментовъ: ищутъ дорогу въ Индію вокругъ Африки, пытаются добраться до Индіи, не останавливаясь въ портахъ Аравіи. Первое кончилось неудачей, второе привело къ открытію моусуновъ египетскими купцами, связавшему Египеть и Индію непосредственно. Но открытіе это, конечно, не убило и даже не ослабило караванной торговли. Верблюды все еще были болѣе надежны, чѣмъ корабли. Въ связи съ этимъ понятенъ и расцвѣтъ Босфорскаго царства въ эллинистическое время. Значительная часть торговли съ Средней Азіей и даже съ Индіей пошла теперь черезъ Туркестанъ къ сѣв. побережью Чернаго моря.

Въ это поздне-эллинистическое время и возникаютъ караванные города Заіорданья. Возникаютъ они, однако, не какъ караванные города, а какъ крѣпости, охранявшія восточную границу Палестины отъ разбойничьихъ Аммонитовъ и ихъ сосѣдей. Изъ заіорданскаго «десятиградія» одинъ или два города, можетъ быть, возникли еще до перехода Палестины въ руки Птолемеевъ. Но урбанизациі Заіорданья дѣло рукъ главнымъ образомъ первыхъ Птолемеевъ. Для охраны своихъ переднеазиатскихъ владѣній имъ нужно было создать сильную военную границу, опорными пунктами которой и были города Заіорданья. Пускать караванную торговлю по этому пути имъ не было расчета. Старый путь изъ Петры на Египеть былъ имъ болѣе по сердцу. Александрія Птолемямъ была дорожее гаваней Палестины и Финикіи. Заіорданье въ коммерческомъ отношеніи было важно для нихъ только какъ поставщикъ лошадей для ихъ арміи и рабовъ для ихъ огромнаго «домашняго» хозяйства. Это такъ ясно показала не-

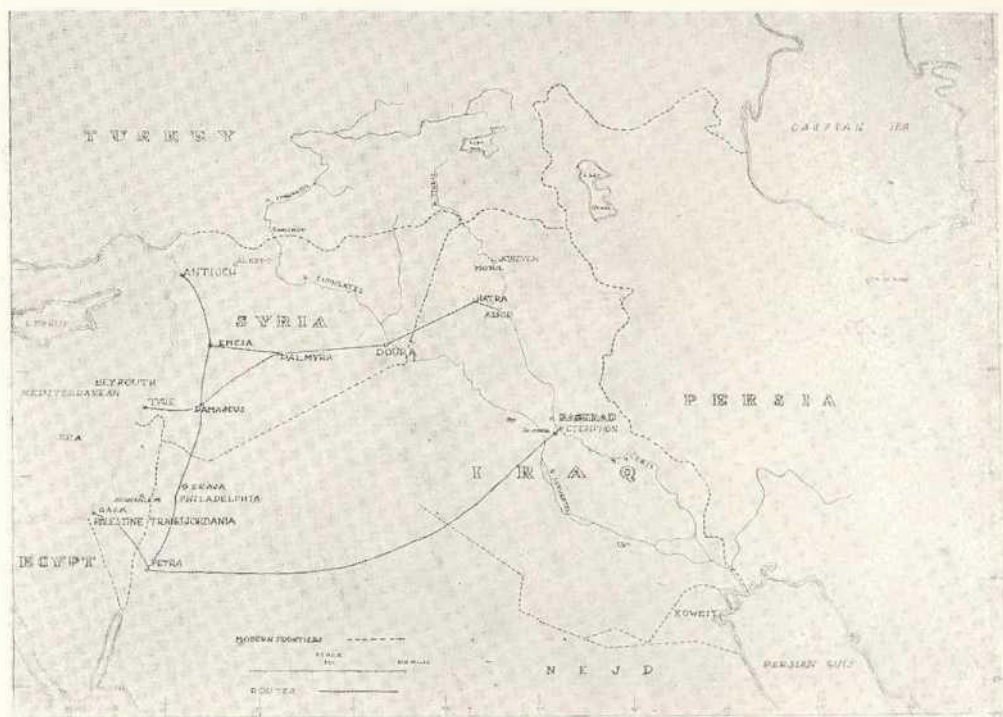
давно открытая въ Филадельфіи въ Египтѣ переписка агента министра финансовъ второго Птолемея Зенона съ своимъ хозяиномъ и своими коллегатами. Въ Заіорданьи этотъ дѣлецъ скупаеъ для себя и для хозяина лошадей и рабовъ и занимается ростовщичествомъ.

Когда Палестина, Финикія и Заіорданье перешли въ руки Селевкидовъ, въ ихъ интересахъ было не только охранить Заіорданскую границу, но и направить арабскую караванную торговлю черезъ свои военные колонны Заіорданья въ Палестину, Финикію и Сирію. Но многого они сдѣлать не могли. Петра осталась вѣрной Птолемеямъ и не пустила своихъ каравановъ черезъ Птоломеевскую Филадельфію (древній Рабатъ-Аммонъ, нынѣ Амманъ) и Герасенскую Антиохію (нынѣ Джерашъ), созданіе послѣдняго круиннаго Селевкида Антиоха IV Эпифана. Подчинить Петру поздніе Селевкиды не могли. Затяжная борьба съ Іудеей, поддержанной римлянами, не дала имъ возможности даже охранить созданные ими города, не то что обогатить ихъ, сдвинувъ въ ихъ сторону караванную торговлю Аравіи. Начало караванной карьеры городовъ Заіорданья, однако, было положено. Завершили дѣло поздніе Селевкидовъ ихъ преемники римляне.

Мы мало знаемъ о поздне-эллинистической эпохѣ на Ближнемъ Востоке и о постепенномъ упроченіи римлянъ въ Сиріи, Финикіи и Палестинѣ. Послѣ анархіи, царившей на Ближнемъ Востоке въ концѣ II-го и началѣ I-го в. до Р. Хр., Помпей, какъ извѣстно, взялъ въ руки римлянъ управление Сиріи съ Палестиной и Финикіей. Для караванной торговли это было началомъ новой эры. Рынкомъ ея теперь сдѣлался orbis Romanus: все Средиземноморье и прилегающія страны. Подъ вліяніемъ долгаго внѣшняго и внутренняго міра, начиная съ Августа, все росло и росло благосостояніе имперіи, а съ нимъ и спросъ на восточные товары. Вопросъ о торговлѣ съ Индіей и для римлянъ былъ вопросомъ первостепеннаго значенія. Въ наслѣдіе отъ эллинизма и Риму достался этотъ вопросъ въ его необычайно сложномъ и трудномъ видѣ. Соперничество державъ внутри западнаго цивилизованнаго міра отошло въ область преданія. Но и арабы и паряне остались. Арабы съ ихъ исконнымъ анархическимъ индивидуализмомъ, паряне — непобѣдимые и непобѣжденные западомъ.

Организацію восточной торговли Римъ унаслѣдовалъ отъ Селевкидовъ и Птолемеевъ. Арабовъ Августъ напу-

1. Карта караванных путей и городов Сиріи и Месопотаміи

2. Караванъ, входящій въ Алеппо

1. Скалы и ущелья Петры⁷ и фасадъ одной изъ болѣе позднихъ гробницъ

2. Фасады болѣе раннихъ и болѣе позднихъ гробницъ. На первомъ планѣ развалины города

галь своей экспедиціей въ Счастливую Аравію, хотя и неудачной, но импозантной. Отнынѣ египетскимъ купцамъ легче было наладить регулярныя посѣщенія Индіи по морю съ заходомъ въ случаѣ необходимости въ порты Аравіи.

Въ сѣверной Сиріи римляне продолжали не традицію Птолемеевъ, а традицію позднихъ Селевкидовъ. Имъ обхизаны города Заіорданья своей быстрой, головокружительно быстрой карьерой. Римляне для Заіорданья сдѣлали то, чего не въ силахъ были сдѣлать Селевкиды. Они заставили нынѣ вассальную имъ Петру двинуть свои караваны не только въ Египеть, но и въ Заіорданье, черезъ Амманъ и Босру, а затѣмъ далѣе на сѣверъ въ Дамаскъ и оттуда въ Финикію или Сирію. Египту остался морской путь и та часть каравановъ, которая предпочитала египетскій путь заіорданскому. У Рима очевидно не было желанія покровительствовать одной части имперіи въ ущербъ другой.

Сложнѣе обстоялъ вопросъ съ восточнымъ путемъ. Парөію Риму не удалось сломить, несмотря на рядъ усилий. Надо было идти на компромиссъ. По молчаливому, а можетъ быть и писанному соглашенію Парөія и Римъ создали въ пустынѣ между Евфратомъ и Дамаскомъ нейтральное государство съ центромъ въ Пальмирѣ, когда то незначительномъ поселеніи въ одномъ изъ оазисовъ пустыни, библейскомъ Тадморѣ. Сюда шли караваны съ низовьевъ Евфрата и съ Иранскаго плато черезъ сильную парөянскую крѣпость Дуру и отсюда они направлялись черезъ Дамаскъ, или Гамаѣ, или Эмесу въ Алеппо или города Финикіи и Сиріи. О сказочномъ ростѣ Пальмиры въ I в. по Р. Хр. и объ исторіи Дуры рѣчь будетъ ниже.

Новая эпоха въ жизни Аравіи и въ восточной торговлѣ начинается съ Флавіевъ и Траяна. Послѣ урока, даннаго Флавіями Палестинѣ (взятіе и разрушеніе Іерусалима), послѣ экспедиціи Траяна противъ Парөіи, кончившейся временной аннексіей Месопотаміи, престижъ Рима стоялъ высоко. Риму казалось, что не стоитъ продолжать идти по пути компромисса, дипломатіи и полумѣръ. Вассальныя Петра и Пальмира казались анахронизмомъ. Траянъ аннектировалъ Петру и натянулъ вожжи въ Пальмирѣ. Широкая строительная дѣятельность покрыла Сирію и сѣв. Аравію сѣтью превосходныхъ мощеныхъ дорогъ. Петра, Амманъ, Джерашъ, Босра связаны были съ большими цент-

рами торговли прямыми прочными дорогами. Даже черезъ дикую Леджу бѣжить она, прямая и ровная прямо къ воротамъ Пальмиры. Надолго, казалось, упрочены были Траяномъ и его преемниками торговые пути Аравіи. Послѣ Петра настала чередъ Пальмиры. И она сдѣлалась, по крайней мѣрѣ номинально, городомъ римской имперіи. На процвѣтаніи караванныхъ городовъ эта новая политика отразилась благопріятно. Второй и третій вѣкъ по Р. Хр. — время высшаго ихъ расцвѣта.

Но надвинулась смута третьяго вѣка — анархія и война внутри имперіи. Все замѣшалось въ Сиріи. вмѣсто Парѣянъ появилась новая возрожденная Сасанидская Персія и начался новый періодъ войнъ на Евфратѣ. Внутри Сиріи царить анархія. Появляется одинъ узурпаторъ за другимъ. Мѣстные шейхи осмѣлѣли и взялись вновь за привычный имъ грабежь. Торговля замираетъ и некому ее оживить и защитить. Римскіе легіоны уничтожали другъ друга и безсильны были въ борьбѣ съ персами и хищными сирійцами и арабами. На выручку приходятъ караванные города. Самый богатый и сильный, самый самостоятельный изъ нихъ, Пальмира, пытается объединить въ одномъ государствѣ всѣ караванные пути и всѣхъ носителей караванной торговли, пытается создать, на базѣ караванныхъ городовъ, караванную имперію. На короткое время это удалось сдѣлать. Съ именами Оденаѳа и Зиновіи, пальмирской царицы, связана эта политика и ея крахъ. Возрожденная римская имперія Авреліана и Діоклетіана не хотѣла и не могла отказаться отъ контроля востока. Пальмира пала. Въ исторіи древняго міра начался новый періодъ. Начало византійской эпохи.

Караванная торговля пережила этотъ кризисъ и эту перемѣну, но характеръ ея измѣнился. Пережили его и нѣкоторые караванные города, главнымъ образомъ Босра, можетъ быть, Амманъ. Но Джерашъ и Пальмира съ ея городами — дочерьми исчезли. Слѣдить за перипетіями восточной торговли и караванныхъ городовъ въ эпоху поздне-римскую и византійско-арабскую здѣсь не мѣсто. Это не моя эпоха и въ моихъ рукахъ нѣтъ достаточнаго матеріала. Пусть читатель возьметъ въ руки книги отца Lammen о Меккѣ и доисламской Аравіи вообще. Общую работу о торговлѣ этого періода готовитъ мой бывшій ученикъ профессоръ Гарвардскаго Университета R. P. Blake. Въ этихъ книгахъ читатель найдетъ нужное освѣдо-

мленіе. Для моей цѣли — исторіи караванныхъ городовъ въ эпоху расцвѣта античнаго міра, — достаточно сказаннаго. Руины, о которыхъ я буду говорить въ слѣдующихъ главахъ, начали быть руинами уже въ раннее византійское время.

II. Петра.

Когда я былъ въ первый разъ, 15 лѣтъ тому назадъ, въ Палестинѣ, откуда для современнаго туриста лежитъ путь къ Петру, Амману и Джерашу, посѣщеніе этихъ городовъ было дѣломъ труднымъ, сложнымъ, длиннымъ и дорогимъ — не посредствомъ молодому профессору Петербургскаго Университета. Надо было снаряжать караванъ, добывать охрану, получать отъ турокъ ирадэ. Въ новой Палестинѣ все это измѣнилось. Появились англичане и съ ними, какъ когда то съ римлянами, порядокъ и безопасность, хорошія дороги и новые способы передвиженія. Автомобиль упразднилъ верблюда и мѣсто ирадэ Султана, каваса соотвѣтственнаго посольства и турецкихъ запліе заняли ticket Кука, его болтливый гидъ и жандармы новаго правительства Заіорданскаго эмира. Въ Амманѣ появилась сравнительно чистая гостиница, предстоить открытіе такой же въ Джерашѣ, а въ долину Петры раскинулся лагерь-гостиница Кука со спальнями въ палаткахъ и пещерныхъ гробницахъ и домахъ древней Петры и съ роскошной палаткой столовой. Потянулись и туристы, и отнынѣ посѣтители Джераша и Петры считаются уже не единицами, какъ раньше, а десятками и сотнями. Скоро ихъ будутъ тысячи.

Новыя правительства Палестины и Заіорданья этому туристическому развитію Заіорданья всячески содѣйствуютъ. Населеніе относится ни враждебно, ни дружественно черкесы городовъ, выходцы изъ Россіи, поселенцы въ Заіорданьи Абдуль-Гамидомъ, и новые поселенцы — евреи изъ Палестины и левантинцы радуются возможности законно ограбить иностранца и продать ему то немногое, что производитъ страна, въ особенности мелкія древности. Бедуины пустыни косятся и не прочь пограбить, что и дѣлаютъ отъ времени до времени. Но обходится имъ это дорого. По дорогѣ въ Петру въ Маанѣ — въ пустынѣ раскинулся лагерь новаго Заіорданскаго легіона, организованнаго англичанами, и выросли авіаціонные бараки и

сарай для бронированныхъ автомобилей. Кавалеристы этой военной силы — на лошадахъ и верблюдахъ, какъ когда то при римлянахъ (верблюжья кавалерія называется теперь впрочемъ не дромедаріями, какъ при римлянахъ, а мэаристами), бронированные автомобили и аэропланы всегда готовы налетѣть на бедуиновъ пустыни и дорогъ заставить ихъ заплатить за ихъ набѣги и похищеніе иностранцевъ и иностранокъ. Шансы американской дѣвицы или дамы быть похищенной арабскимъ шейхомъ свелись почти къ нулю. Надо довольствоваться романтическимъ приключеніями въ палаткахъ Петры съ изящными офицерами заіорданскаго легіона.

Прозаическимъ Кукомъ воспользовались и мы съ женой для посѣщенія Аммана, Джераша и Петры. Стоило это дорого, но другихъ способовъ основательно осмотрѣть Петру нѣтъ. Для Аммана и Джераша, безъ Петры, Кукъ не необходимъ. Обратитесь въ бюро палестинскихъ еврейскихъ шофферовъ въ Іерусалимѣ, молодую и живую организацию молодыхъ евреевъ-сіонистовъ, выходящихъ изъ Россіи, и вы проѣдете въ Амманъ и Джерашъ и дешево, и сердито. Итакъ послѣ нѣсколькихъ дней въ Палестинѣ мы двинулись въ Заіорданье.

О Палестинѣ мнѣ не хотѣлось бы говорить: ни о современной, ни о древней. О современной потому, что я ее видѣлъ мало и не хотѣлъ бы высказывать скороспѣлыхъ сужденій на манеръ посѣтителей большевицкой Россіи. Сдѣлано въ Палестинѣ много и работа идетъ споро. Но что изъ этого надо отнести за счетъ политической работы англичанъ и благотворительности американскихъ сіонистовъ, что приписать энтузіазму и работоспособности новыхъ поселенцевъ евреевъ, я не въ силахъ сказать. Не могу высказаться и объ отношеніяхъ между евреями и арабами. Можетъ быть они когда нибудь и наладятся при содѣйствіи англичанъ и настанетъ когда нибудь прочная *entente cordiale*. Но арабски я не говорю и голоса арабовъ не слышалъ. Третій элементъ — христіане Палестины недовольны и жалуется. Политически они — *quantité négligeable* и англичане ихъ игнорируютъ. Они, конечно, ропщутъ. Но не очень громко. И по существу довольны. Паломниковъ много и средства плывутъ широкой рѣкой ко всѣмъ, кромѣ православныхъ. О нихъ и особенно о русскихъ лучше не говорить. Кто видѣлъ въ свое время работу палестинскаго общества и пользовался его госте-

примствомъ, тотъ можетъ только съ горечью констатировать, какъ и здѣсь большевики разрушили большое и полезное дѣло. Русскихъ паломниковъ нѣтъ и русскія церкви разрушаются, а русскія школы исчезли. Кое-какіе монахи и божьи старушки кормятся милостью англичанъ. И это при миллионномъ все еще имуществѣ, миллионномъ, но бездоходномъ. О когда-то блестящихъ археологическихъ работахъ Палестинскаго общества, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Превосходный музей, созданный усилиями арх. Антонина находится подъ ключемъ. Доступа къ нему я не получилъ. Надо надѣяться, что всѣ вещи въ сохранности. А цѣнныхъ вещей тамъ было много.

Не говорю и о древней Палестинѣ, о работѣ археологовъ. Дѣлается много, особенно американцами. Бейсанъ (Скиѳополисъ) и гордая Мегиддо, ключъ къ Палестинѣ и Сиріи въ древности, мѣсто не одной большой битвы, раскапываются систематически, съ большими затратами, и находки въ нихъ интересны. Скоро вмѣсто скромнаго археологическаго музея Палестины, уже теперь богатаго интереснѣйшими памятниками, вырастетъ новое роскошное зданіе на средства Рокфеллера. Но къ палестинской археологіи я холоденъ. Понимаю, какъ важны раскопки для исторической критики Библии (не Новаго Завѣта; для него археологія даетъ только фонъ; по существу даже для топографіи Евангелій археологія не дала и не можетъ дать ничего существеннаго). Знаю, какъ цѣнны новыя данныя о доизраильскомъ періодѣ Палестины, о его религіи, о его культурѣ, о его зависимости отъ Египта и отъ Вавилоніи. Но, признаюсь, отношусь ко всему этому почти равнодушно. Бѣдна и сѣра археологія Палестины. Въ религіи и литературѣ Палестина — творецъ, въ области артистической дѣятельности и матеріальной культуры — нищій, живущій подаяніями истинно творческихъ націй.

Палестина изстари излюблена была археологами. Уже Константинъ и Елена и вѣроятно многие до нихъ были археологами и дѣлали раскопки. Заіорданье — страна для археологовъ новая. Раскопки тамъ до самаго послѣдняго времени не дѣлались, да и копать тамъ при существующихъ условіяхъ было невозможно. Въ Петрѣ и сейчасъ раскопки организовать нелегко. Только въ послѣдній годъ послѣ моего пребыванія создано особое общество для археологическаго разслѣдованія Петры, которое, насколько мнѣ извѣстно, уже приступило къ рабо-

тѣ. Каковы результаты перваго сезона, я еще не знаю, но результаты будутъ и результаты огромной важности. Въ Джерашѣ и Амманѣ работы начались уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Началась и для нихъ эра подземной работы, а не надземнаго собиранія, въ которомъ сыгралъ такую крупную роль нашъ соотечественникъ кн. Абамелекъ-Лазаровъ и его сотрудникъ Романъ Христіановичъ Леперъ. Въ Амманѣ копалъ итальянскій ученый Гвиди, высоко въ цитадели, гдѣ ему удалось открыть интереснѣйшіе памятники, свидѣтельствующіе о кратковременномъ владычествѣ персовъ-сасанидовъ. Теперь тамъ копаютъ другой итальянскій ученый, бывший завѣдующій раскопками въ Триполи. Въ Амманѣ впрочемъ копать трудно. Новый городъ, быстро выростающій изъ скромной черкесской деревни въ грязную, но большую столицу Заіорданья, занялъ мѣсто древняго, и мало надежды на то, чтобы когда нибудь была раскопана его главная улица — дорога каравановъ съ портиками, общественными зданіями, триумфальными арками и т. д., частью бѣжавшая по сводамъ, покрывшимъ ложе рѣки, его главный храмъ и другія мѣста культа, его бани (еще частью сохранившіяся) и караванъ-сарай. И только одиноко высятся надъ рѣкой могучія руины почти цѣлаго театра, свидѣтельствующія о томъ, какъ богатъ и великъ былъ древній городъ римскаго времени и какъ много нужно еще сдѣлать современному, чтобы хотя бы отдаленно приблизиться къ старой Филадельфій.

Иное дѣло — Петра и Джерашъ. Въ Петрѣ на мѣстѣ древняго города не живетъ никто. Жалкія поселенія бедуиновъ заняли часть гробницъ обширнаго некрополя Петры. Руины города не населены. Въ Джерашѣ новая Абдуль-Гамидская черкесская деревня заняла только зарѣчную бѣдную часть древняго города. Вся центральная часть города, со всѣми общественными зданіями и главной улицей — хаосъ поразительныхъ, единственныхъ въ мірѣ руинъ, съ которыми можетъ соперничать только Пальмира на востокѣ и, пожалуй, ни одинъ античный городъ на Западѣ, даже города сѣверной Африки.

Много писано о Петрѣ и не хочется повторять то, что другими уже сказано. Петра — настоящая сказка изъ тысячи и одной ночи. Когда съ высоты окружающихъ Петру спускаешься въ долину рѣки, прорвавшей себѣ путь черезъ Петрейскія темно-красныя скалы, кажется съ высоты, что Петра это большой причудливый наростъ, кусокъ

красно-лиловаго дикаго мяса, свѣщій между золотомъ пустыни и зеленою холмовъ, съ которыхъ мы смотрѣли на Петру. Зрѣлище фантастическое. Еще фантастичнѣе становится оно, когда лошади и мулы медленно проходятъ въ ущелье, прорытое рѣвкой, и когда направо и налево отъ васъ идутъ высь пестрые — красные, оранжевые, лиловые, сѣрые, зеленые пласты все суживающихся скалистыхъ стѣнъ ущелья. Дико и красочно; свѣтъ и тѣнь; свѣтъ ослѣпляющій, тѣни — черныя. И только отъ времени и до времени — алтарь въ нишѣ одной изъ почти отвѣсныхъ стѣнъ ущелья, или фасадъ гробницы-башни съ зубцами, высѣченный въ скалѣ, показываютъ, что это ущелье вѣками служило людямъ большой дорогой, по которой шагали верблюды, ослы и лошади, тянулись купцы-бедуины, ощущавшіе какъ и мы, если не прелесть, то ужасъ и тайну ущелья. Тянется нашъ караванъ черезъ ущелье и кажется нѣтъ ему конца. И вдругъ поворотъ и изъ-за угла — видѣнье: розово-оранжевый блестящій на солнцѣ фасадъ храма, гробницы, кто знаетъ. Изящныя колонны, причудливыя арки, соединяющія колонны и покрывающія ниши, статуи въ нишахъ. Все это въ какомъ то новомъ, неожиданномъ для человѣка, знакомаго съ античностью въ ея классическомъ аспектѣ, стилѣ. Какъ будто встала передъ вами грандіозная декорація античнаго, но уже эллинистическаго театра, какъ будто высѣчена въ скалѣ часть стѣнной росписи Помпей, не четвертаго, а второго стиля. Но эти параллели мало у кого въ умѣ. То, что бросается въ глаза каждому образованному человѣку — это другія параллели: павильоны парковъ и дворцовъ эпохи барокко и рококо, ниши стѣнъ дворцовъ, фасады домовъ и церквей этого періода. Что это? Храмъ или гробница? Какого времени?

На всѣ эти вопросы положительнаго отвѣта ученые не даютъ. Храмомъ Изиды зовутъ это зданіе обычно. Думаю, что неправильно. Храмъ то это храмъ, а не гробница. Въ этомъ и я увѣренъ. Но храмъ не египетской Изиды и ея спутниковъ, а мѣстныхъ божествъ: Тихи, Фортуны, генія города Петры, эллинистическаго претворенія иранскаго Хварено и семитической Гадъ и въ то-же время великой богини петрейскихъ арабовъ — богини луны, и такого же эллинистическаго претворенія двухъ ея спутниковъ, двухъ всадниковъ, для грековъ Диоскуровъ — звѣздъ небосклона — руководителей грековъ въ ихъ пла-

ваніяхъ по морю, для петрейскихъ же арабовъ — тѣхъ божественныхъ звѣздъ, которыя вѣрно указывали имъ путь въ темной пустынѣ, путь къ водѣ и наживѣ, путь на чужбину и путь съ чужбины домой. А время? И здѣсь я думаю, что не правы тѣ, кто говоритъ о II или III вѣкахъ по Р. Хр. Стиль такъ нѣженъ и изященъ, орнаменты такъ граціозны и такъ полны жизни, параллели со вторымъ помпеянскимъ стилемъ такъ очевидны, что для меня нѣтъ сомнѣній: созданъ былъ храмъ художниками эллинистическаго, вѣроятно, поздне-эллинистическаго времени.

Отъ этого храма ущелье оживаетъ — оживаетъ рядомъ фасадовъ домовъ мертвыхъ. Гробница за гробницей покрываютъ своими фасадами стѣны скалы ущелья. Передъ нами то колоссальныя башни-алтари съ причудливыми зубцами ассирійскаго типа, почти свободно стоящіе на фонѣ скалы; то мелкіе и крупныя фасады того же типа въ низкомъ и высокомъ рельефѣ. И рядомъ съ этой мѣстной формой эллинистическіе фасады съ портиками и колоннами, съ мѣстными и греческими капителями и орнаментами и греческими статуями, въ одинъ, два, три этажа. Цѣлый фантастическій городъ мертвыхъ — некрополь, или лучше фантастическая декорация сцены какого то огромнаго сказочнаго театра. Ущелье все расширяется. Вотъ часть старыхъ гробничныхъ фасадовъ разрушилъ встроенный въ скалу изящный театръ съ лестницами врѣзанными въ скалу ступенями. Вотъ направо — стѣна вся покрытая самыми фантастическими эллинистически-петрейскими фасадами гробницъ — самыми знаменитыми фасадами Петра, всѣмъ извѣстными по репродукціямъ и по кинематографу. И наконецъ, котловина, въ долину рѣки, гдѣ выстроили себѣ городъ петрейскіе купцы, городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалами, съ тысячами гробницъ, врѣзанныхъ въ нихъ.

Для туриста Петра не только городъ гробницъ, но и городъ, окруженный горными святилищами. Они сохранились хорошо и повсюду. Отъ города живыхъ и черезъ окружающее его кольцо города мертвыхъ тянутся крутыя тропы, подчасъ превращающіяся въ ступени, къ вершинамъ горъ, гдѣ издревле мѣстные бедуины почитали своихъ боговъ, не въ храмахъ, какъ ихъ эллинизированные потомки въ новомъ городѣ утонченныхъ огречившихся купцовъ, а подъ открытымъ небомъ. И боги стояли здѣсь и ждали культа не въ формѣ людей, а въ формѣ

бетилонъ - фаллическихъ обелисковъ и черныхъ метеоровъ, упавшихъ съ неба. Кровавыя жертвоприношенія этимъ богамъ совершались въ горныхъ святилищахъ на грубыхъ высѣченныхъ въ скалѣ алтаряхъ — прототипахъ надгробныхъ памятниковъ. Не одни кочевые, полудикіе племена, кланы и семьи арабовъ почитали боговъ на этихъ площадкахъ и алтаряхъ. Тянулись къ нимъ изъ города по священнымъ тропамъ и городскіе жители. Храмы города были ихъ данью модѣ. Настоящую молитву они творили тамъ, на верхушкахъ горъ, такъ близко отъ дарителя жизни вѣчнаго Солнца, утопая въ лучахъ его, или ночью въ таинственномъ единеніи съ великой магической богиней — серебристой луной.

Новое видѣніе! Изъ расщелины скалы струится потокъ, потокъ живительной и животворящей воды. И тутъ, конечно, вырастаетъ святилище. Въ пещерѣ, подъ навѣсомъ скалы, въ таинственномъ свѣжестъ полумракѣ. И къ этимъ святилищамъ тянутся священныя тропы и къ нимъ шли паломники -- полить живой воды за скромной трапезой въ пещерѣ, превращенной въ столовую.

Гробницы и горныя святилища! Но былъ и городъ живыхъ такой же, какъ Мекка времени до Магомета, какъ Джерашъ и Амманъ, какъ Пальмира. Караванный городъ. Городъ богатыхъ и изворотливыхъ купцовъ. Но городъ причудливый и своеобразный въ своемъ кольцѣ красныхъ скалъ. Отъ него мало сохранилось, но планировка ясна. Недавно, впервые одному изъ нѣмецкихъ археологовъ, директору Берлинскаго Музея классическихъ древностей Виганду, удалось, во время войны, набросать первый научный планъ этого города. Ось города — центральная улица по рѣкѣ, частью перекрытой сводами. По одну сторону, на террасахъ храмы и общественныя зданія, по другую — вѣроятно, дворецъ царя Петрейскихъ Набатейцевъ и частныя дома купцовъ. Черезъ улицу перекинута такъ наз. триумфальная арка, остатки которой стоятъ и по сей день. Главное мѣсто среди общественныхъ зданій занимаютъ рынки, караванъ-сарай, гдѣ ревели разгружаемые верблюды, гдѣ заключались сдѣлки, гдѣ сновали банкиры, кушцы-перекупщики и ихъ агенты, гдѣ сверкали и передавались изъ рукъ въ руки золото и драгоценныя камни, гдѣ сладкимъ пахло отъ пряной корицы и тмина и гдѣ благоухали виміамы и другіе пахучіе листья и корни Аравіи и Индіи.

Нигдѣ, даже въ Пальмирѣ и Джерашѣ такъ ясно не чувствуешь бѣнія пульса торговой, караванной жизни, какъ въ Петрѣ. Нигдѣ не ощущаешь такъ близко, такъ непосредственно того соединенія горячей вѣры бедуина пустыни, руководителя каравановъ, съ лихорадочной жизнью купцовъ-спекулянтовъ, этого причудливаго соединенія, которое создало Магомета и великую его религію и имперію. Въ Меккѣ я не былъ. Но Петра — та-же Мекка, и здѣсь въ Петрѣ я впервые понялъ, откуда у арабовъ Магомета появились тѣ черты, которыя позволили имъ создать міровую религію и міровую имперію, осуществить то, что когда то осуществили Сумерійцы и Вавилоняне и чего никогда не удалось осуществить евреямъ, въ ранней ихъ исторіи слишкомъ близко связанными съ одной страной, слишкомъ крѣпкими одной землѣ, слишкомъ исключительными и по существу недостаточно гибкими и многогранными. Всякому, кто хочетъ понять роль семитовъ въ исторіи религіи, культуры и государственности я могу посовѣтовать одно. Поѣзжайте въ Петру, проведите нѣсколько ночей въ этой фантастической котловинѣ, послушайте воя шакаловъ по ночамъ, совершите паломничество къ горнымъ святилищамъ, прислушайтесь къ жизни петрейцевъ, отраженной ихъ скалами и гробницами, жизни, отзвучавшей навсегда.

М. И. Ростовцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Пути англійскаго социализма

I.

Одинъ изъ популярнѣйшихъ депутатовъ Рабочей Партіи, Джекъ Джойнсъ, рассказывалъ на избирательномъ собраніи:

«Когда мы приступили къ организаціи Рабочей Партіи, я устроилъ митингъ у скрещенія двухъ улицъ. Мою аудиторию составляли: двое мужчинъ, одинъ мальчишка и одна собака. Мужчины были явными дурнями. Мальчишка издѣвался надъ ними и надо мною. Самымъ разумнымъ слушателемъ и притомъ приличнаго поведенія была собака».

30 лѣтъ спустя послѣ этого, мало обнадежившаго, почина Рабочая Партія на выборахъ 30-го мая 1929 г. собираетъ 8.337.407 голосовъ, проводитъ въ парламентъ 289 депутатовъ и становится единолично у власти въ величайшей имперіи міра. Главой исполнительной власти назначается Макдональдъ — человекъ, который 12 лѣтъ тому назадъ преслѣдовался, какъ «врагъ отечества», которому не давали на митингахъ говорить, котораго осыпали грубой бранью и недвусмысленными угрозами.

Если современному социализму еще нужно какое нибудь «ошеломляющее» доказательство его неперемолвимой исторической силы и его великаго настоящаго и будущаго, то въ этомъ стремительномъ и гигантскомъ ростѣ англійской Рабочей Партіи такое доказательство имѣется на лицо.

Я не собираюсь занимать вниманіе читателей исторіей возникновенія и развитія Рабочей Партіи за послѣдніе 30 лѣтъ. Но нѣсколько фактовъ изъ совсѣмъ недавняго прошлаго англійскаго социализма облегчатъ намъ пониманіе его сегодняшняго дня.

Въ 1892 году съ величайшимъ трудомъ удается провести въ палату трехъ представителей рабочихъ, числящихся «независимыми» въ отличіе отъ рабочихъ депутатовъ, цѣлкомъ идущихъ въ упряжкѣ либеральной партіи. Двое

изъ этихъ «независимыхъ» депутатовъ очень скоро добровольно впрягаются въ ту же либеральную упряжку. Третій изъ нихъ, одинъ изъ основателей Независимой Рабочей Партіи — Кэйръ-Гарди — въ единственномъ числѣ «представляетъ» англійскій рабочій классъ, не имѣя никакого прямого мандата на это. Но и этотъ единственный проваливается на слѣдующихъ выборахъ 1895 г. Кэйръ-Гарди съ маленькой кучкой своихъ друзей ведетъ отчаянную въ буквальномъ смыслѣ этого слова кампанію противъ аристократіи трэдъ-юніоновъ за ихъ политику подчиненія рабочаго класса интересамъ либеральной партіи. Кэйръ-Гарди отстаиваетъ необходимость независимаго политическаго дѣйствія англійскаго пролетаріата подъ знаменемъ социализма. Въ отвѣтъ на эту агитацію раздаются обвиненія трогательнаго Кэйръ-Гарди и его товарищей въ политическомъ карьеризмѣ, въ рекламѣ и въ желаніи подъ маской идей устроить свои личныя дѣла. Борьба принимаетъ страстный характеръ и лишь въ 1899 году конгрессъ трэдъ-юніоновъ принимаетъ постановленіе о выставленіи самостоятельныхъ рабочихъ кандидатуръ въ союзѣ съ существовавшими социалистическими организаціями: Независимой Рабочей Партіей, которая «партіей» называлась совершенно всуе, Обществомъ Фабіанцевъ, организаціей не политическаго дѣйствія, а социальнаго изученія, и Соціально-Демократической Федерацией — узко-сектантской группой, претендовавшей представлять въ Англійи марксизмъ и представлявшей въ дѣйствительности прискорбную карикатуру на него въ томъ именно направленіи, какое больше всего огорчало Маркса при его жизни. Рѣшеніе конгресса 1899 года ограничивало задачу чрезвычайно скромными рамками. Рѣчь шла отнюдь не о созданіи самостоятельной рабочей партіи и тѣмъ менѣе о созданіи партіи социалистической, сколько объ организаціи «Комитета Рабочаго Представительства» въ парламентѣ. То, что мы теперь называемъ Рабочей Партіей было формально основано только въ 1906 году передъ выборами и по случаю предстоящихъ выборовъ.

Комитетъ Рабочаго Представительства, отъ котораго и ведетъ свое раннее начало Рабочая Партія, былъ основанъ только въ 1900 году и ужъ очень скорѣ изъ него выходитъ Соц. Дем. Федерациія, недовольная отказомъ Комитета принять социалистическую платформу. Въ томъ же году Комитетъ приступаетъ къ дѣйствию. Онъ выставяетъ 15 сво-

ихъ кандидатуръ, собирающихъ всего 62.698 голосовъ. Въ парламентъ проходятъ всего двое. Въ странѣ, пролетаризованная часть населенія которой доходитъ до 80 проц., гдѣ въ трэдъ-юніонахъ объединено къ тому времени до 2-хъ милліоновъ рабочихъ — въ такой странѣ находится всего 62,7 тысячъ избирателей, рѣшающихъ отдасть свои голоса за кандидатовъ рабочей организаціи, ставящей себя болѣе чѣмъ скромныя цѣли и рѣшительно отвергающей всѣ, могущія кого либо напугать, «чарованія красныхъ вымысловъ».

Итакъ, 30 лѣтъ тому назадъ въ Англии не было еще не только Рабочей Партіи въ томъ смыслѣ, какъ мы это видимъ сейчасъ, но не было еще вообще никакой рабочей партіи, какъ самостоятельной классовой организаціи англійскаго пролетаріата. Еще въ 1907 году обстановка для самостоятельной политической акціи рабочаго класса настолько еще неопредѣленна, что палата лордовъ въ качествѣ верховной юридической инстанціи выноситъ постановленіе, признающее противорѣчащимъ закону участіе трэдъ-юніоновъ въ политической борьбѣ. Этимъ формально подрывается вся основа независимаго парламентскаго представительства рабочаго класса, потому что безъ силъ и средствъ трэдъ-юніоновъ такое представительство становится почти невозможнымъ по причинамъ чисто финансовымъ и организаціоннымъ. И это постановленіе палаты лордовъ сохраняетъ свою силу до 1913 г., когда специальнымъ актомъ, получающимъ силу закона, права трэдъ-юніоновъ на политическую дѣятельность съ известными ограниченіями вновь легализуются. Значить еще 16 - 17 лѣтъ тому назадъ самое существо и основной двигатель въ развитіи политической силы англійской Рабочей Партіи — политическая дѣятельность трэдъ-юніоновъ — стояли по меньшей мѣрѣ подъ сомнѣніемъ въ сознаніи буржуазныхъ классовъ Англии, которымъ тогда принадлежала вся власть въ странѣ.

Но уже въ самые послѣдніе годы, послѣ того какъ Рабочая Партія уже стояла короткое время у власти, консервативное правительство Болдвина рѣшилось на мѣру, опять подрывавшую основу англійской Рабочей Партіи. До 1 января 1928 г. всякій членъ трэдъ-юніоновъ, входившихъ въ составъ Рабочей Партіи, автоматически и одновременно становился и членомъ Рабочей Партіи, если только не было съ его стороны специальной оговорки о своемъ не же-

лани платити добавочный взносъ въ политическій фондъ. Съ 1 января 1928 г. реакціонный законъ, проведенный консервативнымъ большинствомъ палаты, создалъ радикально иное положеніе. Отнынѣ отъ каждаго члена трэдъ-юніоновъ, включенныхъ въ Рабочую Партію, требовалось специальное положительное указаніе о его желаніи состоять членомъ Рабочей Партіи и вносить «политическій» добавочный взносъ. Кромѣ того былъ искусственно отщепленъ отъ конгресса трэдъ-юніоновъ союзъ государственныхъ служащихъ съ 137.500 членами, изъ которыхъ большинство состояло одновременно и въ Рабочей Партіи. По исчисленіямъ наиболѣе авторитетнаго изслѣдователя духа, строенія и дѣятельности Англійской Рабочей Партіи, Эгонъ Вэртгеймера *), все это реакціонное озлобленіе правительства Болдвина привело къ потерѣ Рабочей Партіей до 40% ея членовъ, состоявшихъ въ концѣ 1927 г. въ трэдъ-юніонахъ. Такихъ къ этому времени было 3.238.939 человекъ и слѣдовательно въ результатѣ мѣропріятій консервативнаго кабинета число членовъ Рабочей Партіи упало примѣрно до 1,9 — 2 милліоновъ человекъ. Примѣрно 1,3 милліона человекъ перестали питать финансовый фондъ партіи.

И непосредственно послѣ такого грандіознаго кровопусканія Рабочая Партія выходитъ на избирательную битву и возвращается изъ нея съ небывалымъ триумфомъ: по сравненію съ выборами 1924 года Рабочая Партія пріобрѣтаетъ около 3-хъ милліоновъ новыхъ голосовъ, выигрываетъ 138 новыхъ мандатовъ и беретъ въ свои руки управленіе Британской Имперіей. На этомъ пунктѣ пока останавливается краткая исторія развитія политической мощи англійскаго пролетаріата, начавшаяся всего 30 лѣтъ назадъ скромной попыткой, великое историческое значеніе которой меньше всего оцѣнивалось тѣми, кто ее предпринялъ...

---

*) Egon Wertheimer «Das Antlitz der Britischen Arbeiterpartei» Dietz Berlin 1929. Въ дальнѣйшемъ я часто буду пользоваться матеріаломъ этой во всѣхъ отношеніяхъ выдающейся работы. Данныя соціальной и политической статистики, встрѣчающіяся въ предлагаемой статьѣ, взяты мною преимущественно изъ работы В. Войтинскаго «Die Welt in Zahlen» и изъ его новой книги «Силы современного социализма», вышедшей въ 1929 г. въ «Библиотекѣ Демократическаго Соціализма», редактируемой А. Н. Потресовымъ.

II.

Я говорилъ выше объ «ошеломляющей» сторонѣ въ побѣдѣ и въ развитіи Рабочей Партіи. Но «ошеломляющая» сторона не всегда является самой убѣдительною стороною. Для этого нужно болѣе пристально и детально рассмотреть набросанную выше въ общихъ чертахъ вдохновляющую социальную демократію всего міра картину. Обратимся къ развитію Рабочей Партіи, какъ оно выразилось въ цифрахъ избирательной статистики.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ РОСТЪ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ ЗА 1900 - 1929 Г. Г.

Годъ выборовъ	Выдвинуто кандидатовъ	Изъ число избранныхъ	Собрано голосовъ	Больше (б) меньше (м) голосовъ
1900	15	2	62.700	—
1906	50	29	323.200	220.500 б
1910 янв.	78	40	505.700	182.500 б
1910 дек.	56	42	370.800	134.900 м
1918	361	57	2.245.000	1.874.200 б
1922	414	147	4.241.400	1.996.400 б
1923	427	191	4.438.500	197.100 б
1924	514	151	5.489.100	1.050.600 б
1929	587	289	8.337.400	2.848.300 б

За однимъ исключеніемъ въ каждой изъ колонокъ этой таблицы передъ нами картина безостановочнаго и быстрого роста Рабочей Партіи. Отъ выборовъ къ выборамъ число избирателей, голосующихъ за партію рабочаго класса, постоянно увеличивается. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ абсолютными числами, не отражающими измѣненія во времени соотношеній различныхъ политическихъ силъ въ странѣ, борющихся между собою. Значеніе абсолютнаго роста числа голосовъ Рабочей Партіи уменьшается въ связи съ тѣмъ, что за указанные годы Англія пережила двѣ избирательныя реформы, значительно расширившія кругъ избирателей въ странѣ. Въ 1900 году избирательный корпусъ состоялъ изъ 6.733.000 человѣкъ, а въ 1928 г. уже изъ 21.392.000 чел. Пониженіе возрастнаго ценза женщинъ-избирательницъ до возрастнаго избирательнаго ценза мужчинъ, проведенное послѣднимъ кабинетомъ Болдвина, опять увеличило избирательный корпусъ болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ человѣкъ. При такихъ условіяхъ ростъ

абсолютнаго числа голосовъ, полученныхъ Рабочей Партіей, еще недостаточное свидѣтельство о ростѣ ея политическаго вѣса въ странѣ.

Число мѣстъ въ парламентѣ остается постояннымъ (615) и поэтому ростъ числа мандатовъ Рабочей Партіи обладаетъ весьма внушительной доказательностью. Но парадоксальныя особенности избирательной системы Англии (о чемъ я буду говорить ниже) таковы, что данная партія можетъ потерять значительное число мандатовъ въ итогѣ выборовъ, которые ей же дали значительный приростъ голосовъ. Возможны и обратные парадоксы! Поэтому и ростъ числа мандатовъ самъ по себѣ еще не даетъ окончательнаго и безспорнаго показанія о ростѣ удѣльной силы данной партіи въ странѣ. Фактъ таковъ, что въ 1924 году Рабочая Партія при томъ же составѣ избирательнаго корпуса, что и на выборахъ 1923 г. выиграла болѣе милліона новыхъ голосовъ, но потеряла 40 мандатовъ.

Поэтому въ приведенной выше таблицѣ, пожалуй, наиболѣе характернымъ являются данныя о числѣ выставленныхъ кандидатовъ. При чрезвычайныхъ расходахъ, связанныхъ въ Англии съ веденіемъ избирательной кампаніи, число выставленныхъ кандидатовъ свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ объ упроченіи финансовой почвы подъ данной партіей. А такъ какъ Рабочая Партія не имѣетъ такихъ сомнительныхъ финансовыхъ источниковъ, какъ либеральная, огромные фонды которой составились при помощи продажи Ллойдъ-Джорджемъ всякаго рода баронскихъ и иныхъ аристократическихъ титуловъ и званій падкимъ на это нуворишамъ, то ростъ числа кандидатовъ, выставленныхъ Рабочей Партіей, является важнымъ показателемъ того, что силы ея крѣпли и она находитъ возможнымъ все болѣе и болѣе расширять поле политической битвы, втягивая въ нее все болѣе и болѣе грандіозныя массы.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что наше, континентальное, критическое отношеніе къ абсолютному числу рабочихъ депутатовъ, прошедшихъ въ парламентъ, — отношеніе, воспитанное на практикѣ пропорціональныхъ выборовъ, совершенно чуждо сознанию преобладающей массы англійскихъ избирателей. Для того, островнаго политическаго сознанія, фактъ неизмѣнно увеличивающагося числа депутатовъ Рабочей Партіи имѣетъ рѣшающее значеніе для положительной оцѣнки ея настоящаго и будущаго. Мы на континентѣ привыкли видѣть парламентъ въ зеркалѣ

страны, а тамъ въ Англии въ теченіе столѣтій привыкли видѣть страну въ зеркалѣ парламента. Поэтому, если парламентъ говоритъ странѣ: вотъ Рабочая Партія, имѣвшая въ 1900 году всего двухъ депутатовъ, нынѣ входитъ въ мои чертоги въ составѣ 289 депутатовъ — то это свидѣтельство парламента является для страны не только необходимымъ, но и совершенно достаточнымъ, чтобы ставить именно на эту лошадь. Для Англии вполне нормально и легко усваивается сознаніемъ положеніе, которое намъ кажется социологической безсмыслицей: не потому партія попадаетъ въ большомъ числѣ въ парламентъ, что она сильна, а потому она сильна, что попадаетъ въ большомъ числѣ въ парламентъ. Мы тутъ руководствуемся принципомъ: не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ красить мѣсто. Въ Англии живую политически творческую силу имѣетъ обратное положеніе: не человѣкъ красить мѣсто, а мѣсто красить человѣка. Но нѣтъ въ странѣ «мѣста», которое больше бы красило человѣка, партію, чѣмъ парламентъ. Вѣками воспитанное, въ безчисленныхъ бояхъ закаленное чувство уваженія къ парламенту, принимающее почти мистическую форму преклоненія передъ чѣмъ то всемогущимъ и всеблагимъ, достаточно объясняетъ намъ этотъ своего рода парламенто-центризмъ въ политическомъ міросозерцаніи англійской демократіи. Отсюда та психологическая безпрекословность, съ какой «консервативный» англійскій народъ воспринималъ дважды фактъ прихода къ власти Рабочей Партіи, фактъ, рисовавшійся намъ здѣсь, и сторонникамъ и противникамъ социализма, въ чертахъ умопомрачительныхъ, «революціонныхъ». Парламентъ все можетъ, въ томъ числѣ и сдѣлать революцію. Но «революція», сдѣланная парламентомъ, совсѣмъ не революція.

Отсюда дальнѣйшіе парадоксы для сознанія континентальной демократіи. Въ 1923 году, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, Рабочая Партія имѣла самый маленькій приростъ голосовъ за время съ избирательной реформы 1918 г. до послѣднихъ выборовъ. Рабочая Партія выиграла всего 197 тысячъ голосовъ и увеличила долю своихъ голосовъ среди всѣхъ голосовавшихъ всего на 1% — съ 29,5% до 30,5%. Стоявшая у власти консервативная партія потеряла всего 43,6 тысячъ голосовъ, что снизило ея долю голосовъ на 0,1% — съ 38,2% до 38,1%. Изъ избирательной борьбы консервативная партія все еще вышла съ

преимуществомъ передъ Рабочей Партіей въ 1.100.316 голосовъ. Мало того, въ парламентъ консервативная партія провела все еще больше на 67 депутатовъ, чѣмъ Рабочая Партія. Однако консервативная партія, потерявъ всего 43,6 тыс. голосовъ, потеряла сразу 86 мѣстъ въ парламентѣ, а Рабочая Партія, выигравъ всего 197,1 тыс. голосовъ, выиграла 44 мѣста въ парламентѣ. И вотъ этого было совершенно достаточно, чтобы вся страна и въ томъ числѣ обѣ враждебныя партіи — консерваторы и либералы — спокойно допустили Рабочую Партію къ власти. Въ слѣдующемъ, 1924 году, страна и въ томъ числѣ сама Рабочая Партія спокойно приняла уходъ партіи отъ власти, хотя та же страна дала Рабочей Партіи новыхъ 1.050.600 голосовъ. Итакъ: Рабочая Партія получила власть послѣ выигрыша 197,1 тыс. голосовъ и потеряла власть послѣ выигрыша въ 5,3 раза большаго, чѣмъ тотъ, который предшествовалъ ея приходу къ власти. Передъ тѣмъ, какъ Рабочая Партія пришла къ власти избирательнаго довѣрія къ ней въ странѣ было значительно меньше, чѣмъ передъ тѣмъ, какъ она эту власть потеряла. Но что съ того? Тогда партія выиграла мѣста, а теперь партія потеряла мѣста. Партію крадутъ мѣста, — скамейки въ парламентѣ, а не голоса, — бюллетени въ избирательныхъ бюро. И всё въ Англии съ этимъ согласны и поэтому вопреки всѣмъ парадоксамъ англійской избирательной системы завоеваніе Рабочей Партіей все большаго количества мѣстъ является для англичанъ вѣрнымъ и точнымъ показателемъ ея окончательной и полной побѣды въ будущемъ.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ отказаться отъ нашихъ соціологическихъ и политическихъ мѣрилъ въ оцѣнкѣ значенія и перспективъ англійской Рабочей Партіи. Наше мѣрило это все таки удѣльный вѣсъ партіи не въ парламентѣ, а въ странѣ. Наше сужденіе о Рабочей Партіи все таки связано съ представленіемъ о борьбѣ за большинство въ самомъ англійскомъ народѣ. И вотъ результаты этой борьбы за послѣдніе 11 лѣтъ, начиная съ избирательной реформы 1918 г. Доля голосовъ, полученныхъ Рабочей Партіей, составляла въ процентахъ отъ всего числа голосовавшихъ:

1918 г.	22,2 проц.	
1922 «	29,5 «	плюсъ 7,3 проц.
1923 «	30,5 «	« 1,0 «
1924 «	33,0 «	« 2,5 «
1929 «	37,5 «	« 4,5 «

Эта табличка, при всей своей скромности, таитъ въ себѣ весьма богатое содержаніе. Прежде всего она совершенно стираетъ впечатлѣніе сенсационности отъ послѣдней побѣды Рабочей Партіи. Она получила на выборахъ 1929 г. всего на 4,5% голосовъ больше, чѣмъ на выборахъ 1924 г. Громадный абсолютный приростъ голосовъ въ 1929 г. (плюсъ 2.848.300) объясняется въ значительной степени появленіемъ 5 съ лишнимъ милліоновъ новыхъ избирательницъ. При избирательномъ корпусѣ 1924 года выигрышъ въ 4,5% далъ бы ей примѣрно только 751 тысячу новыхъ голосовъ, т. е. это былъ бы выигрышъ значительно меньшій выигрыша 1924 года. Въ этомъ отношеніи ничего «рекорднаго» выборы 1929 г. для англійской Рабочей Партіи не принесли. Въ странѣ, среди избирателей, она увеличила долю своего вліянія на весьма почтенную, но отнюдь не сенсационную величину. Рекорднымъ годомъ увеличенія доли избирателей, голосовавшихъ за Рабочую Партію, является для нея совсѣмъ не 1929-й, а, какъ это видно изъ таблицы, 1922-й, когда эта доля сразу сдѣлала скачекъ отъ 22,2% до 29,5%.

Итакъ, съ интересующей насъ сейчасъ точки зрѣнія роста вліянія Партіи въ странѣ 1929 годъ не принесъ съ собою «ничего особеннаго». Громадное, всемірно-историческаго значенія, событіе—приходъ къ власти второго кабинета Макдональда съ его уже осуществившимися и еще ожидающимися послѣдствіями для англійской и международной политики — все это далеко неадекватно тому росту вліянія и укрѣпленію корней Рабочей Партіи въ толщѣ англійскихъ народныхъ массъ, которое обнаружилось въ итогѣ выборовъ 1929 г. Реально учитываемыя силы сегоднешняго дня, которыя вознесли Рабочую Партію такъ высоко, пружина, подтолкнувшая съ такой силой Рабочую Партію, скрыта не столько, и во всякомъ случаѣ не только, въ возрѣвшей силѣ Партіи среди массъ, сколько въ особенностяхъ англійской избирательной системы и въ традиціонныхъ, на спортивной морали покоящихся, правилахъ англійской политической игры.

Однако, въ этихъ скромныхъ относительно цифрахъ процентной доли голосовъ, собираемыхъ Рабочей Партіей, мелодія исторической неизбежности звучитъ для насъ гораздо болѣе убѣдительно и соблазнительно, чѣмъ въ импозантныхъ показателяхъ абсолютнаго числа мандатовъ и голосовъ. Мы здѣсь, въ этой скромной табличкѣ, видимъ

картину органическаго развитія въ сторону такого абсолютнаго большинства избирателей на сторонѣ Рабочей Партіи, при которомъ, если даже и сохранятся врата адавы англійской избирательной системы, то и имъ не будетъ подъ силу одолѣть прямо выраженную волю большинства гражданъ страны. За 11 лѣтъ, начиная съ 1918 г. Рабочая Партія увеличила свою долю въ числѣ голосовавшихъ на 15,3%. Если считать, что дальнѣйшій ростъ Партіи пойдетъ такимъ же темпомъ, т. е. по 1,4% въ годъ — предположеніе отнюдь не слишкомъ оптимистическое — то черезъ 16 - 17 лѣтъ, три-четыре легислатуры, число голосовъ, собранныхъ Партіей, будетъ находиться гдѣ то совсѣмъ близко къ 60%. Если парадоксы англійской избирательной системы повернутся въ пользу нея, какъ это было въ 1924 и въ 1929 г., то въ парламентѣ у нея будетъ еще болѣе значительное большинство, которое ей позволитъ дѣйствовать рѣшительно въ томъ духѣ, какой такъ образно и мѣтко былъ выраженъ блестящимъ Тревелияномъ на одномъ избирательномъ собраніи: «Мы достигнемъ нашей цѣли не на путяхъ Россіи и не на путяхъ Италіи и вообще не по какимъ либо инымъ образцамъ, но на чисто британскій манеръ. Что это значитъ? Мы тутъ поступимъ такъ, какъ поступали въ Борнби за демократію и за наши иныя великія достиженія. Мы сначала дѣлаемъ одинъ, два значительныхъ шага впередъ. Послѣ этого мы на моментъ останавливаемся и смотримъ вокругъ себя: если это сдѣлано плохо — ладно, тогда вновь придутъ консерваторы. Но это будетъ сдѣлано не плохо. Тогда мы опять сдѣлаемъ одинъ два дальнѣйшихъ шага. А затѣмъ — затѣмъ мы начинаемъ бѣгомъ, маршъ».

Конечно, всѣ эти расчеты о времени получения Рабочей Партіей абсолютнаго большинства нисколько не претендуютъ даже на скромную точность предсказаній погоды. Но они, какъ мнѣ думается, даютъ достаточно конкретное представленіе о темпѣ и направленіи движенія. А методичность всѣхъ общественно-политическихъ процессовъ, совершающихся въ Англій, этотъ «дарвинистическій», если можно такъ выразиться, стиль всего ея развитія достаточная порука въ томъ, что, разъ начавшись и пустивъ корни, процессъ подчиненія всѣхъ видовъ политическаго и соціального управленія идеямъ и руководству организованнаго труда дойдетъ и добѣжитъ до исторически мыслимыхъ предѣловъ. Именно потому, что Англій не грозитъ

(или не улыбается — смотря по вкусу) революція, именно поэтому ея пути социалистическаго развитія рисуются наиболѣе вѣрными и прочными даже для тѣхъ европейскихъ социалистовъ, которымъ вообще говоря революція улыбается. Если теоретически допустимо говорить о моментѣ, когда социализмъ начнется, то «начнется» онъ раньше всего и на масштабъ этого понятія очень скоро въ той странѣ, гдѣ рабочее движеніе только въ 1918 г. впервые открыто заговорило о социализмѣ и теперь еще получаетъ свои духовные импульсы далеко не столько изъ социалистической литературы, сколько изъ Библии *).

III.

И тѣмъ не менѣе въ этомъ надо себѣ отдать совершенно ясный отчетъ: сколь ни могущественны силы англійскаго социализма и рабочаго движенія, оно пока что втягиваетъ въ свою орбиту не только меньшинство правоспособнаго населенія, но и меньшинство пролетаріата, того класса, изъ котораго это движеніе родилось и въ которомъ оно почерпаетъ свои силы. Исчисленія авторитетнаго въ этихъ вопросахъ В. Войтинскаго указываютъ на то, что въ составѣ всего самодѣтельнаго населенія Англій пролетаризованные элементы (рабочіе, служащіе и прислуга) составляютъ 79%. На выборахъ 1929 г. партія собрала 37,5% голосовъ. Если даже предположить, что всѣ избиратели, голосовавшіе за Рабочую Партію, принадлежатъ только къ этимъ указаннымъ пролетаризованнымъ элементамъ, то и тогда результатъ получается довольно выразительный: большая часть пролетарскаго населенія Англій—

---

*) Говоря это, я, однако, не могу солидаризироваться съ тѣми попытками сочетанія социализма и православной церкви, какія дѣлались на страницахъ «Совр. Записокъ». Обычныя при этомъ ссылки на религиозный социализмъ въ Зап. Европѣ бьютъ мимо существенной разницы между тѣмъ, что намъ даетъ опытъ Запада и тѣмъ, что даетъ намъ опытъ нѣкоторыхъ круговъ русской эмиграціи. Тамъ люди хотятъ реформировать церковь социализмомъ. Здѣсь люди хотятъ реформировать социализмъ церковью. Это два равно направленныхъ идеологическихъ потока. Тамъ это кризисъ религиознаго сознанія. Здѣсь это кризисъ общественно-политическаго сознанія. Можно какъ угодно относиться къ каждому изъ этихъ потоковъ, но нельзя игнорировать ихъ существенное отличие съ точки зрѣнія интересовъ социализма.

52,4% голосуетъ еще за враговъ Рабочей Партіи и только меньшинство пролетарскаго населенія въ 47,6% голосуетъ за Рабочую Партію. Рабочая Партія является пока меньшинствомъ не только въ странѣ, но даже и въ пролетаріатѣ.

Это меньшинство въ дѣйствительности еще меньше указанного, потому что предположеніе о томъ, что за Партію голосуютъ только пролетаризованные элементы страны явно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Наплывъ въ Рабочую Партію людей изъ 21% имущаго населенія Англій съ каждымъ годомъ все болѣе усиливается, ставки на этого рабочаго рысака становятся все болѣе и болѣе модными въ тѣхъ буржуазныхъ кругахъ Англій, которые до сихъ поръ привыкли ставить либо на консервативную либо на либеральную лошадь. Въ самой Рабочей Партіи этотъ наплывъ къ ней буржуазныхъ элементовъ вызвалъ нѣкоторое безпокойство и когда на послѣднемъ конгрессѣ Партіи въ Брайтонѣ въ сентябрѣ 1929 г. исполнительный комитетъ предложилъ ввести въ статутъ Партіи новую категорию членовъ, вступающихъ въ партію безъ того, чтобы состоять членомъ той или иной мѣстной организациі, то предложеніе это вызвало на конгрессѣ такое сопротивленіе, что исполнительному комитету пришлось снять его до голосованія. Во всякомъ случаѣ какая то трудно опредѣлимая, но замѣтная величина въ составѣ тѣхъ 37,5% избирателей, которые голосуютъ за Рабочую Партію, несомнѣнно падаетъ на буржуазные элементы. Въ такомъ случаѣ на эту же величину приходится уменьшить то меньшинство англійскаго пролетаріата, которое отдаетъ свои голоса партіи рабочаго класса, увеличивъ одновременно то большинство англійскаго пролетаріата, которое все еще голосуетъ за буржуазныя партіи.

Ближе всего къ Рабочей Партіи стоятъ рабочіе и служащіе въ индустріи и транспортѣ. Эти элементы составляютъ около 50% всего самодѣятельнаго населенія Англій. Если опять таки гипотетически предположить, что всѣ голоса, собранные Рабочей Партіей, получены только въ этой средѣ «кадроваго», «сто процентнаго» пролетаріата, то и въ этомъ фантастически благоприятномъ случаѣ все же окажется, что значительная часть не только пролетаризованнаго населенія вообще, но даже весьма замѣтная часть этого «чистаго» пролетаріата все еще идетъ вмѣстѣ съ врагами Рабочей Партіи. Если эти гипотетически благо-

пріятныя для Рабочей Партіи предположенія о составѣ ея избирателей расположить по схемѣ, предложенной В. Войтинскимъ для выборовъ 1924 года *) и видоизмѣненной мною для выборовъ 1929 года, то получится такая картина.

Голосуютъ: за буржуазныя партіи 100% буржуазіи, дающихъ 21% избирателей; за буржуазныя партіи 52% пролетар., дающихъ 42% избирателей. Итого за буржуазн. партіи 63% избирателей; за Рабочую Партію 48% пролетаріата — 37% избирателей. Всего 100% избирателей.

Эта схема вскрываетъ фактъ, имѣющей коренное значеніе для пониманія соціальной проблемы нашей эпохи: соціально-политическая система капитализма держится главнымъ образомъ на помощи, оказываемой ей пролетаріатомъ. Сила капиталистическаго режима — сила засмная и этотъ заимодавецъ — пролетаріатъ. Живая политическая сила англійской буржуазіи только на треть состоитъ изъ собственниковъ. На двѣ трети эта живая сила буржуазіи состоитъ изъ соціально антагонистичныхъ ей элементовъ — изъ рабочаго класса. Таковъ смыслъ этого выразительнаго сочетанія 21% буржуазныхъ голосовъ и 42% пролетарскихъ голосовъ въ единый блокъ, враждебной освободительной идеѣ современнаго рабочаго движенія.

Но въ этомъ печальномъ для социализма сочетаніи кроется и отрадное предвѣстіе преодоленія капиталистическаго режима. Чтобы удержать свое политическое большинство имущимъ классамъ Англійи нужно закрѣпить за собою минимумъ 30% избирателей, принадлежащихъ къ другому соціально враждебному классу. Чтобы получить свое политическое большинство, Рабочей Партіи нужно закрѣпить за собою около 15% новыхъ избирателей, принадлежащихъ къ своему, къ тому же классу. Конечно, удержать что либо, уже имѣющееся, легче, чѣмъ получить что либо, еще отсутствующее. Но если вспомнить, что удержать нужно чужое и очень большое, а получить нужно свое и очень маленькое, то картина радикально мѣняется. Завоевать новыхъ 15% голосовъ какъ среди «своихъ», такъ и среди «чужихъ», для Рабочей Партіи будетъ гораздо легче, чѣмъ удержать минимумъ 30% голосовъ исключительно «чужихъ» для консерваторовъ и либераловъ. Направле-

*) Вл. Войтинскій «Силы современнаго социализма». Изд. «Библиотеки Демократическаго Социализма», стр. 98.

ніе историческаго процесса, выразившееся въ теченіе 5 избирательныхъ битвъ между 1918 и 1929 годами, достаточно ясно, чтобы возможны были какія нибудь сомнѣнія на этотъ счетъ. За этотъ періодъ въ 11 лѣтъ Рабочая Партія какъ разъ и увеличила свою долю въ избирательномъ корпусѣ на тѣ 15%, которые ей теперь еще не достаютъ, чтобы стать абсолютнымъ большинствомъ. Надежды консерваторовъ на то, что значительное увеличеніе женской прослойки въ избирательномъ корпусѣ, которая во многихъ избирательныхъ округахъ стала больше мужской — надежда что «консервативный духъ» женщинъ оттолкнется отъ проповѣди англійскаго социализма, потерпѣла полный крахъ. Есть нѣкоторыя основанія думать, что въ нѣкоторыхъ округахъ количество женщинъ, голосовавшихъ за Рабочую Партію, превышало количество голосовавшихъ за нее мужчинъ.

Такого рода надежды очень слабо оправдываются даже и на континентѣ, гдѣ женскія массы находятся еще подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, а духовенство опредѣленно враждебно настроено къ социализму. Въ Англійи все большія и большія массы духовенства все больше и больше вливаются въ Рабочую Партію и можетъ быть не будетъ рискованнымъ предположеніе, что именно эта симпатія широкихъ массъ англійскаго духовенства къ Рабочей Партіи и побудила многихъ женщинъ-избирательницъ, находящихся подъ вліяніемъ духовенства, отдать свои голоса Рабочей Партіи. Съ другой стороны, какъ съ обычнымъ мастерствомъ своего психологическаго анализа показываетъ Вертгеймеръ, англійскій социализмъ, такъ связанный съ Библіей и Евангеліемъ, такъ окрашенный въ тона сентиментализма и благожелательной сердечности, болѣе континентальнаго социализма, съ его научнымъ подходомъ къ массѣ, способенъ растревожить социальный инстинктъ и социальную совѣсть женщинъ всѣхъ классовъ населенія, чтобы на этихъ путяхъ получить ихъ политическую поддержку.

Попытка задержать энергичный поступательный ходъ Рабочей Партіи при помощи 5 съ лишнимъ милліоновъ новыхъ женскихъ голосовъ провалилась. Можно ли «выдумать» для этой же цѣли что нибудь другое, кромѣ государственнаго переворота, который въ Англійи никакъ выдумать нельзя? Для характеристики обреченности всѣхъ такихъ искусственныхъ методовъ задержанія роста Рабо-

чей Партіи я останавлиюсь на дѣйствительно существующемъ препятствіи, которое даже и выдумать трудно. Трудно себѣ дѣйствительно представить, что партія, собирающая въ странѣ 8 милліоновъ голосовъ, 37% всѣхъ голосовавшихъ, не имѣла и не имѣетъ такого орудія воздѣйствія на массы, какъ своя партійная пресса. Тотъ жалкій суррогатъ ея, который имѣется въ Англии, просто недостойнъ упоминанія. Единственная ежедневная (но по воскресеньямъ не выходящая) газета Партіи, «Дэйли Геральдъ», по оригинальной англійской манерѣ не отказывала себѣ въ удовольствіи иногда на свою партію нападать. Она была очень лѣвой, но лѣвыя резолюціи и проекты Независимой Рабочей Партіи эта газета не считала своимъ долгомъ доводить до свѣдѣнія читателей. Въ такомъ положеніи Рабочая Партія проводила грандіозныя избирательныя битвы. Во время этихъ битвъ пресса, читавшаяся 99% всѣхъ избирателей, настойчиво ихъ убѣждала ни въ коемъ случаѣ не голосовать за Рабочую Партію. И что же? Восемь съ лишнимъ милліоновъ избирателей совѣты эти ежедневно читали и поступили наоборотъ. Только теперь, уже послѣ побѣды, англійское рабочее движеніе обзаводится одной, грандіознаго размаха газетой, приспособленной для улицы, и въ эту газету вкладываются громадные капиталы. И опять таки по странной англійской манерѣ 51% акцій этого грандіознаго предпріятія призваннаго служить интересамъ социализма, будетъ принадлежать частному капиталисту, одному изъ мастодонтовъ большой англійской газетной индустріи.

Такъ или иначе, но если Рабочая Партія вопреки такому, съ нашей точки зрѣнія, грандіозному бѣдствію, все таки идетъ отъ успѣха къ успѣху, то это еще одно изъ объективныхъ доказательствъ того, что ей гораздо легче будетъ въ близкомъ будущемъ получить новыхъ 15% своихъ голосовъ, чѣмъ буржуазнымъ партіямъ удержать 30% чужихъ.

IV.

Гораздо легче, но еще не слишкомъ легко. И здѣсь намъ необходимо разсмотрѣть силы Рабочей Партіи не на открытомъ полѣ избирательныхъ и парламентскихъ битвъ, а въ глубинахъ англійскаго рабочаго класса, гдѣ идетъ борьба за его объединеніе въ самостоятельную, постоянно

дѣйствующую классовую организацію. Необходимо сразу же сказать, что въ этомъ глубинномъ разрѣзѣ получается картина весьма далекая отъ пышности и блеска избирательныхъ битвъ и избирательныхъ побѣдъ.

Въ отчетѣ, доложенномъ на конгрессѣ Партіи въ Брайтонѣ, число членовъ партіи показано было въ 2.077.199 человекъ. Между тѣмъ болѣе 3-хъ миллионovъ членовъ Рабочая Партія имѣла еще въ 1918 году. Отчетъ о состояніи рабочаго движенія къ 1928 г., выпущенный Соціалистическимъ Интернаціоналомъ, указывалъ число членовъ Рабочей Партіи въ 3.388.000 человекъ. Эта скачка цифръ ясно показываетъ, что реальная организаціонная связь Рабочей Партіи съ рабочими массами совершенно неустойчива. Фактически и непосредственно рабочіе вступаютъ не столько въ Партію, сколько въ тредъ-юніоны, которые уже затѣмъ en bloc вступаютъ въ партію по постановленію большинства въ полномочныхъ органахъ даннаго тредъ-юніона. Такъ что меньшинство, которое высказалось противъ вступленія въ Партію, тоже вступаетъ въ Партію въ порядкѣ профессиональной дисциплины. До 1928 года рабочій, членъ тредъ-юніона, который активно не хотѣлъ вступать и въ Партію, могъ объ этомъ сдѣлать специальное заявленіе и тогда онъ освобождался отъ добавочнаго «политическаго взноса» въ... 3 пенса въ годъ. Разница между активно нежелавшими и пассивно желающими вступить въ Рабочую Партію была довольно значительна, какъ объ этомъ можно догадаться изъ слѣдующей таблицы:

Годъ	Число член. въ союзѣ, вступивш. въ Р. П.	Число член. Р. П. изъ союзныхъ союзовъ	Менее на:
1918	4.532.085	2.960.409	1.571.676
1920	6.505.482	4.317.537	1.187.945
1922	5.128.648	3.279.276	1.849.372
1924	4.328.235	3.158.002	1.170.233
1926	4.365.619	3.352.347	1.013.272
1928	3.874.842	2.000.000	1.874.842

Такой низкой цифрѣ членовъ, какъ въ 1928 г., Рабочая Партія не имѣла въ теченіе всѣхъ послѣднихъ 10 лѣтъ. И эта наиболѣе низкая цифра членовъ Партіи приходится на самый канунъ ея громаднаго избирательнаго и политическаго триумфа. Нельзя не видѣть въ этомъ противорѣчій определенной опасности для Рабочей Партіи. Ея успѣхи на поверхности избирательной борьбы сильно отста-

ютъ отъ ея успѣховъ въ толщѣ рабочихъ массъ. Мы увидимъ далѣе, какъ это противорѣчiе влiяетъ на торможение реформаторской энергiи Рабочей Партии.

Конечно, ни одна партiя въ мiрѣ не можетъ предъявить такого количества членовъ, какое предъявила Рабочая Партия даже въ самый для нея печальный 1928 годъ. Самая большая послѣ англiйской партiя въ мiрѣ, германская, имѣетъ въ настоящее время не болѣе миллiона членовъ. Но эти численныя сравненiя не имѣютъ никакого смысла, потому что членъ германской соц.-дем. партii и членъ англiйской рабочей партii — это въ корнѣ отличныя другъ отъ друга социальныя явленiя. Первый — это человекъ, который самъ, лично и вполне отчетливо за свой собственный «страхъ и рискъ» захотѣлъ стать членомъ этой партii. Второй — это человекъ, который до 1928 года не имѣлъ ничего противъ зачисленiя его въ Рабочую Партию въ виду того, что такъ рѣшилъ большинствомъ голосовъ его юнiонъ. Проявить ему свою собственную волю въ вопросѣ о вступленii въ Партию ему приходилось только тогда, когда онъ въ нее ни за что вступать не хотѣлъ.

Послѣ 1928 года въ силу закона, направленнаго противъ Рабочей Партии, положенiе перемѣнилось: вмѣсто прежняго молчанiя — знака согласья, онъ долженъ былъ это согласье прямо заявить. И вотъ это ничтожное обстоятельство, это достаточно скромный запросъ на его позитивно выраженную волю привели къ потерѣ Рабочей Партией около полутора миллiона членовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что среди этой массы отошедшихъ была громадная доля не только такихъ, которые воспользовались случаемъ изъ Партии выйти, но и громадная доля такихъ, которые просто не воспользовались случаемъ въ Партии остаться. Связь людей съ Партией порвалась по самому ничтожному поводу. Совершенно очевидно, что связь эта была не слишкомъ крѣпкой.

Она и не могла быть крѣпкой по самому духу и структурѣ Рабочей Партии. Всѣ наши представленiя въ этой области, относящiяся къ континентальному социализму, совершенно непримѣнимы къ Англии. Еще и нынѣ Рабочая Партия является своего рода избирательно-парламентской машиной трѣдъ-юнiоновъ. Никакихъ иныхъ требованiй къ членской массѣ, кромѣ поддержки Партии на выборахъ, Партия къ ней не предъявляетъ. То, что у насъ называется «партiйной жизнью», съ ея сложной системой самыхъ раз-

нообразныхъ организаций, охватывающихъ жизнь члена съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, въ английской Рабочей Партіи совершенно отсутствуетъ или еле-еле брезжитъ. Въ то время, какъ континентальная социалистическая партія ставитъ своимъ членамъ цѣлый рядъ духовныхъ и практическихъ вопросовъ и даетъ на нихъ теоретическіе и практическіе отвѣты, задѣвающіе самымъ непосредственнымъ образомъ жизнь человѣка отъ колыбели до могилы, английская Рабочая Партія ставитъ своему члену почти только этотъ вопросъ: за кого тебѣ голосовать? Получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, Партія переходитъ къ «своимъ» дѣламъ, а членъ партіи къ своимъ.

Тутъ еще разъ сказывается парламенто-центризмъ английской политической психологіи. Въ парламентѣ—«тамъ разберутъ», и разберутъ все, въ томъ числѣ и вопросъ о томъ, каково должно быть содержаніе молитвенника англиканской церкви. А если тамъ разберутъ все, то задача сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы тамъ оказалось по возможности больше нашихъ въ борьбѣ съ чужой командой. Но чтобы во время состязанія зрители по-выбѣгали на рингъ или на площадку и путались въ ногахъ борющихся — это было бы неслыханнымъ скандаломъ.

Съ другой стороны, минимальный объемъ партійной жизни въ Англии въ извѣстномъ смыслѣ связанъ съ вѣвшимися въ плоть и кровь представленіемъ о личной неприкосновенности гражданина. Принципъ невмѣшательства превратился въ цѣлостное міроощущеніе, которое совершенно исключаетъ возможность такого внѣдренія въ жизнь члена партіи, какое имѣетъ мѣсто на континентѣ. «Мой домъ — моя крѣпость» — это не только политической постулатъ, но и постулатъ моральный и міросозерцательный. Партія, оказывающаяся на континентѣ тутъ какъ тутъ, когда у члена партіи возникаютъ практическія и духовныя затрудненія въ вопросахъ брака, семьи, воспитанія, морали, искусства, права и экономики — такая партія является въ Англии возмутительнымъ противорѣчіемъ съ духомъ тѣхъ индивидуалистическихъ «крѣпостей», въ которыхъ такъ обжился англійскій гражданинъ. Это отвращеніе англійскаго социализма къ теоретической догмѣ, къ построеніямъ, въ которыхъ «коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть» — оно тоже психологически связано съ этимъ обобщеннымъ и до «второй природы» возвысившимся принципомъ неприкосновенности и невмѣшательства. Не

только «мой домъ», но и «моя голова — моя крѣпость». Отсюда абсолютная невозможность въ Англии той, своего рода теоретической и идеологической навязчивости, которая все еще характерна для социалистическихъ партій континента, хотя и здѣсь она быстро идетъ на убыль подъ влияніемъ расщепленія одинаго идеологическаго потока социализма на рядъ параллельныхъ и скрещивающихся ручьевъ.

Такъ или иначе, но крайне слабая связь, духовная и организационная, Рабочей Партіи со своими членами является фактомъ, причины котораго несомнѣнно сами по себѣ весьма цѣнны и почтенны, но послѣдствія котораго тѣмъ не менѣе представляютъ для партіи большую опасность.

Къ этому присоединяется еще слабость экономической организациі рабочаго класса. Какъ бы намъ ни импонировали милліоны трэдъ-юніонистовъ, богатѣйшій опытъ движенія и его крѣпкія традиціи, намъ не слѣдуетъ все таки забывать, что организациі англійскаго пролетаріата охватываютъ пока еще очень маленькую часть всего пролетарскаго населенія Англии. Если взять тѣ 4 съ лишнимъ милліона членовъ, которые за послѣдніе годы состояли на учетѣ конгресса трэдъ-юніоновъ, то ко всей массѣ англійскаго пролетаріата, исчисленной Войтинскимъ для 1925 г. въ 15 съ лишнимъ милліоновъ душъ, организованный англійскій пролетаріатъ составитъ только 27,5%. Между тѣмъ только «чистый» пролетаріатъ Англии (рабочіе и служащіе промышленности, транспорта и торговли) составляютъ армію въ 12 милліоновъ человѣкъ. Если предположить, что англійскіе трэдъ-юніоны состоятъ только изъ чистаго пролетаріата этихъ отраслей хозяйства, то и тогда степень организованности пролетаріата составитъ только 33,3% отъ этой коренной пролетарской массы.

Это не на много меньше, чѣмъ процентъ германскихъ и австрійскихъ рабочихъ, организованныхъ въ такъ назыв. «свободныхъ», т. е. находящихся подъ влияніемъ соц.-дем. партій, профессиональныхъ союзахъ. Но и здѣсь надо имѣть въ виду существенную разницу. Формально безпартійные, эти союзы по степени своего проникновенія идеями и настроеніями социализма значительно превосходятъ даже тѣ 2 милліона членовъ трэдъ-юніоновъ, которые формально входятъ въ Рабочую Партію. Средній германскій или австрійскій членъ профессиональнаго союза внѣ вся-

каго отношенія къ социаль-демократической партіи, только какъ профессионалистъ, въ гораздо большей мѣрѣ социалистъ, чѣмъ средній трэдъ-юнионистъ въ своемъ качествѣ члена Рабочей Партіи. Поэтому значеніе слабаго процента профессиональной и политической организованности англійскаго пролетаріата еще значительно усугубляется весьма слабой социалистической окрашенностью сознанія даже и этихъ организованныхъ массъ. При этомъ надо еще помнить, что «организованность» на континентѣ — это понятіе гораздо болѣе внутренне обязывающее и внѣшне связывающее, чѣмъ въ Англии.

Описанныя мною явленія характерны для англійскаго рабочаго движенія вообще. Но они еще обострились какъ разъ къ моменту избирательнаго и парламентарскаго триумфа Рабочей Партіи. Неутихающая безработица, реакціонная политика кабинета Болдвина, психологическія и матеріальныя послѣдствія генеральной забастовки 1926 г. — все это, вмѣстѣ взятое, значительно ослабило организованныя силы англійскаго рабочаго движенія. Можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что высшій пунктъ въ развитіи Рабочей Партіи, какъ силы общенациональной и политической, совпалъ съ низшимъ за періодъ послѣ войны пунктомъ ея развитія, какъ силы классовой и социальной.

Если бы между этими двумя значеніями Рабочей Партіи не существовало самой тѣсной функціональной зависимости, если бы между Рабочей Партіей — силой общенациональной, и Рабочей Партіей — силой классовой, отсутствовала постоянно функционирующая связь кровеносной и нервной системы, то указанные выше явленія диспропорціи между двумя значеніями Рабочей Партіи не внушали бы слишкомъ большихъ опасеній. Но именно въ Англии, во всякомъ случаѣ въ Англии, болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, диспропорція между этими двумя разрѣзами Рабочей Партіи является особенно опаснымъ моментомъ въ развитіи социализма. Чтобы это понять, нужно только вспомнить, что со своими 79% пролетаризованнаго населенія Англія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ. Такого процента пролетаризаціи не знаетъ ни одна страна. Вслѣдъ за Англіей идутъ Сѣв. Ам. Соед. Штаты и лишь на 7-омъ мѣстѣ стоитъ Германія. Пролетаріатъ — это въ Англіи 4/5 всего населенія. Въ такой странѣ общенациональной можетъ быть только та партія, которая больше всего и прежде всего будетъ партіей классово-пролетарской не

только по социальному составу своихъ членовъ, но и по своему міросозерцательному подходу ко всѣмъ явленіямъ социальной, политической и культурной жизни. Соціалистамъ и несоціалистамъ въ русской эмиграціи, любящимъ кстати и еще больше некстати ершиться противъ «классовизма» и «марксизма», это положеніе покажется быть можетъ менѣе возмутительнымъ, если я скажу, что въ Англіи партія общенациональная не можетъ не быть прежде всего партіей пролетарской, какъ въ Россіи партія, желающая стать общенациональной, не можетъ не быть партіей крестьянской. И это по той простой причинѣ, что въ Англіи 4/5 самостоятельнаго населенія состоитъ изъ пролетариата, а въ Россіи 4/5 населенія состоитъ изъ крестьянъ.

V.

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ вопросу о «классовомъ сознаниі» Рабочей Партіи и объ ея отношеніи къ «классовой борьбѣ». Предваряя дальнѣйшее изложеніе, я долженъ сразу же сказать, что съ моей точки зрѣнія Рабочая Партія въ этомъ отношеніи одинаково не заслуживаетъ ни тѣхъ похвалъ, которыя ей расточаютъ вышеупомянутые противники «классовизма», ни тѣхъ упрековъ, которыя иногда (все рѣже и осторожно-почтительнѣе) раздаются изъ крайне лѣвыхъ круговъ ортодоксальнаго марксизма.

Постулата, догмы, теоріи классовой борьбы, какъ этотъ терминъ понимался прежде и въ меньшей мѣрѣ понимается сейчасъ континентальнымъ социализмомъ, — всего этого Рабочая Партія не имѣетъ. Но необходимо сразу же прибавить, что Партія вообще не имѣетъ никакой теоріи социального развитія, болѣе или менѣе міросозерцательно окрашенной. Мощнымъ стимуломъ, совершенно достаточнымъ для возбужденія ея социально-политической энергіи, является знаніе того, что люди, народы, классы нынѣ живутъ худо. тѣсно, грязно и несправедливо, и твердая вѣра въ то, что люди, народы, классы могутъ жить хорошо, просторно, чисто и справедливо. Вѣра въ человѣка и человечество у нея сильнѣе вѣры въ классъ и вѣра въ возможное и нужное сильнѣе у нея вѣры въ необходимость и законъ. Съ теоріей классовой борьбы она раздѣляется еще болѣе легко и граціозно, чѣмъ нынѣ противники:

«классовизма». Вотъ опредѣленіе классовой борьбы въ «Энциклопедіи рабочаго движенія» («The Encyclopedia of the Labour Movement», 3 тома), безоговорочно рекомендованной въ предисловіи Макдональдомъ и объединившей вокругъ себя все лучшее, что имѣется въ Рабочей Партіи:

«Понятіе классовой борьбы принадлежитъ по существу ранней донаучной эпохѣ социалистическаго мышленія, — эпохѣ, предшествовавшей научному изслѣдованію происхожденія и развитія человѣческаго общества и человѣческаго духа. Нынѣ эволюціонныя біологія, антропологія и психологія и даже экономическая теорія соединенными усиліями показываютъ, что дѣйствительный прогрессъ чело-вѣка и общества произошелъ благодаря коопераціи и силѣ объединеннаго дѣйствія, а не гражданской войнѣ въ любой изъ ея формъ... Энциклопедія эта вышла въ 1928 году и авторомъ этого опредѣленія, побивающаго рекордъ научной беззаботности, является одинъ изъ редакторовъ органа Независимой Рабочей Партіи «Нью Лидеръ». Эта формулировка классовой борьбы лежитъ больше въ области смѣшного. Но вотъ партійная программа, принятая на конгрессѣ Партіи въ 1928 г. Въ ней прямо заявляется: «Рабочая Партія выступаетъ не какъ представительница того или иного класса, но какъ политическій органъ, задача котораго заключается въ выраженіи нужды и истолкованіи требованій тѣхъ, на долю которыхъ падаетъ бремя труда». На континентѣ любая социалистическая партія возразила бы на эту формулу: то, что въ ней въ началѣ отрицается, то въ ней въ положительной части вновь утверждается. Ибо партія, выражающая и истолковывающая «нужды и требованія тѣхъ, на которыхъ выпадаетъ бремя труда» — это и есть классовая партія пролетаріата. То обстоятельство, что партія въ борьбѣ за социалистическую реорганизацію страны обращается «ко всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ всѣхъ классовъ общества, ко всѣмъ, искренне стремящимся помочь въ разрѣшеніи этой необходимой задачи» — это ни въ какой мѣрѣ не ослабляетъ классоваго характера партіи. Подобное обращеніе ко всѣмъ согласнымъ помочь въ дѣлѣ строительства социалистическаго общества, можно найти и въ любой классовой программѣ континентальнаго социализма. Несмотря на эту апелляцію ко всѣмъ, программа Рабочей Партіи все таки отдѣльно «апеллируетъ, полная довѣрія, ко всѣмъ трудящимся». Въ этомъ подчеркиваніи «полнаго довѣрія» къ

«трудящимся» и само по себѣ отражается особое отноше-
ніе къ пролетаріату, ибо смѣшно было подѣ этимъ терми-
номъ «трудящіеся» видѣть только моментъ техническій
и игнорировать его социальный смыслъ. «Трудятся» въ из-
вѣстномъ, а иногда даже весьма конкретномъ смыслѣ и тѣ
представители капиталистической собственности, экономи-
ческую и социальную силу которыхъ Рабочая Партія стре-
мится сломить.

Видитъ ли Рабочая Партія въ пролетаріатѣ специфиче-
скаго носителя опредѣленной общественно-политической
правды? Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.
Для этого англійская Рабочая Партія слишкомъ хорошо
помнитъ притчу о верблюдѣ и игольномъ ушкѣ. Ея клас-
совое сознание и классовая точка зрѣнія въ извѣстномъ
смыслѣ духовно сродни русскому народничеству, но вмѣ-
сто крестьянина здѣсь фигурируетъ рабочій. Въ этомъ от-
ношеніи пролетарскій мессіаниззмъ и идеализація пролета-
ріата англійскому социализму свойственны въ гораздо боль-
шей мѣрѣ, чѣмъ континентальному. Это конечно не «клас-
совое самосознание» въ духѣ теоретическаго марксизма, но
это не менѣе, а можетъ и болѣе сильное сознание и чувство
морально-социальной и исторической избранности, чѣмъ
въ средѣ континентальнаго социализма. Чтобы нащупать
духовный пульсъ этого пролетарскаго народничества, по-
лезно ознакомиться съ нѣкоторыми цитатами изъ рѣчи
Макдональда, произнесенной имъ на конгрессѣ Американ-
ской Федерациі Труда въ Торонто во время пребыванія ан-
глійскаго премьера въ гостяхъ у Хувера.

Уже самое это появленіе Макдональда на рабочемъ кон-
грессѣ въ моментъ максимальнаго выявленія его высоко-
дипломатической и высоко общенациональной миссиі са-
мо по себѣ характерно съ интересующей насъ сейчасъ точ-
ки зрѣнія. Съ другой стороны необходимо помнить, что и
сама Американская Федерација Труда наврядъ ли имѣетъ
во всемъ мѣрѣ сколько нибудь серьезныхъ конкурентовъ
по части отрицанія классовой точки зрѣнія. И вотъ что
Макдональдъ говорилъ въ такой моментъ, въ такомъ сво-
емъ качествѣ на такомъ собраніи:

«Меня здѣсь представили въ соответствии съ тѣмъ зна-
ченіемъ, какое я имѣю въ качествѣ англійскаго премьера.
Это, конечно, правильно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ бы,
чтобы вы одновременно почувствовали, что — премьеръ
я или нѣтъ — я все же остаюсь тѣмъ же рабочимъ, какимъ

я быть. А рабочаго можно узнать не по платью и не потому, гладка ли кожа его рукъ или на нихъ мозоли. Нѣтъ, рабочаго можно узнать по его духу, по его точкѣ зрѣнія, съ какой онъ вступаетъ въ жизнь... Я пріѣхалъ сюда съ миссией мира и гдѣ же мнѣ больше всего черпать воодушевленія для этой миссии, чѣмъ не здѣсь, въ рядахъ рабочихъ? Рабочіе — вы вѣдь комплектуете армію, вы вѣдь поставляете вооруженіе, вы вѣдь даете деньги для займовъ и вы вѣдь въ концѣ концовъ всѣ эти займы погашаете. Несомнѣнно, всѣ классы чѣмъ нибудь да жертвуютъ во время войны. Всякая мать, является ли она членомъ высокой аристократіи страны или страдаетъ неопишимо отъ нужды — должна подумать, должна почувствовать тѣ опасности, тѣ муки, которыя суждены ея сыну, отданному въ жертву войны. Но рабочіе несутъ на себѣ наиболѣе тяжкое бремя и на ихъ долю выпадаютъ самыя тяжкія страданія и обильныя жертвы. И если еще разъ случится война, то рабочіе въ ней обречены на страданія и жертвы, которыя неопишимо превосходятъ то, что было въ предыдущихъ войнахъ... Рабочіе, друзья мои! Такъ какъ я никогда не былъ и не буду однимъ изъ тѣхъ, которые вѣрятъ, что только тотъ или иной классъ долженъ намъ помочь, то мой призывомъ всегда былъ народнымъ призывомъ. И такъ это происходитъ, когда я борюсь за свою партію на моей родинѣ, когда я пытаюсь направить міръ на пути разума и совѣсти. Такъ это было и такъ это будетъ всегда. И тѣмъ не менѣе, глубоко въ моемъ сердцѣ находится источникъ, который воодушевляетъ меня и даетъ мнѣ силу продолжать работу, продолжать мою борьбу. Источникъ этотъ — рабочій, его жизнь, его домъ, его жена и дѣти. Мѣсто ихъ въ моемъ сердцѣ свято. И когда я подумаю о войнѣ, о враждѣ и борьбѣ между народами, я тутъ же думаю о нихъ, о рабочихъ. Они первые приходятъ мнѣ на умъ и они мои провожатые».

Въ этой крайне характерной для всего духа и стиля Рабочей Партіи рѣчи Макдональда вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется и отвѣтъ на вопросъ о классовомъ сознаниі въ англійскомъ социализмѣ. Апелляція ко всѣмъ, но изъ глубины какой то святости, хотя и озаренной духомъ нагорной проповѣди, но въ терминахъ социальнаго познанія строго фиксированной. Это пролетаріатъ. Такъ говоритъ премьеръ британской имперіи на собраніи американскаго рабочаго конгресса, не только равнодушнаго, но и прямо враждебна-

го идеямъ социализма. Передъ нами глубоко англійское классовое самосознаніе и глубоко англійская «точка зрѣнія». Все это очень плохо укладывается въ тѣ идейные объемы, которые соотвѣтствуютъ этимъ понятіямъ на континентѣ, но невозможно отрицать, что тутъ передъ нами весьма интенсивныя формы и этого сознанія и этой «точки». Не только противникамъ, но и друзьямъ классовой ориентаціи социализма необходимо отказаться отъ превращенія одного типа этой ориентаціи въ подсудимаго, а другого — въ прокурора.

При наличи рѣзкихъ видовыхъ отличій, родовая общность этихъ двухъ типовъ классоваго міросозерцанія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если на основаніи этого рѣзкаго отличія отъ континентальныхъ образцовъ приходится къ заключенію объ отсутствіи въ Рабочей Партіи классоваго самосознанія, то тѣмъ же методомъ надо будетъ придти къ заключенію объ отсутствіи въ Рабочей Партіи социализма. Лично за себя долженъ сказать, что если бы я вступилъ на стезю радикальныхъ сомнѣній въ характерѣ Рабочей Партіи, то я бы скорѣе усомнился въ ея социализмѣ, чѣмъ въ ея классовомъ міросозерцаніи. Последнее въ ней во всякомъ случаѣ представлено интенсивнѣе, чѣмъ первое.

Тѣмъ не менѣе это остается фактомъ: Рабочая Партія, которая полнымъ голосомъ и все чаще произноситъ это, еще новое для нея, слово «социализмъ», радикально отказывается отъ терминовъ классовой борьбы и классовой ориентаціи. По аналогіи можно думать, что въ духовномъ инвентарѣ Рабочей Партіи появится и эта новизна. Англичане вѣдь во всемъ чрезвычайно самостоятельны и всѣ наблюдатели англійской духовной жизни утверждаютъ единогласно, что ученый ли, политикъ ли, приступающій къ изученію какого нибудь вопроса, устраивается такъ, точно никто до него никогда надъ этимъ вопросомъ не работалъ и уже во всякомъ случаѣ никто на континентѣ никогда ничего по этому вопросу не сказалъ. Если Рабочая Партія впервые только въ 1918 году открыла «социализмъ», то можно думать, что столь же самостоятельно она въ будущемъ откроетъ и «классовую борьбу».

Сдѣлать ей это будетъ все таки очень трудно. Въ социальномъ-психологическомъ генезисѣ классовой ориентаціи континентальнаго рабочаго движенія совершенно явственно проглядываетъ моментъ безправія рабочаго класса.

Стѣна, отдѣлявшая рабочій классъ отъ остальныхъ социальныхъ группъ населенія, была построена не изнутри пролетаріата, а извнѣ его его социальными-политическими антагонистами. До классового сознанія пролетаріата существовало очень сильное классовое сознание... о пролетаріатѣ. Это было то классовое сознание, которое диктовало классамъ, имущимъ власть и капиталъ, ограничивать личныя и гражданскія права пролетаріата, держать его не только въ экономически подчиненномъ, но и политически и духовно подчиненномъ положеніи. Пролетаріатъ былъ «низшимъ» классомъ населенія. По настагающему самую суть положенія замѣчанію Маркса «пролетаріатъ былъ классомъ для другихъ». Классовая стѣна вокругъ него была построена извнѣ.

Оставалось «превратить пролетаріатъ въ классъ для себя». Такова была задача социалистическаго движенія. По существу это означало — дать пролетаріату ясное сознание своего политическаго положенія, открыть ему глаза на окружающую его стѣну и на ея свойства, превратить звонъ его цѣпей изъ ублаживающей мелодіи въ призывный набатъ возстанія. Такъ классовое сознание пролетаріата родилось на континентѣ, какъ почти біологически принудительная реакція самозащиты противъ классоваго сознанія о пролетаріатѣ. При этомъ численная слабость пролетаріата въ составѣ всего населенія только усиливало эту опасливую настороженность «класса для себя». Недаромъ наиболѣе «выдержанную классовую точку зрѣнія» проводилъ русскій марксизмъ, вперившій взоръ надежды всего только на маленькій пролетарскій островокъ въ океанѣ русскаго народа. Наоборотъ, народники и соц.-революционеры, вперившіе взоръ въ широкое крестьянское море, могли не обременять себя заботами о чистотѣ классоваго сознанія. Они были «широкими».

Развитіе англійской демократіи еще на зарѣ промышленной революціи, національная революція, отбушевавшая и принесшая свои плоды еще въ доисторическій періодъ современнаго социализма, помѣшали въ Англии созданію стѣны вокругъ пролетаріата той вышины, толщины и прочности, какъ на континентѣ. Борьба между собою двухъ партій за счетъ уступокъ рабочему классу значительно отсрочили въ Англии превращеніе англійскаго пролетаріата въ классъ для себя. А когда это случилось, то промышленное развитіе Англии зашло уже такъ далеко и численность

пролетариата до того выросла, что опасливое сознание своей особенности легко превратилось в горделивое сознание своего подавляющего большинства. Какой же это, в самом деле, «классъ», когда это совсѣмъ безъ малаго весь народъ? Какой же это «классъ», когда вотъ ужъ второй разъ представители пролетариата составляютъ королю его тронную рѣчь, а для королевы составляютъ списокъ желательныхъ пролетариату фрейлинь?

Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, а все-таки слабое классовое сознание англійскаго пролетариата объясняется громаднымъ сознаниемъ имъ своей классовой силы. Англійскій пролетариатъ усваиваетъ традицію всѣхъ классовъ прошлаго: они всегда считали себя «всѣмъ» и нынѣ пролетариатъ тоже считаетъ себя всѣмъ. Нужно ли говорить о томъ, что у англійскаго пролетариата есть для этого больше оснований, чѣмъ у буржуазіи? Гораздо больше, но все таки недостаточно. Среди элементовъ, питающихъ увѣренность Рабочей Партіи въ томъ, что она, если еще сейчасъ не «все», то скоро станетъ «всѣмъ», есть и нѣчто отъ лукаваго. На этого лукаваго Партія сознательно ставитъ, рассчитывая при его помощи получить въ парламентѣ абсолютное число мандатовъ.

Къ этой ставкѣ на лукаваго необходимо присмотрѣться поближе.

VI.

Въ программѣ Рабочей Партіи 1918 г. было сказано: «Р. П. существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ партій своимъ требованіемъ реального осуществленія принциповъ демократіи». Среди конкретныхъ требованій, относящихся къ осуществленію «реальной демократіи», значились и такія: «Политическія права для служащихъ арміи и флота. Пассивное избирательное право для чиновниковъ и офицеровъ. Пропорціональное представительство меньшинствъ въ парламентѣ. Короткіе сроки легислатуръ. Полная ликвидація палаты лордовъ».

Въ программѣ Партіи 1928 г. всѣ эти «существенныя отличія отъ всѣхъ остальныхъ партій» исчезаютъ. Не потому, что другія партіи тоже выставили подобныя требованія, а потому, что Рабочая Партія отъ нихъ отказалась. Что касается системы пропорціональнаго представительства, а

это насъ теперь главнымъ образомъ интересуетъ, то здѣсь случилось вотъ что: Рабочая Партія отъ этого требованія отказалась, а либеральная партія это требованіе признала своимъ. Въ этомъ отношеніи «существенное отличіе» осталось, но знаки неравенства перемѣнились мѣстами.

Что случилось за это время? Рабочая Партія, бывшая въ 1918 г. еще очень слабой, стала къ 1928 году очень сильной. Классовое сознаніе слабыхъ смѣнилось классовымъ сознаніемъ сильныхъ. Изъ «третьей» Рабочая Партія превратилась во вторую. Заключаящаяся въ англійской избирательной системѣ большая премія въ пользу сильныхъ за счетъ слабыхъ стала перепадать усилившейся Рабочей Партіи за счетъ слабѣвшей либеральной партіи. Рабочая Партія ощутила на себѣ въ старой и парадоксальной системѣ достоинства ея недостатковъ, либеральная партія ощутила на себѣ въ этой системѣ недостатки ея достоинствъ. Программа не Библия и не пѣсня, изъ которыхъ слова не выкинешь. Примѣнительно къ Англійи наше возвышенное представленіе о программѣ вообще способно только ввести въ заблужденіе. Тамъ хорошая программа — это такая программа, которую непосредственно можно обратиться въ хорошую платформу, а хорошая платформа это такая платформа, которую непосредственно можно обратиться въ хорошую тронную рѣчь. Хорошая же тронная рѣчь — это та, къ которой предвидится возможно меньше поправокъ оппозиціи *). Изъ такой «программы» можно выкинуть очень много словъ и Рабочая Партія такъ и поступила.

Уже выборы 1923 года показали, что мажоритарная система безъ перебаллотировокъ можетъ дать громадные шансы Рабочей Партіи. Она провела въ парламентъ 191 депутата при 4.438.508 полученныхъ Партіей голосовъ. На одного рабочего депутата приходилось 23.238 голосовъ. Либералы получили тогда почти столько же голосовъ, что и Рабочая Партія — 4.311.147. Однако въ палату прошло всего 159 депутатовъ, что даетъ 27.114 голосовъ на одного либеральнаго депутата. Консерваторы собрали 5.538.824 голоса и провели 258 депутатовъ, что даетъ на одного де-

---

*) Характерно, что произведенія 1918 и 1928 г., формулирующія принципы и требованія Р. П., вовсе и не называются «программами». Документъ 1918 г. озаглавленъ: «Labour and the Social Order», а документъ 1928 г. — «Labour and the Nation».

путата 21.468 голосовъ. Рабочая Партія пришла къ власти и либералы, памятуя о требованіи пропорціональнаго представительства, извѣщаемся въ программѣ Рабочей Партіи 1918 г. потребовали отъ рабочаго правительства осуществленія этой реформы. Но Рабочая Партія въ тотъ моментъ уже хлебнула сладкій нектаръ отсталой избирательной системы и провести реформу этой системы отказалась.

Расплата за этотъ отказъ отъ своего бызого требованія не замедлила сказаться. На выборахъ 1924 года Р. П. потерпѣла парламентское пораженіе на основѣ своей несомнѣнной избирательной побѣды. Она выиграла болѣе милліона голосовъ и потеряла 40 депутатскихъ мѣстъ при томъ же числѣ избирателей. На этотъ разъ среднее число голосовъ на одного депутата составляло: у консерваторовъ — 19.513, Рабочей Партіи — 36.219, либераловъ — 73.218. Либераламъ эти выборы нанесли громаднй ударъ. Они потеряли по сравненію съ предыдущими выборами почти 1,4 милліона голосовъ и, что еще важнѣе въ Англии, 119 мѣстъ изъ своихъ прежнихъ 159. На этотъ разъ избирательная система оказалась наиболѣе для нея губительной. При пропорціональной системѣ выборовъ либералы имѣли бы вмѣсто 40 мандатовъ — 108; консерваторы вмѣсто 412 — только 298 и Рабочая Партія вмѣсто 151 мандата — 209 мандатовъ. Выиграли на устарѣлой системѣ консерваторы, Рабочая Партія на ней значительно проиграла, а либеральная партія проиграла катастрофически.

Это послѣднее обстоятельство еще болѣе укрѣпило Рабочую Партію въ ея отрицательномъ отношеніи къ реформѣ избирательной системы. Въ близкой дали маячила надежда на полное исчезновеніе либеральной партіи. Старая избирательная система оказалась для либераловъ убійственной и это подкрѣпило Рабочую Партію въ ея стремленіи эту старую систему сохранить.

Выборы 1929 г. какъ будто оправдали эти практическіе расчеты Рабочей Партіи. Парадоксальная избирательная система на этотъ разъ опять оказалась исключительно неблагоприятной для либераловъ и исключительно благоприятной для Р. П. Среднее число голосовъ, приходящихся въ каждой партіи на одного депутата, составляетъ у либераловъ — 92,4 тысячъ, у Рабочей Партіи болѣе чѣмъ въ три раза меньше — 28,9 тысячъ и у консерваторовъ — 33,9 тысячъ. Фаворитомъ оказалась Рабочая Партія. Пропорціональное представительство отняло бы при томъ же числѣ

голосовъ у Рабочей Партіи примѣрно 70 мандатовъ и прибавило бы либераламъ свыше 80 мандатовъ. Консерваторы тоже потеряли бы около 27 мандатовъ. Но все таки относительное большинство было бы не у Рабочей Партіи, какъ сейчасъ, а у консерваторовъ. Либералы сидѣли бы въ парламентѣ въ видѣ почтенной фракціи въ 140 депутатовъ вмѣсто нынѣшнихъ 58.

Упомянутый мною авторъ блестящей книги о Рабочей Партіи, Эгонъ Вэртгеймеръ, усиленно предостерегаетъ противъ оцѣнки этой позиціи Р. П. въ вопросѣ о реформѣ избирательнаго права, «какъ чистаго оппортунизма». Онъ въ этомъ случаѣ гораздо менѣе доказателенъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Отказъ отъ реформы избирательнаго права не единственный въ той программной девальваци, которая была произведена въ 1928 г. На ряду съ требованіемъ этой реформы отпало и требованіе короткихъ сроковъ легислатуры, уничтоженія верхней палаты, политическихъ правъ для служащихъ арміи и флота и пассивнаго избирательнаго права для чиновниковъ и офицеровъ... Можно по разному оцѣнивать необходимость каждой изъ этихъ реформъ. Но несомнѣнно, что отказъ отъ всей этой пачки реформъ, включая и реформу избирательнаго права, явился результатомъ возросшей силы Рабочей Партіи, когда она увидѣла, что рядъ архаизмовъ въ демократическомъ строѣ Англій, бывшіе вредными для Рабочей Партіи, могутъ ей стать полезными. Для меньшинства длинныя легислатуры губительны. Для большинства онѣ желательны. Для слабой партіи вредна мажоритарная система безъ перебаллотировокъ. Для сильной партіи эта система можетъ оказаться благодѣтельной, во всякомъ случаѣ пріятной.

Что же «принципiальнѣе» — законъ слабого или законъ сильнаго? Конечно, въ такой формѣ вопросъ звучитъ безнадежной метафизикой. И все таки этотъ отказъ отъ равенства условій политической борьбы для слабого и сильнаго не можетъ не подорвать самыхъ основъ демократіи. Даже исторически и социологически обреченное меньшинство имѣетъ моральное право на равенство формальныхъ условій борьбы. Въ тотъ моментъ, когда демократія забудетъ о своемъ происхожденіи изъ борьбы за права слабого, въ тотъ моментъ наступитъ ея духовная смерть.

Несомнѣнно: эта новая позиція Рабочей Партіи явилась результатомъ не только государственнаго раздумья о наи-

лучшихъ способахъ управленія страной, но и результатомъ такого роста увѣренности въ своей силѣ, при которомъ всѣ реминисценціи періода своей слабости должны были значительно потускнѣть. Сама избирательная система, приводящая къ власти меньшинство въ странѣ, не могла не отразиться на политической психологіи Рабочей Партіи въ сторону искаженія политическихъ ея перспективъ. Блескъ и пышность парламентскаго представительства затуманили передъ Рабочей Партіей дѣйствительное соотношеніе силъ въ странѣ и борьба за власть, дающая всѣ 100% гарантіи демократіи, стала вытѣснять борьбу за самое демократію. Безъ всего только 17-ти депутатовъ до абсолютнаго большинства въ парламентѣ Рабочая Партія слишкомъ вперила взоръ въ это уже очень близкое большинство и намѣтило къ нему пути срочные и поспѣшные, не оставляющіе уже мѣста для тормозящей вѣрности своимъ же, еще недавно защищаемымъ лозунгамъ. Завоеваніе большинства стало цѣлью, достиженіе которой лучше обезпечивается консервативными архаизмами англійской политической системы, чѣмъ демократическими новшествами. Эти новшества сразу упали въ своей цѣнности до значенія всего только «средствъ», которыми всегда переменяется и быть должна какъ только та же цѣль можетъ быть скорѣе достигнута иными средствами, болѣе «дѣйствительными».

Нетрудно видѣть, что іерархія цѣлей и средствъ подобнаго типа можетъ завести очень далеко. Если полезно освободиться отъ нѣкотораго объема требованій во имя достиженія большинства, то тѣмъ самымъ открытъ путь для освобожденія отъ другого объема требованій во имя сохраненія этого большинства. Принципіальной разницы тутъ никакой нѣтъ. Есть однако въ позиціи Рабочей Партіи одинъ пунктъ, который какъ будто социологически оправдываетъ эту разгрузку ея программы отъ политическихъ требованій 1918 г.

Присмотримся къ нему внимательнѣе.

VII.

Громадное большинство руководящихъ элементовъ Рабочей Партіи твердо убѣждено въ томъ, что Англія обязательно вновь вернется къ системѣ двухъ партій, такъ какъ

либеральная партія все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами. Факты несомнѣнно много говорятъ въ пользу этого прогноза. Отъ былой славы и блеска англійскаго либерализма остались чрезвычайно жалкіе слѣды. Радикальные элементы либеральной партіи все чаще и чаще переходятъ въ Рабочую Партію, умѣренные элементы либерализма убѣгаютъ подъ сѣнь консерватизма. Если это возвращеніе Англій къ системѣ двухъ партій совершится, то тогда мажоритарная система выборовъ безъ перебаллотировокъ вновь получитъ свой смыслъ: въ палату вновь будутъ попадать депутаты, избранные абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Парламентское большинство будетъ соответствовать большинству въ странѣ. Реформа этой, приспособленной къ двумъ партіямъ, избирательной системы во имя только отвлеченныхъ требованій демократіи будетъ не болѣе чѣмъ искусственной гальванизаціей живого трупа либерализма. Реформа на пользу третьей партіи, которая вотъ-вотъ исчезнетъ, была бы голымъ доктринерствомъ. На такое доктринерство Рабочая Партія, конечно, добровольно не пойдетъ.

Но кромѣ этого прогноза о будущности либерализма имѣется еще и представленіе о желательности такого положенія, когда между Рабочей Партіей и консерваторами не будетъ ничего промежуточнаго. Въ Англій не употребляютъ фразы «классъ противъ класса», замѣняя ее «прогрессомъ противъ отсталости» и т. п., но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это построеніе совпадаетъ съ иными лѣвыми теченіями континентальнаго социализма, тоже предсказывающими и для Европы такое положеніе и желающими его, когда между социализмомъ и реакціей не будетъ никакой буферной политической силы. Существенная разница между англійскимъ и лѣвымъ континентальнымъ социализмомъ состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ взору лѣвыхъ европейскихъ социалистовъ рисуется «сплошная реакционная масса», противостоящая социализму, взору англійскихъ социалистовъ рисуется сплошная прогрессивная масса, противостоящая реакціонному меньшинству. Эта англійская концепція сплошной прогрессивной массы имѣетъ свою аналогію и на континентѣ и аналогію весьма почтенную. Я на нее указывалъ на этихъ страницахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при анализѣ Гейдельбергской программы германской соц.-дем. партіи. вмѣсто традиціонно проводившейся линіи, отдѣ-

лявшей пролетариатъ отъ всѣхъ остальныхъ классовъ, эта программа явственно провела линію, отдѣляющую отъ «всего общества» только десятки тысячъ — «всемогущихъ повелителей хозяйства». Даже въ гораздо болѣе «ортодоксальной» ликцской программѣ австрийской соц.-дем. партіи можно найти слѣды такого метаморфоза.

Съ этой точки зрѣнія стремленіе Рабочей Партіи стать единственнымъ убѣжищемъ социально-политическаго прогресса противъ единственнаго же убѣжища социально-политической реакціи является вполне законнымъ и совпадаетъ съ общей эволюціей демократическаго социализма во всемъ мірѣ. Вопросъ только сводится къ тому, настолько ли далеко уже зашелъ процессъ увяданія буржуазнаго либерализма, чтобы въ порядкѣ послѣднихъ и при помощи мѣръ искусственныхъ добить его остатки и взять на себя единственное представительство интересовъ прогресса.

На этотъ вопросъ и въ самой Англии, въ средѣ самой же Рабочей Партіи раздаются, правда изолированныя, но все же отрицательныя отвѣты. Не всѣ такъ послѣдно хоронятъ либеральную партію, какъ господствующее теченіе въ Рабочей Партіи. Въ частности весьма настойчиво противъ этихъ надеждъ на исчезновеніе либеральной партіи выступаетъ какъ разъ представитель лѣваго крыла Рабочей Партіи — Брайльсфордъ. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ примѣрно и Сноуденъ, лично не продѣлавшій путь отказа отъ реформы избирательнаго права. Большое значеніе имѣетъ и показаніе Вэртгеймера, совершенно не раздѣляющаго слѣднаго оптимизма Рабочей Партіи въ этомъ вопросѣ. По его мнѣнію ставка Рабочей Партіи на систему двухъ партій уже и потому несостоятельна, что либеральная партія обладаетъ громаднымъ избирательнымъ фондомъ, который ей позволитъ выставлять своихъ «третьихъ» кандидатовъ почти во всѣхъ округахъ еще очень долгое время.

Но, конечно, центръ тяжести не въ матеріальной обезпеченности либераловъ. Выборы 1929 года дали либераламъ болѣе пяти милліоновъ голосовъ, почти четверть всѣхъ поданныхъ голосовъ въ странѣ. О партіи, собирающей такую долю голосовъ при наличіи двухъ другихъ «большихъ» партій, совершенно невозможно говорить въ стилѣ похоронномъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что по сравненію съ 1924 г. выборы 1929 г. принесли либераламъ относительно большій выигрышъ голосовъ, чѣмъ

Рабочей Партіи. Если среди каждой сотни избирателей Рабочая Партія увеличила свою долю 1924 г. на 4,5 избирателя, то либеральная партія увеличила свою долю почти на 8 избирателей. Выборы 1929 г. показали, что разница въ силѣ вліянія на массы избирателей между либералами и лабуристами не увеличилась, а уменьшилась. На далекомъ разстояніи отъ Рабочей Партіи либеральная партія сдѣлала все таки большій шагъ впередъ, чѣмъ рабочая. Исчезновеніе съ лица земли партіи, собирающей еще четверть голосовъ всего правоспособнаго населенія, не можетъ никоимъ образомъ быть предметомъ непосредственнаго политическаго расчета ея противниковъ, если они не желаютъ власть въ тяжкую и опасную ошибку.

Какъ ни велика социалистическая правизна Рабочей Партіи и какъ ни велика буржуазная лѣвизна либеральной партіи, разстояніе между ними все еще достаточно принципиально глубоко, чтобы социальное, политическое и культурное многообразіе англійскаго народа давало сторонниковъ обѣимъ партіямъ не на основаніи какого либо недоразумѣнія или «несознательности», а на основаніи взвѣшенныхъ интересовъ и склонностей. Въ настоящей моментъ въ развитіи социальномъ-политическомъ сознанія англійскаго народа исчезновеніе либеральной партіи даже какъ слабого меньшинства возможно только въ одномъ случаѣ: если сама Рабочая Партія превратится въ либеральную, если въ процессѣ приспособленія къ отвлеченной «средней» изъ разнообразія сталкивающихся социальныхъ и политическихъ противорѣчій Рабочая Партія значительно ослабитъ свою программную и духовную связь съ тѣмъ классомъ, внутри котораго она выросла и окрѣпла. Но въ этомъ случаѣ путемъ сложныхъ и мучительныхъ внутри-партійныхъ кризисовъ, расколовъ и отколовъ тотъ же классъ выдвинетъ новую третью партію, которая въ качествѣ слабой вновь повторитъ исторію молодости Рабочей Партіи. Алкаемой простоты и ясности дву-партійнаго избирательнаго и парламентскаго рисунка все равно не будетъ. Рабочему же движенію и социализму въ Англійи это нанесетъ жестокіе удары *).

Судя по всѣмъ имѣющимъ признакамъ англійскому се-

*) Краткая исторія 2-го рабочаго кабинета уже обогатилась фактомъ голосованія противъ него въ парламентѣ цѣлой группы депутатовъ, принадлежащихъ къ Независимой Рабочей Партіи.

циализму не угрожаетъ перспектива такой эволюціи, при которой либерализмъ сумѣетъ спокойно умереть, довѣривъ веденіе своихъ дѣлъ душеприказчикамъ изъ Рабочей Партіи. Для этого у нея достаточно того классоваго сознанія, о которомъ я говорилъ выше. Но именно поэтому расчеты на исчезновеніе либеральной партіи построены на пескѣ, на пескѣ парламентскихъ иллюзій о большинствѣ депутатовъ, за которымъ нѣтъ большинства народа.

Между тѣмъ эта иллюзія, порожаемая фальшивымъ большинствомъ, является громаднымъ тормазомъ въ развитіи и практическомъ осуществленіи той программы реформъ, которая воодушевляетъ Рабочую Партію. Эта программа могла бы быть въ значительной мѣрѣ осуществлена дѣйствительнымъ парламентскимъ большинствомъ, опирающимся на дѣйствительное большинство въ населеніи при условіи проведеннаго договорнымъ и формальнымъ образомъ соглашенія между Рабочей Партіей и либеральной. На послѣднихъ выборахъ эти двѣ партіи выступали почти съ совершенно тождественной программой реформъ и въ пылу избирательной борьбы другъ друга упрекали въ злостномъ программокрадствѣ. Можно думать, что обвиненія, выдвинутыя Рабочей Партіей, были болѣе обоснованными. Но ужъ самый фактъ этихъ взаимныхъ обвиненій показываетъ, что тутъ объективно имѣется почва для тѣснаго сотрудничества въ области назрѣвшихъ соціальныхъ и политическихъ реформъ. Однако нѣсколько мѣсяцевъ существованія рабочаго правительства обнаружили съ его стороны крайнюю осторожность, переходящую порою въ пассивность, во всѣхъ вопросахъ внутренней политики. И эта робость и пассивность уже привели къ тому, что на послѣднемъ конгрессѣ Партіи, то громадное большинство, которое поддерживало и привѣтствовало внѣшнюю политику кабинета Макдональда, моментально сжималось до совершенно незначительнаго большинства, когда на повѣсткѣ стояли вопросы внутренней политики. Въ чемъ источникъ этого безсилія и кункаторства? Намъ важно здѣсь выслушать отвѣтъ на этотъ вопросъ, даваемый какъ разъ представителемъ лѣваго крыла партіи, уже упомянутымъ Брайльсфордомъ. Онъ пишетъ о дѣятельности второго кабинета Макдональда:

«Создавшееся тяжелое положеніе объясняется главнымъ образомъ тѣми отношеніями, которыя господствуютъ между Рабочей Партіей и либералами. Программы

дѣйствій этихъ двухъ партій на послѣднихъ выборахъ почти совпадали. И тѣмъ не менѣе онѣ находятся въ состояннн войны на истребленіе. Будь это возможнымъ организовать между ними прямые переговоры, тогда неувѣренность въ томъ, до какого пункта можетъ дойти взаимная поддержка, исчезла бы и вмѣстѣ съ нею и прискорбная робость рабочаго кабинета. Тѣ, которые знаютъ либераловъ, утверждаютъ, что при помощи открытаго и вѣжливаго поведенія (!) либераловъ легко было бы склонить къ поддержкѣ гораздо болѣе смѣлой политики, чѣмъ та, которая изложена въ нашей тронной рѣчи. Однако подобные переговоры невозможны, такъ какъ господствующее въ Рабочей Партіи теченіе надѣется уничтожить либерализмъ, отказавъ ему въ проведеніи обѣщанной ему избирательной реформы». Указавъ далѣе на громадную опасность мнимыхъ парламентскихъ большинствъ, не имѣющихъ подъ собою довѣрія большинства населенія, Брайльсфордъ продолжаетъ:

«Передъ лицомъ этой опасности Рабочая Партія, какъ мнѣ кажется, стоитъ съ закрытыми глазами. Она вѣрится, что съ незначительнымъ большинствомъ такого рода, она очутится въ томъ же положеніи, что и Болдвинъ въ послѣднемъ парламентѣ. Онъ могъ черезъ этотъ парламентъ проводить консервативную политику. Почему же при одинаковомъ положеніи Рабочей Партіи не проводить смѣлой соціалистической политики! Здѣсь существуетъ глубоко идущее различіе, которое проходитъ мимо вниманія Партіи. Любое большинство, хотя бы и самое мнимое, будетъ совершенно достаточнымъ для политики бездѣятельности и «безопасности прежде всего». (Safety first). Но можемъ ли мы проводить смѣлое соціалистическое законодательство безъ большинства избирателей за нами? Невозможность этого ясна, въ особенности принимая во вниманіе, что среди нашихъ избирателей находится большое число либераловъ, которые соціализма не приняли. Наши вожди будутъ отдавать себѣ въ этомъ полный отчетъ, но широкія массы, передъ которыми на лицо только простой фактъ нашего парламентскаго большинства, въ концѣ концовъ потребуютъ отъ насъ рѣшительныхъ дѣйствій. Ни пойти на это, ни отказать имъ въ этомъ одинаково нельзя будетъ безъ самыхъ тяжкихъ послѣдствій. Въ первомъ случаѣ, даже въ конституціонной Англїи, отвѣтомъ на это можетъ быть фашистское сопротивленіе. Въ послѣднемъ случаѣ:

сама Рабочая Партія можетъ расколоться» *). Въ еще болѣе густыхъ тонахъ рисуется эти опасности мнимыхъ социалистическихъ большинство отнюдь не лѣвый Э. Вэртгеймеръ, считающій вопросъ объ избирательной реформѣ роковымъ вопросомъ для всего будущаго англійскаго социализма **).

Передъ нами во всякомъ случаѣ авторитетное показаніе, имѣющее не только мѣстное, но и большое принципиальное значеніе для тактики социализма вообще: на пути «вѣжливаго поведенія» и сговора съ радикальными элементами буржуазныхъ классовъ социализмъ можетъ добиться гораздо больше реальныхъ выгодъ для представляемыхъ имъ массъ, чѣмъ на пути «борьбы на уничтоженіе». Если Рабочая Партія не въ состояніи взяться за рѣшительное проведеніе назрѣвшихъ внутреннихъ реформъ, то это не потому, что она слишкомъ «вѣжлива» со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ справа, а потому, что она слишкомъ съ нимъ... невѣжлива. Еще одинъ англійскій парадоксъ, поучительный однако и для многихъ представителей континентальнаго и въ особенности русскаго социализма.

VIII.

Передъ нами прошли предѣлы реформаторской дѣятельности англійскаго социализма, зависящіе въ значительной мѣрѣ отъ специфическихъ и архаическихъ условий англійской политической жизни. Значитъ ли это, однако, что съ устраненіемъ этихъ специфическихъ условий возможности социальна-политическаго преобразования Англии въ духѣ социализма становятся безграничными? Вѣдь англійскій случай тѣмъ и представляетъ огромный принципиальный интересъ для всего міроваго социализма, что здѣсь главнѣйшія проблемы его осуществленія приобретаютъ въ первый разъ такое конкретное экспериментально-практическое значеніе. Мы здѣсь все начинаемъ видѣть на очень близкомъ разстояніи, превращающемъ утѣ-

*) См. Н. N. Brailsford « Die zweite Arbeiterregierung in England » « Die Gesellschaft » 1929, № 8.

**) См. Dr. Egon Wertheimer « Die Zukunft der britischen Arbeiterregierung und das englische Wahlsystem » « Die Gesellschaft » 1929, № 6.

шительное теоретическое «вообще» въ затруднительныя жизненныя «частности».

Можно думать, что тотъ или иной компромиссъ въ борьбѣ за избирательную реформу будетъ проведенъ и можетъ быть еще при этой легислатурѣ. Рабочая Партія вновь войдетъ въ парламентъ не только какъ парламентское большинство, но и какъ большинство въ странѣ. Можно ли въ этомъ случаѣ представлять себѣ дѣло такъ, что тутъ вотъ, тогда то вотъ и начнется «настоящее», которое невозможно пока Рабочая Партія не имѣетъ большинства въ парламентѣ или пока этому большинству не соответствуетъ большинство въ самой странѣ?

Тутъ очень часто происходитъ обычная ошибка перспективы. «Настоящее», «смѣлое» и рѣшительное социалистическое преобразование—всѣ эти волнующія насъ опредѣленія получаютъ свой патетическій зарядъ только въ ограниченныхъ возможностяхъ сегодняшняго дня. Да, если бы все то, что мы вкладываемъ конкретнаго въ эти волнующія опредѣленія, свершилось сегодня, то это было «настоящимъ», «смѣлымъ», «рѣшительнымъ» и т. п. Но завтра значительная часть этой патетики увянетъ, потому что завтра мы будемъ находиться въ своемъ поступательномъ движеніи выше и слѣдовательно вершина, кажущаяся намъ сегодня очень высокой, завтра покажется намъ нѣсколько болѣе низкой. Несомнѣнно, какъ только мы достанемъ руками притягивающій насъ магнитъ надежды, мы его немедленно подбросимъ еще выше, мы даже постараемся какъ нибудь удолчиться подбросить его выше еще прежде чѣмъ ухватимся за него руками. Поэтому въ нашихъ реальныхъ переживаніяхъ каждаго дня такого момента, когда воплотится это «настоящее», «смѣлое» и «рѣшительное» не будетъ по той простой причинѣ, что оно постоянно будетъ мѣняться еще до того, какъ мы къ нему приблизимся.

Рабочая Партія несомнѣнно и уже въ недалекомъ будущемъ придетъ къ тому, что мы сегодня называемъ «смѣлымъ», «рѣшительнымъ», можетъ быть даже «революционнымъ» и т. п. Но тогда реальное содержаніе всего этого съ трудомъ можно будетъ сочетать съ этими пріятными прилагательными. Это будетъ всего только «шагомъ впередъ», можетъ быть «большимъ шагомъ впередъ» въ томъ же направленіи, въ какомъ Рабочая Партія идетъ въ наши дни. Если тогда въ полномъ освобожденіи многихъ

колоній отъ остатковъ имперіалистическаго владычества никто не увидить ничего «смѣлаго», то только потому, что еще до того будетъ проведено не полное освобожденіе отъ этого владычества, которое тоже не является особенно смѣлымъ. И такъ это будетъ во всѣхъ областяхъ внутренней и международной политики. Поймать и зафиксировать тотъ метафизическій моментъ, когда количество переходитъ въ качество могли бы только мы, нынѣ живущіе при еще скромныхъ дозахъ количества и качества, но — увы — этотъ моментъ останется непойманнымъ и неотмѣченнымъ, потому что насъ уже тогда не будетъ, а изши потомки по причинѣ всего только еще одного шага впередъ вознеселятся только умѣренно.

Всякій изъ насъ понимаетъ, какъ неразумно было бы на этомъ основаніи утверждать, что это социалистическое «качество» никогда не воплотится. Но кажется не всѣ мы понимаемъ, что оно частично воплощается уже сейчасъ. Дальнорукость не менѣе, если не болѣе распространенная болѣзнь социальнаго видѣнія, чѣмъ близорукость. Для страдающихъ этой дальнорукостью надо только постараться отойти мысленно назадъ такъ лѣтъ на двадцать, чтобы увидѣть, почувствовать и воодушевиться тѣмъ «настоящимъ», «смѣлымъ» и «рѣшительнымъ», что творится въ наши дни и отдать себѣ отчетъ въ томъ грандіозномъ историческомъ событіи, какое знаменуетъ собою съ точки зрѣнія социализма фактъ могущественнаго роста англійской Рабочей Партіи и вторичнаго ея прихода къ власти даже на основѣ архаической избирательной системы, даже при меньшинствѣ среди избирателей и въ парламентѣ. На томъ историческомъ отдаленіи онъ обязательно скажетъ, что творится великое, что книга судебъ социализма уже пишется и если это только первая строки, то это все таки строки той же книги нашихъ социально-политическихъ и культурно-моральныхъ упований.

Когда Рабочая Партія будетъ имѣть за собою абсолютное большинство и въ парламентѣ и въ странѣ, то и тогда ея реформаторской дѣятельности будутъ положены опредѣленные предѣлы характеромъ социально-политическаго сознанія тѣхъ массъ, какія за нее будутъ голосовать. Никогда вся масса голосующихъ за ту или иную партію не голосуетъ за всю программу партіи въ цѣломъ. Мандатъ избирателя всегда или меньше или больше избирательной программы. За партію часто голосуютъ по одному пункту,

что еще не означает пассивнаго согласія со всѣми пунктами. Ошибочно представлять себѣ дѣло такъ, что массы безвольно принимаютъ всѣ преподносимыя имъ партіей блага даже тогда, когда эти блага не составляютъ предмета ихъ активнаго и положительнаго желанія. Попыткамъ загнать людей помимо ихъ воли въ рай сопротивляются иногда еще болѣе рѣзко, чѣмъ попыткамъ загнать ихъ въ адъ. Продуманное социалистическое строительство можетъ потребовать отъ людей опредѣленныхъ жертвъ, опредѣленнаго на первыхъ порахъ ограниченія ихъ идеальныхъ и матеріальныхъ благъ. Безъ точнаго сознанія ихъ нужности и полезности со стороны подавляющей массы гражданъ никакія серьезныя социалистическія мѣропріятія проводимы быть не могутъ. На одномъ «довѣріи» тутъ ничего не построишь. При этомъ социалистическія мѣропріятія не всегда, а можетъ быть и весьма рѣдко будутъ такого свойства, чтобы каждое изъ нихъ непосредственно воспринималось какъ несомнѣнное, сразу ошутимое благо. Даже сокращеніе рабочаго дня, не говоря уже объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда, не всегда благосклонно воспринималось тѣми массами, которыхъ эти мѣропріятія непосредственно имѣли въ виду. Социалистическое законодательство не будетъ состоять только изъ однихъ «послабленій» и «льготъ», на что рассчитываютъ очень многіе изъ тѣхъ, которые голосуютъ за социалистовъ.

Поэтому представленіе о томъ, что съ завоеваніемъ Рабочей Партіей абсолютнаго большинства пойдетъ радикально иная музыка, — представленіе грубо ошибочное. Основная трудность заключается въ воспитаніи гражданина. Послѣ рѣшенія всѣхъ проблемъ власти, проблема народа остается еще очень и очень тяжелой. Сознательный гражданинъ режима, далеко зашедшаго въ своихъ социалистическихъ преобразованіяхъ, это нѣчто глубоко отличающееся отъ человѣка, голосующаго за социалиста, потому что социалисты дадутъ облегченіе. Рабочая Партія, разъ получившая абсолютное большинство, можетъ это большинство на время и потерять. Она обязательно натолкнется на оппозицію и слѣва и справа. Она будетъ вынуждена на компромиссы и въ томъ и въ другомъ направленіи. Время беззаботнаго управленія безъ подводныхъ камней, предвидимыхъ и непредвидимыхъ, если когда нибудь и наступитъ, лежитъ во всякомъ случаѣ внѣ сферы, анализъ

которой можетъ быть теоретически и практически поучительнымъ.

Во всякомъ случаѣ дѣло не только въ большинствѣ даже подавляющемъ. Дѣло въ сознаниіи этого, хотя бы и не подавляющаго большинства. Чтобы представить себѣ, какая въ этомъ отношеніи предстоитъ еще грандіозная работа, работа мучительно-трудная, надо только вспомнить, что и нынѣ еще, въ моментъ громаднхъ успѣховъ социалистическаго движенія, больше половины пролетарскаго населенія все еще голосуетъ за партію антисоциалистическую. Это имѣетъ мѣсто не только въ Англій, но и въ рядѣ другихъ странъ, гдѣ социалистическое движеніе гораздо старше. Однако, если даже и при этомъ условіи социализмъ уже играетъ такую громадную роль въ жизни современныхъ передовыхъ странъ, то это съ одной стороны указываетъ на непереоборимую внутреннюю правду этого движенія, а съ другой стороны на великую творческую силу организациі. Это социалистическое меньшинство организовано болѣе чѣмъ любой изъ его многочисленныхъ противниковъ, а организовано оно болѣе всѣхъ другихъ не потому, что оно открыло какой то секретъ сплоченія людей, а потому, что въ правдѣ труда болѣе согласія, гармоніи и братства, чѣмъ въ правдѣ владѣнія. Листочки, выростающіе на деревѣ труда — листочки клейкіе...

Поэтому и идея организациі подавляющаго большинства рабочихъ, какъ въ національномъ, такъ и въ интернаціональномъ масштабахъ, — идея ни въ какой мѣрѣ не утопическая. Поэтому и проблема англійскаго социализма упирается не только въ вопросъ о сознаниіи массъ, но и въ вопросъ объ ихъ организациі. Въ этомъ ключъ къ оцѣнкѣ прочности результатовъ дѣятельности Рабочей Партіи, какъ и любой партіи рабочаго движенія въ другихъ странахъ: эта дѣятельность идетъ по линіи интересовъ социализма, если она способствуетъ дальнѣйшему организационному и идейному сплоченію массъ, — эта дѣятельность вредитъ интересамъ социализма, если она это идейное и организационное сплоченіе тормозитъ или разрушаетъ.

Въ Англій идейное сплоченіе сильно отстало отъ организационнаго. Поэтому такъ чувствительны и такъ опасны идейный разбродъ и идейная непрочность въ рядахъ Рабочей Партіи. Преодоленіе ихъ — долгій процессъ и результатъ его, конечно, не будетъ похожъ на формы континентальной ортодоксіи, ставшей и здѣсь анахронизмомъ. Но

даже и въ нынѣшнемъ своемъ состояніи Рабочая Партія можетъ и должна многому научить дѣятелей континентальнаго соціализма.

Въ моментъ, когда съ необозримыхъ пространствъ нашей родины все еще несутся злыя испаренія азіатскаго дракона, обрядившагося въ маску устрашающаго соціализма кнута и казармы, съ острововъ Англіи несутся на Европу освѣжающія волны соціализма свободы, права, правды и любви.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ близкое будущее.

Ст. Ивановичъ.

Движуція силы еволюці нынѣшней Россіи

Еволюція власти или еволюція страны?

Еволюціонуєть ли Совѣтская Россія? Если еволюціонуєть, то въ какомъ направленіи? Вокругъ этихъ двухъ вопросовъ въ зарубежьи, какъ и въ самой Россіи, идутъ оживленные споры и накопилось немало недоразумѣній.

Зарубежные споры въ значительной степени отражаютъ внутри-россійскіе, хотя исходныя точки зрѣнія ихъ часто весьма отличны. Совѣтское правительство и официальная доктрина коммунистической партіи утверждаютъ, что не только нынѣшняя политика ведетъ къ социализму, но уже и сейчасъ въ Россіи существуютъ важнѣйшія формы социалистическаго хозяйства, и именно эти формы обнаруживаютъ наибольшее развитіе, укрѣпленіе и жизнеспособность. Въ зарубежьи эта точка зрѣнія имѣетъ своихъ сторонниковъ среди представителей двухъ противоположныхъ направленій, отвѣчающихъ въ значительной степени соотвѣтствующей группировкѣ и въ самой Россіи.

Одно изъ этихъ теченій, враждебное социализму и которое можно назвать «анти-эволюціонистскимъ», также признаетъ, что въ Россіи частью осуществлено, частью осуществляется социалистическое строительство и плановое хозяйство, но что именно отъ этихъ двухъ съ успѣхомъ осуществляемыхъ условій — «всѣ качества». Доказывая успѣхи большевистской социалистической политики, это теченіе въ то же время отрицаетъ, что въ Россіи происходитъ какая либо еволюція къ частно-хозяйственному, капиталистическому строю, ибо въ совѣтскихъ условіяхъ эта еволюція невозможна. Буржуазные классы уничтожены, послѣдніе остатки ихъ добиваются, крестьянство осереднячено и нивелировано, диктатура пролетаріата сдѣлала рабочій классъ гегемономъ, единствен-

нымъ извлекающимъ изъ революціи всѣ матеріальныя, соціальныя и политическія выгоды. «Анти-эволюціонисты» признають, однако, что единственный выходъ для Россіи изъ ея нынѣшняго тяжелаго положенія состоитъ въ устраненіи осуществляемаго коммунизма и въ широкомъ развитіи капитализма *). Противники социализма разсуждаютъ такъ же, какъ и сталинская группа. И тѣ и другіе отводятъ эволюціи страны въ сущности говоря совершенно ничтожную роль и представляютъ себѣ возможнымъ измѣненіе любого хозяйственнаго строя, въ любую минуту, по любой программѣ.

Существовалъ въ Россіи до 1917 года нормальный буржуазно-капиталистическій строй. Какъ ни мало онъ былъ развитъ по сравненію съ другими капиталистическими странами, онъ еще менѣе былъ подготовленъ для плановаго хозяйства и социализма. Капиталистическое развитіе Россіи до революціи происходило вполне закономѣрно и укрѣплялось и съ этимъ была связана возможность хозяйственнаго, культурнаго и политическаго развитія страны. Задачи, стоявшія передъ страной, отнюдь не лежали въ плоскости осуществленія социализма, онъ являлись непреодолимой необходимостью для Россіи потому, что вытекали изъ ея географическихъ, демографическихъ, социальныхъ и хозяйственныхъ условій. Но вотъ пришли къ власти большевики, и этотъ, по общему мнѣнію, нормальный историческій процессъ развитія (въ который составной частью входила и февральская революція) оказался оборваннымъ. На мѣсто капиталистическаго развитія пошло социалистическое развитіе. Падутъ однако большевики и станутъ у власти вновь появившіеся какъ *deus ex machina* буржуазные элементы, и будетъ возстановленъ прежній процессъ развитія, народное хозяйство станеть вновь на капиталистическій путь, который и сейчасъ признается представителями этого направленія единственно возможнымъ.

Въ основѣ всего этого разсужденія лежитъ «катастрофическая» точка зрѣнія, весьма сродная большевистской. Это — старая теорія развитія путемъ катастрофъ, и не случайно, что многіе изъ тѣхъ, кто отрицають наличность

---

*) Наиболее полно и обстоятельно эта точка зрѣнія развита Б. Д. Бруцкусомъ въ его интересныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ (кн. 38 и 39).

въ нынѣшней Россіи развитія частно-хозяйственныхъ и буржуазныхъ силъ, представляютъ себѣ, что достаточно паденія совѣтской власти подъ вліяніемъ случайнаго, «катастрофическаго» событія для того, чтобы народное хозяйство вернулось къ прежнимъ частно-хозяйственнымъ формамъ. Сторонники теоріи «катастрофъ» обычно противопоставляютъ себя сторонникамъ «эволюціи», по поводу которой нагромождено достаточное количество недоразумѣній, вызванныхъ отчасти грубой демагогіей, отчасти и простымъ непониманіемъ.

Эволюція страны отождествляется съ эволюціей власти. Отрицая возможность послѣдней, противники большевиковъ въ зарубежьи возлагаютъ свои надежды почти исключительно на катастрофу. Они отрицаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наличность эволюціи страны.

Между тѣмъ совершенно очевидно, что совѣтскій строй можетъ пасть лишь подъ напоромъ силъ, враждебныхъ ему. Если не происходитъ эволюціи, если этихъ силъ вообще не существуетъ, если онѣ не развиваются и не укрѣпляются, если въ совѣтскихъ условіяхъ онѣ и вообще не могутъ развиваться, непонятно, въ чемъ состоитъ противорѣчіе между совѣтской политикой и интересами русскаго народнаго хозяйства, и почему Россія нуждается въ широкомъ развитіи капитализма? Если, наоборотъ, выходъ изъ нынѣшняго катастрофическаго положенія — въ устраненіи коммунизма и въ открытіи широкой дороги капитализму, очевидно, что для этого строя должны уже теперь существовать необходимыя предпосылки, въ противномъ случаѣ надо было бы признать, что или совѣтская власть можетъ найти выходъ при помощи коммунистической политики, или что для Россіи вообще нѣтъ спасенія. Впрочемъ, въ концѣ своей статьи Б. Д. Бруцкусъ вынужденъ признать, что «тѣ общественныя силы, которыя нужны для серьезнаго политическаго сдвига, за годы нэпа уже сложились». Но въ такомъ случаѣ это, очевидно, силы враждебныя совѣтскому строю. Откуда онѣ появились? Если онѣ складывались за годы нэпа, очевидно, также, что «соціалистическая» политика ихъ не убила, и что, наоборотъ, за всѣ эти годы, вопреки этой политикѣ, какъ мы это всегда утверждали и продолжаемъ утверждать, въ странѣ происходитъ эволюція, прямо противоположная эволюціи совѣтской власти.

Это «анти-эволюціонистское» теченіе исходитъ изъ не-

правильныхъ предпосылокъ, и приходитъ къ логически неправильнымъ, но справедливымъ выводамъ. Другое, прямо противоположное, теченіе, представленное въ зарубежьи «Волей Россіи», исходитъ также изъ неправильныхъ предпосылокъ и дѣлаетъ логически послѣдовательные, но совершенно не соотвѣтствующіе дѣйствительности выводы.

По мнѣнію представителей этого теченія большевистская революція создала необходимыя предпосылки для осуществленія въ Россіи социализма *).

Аграрная революція, осуществленная черезъ общину и, слѣдовательно, сдѣлавшая возможной революцію снизу, благодаря своеобразному крестьянскому пониманію идеи социальной справедливости, превратила Россію въ огромное царство труда и заложила поэтому гигантскій и могучій фундаментъ для новаго, русскаго міра трудовой демократіи. Въ послѣ-большевистской Россіи «трудъ станетъ хозяиномъ жизни и будетъ строить ее не по чужой указкѣ и не для другихъ, а въ соотвѣтствіи со своими идеалами и интересами. «Однако, если послѣ-большевистская Россія не будетъ похожа на дореволюционную, то это — потому, что и ранѣе уже, въ царской Россіи происходила эволюція въ этомъ же направленіи. И тогда капитализмъ не имѣлъ въ Россіи прочныхъ корней, и тогда, вопреки всей царской политикѣ, какъ сейчасъ вопреки большевистской политикѣ, шло въ странѣ развитіе къ трудовой демократіи. Теперь остается лишь подобрать разорванную нить историческаго процесса, сорвать большевистскую оболочку, устранить помѣху въ лицѣ коммунистической партіи, поставить на мѣсто послѣдней социалистическую власть, и великіе идеалы труда получить осуществленіе.

Какъ и анти-эволюціонистское направленіе зарубежныхъ противниковъ социализма, и это направленіе сторонниковъ «республики труда» стоитъ на утопической точкѣ зрѣнія. Въ новизнѣ его слышится изрядная старина 70-ыхъ годовъ, давно, казалось, похороненная не только экономическимъ развитіемъ Россіи съ конца 90-хъ годовъ, но и большевистской революціей.

Послѣ того какъ съ конца 1927 г. социалистическое на-

*) См. Е. Сталинскій. Русская революція и трудовая демократія. Воля Россіи. 1929. № 3.

ступление стало господствующей политикой совѣтской власти, анти-соціалистическіе «анти-эволюціонисты» и соціалистическіе эволюціонисты усмотрѣли въ этомъ торжество своихъ точекъ зрѣнія. Для обоихъ этотъ новый періодъ явился подтвержденіемъ невозможности эволюціи совѣтской власти, но для однихъ онъ свидѣтельствуетъ объ окончательномъ провалѣ соціалистическаго опыта, тогда какъ другіе продолжаютъ вѣрить въ то, что съ устраненіемъ большевиковъ начнется подлинное строительство трудовой демократіи. И тѣ и другіе отождествили совѣтскую политику съ дѣйствительными процессами, происходящими въ странѣ, и повѣрили утвержденіямъ коммунистической партіи объ успѣхахъ социализма. Между тѣмъ совѣтская дѣйствительность и именно въ этотъ послѣдній періодъ на каждомъ шагѣ опровергаетъ официальную доктрину коммунистической партіи и ея довѣрчивыхъ антиподовъ — послѣдователей въ зарубежьи.

Несомнѣнно, социальная структура населенія нынѣшней Россіи весьма сильно измѣнилась по сравненію съ дореволюціоннымъ временемъ. При всеобщемъ обѣднѣніи по странѣ прошелъ извѣстный уравнительный процессъ, и съ пониженіемъ общаго уровня имущественныя и социальныя различія сгладились. Тѣмъ не менѣе о полномъ устраненіи этихъ различій и о полномъ уничтоженіи классовъ не можетъ быть и рѣчи.

Если разбить все населеніе на три составныя группы: пролетаріатъ, трудовое непролетарское населеніе и буржуазію, то социальный составъ населенія представится въ слѣдующемъ видѣ *):

	1924-25		1926-27	
	Милл.	%	Милл.	%
Пролетаріатъ	22,8	16,1	28,7	19,4
Трудовое непролет. насел.	109,2	77,2	109,0	73,6
Буржуазія	7,3	5,1	8,6	5,7
Иждивенцы и проч.	3,9	1,6	3,3	1,3
Всего	143,2	100,0	149,6	100,0

*) Единственная болѣе серьезная попытка совѣтской статистики, базирующаяся отчасти на переписи 17 декабря 1926 г. отчасти на специальной работѣ предпринятой Ц. С. У. дана въ опубликованномъ въ 1929 г. изслѣдованіи: «Тяжесть обложенія населенія СССР». М. Изд. Наркомфина.

Въ группу пролетаріата входятъ какъ городской такъ и сельскій

Главное ядро населенія состоитъ такимъ образомъ изъ такъ наз. нетрудового непролетарскаго населенія. Но и въ этой главной массѣ происходятъ все время различные социальныя и экономическія процессы. За три года пролетарское населеніе возрасло на 24,5%, буржуазія на 17,1%, трудовое населеніе сократилось на 0,1%, т. е. осталось почти безъ измѣненій. Въ различныхъ секторахъ этотъ процессъ носить различный характеръ. Въ промышленной части больше всего выросъ пролетаріатъ (на 26%), меньше всего увеличилось непролетарское трудовое населеніе (на 13%), буржуазія обнаружила ростъ на 18%. Среди селско-хозяйственнаго населенія болѣе всего увеличились «буржуазные» элементы (на 20%), пролетаріатъ выросъ на 16%, число середняковъ лишь на 4,1%, число бѣдняковъ сократилось на 17%. Очевидно, что часть изъ послѣдней группы пролетаризируется, а изъ средняковъ часть уходитъ въ предпринимательскую группу (въ такъ назыв. крестьянскую буржуазію), другая часть также опускается въ категорію пролетаріевъ.

То же изслѣдованіе особой комиссіи при Совнаркомѣ даетъ свѣдѣнія и объ имущественной дифференціаціи населенія. По этимъ даннымъ въ 1926 - 27 г. городская буржуазія имѣла лишь седьмую часть всѣхъ доходовъ городского населенія, но это все же болѣе того, что имѣеть въ 2½ раза болѣе многочисленная группа такъ наз. трудового населенія. Что касается крестьянства, то среди него бѣдняки имѣютъ лишь 7%, въ то время какъ они составляютъ 14,3% населенія, среднякамъ, составляющимъ 55% населенія, принадлежитъ 38% всѣхъ доходовъ, а предпринимательская группа, составляющая 4% населенія, располагаетъ 6% доходовъ. Такова была социальна экономическая структура. Что произошло послѣ 1927 года? Новая коммунистическая политика была направлена на «выкорчевываніе послѣднихъ остатковъ буржуазно-капиталисти-

пролетаріатъ, въ группу буржуазіи включены также и всѣ торговцы, разносчики и зажиточное крестьянство. Трудовое непролетарское населеніе обнимаетъ кустарей и ремесленниковъ, не примѣняющихъ наемнаго труда и бѣдняцкое и средняцкое крестьянство въ деревняхъ. Извѣстно, что въ совѣтскихъ условіяхъ причисленіе нѣкоторыхъ элементовъ къ опредѣленной группѣ весьма условно и не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности. Не примѣняющіе официально наемнаго труда на дѣлѣ сплосъ да рядомъ представляютъ собой подлинныхъ предпринимателей.

чeskихъ элементовъ въ городѣ и въ деревнѣ». Мы знаемъ, что, добывая подлинно буржуазные элементы, совѣтская власть натолкнулась теперь на сопротивление главнаго ядра населенія нынѣшней Россіи, той части, которая признается трудовымъ непролетарскимъ населеніемъ, а во многихъ случаяхъ и со стороны пролетарской части. Очевидно, что и въ этихъ слояхъ произошли за послѣдніе годы процессы, отнюдь не благопріятные для совѣтской политики. Намъ представляется поэтому наиболѣе интереснымъ разсмотрѣніе процессовъ, происходящихъ именно въ этой средѣ. Не потому, что буржуазные элементы дѣйствительно добыты и не оказываютъ болѣе сопротивления. Мы можемъ безъ труда представить себѣ, каковы умонастроеніе, психологія, тенденціи этихъ элементовъ, которые конечно остались враждебными и органически чуждыми всему совѣтскому строю *). Но сейчасъ отъ крестьянства и отъ рабочаго класса зависитъ, на какой путь свернетъ Россія. На эту основную массу населенія возлагаютъ свои надежды и коммунистическая партія въ Россіи, и зарубежные сторонники «республики труда». Разсмотрѣніе состоянія этого основнаго ядра населенія представляетъ поэтому и наибольшій интересъ. Каковы процессы, происходящіе въ этой средѣ въ условіяхъ социалистическаго наступленія? Создались ли среди крестьянства и рабочаго класса условія, благопріятствующія социалистическому строительству? Можетъ ли совѣтская власть найти въ этихъ массахъ опору своей политики?

Эволюція крестьянства.

Крестьянство составляетъ ту основную и главную группу населенія, въ которой происходятъ процессы, рѣзко враждебные всей совѣтской системѣ.

За годы гражданской войны все крестьянство въ цѣломъ, несмотря на существовавшее и тогда различіе экономическихъ и социальныхъ интересовъ отдѣльныхъ группъ, было объединено борьбой за сохраненіе достав

*) Конечно, и разсмотрѣніе процессовъ, происходящихъ и въ этой средѣ дало бы много поучительнаго не только для нынѣшней, но и для будущей Россіи. Но мы вынуждены отказаться отъ этого также и по недостатку мѣста.

шейся земли. Былъ одинъ общій врагъ и одинъ общій интересъ. Коммунистическая политика въ этотъ періодъ рѣзко нарушала другіе интересы крестьянства, препятствовала переходу къ мирному хозяйствованію, на тогда все же шла война, свирѣпствовали терроръ во всѣхъ видахъ и формахъ, и всѣ усилія должны были быть направлены на защиту (и отъ бѣлыхъ армій, и отъ «комбѣдовъ») земли и будущей возможности ею распоряжаться и на ней работать.

Смыслъ «нэпа» не былъ сразу узвоенъ крестьянствомъ, хотя нэпъ и былъ введенъ изъ боязни того, что крестьянское долготерпѣніе прорвется, и вмѣстѣ съ коммунизмомъ будетъ сметена и совѣтская власть.

Въ голодные 1921 и 1922 годы нечего было и думать о восстановленіи разрушеннаго хозяйства. Можно было лишь спасти то, что еще уцѣлѣло отъ коммунизма, для того, чтобы не умереть отъ голодной смерти.

Лишь послѣ голодныхъ лѣтъ началось то необычайное для совѣтской жизни оживленіе, та горячка спекуляціи, то господство частно-хозяйственныхъ началъ, которыя характеризовали эту эпоху нэпа. «Частникъ», называвшійся тогда нэпманомъ, воскресъ, выпользъ изъ всѣхъ щелей и проникалъ во всѣ поры совѣтской экономики. Возстановленіе, происходившее подъ вліяніемъ его кипучей дѣятельности, оказывало на деревню своего рода революціонизирующее дѣйствіе тѣмъ болѣе, что и сама коммунистическая партія утратила надежды, возлагавшіяся на прежніе коммунистическіе опыты. Нужно было спѣшить съ подвѣтѣмъ крестьянскаго хозяйства, добиваться увеличенія с.-х. производства возможно скорѣе и во что бы то ни стало. Крестьянство само шло навстрѣчу этимъ потребностямъ власти, ибо это лежало въ его собственныхъ интересахъ. Оно возвращалось къ своей стихіи, къ работѣ на своей землѣ, къ своему хозяйству, съ такимъ же непреодолимымъ стихійнымъ порывомъ, съ какимъ вообще возстанавливается хозяйственная жизнь во всѣхъ областяхъ и во всѣхъ слояхъ населенія. Но принявшись снова за хозяйничаніе, оно столкнулось съ тяжелой дѣйствительностью, заключающейся въ слишкомъ неравномъ распределеніи и земли, и капитала и рабочихъ рукъ.

Крестьянство принялось собственной инициативой внести коррективы въ создавшееся положеніе. Наемный трудъ, земельная аренда, сдача въ наемъ земли и инвен-

таря снова получали распространение в деревнѣ. Конечно, эта начавшаяся реставрація довоенныхъ отношеній означала возстановленіе необходимыхъ предпосылокъ для капиталистическаго хозяйства, для образованія крестьянской буржуазіи и деревенскаго пролетаріата. Въ коммунистической партіи поднялась тревога. Изслѣдованія Центрального Статистическаго Управленія обнаружили, дѣйствительно, ростъ не только экономическаго, но и социальнаго вліянія зажиточной части крестьянства. По поводу борьбы съ вдругъ выросшимъ изъ-подъ земли «кулакомъ» поднялись долгіе и ожесточенные споры. Въ концѣ концовъ, вопреки требованіямъ лѣвой оппозиціи, было признано необходимымъ продолжать въ примѣненіи къ крестьянству умѣренную политику и политика «раскулачиванія» была отвергнута. Въ связи съ этимъ были легализованы и аренда и примѣненіе наемнаго труда въ деревнѣ, с.-х. налогъ былъ реформированъ, была объявлена свобода накопленія въ сельскомъ хозяйствѣ и Бухаринъ сдѣлалъ крестьянству недвусмысленное приглашеніе: «Обогащайтесь!»

Конечно, и безъ этой временной капитуляціи передъ крестьянствомъ, процессъ, начавшійся въ деревнѣ не стабилизирова бы. Но было бы неправильно отрицать, что легализація наемнаго труда и аренды, временное воздержаніе отъ «раскулачиванія» и т. п. облегчили разслоеніе, и способствовали увеличенію экономической и социальной силы опредѣленныхъ слоевъ въ крестьянствѣ.

Съ конца 1925 по начало 1928 г. политика совѣтской власти въ деревнѣ опредѣлялась въ значительной степени чисто экономической борьбой съ зажиточнымъ крестьянствомъ. Неудача борьбы противъ этой части крестьянства, борьбы, происходившей къ тому же подъ обстрѣломъ со стороны лѣвой оппозиціи, вызвала въ 1928 г. крутой переломъ въ деревенской политикѣ партіи. XV-ый съѣздъ въ декабрѣ 1927 г. призналъ, что «напоръ враждебныхъ пролетаріату силъ возросъ», что «по отношенію къ возросшимъ частно-хозяйственнымъ элементамъ должна быть примѣнена политика социалистическаго наступленія съ цѣлью вытѣсненія этихъ элементовъ и въ городѣ и, въ особенности, въ деревнѣ». Плановое воздѣйствіе на крестьянское хозяйство должно быть усилено, наступленіе на кулака должно стать болѣе рѣшительнымъ.

Съ этого времени борьба между совѣтской властью

и «враждебными пролетариату социальными классами в деревнѣ» приняла особенно острый характеръ.

Кто въ этой борьбѣ пока выходитъ побѣдителемъ?

Плановое хозяйство въ деревнѣ потерпѣло полную неудачу. Сейчасъ въ этомъ уже не можетъ быть сомнѣній. Уже весной 1928 г. пришлось пойти на повышение хлѣбныхъ цѣнъ для того, чтобы немного приостановить процессъ сокращенія посѣвовъ, которымъ крестьянство прежде всего начало демонстрировать свое неудовольствие новой политикой. Осенью, однако, и эта мѣра оказалась недостаточной. Сокращеніе посѣвовъ, въ особенности, въ зажиточныхъ группахъ продолжалось и въ 1929 г. — и весной, и осенью. Въ связи съ этимъ плановыя предположенія пришлось пересмотрѣть и повысить для того, чтобы нагнать недостигнутое выполненіе плана. Но и по новому, повышенному плану оказался недоборъ, и ростъ сельскаго хозяйства смѣнился его упадкомъ. Въ области производства и скотоводства, во всякомъ случаѣ, плановое хозяйство не достигло ожидавшихся результатовъ. Еще большее расхожденіе между планомъ и дѣйствительностью обнаружилось въ области цѣнъ. Такого повышения хлѣбныхъ цѣнъ на вольномъ рынкѣ, какое произошло въ нынѣшнемъ году, не было въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ. Нѣтъ надобности напоминать извѣстные всѣмъ факты: ростъ спекуляціи въ городахъ, сокрытіе крестьянами продуктовъ отъ государственныхъ заготовительныхъ органовъ, новое укрѣпленіе смычки зажиточной части крестьянства съ частникомъ; ростъ доходовъ этой части крестьянства, опредѣляемый совѣтскими статистиками въ 400 милл. руб. въ теченіе одного года, наконецъ, необычайное обостреніе продовольственнаго кризиса въ городахъ, вызвавшее необходимость въ восстановленіи карточной системы не только на хлѣбъ, но почти на всѣ продовольственные продукты: картофель, мясо, масло, молоко, яйца, жиры, сахаръ, чай. Всѣ эти явленія конечно весьма далеко отъ успѣховъ плановаго хозяйства. Они явились результатомъ не этихъ успѣховъ, а невозможностью, въ настоящее время гораздо большей, чѣмъ три-четыре года тому назадъ, подчинить крестьянское хозяйство и, въ особенности, наиболѣе крѣпкую часть его, плановому регулированію совѣтской политики. Но экономическіе результаты политики послѣднихъ двухъ лѣтъ интересуютъ насъ сейчасъ гораздо меньше, чѣмъ ея социальныя послѣдствія.

Новая политика социалистического наступления основана на признании того, что разслоение деревни не только продолжалось, но даже увеличилось за последние годы. И действительно, какія бы изслѣдованія мы ни взяли, всѣ они въ одинаковой мѣрѣ устанавливають ростъ этого разслоения и крупную, постоянно растущую роль зажиточнаго крестьянства. Совѣтская статистика пыталась различными путями подойти къ установлению формъ и размѣровъ этого процесса. Въ результатѣ всѣхъ этихъ попытокъ пришлось, въ концѣ концовъ, придти къ тому выводу, что въ важнѣйшихъ производящихъ районахъ одной десятой всего числа хозяйствъ принадлежитъ не менѣе 40% всѣхъ средствъ производства, свыше 30% стоимости рабочаго скота и 33% всей посѣвной площади, въ то время какъ вдвое большее число бѣднѣйшихъ хозяйствъ владѣетъ лишь 5 - 7% средствъ производства, что въ своей массѣ эти хозяйства вовсе лишены рабочаго скота и на ихъ долю приходится лишь 6,5% посѣвной площади. Правда, основная группа крестьянства состоитъ изъ среднихъ хозяйствъ: они составляютъ 60% и на ихъ долю приходится 61% всей посѣвной площади. Но, во-первыхъ, главная масса хлѣба (40%), поступающаго на рынокъ, издается все же въ рукахъ зажиточной верхушки, и, во-вторыхъ, средняя, наиболѣе многочисленная группа, отнюдь не избавлена въ совѣтскихъ условіяхъ отъ «вымыванія», вопреки тому, что старался изобразить въ свое время Молотовъ*).

Бѣднѣйшее крестьянство все болѣе пролетаризуется. Этого не оспариваетъ сейчасъ ни одинъ представитель коммунистической партіи. Аграрное перенаселеніе въ деревнѣ за послѣдніе годы не уменьшилось, а увеличилось. Количество населенія вынужденнаго искать заработка на сторонѣ внѣ земледѣлія, въ кустарныхъ промыслахъ или на фабрикахъ растетъ. Увеличивается и число с.-х. рабо-

*) Вольфъ. Проблемы реконструкціи сельскаго хозяйства. Плановое хозяйство, 1929. № 2. Струмилинъ. Разслоеніе совѣтской деревни въ 1927 - 28 г. Плановое Хозяйство, 1929 г. № 8 его же очеркъ въ сборникѣ Наркомфина «Сельское Хозяйство въ 1926 - 27 г.» — Гайстеръ. Разслоеніе совѣтской деревни. Изд. Комм. Акад. М. 1928. — Контрольныя Цифры на 1928 - 29 г. Изд. Госплана. 1929 г. — Каврайскій и Нусиновъ. Классы и классовыя отношенія въ современной совѣтской деревнѣ. 1929.

чихъ, достигающее, по нѣкоторымъ расчетамъ, въ разгаръ полевыхъ работъ 7 милліоновъ, а въ нормальное время не спускающееся ниже 4 милл.

Растетъ и число хозяйствъ, вынужденныхъ для своего сохраненія прибѣгать къ найму инвентаря. Въ настоящее время число такихъ хозяйствъ достигаетъ 78% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но эта цифра относится ко всѣмъ хозяйствамъ, какъ бѣдняцкимъ, такъ и середняцкимъ. У одной только первой группы этотъ процентъ достигаетъ въ среднемъ 30, колеблясь между 45 въ Крыму и 74 въ Ленинградской области. «Мы видимъ, говорить по этому поводу авторъ одного изъ позднѣйшихъ изслѣдованій—возрастаніе количества хозяйствъ, прибѣгающихъ къ найму и къ сдачѣ средствъ производства. Эти данныя относятся къ 1927 - 28 г., т. е. къ году усиленнаго наступленія на капиталистическіе элементы, что еще болѣе подчёркиваетъ живучесть капиталистическихъ тенденцій въ развитіи крестьянскаго хозяйства*)».

За послѣдніе годы наблюдался и ростъ арендныхъ отношеній, при чемъ въ рядѣ районовъ этотъ ростъ былъ весьма значительнымъ. Постановление партіи въ апрѣлѣ 1928 г. объ ограбиченіи аренды, въ цѣляхъ борьбы съ кулакомъ, вызвало въ началѣ нѣкоторое сокращеніе и аренды и посѣвовъ. Но въ РСФСР это сокращеніе составило не болѣе 10%. Среди низшихъ группъ крестьянства число хозяйствъ, сдающихъ землю въ аренду колебалось между 30% въ Сибири и 70% въ Центральномъ Черноземномъ районѣ, а у высшихъ группъ арендовывали землю отъ 41% всего числа хозяйствъ въ послѣднемъ районѣ до 54% въ Средне-Волжскомъ. Болѣе половины всего количества арендованной земли находится въ рукахъ 5% высшихъ группъ, а 30% среди низшихъ группъ крестьянскихъ хозяйствъ сдаютъ до половины всей сданной земли.

Наемъ рабочей силы практиковался въ среднемъ у

---

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ. См. Верменичевъ. О разслоеніи деревни. Большевикъ № 9 - 10, 1929 г. — Къ вопросу о социалистическомъ переустройствѣ сельскаго хозяйства. Матеріалы изслѣдованія НК РКК СССР. Подъ ред. Яковлева. 1928. — С. Дубровский. Реконструкція с.-х. и классовая борьба въ деревнѣ. Въ сборникѣ «Пути подъема и социалистической реконструкціи с. х.». Изд. Ц. К. В. К. Ц. 1929.

четверти всего числа хозяйств во всѣхъ районахъ, доходя до 38,5% въ Сибири. «Очевидно, говоритъ тотъ же авторъ, что въ 1928 г. наблюдался ростъ капиталистическихъ отношеній. Классовое разслоеніе продолжалось, но въ нѣсколько измѣнившихся формахъ: при сокращеніи наиболѣе яркихъ капиталистическихъ отношеній выросли болѣе примитивныя, болѣе замаскированныя (курсивъ мой. С. З.) капиталистическія отношенія въ видѣ сдачи инвентаря и скота. Все это лишній разъ свидѣтельствуемъ о живучести капитализма въ современной деревнѣ, объ устойчивости капиталистическихъ тенденцій мелкой буржуазіи».

Какъ мы видимъ, социалистическое наступленіе ни въ какой мѣрѣ не ослабило экономической основы зажиточныхъ группъ крестьянства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже еще болѣе ее укрѣпило. Это наступленіе достигло еще меньшихъ успѣховъ въ области социальной. Однимъ изъ средствъ социалистическаго наступленія явилось насажденіе «колхозовъ». Подъ влияніемъ всякаго рода мѣръ, принятыхъ совѣтской властью, количество колхозовъ сильно возрасло, но и въ 1929 г. число обнимаемыхъ ими хозяйствъ составило лишь немного болѣе 3% всего числа крестьянскихъ хозяйствъ, посѣвная площадь (4.262.000 гект.) — 3,6% всей посѣвной площади, продукція зерновыхъ хлѣбовъ (29,1 милл. центн.) — 3,8%. Очевидно, о значительномъ развитіи социалистическихъ формъ и о ихъ значеніи въ сельскомъ хозяйствѣ пока не приходится говорить. Но гораздо важнѣе то, что насажденіе колхозовъ во многихъ случаяхъ не явилось даже торжествомъ какого либо социалистическаго духа среди крестьянства. Оно было использовано зажиточной частью крестьянства въ своихъ интересахъ. Въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ кулачество приспособилось къ политикѣ коллективизаціи. Оно само начало усиленно проникать въ колхозы, повторяя свою прежнюю тактику временъ «военнаго» коммунизма. Во многихъ случаяхъ оно являлось даже застрѣльщикомъ, инициаторомъ, организаторомъ колхозовъ, преимущественно товариществъ по общественной обработкѣ земли, которыя представляютъ для него и наибольшія выгоды. Это выступленіе подъ видомъ «активныхъ колхозниковъ» имѣло цѣлью укрыться отъ наступленія на кулака и, кромѣ того, извлечь рядъ выгодъ (полученіе близкой и хорошей земли, кредитовъ, машинъ, льготъ по на-

логу) *). Въ этихъ социалистическихъ формахъ хозяйствованія преобладають, какъ объ этомъ можно судить по многочисленнымъ фактамъ, мелко капиталистическія тенденціи, совершается индивидуальное накопленіе, «приводящее къ сравнительно быстрому росту мелкихъ капиталистиковъ».

Наконецъ, внутри колхозовъ, независимо отъ пребыванія въ нихъ «кулаковъ», существуетъ значительное имущественное неравенство, и внутреннія противорѣчія не только не смягчаются, но еще болѣе обостряются. Неоднородность состава колхозовъ приводитъ и къ неоднородности социальнаго состава ихъ органовъ управленія. Какъ указываетъ г. Гайстеръ, приводящій по этому вопросу рядъ фактовъ, въ этихъ органахъ управленія еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ составѣ членовъ колхозовъ, чувствуется повышеніе удѣльнаго вѣса болѣе зажиточныхъ слоевъ.

При такихъ условіяхъ понятно, что и колхозы оказались обвиненными въ мелко-буржуазномъ уклонѣ. Соціалистическое наступленіе при помощи насажденія колхозовъ казалось средствомъ для социалистическаго образованія мелкаго производителя. А этотъ производитель, объединенный въ колхозы, тотчасъ же и здѣсь, такъ же, какъ и въ своемъ индивидуальномъ состояніи, обнаружилъ свою «мелкобуржуазную» натуру. О кулакѣ уже и говорить нечего. Тѣ, кто остались внѣ колхозовъ, не только не были подчинены совѣтскому плановому регулированію, но оказали всей хлѣбозаготовительной кампаніи отчаянное сопротивленіе, о степени котораго достаточно свидѣтельствуютъ паническія воззванія совѣтской власти. «Кулакъ упорствуетъ, говоритъ, напр., воззваніе ВЦСПС. Онъ пытается сорвать заготовки, государственную политику цѣнъ, планомѣрное снабженіе городовъ и промышленныхъ районовъ, создать трещину въ союзѣ рабочаго класса съ основными массами крестьянства. Сокрытіемъ хлѣбныхъ излишковъ, гніеніемъ хлѣба въ своихъ ам-

---

*) Кацеленбогенъ. Соціальная мимикрія кулака. Большевикъ, 1929, № 12. Того же автора. Политическая маска кулака. Тамъ же. 1929, № 19. — Гайстеръ. Колхозы и классовая борьба въ деревнѣ. Известія. 13 октября 1929. Его же. На новомъ этапѣ. Правда, 7 ноября 1929 г. — А. Караваявъ. Въ колхозы кулака не пускать! Правда, 22 октября 1929 г.

барахъ, крестомъ и образомъ, поджогами и контръ-революціонной агитаціей кулакъ пытается помѣшать социалистическому строительству *). «Кулакъ, какъ это видно на сотняхъ примѣровъ, утверждаетъ «Правда», пытается сорвать путемъ нажима на хлѣбный рынокъ основной курсъ партіи. Кулакъ не только задерживаетъ продажу хлѣба, онъ маневрируетъ, замѣняя рожь и пшеницу фуражемъ и другими второстепенными культурами, съ намѣреніемъ создать для рабочаго государства затрудненія въ продовольственномъ снабженіи. Кулакъ пытается воздѣйствовать на зажиточную верхушку деревни, на неустойчивые элементы изъ среды средняковъ, на отдѣльные плохо руководимые колхозы, чтобы каждое слабое звено сдѣлать опорнымъ пунктомъ для контръ-атаки. Эффектъ отъ правительственныхъ финансовыхъ мѣропріятій, товароснабженія, мобилизаціи массъ не достаточенъ, потому что кулакъ извивается, проскальзываетъ въ ту или иную щель, ускользаетъ отъ налоговыхъ обязательствъ, ухищряется получить дефицитные товары и т. д.» **).

Несомнѣнно, у страха глаза велики. «Кулакъ» можетъ быть далеко еще не такъ силенъ, какъ это старается изобразить совѣтская печать для того, чтобы свалить на этого козла отпущенія общій упадокъ производства и всю безхозяйственность и разгильдяйство совѣтскихъ учреждений. Но насъ сейчасъ не интересуютъ причины кризиса, охватившаго съ новой силой совѣтское хозяйство.

«Наступленіе кулака», въ которомъ участвуютъ, несомнѣнно, и значительные слои середнякаго крестьянства, борьба за колхозы и въ самихъ колхозахъ, вся та социальная мимикрія кулака, которая принимаетъ самыя разнообразныя формы, борьба противъ всей хлѣбозаготовительной политики, всей колхозной политики, планированія и регулированія — все это свидѣтельствуетъ о томъ, что индивидуалистическія, мелкобуржуазныя, частнохозяйственные тенденціи въ деревнѣ еще болѣе окрѣпли.

Мы имѣемъ подтвержденіе этого и въ области земельныхъ отношеній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ огромное число случаевъ купли-продажи земли, обнаруженныхъ хотя бы за одинъ только послѣдній годъ. При этомъ все это — не случайно, отдѣльно взятые факты. Они имѣли мѣсто

*) Трудъ, 24 октября 1929 г

**) Правда, 17 октября 1929 г

въ различныхъ мѣстностяхъ, въ разнообразныхъ слояхъ крестьянства — въ Саратовѣ и въ Смоленской губ., на Алтаѣ и въ Великихъ Лукахъ, въ Брянской и въ Вятской губ., въ Московской и въ Ставропольской, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Лужскомъ округѣ, въ Череповецкомъ округѣ, въ Таврической губ., въ Архангельской губ. и т. д. *).

«Торговля землей широко распространяется, какъ зараза. Спекуляція ведется непрерывно. Установлены случаи съ 1925 г.». Кулацкая среда занимается своимъ правотворчествомъ. Она вырабатываетъ особыя формы договоровъ, особыя виды гарантій и неустоекъ. «Купля-продажа земли, т. е. усадебныхъ мѣстъ въ селахъ является массовымъ явленіемъ, она существуетъ и открыто и скрыто подъ разными видами и формами сдѣлокъ и подъ различными соусамъ (черѣдко подъ видомъ продажи амбара, изгорода и т. п.). Сдается въ субъаренду арендованная земля съ цѣлью спекуляціи. «Среди крестьянства сохранился взглядъ на землю, какъ на свою собственность и этотъ взглядъ кулаки всячески стремятся использовать въ своихъ интересахъ». О томъ, что купля-продажа земли практикуется не только кулаками, можно судить по тому, что продавцами большей частью являются бѣднѣйшіе или средніе крестьяне. Но и сама деревенская власть, представленная тѣми же крестьянами, не только не въ состояніи бороться съ нарушеніями націонализаціи земли, но покрываетъ ихъ и даже санкціонируетъ, и, по всѣмъ отзывамъ, сельскія и волостныя власти сплошь да рядомъ проявляютъ тотъ же взглядъ на землю и то же игнорированіе ея націонализаціи, какъ и вся рядовая масса крестьянства.

Таково отношеніе крестьянства къ землѣ въ старыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ оно всю свою жизнь обрабатывало эту землю, гдѣ оно делѣяло мечту о ея полученіи, и гдѣ оно не можетъ не разсматривать ее, какъ свою собственность. Понятно, что эта собственническая и индивидуалистическая психологія еще сильнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянство въ новыхъ мѣстахъ получаетъ землю. По даннымъ о землеустройствѣ, въ Сибири 34% всего числа землеустроенныхъ хозяйствъ занимаютъ подворныя владѣ-

---

*) См. Ежегодникъ Совѣтской Юстиціи. 1929 г. № № 1, 5, 8, 17, 19, 24, 26, 27, 33, 34, 35, 36, 37, 39. Всѣ приводимыя въ текстѣ свѣдѣнія заимствованы изъ этого изданія а также изъ книги Ангарова: Классовая борьба въ совѣтской деревнѣ Изд. Комм. Акад. М. 1929.

нія, и лишь 30% имѣють групповой характеръ. Въ 1928 г., несмотря на запрещенія Наркомзема совершать отрубное землеустройство, «какъ способствующее росту капиталистическаго сектора сельскаго хозяйства», въ Сибири именно эта форма занимала 2,1 милл. гект. или 41,7%. Въ общемъ же за всѣ годы отрубныя и хуторскія хозяйства занимають сейчасъ свыше 9 милл. гект., изъ которыхъ, какъ только что было указано, на одинъ только послѣдній годъ приходится около четвертой части *).

Тяга крестьянства къ земельной собственности сейчасъ стала сильнѣе, чѣмъ была до революціи. Собственническій инстинктъ, собственническая психологія проявляются на каждомъ шагу, и вся многосторонняя, принимающая причудливыя формы, борьба крестьянства съ совѣтской властью есть ничто иное, какъ борьба за торжество этихъ собственническихъ началъ, за созданіе условий, которыя обезпечивали бы имъ свободное и безпрепятственное развитіе.

«Какъ вы ни затискиваете зажимаемыя кулацкія хозяйства, все равно этотъ зажимъ отзовется на состояніи всего сельскаго хозяйства, — пишетъ авторъ одного письма въ «Красную Газету». — Потому что зажиточные крестьяне и кулаки, это есть верхушечный слой въ деревнѣ, болѣе развитой, сознательный, умѣлый. Къ его словамъ и совѣтамъ прислушивается большинство населенія. Развѣ будетъ пользоваться власть, построенная изъ пастуховъ и батраковъ, довѣріемъ середняковъ? Нѣтъ, не будетъ» **).

Совѣтская литература за послѣднее время полна подобнаго рода заявленіями. Не только экономически и социальна, но, что гораздо важнѣе, психологически крестьянство сейчасъ безконечно далеко отъ социалистическаго строительства. Во всякомъ случаѣ, не въ этой средѣ можно сейчасъ найти опору надеждамъ на утверженіе въ Россіи, послѣ паденія большевиковъ, «республики труда» и «трудоу демократіи».

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ другой основной общественной группой въ нынѣшней Россіи, — съ рабочимъ классомъ.

*) «Эконом. Жизнь», 16 октября 1929 г.

***) Большевикъ, 15 октября 1929 г. стр. 62.

Эволюція рабочаго класса.

О положеніи рабочаго класса въ нынѣшней Россіи накопилось еще больше недоразумѣній, чѣмъ о состояніи крестьянства. И въ этомъ вопросѣ многіе зарубежные критики повѣрили утвержденіямъ большевиковъ о томъ, что рабочій классъ выигралъ отъ революціи, что онъ находится въ привилегированномъ положеніи и что, осуществивъ социализмъ, онъ то и пользуется плодами своей диктатуры въ обрѣтенномъ раю. Дѣйствительно, совѣтская власть въ началѣ осуществила участие рабочихъ въ управленіи производствомъ. Она предоставила не только полную свободу профессиональнымъ союзамъ, обнимающимъ сейчасъ свыше 12 милліоновъ трудящихся, но и сдѣлала эти союзы главнымъ аппаратомъ для осуществленія диктатуры пролетаріата. Цѣлый рядъ мѣропріятій былъ осуществленъ въ области социальной политики: обязательное социальное страхованіе во всѣхъ видахъ и для всѣхъ категорій трудящихся, не участвующихъ въ расходахъ на него, обязательность коллективныхъ договоровъ, принудительный арбитражъ, минимумъ заработной платы, платные отпуска, охрана женскаго и дѣтскаго труда, охрана материнства, инспекція труда, выбранная рабочими, организація государственнаго посредничества по найму, установленіе 8-ми часоваго рабочаго дня а затѣмъ даже и семичасоваго, постоянное повышеніе заработной платы рабочихъ въ ущербъ другимъ категоріямъ трудящихся, и тѣ особенности крестьянству и т. д.

Автору этихъ строкъ приходилось неоднократно упреждать на то, что, несмотря на существованіе этого на бумагѣ наиболѣе передоваго законодательства, получаемыя рабочимъ классомъ въ совѣтскихъ условіяхъ льготы и привилегіи въ весьма малой степени избавляютъ его отъ общихъ тяжелыхъ условій труда и жизни.

Наши зарубежные экономисты, отлично понимающіе, что положеніе рабочаго класса зависитъ отъ общаго состоянія народнаго хозяйства, забываютъ нерѣдко объ этой элементарной истинѣ въ примѣненіи къ совѣтской дѣйствительности. Доказывая совершенно справедливо, что русское народное хозяйство сейчасъ не развивается и находится въ состояніи перманентнаго кризиса, они стараются, наряду съ этимъ доказывать, что рабочій классъ,

однако, находится въ благоприятныхъ условіяхъ. Они и въ этомъ отношеніи вѣрили утвержденіямъ большевиковъ и принимали въ серьезъ совѣтское декларативное законодательство. Но въ концѣ концовъ имѣетъ значеніе не то привилегированное положеніе, въ какомъ находится рабочій классъ въ настоящее время, а будущія перспективы. И по этому вопросу намъ неоднократно приходилось указывать на то, что совѣтская рабочая политика и рабочее законодательство эволюционируютъ назадъ, къ ухудшенію положенія рабочихъ и что у рабочаго класса постепенно отбираются всѣ его завоеванія революціи. Очевидно, что, если социализмъ не имѣетъ мѣста въ нынѣшней Россіи и народное хозяйство неизбѣжно должно вернуться къ прежнимъ частно-хозяйственнымъ и капиталистическимъ формамъ, рабочій классъ окажется у разбитаго корыта, и въ этомъ смыслѣ онъ одинъ останется въ проигрышѣ. Зарубежные «антиэволюціонисты», какъ противники социализма, такъ и сторонники «республики труда», продолжаютъ утверждать, что рабочій классъ по прежнему является единственнымъ выигравшимъ отъ революціи. Первые и здѣсь явно впадаютъ въ противорѣчіе, ибо необходимость въ широкомъ развитіи капитализма никакъ не можетъ быть совмѣщена съ привилегированнымъ положеніемъ рабочаго класса. Вторые, хотя и гораздо послѣдовательнѣе первыхъ, исходятъ изъ совершенно фактастическаго представленія о томъ, что въ совѣтскихъ условіяхъ, дѣйствительно и въ отношеніи рабочаго класса осуществлена какая то новая, «трудовая демократія». Дѣйствительная эволюція, происходящая въ положеніи рабочаго класса, опровергаетъ и ту, и другую точку зрѣнія.

За послѣдніе пять-шесть лѣтъ рабочій классъ немало заплатилъ за экономическое возстановленіе страны, которое совершалось за счетъ ухудшенія условій труда въ меньшей степени, чѣмъ за счетъ крестьянства. Ошибаются поэтому тѣ, кто представляетъ себѣ, что достаточно паденія совѣтской власти для того, чтобы вернуть рабочимъ привилегіи, обѣщанныя имъ въ первые дни большевистской революціи. Урокъ, полученный за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, долженъ былъ бы убѣдить въ томъ, что и въ будущемъ рабочему классу, такъ же, какъ и всѣмъ другимъ классамъ, долго и много придется платить за возстановленіе Россіи и за максимализмъ въ рабочемъ вопросѣ. Рабо-

чему классу предстоитъ въ ближайшее время вести борьбу не за «республику труда», а за установленіе хотя бы болѣе или менѣе сноснаго рабочаго законодательства, которое, дѣйствительно, представляло бы собой прогрессъ по сравненію съ дореволюціоннымъ. Но — и это наиболѣе существенно — это положеніе рабочаго класса явится лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нынѣшняго и продолженіемъ той эволюціи, которая произошла и продолжается въ послѣдніе годы.

Издававшееся въ коммунистическій періодъ рабочее законодательство носило, по выраженію б. комиссара труда Шмидта, чисто декларативный характеръ. Въ тѣ тяжелые годы рѣчь не могла идти объ обезпеченіи рабочему классу правъ, которые были ему обѣщаны. Продовольственный голодъ, трудовая повинность, ударные фронты, существовавшіе на каждой фабрикѣ, господствовавшая диктатура профессиональныхъ союзовъ — всѣ эти условія совершенно отодвинули на задній планъ заботу о рабочемъ законодательствѣ. Даже самый низкій минимумъ заработной платы не могъ быть гарантированъ государствомъ, которое само вынуждено было добывать продовольствіе при помощи продармій. На останавливавшихся фабрикахъ и заводахъ вопросъ о продолжительности рабочаго дня не имѣлъ никакого практическаго значенія. При существованіи трудовой повинности, при установленіи односторонней волей профессиональныхъ союзовъ никогда не выполнявшихся тарифныхъ ставокъ не было вопроса о коллективныхъ договорахъ. Инспекціи труда нечего было дѣлать — ее замѣнялъ терроръ фабзавкомовъ. Соціальное страхованіе превратилось въ «собесъ», который сводился къ праву рабочихъ на полученіе заработной платы за невыполняющуюся работу, при чемъ эта заработная плата выплачивалась рабочимъ ими же самими путемъ распродажи издѣлій, производимыхъ въ ничтожномъ количествѣ на полузаброшенныхъ фабрикахъ.

Въ этотъ періодъ менѣе всего могла идти рѣчь о какихъ-либо подлинныхъ матеріальныхъ завоеваніяхъ рабочаго класса. Вопросъ о социальномъ законодательствѣ возникъ практически лишь послѣ введенія нэпа. Кодексъ Труда, положившій основаніе этому законодательству, былъ изданъ лишь въ 1922 г. Тогда реальныя условія вызванныя нэпомъ, еще не были ясны. Поэтому въ теченіе первыхъ лѣтъ власть могла терпѣть сохраненіе диктатуры

профессиональных союзовъ и вести щедрую политику, не считавшуюся съ существовавшими возможностями. Но какъ только нэпъ сталъ придавать хозяйственной жизни болѣе или менѣе нормальный характеръ, началась эволюція назадъ рабочаго законодательства, эволюція, не только не приостановившаяся и до настоящаго времени, но принявшая за послѣдній годъ особенно рѣзкій и быстрый темпъ.

Первый же кризисъ въ промышленности въ концѣ 1923 г. заставилъ возстановить сдѣльную плату, т. е. ту форму оплаты труда, противъ которой всегда боролись рабочіе. Въ связи съ этимъ былъ принятъ рядъ мѣръ для поднятія трудовой дисциплины и производительности труда. И теперь уже не оспаривается никѣмъ изъ совѣтскихъ изслѣдователей, что эти мѣры лежали менѣе всего въ области организационныхъ и техническихъ улучшеній условій производства, а главнымъ образомъ въ области усиленія напряженія мускульной силы рабочаго *). Тогда же сильно растущая безработица, въ особенности среди женщинъ, заставила внести отступленія отъ запрещеній ночного труда женщинъ и дѣтей. За этимъ первымъ отступленіемъ, произведеннымъ въ 1924 г., послѣдовало въ слѣдующемъ году другое, не менѣе важное. Принципъ установленія заработной платы путемъ свободнаго заключенія коллективныхъ договоровъ былъ отмѣненъ и замѣненъ системой такъ наз. государственнаго нормированія для нѣкоторыхъ категорій государственныхъ служащихъ, а затѣмъ и не только для чиновниковъ, но для значительной части торговыхъ служащихъ. Какъ и въ старое время,

---

*) Б. Д. Бруцкусъ считаетъ неправильнымъ упрекъ, посылаемый мною совѣтской власти за принятіе этихъ мѣръ. Онъ указываетъ на то, что всякая власть, вынужденная заботиться о повышеніи производительности труда, въ тогдашнихъ условіяхъ поступила бы такъ же. Это обычное недоразумѣніе. Если бы совѣтская власть была и считала себя властью буржуазно-капиталистической, эта политика была бы вполне естественной. Но совѣтская власть, заявляя постоянно о томъ, что она никогда не прибѣгнетъ къ методамъ капиталистической политики, поступала именно такъ, какъ поступила бы въ данномъ условіяхъ всякая капиталистическая власть. Въ этомъ и заключалось лишній разъ лицемѣріе совѣтской политики и основная ложь самого существованія рабоче-крестьянскаго правительства. Объ этомъ только и идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь.

ю для болѣе многочисленной, чѣмъ раньше, категоріи трудящихся, существуютъ сейчасъ штаты и твердые оклады, устанавливаемые заранѣе односторонне государствомъ.

Численность безработныхъ членовъ профессиональных союзовъ достигла на 1 апрѣля 1929 г. 2.293.800. Среди общаго числа рабочихъ безработные составляли на 1 октября 1927 г. 1.041.200, на 1 апрѣля 1928 г. 1.575.900, на 1 апрѣля 1929 г. — 1.741.000. Характерно при этомъ, что среди общаго числа безработныхъ весьма сильно растетъ группа ищущихъ труда впервые. Число послѣднихъ возрасло съ 229.800 на 1 октября 1927 г. до 302.000 на 1 апрѣля 1928 года и до 405.800 на 1 апрѣля 1929 г. Не нужно, однако, думать, что этотъ ростъ безработицы вызванъ главнымъ образомъ приливомъ прибывающихъ изъ деревни. Число послѣднихъ составляло на 1 октября 1927 г. лишь 8,7%, на 1 апрѣля 1929 г. — 7,6% всего числа безработныхъ. Наряду съ этимъ происходитъ непрерывный ростъ числа безработныхъ женщинъ, увеличившагося съ 369.800 на 1 октября 1927 г. до 464.200 на 1 апрѣля 1928 г. и до 546.500 на 1 апрѣля 1929 г. Этотъ ростъ безработицы среди женщинъ тѣмъ болѣе характеренъ, что онъ происходитъ параллельно росту числа женщинъ, занятыхъ въ промышленности: съ 510.300 на 1 января 1925 г. до 725.900 на 1 января 1928 г. Ростъ женскаго труда, ростъ безработицы среди женщинъ, ростъ числа безработныхъ, впервые ищущихъ работы (при ничтожномъ процентѣ прибывающихъ изъ деревень) указываютъ одинаково на ростъ пролетаризаціи городского населенія и на ухудшеніе условий жизни. Политика борьбы съ безработицей подвержена постояннымъ колебаніямъ, съ общей тенденціей къ ухудшенію. Чистки безработныхъ повторяются періодически, но послѣдняя, предпринятая на основаніи декрета 13 іюля 1929 г., приняла особенно значительные размѣры. Огромное число категорій безработныхъ (лишенные избирательнаго права и члены ихъ семей, исключенные изъ профсоюзовъ, не состоящіе вообще въ союзъ, имѣющіе какой либо доходъ, провинившіеся въ нарушеніи правилъ внутреннего распорядка и даже правилъ о дѣятельности биржъ труда) исключаются изъ списка безработныхъ или навсегда или во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ на годъ.

По только что изданному положенію, пособія по безработицѣ могутъ выдаваться лишь лицамъ, имѣющимъ не менѣе трехлѣтняго стажа работы по найму, если они

не состоятъ членами профсоюзовъ, или при условіи двухъ лѣтняго стажа, если они состоятъ въ союзѣ. Между тѣмъ до сихъ поръ такого ограниченія для членовъ союзовъ вообще не существовало. Ранѣе лишеніе пособія могло имѣть мѣсто лишь въ отношеніи лицъ, которыя сами имѣли «нетрудовой» доходъ, а теперь лишаются пособія даже тѣ лица, у которыхъ кто нибудь въ семьѣ имѣетъ нетрудовой доходъ, который, какъ извѣстно, въ настоящее время сплошь да рядомъ гораздо ниже заработной платы простого рабочаго.

Тѣ же тенденціи можно отмѣтить и въ области социального страхованія. Тяжелое финансовое положеніе послѣдняго заставило только что значительно ограничить кругъ пользующихся правомъ на пособія и сократить послѣднія. Въ теченіе первыхъ пяти дней болѣзни, вмѣсто выдававшегося до сихъ поръ полнаго заработка, теперь рѣшено выдавать лишь три четверти. Конечно и эта мѣра вызвана необходимостью и является неизбѣжнымъ коррективомъ къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ въ области социального страхованія. Но характерно, что совѣтскіе социальные политики, которые обычно съ такой гордостью говорятъ о совѣтскомъ социальномъ страхованіи, вынуждены теперь пойти на ту же мѣру, которая существуетъ въ капиталистическихъ системахъ социальнаго страхованія и за которую до сихъ поръ не только предприниматели и капиталистическія правительства, но соц.-дем. профсоюзы осыпались всевозможными ругательствами. Для полученія пособія по болѣзни теперь требуется также трехлѣтній стажъ работы по найму. И здѣсь рядъ категорій трудящихся, даже не лишенныхъ избирательнаго права, лишаются пенсій и пособій.

Всѣ такъ называемыя дополнительныя пособія снижены на половину. Новѣйшими декретами право на пособие на кормленіе новорожденнаго предоставлено лишь женщинамъ, имѣющимъ 6-мѣсячный стажъ работы по найму, и заработокъ которыхъ не превышаетъ опредѣленнаго уровня. За послѣдніе годы число получившихъ это пособие поэтому значительно сократилось (съ 79 на тысячу въ 1925 до 66 въ 1928 г.). Пособія, колебавшіяся между 29 - 34 руб. въ мѣсяцъ въ 1926 г. сократились до 23 - 27 руб. въ 1928 г.

Медицинская помощь, какъ извѣстно, весьма не удовлетворительна: «Качество медпомощи, особенно въ круп-

ной промышленности, недостатокъ инфекціонныхъ коекъ, грозящій въ случаѣ вспышки эпидеміи поставить подъ ударъ работу крупнѣйшихъ промышленныхъ центровъ, огромныя очереди въ амбулаторіяхъ, крайне слабый надзоръ при ужасающемъ санитарномъ состояніи городовъ и промышленныхъ центровъ *). Въ промышленныхъ областяхъ медицинская помощь сокращается: среднее число коекъ-дней на 1 застрахованнаго снизилось съ 1926-27 по 1927 - 28 г. въ Московской области съ 3,87 до 3,57, въ Ленинградской области съ 5,08 до 4,8, по Нижегородскому краю съ 3,12 до 3,10. Недавнсе правительственное обследованіе на Украинѣ установило для больницъ и клиникъ: массовыя жалобы на тѣсноту, плохое питаніе, отсутствіе бѣлья, тяжелое положеніе роженицъ, низкое качество медицинской помощи, недостатокъ квалифицированной помощи (ротные фельдшера все еще играютъ видную роль) **). Общее мнѣніе и рабочихъ, и правительственныхъ органовъ сводится къ тому, что положеніе съ санитарной и медицинской помощью, какъ для застрахованныхъ рабочихъ, такъ и для остальнаго населенія весьма не благополучно.

Извѣстно, что охрана труда поставлена весьма плохо. Инспекція труда въ массѣ не выполняетъ свои обязанности. Хозяйственные органы расходуютъ суммы, ассигнуемыя на охрану труда, по другому назначенію. Какъ и въ капиталистическихъ странахъ, и совѣтскіе предприниматели рассматриваютъ расходы на охрану труда какъ непроеводительныя и отягчающіе кассу предприятий. Тамъ, гдѣ добросовѣстные инспекторы труда пытаются требовать соблюденія законовъ, они не въ состояніи этого добиться, подвергаются издѣвательствамъ и гоненіямъ, доводятся до самоубійства. (Случай съ инспекторомъ Безверхомъ). Число несчастныхъ случаевъ, общій травматизмъ, обнаруживаютъ угрожающій ростъ.

Ночной трудъ женщинъ получилъ за послѣдніе годы значительное распространеніе. Среди общаго числа работницъ, работавшихъ ночью въ 1928 г. — 54% работали меньше одного часа, 29% отъ 1 до 2 часовъ, 12% отъ 5 до 8 часовъ. Среди общаго числа женщинъ занятыхъ въ хлопчатобумажной промышленности работало ночью 56,3%

---

*) Трудъ, 8 октября 1929 г

***) Труд, 29 іюня 1929 г.

въ предприятияхъ перешедшихъ на 7 часовъ, и 35,7% въ предприятияхъ, сохранившихъ 8-часовой рабочей день.

Таковы условия труда, связанные съ социальной политикой. Въ отвѣтъ на указанія на то, что эти условия труда становятся все менѣе благоприятными, очень часто дѣлаются возраженія троякаго рода. Неправильно, говорятъ, упрекать совѣтскую власть за то, что она постепенно отмѣняетъ тѣ чрезвычайныя щедроты, которыми она пыталась осыпать рабочий классъ. При нынѣшнемъ экономическомъ положеніи сохраненіе этихъ привиллегій невозможно и никакая другая власть не могла бы ихъ сохранить. Несомнѣнно.

Но наша задача и состоитъ въ томъ, чтобы показать, что не только никакая другая, но и рабоче-крестьянская власть не въ состояніи выполнить общія, которыя она расточала въ первые годы революціоннаго порыва, и что условия труда и жизни рабочаго класса съ каждымъ годомъ не улучшаются, а ухудшаются.

Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что при всѣхъ ухудшеніяхъ въ рабочемъ законодательствѣ и въ политикѣ совѣтской власти матеріальное положеніе рабочаго класса остается привилегированнымъ. Несомнѣнно, что общія экономическая политика совѣтской власти имѣетъ основное направленіе — создать наиболѣе благоприятныя матеріальныя условия для рабочаго класса. Но и здѣсь реальные условия вносятъ крупнѣйшій и весьма неблагоприятный коррективъ.

Средній заработокъ взрослога промышленнаго рабочаго составлялъ въ 1928 г. 80 черв. руб., заработокъ работницы — 55 руб., заработокъ фабрично заводскихъ служащихъ достигалъ 124 руб., заработокъ административно-техническаго персонала — 216 руб., заработная плата совѣтскихъ служащихъ доходила до 86 руб., медики получали 57 руб., учителя — 75 руб., торговые служащіе — 78 - 96 руб., служащіе комиссаріатовъ — 110 руб., служащіе правленій трестовъ — 141 руб.

Несомнѣнно, во многихъ случаяхъ заработная плата промышленныхъ рабочихъ поднялась выше довоеннаго уровня, но ростъ этотъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается незначительнымъ. По приблизительнымъ единственно возможнымъ подсчетамъ подневная заработная плата въ довоенныхъ рубляхъ составляла въ 1927-28 году не болѣе 146,5 коп., т. е. была лишь на 3% выше до-

военной, составлявшей 142,1 коп. Мѣсячная плата достигала 34,18 руб. противъ 30,49 руб. въ 1913 г., т. е. была лишь на 12% выше довоенной. Въ истекшемъ 1928 - 29 г. реальная заработная плата понизилась, по сравненію съ предшествующимъ годомъ и наврядъ ли превышаетъ теперь 32 - 33 руб. въ среднемъ въ мѣсяцъ, другими словами не болѣе, чѣмъ на 5 - 7% выше довоенной.

Правда, наряду съ непосредственно выплачиваемой заработной платой рабочій получаетъ различныя льготы, среди которыхъ принято называть бесплатныя или дешевыя квартиры, социальное страхованіе и друг. Но и въ этомъ вопросѣ дѣло обстоитъ далеко не столь блестяще, какъ это принято думать. Въ рабочемъ бюджетѣ заработная плата главы семьи составляетъ все еще лишь четыре пятыхъ, тогда какъ въ войны ея доля достигала 95%. Это означаетъ, что въ настоящее время заработокъ рабочаго обеспечиваетъ существованіе его семьи въ гораздо меньшей степени, чѣмъ до войны. Помощь, получаемая путемъ социального страхованія, составляетъ въ бюджетѣ всей рабочей семьи около 6%, а всякаго рода частныя займы, кредитъ, закладъ вещей — 7%. Часть бюджета составляется и отъ дохода отъ продажи продуктовъ своего хозяйства, и отъ сдачи комнатъ и угловъ, и отъ помощи, получаемой отъ родныхъ. Если бы не было этихъ источниковъ, въ особенности, первыхъ двухъ, рабочая семья не могла бы сводить концы с ъконцами, и это — несмотря на то, что, кромѣ самого рабочаго, работаютъ и члены его семьи.

Безплатность квартиръ, какъ извѣстно, давно отмѣнена, и за послѣдніе годы квартирная плата повышается непрерывно и въ весьма сильной степени. Рабочими квартирами на предпріятіяхъ пользуется лишь одна треть всего количества рабочихъ, но и здѣсь бесплатность болѣе не примѣняется. О жилищныхъ условіяхъ не приходится распространяться. Они не только ужасны, но ухудшаются съ каждымъ годомъ. Число лицъ, приходящихся въ среднемъ на 1 комнату среди рабочихъ, составлявшее еще въ 1924 году 2,98, достигло теперь болѣе 3,5, а средняя жилая площадь на душу упала съ 5,2 кв. м. въ 1924 г. до 4,8 кв. м. въ 1927 г. и до 5 кв. м. въ 1929 г. Какъ говоритъ «Трудъ», «несмотря на огромную жилищную нужду въ 1929 г., норма средней жилплощади на душу в ъпромышленности стабилизировалась почти на одномъ уровнѣ. А вѣдь жилищная

норма въ рабочихъ районахъ у насъ поистинѣ голоднахъ. Въ отдаленныхъ районахъ (Ураль, Югосталь, текстильная промышленность) она доходить даже до 3,4 кв. м. на душу» *).

Удивительно-ли при такихъ условіяхъ, что потребление спиртныхъ напитковъ и пьянство среди рабочихъ растутъ. Въ Москвѣ среднее число бутылокъ спиртныхъ напитковъ выпитыхъ рабочей семьей возрасло съ 47 (въ томъ числѣ водки 8,86), въ 1925 г. до 79 (въ т. ч. водки 29) въ 1927 г. и 43 бут. (въ т. ч. 18 бут. водки) въ первомъ полугодіи 1928 г. На Уралѣ рабочіе тратятъ на спиртные напитки свыше трети своего бюджета, въ Донбассѣ — 55%, а въ среднемъ во всѣхъ городахъ — свыше половины бюджета. При этомъ среди рабочихъ, имѣющихъ жилую площадь менѣе 4 кв. м. на душу, почти вся получка обычно пропивается. Потребление алкоголя, вообще, въ Россіи въ настоящее время гораздо выше, чѣмъ до войны. Въ царской Россіи выпускалось передъ войной 1.279 милл. литровъ водки, а въ 1927 - 28 г. было потреблено около 1.880 милл. литровъ (включая и самогонъ) **).

Это и безъ того далеко не блестящее положеніе сильно ухудшилось въ теченіе нынѣшняго года. Продовольственное снабженіе даже въ рабочихъ районахъ ухудшилось, при помощи карточной системы правительствомъ пытались обезпечить рабочему населенію извѣстныя нормы, но кооперация, и прежде всего рабочая, и государственные органы, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась не на высотѣ, крупнѣйшіе кооперативы должны были повысить цѣны, реальная плата понизилась. Уже въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ ростъ заработной платы началъ отставать и отъ производительности труда, и отъ роста промышленнаго производства. За послѣдній годъ доля промышленныхъ рабочихъ въ общемъ народномъ доходѣ понизилась (съ 34,2 до 33,6%, а въ абсолютныхъ цифрахъ общая сумма дохода рабочихъ повысилась въ червонныхъ рубляхъ всего лишь на 15%, тогда какъ доходы крестьянства увеличились на 17%).

Этой несомнѣнной эволюціи къ ухудшенію въ положе-

*) Трудъ, 29 июня 1929 г.

***) Фурманъ Путь развитія борьбы съ алкоголизмомъ «Новый Міръ», № 10, 1929 г.

ніи рабочаго класса соотвѣтствуетъ и социальная эволюція, происходящая въ его средѣ.

И въ нынѣшней Россіи создалась значительная дифференціация среди трудящихся. Въ средѣ рабочаго класса существуютъ далеко не однородныя группы. Въ 1928 г. получали заработную плату въ среднемъ въ мѣсяць до 40 руб. 14%, отъ 40 до 80 руб. — половина, отъ 80 до 150 руб. — 30%, и свыше 150 руб. — 5,7% всего числа рабочихъ. Среди служащихъ до 40 руб. получали — 2,6%, отъ 40 до 80 руб. — 30,6%, отъ 80 до 150 руб. — 43,1%, отъ 150 до 250 руб. — 18,8%, свыше 250 руб. — 4,8%. Какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе данныхъ, работница получаетъ двѣ трети заработка рабочаго, служащій въ промышленности имѣетъ заработокъ въ полтора раза большій, административно-технической персоналъ получаетъ въ среднемъ въ 3 раза больше рабочаго. Если взять однихъ только фабрично-заводскихъ служащихъ, то, напр., въ металлургической промышленности въ 1928 г., при среднемъ заработкѣ въ 126 руб., конторщики получали 70 руб., бухгалтера — 179 руб., мастера — 185 руб., завѣдующіе цехами — 264 руб., директора, оплачиваемые по тарифу отвѣтственныхъ политическихъ работниковъ — 205 руб., а директора, оплачиваемые не по этому тарифу — 448 р. Заработная плата рабочихъ выше заработной платы врачей, учителей, вообще, лицъ свободныхъ профессій, но она ниже оплаты чиновниковъ администраціи и директоровъ торговыхъ предприятий, трестовъ, банковъ.

Совѣтская политика и въ этомъ отношеніи ничего не измѣнила, по сравненію съ любой капиталистической страной. Принципъ уравнительности въ оплатѣ труда давно отброшенъ, и какъ только это произошло, привилегированное положеніе рабочаго въ отношеніи заработной платы исчезло. Эта дифференціация въ оплатѣ труда рабочихъ весьма значительна даже въ предѣлахъ одной и той же промышленности, нерѣдко одного и того же предприятия. Система тарифовъ давно извращена, благодаря сильному распространенію сдѣльщины, и въ виду того, что тарифныя ставки играютъ незначительную роль въ дѣйствительномъ заработкѣ рабочаго. Борьба съ этимъ ненормальнымъ положеніемъ до сихъ поръ оказывалась настолько безуспѣшной, что теперь единая тарифная сѣтка, которая до сихъ поръ охватывала всѣхъ занятыхъ въ предпріятіи, ликвидирована и замѣнена четырьмя различ-

ными стѣтками: одной — для рабочихъ, другой — для учениковъ, третьей — для служащихъ, четвертой — для административно-техническаго персонала. Ранѣе въ единой стѣткѣ существовало 17 разрядовъ, при чемъ два первыхъ и низшихъ разряда примѣнялись къ ученикамъ, восемь слѣдующихъ разрядовъ — къ рабочимъ, четыре слѣдующихъ разряда — къ низшему административно-техническому персоналу и четыре высшихъ разряда къ высшему персоналу. Ставка высшаго разряда была въ 8 разъ выше ставки низшаго разряда. Теперь стѣтка для инженерно-техническаго персонала имѣетъ 16 разрядовъ, съ соотношеніемъ между крайними разрядами 1 : 4; стѣтка для служащихъ включаетъ въ себѣ также 16 разрядовъ, съ соотношеніемъ между крайними разрядами 1 : 8. Рабочая стѣтка имѣетъ 8 разрядовъ, съ соотношеніемъ между крайними ставками 1 : 3, и, наконецъ, стѣтка для учениковъ имѣетъ 6 разрядовъ, съ соотношеніемъ между крайними разрядами 1 : 2,5. Очевидно, что различія въ оплатѣ труда различныхъ группъ трудящихся еще болѣе углубились, и матеріальная дифференціация обострилась.

Измѣнилась и социальная структура рабочаго класса.

Число членовъ профессиональных союзовъ увеличилось съ конца 1924 до конца 1928 г. г. съ 6,4 до 10,9 милл. или на 70%. Но за это же время число с.-х. рабочихъ, входящихъ въ союзы, возросло въ 3½ раза, число строительных рабочихъ въ 2,75 раза, число совѣтскихъ и торговыхъ служащихъ — на 63%, тогда какъ число всѣхъ промышленныхъ рабочихъ (въ томъ числѣ и мелкой промышленности) увеличилось на 56% и число транспортных рабочихъ — на 35%. Сельско-хозяйственные, строительные рабочіе и совѣтскіе и торговые служащіе составляли въ 1924 г. 29,8% всего числа, а въ 1928 г. — 47,3%, тогда какъ доля промышленныхъ рабочихъ упала за это же время съ 37,9 до 34,6%. Въ самомъ промышленномъ пролетариатѣ весьма значительна доля пришлыхъ изъ сельскихъ мѣстностей: 41% въ общемъ количествѣ принятыхъ на работу въ промышленности въ 1926 - 27 г. и 35,6% въ первомъ полугодіи 1928 - 29 г. И сейчасъ среди промышленныхъ рабочихъ Москвы связаны съ деревней отъ 7 до 23% среди семейныхъ, а среди холостыхъ — отъ 13 до 69%, въ зависимости отъ отрасли промышленности. Въ Петроградѣ этотъ процентъ колебался въ первомъ случаѣ отъ 4,6

до 17,8, а во второмъ — отъ 10,8 до 54,3% *)). Хозяйственники, какъ утверждаютъ постоянно дѣятели профсоюзовъ, «дѣлаютъ ставку на крѣпкого рабочаго-крестьянина». И въ совѣтской Россіи создалась своя резервная армія труда, давящая и на рынокъ, и на условія труда въ социалистической промышленности. Раньше совѣтскіе экономисты отрицали это, заявляя, что безработица въ Сов. Россіи рѣзко отличается отъ безработицы въ капиталистическихъ странахъ. Но теперь приходится отказаться отъ этихъ утверждений.

Въ то время какъ на одной сторонѣ растутъ значительные кадры низко оплачиваемыхъ, неквалифицированныхъ и просто чернорабочихъ, на другой сторонѣ образуется слой рабочей аристократіи, къ которой принадлежатъ и высокооплачиваемые фабрично-заводскіе рабочіе, и мастера, и административно-технической персоналъ. На это совершенно опредѣленно указывалъ Томскій на восьмомъ съѣздѣ профсоюзовъ въ декабрѣ 1928 г. Но Томскаго убрали. Теперь то же самое говорятъ тѣ, кто его особенно сильно критикуетъ.

«Внутри нашего рабочаго класса происходятъ важные и сложные процессы, — утверждаетъ одинъ изъ такихъ критиковъ. — На фабрики и заводы приходятъ все новые и новые отряды рабочихъ. Эти люди еще полны всякихъ предразсудковъ, суевѣрій, крестьянскихъ настроеній, мелко-собственническихъ инстинктовъ. На фабрику они смотрятъ очень часто, какъ на источникъ своего личнаго хозяйственнаго обзаведенія. Въ нихъ нерѣдко говорить еще крестьянская ревность къ рабочимъ. Именно за счетъ такихъ новыхъ рабочихъ растутъ за послѣдніе два года профсоюзы.

Нѣкоторыя, правда, небольшія группы непролетарски настроенныхъ людей имѣются до сихъ поръ даже и среди старыхъ рабочихъ. Наконецъ, на фабрики приходятъ дѣти рабочихъ, которые тоже не всегда воспитаны и настроены въ коммунистическомъ духѣ. Среди всѣхъ этихъ словъ немало наберется прямыхъ враговъ диктатуры пролетаріата. Очень многіе легко поддаются контръ-революціонной пропагандѣ. Послѣднія событія въ различныхъ мѣ-

---

*) Всѣ эти данныя заимствованы изъ «Статистики Труда». Изд. «Экономическаго Обзорнія» и изъ «Статистическаго Обзорнія» за 1929 г.

стахъ (Подольскій заводъ, Московская Чаеразвѣтка и т. п.) показываютъ насколько сильно вторженіе въ среду рабочихъ этихъ нерабочихъ настроеній»). Бѣда въ томъ, что всѣ эти новые непролетарскіе или даже анти-пролетарскіе элементы тоже хотятъ жить, по выраженію Томскаго, какъ живутъ другіе рабочіе, они тоже хотятъ пользоваться всѣми тѣми преимуществами, которыя въ совѣтскихъ условіяхъ доставляетъ почетное званіе рабочаго, члена профсоюза и даже безработнаго. Но дать имъ всѣ эти выгоды, значить окончательно распылить пролетарскіе элементы, главную опорѣ совѣтской власти, въ этой сѣрой массѣ, значить «разсиропить» и въ огромной гущѣ рабочихъ, весьма далекихъ отъ какого бы то ни было социалистическаго строительства. Эти новые элементы требуютъ на фабрикахъ строгой дисциплины, и подъ вліяніемъ ихъ роста отмѣняется весь прежній заводской режимъ и «подтягиваніе» оставляетъ далеко за собой (въ особенности послѣ правилъ внутренняго распорядка 27 августа 1929 г.) прежній режимъ на фабрикахъ и заводахъ. Этыхъ рабочихъ еще можно подтянуть, ихъ можно сразу же устранить отъ всякаго вмѣшательства даже въ непосредственно ихъ касающіеся вопросы условій труда, найма и увольненія. Но за ними нуженъ болѣе строгій политическій надзоръ, ихъ нужно держать въ ежесѣрныхъ рукавицахъ партіи, и для этого и явилось необходимымъ ликвидировать пресловутый «треугольникъ», установить единоначаліе, при которомъ администрація превращается въ послушное орудіе уже не фабрично-заводскихъ комитетовъ, оказавшихся ненадежными, а исключительно партіи.

Въ то же время у многихъ вождей профдвиженія, у наиболѣе культурной и активной части рабочаго класса, усиливается оппозиція тому направленію, которое, по ленинскому шаблону, утратившему уже содержаніе, продолжаетъ настаивать на томъ, что профсоюзы должны быть «школой коммунизма». Ранѣе эта реакція противъ ленинской профсоюзной политики выгажалась въ «хозяйственномъ уклонѣ». Теперь, когда объ этомъ уклонѣ не можетъ быть рѣчи по той причинѣ, что между хозяйственниками и рабочей массой создалось слишкомъ большое разстояніе, эти вожди профдвиженія мечтаютъ только

---

*) Белиманъ. О нѣкоторыхъ горняхъ и особенностяхъ профсоюзнаго оппортунизма. Трудь, 1 ноября 1929 г.

объ одномъ: какъ бы въ новомъ ураганѣ коммунистическаго наступленія сохранить профсоюзы, хотя бы въ той роли, какую имъ отводятъ на Западѣ. «Вѣдь, генеральная наша задача, — говорилъ откровенно представитель металлистовъ, Козелевъ, на послѣднемъ съѣздѣ профсоюзовъ — задача индустриализации страны должна будетъ проводиться руками не только коммунистовъ, не только старыхъ пролетарскихъ кадровъ, но и новыхъ рабочихъ, которыхъ очень много на нашихъ предприятияхъ. Какъ лучше и легче осуществить эту задачу черезъ эти новые кадры? Только усиленіемъ вниманія къ частнымъ, бытовымъ интересамъ и нуждамъ рабочихъ массъ, усиленіемъ нашей защитной работы на предприятияхъ, только усиленіемъ культурно-политическаго воспитанія рабочей массы. Только этимъ путемъ мы сможемъ поднять эти широкія массы до пониманія общеклассовыхъ задачъ социалистическаго строительства».

Говорить на двѣнадцатомъ году диктатуры пролетариата, существованія рабоче-крестьянскаго правительства и строительства социализма о томъ, что лишь защитой культурно-бытовыхъ интересовъ профсоюзы смогутъ поднять массы до пониманія общеклассовыхъ задачъ — вѣдь это меньше того, чего сейчасъ добиваются профессиональные союзы на Западѣ! Но скромность этого «традъ-юнионистскаго» теченія вполнѣ понятна. «Привилегированное» положеніе рабочаго класса въ настоящее время таково, что профессиональные дѣятели лишь мечтаютъ о томъ, какъ бы спасти возможность защищать самые элементарные, повседневные интересы рабочей массы.

**
*

Не только страна, но и совѣтская политика, какъ мы видимъ, не стоятъ на мѣстѣ. Въ деревнѣ политика совѣтской власти стремится задержать нормальный и неумолимый процессъ развитія, напирajući со всѣхъ сторонъ и оказывающійся сплошь да рядомъ сильнѣе всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій. Въ городѣ эта политика, наоборотъ, сама вынуждена отступать отъ первоначальныхъ грандіозныхъ плановъ. Если здѣсь экономическія условія требуютъ отступленія, то въ деревнѣ новыя отношенія становятся слишкомъ грозными и заставляютъ

вести наступление. Но и тутъ и тамъ эволюція страны идетъ въ направленіи, прямо противоположномъ тому, въ какомъ идетъ совѣтская политика. Ни социалистическое наступление, ни усиление планового хозяйства не остановили этой эволюціи, начавшейся и до 1927 г. Экономическое возстановление, происходившее за послѣдніе годы, совершалось и за счетъ рабочаго класса, и за счетъ крестьянства. Когда буржуазные элементы оказались обезсиленными, а ихъ дѣятельность ограниченной чрезвычайно тѣсными предѣлами, возстановление народнаго хозяйства могло происходить въ совѣтскихъ условіяхъ лишь за счетъ урѣзыванія привилегій рабочаго класса и за счетъ наступленія на крестьянство. Народное хозяйство нынѣшней Россіи состоитъ изъ занимающаго значительное мѣсто государственнаго капитализма и служащей послѣднему базой огромной массы мелкихъ частныхъ индивидуальных хозяйствъ. Этотъ государственный капитализмъ превратился теперь въ огромный бюрократическій аппаратъ и существуетъ лишь для этого аппарата. Совѣтское хозяйство все болѣе теряетъ и тотъ слабый социалистическій налетъ, который ему старалась придать въ первые годы коммунистическая партія. Оно все болѣе принимаетъ рѣзко-выраженныя черты государственно-капиталистическаго хозяйства. Борьба идетъ не между социалистическими и частно-хозяйственными формами, а между бюрократическимъ государственнымъ хозяйствомъ и отстаивающимъ свое право на существованіе и развитіе частнымъ индивидуальнымъ хозяйствомъ. Если раньше главнымъ носителемъ этой борьбы являлись участвовавшіе старыя буржуазные элементы, то теперь ихъ мѣсто заняли два новыхъ класса — крестьянство и городской пролетаріатъ. Социалистическое наступление происходитъ въ условіяхъ глубоко отличныхъ отъ тѣхъ, которыя существовали и въ 1917-20 г. г. и въ первые годы нэпа. Это отличіе заключается и въ изменившейся социальной структурѣ населенія, и въ новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ новыхъ социальныхъ процессахъ, происходящихъ и въ крестьянствѣ, и въ рабочемъ классѣ, и въ новой психологіи не только попутчиковъ изъ интеллигенціи, но и въ широкихъ массахъ коммунистической партіи.

Означаетъ ли это, что борьба новыхъ силъ противъ совѣтской политики ведется или будетъ вестись въ ближайшее время за полное возстановленіе буржуазно-капи-

талистическаго строя? Отнюдь, нѣтъ. По той простой причинѣ, что совѣтская политика, извращающая, уродующая, искривляющая подлинныя условія въ странѣ, неизбежно набрасываетъ извѣстную пелену, застилающую передъ взоромъ массъ (да и не только массъ, но и отдѣльных дѣятелей) перспективу историческаго развитія страны. Но и французскій термидоръ не совершился ради упраздненія революціи и установленія новаго строя. Дѣятели термидора желали лишь спасти революцію отъ ея вырожденія и отъ тѣхъ, кто, какъ имъ казалось, уклонился отъ ея первоначальныхъ цѣлей. Французскіе термидоріанцы, какъ и нынѣшніе русскіе, не замѣчали, что уклоненіе отъ первоначальныхъ цѣлей революціи произошло не потому, что новые вожди ее предали или оказались неспособными исполнителями, а потому что первоначальныя цѣли были осуществлены въ той мѣрѣ, въ какой онѣ соотвѣтствовали потребностямъ историческаго развитія страны, и что попытки превзойти эту мѣру не отвѣчали новымъ условіямъ, созданнымъ самой революціей. Страна восприняла отъ революціи то, что было необходимо, и отвергла то, что ей навязывалось. За время, прошедшее отъ начала революціи до термидора, страна продѣлала свою эволюцію, въ ней создались новыя условія, оказавшіяся гораздо сильнѣе тѣхъ ограниченныхъ цѣлей, которыя ставили себѣ дѣятели термидора.

Когда говорятъ о «совѣтскомъ термидорѣ», обычно имѣютъ въ виду его сходство съ французскимъ въ чистомъ внѣшнихъ формахъ. Но эти внѣшнія условія играютъ второстепенную роль и опредѣляются случайной, данной въ извѣстный моментъ обстановкой. Гораздо существеннѣе и важнѣе тотъ фактъ, что «соціальная» революція въ Россіи бьется въ предсмертныхъ судорогахъ, потому что не «соціальная», а та революція, которая подлинно нужна была Россіи, сдѣлала свое дѣло, гораздо болѣе значительное, болѣе сильное, болѣе глубокое, отвѣчающее потребностямъ страны. Именно этотъ «фактъ», какое идеологическое обоснованіе ни придавали бы своимъ дѣйствіямъ отдѣльныя лица и общественныя группы, опредѣлить собой упраздненіе строя, ставшаго даже для тѣхъ, именемъ кого онъ существуетъ, слишкомъ очевиднымъ препятствіемъ осуществленію историческихъ задачъ Россіи.

С. Загорскій.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

О Чеховѣ.

(Изъ воспоминаній).

Какъ-то я засталъ Чехова за чтеніемъ критической о немъ статьи, и онъ встрѣтилъ меня словами:

— Вотъ, батенька, мы съ вами и не знали, а я, оказывается уже въ третьемъ періодѣ.

И затѣмъ, сбросивъ привычнымъ жестомъ пенснэ и лукаво блеснувъ глазами, онъ комически развелъ руками и прибавилъ:

— Да, то совсѣмъ не было періодовъ, а теперь вотъ три.

Не знаю, на сколько періодовъ можно дѣлить литературное творчество Чехова, но мое знакомство съ нимъ совпадаетъ несомнѣнно съ началомъ новаго въ его личной жизни ятинскаго періода, которому суждено было оказаться послѣднимъ.

Въ концѣ сентября 1898 г. я, спасаясь отъ гнилой сѣверной осени, пріѣхалъ въ Ялту, которой раньше не зналъ. У меня было письмо къ мѣстному санитарному врачу д-ру П. П. Розанову, а у него я познакомился съ его двоюроднымъ братомъ С. Я. Елпатьевскимъ. Послѣдній тоже незадолго передъ этимъ переселился окончательно въ Ялту, строилъ себѣ, какъ говорилъ Чеховъ, «съ аппетитомъ» дачу, былъ влюбленъ въ Южный берегъ Крыма, очень краснорѣчиво доказывалъ необ-

ходимость и мнѣ покинуть сѣверъ и сообщилъ, что вотъ и Чеховъ пріѣхалъ и тоже рѣшилъ перекочевать сюда. Какъ-то прохода со мною черезъ городской садъ, онъ замѣтилъ на одной изъ скамеекъ Чехова, подошелъ къ нему и познакомилъ насъ. На слѣдующій день подѣхалъ нашъ общій пріятель, извѣстный московскій земскій врачъ, И. И. Орловъ, и какъ-то такъ вышло, что мы троимъ стали проводить значительную часть дня вмѣстѣ. Чеховъ занималъ двѣ небольшія комнатки на дачѣ Бушева по Николаевской улицѣ. Осень въ тотъ годъ выдалась исключительная даже для Крыма; Чеховъ былъ въ прекрасномъ настроеніи. Онъ тогда еще имѣлъ довольно бодрый видъ и выглядѣлъ, пожалуй не старше своихъ 38 лѣтъ, былъ худъ и, несмотря на то, что ходилъ нѣскольکو сторбывшись, въ общемъ представлялъ стройную фигуру. Только намѣчавшіяся уже складки у глазъ и угловъ рта, порой утомленные глаза, а, главное, на нашъ врачебный глазъ, замѣтная одышка, особенно при подъемахъ, обусловленная этой одышкой степенная медленная походка и прерывательскій кашель, говорили о наличии недуга. Тщательно избѣгалъ говорить о послѣднемъ

только самъ больной. Было два «вѣрныхъ» способа сдѣлать неприятность Чехову и заставить его съежиться: это — коснуться по-подробнѣе его здоровья или его текущихъ литературныхъ работъ. Докторъ Орловъ, очень любившій А. П.—ча и очень безпокоившійся за него, какъ-то, когда мы сидѣли втроемъ и весело болтали, шутливо предложилъ: давайте-ка всѣ другъ друга послушаемъ «для провѣрки». Чеховъ мягко отвелъ это предложеніе, сказавъ, «лучше пройдемся».

Приѣхавъ онъ въ Ялту какъ будто безъ опредѣленныхъ плановъ, но здѣсь скоро принявъ рѣшеніе перебраться на югъ окончательно, и такъ какъ «по гостиницамъ жить надобно», то сталъ подыскивать участокъ. По этому поводу у него происходили постоянныя совѣщанія съ И. А. Синани, владѣльцемъ книжнаго магазина на набережной, хорошо знакомымъ всякому бывавшему въ Ялтѣ, такъ какъ его магазинъ съ лавочкой у входа служилъ излюбленнымъ мѣстомъ свиданій и встрѣчъ друзей и знакомыхъ, особенно писателей. Къ Чехову Синани, вообще человѣкъ очень доброжелательный, питалъ необыкновенно нѣжныя чувства, и любовно заботился о всѣхъ его интересахъ, а такъ какъ Ялту, Южный Берегъ, ялтинцевъ и все про ялтинцевъ и всѣ текущія мѣстныя новости и событія онъ зналъ, какъ никто, то лучшаго совѣтника по отысканію участка или дачи трудно было найти. Однажды А. П. таинственно повезъ насъ съ докторомъ Орловымъ въ Верхнюю Аутку, которая тогда еще не была присоединена къ городу Ялтѣ, а считалась деревней, остановился въ концѣ ея, загадочно предложилъ намъ

перелѣзть черезъ низкій заборъ, и когда мы очутились на довольно неприглядномъ участкѣ, подъ самымъ пыльнымъ шоссе, съ запущеннымъ виноградникомъ, съ 2 - 3 тощими деревьями и старымъ татарскимъ кладбищемъ съ многочисленными характерными надгробными мусульманскими памятниками по передней его границѣ, онъ торжественно заявилъ, что этотъ самый участокъ онъ собирается купить, при чемъ при оцѣнкѣ его рекомендовалъ обратить особенное вниманіе на два его достоинства: во-первыхъ, на имѣющійся «библейскій» колодезь, и, во-вторыхъ, на чудесный далекій видъ на долину рѣчки Учань-Су и кусочекъ моря. Такъ какъ владѣлецъ продавалъ участокъ изъ уваженія къ Чехову необыкновенно дешево, за 4 тысячи, да еще такъ, что три тысячи можно было платить когда угодно и безъ процентовъ, то тутъ-же на общемъ совѣщаніи рѣшено было, что покупать стоитъ. Впрочемъ, шоссе впоследствии при ремонтѣ было значительно поднято и нѣсколько отведено въ сторону, а къ дому Чехова устроена небольшая, въ видѣ переулка спускъ. Денегъ свободныхъ у него въ это время еще не было, и онъ комбинировалъ всякія кредитныя операціи.

Въ серединѣ октября умеръ отецъ А. П.—ча и извѣстіе объ этомъ еще больше укрѣпило его въ рѣшеніи поскорѣ построяться и перевезти мать, которой, какъ онъ полагалъ, будетъ теперь очень тоскливо оставаться въ Мелиховѣ. Послѣднее предполагалось продать. Въ значительное мѣрѣ подъ вліяніемъ Чехова пріялъ также въ концѣ концовъ къ заключенію о необходимости покинуть

окончательно съѣрвь, я снялъ въ Ялтѣ квартиру, пустую, только съ нѣсколькими самыми необходимыми предметами обстановки, и такъ какъ раньше года семья моя не могла переѣхать, то Чеховъ переехалъ ко мнѣ. Онъ въ это время очень много работалъ, преимущественно по утрамъ. Мы много гуляли, тщательно избѣгая набережной, гдѣ его одолѣвали курортныя дамы, «антоновки», преслѣдуя его по пятамъ; стоило ему зайти къ Синани, какъ немедленно лавка заполнялась покупателями, которымъ неотложно требовались газеты, книги, папиросы и т. п. Чеховъ съ мрачнымъ видомъ круто поворачивался и устремлялся черезъ ближайшія улицы или городской садъ подальше отъ набережной.

Бывали и экстраординарные развлечения. Мѣстный карамъ-купецъ, пріятель Синани, пригласилъ Чехова на обѣдъ съ шашлыками и съ классическими, какъ онъ говорилъ, чебуреками. Было душно, жарко, масса приглашенныхъ «на Чехова» родственниковъ и пріятелей радушнаго хозяина. Чебурекки на бараньемъ жиру, съ бараньей начинкой съ непривычки показались ужасными, разговоръ вертѣлся все время около строительныхъ вопросовъ и подрядчиковъ, Чеховъ серьезно слушалъ, почти ничего не ѣлъ и вставлялъ дѣловыя замѣчанія. Какъ только мы вышли, Чеховъ завернулъ въ аптеку и купилъ свою любимую касторку: «Надо будетъ сейчасъ же принять». — «Да вы-жъ ничего не ѣли». — «А запахъ, а разговоры?»

Несмотря на длинные разговоры, совмѣстную жизнь, темы о болѣзняхъ мы все еще не касались, или вѣрнѣе, касались, но одно-

сторонне: онъ не одобрялъ моего кашля, совѣтовалъ серьезно лечиться и т. д.

Когда я послѣ кратковременной отлучки для ликвидации своей службы въ Новоторжскомъ земствѣ вернулся въ Ялту, то не засталъ его уже на моей пустой квартирѣ, онъ переѣхалъ на дачу Иловайской, гдѣ и проживалъ до переѣзда къ себѣ въ Аутку. Но очень часто, спасаясь отъ посѣтителей, мѣшавшихъ работать, онъ приходилъ ко мнѣ рано утромъ и оставался до обѣда.

Генеральша Иловайская, у которой онъ въ это время жилъ, хорошо къ нему относилась, хотя искренно скорбѣла о томъ, что онъ не признаетъ гомеопатіи и губитъ свое здоровье, не соглашаясь принимать ея цѣлительныхъ пилюль. Она даже очень серьезно принялась за устройство его судьбы, подыскавъ для него очень подходящую пару въ лицѣ молоденькой дочери мѣстнаго протоіерея, часто ее навѣщавшей. Тайно и обрѣченно обращала мое вниманіе на нѣкоторые, какъ будто благопріятные въ этомъ смыслѣ признаки и особенно радовалась, когда Чеховъ съ поповной поѣхалъ разъ прокатиться въ Ореанду. И всерьезъ была огорчена, когда всѣ ея тонкіе планы кончились ничѣмъ.

Чеховъ считалъ себя очень практичнымъ человѣкомъ (и въ извѣстной степени можетъ быть это и было вѣрно), и такъ какъ я въ это время устраивалъ квартиру, то онъ принималъ въ этомъ живѣйшее участіе. Приниелъ въ ужасъ, увидѣвъ на дверяхъ мою визитную карточку.

— «Это же невозможно, серьезные доктора должны имѣть серьезную дощечку; и нельзя

мѣдную. Нужно въ Москвѣ заказать черную чугунную съ литыми буквами». И дѣйствительно, черезъ брата, кажется, выписал такую для меня изъ Москвы. Увѣрялъ меня, что безъ него я и завѣсокъ настоящихъ никакъ не смогу купить. Настаивалъ, что надо мнѣ непременно записаться въ члены Общества Взаимнаго Кредита и расплачиваться чеками, и когда я смѣясь говорилъ ему, что запишусь, когда разбогатѣю, а пока нечего туда вносить, то онъ серьезно отвѣтилъ, что это наша русская некультурность, что на Западѣ никто денегъ при себѣ не держитъ.

Въ началѣ 1899 года онъ велъ переговоры съ Марксомъ, очень волновался, когда они затягивались, въ то время былъ искренне убѣжденъ, что совершаетъ очень выгодную для себя сдѣлку. Такъ какъ по договору Марксъ обязывался черезъ каждые 5 лѣтъ повишать на 200 руб. плату за печатный листъ, то Чеховъ все высчитывалъ и жалѣлъ бѣднаго Маркса: «Что же съ нимъ будетъ, если вдругъ до 85 лѣтъ проживу?..»

Для Чехова составляло величайшее удовольствіе помогать другимъ и онъ постоянно для кого-нибудь что-нибудь устраивалъ. Онъ рекомендовалъ учителей въ гимназій, хлопоталъ передъ архіереемъ о мѣстѣ для священника, и уже тяжело больной искалъ черезъ друзей протекціи для московскаго діакона, которому нужно было сына-студента перевести изъ Юльева въ Москву. Подыскивалъ для знакомыхъ и друзей-москвичей комнаты и квартиры, выписывалъ для нихъ каталоги растений, помогалъ начинающимъ писателямъ завязать отношенія съ ре-

дакціями, хлопоталъ о постановкѣ чужихъ пьесъ, вѣчно устраивалъ какихъ-нибудь больныхъ учительницъ или земскихъ служащихъ. И увѣжая въ Москву онъ каждый разъ спрашивалъ, не надо ли чего привезти, прислать, особенно изъ Москвы, гдѣ по его мнѣнію только и можно было достать все настоящее и хорошее, и откуда онъ самъ выписывалъ для себя и писчую бумагу, и конверты, и колбасу и резиновые капоши и многое другое, что можно было получить въ любомъ магазинѣ на набережной и полученія чего изъ Москвы онъ иногда дождался недѣлями. Но переубѣдить его въ этомъ было невозможно. Когда насъ нѣсколько человѣкъ залумало создать санаторію для нуждающихся, то Чеховъ, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ, очень горячо отзывался, объявилъ у себя приемъ пожертвованій и много времени терялъ на жертвователей въ большемъ числѣ, пользовавшихся случаемъ за небольшой взносъ получить Чеховскій автографъ въ видѣ квитанціи. Расчетливо тратившій на себя, онъ много раздавалъ, тайно помогалъ отдѣльнымъ учащимся.

Когда Чеховъ приступилъ къ постройкѣ дачи, онъ очень подробно и внимательно разрабатывалъ съ архитекторомъ и пріѣхавшей сестрой, Маріей Павловной, планъ дома. Предполагалось три жильца — онъ самъ, мать и въ лѣтнее время сестра, служившая тогда преподавательницей въ одной изъ московскихъ женскихъ гимназій. Требовалось, чтобы комнаты были по возможности изолированы. Оттого домъ и имѣлъ нѣсколько странное расположение: прямо отъ входа кабинетъ

А. П—ча, столько разъ описанный, и отдѣленная отъ него неза-
стекленной съ рѣзбой дверью
небольшая очень свѣтлая спаль-
ня. Въ другомъ концѣ корридора
дверь въ комнату матери, и въ
башенкѣ наверху — комната Ма-
рин Павловны. Внизу столовая и
комнаты для гостей. Человѣкъ пере-
брался на свой участокъ задолго
до того, какъ былъ готовъ домъ,
и жилъ въ комнатѣ при будущей
кухнѣ, помѣщавшейся въ отдѣль-
номъ небольшомъ флигелѣ. Онъ
очень много занимался будущимъ
садомъ. У него было большое
стремленіе къ своему углу, къ
покупкѣ всякихъ участковъ, дачъ
и т. д. Вскорѣ послѣ Ауткинской
дачи, онъ приобрѣлъ участокъ въ
Кучукъ-Коѣ, около Кикинвеза,
верстахъ въ 25 отъ Ялты, совер-
шенно ему не нужной и янкетем-
ный, къ которому велъ очень кру-
той спускъ отъ шоссе съ еще бо-
лѣе крутымъ спускомъ отъ него
къ морскому берегу. Купилъ по-
тому, что тамъ чудный видъ, и
все есть: и маленький домикъ, и
табачный сарай и дроги, и нужно
только будетъ изъ Москвы выпи-
сать ложки, вилки, самоваръ. Поч-
та рядомъ; я увѣренъ, что и ма-
тери понравится». — «Но въѣдъ ту-
да добраться нельзя». — «Это ни-
чего, можно будетъ купить осли-
ка; чудесно будетъ, или еще и
лошадь». А черезъ годъ онъ еще
купилъ участокъ, въ Гурзуфѣ, по-
тому что на самомъ берегу, «свой
кусочекъ берега и можно будетъ
рыбу ловить, чудесно!» И на обо-
ихъ участкахъ, я думаю, онъ былъ
счетомъ не болѣе двухъ-трехъ
разъ. Когда послѣ продажи сочи-
нений Марксу получились свобод-
ныя деньги, онъ собирался и въ
Москвѣ домикъ купить, «гдѣ и-
будь на окраинѣ, но непременно

съ садомъ», и гдѣ нибудь дачу
подъ Москвой, непременно око-
ло рѣчки. И когда я ему говорилъ,
что онъ тоже свой крыжовникъ
любитъ, то онъ смѣялся и гово-
рилъ: «здѣсь - же крыжовника
нѣтъ, а миндаль, грецкій орѣхъ»
Но его привлекалъ, конечно, не
крыжовникъ, а именно свой уголь,
садъ. Онъ очень любилъ расте-
нія и цвѣты, и понималъ толкъ
въ нихъ и въ уходѣ за ними. И
чудный садъ, вполне разросши-
йся уже только послѣ его смерти,
цѣликомъ дѣло его рукъ. Я ду-
маю, что лучшими часами въ его
жизни были тѣ, когда онъ въ хо-
рошіе дни возился въ саду, окру-
женный не отступавшими отъ не-
го собачками, преемниками сла-
ныхъ меліховскихъ таксъ Борнса
Исаевича и лины Марьовны и та-
пающимъ прирученнымъ журав-
лемъ. Занимался любимымъ дѣ-
ломъ и никто не мѣшалъ думатьъ,
какъ на сѣверѣ помогала думатьъ
уточка. Человѣкъ любилъ живот-
ныхъ. Когда я увидѣлъ, съ какой
заботливостью онъ ухаживалъ за
раненымъ Каштаномъ, какъ вни-
мательно по всѣмъ правиламъ хи-
рургическаго искусства перевязы-
валъ его разодранную лапу, и съ
какими при этомъ ласковыми сло-
вами къ нему обращался, я пони-
малъ, почему такой удивительной
вышла у него «Каштанка». И когда
онъ, поведя серьезную войну про-
тивъ мышей, бралъ изъ мышелов-
ки осторожно за хвостъ попада-
ющую мышъ и спускалъ ее че-
резъ низкій заборъ на ктадбишен-
скій участокъ, то я увѣренъ, что
мышъ только посмѣивалась и на-
вѣрное въ ближайшую же ночь
перебиралась обратно на дачу къ
своему врагу.

Осенью 1899 года дача была
совсѣмъ готова, и Чеховъ пере-

брался въ домъ съ его уютно устроеннымъ кабинетомъ. Чеховъ былъ необыкновенно аккуратенъ и у него всегда царилъ образцовый порядокъ. Все разъ навсегда на опредѣленномъ мѣстѣ, всѣ годы и въ томъ же порядкѣ на письменномъ столѣ стояли и оригинальные подсвѣчники, и чернильница, и слоны и «Вся Москва» Суворина, и коробочка съ мятыми лепешками и всякія другія мелочи. Этотъ заставившій порядокъ въ очень пріятной и уютной комнатѣ съ специально написаннымъ для камина этюдомъ Левитана и съ другой картиной этого художника въ глубокой нишѣ за письменнымъ столомъ, шель даже въ ущербъ уюту, внося лѣкоторый холодокъ.

Я никогда не видѣлъ у него кабинета не убраннымъ, или разбросанныя части туалета въ спальнѣ; и самъ онъ былъ всегда просто, но аккуратно одѣтъ; ни утромъ, ни поздно вечеромъ я никогда не заставалъ его по домашнему, безъ воротничка, галстука. Кто читалъ его письма къ женѣ, въ которыхъ такъ много пишется про мытье головы, переѣзду бѣлья, чистку платья, обуви и т. д. тотъ могъ бы получить совершенно ложное представление о Чеховѣ, какъ о какомъ-то замухрышкѣ, приводимомъ въ благопрістойный видъ. Но это было бы совершенно невѣрнымъ представлениемъ. Въ этомъ сынѣ мелкаго торговца, выросшемъ въ нуждѣ, было много природнаго аристократизма, не только душевнаго, но и внѣшняго и отъ всей его фигуры вѣяло благородствомъ и изяществомъ.

Время съ весны 1899 года до начала 1901 было, пожалуй, самымъ пріятнымъ и радостнымъ за

весь ялтинскій періодъ его жизни. Переездъ и устройство въ новой, по собственному вкусу выстроенной дачѣ, плодотворная творческая работа, постановка «Чайки» и «Дяди Вани» въ Художественномъ Театрѣ, пріездъ этого театра съ двумя его пьесами въ Ялту специально для него, избраніе его въ академики, которое онъ принялъ съ нескрываемой радостью, между прочимъ и потому, что имъ официально какъ бы признавалось значеніе русскаго писателя, наконецъ, личныя радостныя переживания, все это замѣтно поднимало его настроеніе и мирило съ «теплой Сибирью».

Но ни тогда, ни послѣ, этотъ, мнявшій себя очень практичнымъ, человекъ, все-таки такъ, какъ ему хотѣлось, устроиться не могъ. Помимо здоровья и всякихъ личныхъ причинъ, мѣшали и нѣкоторыя особенности ялтинской жизни, и исключительная деликатность.

Конецъ 90-хъ и начало 900-хъ годовъ были какъ разъ началомъ расцвѣта и быстрого роста Южнаго берега, какъ всероссійскаго курорта. Ялта становилась мѣстомъ, куда съѣзжались не только для леченія, но и для отдыха, весной, лѣтомъ и осенью не только богатая буржуазія, но и представители русской интеллигенціи. Отъ этого много выигрывали Крымъ и крымчаки, но отъ этого очень терпѣлъ Чеховъ. Само собою разумѣется, что Чехова считали долгомъ посѣтить съѣзжавшіеся писатели и вообще люди, имѣвшіе отношеніе къ литературѣ и журналистикѣ. И такъ какъ они отдыхали и дѣлать имъ было нечего, то приходили часто и сидѣли пологу. Среди нихъ были люди Чехову пріятные и близкіе, съ которыми ему было

хорошо, и которыхъ онъ самъ звалъ, а были и чуждые и несимпатичные, отъ которыхъ отдѣлаться онъ все-таки не могъ.

Разъ поздно ночью раздается телефонный звонокъ. Голосъ Чехова. Я встревожился.

— Что случилось?

— Плохо, батенька, опять касторку только что пришлось принимать.

— А что?

— Да въдь NN-же опять весь день просидѣлъ.

Дѣло касалось молодого писателя, жившаго въ Ялты, но часто навѣщавшаго Антона Павловича. Этого же писателя я засталъ, забывъ какъ-то случайно днемъ. Онъ оживленно что-то рассказывалъ, а Чеховъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ мрачнѣе тучи, съ закрытыми глазами, безъ пенки.

— Антонъ Павловичъ, а можно спросить, длинную вы теперь вещь пишете?

— Листа два.

— Вотъ и мой рассказъ тоже должно быть листа въ два съ половиной будетъ.

Одѣвъ пенсенъ, Чеховъ вдругъ обращается ко мнѣ:

— А знаете, докторъ, здѣшняя касторка куда хуже Келлеровской, сравнить нельзя.

Когда черезъ нѣсколько минутъ позвали къ обѣду, онъ любезно предложилъ поѣстителю спуститься внизъ, пообѣдать съ матерью и передать, что онъ сейчасъ ѣсть не хочетъ, а можетъ быть будетъ позже. Когда гость ушелъ, онъ забѣгалъ по кабинету и полушутя, полусерьезно сказаль:

— Вотъ вамъ и усиленное питание... И пообѣдать не имѣю возможности.

Кто къ нему только не ходилъ, и по какимъ только дѣламъ! Фельдшеръ долгое время присматривавшій ему для прочтенія плоды своей безграмотной музы приѣзжаетъ специально въ Ялту, чтобы посоветоваться, такъ какъ Чеховъ «тоже нашего медицинскаго персонала». Знакомая владѣлица вновь открывающагося курорта является съ просьбой, написать для газетъ объявление такое, «чтобы дѣйствительно было замѣчательно». И когда смущенный Антонъ Павловичъ клянется, что онъ никогда этимъ не занимался, она смѣется и говоритъ: «Тоже, ей Богу, вы скажете, самый замѣчательный писатель и вдругъ не можете! Кто же этому повѣритъ?» Приходитъ учитель Гурзуфской школы, молчаливый человекъ, просидѣвшій часами покусывая свою бородку. Приходили посоветоваться, какъ устроиться по-лучше, какъ устроить своихъ больныхъ, приходили по выдуманнымъ предлогамъ, такъ какъ въ программу пребывания на Южномъ берегу, кромѣ посѣщеній Учань-Су, Ай-Петри, Масандровскихъ подваловъ и пр. достопримѣчательностей, входилъ и визитъ къ популярному писателю. И мѣшали ему работать, мѣшали думать, мѣшали быть одному. А отказать, защитить себя онъ не былъ въ состояннн, не умѣлъ, и если не всегда былъ съ такими посѣтителями слишкомъ привѣдливъ, то всегда вѣщнее любезенъ и корректенъ.

Въ первое время меня иногда неприятно поражало, когда я слышалъ, какъ онъ въ разговорахъ, особенно съ писателями, высказываетъ объ ихъ произведенняхъ сужденнн, или проявлялъ къ нимъ отношенн, не соответствовавшее

тѣмъ мнѣніямъ, которыя приходилось отъ него слышать въ иль отсутствіи. Это же можно сказать и про многія мѣста въ его письмахъ. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе, я понялъ, что это не фальшь, а результатъ опять таки его необычайной деликатности и боязнь кого-нибудь задѣть, обидѣть. И въ концѣ концовъ и въ разговорахъ, и въ письмахъ, онъ въ мягкой, крайне осторожной формѣ высказывалъ все-таки свое настоящее мнѣніе. Можетъ быть только не всегда все до конца.

Очень много писалось о равнодушіи Чехова къ общественнымъ вопросамъ, о его «холодной крови». По натурѣ своей онъ не былъ борцомъ и самъ это неоднократно повторялъ. Судя по его рассказамъ, когда онъ вступалъ въ жизнь, онъ мало интересовался общественными вопросами, но уже на старшихъ курсахъ его симпатія и общественные интересы подъ влияніемъ въ значительной степени, я думаю, земско-медицинской среды получаютъ совершенно опредѣленный уклонъ. Его часто упрекали за дружбу съ Суворинымъ. Но Чеховъ всю жизнь помнилъ, что Суворинъ, Григоровичъ, Плещеевъ и Полонскій первые обратили на него вниманіе, когда онъ еще былъ Антошей Чехонте, и первые помогли ему выбраться изъ «Осколковъ» и «Будильника», и онъ сохранилъ къ Суворину благодарность навсегда. Онъ не разъ, и всегда съ большимъ волненіемъ рассказывалъ, какъ въ началѣ его писательской карьеры, встрѣтила его серьезная критика, какъ Скабичевскій писалъ, что ему «суждено умереть пьянымъ подъ заборомъ». И однако при всемъ этомъ онъ,

который когда-то утверждалъ, что будетъ печатать тамъ, «куда занесутъ вѣтеръ и его свобода», уже съ начала 90-хъ годовъ пересталъ печататься въ «Новомъ Времени», а послѣ процессовъ Зола и Дрейфуса, онъ, возмущенный отвратительнымъ поведеніемъ «Новаго Времени» навсегда и рѣзко порвалъ съ редакціей и не могъ хладнокровно говорить о ней. Но лично съ Суворинымъ онъ сохранилъ, хотя и нѣсколько охладившій, отношенія до конца. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что въ своей интимной перепискѣ съ Чеховымъ, Суворинъ бывалъ очень часто не Суворинымъ «Новаго Времени». И о студенческихъ безпорядкахъ и даже о процессѣ Дрейфуса, и о многомъ другомъ онъ въ своихъ письмахъ писалъ такъ, что когда Чеховъ передавалъ ихъ содержаніе или изрѣдка читалъ отрывки изъ его писемъ, не вѣрилось, что авторомъ ихъ былъ Суворинъ. Вообще, обнародованіе писемъ Суворина къ Чехову представило бы громадный общественный интересъ; къ сожалѣнію, этого не никогда не случится, потому что Суворинъ очень ловко сумѣлъ получить ихъ обратно вскорѣ послѣ смерти А. П.—ча и, конечно, уничтожилъ.

Когда въ 1902 году были отменены выборы Горькаго въ Академію, Чеховъ по собственной инициативѣ послалъ отказъ отъ этого почетнаго званія. А чтобы оцѣнить этотъ поступокъ по настоящему, нужно вспомнить, какъ Чеховъ дорожилъ званіемъ академика и съ какимъ отвращеніемъ онъ относился ко всякаго рода публичнымъ выступленіямъ. Изъ всей біографіи Чехова, во всей его перепискѣ, нельзя найти и на-

мека на какойнибудь антиобщественный или лично некорректный поступок.

Извѣстно, съ какой особенной любовью относился Чеховъ къ Толстому. Во время серьезной болѣзни послѣдняго зимой 1901-2 онъ страшно волновался, и требовалъ, чтобы, возвращаясь изъ Гаспры, я хоть на минуточку забѣжалъ къ нему, а если забрать нельзя, то хоть по телефону разсказалъ о состояніи болѣзняка. И Толстой платилъ ему такимъ же отношеніемъ, и говорилъ о немъ съ необыкновенно теплымъ участіемъ. А когда раза два Чеховъ прѣзжалъ со мною въ Гаспру, Толстой все время оживленно съ нимъ бесѣдовалъ и не отпускалъ. Какъ то на мой вопросъ, что за книжка у него въ рукахъ, онъ отвѣтилъ: «Я живу и наслаждаюсь Чеховымъ; какъ онъ умѣетъ все замѣтить и запомнить; удивительно; а нѣкоторые вещи глубоки и содержательны; замѣчательно, что онъ никому не подражаетъ и идетъ своей дорогой; а какою законической языкъ». Но и тутъ не забывалъ прибавить: «А пьесы его никуда не годятся, и «Трехъ сестеръ» я не могъ дочитать до конца».

Этотъ исключительно простой и скромный человекъ никогда и никому не старавшійся импозировать, застѣнчиво избѣгавшій всякаго представительства и всякаго чествованія и вообще всякихъ людскихъ сборищъ, вникалъ въ все какое-то невольное, почтительное и бережное отношеніе къ себѣ. Его какъ-то стѣснялись, и это прочувствовалъ иногда въ мелочахъ. Л. Н. Митищъ-Сибирякъ праздновалъ именины своей дочери Атенушки, и между прочимъ устроилъ у себя винтъ.

Когда я прѣзжалъ, то засталъ самаго хозяина и партнеровъ, К. М. Станюковича и С. Я. Елпатьевскаго въ самомъ лучшемъ настроеніи. Сѣли играть, и за картами Маминъ сталъ разсказывать уральскіе анекдоты и «случаи изъ жизни». Разсказчикъ онъ былъ красочный, а анекдоты были крѣпкіе, сибирскіе. Его разсказы покрывались общимъ хохотомъ, и даже страстный винтеръ Станюковичъ отложилъ карты въ сторону. Въ это время открылись двери и вошелъ Чеховъ. Несмотря на его усиленные просьбы продолжать, разсказы прекратились, стало очень степенно. Онъ вскорѣ ушелъ, и когда я потомъ въ блѣдой передачѣ разсказалъ ему нѣкоторые изъ Маминскихъ «случаевъ», то онъ долго смѣялся своимъ особымъ, заразительнымъ смѣхомъ и все приговаривалъ: «Послушайте, какъ же вы его не заставили продолжать, надо будетъ попросить».

Когда Чеховъ былъ не въ саду, когда не было побѣдителей, его всегда можно было застать въ кабинетѣ, и если не за письменнымъ столомъ, то въ глубокомъ креслѣ, сбоку отъ него. Онъ много времени проводилъ за чтеніемъ. Онъ получалъ и просматривалъ громадные количества газетъ столичныхъ и провинціальныхъ. По прочтеніи часть газетъ онъ разсылалъ разнымъ лицамъ, строго индивидуализируя. Ярославскую газету — очень имъ уважаемому священнику, съверному уго кенну; а «Гражданинъ» отправлялся нераскрытымъ будущій ялгирской знаменитости, частному приставу Геоздевичу. Ему приходилось много времени тратить на прочтеніе присылаемыхъ ему рукописей. Кромѣ другихъ тол-

стыхъ журналовъ, читаль и «Игорическй Вѣстникъ» и «Вѣстникъ иностранной литературы» и ориванъ религиозна-философскаго общесва «Новый Путь». Часто читаль и классиковъ, слѣдилъ внимательнѣе за вновь появляющеюся беллетристкой.

Но онъ могъ часами просиживать въ креслѣ, безъ газетъ и безъ книгъ, заложивъ ногу на ногу, закинувъ назадъ голову, часто съ закрытыми глазами. И кто знаетъ, какимъ думамъ онъ предавался въ уединенной тишинѣ своего кабинета, никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаемый. Я увѣренъ, что не всегда и не только о литературѣ и о житейскомъ.

Былъ ли Чеховъ вѣрующимъ?

Онъ самъ, если судить по его письмамъ, считалъ себя атеистомъ, и говорилъ о томъ, что вѣру потерялъ, и вообще не вѣритъ въ интеллигентскую вѣру. Еще недавно человекъ, хорошо его знавшій, рассказывалъ мнѣ, какъ разъ, во время рыбной ловли, услышавъ церковный благовѣстъ, Чеховъ обратился къ нему со словами: «Вотъ любовь къ этому звону — все, что осталось еще у меня отъ моей вѣры».

Я только въ самомъ началѣ слышалъ отъ него замѣчания въ этомъ родѣ. Но я помню и такой случай. Какъ-то пришлось къ разговору, я рассказалъ ему о слышанномъ мнѣю въ публичной лекциі одного профессора про четвертое извѣреніе, и спросилъ его: вѣритъ ли онъ въ четвертое извѣреніе. Онъ ничего не отвѣтилъ. Черезъ нѣсколько дней совершенно неожиданно онъ вдругъ говоритъ: «А знаете, четвертое извѣреніе-то можетъ оказаться и существовать, и какая нибудь загробная жизнь». Онъ носилъ кре-

стикъ на шеѣ. Это, конечно, не всегда должно свидѣтельствовать о вѣрѣ, но еще меньше вѣдь объ отсутствіи ея. Еще въ 1897 году онъ въ своемъ такомъ скудномъ, всего съ нѣсколькими записками и то не за каждый годъ, дневникѣ, отмѣтилъ: «Между «естъ Богъ» и «нѣтъ Бога» лежитъ цѣлое громадное поле, которое проходить съ большимъ трудомъ истинный мудрецъ. Русскій человекъ знаетъ какую либо одну изъ этихъ двухъ крайностей, середина же между ними не интересуетъ его; и потому обыкновенно онъ не знаетъ ничего, или очень мало». Мнѣ почему-то кажется, что Чеховъ, особенно послѣдніе годы, не переставалъ съ трудомъ продвигаться по этому полю, и никто не знаетъ, на какомъ пунктѣ застала его смерть.

Антонъ Павловичъ былъ, какъ извѣстно врачемъ; онъ ючень любилъ медицину; студентомъ и первое время по окончаніи добросовѣстно ее изучалъ и не собирался ее бросить. Еще въ серединѣ 80-тыхъ г. г. онъ писалъ, что «медицина — моя законная жена, а литература — любовница». Студентомъ онъ занимался на каникулахъ въ Чикинской земской больницѣ Звенигородскаго уѣзда, потомъ короткое время замѣнялъ земскаго врача, и въ Москвѣ принималъ больныхъ. Позднѣе, собиравшись писать и работу спеціальной. По крайней мѣрѣ послѣ его смерти среди бумагъ оказалось нѣсколько исписанныхъ листовъ съ замѣтками по исторіи медицины въ Россіи. Я къ сожалѣнію не догадался тогда снять копію. Эти замѣтки до сихъ поръ видѣть не рачечатааны. По извѣстнымъ мною справкамъ, рукопись находится теперь въ центро-

архивъ. Чеховъ, впрочемъ, и на свой Сахалинъ смотрѣлъ, какъ на нѣкотораго рода медицинскую диссертацию. И въ Мелиховѣ онъ еще принималъ у себя обращающихся къ нему крестьянъ и снабжалъ ихъ лекарствами, конечно, бесплатно. Но этимъ тогда уже исчерпывалось его отношеніе къ медицинѣ. За послѣдніе 10 - 15 лѣтъ онъ научной медициной не занимался. Правда, въ Ялту изъ редакціи «Русской Мысли» ему аккуратно пересылался медицинскій еженедѣльникъ «Русскій врачъ», но онъ въ немъ прочитывалъ только хронику и иногда мелкія такъ назыв. «замѣтки изъ практики». И случалось, любилъ поразить: «Вы читали въ послѣднемъ номерѣ о новомъ средствѣ отъ геморроя?» — «Нѣтъ, не читалъ». — «Вотъ, сударь, и растеряете практику. А я вотъ прочиталъ, и ужъ Кондакова вылечилъ. Прекрасное средство». И на письменномъ столѣ слѣва всегда лежалъ молоточекъ и трубочка для выслушивания и медицинскій календарь Риккера за текущій годъ. Но онъ принималъ всегда дѣятельное участіе въ леченіи своихъ домашнихъ или заболѣвшей прислуги. Любилъ давать совѣты своимъ пріятелямъ и распрашивать про ихъ болѣзни. Но обычно это оканчивалось указаніемъ, что надо серьезно лечиться и обратиться къ врачу. Была у него слабость, — онъ любилъ писать рецепты. И зная это, я старался не прописывать ему лекарствъ, а обыкновенно онъ стоитъ, бывало, у телефона и подъ мою диктовку передаетъ заказъ въ аптеку, особенно при этомъ какъ то отчеканивая латинскія названія. Заставлялъ провизора повторить

и прибавлялъ въ концѣ: (для автора) д-ръ Чеховъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Чеховъ былъ врачъ, можно въ извѣстной степени объяснить и нѣкоторыя особенности исторіи его болѣзни. Какъ это ни странно, но какъ разъ врачи чаще другихъ впадаютъ въ двѣ возможности крайности: или они переоцѣниваютъ свои болѣзненные ощущенія и симптомы, и относятъ къ себѣ все самое неблагоприятное, что знаютъ про свою болѣзнь, или наоборотъ, недооцѣниваютъ того, что есть, опять таки стараюсь обосновать свое отношеніе медицинскими соображеніями.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ самое первое время нашего знакомства, Чеховъ про болѣзнь свою не говорилъ. Въ концѣ ноября 1898 года рано утромъ мнѣ принесли отъ него записку, въ которой онъ просилъ зайти, захвативъ съ собою «стетоскопчикъ и ларингоскопчикъ», такъ какъ у него кровохарканье, — и я дѣйствительно засталъ его съ порядочнымъ кровотеченіемъ. Ларингоскопъ тутъ былъ не при чемъ, потому что не могло быть никакого сомнѣнія, что это настоящее легочное кровотеченіе. Когда черезъ нѣсколько дней я могъ его детально изслѣдовать, то я былъ пораженъ найденнымъ. Въ этотъ первый нашъ медицинскій разговоръ Чеховъ началъ лѣтосчисленіе съ года поѣздки на Сахалинъ (1890), когда у него въ дорогѣ появилось будто бы первое кровохарканье, но послѣдствіи выяснилось, что оно было уже въ 1884 году, и потомъ довольно нерѣдко повторялось. И съ студенческихъ лѣтъ онъ много кашлялъ, весной и осенью плохо себя чувствовалъ и нерѣдко лихо-

радишь, но объяснял это инфлюэнцией, никогда не лечился, не давал себя выслушивать, чтобы «чегонибудь там не нашлось». Объяснял кровохарканье горломъ, а кашель простой простудой, хотя по его собственнымъ словамъ, временами превращался въ стрекотинья мощи. И еще въ 1888 году онъ наставительно, какъ врачъ, пишетъ Суворину, что «захотка, или иное серьезное легочное страданіе, узнается только по совокупности признаковъ, а у меня-то именно этой совокупности-то и нѣтъ». И даже несмотря на кровохарканіе, единственный симптомъ, производившій на него впечатлѣніе, такъ какъ «въ крови, текущей изъ рта есть что-то зловѣщее, какъ въ зарывѣ», и даже послѣ смерти брата Николая отъ скоротечной чахотки въ 1889 году, онъ еще заявляетъ, что «ни за что выслушивать себя не позволить», и только хлынувшая весной 1897 года въ необычно большомъ количествѣ кровь и вмѣшательство друзей заставили его лечь въ клинику профессора Остроумова. Съ этого времени, очевидно, процессъ неуклонно прогрессировалъ. И я при первомъ изслѣдованіи уже нашелъ распространенное поражение въ обоихъ легкихъ, особенно въ правомъ, съ нѣсколькими кавернами, слѣды плевритовъ, значительно ослабленную, перерожденную сердечную мышцу и отвратительный кишечникъ, мѣшавшій поддерживать должное питаніе. Мои тогдашнія попытки убѣдить Чехова въ необходимости серьезно лечиться, не привели ни къ чему. Онъ упорно заявлялъ, что лечиться, заботиться о здоровьѣ внушаетъ ему отвращеніе. И ничто не должно было напоминать о болѣзни, и никто не

долженъ былъ ее замѣчать. Поэтому и выработалъ онъ такую манеру говорить, не повышая голоса, медленно, монотонно, остывающаяся при чувствѣ раздраженія гортани, чтобы удержать кашель, а если уже приходилось кашлять, то мокрота отплевывалась въ маленький, заранее приготовленный бумажный фунтикъ, ту же гдѣ-нибудь лежавшій за книгами на столѣ и отправляемый потомъ въ каминъ. Только съ дипломатическими подходами, какъ будто невзначай или пользуясь случайными поводами, удавалось его послушать и заставить сдѣлать то или иное. Только съ 1901 года онъ перешелъ на положеніе настоящаго пациента и самъ ужъ часто предлагалъ: «Давайте, послушаемся». Но и тутъ заставить его лечь, вообще занятіемъ, главнымъ образомъ и прежде всего, было нельзя. И не только съ посторонними онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, но и отъ своихъ домашнихъ скрывалъ свои немощи, никогда не жаловался, на вопросъ: «какъ себя чувствуешь?» — отвѣчалъ: «сейчасъ хорошо, почти здоровъ, только вотъ кашель» или голова болитъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Къ несчастью процессъ уже находился въ той стадіи, когда на выздоровленіе не могло быть никакой надежды, а можно было только стремиться къ замедленію темпа болѣзни или къ временному улучшенію состоянія больного. Увы, и для этого у Чехова обстоятельства сложились крайне неблагоприятно, прежде всего, въ силу окружавшей его обстановки, и какъ это ни странно, но онъ былъ лишенъ ухода и нѣкоторыхъ необходимыхъ для леченія условий. Чеховъ былъ очень привя-

занъ къ семьѣ, но особенно нѣжно любилъ свою мать, окружалъ ее трогательной заботливостью, и послѣднія слова въ его завѣщаніи сестрѣ, были: «береги маму». И Евгения Яковлевна платила своему Антошѣ той-же нѣжностью. Но что могла сдѣлать эта милая, всѣми любимая старушка? Развѣ могла она чтонибудь провести или на чемънибудь настоять? И выходило такъ, что несмотря на всѣ предписанія, пишу давали ему совершенно не подходящую, и компрессъ ставила неумѣлая горничная, и о тысячахъ мелочей, изъ которыхъ состоитъ режимъ такого больного, никому было позаботиться. Сестра его, Марія Павловна, когда выяснилось положеніе, была готова бросить службу вѣ Москву и съѣхать переѣхать въ Ялту, но послѣ его женитьбы по психологически-понятнымъ причинамъ это отпало. А. П. повѣнчался съ Ольгой Леонардовной Книпперъ въ май 1901 года, какъ извѣстно, никого не предупредивъ. Съ этого времени и условия его жизни рѣзко измѣнились.

Какъ врачъ, лечившій Чехова и исключительно съ врачебной точки зрѣнія я долженъ сказать, что измѣненія эти, къ сожалѣнію, не могли способствовать ни леченію, ни улучшенію его здоровья. Одному извѣстному французскому специалисту по туберкулезу принадлежатъ афоризмъ: «чахоточные должны забыть о лаврахъ» и судьба Чехова какъ будто этотъ афоризмъ подтверждаетъ. Его несчастьемъ стало счастье, выпавшее на его долю къ концу жизни и оказавшееся непосильнымъ для него: Художественный театръ и женитьба. Я помню, какъ вочновался Чеховъ передъ постановкой

его «Чайки» въ Художественномъ театрѣ, какъ этого волненія онъ не могъ скрыть, и какъ оно выразилось въ подробныхъ разсказахъ о провалѣ этой пьесы въ Александринскомъ театрѣ, и помню, въ какомъ длительномъ радостномъ возбужденіи онъ находился послѣ торжества и одержанной въ Москвѣ побѣды. И онъ, давшій себѣ раньше слово порвать съ театромъ и не писать больше пьесъ, пишетъ пьесы спеціально для этого театра, и Художественный театръ дѣлается театромъ Чехова, и очень сильно содѣйствуетъ увеличенію популярности Чехова въ послѣдніе годы его жизни. И затѣмъ женитьба. Отъ Чехова, когда онъ бывалъ въ особенно хорошемъ настроеніи, приходилось иногда слышать, какъ, случалось, онъ съ пріятелями въ молодости веселился. Но я никогда не слышалъ ни отъ него самого, ни отъ другихъ ни про одну его серьезное увлеченіе. Ольгой Леонардовной онъ увлекся еще до постановки его пьесъ, увидѣвъ ее въ первый разъ на репетиціи «Царя Феодора». Когда я заграничей изъ «Русскихъ Вѣдомостей» узналъ объ ихъ бракѣ, я вспомнилъ почему-то, какъ въ прѣздѣ Ольги Леонардовны въ Чеховскій домъ весной 1900-го года, я однажды увидалъ такую группу: она съ Маріей Павловной наверху лѣстницы, а внизу Антоимъ Павловичъ. Она въ бѣломъ платьѣ, радостная, сіяющая здоровьемъ и счастьемъ, въ началѣ блестящей карьеры, первая актриса Художественнаго театра, въ центрѣ вниманія не одной Москвы, съ громадными возможностями и надеждами въ будущемъ; онъ осунувшійся, худой, пожелтѣвшій, быстро старѣющій, безнадежно

больной. И когда они, повзвучавшись, сварили свою жизнь, то фатальными последствиями не могли заставить себя ждать. Она должна была оставаться в Москве, — так без риска и вредных последствий для здоровья не мог покидать своей «теплой Сибири». И зная Чехова, не трудно было апередь сказать, чѣмъ это кончится. Начинаются постоянные перѣезды изъ Ялты вь Москву и обратно. Возвращаясь почти востѣ каждой поѣздки вь Москву, онъ расплачивается за нее либо плезриомъ, либо кровохарканьемъ, либо длительной лихорадкой. И сознательно обманываетъ себя, принимая слѣдствие за причину, указываетъ, что вотъ вь Москвѣ было недурно, а какъ вь Ялту вернулся, такъ опять расхворался. Зимы 1901 - 2, 1902 - 3 г. г. онъ проводитъ вь Ялтѣ и почти все время очень плохо себя чувствуетъ, продѣлывая тѣ или другія обострения. Къ концу этого періода онъ очень измѣнился и внѣшне. Цвѣтъ лица приобрѣлъ сѣро-красный оттѣнокъ, губы стали безкровны, онъ еще больше похудѣлъ и замѣтно постѣдѣлъ. Дѣятельность сердца все ухудшалась, процессъ вь легкнхъ все распозался. Вь соотвѣтствіи съ этимъ стала все рѣзче проявляться одышка, появились симптомы и туберкулезнаго пораженія кишекъ.

У меня сохранилось письмо Ольги Леонардовны отъ 9 января 1902 г., то есть черезъ полгода послѣ свадьбы. Она проситъ написать подробнѣе о здоровьи А. П.—ча и между прочимъ пишетъ: «...Мнѣ очень тяжела эта зима. Только, что занята сильно, это помогаетъ. Такая разлука немьслима. Я все таки думала, что здоровье А. П.—ча вь лучшемъ со-

стояннн, чѣмъ оно есть, и думала, что ему возможно будетъ провѣсти хотя бы три зимнне мѣсяца вь Москвѣ. Но теперь я обь этомъ, конечно, не заикаюсь... Уже очень грустно и тяжко».

Выхода не было, и когда О. Л. говорила о томъ, что бросить сцену и переѣхать вь Ялту, то А. П. конечно протестовала и не допускала и рѣчи обь этомъ. И была при данныхъ условіяхъ права. Весною 1903 года, съ благословенія извѣстнаго московскаго клинициста проф. Остроумова, принимается рѣшеніе зиму проводить вь Москвѣ. Но осенью 1903 года онъ не перестаетъ лихорадить, одинъ плевритъ слѣдуетъ за другимъ, трудно поддающіяся леченію разстройства кишечника. Онъ уже не скрываетъ своего плохонаго самочувствія. А Художественный театръ, увлеченный своими задачами, связанный планомъ, горюпитъ скорѣйшей присылкой «Вишневаго Сада». Все чаще я заставала Чехова вь креслѣ, или на диванѣ, уже безъ книжекъ и газетъ вь рукахъ, и онъ впервые не избѣгалъ говорить о своей работѣ, а жаловался, какъ трудно ему дописывать и переписывать пьесу; онъ могъ дѣлать это только урывками.

Вь октябрѣ я вь послѣдній разъ попытался задержать его, сказалъ ему почти всю правду, умолялъ не губить себя, не ѣздить вь Москву, что это безуміе. Онъ обь этомъ написалъ вь Москву, но къ декабрю все-таки уѣхалъ. Дальнѣшее извѣстно. Повторяю, — то, что случилось при сложившихся обстоятельствахъ было ненабѣжно. Но когда мы вь одномъ изъ его писемъ къ женѣ читаемъ: «рѣшай ты, ибо ты человекъ занятой, рабочій, а я болтаюсь на этомъ

свѣтъ какъ фитюлька» — то мы, читатели Чехова, съ этимъ согласиться не можемъ; и когда онъ въ другомъ письмѣ, указывая на то, что во вновь снятой въ Москвѣ квартирѣ на третьемъ этажѣ лѣстница высокая и лифта нѣту, и что ему трудно будетъ съ его одышкой подниматься, кончаетъ словами: «ну да ничего, какънибудь взберусь», — то я, врачъ, не могу не думать о томъ, какое роковое вліяніе эта лѣстница должна была оказать на его и такъ уже крайне ослабѣвшее сердце.

Въ Москвѣ онъ принимаетъ гораздо участіе въ репетиціяхъ «Вишневаго Сада», очень волнуется; при этомъ разгаръ сезона, по обыкновенію масса гостей.

Сознавалъ ли самъ А. П. въ глубинѣ души свое положеніе? О. Л. въ предисловіи къ изданнымъ его письмамъ пишетъ: «Точно судьба рѣшила его побаловать, и дала ему въ послѣдній годъ жизни всѣ тѣ радости, которыми онъ дорожилъ: и Москву, и зиму, и постановку «Вишневаго Сада», и людей, которыхъ онъ любилъ». Все это и самъ Чеховъ неоднократно говорилъ: какъ онъ любить Москву и все московское, какъ скучаетъ по сѣверной зимѣ, какъ близокъ сталъ ему Художественный театръ, и какъ тянетъ его къ московскимъ людямъ и обстановкѣ.

И однако, повидному, и въ Москвѣ бывали у него знакомыя мнѣ по Ялтѣ настроенія. Такъ, старый другъ чеховской семьи, прекрасно всѣхъ ихъ знавшая, Т. Л. Щепкина - Куперникъ въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ свое посѣщеніе, относящееся къ осени 1902 года: «Я изумилась происшедшей въ немъ пере- мѣнѣ... Онъ горбился, зябко ку-

тался въ какой-то пледъ и то и дѣло подносилъ къ губамъ баночку для сплевыванія мокроты. Въ этотъ вечеръ О. Л. участвовала въ какомъ-то концертѣ. За ней прѣхалъ корректный Вл. Ив. Немировичъ, во фракѣ, съ безупречнымъ пластрономъ. Ольга Леон. вышла въ нарядномъ туалетѣ, повѣяло тонкими духами. Ласково и нѣжно простилась съ А. П., сказала ему какую-то шутливую фразу, чтобы онъ «не скучалъ и былъ умникомъ», и исчезла. А. П. поглядѣлъ ей вслѣдъ, сильно закашлялся и долго кашлялъ, и когда прошелъ приступъ кашля, сказалъ безъ всякой видимой связи съ нашимъ разговоромъ, весело вертѣвшимся около воспоминаній прошлаго, общихъ знакомыхъ и проч.:

«Да, кума, помирать пора...»

17-го января премьеръ «Вишневаго Сада» и чествованіе Чехова Москвой, а онъ съ трудомъ стоитъ на сценѣ, мертвенно блѣдный и кашляетъ. Въ серединѣ февраля онъ вернулся въ Ялту въ значительно худшемъ состояніи, но полный еще московскихъ впечатлѣній. Оживленно рассказывалъ про чествованіе, показывалъ подаренные ему подарки и комически жаловался, что кто-то, должно быть, нарочно, чтобы ему досадить, распустилъ слухъ о томъ, что онъ любитель древностей, а онъ ихъ терпѣть не можетъ. Среди подношений дѣйствительно были модель древняго русскаго городка, старинный ларчикъ и между прочимъ, чернильница XVIII вѣка. На мое замѣчаніе, что все это очень красиво, и что мнѣ особенно нравится чернильница, онъ отвѣтилъ: «Да что вы, вѣдь теперь песочкомъ не посыпаютъ, есть пропускная бумага и гуси-

ныхъ перьевъ же нѣтъ». Потомъ со своей милой улыбкой прибавилъ: «Ну вотъ, если вамъ очень нравится, я распоряжусь, чтобы въ наказаніе вамъ эту чернильницу послѣ моей смерти и вручили». Какъ онъ ни былъ плохъ, я тогда все-таки не могъ думать, что чернильница уже меньше чѣмъ черезъ полгода дѣйствительно перейдетъ ко мнѣ. Онъ пробылъ въ Ялтѣ до конца апрѣля, временами оживлялся, строилъ планы на будущее, мечталъ засѣсть за работу, говоря, что въ головѣ много уже созрѣло. Собирался, если поправится, съ наступленіемъ тепла поѣхать на войну, изъ-за которой очень волновался, врачемъ, такъ какъ врачъ можетъ больше видѣть. Но чаще бывалъ молчаливъ, сосредоточенно задумчивъ, и онъ, никогда раньше не жаловавшийся на здоровье, говорилъ, что усталъ, что хочется по настоящему отдохнуть, набраться силъ. Онъ чувствовалъ необходимость въ покой, но въ самомъ концѣ апрѣля онъ уѣхалъ въ Москву. Въ дорогѣ простудился, получилъ рѣзкое обостреніе, плевритъ съ необыкновенно для него высокой температурой, и немедленно по прїѣздѣ слегъ, и всталъ только, чтобы поѣхать въ Баденвейлеръ.

Послѣднее письмо я получилъ отъ него 26 мая слѣдующаго содержания: «Дорогой Исаакъ Наумовичъ! Я какъ прїѣхалъ въ Москву, такъ съ той поры все лежу въ постели, и днемъ и ночью ни разу еще не одѣвался. Порученіе, которое вы дали мнѣ насчетъ Хмѣлева*), я конечно, не испол-

нилъ. Да и если бы я былъ здоровъ, то и тогда едва ли сдѣлалъ бы что нибудь. Хмѣлевъ теперь очень занятъ, видѣть его трудно. Поносомъ у меня уже нѣтъ; теперь стражду запорами. Третьяго дня я заболѣлъ какой-то инфекціей. Послѣ обѣда поднимается температура, и потомъ не сплю всю ночь. Кашель слабѣе. 3-го июня уѣзжаемъ за границу, въ Шварцвальдъ, въ августѣ буду въ Ялтѣ. Ахъ, какъ одолѣлъ меня клизмы... Кофе уже даюгъ, и я пью его съ удовольствіемъ, а яйца и мягкій хлѣбъ воспрещены. Крѣпко жму руку. А теперь я лежу на диванѣ и по цѣлымъ днямъ отъ нечего дѣлать все браню Остроумова и Н. Большое удовольствіе. Вашъ А. Чеховъ».

А потомъ приписка:

«Сегодня первая ночь, которую я проспалъ хорошо».

Ольга Леон. мнѣ потомъ съ возмущеніемъ рассказывала, какъ въ Берлинѣ въ Савай Отель къ нему прїѣхалъ приглашенный извѣстный клиницистъ проф. Эвальдъ. Внимательно осмотрѣвъ больного, онъ развелъ руками и, ничего не сказавъ, вышелъ. Это, конечно, было жестоко, но развелъ онъ руками навѣрное отъ недоумѣнія, зачѣмъ и куда такого больного везуть.

И все таки, какъ ни былъ я увѣренъ въ близости роковой развязки, меня какъ молнія поразила полученная мною рано утромъ 3-го іюля изъ Рижскомъ взморьѣ телеграмма о его смерти.

И. Альшгудлеръ.

*) Н. Н. Хмѣлевъ исполнялъ тогда обязанность предѣдателя Московской Губернской Управы. Дѣло касалось участія Моск. Земст-

ва въ устройствѣ санаторія для больныхъ изъ дѣйствующей арміи.

О Чеховѣ.

(1904 - 1929)

I.

Чеховъ умеръ 44 лѣтъ, когда талантъ его достигъ полной зрѣлости. Жизнь его была много короче, чѣмъ жизнь Тургенева, Достоевскаго, Гончарова... Но странно: хотя мастерство его дѣлалось все увѣреннѣе, — смерть его съ точки зрѣнія литературы не кажется преждевременной. Въ немъ не чувствовалось уже большихъ неиспользованныхъ возможностей. Правда, онъ не оставилъ ни одного романа, хотя въ перелискѣ его есть указанія, что онъ хотѣлъ написать романъ. Но даже отрывковъ романа не было опубликовано со дня его смерти. Чеховъ постоянно нуждался и не хранилъ рукописей про запасъ. Единственно цѣнное, что было напечатано посмертно — это его письма.

«Письма Чехова похожи на его рассказы. Отъ нихъ трудно оторваться!» Эти слова покойнаго Ю. И. Айхенвальта правильны только отчасти. Письма Чехова совсѣмъ не «литература» и не предназначались для будущихъ читателей. Они писались по разнаго рода практическимъ поводамъ, были средствомъ общенія съ людьми и людьми. Въ нихъ очень мало описаній, характеристикъ, еще меньше разсужденій о литературѣ, которыхъ Чеховъ специально не лю-

билъ («что это мы вдругъ о литературѣ заговорили?» удивляется онъ въ письмѣ къ женѣ). Литературно-значительныя письма въобще рѣдки: письма Пушкина не хуже его остальной прозы, письма Байрона много лучше его поэзій, — но это исключенія. Тачъ бываетъ или когда писатель очень значителенъ, какъ человекъ, или когда письма пишутся не въ живомъ планѣ, а какъ литературныя произведенія. Ни того ни другого нѣтъ въ чеховскихъ письмахъ.

Если бы не бояться парадокса, можно было бы сказать, что письма Чехова, наоборотъ, совершенно непохожи на его рассказы. Но и это было бы невѣрно. Чеховъ не былъ объективнымъ художникомъ, писателемъ съ «холодной кровью», которому безразлично было что описывать, какъ одно время утверждала критика. Рассказы его лиричны, связаны съ его личностью. Но въѣдъ письма — самое прямое и непосредственное выраженіе той же личности. Значитъ, какъ-то его творчество и его письма должны между собою перекликаться. Къ этому мы и хотимъ прислушаться. Единый и цѣльный образъ все же вырисовывается изъ того, что мы знаемъ о Чеховѣ. Но въ творествѣ этого образъ утончается, одухотворяет-

ся, въ письмахъ же онъ скорѣе упрощается и даже иногда огрубляется.

Всѣмъ памятенъ образъ зрѣлаго Чехова, выраженгеля «интеллигентскихъ настроеній восьмидесятыхъ годовъ». Памятенъ и вѣщныи одуховоренныи и типично интеллигентскій обликъ, глядящій на насъ съ его портретовъ. Мы помнимъ къ чему Чеховъ пришелъ, но забыли — откуда онъ идетъ. Восьмидесятникомъ Чеховъ сталъ въ девятностые годы. Въ восьмидесятые же годы, особенно въ первую ихъ половину Чеховъ не былъ интеллигентомъ и не зналъ настроеній. Въ это время жилъ и писалъ жизнерадостный Антонъ Чехонте.

Бунинъ вспоминаетъ, что Чеховъ противопоставлялъ себя какъ писателя-мѣщанина ему, какъ писателя-дворянину. Объ этой связи Чехова съ мѣщанской средой мы склонны забывать. Дѣдъ его былъ крѣпостнымъ и только въ 1841 году выкупилъ на волю себя и свою семью за 3.500 рублей, по 700 рублей за душу (одну дѣвоику онъ получилъ даромъ, въ придачу!). Такой выкупъ говоритъ о силѣ воли и даровитости. Чехонтекая кровь была галантвизивная кровь и семья ихъ — бодрая, идущая вверхъ семья. Отецъ его уже былъ кушомъ и, одно время, довольно состоятельнымъ. Въ дѣтствѣ Чеховъ помогать отцу готовить селенкамъ въ котончатной лавкѣ. Однако, движеніе вверхъ не было прямымъ и на время прервалось. Отецъ его страстно увлекался церковнымъ пѣньемъ, съставилъ хоръ, забрасывалъ для него свои дѣла. Художественное такъ и оказалося для практической жизни элементомъ разлагающимъ. Отецъ разорился, семья изъ

тихаго Таганрога перебралась въ Москву. Чеховымъ грозила нищета и гибель. Но имъ суждено было новое восхождение по инымъ путямъ. Упорнымъ трудомъ они выбились, а одному изъ нихъ, Антону, удалось подняться на вершины русской литературы!

Въ грудной жизненной борьбѣ Чеховыхъ поддержала взаимная любовь, бодрость, работоспособность. Повидимому, отецъ, подавленный катастрофой, какъ — то ушелъ въ тѣнь и очень рано духовнымъ центромъ семьи сталъ богато одаренный мальчикъ Антоша. Отмѣтимъ, что не сохранилось ни одного письма Чехова къ отцу. Пропали ли они, или ихъ было мало? Но и въ письмахъ къ другимъ членамъ семьи упоминанія объ отцѣ рѣдки. Одинъ разъ мальчикомъ, съ удивительнымъ предчувствіемъ своей судьбы, онъ пишетъ: «отецъ и мать единственные для меня люди... Если я буду высоко стоять, то это дѣла ихъ ружь». И въ другой разъ, много позже, разсказываетъ, какъ посѣлъ безсонной пасхальной ночи, проведенной на улицахъ Москвы, они разговаривали всей семьей и пѣли хоромъ вошь управленіемъ отца «Святныи Боже».

Когда семья перебралась въ Москву, шестнадцатилѣтній Антонъ остался въ Таганрогѣ. Тамъ уроками, писалъ семьѣ бодрые письма. Былъ ботшеголовымъ, веселымъ, незауряднымъ мальчикомъ. Вотъ первое известное намъ письмо къ младшему брату Миши. Какія въ немъ еще поддѣтскія, но характерныя для Чехова черты: «Почеркъ у тебя хорошъ и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни одной грамматической ошибки. Не нравица мнѣ одно: зачѣмъ ты величаешь особу

свою «ничтожнымъ и незамѣтнымъ братишкой». Ничтожество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь гдѣ? Передъ Богомъ, пожалуй, передъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно признавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошенникъ, честный человекъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малюго и знай, что честный малый не ничтожность». Дальше онъ сообщаетъ, что часто играетъ въ бабки, но, очевидно, еще больше читаетъ. «Привыкай читать — совѣтуетъ онъ брату — современемъ ты эту привычку оцѣнишь». Далѣе слѣдуютъ совѣты прочесть полнаго «Донъ Кихота» («Хорошъ я вещь. Сочиненіе Сервантеса, котораго ставятъ чуть ли не на одну ногу съ Шекспиромъ»); даже совѣтъ старшимъ братьямъ прочесть статью Тургенева «Гамлетъ и Донъ Кихотъ».

Второе изъ сохранившихся писемъ Чехова обращено къ двоюродному брату М. М. Чехову. Какъ высока должна была быть репутация мальчишка въ семьѣ, если двоюродный братъ, имѣвшій нѣкоторое положеніе (служилъ прикащикомъ) и пользовавшійся большимъ авторитетомъ у Чеховыхъ, первый написалъ ему, не будучи съ нимъ лично знакомъ, письмо съ предложеніемъ дружбы. «Вы протягиваете мнѣ руку брата, — пишетъ въ отвѣтъ Чеховъ — съ чувствомъ достоинства и гордости я пожимаю ее, какъ руку старшаго брата. Вы первый замекнули о братской дружбѣ, это съ моей стороны дерзость. Обязанность младшаго просить старшаго о такомъ предметѣ... Черезъ нѣкоторое время онъ снова

пишетъ тому же двоюродному брату, уже послѣ того какъ онъ побывалъ въ Москвѣ и лично съ нимъ познакомился: «радуясь, что мы расстаемся задушевными друзьями и братьями». Затѣмъ идетъ просьба, которая хорошо характеризуетъ его чуткость и любовь къ матери: «Если я буду присылать письма моей мамашѣ черезъ тебя, то будь такъ добръ, отдавай ихъ мамашѣ не при всей компаніи, а тайно: бываютъ въ жизни такія вещи, которыя можно высказать только единому лицу вѣрному... Будь такъ добръ, продолжай утѣшать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Для насъ дороже матери ничего не существуетъ въ семьѣ развѣхидственномъ мірѣ». Таковъ былъ стиль его писемъ того времени. Онъ любилъ такія фразы: «не прійдется еще разъ пробѣжаться по маменькѣ Россіи въ маменьку или матушку Москву къ своей маменькѣ...» Или: «хлѣба въ полѣ... цвѣтутъ лучше московскихъ барышни, сіяютъ ярче червонца, растутъ въ гору, какъ капиталъ отъ 25 процентовъ». Такихъ и тому подобныхъ фразъ сколько угодно въ его письмахъ. Конечно, характеръ этого эпистолярнаго остроумія объясняется отчасти тѣмъ «вѣчно мальчишескимъ», что неизбежно въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Но кое-что свидѣтельствуетъ и о налетѣ мѣщанскаго окруженія. И еще много позже этотъ налетъ остается въ чеховскихъ письмахъ. Какій нибудь «поклонъ мамашѣ - таракашѣ» или замѣна слова писателя «писакой» — «писака средней руки, какъ я», «Лѣсковъ мой любимый писака», «Человѣчина» вмѣсто человекъ, «братуха» вмѣсто братъ и тому подобное...

«Писакой средней руки» Чеховъ сдѣлался рано, первый его рассказъ былъ напечатанъ въ «Стрелкѣ», когда онъ былъ студентомъ медикомъ перваго курса. Чеховъ какъ то позже шуточно называлъ свои ранніе рассказы «лицейскими». Увы, сады Лицея не двѣли на московскихъ Козицахъ и Плющихахъ. Державиннымъ, благословившимъ его, былъ Лейкинъ. Но свѣтъ и его улыбкой встрѣтилъ.

Даже не улыбкой, а веселымъ смѣхомъ. И не мудрено — Чеховъ самъ весело смѣялся и потому смѣшилъ. То, что онъ, столь далекій отъ литературныхъ интересовъ, сталъ писать, говорило о большой природной потребности и склонности, почти инстинктъ. Онъ не могъ не писать, какъ молодой котенокъ не можетъ не играть. И Чеховъ заигралъ и нѣкоторые рассказы его той поры похожи на веселые прыжки молодого пса. Впрочемъ далеко не все. Очень скоро въ писаньи его сталъ играть роль вопросъ гонимый. Очень скоро онъ сталъ получать (правда, только въ «Осколкахъ») «великолѣпную плату», 8 копѣекъ за строчку. И хотя окончательно «выскочилъ изъ пачки», только въ 1886 году, но уже черезъ два года писанія зарабатывалъ литературнымъ трудомъ около ста рублей въ мѣсяцъ. «Не завидуй, братецъ, мнѣ, — пишетъ онъ брату Александру, который тоже помещалъ рассказы въ юмористическихъ изданіяхъ. — Писанье, кромѣ дерганья, ничего мнѣ не даетъ. 100 рублей, когда я получаю въ мѣсяцъ, уходятъ въ утробу и нѣтъ силъ перемѣнить свой сѣренькій, неприличный сюртукъ на что либо ме-

нѣе ветхое. Въ семью ухлопывается больше 50... У Николки (брата) денегъ тоже чертмалъ»

Литературной средой его въ это время были дѣятели мелкой прессы. Чеховъ былъ достаточно зорокъ, чтобы видѣть всѣ недостатки этой среды. «Газетчикъ значить, по меньшей мѣрѣ, жуликъ... Я въ ихней компаніи, работаю съ ними, рукопожимаю и, говорятъ, издали сталъ похожъ на жулика. Скорблю и надѣюсь, что рано или поздно изолирую себя... Я газетчикъ, потому что много пишу, и это временно... Онѣмъ не умру». Отмѣтимъ эту раннюю увѣренность. И такъ же рано проявилась у Чехова моральная чистоплотность. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ говоритъ брату о газетчикахъ и о гонорарѣ, онъ рассказываетъ: «Плестуховъ (издатель Московскаго Листка) водилъ меня ужинать въ Тѣстову, пообѣщавъ 6 коп. за строчку. Я заработалъ бы у него не 100, а 200 руб. въ мѣсяцъ. Но самъ видишь, лучше безъ штановъ, съ голой ж... на визитъ пойти, чѣмъ у него работать».

Какова же была «лицейская» продукция веселаго Антоши Чехонте? Она собрана въ первые три тома его сочиненій, изданныхъ Марксомъ, причемъ многое туда не вошло. Многие же были перепечатаны, вѣроятно, только въ виду крайней добросовѣстности Чехова по отношенію къ Марксу, желанія дать ему побольше матеріала. Пѣкъ онъ свои рассказы быстро, работая въ день не больше 2 - 3 часовъ. Писалъ ихъ въ одинъ присѣсть (списанье съ антрактами все равно, что пульсъ съ перепоями). Писалъ, приспособляясь къ работѣ въ газетахъ и юмористическихъ изданіяхъ. Но незаурядный талантъ его проявился

сразу. И не только талантъ, но и критическое чутье. Уже первый напечатанный Чеховымъ набросокъ является какъ бы средо начинающаго автора. Называется этотъ отрывокъ «Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.» Графъ, графиня со слѣдами когда-то бывшей красоты, сосѣдь баронъ Лица некрасивая, но симпатичная и привлекательная. Докторъ съ озабоченнымъ лицомъ, подающій надежду на кризисъ, часто имѣетъ палку съ набалдашикомъ и лысенну. Слуга, служившій еще старымъ господамъ, готовый за господъ тѣсть хоть въ огонь» (какъ не остерегся онъ потомъ писать своего Фирса?) Словомъ, молодой Чеховъ зорко отмѣчает штампы и шаблоны беллетристовъ. Самъ же онъ проявилъ яркую оригинальность, быстро овладѣвъ формой матерьяла, почти миниатюрнаго рассказа и сталъ первымъ, въ сущности, мастеромъ этого жанра въ Россіи. Онъ неистощимъ въ выдумкѣ анекдотическихкихъ положеній и не брезгаетъ прибѣгать и къ незатѣливой выдумкѣ смѣшныхъ фамилій, всякихъ Печенкиныхъ, Замчурьшкихъ, отцевъ Кнопль, Шмурковъ. Онъ вообще ничѣмъ не брезгаетъ. Ему надо быстро выработать свои строчки, насмѣшить, позабавить. Изрѣдка стѣнка онечалить. Отъ этого его рассказы очень неравноцѣльны, то онъ даетъ грубый шаржъ, то достигаетъ синтетичной ураткости и мѣткости японскихъ рисовальщиковъ. Многие рассказы его до сихъ поръ заставляютъ смѣяться. Мало того, они заставляютъ смѣяться въ переводахъ, оторвавшихся отъ родной почвы. Могъ ли Антоша Чехонте предполагать что его бездѣлушки изъ

«Осколковъ» будутъ смѣшить неприхотливыхъ парижанъ въ 1929 году?

II

Въ 1889 году Чеховъ писалъ Суворину «Что писатели дворяне браться у природы даромъ, то писатели разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-ка рассказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывший тавочникъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чиншопчитани, цѣтованьи поповскихъ рукъ, поклонени чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченый, ходившій по урокамъ безъ галошъ, дравшійся, мутившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственничковъ, лицемерившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества, — напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдавливаегъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, преснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его лачкахъ уже течетъ не рабская кровь, а настоящая четозьбская».

Такой рассказъ никогда не былъ написанъ ни Суворинимъ, ни самимъ Чеховымъ. Тайна постепеннаго выдавливанія изъ себя раба осталась для насъ скрытой. Намъ кажется, что перерожденіе случилось дѣйствительно вдругъ, «въ одно прекрасное утро». Это утро было, вѣроятно, въ 1885 или 1886 году. Эти годы, особенно 1886 г., были переломными въ жизни Чехова. Онъ окончилъ курсъ, сталъ врачомъ, расширилъ кругъ своихъ знакомствъ и интересовъ. Къ 1886 году относится и выходъ въ свѣтъ его первой книги, и начало со-

зрудничества въ «Новомъ Времени», и окончательный переходъ къ литературѣ, какъ къ дѣлу жизни. Сразу и вдругъ исчезъ веселый малый Антоша Чехонте. Родился большой писатель Антонъ Чеховъ. Онъ ушелъ отъ мѣшанскаго дѣтства, отъ веселой и грубоватой молодости, чтобы стать тѣмъ Чеховымъ, котораго мы знаемъ. Ушелъ отъ грубаго и несложнаго, чтобы придти къ звеняще хрустально нѣжному. И тогда же «богъ втокмилъ въ него бациллу», и него произошло первое кровохарканье на туберкулезной почвѣ, значенія котораго онъ тогда не понималъ.

Такое совпадение невольно вызываетъ вопросъ: не объясняется ли это перерождение болѣзнию, не было ли оно само болѣзненнымъ? Вспоминаются слова Бунина о томъ, что Чеховъ считать дворянина Бунина богиѣ «крѣпкимъ» здоровымъ писателемъ, тѣмъ себѣ «мѣшанина», и что вообще считалъ людей мѣшанскаго корня особенно легко подверженными процессамъ разложения, декаданса. Но физическая болѣзнь Чехова точно гнала въ немъ, не мѣшая вести нормальный образъ жизни. Кажется, что только исключительно крѣпкій отъ природы организмъ десяти лѣтъ могъ бороться и побѣждать болѣзнь. Что касается его творчества, то, можетъ быть, болѣзнь чуть-чуть обострила его грусть, утончила восприятие мира, сознание переходности, мгновенности всего, но мѣла думъ, что Чеховъ до конца дней сохранить полное духовное и душевное здоровье, что творчество его было здоровымъ, можетъ быть, на чей-нибудь вкусъ даже слишкомъ здоровымъ. Декадентскаго въ немъ ничего не было.

Чеховъ постепенно начиналъ понимать, что онъ обладаетъ незауряднымъ талантомъ. Еще въ 1883 году онъ пишетъ брату «и теперь едва ли буду работать гдѣ-нибудь за пятакъ». Фраза стала (Фраза фамилия московскаго ювелира). Но это была потешутка, какъ всѣ его милыя шутки о своей знаменитости («черезъ 10 - 20 лѣтъ вы сможете продать это письмо за 500 рублей Завидую вамъ», — пишетъ онъ одному знакомому, прося у него взаймы 25 рублей). Но только весной 1886 года появилась у него истинная вѣра въ свои силы.

Странныя бывають совпаденія. Тому же писателю, который, прочтя «Бѣдныхъ Людей», вмѣстѣ съ Некрасовымъ постѣ безсонной ночи прибѣжалъ къ Достоевскому и разбудилъ его, чтобы выразить ему поскорѣе свой восторгъ, въ 1886 году, больше чѣмъ черезъ 40 лѣтъ, удалось «открытъ» и обидреть другаго выдающагося писателя — Чехова Старый и знаменитый Григоровичъ написать молодому дебютанту письмо. У Чехова была трезвая крѣпкая голова и не легко кружилась. Онъ не сталъ стыдливо думать, какъ Тостоевскій «испустили же я такъ великъ!» На все же и онъ пишетъ въ отвѣтъ Григоровичу «я какъ въ чадѣ» (если это только не было вѣжливой *face on de papier*). «Ваше письмо, горячо любимый благотѣститель, поразило меня, какъ молния. Какъ вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вашу старость. Если у меня есть даръ, который стѣдуетъ уважать, то каюсе передать чистоту вашего сердца я доселѣ не уважалъ его. Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Всѣ мои

близкіе... не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомаранье... Черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ къ дядѣ въ Таганрогъ, онъ не можетъ удержаться, чтобы не похвастаться письмомъ Григоровича, не привести изъ него выдержки. Здѣсь онъ уже совершенно впадаетъ въ тонъ молодого Достоевскаго: «редакторъ повезъ меня въ Петербургъ. Ъхаль я на курьерскомъ въ I классѣ, что обошлось редактору не дешево. Въ Питерѣ меня такъ приняли, что потомъ два мѣсяца кружилася голова отъ хвалебнаго чада... Квартира у меня была тамъ великолѣпная... въ «Новомъ Времени» мнѣ платять по 12 коп. за строчку. Чудеса! Въ Питерѣ я теперь модный человѣкъ» и т. д. Но такъ велика всегдашняя скромность Чехова, что, кажется, тонъ этотъ взять только для того, чтобы доставить удовольствіе простодушнымъ провинциаламъ: вотъ, молъ, какъ высоко съчатѣлъ панъ Антонъ!

Но, пожалуй, большую роль, чѣмъ Григоровичъ сыгралъ въ развитіи Чехова Суворинъ. «Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина», писалъ онъ Григоровичу. Само сотрудничество въ «Новомъ Времени» открывало передъ нимъ новыя возможности. Тамъ не только хорошо платили, но, главное, можно было помѣщать болѣе объемистыя и не юмористическія вещи. Но все это, разумѣется, были только реактивы, ускорившіе самостоятельные, внутренніе процессы духовной зрѣлости.

Поразительно какъ коротокъ у Чехова ученической, переходный періодъ. Какіе нибудь пять - шесть

разказовъ, написаны не вполне увѣренно, рѣзки по линиямъ, шаржированы, «Несчастье», «Враги», «Кошмаръ»... Но вотъ ранній разказъ «На пути» звучитъ уже совершенно по чеховски. Разумѣется, черезъ нѣсколько лѣтъ Чеховъ, описывая наружность дѣвушки, не сказалъ бы, что она «съ массой кружевъ на шеѣ и рукавахъ, съ острыми локтями и длинными розовыми пальчиками, напоминала портреты средневѣковыхъ англійскихъ дамъ». (Вѣроятно, Чехову вспомнился какой-нибудь портретъ Возрожденья). Онъ не сказалъ бы о героѣ, что у него чуткая душа (онъ безъ ироніи не употреблялъ впоследствии слово «чуткій»). Но этотъ Лихаревъ уже прообразъ Дяди Вани и Вершинина и другихъ чеховскихъ скитальцевъ. И этотъ ночной разговоръ, чуть не соединившій навсегда стараго и бездомнаго человѣка и молодую дѣвушку — подлинный Чеховъ. Онъ напоминаетъ «Даму съ Собачкой», любовь Иванова къ молодой дѣвушкѣ и прощанье Вершинина съ Машей въ «Трехъ Сестрахъ».

Отчасти эта неожиданность и быстрота расцвѣта объясняется тѣмъ, что онъ былъ долго искусственно задержанъ. По словамъ Чехова, когда онъ набрасывалъ свои разказы, какъ репортерскія замѣтки, онъ «писалъ и всячески старался не потратить на разказы образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему беречь и тщательно прятать». Но какимъ образомъ эти образы и картины вылились въ специфическую и оригинальную форму чеховскаго разказа, — мы не знаемъ. Письма намъ не помогутъ. Онъ много читалъ, несмотря на свою якобы «хохлацкую

дѣнь». Но о книгахъ онъ въ письмахъ не разсуждаетъ. Въ свою художественную лабораторію постороннихъ не вводитъ. Совѣты какъ свѣ описаніи природы надо хвататься за мелкія частности, группируя ихъ такимъ образомъ, чтобы по прочтеніи, когда закроешь глаза, давалась картина, — тайны творчества его не выдаютъ!.

Чеховскій разсказъ, его приемы, его мастерство явились въ литературѣ сразу въ своемъ неожиданномъ совершенствѣ, въ своей изумляющей оригинальности. Критикамъ формалистамъ трудно будетъ по ихъ излюбленному методу свести ее на уже знакомое, бывшее и чужое. Порой кажется, что Чеховъ внѣ исторіи, что онъ не зналъ вліяній. Разумѣется, это не такъ. Разумѣется, его творчество выросло на почвѣ русской литературы. Даже поверхностный анализъ найдетъ въ Чеховѣ слѣды вліянія Льва Толстого. Напримѣръ, въ Дуэли есть цѣлый рядъ совѣтовъ толстовскихъ ходовъ мысли, построенія фразы: «нелюбовь Лаевскаго къ Надеждѣ Федоровнѣ выражалась въ томъ, что все, что она говорила и дѣлала, казалось ему ложью или похожимъ на ложь и все, что онъ читалъ противъ женщинъ и любви, казалось ему, какъ нельзя лучше подходило къ нему...» Или: «и когда Кирилль сталъ ухаживать за нею, она была не въ силахъ, и не хотѣла, не могла противиться ему и отдалась ему» — развѣ это не толстовская рѣчь? И развѣ не озвучки Достоевскаго въ большой повѣсти «Разсказъ Неизвѣстнаго Человѣка», — террориста, служащаго въ лакеяхъ и влюбляющагося болѣзненной «униженной и оскорбленной» любовью въ любов-

ницу своего «барина». И развѣ не изъ Достоевскаго взяты пьяный чиновникъ, отецъ «Анны на шеѣ», и не по Достоевскому умоляютъ его сыновья гимназисты «будетъ, папочка, не надо, папочка!» И не у Тургенева ли взята Ариадна, портреты молодыхъ дѣвушекъ, иной пейзажъ? Но приемы Чехова кажутся болѣе совершенными, чѣмъ тургеневскіе. Тургеневъ описываетъ наружность своихъ героевъ, подробно разсказываетъ о ихъ прошломъ. У Чехова же какая-то легкая свѣтотѣнь изнутри моделируетъ фигуры людей, освѣщаетъ лица...

Были критики, которые находили въ Чеховѣ слѣды вліянія Мопассана. Трудно назвать болѣе различныхъ писателей! Оба они были великими мастерами короткаго разсказа, но Мопассанъ, прежде всего именно разсказчикъ интересныхъ исторій. Онъ умѣетъ сразу заинтересовать и, еле замѣтнымъ нарастаніемъ, поддерживать неослабывающій интересъ слушателя, чтобы тотъ затаилъ дыханье и разинулъ ротъ! Всегда не нужно для этого, чтобы самъ сюжетъ разсказа былъ особенно яркимъ и драматическимъ. Надо умѣть сервировать блюдо. Очарованіе Мопассана въ близости къ живому, устному разсказу. Недаромъ онъ пользовался охотно гаккой устарѣлой фикціей, какъ «мы сидѣли у камина и докторъ предложилъ: пусть каждый разскажетъ самый замѣчательный случай изъ своей жизни!» Самое обычное звучитъ у него, какъ необыкновенное кажется кускомъ неприкрашенной жизни.

Чеховъ зналъ, но какъ будто не очень любилъ Мопассана. Разъ онъ довольно презрительно об-

мѣвился словомъ: «мопассановщина». Есть и хвалебные отзывы (о романахъ), но вліяніе Мопассанъ не имѣлъ на него никакого. Чеховъ рѣдко прибѣгаетъ къ фикціи зстнаго разсказа. Да и какъ, «собравшись у камина», начать такъ: «господа, пусть каждый разскажетъ самый неинтересный случай изъ своей жизни». Вѣдь первое правило чеховскаго канона: совершенно безразлично, что разсказывать, лишь бы было «настроеіе», это специфически чеховское «нѣчто». Въ картинѣ для Чехова важенъ только тонъ.

Тонъ этотъ сумеречный, вечерній, грустный. «У меня выходитъ это невольно и, когда я пишу, то мнѣ не кажется, что я пишу мрачно: во всякомъ случаѣ, работая я всегда бываю въ хорошемъ настроеніи. Замѣчено, что мрачные люди, меланхолики пишутъ всегда весело, а жизнерадостные своими писаніями нагоняютъ тоску. А я человекъ жизнерадостный, но крайней мѣрѣ первые 30 лѣтъ своей жизни прожилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе». Если не бояться отвлеченныхъ терминовъ, которыхъ такъ не любилъ Чеховъ («слова художественность я боюсь, какъ купчихи боятъ жука»), — то Чехова можно было бы назвать первымъ русскимъ импрессионистомъ. Только въ прогнвоположность французскимъ художникамъ онъ открылъ не пленэръ, а сумерки и полутона. Кроме того импрессионизмъ какъ будто предполагаетъ работу по непосредственнымъ, быстрымъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ Чеховъ писалъ по воспоминаніямъ. На просьбу, обращенную къ нему, когда онъ жилъ въ Ниццѣ, написать разсказъ изъ французской жизни, Чеховъ отвѣчалъ: «такой раз-

сказъ я могу написать только въ Россіи, по воспоминаніямъ. Я умѣю писать только по воспоминаніямъ, и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и чтобы на ней какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно или типично».

Значитъ, Чеховъ отмѣчаетъ не самое яркое впечатлѣніе, а самое длительное. Память даетъ какъ бы протѣренный отборъ, и оттѣнокъ, привкусъ воспоминанія сразу придаетъ чеховскому разсказу немного нереальный и грустный колоритъ.

Искусство Чехова необыкновенно чисто, почти безпримѣсно. Почти чуждо моральныхъ, публицистическихъ, религиозныхъ элементовъ. Только въплѣдствіи у символистовъ, или въ наши дни у Бунина, можно встрѣтить столь опредѣленное и сознательное отношеніе къ прозаическому повѣствованію, какъ къ искусству. Чеховъ пишетъ не для того, чтобы кого-либо развлечь, убѣдить или опечалить, но создаетъ художественныя «вещи въ себѣ». Поэтому такъ хочется сравнивать ихъ съ живописью, или еще больше съ музыкой. Они безпредметны, какъ музыка, и чаруютъ, какъ музыка. Эту музыкальность онъ и самъ замѣчалъ въ себѣ. «Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу.. надо заботиться о ея музыкальности...» даетъ онъ совѣты молодой писательницѣ. «Корректуру я читаю не для того чтобы исправлять вѣщность разсказа; обыкновенно въ ней я заканчиваю разсказъ и исправляю его, такъ сказать съ музыкальной стороны». Но онъ и задумывалъ разсказы музыкально. Все его творчество это стремленіе выразить, говоря его

словами «ту тонкую, едва уловимую красоту человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую уметь передавать, кажется, одна только музыка».

Поэтому когда думаешь о Чеховѣ, то вспоминаешь прежде всего какой-то звук, особый звук его прозы. Пластическая сила его не велика, и когда онъ хочет индивидуализировать, усилить жизненность своихъ героев, то принужденъ возвращаться къ арсеналу Антонио Чехонте, подчеркивать, шаржировать. Въ длинной веренищъ его созданий все сливается, трудно припомнить отдельныхъ людей, даже ихъ имена, и легче всего припоминаются (если исключить пьесы) именно тѣ вещи, которыя написаны не безъ шаржа, какъ Душечка или Попрыгунья. Чудо настоящего со-творенія человѣка мы припоминаемъ у Чехова только одинъ разъ—это профессоръ изъ «Скутной Исторіи». Поэтому онъ не только не могъ написать романа, но даже длинныя повѣсти рѣдко удавались ему. «Степь», для которой онъ использовалъ собственныя дѣтскія воспоминанія, — очень растягута. Растянута и «Дуэль» и, можетъ быть, сознательно. Чеховъ колебался не выбирать ли ему длинныя естественнонаучныя монологи Фонъ Корена, но сохранялъ ихъ, вѣроятно, чтобы замедлить темпъ повѣсти. Дуэль одна изъ немногихъ вещей Чехова съ идейными примѣсами, въ ней оразились толстовскія этическое настроенія, ея сюжетъ — нравственное паденіе и воскресеніе въ любви. Чеховъ умѣлъ для своихъ длинныхъ повѣстей находить чарующій медленный темпъ и ритмъ (вспомните «Три Года»

и «Мою Жизнь»). Но повѣсти его немного статичны, въ нихъ нѣтъ динамики, развитія. Чеховъ изображаетъ тончайшіе оттѣнки чувства, но чувства неподвижны. Онъ даетъ одво настроеніе и потомъ сразу, безъ переходовъ смѣняетъ его другимъ такъ, какъ режиссеръ мѣняетъ иногда вдругъ освѣщеніе сцены, и все сразу поблѣтаетъ другой оттѣнокъ. Такая смѣна является однимъ изъ излюбленныхъ чеховскихъ приемовъ. Въ повѣсти «Три Года» описывается безнадежная любовь московскаго богача Лангева къ дѣвушкѣ, которая выходитъ за него замужъ по расчету. Но вотъ, подѣ конецъ, неожиданная пере-мѣна: «Она рѣшилась ему въ любви, а у него было такое чувство, какъ будто онъ былъ женатъ на ней уже лѣтъ десять, и хотѣлось завтракать. Она обняла его за шею, щекоча шоккомъ своего платья его щеку: онъ осторожно отстранилъ ея руку...» И такъ же въ «Учителѣ Словесности». Какими волшебными красками Чеховъ описываетъ его влюбленность и какъ вдругъ, сразу почувствовалъ онъ, что его любовь — пошлость и ложь. Или въ разсказѣ «Сосѣди» братъ ѣдетъ вызвать на дуэль сосѣда, къ которому убѣжала его сестра. Но вдругъ его рѣшимость исчезаетъ и онъ возвращается, полный жалости и недоумѣнія, этихъ специфически чеховскихъ чувствъ.

III.

Чеховъ постигшихъ лѣтъ своей жизни гораздо болѣе извѣстенъ, чѣмъ молодой Антонио Чехонте. Многочисленныя воспоминанія сохранили для насъ его манеру говорить и молчать, улыбаться

ся и шутить. Отглянемся бѣгло лишь на тѣ его черты, которыя кажутся менѣе знакомыми.

Хотя большая часть зрѣлой жизни Чехова прошла въ девяностые и девятисотые годы, но несомнѣнно онъ органически связанъ не столько, впрочемъ, хронологически, сколько духовно съ тѣмъ, что мы называемъ восьмидесятиничествомъ. Если считать характернымъ для восьмидесятыхъ годовъ отсутствие яркихъ событій, медленный темпъ и ритмъ жизни, грустный и хмурый ея колоритъ, то жизнь Чехова такъ же, какъ его произведенія, — были очень восьмидесятическими. Жизнь его въ тѣ десять лѣтъ, которая прошла отъ первыхъ литературныхъ успѣховъ до обостренія болѣзни въ 1897 году, текла вѣднѣе благополучно. Онъ жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, то заграничѣ, много работалъ. Мѣнялся и расширялся кругъ его знакомыхъ. Уже не Лейкинъ, а Суворинъ господствуетъ въ эти годы въ его корреспонденции. Къ Лейкину онъ, несмотря на свою юность относился скорѣе сверху внизъ, въ письмахъ обращался къ нему много фамильярно «добрѣйшій». Дружба же и переписка съ умицей и циникомъ Суворинымъ вначалѣ льстила его самолюбію и всегда доставляла ему умственное наслажденіе. Долго ихъ ничто не раздѣляло. «Меня послѣ «Новаго Времени» едва ли пустятъ во что-нибудь толстое», пишетъ Чеховъ. Это ироническое отношеніе къ «толстому» осталось у Чехова на всю жизнь. Всѣ смѣшныя доктринеры читаютъ у него «Вѣстникъ Европы». Но все же постепенно онъ сблизился съ кругомъ «Русской Мысли» и «Русскихъ Вѣдомостей», съ Гольцевымъ, Собо-

левскимъ, Максимомъ Ковалевскимъ и, такъ же постепенно, отдалился отъ Суворина. Дѣло Дрейфуса, въ которомъ онъ страстно сталъ на сторону невинно осужденнаго, окончательно внутренне ихъ раздѣлило.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ его жизни за эти годы было его лутешествіе на Сахалинъ. Что толкнуло его на эту, по тѣмъ временамъ трудную физически и тягостную душевно поѣздку? Какъ художнику она была ему не нужна. Чеховъ съ обычною своей ясностью взгляда, это прекрасно понималъ и предупреждать друзей, чтобы они не ждали отъ нея литературныхъ плодовъ. И, дѣйствительно, столь, казалось бы интересная поѣздка черезъ всю Сибирь, многомѣсячное пребываніе на Сахалинѣ и возвращеніе черезъ Индію дали ему только для двухъ небольшихъ рассказовъ. Если вспомнить, что дала Сибирь Короленкѣ или Цейлонъ Бунину, — мы поймемъ какъ это мало. Поѣздка была задумана имъ, какъ большого стила репортажъ, вродѣ недавнихъ анкетъ Надо или Лондра. Онъ потратилъ на нее много силъ и добросовѣстнаго труда. Прочелъ, подготовляясь къ ней, цѣлые томы, на Сахалинѣ одинъ безъ посторонней помощи устроилъ перепись. Не жакда впечатлѣній, а стремленіе прожить жизнь не бесполезно, успѣть сдѣлать что-то большое, общественно необходимое двигала Чеховымъ. «Мы сгноили въ тюрьмахъ миллионы людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски, — писалъ онъ Суворину, — мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали и все это сваливали на тюрем-

ных, красноносых зрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не зрители, а всё мы». Опубликованная им книга, повидимому, ускорила реформу русской Каменны. Поездка Чехова была не бесплодна.

Та же потребность дѣла, культурной работы заставляла его всю жизнь находить время и силы на то, чтобы строить школы, собирать на них деньги, поощрять студентов въ нихъ, заботиться о библиотекѣ въ родномъ Таганрогѣ... И дѣлать это не между прочимъ, а очень упорно и съ большой вѣрой въ необходимость и въ значеніе того, что онъ дѣлаетъ. Мечты Вершинина, что «черезъ двѣсти - триста лѣтъ жизнь будетъ невообразимо прекрасной» не были, повидимому, чужды самому Чехову. «Когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я знаю, что... если черезъ тысячу лѣтъ человекъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я», — говоритъ докторъ Астровъ въ «Дядѣ Ванѣ». И Чеховъ страстно любилъ сажать цветы и деревья и на своей крымской дачѣ насадилъ изумительный садъ. Можно сказать, что жажда культурнаго дѣла, вѣра въ культуру была у Чехова религиозной. И поскольку она не зиждилась на религиозныхъ основахъ, а замѣняла религію, она была признакомъ времени (времени «малыхъ дѣлъ»), была однимъ изъ общераспространенныхъ «интеллигентскихъ предразсудковъ». «Религиозное движеніе — говоритъ Чеховъ въ письмѣ къ Дягилеву по поводу Религиозно-Философскаго Общества — само по себѣ, а вся современная культу-

ра — сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура — это начало работы имени великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, можетъ быть, еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы, хотя въ далекомъ будущемъ, человечество познало истину настоящаго Бога, — т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре». Эта названная вѣра, эти слова показываютъ, что свои мысли вкладывалъ онъ въ уста «Черному Монаху»: «Вѣчная жизнь есть. Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность... Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлаютъ человечество достойнымъ царствія Божія, то есть избавятъ людей отъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій — какой счастливый удѣлъ!» Какъ видно, можно въ вѣрѣ Чехова намѣтить два этапа: черезъ двѣсти-триста лѣтъ «необыкновенно прекрасная жизнь» и только черезъ нѣсколько тысячъ — царствіе Божіе и познаніе Бога, какъ дважды два четыре!

Всякая ограниченность, всякій предразсудокъ особенно удивляютъ въ Чеховѣ. Онъ смотрѣлъ на жизнь необыкновенно яснымъ, открытымъ взглядомъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ духовно-свободныхъ русскихъ людей. Къ нему воистину можно было приложить слова Пушкина —

«Дорогою свободной

Иди куда влечетъ тебя свободный умъ!»

— въ гораздо большей степени чѣмъ къ Тургеневу, любившему цитировать эти слова. Умъ его былъ изъ тѣхъ, можетъ быть, на очень обширныхъ, не очень творческихъ, но чрезвычайно трезвыхъ умовъ, которые не склонны къ обобщеніямъ, къ теоріямъ, но быстро подмѣчаютъ все, что условно и не правдиво. Но Чехову сравнительно легко досталась его свобода: онъ выросъ въ годы, считавшіеся безыдейными, зъ годы разочарованія. Въ другое время грузъ идей и міросозерцаній былъ бы тяжелѣе, его было бы труднѣе откинуть. Изъ идейныхъ теченій только толстовство слегка коснулось его. «Изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру», писалъ онъ Меньшикову. Онъ презиралъ отъ души всякіе «измы». Какъ то пошутилъ: «я сдѣлался марксистомъ». Это значило, что онъ продалъ свои сочиненія Марксу...

Въ 1897 году съ Чеховымъ произошло несчастье. Долго таившійся туберкулезъ прорвался съ большою силой и сдѣлалъ его инвалидомъ на остатокъ жизни. Но эти же годы принесли ему славу, громадный театральный успѣхъ, нѣкоторую матеріальную передышку. Только передышку. Чеховъ сдѣлалъ непоправимую ошибку въ устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ: продалъ навсегда свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ рублей. «Если я проживу не больше пяти или десяти лѣтъ — эта сдѣлка выгодна», писалъ Чеховъ. Прожить онъ не долго, но за это время опредѣлился его успѣхъ, и онъ женился — два обстоятельства, заставившія его сдѣлать попытку выкупить обратно

свои сочиненія. Попытка успѣха не имѣла.

«Милый вы человекъ, зачѣмъ вы засунулись въ актерскій и новобеллетристическій кружокъ?» писалъ ему Суворинъ. Съ актерскимъ кружкомъ, т. е. съ Художественнымъ Театромъ сблизилъ Чехова его театральное авторство и женитьба на О. Л. Книпперъ. Съ «новобеллетристическимъ» кружкомъ — общіе писательскіе интересы. «Со всѣми, имѣющими отношеніе къ литературѣ, скучно, за исключеніемъ очень немногихъ», писалъ онъ женѣ. Но, очевидно, безъ нихъ было еще скучнѣе. Впрочемъ скука царила въ литературной средѣ главнымъ образомъ до появленія молодыхъ беллетристовъ — Горькаго, Бунина, Леонида Андреева. Они внесли оживленіе въ литературу, а также и въ жизнь Чехова. «Новобеллетристическій кружокъ считаетъ меня чужимъ, отношенія его ко мнѣ теплы, но почти официальные», писалъ Чеховъ. Но они ошibanялся, его очень любили.

Послѣдніе годы Чехова прошли подъ знакомъ театра. Театральные интересы владѣли имъ. Художественный Театръ поставилъ всѣ пять его пьесъ. Двѣ изъ нихъ были специально для театра написаны. Театръ выросъ и окрепъ на Чеховѣ и въ свою очередь сдѣлалъ его необыкновенно популярнымъ, впервые далъ ему извѣдать настоящую славу.

«Шекспиръ плохо писалъ, а Въ еще хуже», гогорилъ о его пьесахъ Левъ Толстой. (Англичане по этому поводу восторгаются юморомъ Толстого). Чеховъ былъ въ пьесахъ слабѣе не только Шекспира, но и самого себя. Нальзя отрицать ни большого умѣнія, ни еще большей смѣлости Чехова

драматурга. Нужны были и смѣлость, и умѣние, чтобы писать пьесы, въ которыхъ, какъ и въ его разсказахъ, ничего не происходило. Но это было не творчество, а то, что музыканты называютъ транскрипціей, переложеньемъ. Свое, «чеховское», онъ по-пробовалъ переложить на языкъ театра, какъ музыканты перекладываютъ вещи, написанныя для скрипки, на оркестръ, или съ оркестра на голосъ. Дѣлалъ онъ это мастерски. Театръ — искусство, обращенное во внѣ, подчеркивающее, усиливашее. Извольте переложить нѣжную колыбельную пѣсенку на мегафонъ. Но въ Художественномъ Театрѣ чеховскій тихій голосъ не терялъ своей прелести и со сцены. Въ пьесахъ его есть фигуры цѣлкомъ, почти безъ измѣненій перенесенныя изъ разсказовъ. Напримѣръ, вѣчный студентъ «Вишневаго Сада», тогъ же Саша изъ разсказа «Невѣста», Чебутыкинъ — это докторъ изъ «Дуэли» и т. п.

Когда хотятъ опредѣлить мѣсто Чехова въ русской литературѣ, то очень часто прибѣгаютъ къ сравненію его съ Тургеневымъ. Толстой и Достоевскій — тѣ несоизмѣримы. Тургеневъ при жизни Чехова казался тоже несоизмѣримо большимъ писателемъ. Но съ тѣхъ поръ его слава испытала значительное затмѣнѣе, между тѣмъ какъ слава Чехова росла. Въ этомъ спорѣ — за Чехова чистота и оригинальность его искусства. Но Тургеневъ ярче, разнообразнѣе и порой утонченнѣе Чехова. Онъ богаче Чехова, у него большая «аллюра». Онъ выше Чехова въ выдумкѣ и въ пластиче-

ской силѣ. Иногда кажется, что онъ первоклассный писатель съ большими недостатками, а Чеховъ только очень совершенный второстепенный талантъ. Но нѣтъ ли противорѣчій въ такомъ соединеніи эпитетовъ? Совершенный художникъ не есть ли тѣмъ самымъ и великій художникъ?

Очень медленно и очень постепенно выяснилось, что Чеховъ — болѣе русскій, болѣе существенный для Россіи писатель, чѣмъ Тургеневъ. Что-то очень важное въ ликѣ Россіи онъ передаетъ. То, что въ живописи и музыкѣ передаютъ очень близкіе ему Чайковский и Левитанъ. Замѣчательно, что Чеховъ, художникъ слова, теряющій въ переводахъ, нашелъ высокую оцѣнку на Западѣ (оцѣнку кажущуюся русскимъ преувеличенной), — между тѣмъ какъ столь созвучныхъ ему Чайковского и Левитана въ Россіи или не знаютъ, или не цѣнятъ и значеніе ихъ остается (особенно у Левитана) чисто локальнымъ. Это объясняется совершенствомъ и оригинальностью чеховскаго мастерства. У тѣхъ форма заимствованная, «нѣмецкая», и за этой оболочкой иностранцамъ не замѣтна ихъ русская сущность: они имъ кажутся давними знакомцами, они прежде всего видятъ въ нихъ свое. Но если національное придаетъ крѣпость и существенность художнику, то, казалось бы, связь съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ временемъ можетъ его обезцѣнить, а мы много разъ указывали на связь Чехова съ восьмидесятью годами. Правда, Гегель сказалъ, что «кто живетъ для своего времени, живетъ для всѣхъ временъ». Но въ этомъ афоризмѣ слѣловало бы подчеркнуть слово «для». Да, великъ тотъ, кто жи-

веть для своего времени, создать, обогащает свою эпоху. Но какъ быть съ тѣми, кто отъ своего времени зависятъ? Недаромъ французы, чтобы отмѣтить въ искусствѣ то, что связано съ временемъ, скоропреходяще, вышло изъ моды употребляютъ выраженіе *са date*, т. е. носить черты определенной эпохи. А Чеховъ связанъ къ тому же съ такой, казалось бы незначительной «датой» какъ русскіе восьмидесятые годы. Кому интересно и само это время и то, что Чеховъ умѣщаетъ въ своеобразную исторіософскую схему, выдуманную русской интеллигенціей, которая и сама го, говорить, сходитъ со сцены. Русская интеллигенція раздѣлила свою исторію на десятилѣтія и имѣла склонность всю исторію Россіи распределить по этимъ десятилѣтіямъ. Нѣкоторыя десятилѣтія оказались историческими, имѣющими своихъ «людей», т. е. интеллигентовъ, — таковы были двадцатые, сороковые, шестидесятые, восьмидесятые годы. Иныя десятилѣтія, какъ тридцатые и пятидесятые годы оказались какъ бы внѣ исторіи. Чеховъ — человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ. Но за условностью и приблизительностью историче-

ской схемы скрывается большая социальна психологическая правда. «Шестидесятые» или «восьмидесятые» годы это психологическія категории. Восьмидесятники были среди декабристовъ, существуютъ и теперь. Это одинъ изъ основныхъ и существенныхъ типовъ русскаго интеллигента. Мало того, «восьмидесятые годы», ихъ медленный темпъ, отсутствіе яркости, борьбы и событій, безпредметная тоска, безпричинная грусть — развѣ не были въ исторіи Россіи и въ другія десятилѣтія, можетъ быть, даже столѣтія? За интеллигентской оболочкой здѣсь скрыты основныя черты русской жизни и русскаго характера. Но въ духовномъ смыслѣ восьмидесятничество, съ немного иной окраской, можно найти не только въ Россіи. И вотъ Чеховъ вызываетъ любовь и сочувствіе въ столь чуждомъ ему англосаксонскомъ мірѣ. Писатель, жившій для своего времени, не старѣетъ въ инныя времена, въ другихъ странахъ. Особый звукъ его прозы не теряетъ прелести и въ переводѣ. Восьмидесятникъ Чеховъ оказался и очень русскимъ, и очень общечеловѣческимъ писателемъ.

Мих. Цетлинъ.

Н а ч а л о .

1.

Этимъ замѣткамъ я одно время думалъ дать подзаголовокъ «докладъ по текущему моменту».

Мнѣ вспоминалась совѣтская Россія, особенно первые ея годы: на каждомъ общественномъ

собраніи, на самыхъ заходустныхъ «литературно-музыкально-вокальных» вечерахъ дѣлался подобный докладъ. Выходилъ человѣкъ съ небольшой бумажкой въ рукѣ и въ десять минутъ съ завидной ясностью освѣщалъ «мировую конъюнктуру»: истолковывалъ сложнѣйшіе вопросы евро-

пейской жизни. Все становилось просто, какъ дважды два. Объяснив, освѣтивъ и оцѣнивъ международное положеніе, указавъ, что въ немъ благоприятно и что плохо, что надо приветствовать и что «клеимъ презрѣемъ», докладчикъ считалъ свой долгъ исполненнымъ.

Объясненія эти бывали неудачны, верѣдко смѣшны, — однако ихъ слушали не только внимательно, но и жадно, если хоть чтонибудь казалось убѣдительнымъ и была хоть какая нибудь мѣра хвастовству стиля «шапками закидаемъ». Въ тѣ времена, сквозь великое смущеніе умовъ и душъ пробивалось въ человѣкѣ желаніе «разобраться». Конечно, разобратъ было не легко, и размышистые обзоры мало въ этомъ дѣлѣ помогали. Но въ нихъ правильно была поставлена тема: полслѣ всего, что произошло въ мѣрѣ, нужно было посмотреть на него «съ птичьяго полета». Огдѣльные столкновения по закоулкамъ, отдѣльные недоумѣнья, споры, явленія, возникновенія, разрушенія были безъ этого непонятны, т. к. были уничтожены «планъ мѣра», схема, прежде позволявшая ориентироваться.

Нѣчто подобное происходитъ сейчасъ въ искусствѣ, въ частности въ поэзіи. Доклады «по текущему моменту» здѣсь такъ же необходимы и въ нихъ такъ же неизбежны промахи, пробѣлы, ошибки. Ограничимся для ясности одной только лирической поэзіей. Въ сущности другой поэзіи теперь у насъ и нѣтъ, — ни сатирической, ни эпической, ни дидактической, ни какой либо еще. Помимо того, все, что въ лирикѣ сразу становится очевидно, въ

другихъ родахъ искусства еще долго бываетъ скрыто, хотя и присутствуетъ. Лирика по извѣстному опредѣленію есть «разговоръ душъ». Естественно, что такой разговоръ избѣгаетъ всякой декоративности, ищетъ только самаго чистаго, самаго нужнаго, — наименѣ ложнаго. Подъ ослѣпительными лучами того внутренняго свѣта, который есть и природа лирики, и смыслъ ея существованія, все обнаруживается: восемь — двѣнадцать — шестнадцать строчекъ, ограниченная площадь и беспощадный прожекторъ, направленный на нее. Другіе виды поэзіи — темная дебри, чаши, гдѣ еще долго можно блуждать, обольщаться, угѣшаться «мастерствомъ», когда здѣсь уже никакихъ иллюзій не остается.

На Западѣ для поэзіи не такъ насущна сейчасъ потребность «разобраться». Западное искусство вѣдь все таки еще живетъ преемственностью и въ общемъ относительно благополучія Европы, относительно благополучна и она. Во всякомъ случаѣ положеніе ея не «катастрофическое», и только пристально взглянувъ, видишь, какъ оно печально. Но это болѣзнь долгая, медленно — изнуряющая, безъ острыхъ припадковъ, когда испуганному человѣку хочется «подвести итоги». У насъ же, у русскихъ, именно такъ, и намъ хочется итоговъ: намъ смутно видится «новая жизнь», — надо же знать, что взять въ нее изъ стараго. Старое лежитъ какъ прахъ, безъ связи съ какой бы то ни было реальностью, и только теперь мы можемъ безпрепятственно оглядѣть его. Прежде это не удавалось. Не то, чтобы дѣйствительно и безусловно «бытіе опредѣ-

дьяло сознание». Нѣтъ. Но пока устоявшееся бытіе поддерживают свои внутреннія стѣны и перегородки, пока существовало все то, что слелено съ государствомъ, съ обычаями, съ традиціями, — сознание не всегда находило силы свободно подниматься, да и не чувствовало нужды въ этомъ. Оно было слишкомъ отячено, оно было «слишкомъ человѣческимъ». Нѣтъ худа безъ добра. Теперь оно предоставлено само себѣ, — ...

И проясняются на сердцѣ впечатлѣнія.

Поговорите съ любымъ русскимъ поэтомъ. Если это не безнадѣжный ремесленникъ, вы получите бесѣды о рифмахъ, или изпримѣръ, о возрожденіи балладнаго жанра, или развитіи синтаксиса, неизбежно придете къ всепоглощающему, всепожирающему вопросу: что писать? о чемъ писать? какъ писать? Какъ писать, — чтобы это не было пустой забавой, а чѣмъ то достойнымъ человѣка, не унижительнымъ для него по ничтожеству своему, празности и суетѣ, которую, повѣрите, поэты сознаютъ глубже и мучительнѣе самыхъ скептическихъ своихъ читателей. Раньше было бытіе съ установившимися условностями. Въ Россіи очень долго и упорно поэзію строили, именно, какъ зданіе, не замѣчая — искренно или притворно, — что фундамента никто никогда не закладывалъ. Пушкинъ? Да, на него ссылались, но большей частью по умственной лѣни, по инерціи или по безразличію. Имя Пушкина все собой прикрывается, и что за нимъ подразумевается — неизвѣстно. О Пушкинѣ неизмѣнно говорится са-

мыми неопредѣленными, общимъ словами, — и это не случайно. У Пушкина всѣ концы спрятаны въ воду: ни въ учителя, ни тѣмъ болѣе въ чернорабочіе на службѣ будущихъ культуръ онъ не годится. Да и по всему складу своему и по мѣсту въ исторіи Пушкинъ — завершеніе скорѣй, нежели начало.

О подлинныхъ основаніяхъ умалчивалось. Они были будто бы «внѣ литературы», — какую же найти отговорку удобнѣе? Для того, чтобы зданіе росло, развивалось, крѣпло, было признано необходимо подчиненіе поэтовъ, «строителей», общеобязательнымъ техническимъ правиламъ. Въ каждой новой пристройкѣ допускались измѣненія, — такъ образовывались школы — но немедленно возстанавливалась диктатура, и вѣдь даже какіе нибудь «ничего» учили тому, что въ поэзіи допустимо и чего дѣлать не слѣдуетъ. Брюсовъ же и Гумилевъ чувствовали себя прежде всего законодателями. Они, конечно, не были ни такъ самоувѣрены, ни такъ наивны, чтобы рассчитывать, что ихъ постройка будетъ стоять вѣчно. Но они учили объ этомъ не думать, оставаться «въ литературѣ», замкнуться въ ней. Ихъ ошибка, ихъ грѣхъ былъ въ томъ что они занимались усовершенствованіемъ зданія, — и другихъ убѣждали заниматься тѣмъ же! — когда внизу все уже было подложено, все осѣдало и разваливалось, и не высокомерно усмѣхаться надо было, а одно изъ двухъ: или остановить какой бы то ни было цѣной разрушеніе, — но для этого спуститься внизъ, — или бѣжать безъ оглядки. Если возникало недоумѣніе вокругъ

ихъ дѣла, они въ оправданіе свое ссылались на различныя туманныя и волшебныя понятія: культура, творческій путь, миссія искусства, а иногда вспоминали и Достоевскаго съ его обѣщаніемъ, что «красота спасетъ міръ». Кстати, о ихъ пути. Имъ удавалось отвести взгляды отъ пустоты, отъ обрыва, который былъ на концѣ его и всѣхъ окрестныхъ тропинокъ. Мы теперь обывъ этотъ виденъ ясно и даже «птичьяго полета» не надо, чтобы различить его.

Одно изъ самыхъ остро-смущающихъ впечатлѣній отъ современной Европы таково: искусство здѣсь больше не «строятъ», поэзію — въ особенности. Она становится откровеннымъ мечтательствомъ, личными безысходными снами, — или изсякаетъ. Между тѣмъ наша поэзія была по всему своему облику глубоко — западной, несмотря на отдѣльныя славянофильскія устремленія нашихъ авторовъ. Западной она была въ темахъ, въ приемахъ, въ тонѣ, и возвышаясь въ представленіи своемъ все европейское до общечеловѣческаго, она заранѣе доверчиво связывала себя съ его судьбой. Какъ же ей быть теперь? Примириться ли съ соскальзываніемъ къ мечтѣ, т. е. къ обману, возвышающему или нѣтъ, все равно? Или медленно отрываясь отъ области прележняго своего вращенія, попытаться еще разъ строить и оставить себѣ утѣшеніе, что неудавшееся другимъ, можетъ еще удасться намъ? Въ глубинѣ сознанія будетъ жить сомнѣніе: не удасться, не можетъ удасться, нечему удасться; цѣль поэзіи мы не увидимъ, да конечно, ея и нѣтъ. Но вѣдь и у жизни, можетъ быть, нѣтъ цѣли, — не только у

творчества. «Въ глубинѣ сознанія» и это бываетъ иногда несомнѣнно, — не надо однако, ради охраны самой жизни, объ этомъ безпрестанно твердить. Такъ и съ поэзію. Зданіе разрушено, или вѣрнѣе само развалилось, — не знаемъ когда и какъ. Но развалилось навѣрно, — только слѣпыя могутъ этого не видѣть, и что-то еще достраивать, и какія то мерзвыя оболочки еще «охранять». Что же, попробуемъ принятъся за новое! Иначе жить нельзя. Иначе и писать нельзя, — недолго во всякомъ случаѣ пошлется! Но какъ, но что, и о чемъ писать? Если «строить», то какія положить основанія?

О формальныхъ основаніяхъ пока промолчимъ. Ихъ еще невозможно обобщать, о нихъ еще рано говорить. Это были бы только «слова, слова», лишеныя подлиннаго смысла и содержанія. Надо начинать сначала, т. е. съ человѣка въ поэтѣ, а не со стихотворца въ немъ.

2.

Первое, о чемъ хотѣлось бы напомнить поэту — отвѣтственность.

Никогда не долженъ быть бы онъ забывать о ней, — но забываетъ, и часто. Если даже соображенія или догадки о роли поэзіи въ мірѣ для него неубѣдительны, полезно было бы привести соображенія узко-эстетическія. Нельзя прекрасно «болтать», и на вѣтеръ брошенные слова не оставляютъ слѣда и не находятъ отзвука. Въ сущности такъ и надо было бы прежде всего судить о произведеніяхъ искусства: болтовня это или не болтовня, придумывается

ли, изобрѣтаетъ ли авторъ мысли и чувства, или дѣйствительно ищетъ слова для мыслей и чувствъ, которыя онъ ни на какія другія обмѣнять не властенъ? Въ стихахъ это узнается вовсе не по благородной разсудительности ихъ или «возвышенности», а только по степени внутренняго соответствія напѣва и слова, т. е. по органичности или неорганичности ритма. И когда ритмъ органиченъ, то стихотвореніе можетъ быть бѣдно и нисколько не интересно, но для когонибудь, хотя бы для одного человѣка оно оказывается прекраснымъ, и этому человѣку оно на мгновенье раскрываетъ все величіе, всю стройность и «божественность» мірозданія, — именно потому, что оно живетъ настоящей жизнью, единой, той, которой одухотворено все. Такое стихотвореніе должно было быть написано, его стоило написать. Ужасающее слово «крисиво», неизмѣнно оскорбляющее всѣхъ людей скольконибудь взыскательныхъ къ искусству тогда отпадаетъ. Не красиво, какъ не красивы трава или дерево, — не обязательно красиво во всякомъ случаѣ. Но все таки лучше всѣхъ бумажныхъ и шелковыхъ розъ, какими бы узорами онѣ бы раскрашены ни были, вѣдь въ поэзіи человѣкъ ищетъ корня, влаги, хочетъ приникнуть къ «последней сути вещей», и обманывать его сурогатами, обольщать его красотью долго не удастся. «Гвоздь, на который навѣшены разноцвѣтная тряпки», сказалъ Розановъ объ одномъ извѣстномъ поэтѣ. Всѣ усилія направлены къ тому, чтобы скрыть гвоздь, — и встрѣчаются люди, которые издали, мимоходомъ изумляются: какое бо-

гатство, какое изящество и разнообразіе! Но алчущимъ и жаждущимъ живого искусства разноцвѣтныхъ тряпокъ мало.

О поэзіи правильно утверждать, что она есть «творчество». И еще: «слова поэта суть дѣла его». Хотѣлось бы сказать, обращаясь къ молодымъ поэтамъ, — ибо къ кому же, кромѣ нихъ и стоитъ обращаться: подписывайте стихи ваши, какъ «ответственный работникъ» подписываетъ свои рѣшенія, и только тогда пускайте ихъ бродить по свѣту, когда вы искренно можете сказать себѣ, что это лучшія слова о лучшемъ, что въ васъ есть. Надо быть честнымъ въ искусствѣ и, повторяю, надо соблюдать эту «честность съ собой» хоть бы ради самого искусства, потому что поэзія выдуманная — всегда плохая, не «окончательная» поэзія. Есть другая причина, не менѣе очевидная и не менѣе важная: поэтъ не имѣетъ основаній прогивопоставлять себя обществу, онъ долженъ служить ему. Къ нему какъ и ко всякому человѣку примѣнима мѣрка «способности къ самопожертвованію», — той способности, которую по глубокому слову Достоевскаго единственно только и имѣруется личность. Но служба требуетъ повинности. Кому повиноваться? Не законодателямъ литературныхъ модъ, конечно, и не тѣмъ, которые ждутъ отъ поэта рифмованныхъ проповѣдей, хотя бы и въ полезнѣйшемъ направленіи. Только своему внутреннему гонимому, отъ всего освобожденному и независимому. Потому, если этого голоса нѣтъ, нельзя быть поэтомъ. Потому же, если голосъ есть, его величія, его музыку поэтъ ищетъ передать наиболѣе ч-

сто и правдиво, и бѣдна эта музыка или нѣтъ, поэтъ ни съ чѣмъ инымъ и сравнить ее не помыслить.

И тогда отвѣтственность становится не тяжела: боязнь ея означала бы отречение отъ себя и отъ своего дѣла.

3.

Обратимся еще разъ къ молодому поэту, «подозвемъ-ка его да разспросимъ»: понимаете ли вы, что уже много лѣтъ у поэзии есть одна только тема — смерть? И если понимаете, что думаете вы дѣлать въ дальнѣйшемъ?

Но собесѣдникъ нашъ вѣроятно удивится. Онъ, пожалуй заподозритъ насъ въ марксизмъ, и съ покорной скукой приготовится слушать разсужденія о восходящихъ классахъ, о вырожденіи буржуазіи и ея тревогъ за свою судьбу. Успокоимъ его и признаемъ, что все это вещи хотя сами по себѣ и интересныя, но къ поэзии имѣющія лишь случайное отношеніе. Останавливаться на нихъ долго не стоитъ. Марксизмъ въ теоріи искусства едва ли можетъ, но навѣрно поверхностенъ.

Рѣчь должна идти о другомъ: о той отравѣ, которая неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и губительнѣе, чѣмъ думаютъ, — потому что это сладчайшая отравка! — объ одурманивающемъ привкусѣ поэзии, объ ея христіаноподобной тональности безъ христіанскихъ обѣщаній и угѣшеній, о соблазнѣ и обманѣ ея. Ничего не искажая, можно этотъ соблазнъ назвать «романтическимъ». Но условимся не придавать этому слову его узкаго и торико-литературнаго значенія:

Кто разъ вкусилъ романтизма, тотъ забыть его уже не можетъ. Всегда будетъ слышаться ему голосъ, увлекающій, уводящій, зовущій — неизвѣстно куда и за чѣмъ. Къ идеалу? Случается, что люди этимъ словомъ удовлетворяются, однако не на долго. Но разумъ можетъ недоумѣвать и даже сопротивляться, сколько ему угодно. Чувство, пораженное въ самой основѣ своей, идетъ послушно, какъ будто «на голосъ невидимой пери», — и остается въ концѣ концовъ ни съ чѣмъ. На полдорогѣ проводникъ бросаетъ его, надежда исчезаетъ, призракъ цѣли разсѣивается, — и дальше идти некуда, а возвратиться уже невозможно. Это знаютъ или подозреваютъ всѣ люди подлинно-религіозные и потому они всегда къ искусству такъ враждебно-недоверчивы. Это же знаютъ по собственному горькому опыту и поэты. «Докатятся!» — угрожающе говорилъ Блокъ о своихъ собратьяхъ. Онъ могъ бы добавить: «отъ нихъ же первый есмь азъ». Сущность романтизма не столько въ неудовлетворенности существующимъ, сколько въ невозможности удовлетвориться ничѣмъ. Одна за другой разрываются пелены, и за послѣдней — полная пустота. Но голосъ еще нашептываетъ «дальше!», еще тончайшими, слабѣйшими полутонами звучать обманчивые «звукѣи небесъ», и поэту становится все скучнѣе и все страшнѣе, покуда онъ окончательно и не «докатится». Только въ этотъ мигъ видитъ онъ истину о своей участи, да и то не всегда, потому что «красоты» искусства, какъ павлиньи перья тогда то и распускаются во всю. Но если и видитъ — начать сначала

творчество и жизнь нѣтъ силъ, и слишкомъ поздно.

Не вся современная поэзія такъ коварна конечно. Не вся она романтична. Большой частью она даже брезгливо отказывается отъ эгого ярлыка. Для Гумилева, напримеръ, — да и не для него одного — слово «романтической» было браннымъ словомъ. Уныло — пронзительный тонъ вовсе не характеренъ для всѣхъ теперешнихъ стиховъ, какъ и вообще для теперешняго искусства. Наоборотъ, теперь много говорятъ о ясности, сухости, энергіи, бодрости, оптимизмѣ. Инстинктъ самосохраненія сказывается. Но, во первыхъ, не слѣдуетъ придавать большого значенія этимъ голословнымъ заявлениямъ и нѣтъ никакого основанія серьезно считаться съ теперешнимъ предвзято-положительнымъ, «мироутверждающимъ» творчествомъ: съ нимъ человечество скорее упадетъ въ дѣтство, чѣмъ помолодѣетъ. Во вторыхъ, — и это главное — отравя проникла всюду, даже туда, гдѣ о существованіи ея не подозрѣваютъ. Это съ убѣдительною силой вскрываетъ одно чисто — грамматическое обстоятельство: нерасположеніе поэтотъ къ настоящему времени. «Будетъ», часто всего «было», очень рѣдко «есть». То же отвлеченіе отъ жизни, только не всегда явное, робкое и безсознательное. «Не здѣсь сейчасъ хорошо, было хорошо тамъ». То же направленіе только окольными путями, — но въ тѣ же широкія, всѣмъ открытыя, «послѣднія» ворота, за которыми ничего нѣтъ. Не случайно воспоминаніе всегда изнурительно и грустно, порою съ примѣсяю какой то трудно объяснимой прелесть. И Пушкинъ не даромъ ска-

залъ о «холодномъ ключѣ забвенья» — о ключѣ смерти, — что «онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ». Забвеньемъ утолетъ воспоминаніе. Къ холодному ключу его и тянется наша поэзія, не называя большей частью его настоящаго имени.

Поэзія набрела на воспоминаніе вслѣпую, но разъ найдя его она волей — неволей съ нимъ сроднилась. Иногда она его замѣняетъ надеждой, — все равно, — въ ней нѣтъ настоящаго, жалкаго нѣтъ. Она въ воспоминанія о реальнѣйшихъ событіяхъ протаскиваетъ контрабандой ощущеніе нездѣшняго, и собственно только съ этомъ состоитъ неразложимое, романтическое очарованіе всевозможныхъ «дымокъ прошлаго». Поэзія не можетъ взять жизнь въ лобъ, она тѣмъ успешнѣе бережетъ ее обходомъ. «Сегодня», «сейчасъ» подлежатъ проверкѣ дѣйствительной данностью, они оказываются слишкомъ бѣдны, если противопоставить имъ «вчера» или «завтра» съ ихъ не поддающимся учету, ускользающимъ содержаніемъ. Поэзія положительная подорвана въ самомъ существѣ своемъ этой «любовницей абсѣтій». Припомните, что хотите, — вы это сразу почувствуете. Припомните, напримеръ, «Евгенія Онѣгина», Татьяну первыхъ главъ и Татьяну послѣднихъ. Въ литературномъ отношеніи весь романъ на одинаковомъ уровнѣ, начало ничуть не слабѣе конца, и нигдѣ Пушкину его мастерство не замѣняется. Но когда Татьяна появляется на петербургскомъ балу, рядомъ

Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы...

— человѣку почти что хочется плакать отъ нестерпимаго сіянья, « слова «блестящій», «ослѣпительный», въ этихъ строфахъ встрѣчающіяся приобрѣтаютъ почти реальное, физическое значеніе. Дѣло кажется въ томъ, что мы съ сожалѣніемъ узнавая въ Татьянѣ прежнюю «бѣдную Таню», добавляемъ къ ея образу черты, которыхъ въ дѣйствительности въ немъ не было, и показать которыхъ непосредственно, прямо, въ настоящемъ, а не въ прошедшемъ времени Пушкинъ не могъ. Но едва только накинудъ оны «дымку» на жизнь, какъ чудо совершилось. Здѣсь еще нѣтъ темы смерти конечно. Но она уже и сюда бросила свою тѣнь. Гдѣ то было лучше — гдѣ то было лучше. Не уйги ли, не поспѣшить ли, не полюбопытствовать ли?

Въ «Федонѣ» сказано: «тотъ, кто искренно приверженъ къ философіи, занимается однимъ только умираніемъ и смертью». Когда читаешь эти слова, кажется, что кто то изъ «тѣмы вѣковъ», надъ двумя тысячелѣтями протягиваетъ намъ руку и, правда, это хорошій отвѣтъ на всѣ призывы къ «немедленной бодрости», откуда бы они ни шли. Вѣдь можно свободно поставить знакъ равенства между платоновскимъ пониманіемъ философіи и поэзіей. Однако для Платона переходъ въ иной міръ былъ радостью, ибо его ждали тамъ чистыя идеи. Сократъ съ чашей яда въ рукахъ объ этой радости не стѣсняется говорить своимъ огорченнымъ ученикамъ. У насъ не то. Созерцанья идеи мы не ждемъ и «занимаемся умираніемъ» съ «нзакоторымъ смущеніемъ, съ тревогой, откуда и новіи тонъ нашъ, незнакомый Платону.

Конечно, возможенъ простой отвѣтъ: бросьте игру, она «не стоитъ свѣчъ», — бросьте поэзію, если она тайно ведетъ васъ къ смерти. Но это совѣтъ чисто теоретической. Игры поэты все равно не бросаютъ, — не хотятъ и не могутъ. Имъ скажутъ: пишите о другомъ, пишите иначе. Они процитируютъ Платона и про себя подумаютъ, что «о другомъ» поэзіи быть не можетъ.

Единственное, что дѣйствительно надо вспомнить здѣсь, единственное, что назвать какъ противоядіе, — любовь. Это слово можетъ увлечь насъ въ разсужденія очень расплывчатая. Будемъ поэтому коротки. Тема умиранія — не нова, она вѣчна, какъ и соблазнъ ея. Опасенъ этотъ соблазнъ становится тогда, когда въ борьбѣ «жара любви» и «холода забвенья» одолеваетъ холодъ, а — что же скрывать! — оны одолеваетъ все чаще и все большей словесной прелестью обволакивается. Поэтому скажемъ поэтамъ: пишите отъ любви, и «да уподобится сердце ваше костру». Я знаю, какъ смѣшно можетъ показаться сейчасъ такое обращеніе. Но что же дѣлать! Оно важнѣе всѣхъ литературныхъ или техническихъ пожеланій, оно касается всего существа искусства. Пишите отъ любви къ міру, къ жизни! Еще разъ, пусть способность къ самопожертвованію будетъ единственной мѣрой для васъ. Потомъ провѣряйте, взвѣщивайте, расчитывайте, обтачивайте, улучшайте, если хотите, — но не начинайте писать, если въ васъ нѣтъ любви, хотя бы послѣдняго, угасающаго отблеска ея. И тѣмъ болѣе не дѣлайте этого, что нельзя считать любовь неотъемле-

мымъ, само собой разумѣющимся признакомъ искусства, его единственнымъ очагомъ. Бываютъ художники и безъ любви, — иногда даже замѣчательные, гениальные. Но по существу и въ глубинѣ природы своей это «фальшивомонетчики», какъ сказано было о Вагнерѣ, величайшемъ и первомъ изъ нихъ. Поистинѣ лучше бы ихъ не было.

Въ совѣтской Россіи поэты видимому почувствовали кое что близкое этимъ темамъ. Но разрѣшили они свои сомнѣнія именно въ томъ смыслѣ, что «игра не стоитъ свѣчь» и игру они отгнѣнили. Они держатся на поверхности бытія, они благополучно плаваютъ, потому что утонуть имъ и вездѣ, слишкомъ мелко. Они лишили искусство его души и забыли оба полюса его. Имъ для вдохновенія съ избыткомъ хватаетъ Волховстрой или «весны республики». Все стало плоскимъ и однотоннымъ, за то «упадочный періодъ русской поэзіи» оказался безпрелютственно ликвидированнымъ... Но на фонѣ этихъ механическихъ дифирамбовъ смерть будто «звѣзда въ вечернемъ небосклонѣ» стала еще таинственнѣе и неотразимѣе и увь, почти невозможно сомнѣваться, что она еще споетъ въ Россіи свои гимны, оберечь отъ которыхъ русскія души никакіе Волховстрои будутъ не въ силахъ.

4

Если бы человѣкъ, вѣрящій въ реальное существованіе злой силы въ мірѣ, задумался о судьбахъ европейскаго или хотя бы только русскаго искусства, въ сознаніи его само собой сложилась бы фор-

мула, которая сущность этихъ судьбъ выражаетъ. Онъ могъ бы говорить о «торжествѣ дьявола». Оставимъ здѣсь это теологическое понятіе исключительно въ служебныхъ цѣляхъ, для ясности, — никому ничего не навязывая гъ стать о литературѣ: ни вѣры, ни безвѣрія. Оно поможетъ намъ избѣгать многословія, ибо всѣ знаютъ, какія стремленія символизируются въ образѣ дьявола и всѣ привычно связываютъ съ его именемъ начала уничтоженія, лжи и одиночества.

По русски даже лучше сказать не «дьяволъ», а «демонъ», потому что за этимъ словомъ встаетъ для насъ Лермонтовъ и дальше — стихотвореніе Блока, и врубелевскій образъ, быть можетъ и несовершенный живописно, но знаю, но все таки незабываемый:

.....въ закатномъ пожарѣ
Въ разливѣ снѣжающихъ крылъ.

Демонъ, распростертый на кавказскихъ скалахъ, печальный, несчастный и мстительный, ничего Богу не простившій, ни съ чѣмъ не примирившійся: обидя и безплодъ. И отъ безысходнаго молчанія, отъ недобрыхъ сновъ — начало какихъ то мыслей, которыя Творцу какъ будто и въ голову не пришли, и которыя онъ, демонъ, пошлетъ въ мірѣ для пустого и неодолимаго соблазна.

Уже давно стало очевидно, что въ искусствѣ люди наиболѣе талантливые, «Божьи дѣти», — употребляютъ опять условное выраженіе, — не достигаютъ наибольшаго. Наоборотъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ они все дальше отходятъ на задній планъ, и притомъ вовсе не по какой либо несправед-

живости, а потому что действительно они безоружны передъ тѣми, другими, менѣе одаренными. Долгія думы демона, иронія надъ сотвореннымъ, несбыточныя и холодныя мечты о другомъ, своемъ твореніи ихъ застали неподготовленными, и эту «трещину» въ мірѣ они оказались безсилны задрать. Талантъ оглупѣлъ, ослѣпъ и слѣпнетъ все больше. Кому кажется неотчетливымъ то, что я подразумѣваю здѣсь подъ словомъ «талантъ», и кто скажетъ, что дарованіе измѣряется правильнѣе всего размѣрами совершеннаго, — тому можно предложить другую формулу, въ дополненіе къ первой: Моцартъ и Сальери. Моцарты все труднѣе за Сальери поспѣваютъ, все безнадежнѣе тускнѣютъ въ сосѣдствѣ съ ними, уступая имъ мѣсто и первенство. Моцарты отъ своей даровитости, отъ легкости, съ которой имъ все дается, отъ довѣрчивости, отъ безотчетной благодарности, переполняющей ихъ души, что то въ мірѣ проглядѣли, не замѣтили, считая, что и нечего замѣчать. Сальери же въ своей грусти, въ горестномъ сведеніи счетовъ съ природой, по темнымъ своимъ угламъ додумались и почувствовались до «новаго трепета», — слова Гюго о Бодлерѣ, — и этимъ новымъ трепетомъ отравили остальное бытіе, сдѣлали прѣснымъ все, гдѣ его нѣтъ. О Моцартахъ часто говорятъ пустыми уклончивыми словами: улыбочивость, ясность, безпечность, мудрость будто бы противоположная разуму, мгновенное постиженіе всѣхъ тайнъ... Не спорю: все это возможно въ предположеніи. Но окаменѣлая улыбочивость, неизмѣнная во всѣхъ обстоятель-

ствахъ жизни безпечность нѣтъ, да и наводитъ на сомнѣніе: что кроется за ней? Это не пресыщеніе, не *taedium vitae* говорить въ насъ: дѣйствительно Сальери стали значительнѣе и богаче Моцартовъ, и Богъ, посылая въ мірѣ своихъ дѣтей, «солнечныхъ поэтовъ», какъ будто посылаетъ ихъ только по инерціи, давно уже не присматриваясь къ міру, не разобравъ, что въ мірѣ произошло, и давно уже онъ ошибается въ расчетахъ. Солнечныхъ, добрыхъ, прямыхъ, порывистыхъ, легко взлетающихъ, первобытно и примитивно вдохновенныхъ поэтовъ никто не слушаетъ больше, — во всякомъ случаѣ не слушаютъ ихъ тѣ, кто подлинно умѣетъ и хочетъ слушать, лучшая аудиторія міра. Аудиторія эта насторожилась слушаетъ другихъ.

Мнѣ сейчасъ пришлось вспомнить Гюго и Бодлера. Нельзя же сомнѣваться, что Гюго былъ неизмѣримо «талантливѣе» Бодлера, въ томъ простомъ и прямомъ смыслѣ, что природа неизмѣримо щедрѣе наградила его всяческими дарами. Но такъ же несомнѣнно и то, что Бодлеръ «затмилъ» Гюго. Разумѣется, если спросить «обывателя», онъ отвѣтитъ, что Гюго знаменитѣе и замѣчательнѣе. Въ ширину дѣйствительно его влияніе распространилось гораздо дальше, но въ глубь не проникло. Да и нечему проникать. Эти великолѣпные, насквозь свѣтшіеся свѣтомъ стихи пролетѣли, пронесли, ничего не задѣвъ. Ихъ мы и до сихъ поръ читаемъ съ наслажденіемъ, — но, если можно такъ выразиться, съ безразличнымъ и безрезультатнымъ наслажденіемъ, и слово «поэзія» для насъ все таки больше и слож-

нѣ ихъ. Такихъ примѣровъ много. Изъ русскихъ стихотворцевъ послѣднихъ трехъ - четырехъ десятилѣтій Иннокентій Анненскій въ замкнутомъ кругу людей, считающихъ поэзію своимъ главнымъ занятіемъ, или главной привязанностью, — едва ли не самое дорогое имя, можетъ быть даже дороже Блока. Это имя еще не дошло до «широкой публики», однако всѣ люди, освѣдомленные въ литературныхъ дѣлахъ, знаютъ какое его окружаетъ благоговѣніе. Но Анненскій — «безгласный соловей». Поклонники его знаютъ это, и чувствуютъ конечно всю его сальтеричность, — которую онъ самъ повидимому такъ тяготился, не предвидя, что она то и обернется залогомъ его прелести. Въ стихи Анненскаго, благодаря ихъ медленному и мучительному возникновению, успѣло «что то» попасть, — и мы это «что то» не можемъ уже забыть, развѣ ощутивъ его. Анненскій между двумя тонами жизни уловилъ какой то третій промежуточный тонъ, тоже своего рода «ловый трепеть». Онъ завидовалъ пѣвчей силѣ другихъ, а этихъ другихъ именно ихъ пѣвчая сила и предала. Да что! Самъ Пушкинъ, этотъ истинный и счастливый Моцартъ, не безъ колебаній отстаивалъ свое мѣсто въ еще не написанной, но единственно живой «исторіи русской лирики», — въ устномъ преданіи, — передъ несомнѣннымъ Сальери — Боратынскимъ. Преданіе и вѣрные доузы Пушкина иногда бываютъ еще и до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ смущены. По сраженію съ Боратынскимъ Пушкинъ естественнѣе чуть - чуть «скользигъ», еле ощущимо, едва замѣтно. Но это еще

спорно. Во всякомъ случаѣ Пушкинъ есть единственный примѣръ непобѣжденного, непомятого моцартианства. У «божественнаго» Пушкина трудно учиться, но удивляться ему мы не перестанемъ никогда.

Побѣда демона, торжество Сальери привели къ послѣдствіямъ, которыя далеко выходятъ за предѣлы эстетики. Поэзія въ лучшихъ и глубочайшихъ своихъ созданіяхъ теперь искажаетъ міръ, какъ бы клеветаетъ на него, и Гьго долженъ былъ бы сказать Бодлеру: не то вы всѣ пишете, не о томъ, не такъ; міръ добрѣе, свѣтлѣе, легче и проще; корень трагизма въ васъ самихъ, и намъ кажется, что міръ гибнетъ потому только, что гибнетъ вы сами, отъ вашего предмѣрнаго одиночества, отъ неисцѣляемаго демонскаго унынія... Но воображаемый Гьго молчитъ. Изрѣдка лишь онъ раздраженно пожимаетъ плечами, боимочетъ что то невнятное о здоровомъ смыслѣ, увѣряетъ, что всѣ вѣдутъ посподити съ ума, и вообще, при основной своей первоуродной правотѣ, упрямо остается поверхностно - плоскимъ, и предавать свое дѣло. Не удивительно, что тѣ побѣждаютъ.

И вотъ что можетъ быть есть «единое на потребу» современной поэзіи, — и что включаетъ и даже разрѣшаетъ въ себѣ все остальное: надо бы попытаться вернуть низложеннымъ моцартамъ ихъ царство, и для этого надо, чтобы они вспомнили тайну «власти надъ душами». Мало имѣть талантъ. Какъ это ни странно, произошло на землѣ нѣчто такое, отчего талантъ сталъ не только благодатью и помощью для поэтовъ, но сдѣлался и помѣхой

ему, препятствием. Надо препятствие преодолеть. Сальерические поэты не вели борьбы сь моцартами, они заняли пустое мѣсто. Они мѣсто уступаютъ, да невозможно сь ихъ стороны сопротивленіе. Но надо, чтобы моцарты прислушались и поняли новую «музыку міра», ощутили бы духовный уровень, котораго достигъ сальеризмъ. Однимъ словомъ надо, чтобы божьи дѣти не были ничтожище дьявольскихъ.

Пока этого не произойдетъ, поэзія не перестанетъ распространять по свѣту противно-творческая — въ подлинномъ смыслѣ

слова — начала, часто противъ своей воли и сознанія, исключительно въ силу своей изначальной природы, оскорбленной и тоскующей. Смерть будетъ въ искусствѣ одолевать любовь — во всемъ своемъ «леденящемъ очарованіи», въ «разливѣ синюющихъ крыль». И только близорукость или равнодушіе позволяютъ попрежнему, какъ ни въ чемъ ни бывало утверждать, что поэзія и въ наши дни имѣетъ просвѣтительное, общественное, культурное, воспитательное или какое угодно другое положительное значеніе.

Георгій Адамовичъ.

Двѣ утраты.

М. М. Богословскій и А. Е. Прѣсняковъ.

Двѣ тяжелыя утраты понесла въ недавнее время русская историческая наука. Умеръ московскій историкъ М. М. Богословскій. Не стало петроградскаго историка А. Е. Прѣснякова. Богословскій былъ старше Прѣснякова приблизительно лѣтъ на десять. Но оба они скончались безвременно. Отъ обоихъ можно еще было ожидать новыхъ значительныхъ трудовъ въ области ихъ специальныхъ научныхъ интересовъ. И тѣмъ чувствительнѣе эти двѣ утраты для всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ близко къ сердцу судьбы русской исторической науки.

Однако, и то, что уже было совершено двумя названными учеными, представляетъ столь значительную научную цѣнность, что имена ихъ останутся навсегда

закрѣпленными въ лѣтописяхъ русской исторической науки. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы попытаемся очертить значеніе оставленнаго ими научно-литературнаго наслѣдія.

Первымъ печатнымъ крупнымъ научнымъ трудомъ М. М. Богословскаго явилась его магистерская диссертація: «Областная реформа Петра Великаго». Эта большая работа, основанная на многочисленномъ архивномъ матеріалѣ, сразу обнаружила въ молодомъ историкѣ яркій и сильный изслѣдовательскій талантъ. Научно-литературный первенецъ Богословскаго представилъ собою, — въ общему согласному признанію, — весьма цѣнный вкладъ въ специальную литературу по изученію Петровской административной реформы. Старыя сочиненія, каса-

ция этого предмета, основывались исключительно на печатномъ законодательномъ матеріалѣ, извлекаемомъ изъ Полнаго Собранія Законовъ. Но по этому матеріалу можно было судить лишь о намѣреніяхъ и планахъ Преобразователя, и оставался совершенно неосвѣщеннымъ вопросъ о томъ, въ какой степени и въ какихъ формахъ эти намѣренія и планы осуществлялись въ жизненной практикѣ и къ какимъ результатамъ приводило ихъ примѣненіе. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» впервые зачерпнулъ изъ архивнаго бумажнаго моря изрядную пригоршню фактовъ, рисующихъ фактическое состояніе мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ. Но сообразно общему построению монументальнаго труда Соловьева эти факты были вставлены историкомъ тамъ и сямъ въ общее теченіе повѣствовательнаго разсказа и систематическое изслѣдованіе соответствующихъ вопросовъ все еще оставалось дѣломъ будущаго.

Первый опытъ такого изслѣдованія былъ предпринятъ проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ, который въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ минушаго столѣтія занималъ въ Московскомъ университетѣ катедру исторіи русскаго права. Однако, Мрочекъ-Дроздовскій совсѣмъ не справился со своей задачей. На скорую руку надергавъ кое-какой матеріалъ изъ архивныхъ документовъ, онъ очень поверхностно отнесся къ изученію содержанія этого матеріала и допустилъ немало грубыхъ ошибокъ при его истолкованіи. На страницахъ книги Мрочка-Дроздовскаго передъ читате-

лемъ мелькаютъ разные ландграфты, ландрихтеры, коменданты, комиссары и другіе учрежденные при Петрѣ В. органы управленія, но никакой связной и ясной картины установленной тогда системы мѣстнаго управленія книга не давала и даже наоборотъ, вслѣдствіе допущенныхъ авторомъ ошибокъ, вносила не малую путаницу въ существо вопроса.

Въ началѣ 90-хъ г. г. минушаго столѣтія появилось капитальное изслѣдованіе П. Н. Милюкова: «Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Вел.». Появленіе этого труда составило, можно сказать, цѣлое событіе въ исторіи изученія Петровской реформы. Авторъ придавъ развитію своей темы такую широкую постановку, и охватилъ своимъ изслѣдованіемъ такую колоссальную массу совершенно новаго матеріала, впервые извлеченнаго изъ архивныхъ цѣдръ, что его книга пролила обильный свѣтъ не только на явленія, прямо связанныя съ положеніемъ государственныхъ финансовъ въ эпоху Петра В., но и на цѣлый рядъ другихъ сторонъ государственной жизни Россіи въ первой четверти XVIII ст. Въ частности П. Н. Милюковымъ былъ сдѣланъ крупный шагъ впередъ и въ изученіи административныхъ преобразованій Петра Вел. Впервые на остроумно подобранномъ архивномъ матеріалѣ была разъяснена генетическая связь установленнаго Петромъ В. губернскаго административнаго дѣленія съ прецедентами конца XVII ст., впервые, опять таки на основаніи анализа совершенно новаго матеріала, было съ полной отчетливостью рас-

крыто военно-финансовое назначение того устройства местного управления, которое было установлено Петромъ въ первую половину его царствования въ прямой связи съ происходившей тогда «великой сѣверной войной». Вместе съ тѣмъ, авторъ съ необычайной яркостью подчеркивалъ отсутствие планомерной систематичности въ преобразовательныхъ дѣйствіяхъ Петра за этотъ періодъ его царствования. Согласно характеристикъ П. Н. Милюкова, не какія либо теоретическія предпосылки лежали въ основѣ реформъ Петра, но лишь практическая необходимость немедленно удовлетворить ту или иную острую нужду, выдвигаемую текущими событиями, побуждала Петра съ лихорадочною поспѣшностью изобрѣтать соответственное мѣропріятіе, цѣпляясь за первую подвернувшуюся мысль, за первый подвернувшійся образецъ. Однако, устанавливая такую характеристику, авторъ не менѣе отчетливо выяснилъ связь административныхъ нововведеній Петра В. съ одной стороны съ предшествующей эволюціей русскаго административнаго строя, а съ другой стороны — съ иноземными, преимущественно шведскими образцами.

Теперь въ значительной мѣрѣ была расчищена почва для дальнейшихъ изысканій по изученію местного управления при Петрѣ Вел. На этотъ-то путь и вступилъ М. М. Богословскій на первыхъ порахъ своей изслѣдовательской дѣятельности.

И его первая книга представила собой новое крупное достиженіе въ дѣлѣ изученія реформъ Петра Великаго.

Извѣстно, что Петръ дважды перестраивалъ административную организацію Россіи. Первая перестройка была имъ произведена подъ громъ великой сѣверной войны и въ прямой связи съ выдвигавшимися войной потребностями. Эта-то первая административная реформа Петра В. и была подробно изучена и разъяснена въ трудѣ П. Н. Милюкова. Но по мѣрѣ того, какъ война подходила къ концу, Петръ принимался за новую реорганизацію административнаго строя. П. Н. Милюковъ коснулся и этого момента и ввелъ въ свою книгу очень цѣнную главу по исторіи учрежденія коллегій. Но произведеннымъ тогда Петромъ преобразованиямъ въ области местного управления П. Н. Милюковъ удѣлил гораздо меньше вниманія, ибо онъ вообще касался исторіи администраціи лишь постольку, поскольку ему это было нужно для его специальной задачи изученія государственнаго хозяйства. Между тѣмъ за 1719 - 1725 годы Петръ совершенно заново перестроилъ систему местного управления, отправляясь отъ иныхъ началъ сравнительно съ губернской реформой 1708 г.

Эту-то вторую Петровскую реформу местного управления Богословскій и избралъ предметомъ своего specialнаго изученія.

Онъ выполнилъ эту задачу съ большимъ блескомъ. Главнѣйшіе научные результаты его работы состоятъ въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, Богословскій съ талантомъ выдвинулъ и изслѣдовалъ идеологическое содержаніе изученной имъ административной реформы Петра. П. Н. Милюковъ такъ ярко освѣтилъ чисто казуи-

стическій характеръ преобразовательныхъ мѣропріятій Петра въ періодъ Сѣверной войны, что многие читатели его книги, — думается, вопреки намѣреніямъ автора, — распространили эту характеристику на всю вообще преобразовательную дѣятельность Петра. Прекраснымъ коррективомъ въ этомъ отношеніи и послужила книга Богословскаго. Путемъ анализа изданныхъ Петромъ инструкцій губернаторамъ, воеводамъ и земскимъ комиссарамъ Богословскій показалъ, что всѣ эти инструкціи должны разсматриваться, какъ манифесты на русской почвѣ и вся вообще эта реформа явилась опытомъ осуществленія теоретическаго планомѣрнаго заданія, которое состояло въ томъ, чтобы возвести Россію на степені такъ назыв. «регулярнаго государства» сообразно съ основами западно-европейской «полцейской монархіи».

Во-вторыхъ, Богословскій подробно изучилъ документы текущаго дѣлопроизводства областныхъ учреждений конца Петровскаго царствованія и это изученіе дало ему возможность не только обрисовать тогдашнюю практику мѣстнаго управленія, но и внести существенныя поправки въ распространенное ранѣе пониманіе нѣкоторыхъ дѣйствовавшихъ тогда институтовъ. Тамъ онъ окончательно выяснилъ, что «земскаго комиссара», который стоялъ тогда во главѣ управленія уѣздомъ и являлся такимъ же органомъ, коронкой администраціи по назначенію, какими были и губернаторъ и воевода въ провинціи, — надо отличать отъ «комиссара отъ земли», который избирался мѣстнымъ уѣзднымъ дво-

рянскимъ обществомъ, но только для сбора подушной подати подъ руководствомъ мѣстнаго полковаго начальства и въ подчиненіи послѣднему. Раньше этихъ двухъ комиссаровъ нѣрѣдко смѣшивали и полагали, что уѣздъ управлялся выборнымъ представителемъ мѣстнаго дворянства, что являлось противорѣчіемъ бы основамъ системы просвѣщеннаго абсолютизма.

Вообще съ появленіемъ книги Богословскаго изученіе мѣстнаго управленія при Петрѣ Вел. могло быть признано почти исчерпаннымъ. Замѣтимъ также, что уже въ этомъ первомъ своемъ трудѣ Богословскій блеснулъ и литературнымъ дарованіемъ. Свои очень спеціальныя изысканія онъ облечь въ прекрасную литературную форму, вслѣдствіе чего его книга можетъ быть съ удовольствіемъ прочитана каждымъ образованнымъ человекомъ.

Вскорѣ вслѣдъ за этой книгой въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» появился очень важный этюдъ Богословскаго о Петровскихъ «ландратахъ», — этой неудавшейся попыткѣ Петра В. ввести въ систему мѣстныхъ учреждений по примѣру Швеціи выборныхъ представителей отъ дворянства. То было еще въ первой половинѣ царствованія Петра. Ландраты скоро были отмѣнены Петромъ. Ихъ не изъ кого было выбирать. Дворянство почти поголовно было отвлечено отъ мѣстнаго управленія службой въ арміи. Богословскій, собравъ обильный архивный матеріалъ о ландратахъ, доказалъ, что ландраты за все краткое время своего существованія вообще ни разу не были из-

браны мѣстными дворянскими обществами, а служили по назначенію въ нарасномъ ожиданіи того момента, когда наконецъ дѣлается организовать выборы.

Загѣмъ, Богословскій перенесъ свою изслѣдательскую работу на другое поле. Въ бывшемъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранилось безчисленное множество столовъ и тетрадей, представляющихъ собою дѣлопроизводство приказа «Устюжскія четверти» — учрежденія, которое вѣдало управленіемъ сѣвера Европейской Россіи (такъ назыв. «Поморья») въ XVI - XVII ст. Богословскій и погрузился на длинный рядъ лѣтъ въ эту бумажную пучину съ цѣлью слѣпить изъ всей этой массы отрывочныхъ документальныхъ данныхъ стройную картину земскаго самоуправления на русскомъ Сѣверѣ въ XVII ст.

Задача была въ высшей степени заманчива и въ методологическомъ отношеніи и по самому существу встававшихъ передъ изслѣдователемъ вопросовъ.

Если въ первой своей работѣ Богословскій имѣлъ дѣло съ подобранными архивными фондами отдѣльныхъ учреждений, то теперь онъ имѣлъ передъ собою въ сущности колоссальную безформенную гору документовъ, изъ которыхъ каждый отражалъ на себѣ какой либо отрывочный фактъ мѣстной жизни того или иного населеннаго пункта обширнаго Поморскаго края (территорія котораго соответствовала пространству позднѣйшихъ губерній Вологодской, Архангельской и Олонецкой). Нужно было обладать большимъ опытомъ въ архивной работѣ и сильными коз-

бинационными способностями, чтобы разобраться во всей этой гудѣ и слѣпить изъ безчисленнаго множества кусочковъ законченную мозаичную картину внутренней жизни Поморскаго края въ ту эпоху. Богословскій выполнялъ эту задачу превосходно. И картина, имъ воссозданная, полна глубокаго интереса не только съ узко-спеціальной точки зрѣнія, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Ближайшей своей задачей Богословскій поставилъ изслѣдовать земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII ст. И ему удалось воссоздать по документамъ глубоко-поучительныя картины устроительства и дѣятельности многообразныхъ земскихъ міровъ, изъ которыхъ слагалась общественная жизнь этого обширнаго края. Познакомиться съ книгой Богословскаго мы усердно рекомендуемъ всякому, кто продолжаетъ придерживаться стараго шаблоннаго взгляда на русскій народъ, какъ на такой народъ, который якобы никогда не обнаруживаетъ способности къ широкой общественной самодѣятельности.

Какъ часто этотъ шаблонный предразсудокъ повторяется съ чужого голоса только потому, что многие «образованные» русскіе люди просто на просто очень плохо знаютъ историческое прошлое своей родины. Книга Богословскаго могла бы навести такихъ людей на совершенно новыя и весьма поучительныя мысли и соображенія. Талантливое перо крупнаго историка развертываетъ здѣсь передъ нами картину широкаго общественнаго почина по установленію разнообразнѣйшихъ формъ мірскаго самоуправления на фонѣ сложнаго сдѣшенія съ-

ціальныхъ отношеній. Въ то же время, изслѣдуя размѣщеніе населенія по этому краю и распространеніе въ немъ хозяйственнаго и культурнаго, историкъ бросаетъ яркій свѣтъ на тѣ колонизаціонныя процессы, въ силу которыхъ этотъ столь долго совершенно дикій край былъ превращенъ колонизаторскимъ гениемъ великорусской народности въ арену энергичнаго хозяйственнаго творчества.

Это двухтомное изслѣдованіе Богословскаго: «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII ст.» является, такимъ образомъ, высокоцѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку.

На исходѣ десятихъ годовъ XX ст. Богословскій приступилъ къ новому обширному труду. Онъ задумалъ составить научно-критическую біографію Петра В. и мечталъ возстановить всю жизнь Преобразователя по возможности изо дня въ день, если не изъ часа въ часъ. Въ печати появился рядъ этюдовъ, представляющихъ собою отдѣльныя части этой широко задуманной работы. По этимъ этюдамъ видно, въ какія детальныя изслѣдованія по новому архивнымъ даннымъ вдавался Богословскій, освѣщая различныя спорныя, либо еще совсѣмъ не затронутыя вопросы изъ исторіи Петра В. Нѣкоторые изъ этихъ этюдовъ восполнили важныя пробѣлы въ нашихъ прежнихъ свѣдѣніяхъ. Таковы, напр., очерки по реорганизации городского управленія на рубежѣ XVII и XVIII в. (Ратуша и земскіе бурмистры) или по исторіи ликвидаціи боярской думы въ первые годы царствованія Петра и т. д.

Въ самомъ разгарѣ работъ Богословскаго надъ біографіей Петра неожиданный приступъ грудной жабы въ нѣсколько дней сокрушилъ его организмъ и столь богатая содержаніемъ и плодотворная для русской науки жизнь безвременно оборвалась.

Мнѣ довелось пройти съ нимъ рука объ руку большую часть нашего ученаго поприща. Мы не сходились въ нашихъ политическихъ взглядахъ (онъ примыкалъ къ «октябристамъ»), но это нисколько не мѣшало нашей дружбѣ. Талантливость, какъ бы сказать, сочилась изъ всѣхъ поръ его духовнаго существа и близкое общеніе съ нимъ было пріятно и отраднo.

И Александръ Евгеньевичъ Прѣсняковъ своими научными трудами провелъ не малую борозду на полѣ русской исторической науки. Основныя его работы, создавшія ему авторитетное положеніе въ средѣ русскихъ историковъ, относятся къ начальному періоду русской исторіи и къ эпохѣ возникновенія Московскаго государства. Его магистерская диссертация — «Княжое право въ древней Руси» — слагается изъ двухъ частей. Въ первой части подвергнуть пересмотру старый вопросъ нашей исторіографіи: — о порядкѣ междукняжескихъ соотношеній на Руси XI - XII в. в. Нѣкогда Эверсъ, Соловьевъ и Кавелинъ установили теорію, согласно которой русскіе князья въ XI - XII стол. разсаживались по отдѣльнымъ княжествамъ и послѣдовательно переходили со стола на столъ на основаніи расчета степени физическаго старшинства

каждаго изъ этихъ членовъ еди-наго рода Юриковичей. Такъ, установившаяся на Руси въ XI-XII ст. своеобразная федерація княжествъ разматривалась, какъ естественный продуктъ родового быта. Позднѣе Сергѣевичъ въ своей книгѣ — «Вѣче и князь» — на-чисто отвергъ эту теорію и старался показать, что счеты ро-дового старшинства были не при-чемъ въ опредѣленіи политиче-скихъ взаимоотношеній древне-русскихъ князей, а опредѣлялись эти отношенія индивидуальными договорными соглашениями меж-ду князьями на основѣ принци-па: «ратъ стоитъ до мира, а миръ до рати». Ключевскій въ своемъ курсѣ перевелъ вопросъ на но-вую почву. Не отрицая наличия родовыхъ счетовъ между князья-ми, на которые есть прямая ука-зана въ повѣствованіи лѣтопис-цевъ, Ключевскій показывалъ, что эти родовые междукняжескіе сче-ты скоро превратились лишь въ условную внѣшнюю форму, ко-торой прикрывался совсѣмъ дру-гой порядокъ отношеній, а имен-но — сравнительная расцѣпка от-дѣльныхъ областей тогдашней Руси по степени ихъ экономиче-скаго значенія. Прѣсняковъ въ своей книгѣ разошелся со всѣми своими предшественниками. Не принимая сложнаго построенія Ключевскаго, онъ возвращалъ во-просъ опять къ болѣе узкимъ рамкамъ, желая вывести объяс-неніе возникшей въ приднѣпро-вской Руси XI - XII ст. системы княжествъ исключительно изъ се-мейныхъ междукняжескихъ соот-ношеній. Но при этомъ, въ отличіе отъ Соловьева, Прѣсняковъ утверждалъ, что въ основѣ на-слѣдованія княжескихъ столовъ

вовсе не лежали принципы родо-вого союза съ переходомъ стола по боковой линіи, — отъ брата къ брату, а происходило распре-дѣленіе столовъ между князьями на основаніи «общеславянскаго» — по мнѣнію Прѣснякова, се-мейнаго, а не родового принципа: — раздѣла наслѣдства поровну между сонаслѣдниками по нисхо-дящей, а не по боковой линіи. Исходя изъ этого положенія, Прѣсняковъ и перестраиваетъ всю начертанную Соловьевымъ кар-тину междукняжескихъ отноше-ній. Однако, — думается мнѣ, — эта произведенная имъ перест-ройка, какъ ни интересна сама по себѣ, все же не устраняетъ зна-ченія ни тѣхъ лѣтописныхъ фор-мулъ о родовомъ старшинствѣ, на которыхъ основывался Со-ловьевъ, ни тѣхъ экономическихъ связей между областями, карти-ну которыхъ нарисовалъ Ключев-скій и которая служила матери-альной базой для поддержанія формальнаго единства княжеска-го рода, пока съ общимъ пере-мѣщеніемъ мировыхъ торговыхъ путей не заглохъ и торговый Днѣ-провскій путь, связывавшій въ единую систему всѣ области, при-мыкавшія къ бассейну Днѣпра и его притоковъ.

Вторая часть книги «Княжое право» посвящена очерку внут-ренняго политическаго и социаль-наго строя приднѣпровскихъ кня-жествъ XI - XII ст. Здѣсь нахо-димъ рядъ очень важныхъ из-слѣдованій относительно отдѣль-ныхъ институтовъ, съ которыми всегда будутъ считаться специа-листы. Всѣ эти изслѣдованія на-ниваются на руководящее стре-мленіе автора установить близкую аналогію между изучаемымъ имъ

княжеско - дружиннымъ строемъ русскихъ княжествъ XI - XII ст. и строемъ западно-европейскихъ государствъ эпохи «варварскихъ правдъ». И при этомъ авторъ старается показать, что при образовании этого строя единственнымъ подлиннымъ правотворческимъ началомъ была княжеская власть. Признавая большую научную цѣнность выдвинутыхъ Прѣсняковымъ истолкованій отдельныхъ институтовъ, нельзя все же не замѣтить, что на самомъ дѣлѣ весь этотъ строй покоился на дуализмѣ княжеской законодательной власти и народного обычая и, только исходя отъ такого дуализма, можно подыскачь вѣрный ключъ къ загадкамъ своеобразной государственной организации русскихъ княжествъ той эпохи.

Еще болѣе важное значеніе всѣмъ было признано за второй — докторской — диссертацией Прѣснякова: «Образование великорусскаго государства». Здѣсь онъ выступилъ прекраснымъ знатокомъ русскихъ лѣтописей и разнаго рода грамотъ эпохи возникновения Московскаго государства. Процессъ политическаго объединения сѣверо-восточной Руси получилъ подъ перомъ Прѣснякова новое освѣщеніе сравнительно со взглядами, укоренившимися въ предшествующей литературѣ. Въ этой литературѣ очень много писалось о томъ, что московскіе князья-собиратели долгое время руководились въ своей собирательной дѣятельности не столько національно - государственными стремленіями, сколько приобретательскими выгодами хозяевъ-вотчинниковъ. Всѣ князья удѣльной эпохи были не столько государя-

ми, сколько хозяевами - вотчинниками.

Этотъ взглядъ рѣзко былъ выдвинутъ Чичеринымъ, который хотѣлъ примѣнить къ княжескимъ удѣльной эпохи гегельянское понятіе «гражданскаго общества», какъ неизбежной переходной ступени отъ родового быта къ быту государственному. Затѣмъ Соловьевъ и Ключевскій, — уже независимо отъ гегельянской схемы, — хотя и признали наличие государственныхъ элементовъ въ постановкѣ власти русскихъ сѣверовосточныхъ князей XIII - XIV стол., но при этомъ съ такой яркостью выставили на первый планъ частно - хозяйственную сторону ихъ дѣятельности, что государственная природа ихъ владѣнія оказывалась въ высшей степени затушеванной. А въ связи съ этимъ политическое собираніе сѣверовосточной Руси рисовалось такъ, что московскіе князья, подобно всѣмъ другимъ князьямъ той эпохи, оказывались просто вотчинниками - скопидомами. Всѣ заботились лишь о расширеніи своихъ владѣній, каждый только строилъ свой «удѣлъ» и больше ничего. Но, — въ силу ряда обстоятельствъ — московскіе князья на попрощѣ такихъ приобретений достигали неизмѣримо большихъ успѣховъ, нежели ихъ соперники и уже только съ теченіемъ времени, когда въ ихъ рукахъ фактически скопилось обладаніе болѣею частью Великокороссіи, они осознали національно - государственное значеніе выполняемаго ими собиранія Руси, чему немало способствовало также и объединеніе Руси подъ водительствомъ Москвы въ борьбѣ съ татарами. — «Не въ денежномъ

мышль Ивана Калиты зародилось национальное объединение с северо-восточной Руси, а на Куликовом полѣ», — говаривалъ Ключевскій.

Прежней схемѣ Прѣснякова противопоставилъ новый пересмотръ фактовъ, относящихся къ исторіи образованія Московскаго государства. Согласно его изображенію въ основѣ соперничества Москвы, Суздаля, Твери, Рязани и т. д. лежало сознательное устремленіе къ политическому объединенію с северо-восточной Руси, къ созданію сплоченнаго національнаго государства. Борюлись нѣсколько плановъ такого объединенія. То былъ процессъ отысканія наиболее жизнеспособнаго объединительнаго центра, а не простое соперничество въ приобрѣтательскихъ стремленіяхъ князей — вотчинниковъ.

Конечно, наблюденія и соображенія Прѣснякова могутъ быть подвергаемы критикѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но нельзя не признать, что выдвинутая имъ постановка вопроса давала серьезный толчокъ для пересмотра нѣкоторыхъ общепринятыхъ положеній, вызывая тѣмъ движеніе научной мысли.

Въ этихъ двухъ крупныхъ работахъ состоитъ основной вкладъ А. Е. Прѣснякова въ научную разработку русской исторіи. Въ послѣдніе годы онъ писалъ немало по новѣйшей исторіи Россіи. Но въ этой области онъ являлся не самостоятельнымъ изслѣдователемъ, а популяризаторомъ, нѣсколько тяжеловѣснымъ и не всегда свободнымъ отъ такихъ фразъ, которыми онъ платилъ дань обязательной теперь въ СССР казенной идеологіи. Впрочемъ, надо признать, что въ этомъ отношеніи онъ старался держаться въ возможно болѣе скромныхъ предѣлахъ, не идя дальше кое-какихъ бѣглыхъ стилистическихъ инкрустаций и не поступааясь своимъ существомъ дѣла въ изложеніи затрагиваемыхъ имъ вопросовъ.

Имена Богословскаго и Прѣснякова не забудутся въ исторіи русской исторической науки и всѣ, работающіе на поприщѣ изученія русской исторіи, всегда будутъ цѣнить научныя заслуги этихъ талантливыхъ изслѣдователей.

А. Кизеветтеръ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Борисъ Зайцевъ. Анна. Издательство «Современныя Записки».

Объ «Ангѣ» Зайцева писали уже много. Критика единодушно отмѣчала и трудно передаваемое очарованіе этой повѣсти и нѣкій, намѣтившійся въ ней новый поворотъ творческаго пути Бориса Зайцева. Мнѣ хотѣлось-бы прежде всего присоединиться и къ тому, и къ другому мнѣнію.

Новое въ «Ангѣ» по сравненію съ прежними вещами Зайцева — ея бóльшая плотность, бóльшій удѣльный вѣсъ ея образовъ и словъ.

Въ типично зайцевскихъ вещахъ очень многое рѣбло и сравнительно меньшее осыдало. Въ «Ангѣ» чувствуется крѣпкій настой сгущенныхъ осадковъ. Если вѣрно слово Гёте «Jedes Dichten ist ein Verdichten» (творчество — всегда уплотненіе), то въ моемъ опредѣленіи новаго поворота зайцевскаго искусства заключается уже и положительная оцѣнка его.

Уплотненіе въ искусствѣ — то же самое, что обобщеніе въ наукѣ. Чѣмъ шире обобщеніе, тѣмъ глубже познаніе. Чѣмъ вѣсомѣе, чѣмъ плотнѣе, чѣмъ конкретнѣе образъ, тѣмъ глубже таящееся въ немъ постиженіе жизни. Образы «Анны» потому и плотны, что почти въ каждомъ изъ нихъ чувствуется даль знаменуемой ими жизни. Это значитъ: образы «Анны» потому и конкретны, что они въ послѣднемъ счетѣ сверхъ-натуралистичны, символичны.

Я живо чувствую трудно сказуемую тайну композиціоннаго единства «Анны»: Думаю, что въ тайнѣ этого единства коренится главное, очень большое очарованіе зайцевской повѣсти. И все же я отчетливо вижу сказуемый смыслъ зайцевской композиціи, социальнаго историческаго костякъ его символическаго замысла. Подчеркиваю: костякъ этотъ виденъ лишь мнѣ, какъ критику; мнѣ же, какъ читателю, онъ совсѣмъ не виденъ. Будь онъ виденъ мнѣ, читателю, повѣсть Зайцева не была бы тѣмъ подлинно художественнымъ произведеніемъ, которое она есть. То же, что онъ виденъ критику — правды зайцевскаго искусства не убиваетъ, наоборотъ, углубляетъ ее тою правдою художественнаго познанія жизни, которымъ всякое нужное искусство отличается отъ празднаго, виртуознаго изобразительства.

Дѣйствующихъ лицъ въ «Ангѣ» немного. Латышь Матвѣй Мартыновичъ Гейлисъ, фермеръ-свиноводъ съ женой и наслѣдникомъ; милые обитатели какого-то искони поэтически разрушеннаго дворянскаго гнѣзда Немѣшаевы и ихъ сосѣдъ Аркадій Ивановичъ; дальняя родственница Гейлисовъ страстная, своенравная Аниа (русская, не латышка); «честная докторша», ясная, ровная женщина, отъ которой

пахнетъ гуманизмомъ и іодоформомъ (почему-то у нея на страницѣ 69-ой каріе, а на страницѣ 72-ой голубые глаза) и новые люди, дѣятели революціи — воръ Трушка и театраль Похлебкинъ. Дѣйствіе повѣсти не сложно. Анна влюбляется въ безпечнаго прожигателя жизни Аркадія; Аркадій умираетъ отъ нефрита; Анна убиваетъ Трушку, прѣхавшаго грабить Гейлиса; его сподручники убиваютъ ее. Немѣшаемы пока что переѣзжаютъ въ Москву, а Гейлисъ навсегда въ Латвію.

Таковъ первый сюжетный планъ повѣсти. Въ немъ ясно укладывается второй, историческій. Я не знаю, какъ попалъ Матвѣй Мартыновичъ въ повѣсть Зайцева. Быть можетъ, въ мѣстахъ, гдѣ Зайцевъ претерпѣвалъ революцію и проживалъ нѣкій господинъ Гейлисъ. Но это безразлично. Важно то, что въ Гейлисѣ Зайцевъ изобразилъ ту европейски-буржуазную стихію труда, порядочности, законности, честности и почти тупой воли къ жизни, которая является прямою противоположностью началу бунта и революціи. То, что для изображенія этой стихіи Зайцеву пришлось вывести латыша, тоже не случайность. Латышъ Гейлисъ понадобился Зайцеву совершенно въ томъ же планѣ и смыслѣ, въ которыхъ Тургеневу въ свое время понадобился болгаринъ Исаровъ, а Гончарову иѣмецъ Штольцъ. Въ томъ, что Матвѣй Мартыновичъ не могъ быть русскимъ коренителемъ одна изъ наиболѣе глубокихъ причинъ большевицкаго развала русской революціи. И, дѣйствительно, кромѣ латыша Гейлиса всѣ персонажи «Анны» за исключеніемъ развѣ только Маріи Михайловны, психологически перекликающейся съ Гейлисомъ (Гейлисъ тоже гуманистъ, быть можетъ, даже болѣе характерный, чѣмъ докторша, только отъ его гуманизма пахнетъ не іодоформомъ, а свинками) — опредѣленные революціонеры, ибо всѣ они разрушители. Разрушители — безпечные, праздные, мидые и никчемные Немѣшаевы; разрушитель и Аркадій Ивановичъ, которымъ за всю жизнь ничего не сдѣлано, но столько «зря надѣлано, зря натрепано», разрушительница и Анна. Хотя она и врывается въ жизнь Аркадія «обликомъ силы и молодости, свѣжести и страстной жизни», все же она съ ея «сумасшедшими» глазами, съ «бѣшенствомъ» въ счастіи, съ ея смертоносною ревностью гораздо болѣе похожа на революцію и ея работника «утреняго пѣтеля» Трушку, чѣмъ на Матвѣя Мартыновича Гейлиса. На ея красныя, рабочія руки, на ея умѣніе все быстро привести въ порядокъ, вымыть и вычистить, какъ то нельзя до конца положиться; ужъ очень непохожи ея руки на ея глаза.

Въ этомъ явномъ, но отнюдь не подчеркнутомъ сходствѣ развертывающейся революціи и разгорающейся Анниной любви таится какой-то очень сложный смыслъ въ композиціонномъ отношеніи весьма своеобразной повѣсти Зайцева. Очень сильно, тонко и иррационально написана Зайцевымъ та снѣжная ночь, въ которую Марта Гейлисъ вмѣстѣ съ Анной рѣжутъ свиней, чтобы спасти ихъ отъ реквизиціи. Исступленіе Марты понятно, она спасаетъ свое добро, свое богатство, но Аннѣ все это глубоко безразлично, она всю ночь колеть свиней, таскаетъ туши, замыкаетъ кровь отнюдь не для спасенія хозяйства, а потому что у нея въ душѣ крутитъ темный смерчъ:

тоска по Аркадію, бунтъ противъ срыва счастья, боль украденной судьбою жизни. Психологически она работает не противъ революціи, какъ Марга, а заодно съ революціей. Съ восторгомъ и ненавистью крушитъ она налаженную жизнь благополучныхъ буржуевъ Гейлисовъ. Повернись ея жизнь иначе и она, какъ знать, зарѣзала бы, пожалуй, и Гейлиса. Эта «медвѣжатина» (такъ она иногда называетъ латыша) тоже вѣдь поросенокъ.

Написаны отдѣльные образы «Анны» не съ одинаковымъ совершенствомъ и какъ то по разному. Лучше всего даны Марія Михайловна и, въ особенности, Гейлисъ. Въ немъ все: выговоръ, бобрикъ, дѣльность, честность, работоспособность, самодовольство, оптимизмъ. — увидѣны съ большою зоркостью и написаны съ убѣдительною точностью. Причемъ ничто не подчеркнуто, ничто не упрощено. Въ отношеніи Гейлисы и Аннѣ и женѣ есть даже очень интересная сложность, а въ его работахъ о Немѣшаевыхъ — даже рыцарство.

Аркадій Ивановичъ взятъ далеко не такъ ново и первично. Минутами кажется, что Зайцевымъ зарисована не жизнь, а сцена, что мы Аркадія Ивановича уже видѣли не то въ исполненіи Садовскаго, не то — Станиславскаго. Онъ очень четокъ, но это четкость силуэта, въ которой нѣбу глубины скульптуры.

Сама Анна дана и не такъ, какъ Аркадій Ивановичъ, и не такъ, какъ Гейлисъ. Она отнюдь не силуэтъ, но она и не самодовлѣющая индивидуальность. Написана она и крѣпко и точно; и все же она настолько очевидно принадлежитъ къ тѣмъ демоническимъ женщинамъ русской литературы, крестницамъ Достоевскаго, что какъ то не чувствуешь ея существующей столь же непосредственно и первично, какъ Гейлисъ и Марія Михайловна. Латышь и докторша абсолютно скульптурны, Аркадій Ивановичъ только живописень, а Анна немного литературна. Въ этой многоступенности изображенія есть нѣчто нарушающее, какъ мнѣ кажется, эстетическую цѣльность повѣсти Зайцева.

Въ заключеніе хочется сказать нѣсколько словъ о Зайцевѣ-пейзажистѣ. Конечно, онъ принадлежитъ къ школѣ русскихъ реалистовъ, но въ отличіе отъ многихъ — онъ не натуралистъ, не передвижникъ. Природа у него совсѣмъ особая, своя. То, что онъ говоритъ о русскомъ яблоневомъ садѣ распространено на всю русскую природу въ его изображеніи. Вся Россія для Зайцева «нѣкій скромный рай». Его ландшафтъ всегда стилизованъ и чрезъ стилизацію одухотворенъ. Метель у него, не просто метель — а «бѣлое дѣйство». И жеребенокъ строить у него на холмѣ осенью не просто жеребенкомъ — а «призракомъ». «Оріонъ» и «Сиріусъ» неизмѣнно сияютъ въ его художественномъ міру надъ нишею русскою землею — устилаваютъ ее и украшаютъ. (И все это не патетично, а просто, естественно). Когда же колесо телѣги и взоръ художника окончательно увязнутъ въ непролазной русской грязи, Зайцевъ вдругъ съ такою любовью, съ такимъ подлиннымъ «лирическимъ волненіемъ» воскликнетъ: — «что же подѣлаешь, это родина, это Россія», что невольно отъ всей души, изъ глубины своей благодарной памяти о Россіи согласишься съ нимъ и умилишься... грязью.

Федоръ Степунъ.

М. А. Алдановъ: Ключъ. — Книгоизд. «Слово» и «Соврем. Записки». 1929 г.

Такъ же, какъ отдѣльныя книги его исторической Тетралогіи, и новый романъ Алданова является только частью болѣе обширнаго замысла. «Я понимаю какія неудобства представляетъ осуществленіе этого замысла по частямъ», — пишетъ авторъ въ краткомъ предисловіи къ роману, — «мнѣ остается только принести свои извиненія читателямъ и кригикамъ».

Критику слѣдуетъ съчесть эти слова не только извиненіемъ, но и предупрежденіемъ, и судить о «Ключѣ» съ сугубою осторожностью. Истинный смыслъ романа выяснится вполнѣ только когда будетъ осуществленъ до конца замыселъ автора. Это особенно важно не забывать говоря объ авторѣ, очень сложно и тонко задумывающемъ свои произведенія.

Примѣромъ того, какъ трудно судить о неоконченной вещи, можетъ служить начало «Ключа». Напечатанное въ книгѣ журнала, оно невольно вводило въ заблужденіе читателей. Судя по началу, казалось, что «Ключъ» задуманъ какъ уголовный романъ. И читатель съ интересомъ ждалъ, какъ разрѣшится загадка убійства и какъ удастся талантливому автору обновить и очистить литературный жанръ, къ которому рѣдко обращались серьезные художники. Но по мѣрѣ того какъ романъ разворачивался, его чисто «криминальный» интересъ уменьшался. Это нарушало законы жанра, требующіе, чтобы интересъ и загадность постепенно нарастали. Въ романѣ же Алданова сэрхъ того, что авторъ «раскрылъ» о таинственномъ преступленіи въ самомъ началѣ, показавъ намъ Брауна бросающимъ въ Канавку ключъ отъ квартиры, гдѣ былъ убитъ Фишеръ, мы въ сущности ничего не узнаемъ. Вначалѣ могло казаться, что эта сцена тоже «пріемъ» изъ арсенала уголовного романа, что она написана «для отвода глазъ». Но продолженіе романа быстро обнаружило, что это недоразумѣніе; что «Ключъ» далекъ отъ уголовного жанра. Недаромъ послѣдній разговоръ Брауна съ Федосьевымъ, который въ уголовномъ романѣ былъ бы кульминаціоннымъ пунктомъ книги, въ «Ключѣ» не волнуетъ читателя и только намекаетъ на разрѣшеніе загадки. Къ этому времени вниманіе читателя уже отвлечено отъ дѣла Фишера и поглощено другимъ: флиртомъ Муси съ Клэрвиллемъ, юбилеемъ Кременецкаго, всей картиной предреволюціоннаго Петербурга.

И все же таинственная смерть Фишера очень центральна въ «Ключѣ». Зачѣмъ же понадобился автору эти элементы уголовного романа — убійство, слѣдствіе, таинственность? Алдановъ мастерски, увѣренно и прочно построилъ свою новую вещь. И мы видимъ, какъ всѣ перипетія романа, всѣ его многочисленные персонажи группируются вокругъ дѣла Фишера, связываются прочными нитями въ одно цѣлое этой загадочной смертью, судебнымъ слѣдствіемъ. Постепенно проходятъ передъ нами и слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, безукоризненный джентльменъ и умѣренный либераль Яценко; радикальный адвокатъ Кременецкій, гражданскій истецъ со стороны вдо-

вы Фишера; подозрѣваемый въ убійствѣ Загряцкій, оказывающійся агентомъ Охранки и его патронъ, директоръ Департамента Полиціи Федосевъ; ловкій газетчикъ Донъ-Педро и загадочно причастный къ дѣлу ученый химикъ Браунъ. Романъ, расширяясь, вбираетъ въ свой кругъ другихъ, связанныхъ съ этими лицами людей: дочь Кременецкаго, гимназиста Витю Яценко, ихъ знакомыхъ, всю сложную сеть ихъ взаимоотношеній. Въ своемъ естественномъ и свободномъ теченіи романъ развѣтывается очень широко. Онъ бы расплылся, распылдился на отдѣльныя сцены, если бы не связывающій и организующій «уголовный» сюжетъ.

Но не только въ этомъ значеніе въ романѣ дѣла Фишера. Безъ него въ описаніи жизни предреволюціоннаго Петербурга съ ея невеселымъ весельемъ не было бы того оттѣнка и привкуса кошмара, который освѣтила потомъ революція. «Есть рѣдкое обаяніе у великихъ обреченныхъ цивилизацій. А наша — одна изъ величайшихъ, одна изъ самыхъ необыкновенныхъ», — говоритъ Браунъ. «На меня послѣ долгаго отсутствія, Россія дѣйствуетъ очень сильно. Особенно Петербургъ... Я хорошо знаю самые разные его круги. Много можно сказать — очень многое — а все же такой удивительной, обаятельной жизни я нигдѣ не видѣлъ». Но обаятельности русской и петербургской жизни Алдановъ не передаетъ. Онъ передаетъ другое. «Интересное это дѣло Фишера и характерное», говоритъ немного примитивный князь Горенскій. — «Характерное для упадочной эпохи и для строя, въ которомъ мы живемъ». Можетъ быть и правъ Яценко, который возражаетъ Горенскому: «я нашъ строй не защищаю, но при чемъ же онъ, собственно, въ этомъ дѣлѣ? Можетъ быть, смѣшенъ самоувѣренный Горенскій, который думаетъ, что общество живущее въ здоровыхъ политическихъ условіяхъ легко бы освободилось отъ такихъ субъектовъ, какъ Фишеръ». Но въ романѣ связь между преступленіемъ и эпохой не причинная, а эстетическая, или даже метафизическая. Преступленіе становится символическимъ и придаетъ сразу вѣрную тональность всей книгѣ.

Умный и загадочный Браунъ, чьи слова иногда, м. б., освѣщаютъ смыслъ «Ключа», какъ рѣчи Ламора — смыслъ историческихъ романовъ Алданова, печатаетъ философскую книгу, тоже называющуюся Ключемъ. Въ этой книгѣ Браунъ говоритъ о «двухъ мірахъ, существующихъ въ душѣ большинства людей... ..Міръ А есть міръ видимый, наигранный; міръ В болѣе скрытый и, хотя бы поэтому, болѣе подлинный». Браунъ разсматриваетъ войну и революцію какъ прорывы наружу, въ міръ А, чернаго міра В. И вотъ преступленіе, которое есть въ дѣлѣ Фишера (даже если Фишеръ не былъ убитъ), — это тоже прорвавшійся наружу языкъ подспуднаго пламени изъ міра В. Какъ это ни странно, но только элементы уголовного романа придаютъ «Ключу» его истинный историческій и философскій смыслъ, даютъ почувствовать характеръ эпохи и близящійся прорывъ «міра В».

По подходу автора къ своему сюжету, по его основному интесу «Ключъ» можно, пожалуй, назвать романомъ историческимъ. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ онъ кореннымъ образомъ отличается отъ исторической беллетристики, онъ написанъ не по документамъ и источникамъ, а по непосредственнымъ впечатлѣніямъ автора, такъ же, какъ пишутся романы «просто», романы изъ современной жизни. Какъ историческій романистъ Алдановъ — писатель съ большою и твердо установленной репутацией. Но «Ключъ» былъ для него опытомъ въ иной области и нѣкоторымъ испытаніемъ, изъ котораго онъ вышелъ безспорнымъ побѣдителемъ. Алдановъ обладаетъ основнымъ качествомъ беллетриста — умѣнемъ вживаться въ изображаемыхъ имъ людей и тѣмъ самымъ дѣлать ихъ живыми, умѣнемъ чувствовать индивидуальную душевную жизнь каждого изъ нихъ (нѣмцы называютъ это *Einfühlung*). Съ какой убѣдительною переданы переживанія Кременецкаго, вся атмосфера семьи Кременецкихъ или Яценко. Всѣ, даже второстепенныя фигуры романа «взяты» увѣренно и точно, онѣ всегда «въ фокусѣ», всегда правдивы. Настолько правдивы, что Алданову пришлось защищаться отъ нелѣпаго обвиненія въ портретности. Въ качествѣ курьеза рассказываетъ онъ, что ему называли пять фамилій адвокатовъ, съ которыхъ будто бы списанъ Кременецкій. Но Кременецкій такъ же мало списанъ съ кого либо, какъ его собратья по-словіно, Фанаринъ изъ «Воскресенья». Нашлись критики, которые даже въ Федосеевѣ увидѣли черты реального лица (Бѣлецкаго). Но Федосеевъ не только не списанъ съ кого-либо, онъ, пожалуй, наиболѣе далекъ отъ реальности, наименѣе «наблюдень». «Федосеевъ» фигура полусимволическая, вымышленная, какъ всѣ дѣйствующія лица романа «Ключъ», говорить Алдановъ. Пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ остальные.

Подозрѣнія въ портретности очень не заслужены Алдановымъ. «Ключъ» ни въ какой мѣрѣ не романъ à clef. Между тѣмъ передъ авторомъ были трудности, которыя онъ несомнѣнно сознавалъ и которыя сумѣлъ преодолѣть. Алдановъ изображаетъ Петербургъ недавняго прошлаго, въ памятный всѣмъ историческій моментъ, описываетъ кругъ людей, который многимъ хорошо знакомъ. Невольно читатель ищетъ среди своихъ знакомыхъ модели изображаемыхъ лицъ. Если бы авторъ хотѣлъ вывести крупныхъ людей, выдающихся вождей, то онъ вынужденъ былъ бы или описывать живыхъ, реальныхъ людей, или дать полную волю своей творческой фантазіи. Но первое было морально недопустимо, а встать на второй путь значило вступить въ конфликтъ со всѣмъ извѣстной исторической правдой. Алдановъ отказался отъ изображенія выдающихся людей, сдѣлавъ только два исключенія: для Федосеева и для Шалапина. Федосеевъ вполне воображаемая фигура, Шалапинъ вполне реальная. Но вывести воображаемое лицо вмѣсто исторически извѣстнаго можно было только одинъ разъ. Нельзя же создавать воображаемую исторію. Шалапинъ же появляется на одно мгновеніе. И въ обоихъ случаяхъ получается большой эффектъ. Федосеевъ выдѣляется на общемъ фонѣ романа, какъ единственный выдающийся человекъ и внушаетъ невольную симпатію. Краткое появленіе Шалапина вызываетъ въ читателѣ холодокъ восторга: вотъ оно настоящее, патетическое, высокое! Но

кромѣ этихъ двухъ исключеній, да еще Брауна, мы видимъ въ «Ключѣ» однихъ только среднихъ, обыкновенныхъ людей съ ихъ малыми достоинствами и недостатками. Не это ли привело къ упрекамъ въ томъ, что авторъ съ непривлекательномъ видѣ изобразилъ ту часть русской интеллигенціи, которая особенно тѣсно связана съ идеями и дѣлами февральской революціи? Авторъ оставляетъ за сценой того (неназваннаго имъ) «чрезвычайно умнаго вождя либеральнаго лагеря», который «прекрасно знаетъ настоящую человеческую цѣну» князю Горенскому, и выводитъ этого радикальнаго князя, цѣна которому не высока. Онъ описываетъ не свѣтлыя адвокатуры, а «Саму» Кременецкаго, который только въ упоеніи банкетныхъ рѣчей можетъ сойти за такое свѣтло. Между тѣмъ Алдановъ исключительно зорокъ ко всякой лжи и позѣ. Его описанія пикника, любительскаго спектакля, юбилейнаго обѣда полны правды и убійственной ироніи. Юбилей Кременецкаго отравить удовольствіемъ не одному будущему юбиляру! Такія мѣста «Ключа», какъ интервью Кременецкаго объ отношеніи къ Англіи или рѣчь князя Горенскаго, полны синтетизированной правды: это не подслушано, это изумительно обобщено. Но иронія такихъ описаній въ связи съ тѣмъ, что на этомъ фонѣ особенно выдѣляется умный реакціонеръ Федосеевъ, и вызвала тѣ несправедливые упреки, противъ которыхъ Алдановъ энергично протестуетъ въ своемъ предисловіи. «Ключъ» не памфлетъ, а замѣчательный романъ, въ которомъ съ убѣжденною силой истиннаго художника Алдановъ показалъ намъ, разумеется, не всю правду (это невозможно), а ту правду, которую онъ увидѣлъ въ людяхъ и жизни.

М. Цетлинъ.

А. Даманская. Тихая Радость. Парижъ, 1929.

Тихая Радость А. Даманской это радость путешествовать. Немчаться въ автомобиляхъ или экспрессахъ, не искать яркой экзотики чуждыхъ странъ, а бродить пѣшкомъ по небольшимъ городкамъ Германіи и Франціи.

Въ книгѣ «Тихая Радость» собрано 28 небольшихъ путевыхъ очерковъ — по Гарцу, по Провансу, Жирондѣ и Пиренеямъ. Они изящны, читаются легко и съ интересомъ. Описание пейзажей и городовъ перемѣшано въ нихъ съ историческими воспоминаніями, съ лирическими отступленіями, съ картинками провинціальной жизни.

Въ русской литературѣ немного путевыхъ очерковъ. Правда, есть въ ней такіе шедевры, какъ «Фрегатъ Паллада» или «Письма изъ Испаніи» Боткина, есть изумительныя путевыя впечатлѣнія неутомимаго путешественника Бунина, есть прекрасные очерки Короленко. Не для сравненія вспомнили мы эти имена. Къ тому же странствія А. Даманской были не дальними. Но русскіе писатели и за дальнія странствія не удостоивались того официального вниманія, которое, какъ пишетъ А. Даманская, приносятъ французамъ ордена Почетнаго Легіона за лекціи, прочитанныя какимъ нибудь папуасамъ или малайцамъ. Но читательскаго вниманія эта книга путевыхъ замѣтокъ достойна.

М. Цетлинъ.

А. Бемь. Тайна личности Достоевского. (Alfred Bém: Tajemství osobnosti Dostojevského). Прага. 1928. Стр. 140.

Въ лежащемъ передъ нами томикѣ собраны статьи отчасти уже извѣстныя русскому читателю. (Статья «Тайна личности Достоевского» напечатана въ сборникѣ «Православіе и культура» Берлинъ, 1923, «Развитіе сна» — въ «Ученыхъ Запискахъ», Прага, 1923, т. I, «Игрокъ» — въ «Современныхъ Запискахъ», т. XXIV, и только статья «Драматизация грезы» до сихъ поръ не печаталась). — Статьи А. Л. Бема представляютъ особый интересъ благодаря тому, что авторъ становится на первый взглядъ на «старомодную» точку зрѣнія и пытается освѣтить творчество молодыхъ годовъ Достоевскаго въ тѣсной связи съ его личностью, его жизнью и всѣмъ его міровоспріятіемъ... Въ рѣзкомъ и сознательномъ противопоставленіи теоріямъ представителей «формальнаго метода» А. Л. Бемъ хочетъ соединить задачи историко-литературнаго и психо-біографическаго изслѣдованія. Намъ представляется, что результаты работы вполнѣ оправдываютъ примѣненіе такого «старомоднаго» метода. (Этимъ, конечно, еще ничего не сказано объ ошибочности формальнаго метода при разрѣшеніи иныхъ задачъ). Ибо психологическій анализъ автора не подгоняетъ фактовъ подъ сухія и скучныя схемы школьной психологіи, а историко-литературный — не ограничивается ни разборомъ «идейнаго содержанія», ни анализомъ приемовъ творчества, но пытается исходить изъ художественнаго произведенія, какъ единства того и другого, и основу этого единства вскрываетъ въ личности автора. Несмотря на цѣлый рядъ работъ о молодыхъ годахъ Достоевскаго, появившихся за послѣднія нѣсколько лѣтъ, ранній періодъ жизни и творчества Достоевскаго освѣщенъ еще далеко недостаточно и автору рецензируемаго сборника статей удалось пролить новый свѣтъ на рядъ вопросовъ недостаточно или вовсе неосвѣщенныхъ въ литературѣ.

Основное положеніе, изъ котораго исходятъ всѣ анализы автора, — разгадку своеобразія творчества Достоевскаго надо искать въ нѣкоторомъ своеобразномъ укладѣ его личности въ ранніе годы его жизни, укладѣ, который можно словами самого Достоевскаго опредѣлить, какъ «мечтательство». Основную особенность «мечтательства» А. Л. Бемъ видитъ въ потерѣ рѣзкости различенія реальности отъ сна, мечты, галлюцинаціи. А мечты и сны являются вѣдь не чѣмъ инымъ, какъ воплощеніемъ, выявленіемъ скрытыхъ, неосознанныхъ стремленій, влеченій Достоевскаго, влеченій, въ которыхъ раскрывались Достоевскому «объ бездны» — и небеса и «бездна содомская» (А. Л. Бемъ, такимъ обр., не находитъ нужнымъ искать объясненія чуткости Достоевскаго къ грѣховнымъ сторонамъ человѣческой природы въ какихъ-то намъ неизвѣстныхъ темныхъ страницахъ біографіи Достоевскаго, — и въ этомъ вопросѣ онъ, если и не правъ, то его деликатность по отношенію къ памяти великаго писателя заслуживаетъ только похвалы, ибо — какая польза наукѣ отъ оскверненія могилы Достоевскаго все равно недоступными провѣркѣ омерзительными подозрѣніями

о различных эпизодах его жизни?). Творчество Достоевского, по крайней мере в ранние его годы, и есть разрывание сна и мечтаний, попытка снять, если не в самой жизни, то в сфере творчества, границы между «реальностью» и сном, впрочем — темъ, что «сномъ» считают люди... Уничтожение этой границы — или по крайней мере чрезвычайно ее нервозность — и есть то, что отличает героев ранних произведений Достоевского... Задачей конкретных анализов, производимых автором в отдельных статьях сборника, и является показать, что художественная конструкция ранних произведений Достоевского тождественна или близка психологической структуре сна. А. Л. Бем подтверждает это положение не только на общем стилистическом анализе творчества Достоевского в целом, но и на анализах отдельных произведений и на анализах отдельных мотивов (напр., раздвоение сознания), упорно повторяющихся в ранних произведениях Достоевского. В этих анализах автор приближается к точке зрения Фрейда, однако не отягощая своего изложения школьной терминологией, иногда так невыносимой у записных фрейдистов, и не впадая в тот пансексуализм, который у некоторых психоаналитиков доходит до таких размеров, что не остается в литературном произведении ни одного места, истинный смысл которого можно было бы изложить сколь-нибудь... печатно. А роль подсознательных моментов в процессе творчества Достоевского настолько несомнительна, что попытку серьезного освещения этой темы нельзя не приветствовать. — К сожалению, автор не успел принять во внимание новой работы о проблеме сна Л. Бинсвангера, в которой уделено место и Достоевскому.

Удачнее всего проведена основная мысль автора на анализе «Хозяйки» (в эту же «Драматизация грез»), А. Л. Бем тонко и тщательно разделяет те два, сплетенные между собою и — после анализа Бема я в этом не сомневаюсь — сознательно все время Достоевским противопоставляемые друг другу слоя — реальность и мечта, о которой мы всегда остаемся в сомнении, — не подлинная ли это жизнь. Все переживания Ордынова колеблются между несомненной реальностью — пошловатой и прозаичной и мечтой, которая, однако, так тесно сплетена с действительностью, что так и не знаешь до конца — действительность ли это только, так сказать, стилизованная под мечту, или же реальность тут совершенно переплавлена и растворена в мечте, и перед нами только сон и бред... — Не менее удачен и анализ «Вечного мужа», в котором искусно показано, что весь сюжет романа развивается из сна Вельчанинова, и только на их фоне становится понятен.

Статья об «Игроке», знакомая читателям «Современных Записок», посвящена выяснению биографической подкладки сюжета и деталей этой повести. Найденный автором и опубликованный Долинным дневник А. Суловой (отрывки из него приведены в приложении в конце книги) дает достаточный материал для освещения этой темы. — Особняком стоит вторая половина статьи о «Хозя-

къ», дающая разбор литературных влияний на эту повесть. А. И. Бемъ пытается освѣтить проблему «влияний» по новому, понимая подъ этимъ именемъ не «заимствование», а «припоминаніе», т. е. привлечение въ самомъ процессѣ работы надъ художественнымъ произведеніемъ элементовъ изъ прочитаннаго и продуманнаго, при чемъ надлежитъ принимать во вниманіе и роль подсознательнаго. Не являясь простымъ подборомъ внѣшнихъ сходствъ (а вѣдь авторы, занимавшіеся выясненіемъ «влияній» доходили до того, что, напр., считали возможнымъ говорить о влияніи Жоржъ Зандъ на Тургенева, такъ какъ и та, и другая называютъ траву одинаково—«зеленой»), работа Бема все же въ этой своей части насъ не вполне удовлетворяетъ. Бемъ устанавливаетъ въ «Хозяйкъ» слѣды влияній «Страшной Мести» Гоголя и «Ошибокъ» Э. Т. А. Гофмана. Первая изъ этихъ параллелей сводится къ установленію нѣкоторыхъ аналогій между парами Катерина-колдунъ въ «Страшной Мести» и Катерина-Муринь въ «Хозяйкъ». Однако несомнѣнное сходство ограничивается здѣсь общими чертами. — Вторая параллель является неполной. У Гофмана сюжетъ «Ошибокъ» подготовленъ длиннымъ рядомъ сходныхъ по сюжету рассказовъ — сюжетъ любви къ дѣвушкѣ, находящейся въ загадочныхъ отношеніяхъ къ какому-то таинственному старику приходитъ черезъ рядъ произведеній (особенно — «Der Sandmann», 1817 г.; «Rath Krespel», 1818 — изъ сходство сюжета этого рассказа съ сюжетомъ «Хозяйки» указалъ С. Родзевичъ въ оставшейся неизвѣстной А. Л. Бему статьѣ о влияніи Гофмана въ русск. литературѣ 40-хъ годовъ въ «Р.-Фил. Вѣст.» за 1916 годъ; «Signor Formica», 1819 и др.). Параллельно развивается тема любви къ безумной («Die Gelübde», 1817). Оба мотива слиты впервые въ странномъ рассказѣ «Видѣнія» (1817), гораздо болѣе напоминающемъ при всей своей простотѣ «Хозяйку», чѣмъ «Ошибки». — Но надо сказать, что мы вообще не придаемъ значенія «влияніямъ», — вѣдь самое сходство сюжетовъ можетъ объясняться и другими причинами, прежде всего самостоятельнымъ зарожденіемъ того же сюжета изъ сходныхъ элементовъ міровоззрѣнія обоихъ авторовъ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательный примѣръ представляетъ какъ разъ «Игрокъ», повесть, биографическая подкладка которой выяснена А. Л. Бемомъ. Сюжетъ ея, но еще болѣе ея основная мысль — о полной изолированности, оторванности страстнаго игрока ото всего живого, поразительно напоминаютъ небольшой рассказъ Гофмана «Счастье игрока». Между тѣмъ нѣтъ никакой надобности искать какихъ либо источниковъ сюжета и идей «Игрока» Достоевскаго у Гофмана, — Достоевскій самъ пережилъ то, о чемъ онъ пишетъ въ «Игрокъ». — Правда, установленіе «внутренняго средства» между авторами невозможно безъ установленія сродства между ихъ произведеніями; а установленіе «внутренняго средства» есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ, хотя и недостаточно до сихъ поръ принимаемыхъ во вниманіе задачъ историко-литературнаго изслѣдованія. — А. Л. Бемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ отмѣчаетъ элементы міровоззрѣнія поздняго періода Достоевскаго, проглядывающіе уже въ этихъ раннихъ произведеніяхъ. Эти замѣчанія

вполнѣ правильны и умѣстны, но мы ждали бы при анализѣ вліянія Гофмана и указанія на тѣ элементы міровоспріятія, которые у молодого Достоевскаго были общи съ Гофманомъ, — это именно обостренное чувство таинственнаго въ жизни и бытіи и обостренная боязнь «потерять себя». Между тѣмъ какъ разъ эти элементы міровоспріятія молодого Достоевскаго имѣли, по нашему мнѣнію, наибольшее значеніе и при созданіи сюжетовъ анализируемыхъ Бемомъ раннихъ повѣстей Достоевскаго и для выработки позднѣйшаго міровоззрѣнія Достоевскаго.

Наибольшимъ недостаткомъ книги является, что въ нее не вошли частію уже опубликованные этюды автора о другихъ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго. Заглавіе книги поэтому — значительно шире ея содержанія. Но, вѣроятно, это вина не автора, а издателя, не рискувшего выпустить на чешскій книжный рынокъ книгу большого объема. Очень жаль также, что у автора не нашлось мѣста для освѣщенія хотя бы двухъ изъ цѣлага ряда затронутыхъ, но не освѣщенныхъ имъ (по недостатку мѣста) темъ. Такою существенною темою мы считаемъ, во-первыхъ, проблему русскаго «мечтательства» (въ изображеніи автора «мечтательство» какъ будто черта присущая одному только Достоевскому). Въ этой связи мы ожидали бы и болѣе подробнаго освѣщенія «мечтателя» друга юности Достоевскаго — Шидловскаго. Работа М. Алексѣева о Шидловскомъ (Одесса, 1921), кажется, совсѣмъ не попала за границу, но о Шидловскомъ есть матеріалъ, напр., въ воспоминаніяхъ Вс. Соловьева о Достоевскомъ и въ статьѣ Рышетова въ «Русск. Архивѣ» 1886 г. — Къ сожалѣнію, не развита и другая весьма существенная тема — тема о «реализмѣ» Достоевскаго. Стали традиціонными формулы о «реализмѣ» русскіхъ классиковъ. Въ послѣднее время пробуждается сознаніе ошибочности и нелѣпости такого опредѣленія, напр., Гоголя — типичнаго романтика! Такой же пересмотръ традиціонной формулы необходимъ и по отношенію къ Достоевскому. А. Л. Бемъ дѣлаетъ рядъ интересныхъ замѣчаній на эту тему, (стр. 22 и слѣд.), но отъ подробнаго освѣщенія ея уклоняется. Между тѣмъ она тѣсно связана и съ основною проблемою книги—проблемою личности Достоевскаго и весьма важна сама по себѣ.

Всѣ эти замѣчанія не могутъ умалить интереса и значенія книги, совершенно необходимой и нужной и для чешскаго читателя. Подъ редакціей и съ примѣчаніями автора книги недавно появились по-чешски два дополнительныхъ тома собр. соч. Достоевскаго. Настоящая книга представляетъ такое же естественное дополненіе къ чешскому собр. соч. Достоевскаго, какъ и эти два тома.

Д. М. Чижевскій.

Ettore Lo Gatto. — Storia della letteratura russa, v. III, Roma, J. P. E. O., 1929. — La letteratura sovietista, Roma, J. P. E. O., 1928. — Dall' epica alla cronaca nella Russia sovietista, Roma, J. P. E. O., 1929. — Vecchia Russia, Roma, J. P. E. O., 1929.

Интересующимся русской саѣдуетъ обратить серьезнѣйшее вниманіе на труды итальянскаго профессора Этторе Ло Гатто. Перечисленныя въ заголовкѣ книги — продукты лишь послѣднихъ двухъ лѣтъ его изумительной трудоспособности. Не считая журнальных статей, уже около пятнадцати томовъ о Россіи и, въ частности, о русской литературѣ издалъ Ло Гатто. Его самый капитальный трудъ — «Исторія русской литературы», третій томъ которой только что вышелъ (кончается Пушкинымъ) и которая по плану автора уже разраслась до шести солидныхъ томовъ. Ло Гатто пользуется первоисточниками и огромной литературой, русской и иностранной, что дѣлаетъ его исследование совершенно исключительнымъ по полнотѣ и по значенію. Еще важнѣе знанія его пониманіе русской литературы. И это пониманіе освящено большой любовью, длительнымъ и серьезнымъ изученіемъ, которое не мѣшаетъ его оцѣнкамъ оставаться объективными и строго обоснованными. Такъ говорить заставляетъ насъ не желаніе подчеркнуть старательность и ученую добросовѣстность иностранца, посвящающаго все свои силы изученію Россіи, а самое искреннее изумленіе передъ его способностью такъ проникнуться изучаемымъ предметомъ и такъ стать для насъ, русскихъ, совершенно «своимъ».

Въ его книгѣ о совѣтской литературѣ есть страницы спорныя; все таки приходится признать, что итальянцу эта новая наша литература и ближе знакома и болѣе понятна, чѣмъ огромному большинству русскихъ; быть можетъ потому, что онъ объективнѣе, что ему не мѣшаетъ политическое пристрастіе. Нѣкоторыя упущенія объясняются большой трудностью слѣдить за литературой текущей, слишкомъ современной, еще не имѣющей безпристрастныхъ сводокъ въ работахъ русскихъ критиковъ здѣшнихъ и совѣтскихъ.

Двѣ послѣднія изъ означенныхъ въ заголовкѣ книгъ явились въ результатѣ поѣздки Ло Гатто въ Россію, откуда онъ вернулся лишь нынѣшней весной. Въ книгѣ «Отъ зноса къ быту совѣтской Россіи» Ло Гатто старается, руководясь личными впечатлѣніями, осветить рядъ политическихъ вопросовъ и эволюціонныхъ отношеній въ современной Россіи. Въ Россіи онъ былъ не въ качествѣ «знатока индѣ странствіе» изъ породы тѣхъ, которыми показывають «потемкинскія деревни», а скромнымъ наблюдателемъ, имѣвшимъ возможность смотрѣть своими глазами и подбирать свой матеріалъ безъ чужихъ указокъ; въ этомъ ему помогло отличное знаніе русскаго языка. Его работа чужда тѣмъ потемкинскимъ. Сравнивается пока объективнымъ и то келѣмъ гайболѣе важнымъ проблемъ русской жизни, Ло Гатто обѣщаетъ вернуться къ болѣе детальному ихъ освѣщенію въ новой книгѣ («Москва, Западъ и Востокъ»), которую онъ готовитъ къ печати.

Книга «Старая Россія», превосходно изданная и богато иллюстрированная старыми гравюрами, подобранными съ большимъ знаніемъ и вкусомъ, посвящена авторомъ «его» русскимъ друзьямъ «по обѣ стороны политическихъ границъ, друзьямъ, душа которыхъ волнуется за родину». Въ книгѣ — среди прочаго матеріала — авторъ описываетъ свое посѣщеніе московскихъ монастырей, Кремля, села Коломенскаго, Троице-Сергіевской Лавры, Новгорода, Ростова Великаго и Петербурга. Въ одномъ изъ этихъ очерковъ Ло Гатто рассказываетъ про свою бесѣду съ молодымъ совѣтскимъ писателемъ, его спутникомъ по путешествію въ Ростовъ. Этотъ писатель былъ удивленъ, когда услышалъ отъ итальянца подробное изложеніе легенды о Градѣ-Китежѣ. А между тѣмъ — признается авторъ — я бы не удивился, услышавъ отъ русскаго гдѣ-нибудь на линіи Фолиньо-Перуджа одну изъ легендъ нашего дуеченто. «Почему же, — прибавляетъ онъ, — иностранцы должны знать и любить нашу исторію, наши легенды, наши сокровища искусства и поэзіи, а мы не должны знать ихъ легендъ, правда — очень отличныхъ отъ нашихъ, но столь же характерныхъ для пониманія и оцѣнки ихъ жизни, и современной, и той, которая подготовила ее въ вѣкахъ?»

Прекрасныя слова въ устахъ иностранца, который своими работами по изученію Россіи сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ могъ сдѣлать для правильнаго пониманія русскими современной Италіи и той ея исторіи, которая подготовила ходъ ея нынѣшняго развитія.

М. Г. Ос.

Л. Шестовъ. На вѣсахъ Іова. (Странствованія по душамъ). — Изданіе «Современныхъ Записокъ». Парижъ, 1929. Стр. 372.

Трудно передать въ немногихъ словахъ все богатое содержаніе этого восьмого тома сочиненій Льва Шестова, да оно и не такъ необходимо: читатели «Соврем. Записокъ» имѣли возможность ознакомиться почти со всѣми философскими трудами, вошедшими въ этотъ томъ, такъ какъ они предварительно появлялись на страницахъ этого журнала.

Есть еще одна трудность: у Шестова, поставившаго себѣ цѣлью всей своей философской дѣятельности борьбу съ прочными устоями-идеями научной или наукообразной философіи, отрывъ отъ почвы строгаго, по законамъ совершающагося догматическаго мышленія, есть опредѣленная заданія и темы, но нѣтъ фундамента изъ ряда строгихъ принциповъ, на которомъ онъ возводилъ бы систематически знаніе своей философіи. Его мысль приходитъ изъ страны невѣдомой, вдругъ, внезапно и такимъ же загадочнымъ образомъ уходитъ во второе измѣреніе времени, за предѣлы, очерченные «ясно, въ страну великой и послѣдней Тайны. «По самой своей природѣ тайна такова, что она не можетъ быть открыта, а Истина постигается нами лишь постольку, поскольку мы не желаемъ овладѣть ею, использовать ее для «историческихъ» нуждъ, т. е. въ предѣлахъ единственнаго извѣстнаго намъ из-

мѣрениа времени. Какъ только мы захотимъ открыть Тайну или исподъзывать Истину, т. е. сдѣлать Тайну явной, а Истину всеобщей и необходимой — хотя бы нами руководило самое возвышенное, самое благородное стремленіе раздѣлить свое знаніе съ ближними, облагодѣтельствовать человѣческой родъ и т. п. — мы мгновенно забываемъ все, что видѣли въ «свыхожденіи», въ «изступленіи», начинаемъ видѣть «какъ всѣ» и говоримъ то, что нужно «всѣмъ». То-есть та логика, которая дѣлаетъ чудо превращенія отдѣльныхъ «безполезныхъ» переживаній въ общепользныя «опыты» и такимъ образомъ создаетъ необходимый для нашего существованія прочный и неизмѣнный порядокъ на землѣ, эта логика — она же и разумъ — убиваетъ Тайну и Истину». (80 - 81). Но философы всѣхъ временъ были болѣе всего озабочены тѣмъ, — чтобы изгнать Тайну изъ жизни, создать единообразіе сужденій, связанное съ идеей необходимости. Кантъ находилъ эту желѣзную необходимость, принудительность въ «Королевскомъ пути» математическихъ и естественныхъ наукъ, Спиноза — въ аксіомахъ, теоремахъ, постулатахъ, и онъ строитъ свою философію по наукѣ, *more geometrico*. Отъ зоркаго взгляда и Юма, и Канта не могли укрыться тѣ чудеса, свидѣтелями и дѣйствующими лицами которыхъ мы являемся на каждомъ шагѣ въ жизни. Въ человѣкѣ существуетъ таинственная чудесная сила, позволяющая самой утонченной мысли дѣйствовать на грубую матерію. Это вѣдь равносильно тому, какъ если бы человѣкъ обладалъ силой путемъ тайнаго желанія передвигать горы или направлять планеты въ ихъ орбитахъ, задержать луну въ ея движеніяхъ. И отъ такихъ чудесъ философы укрываются — Юмъ въ «привычку» нашего разума, Кантъ — въ непостижимость «вещи въ себѣ». Метафизика, прозрѣніе чудесъ для нихъ невозможно, а если есть чудеса на бѣломъ свѣтѣ, то ихъ надо обратить въ «естественныя чудеса». Все должно равняться по математикѣ, по естественнымъ наукамъ: онѣ даютъ ту осязаемую прочность и достовѣрность на землѣ, къ которой всегда стремились философы, и усыпляютъ тревогу, живущую въ человѣческихъ сердцахъ. Науки «оправдали» себя, онѣ включили и человѣка въ общую цѣль необходимости, почему же и философія не стать строгой наукой? И современное научнофилософское познаніе превращаетъ живого человѣка въ чистый принципъ, надѣленный «трансцендентальнымъ единствомъ аперцепціи» (Кантъ) въ «сознаніе вообще», въ «*le moi infallible dans ses constatations immediates*» (Бергсонъ), въ гуссерлевское чистое я, вплоть до Heidegger'овской «чистой» формулы — «*das man*»; научная философія уходитъ или въ панлогизмъ, или въ этической идеализмъ, идею автономнаго добра, по которой должна равняться дѣйствительность. Всѣ эти идеи, всѣ эти «вѣчныя» истины въ нашей власти, а философы всѣхъ временъ были болѣе всего озабочены тѣмъ, чтобы не выпустить изъ рукъ жезла Меркурія, который, по словамъ Эпиктета, все обращаетъ въ добро. Болѣзнь, горе, неудачи, «постигающія одинаково праведныхъ и неправедныхъ», объявляющія безразличными или даже несуществующими, и на вопль Іова, дерзнушаго препираться съ Господомъ, спинозизмъ, владѣющій философскими умами, отвѣчаетъ: не смѣяться, не плакать, не проклинать, а пони-

мать, т. е. идти искать истину къ тому судѣю неправедному, къ разуму, который еще въ древности «увидѣлъ», что необходимость — непреодолима, къ мудрости стоиковъ и платониковъ, подобострастно смотрящей на разумъ и принимающей все, что разумъ увидѣлъ, за самоочевидное: «добро», реально только то, надъ чѣмъ разумъ властенъ, «зло», не существуетъ то, что разуму неподвластно. Еще въ древней философіи этика заняла мѣсто онтологіи. И такъ оно остается до нашихъ дней. Въ этомъ смыслъ спинозовскаго «плодъ знакомъ вѣчности или необходимости», уводящаго человѣка изъ міра дѣйствительности къ своимъ тругольникамъ и теоремамъ; въ этомъ смыслъ гегелевскаго «что дѣйствительно, то разумно» (349).

И лишь тогда, когда человѣкъ почувствуетъ, что созданные нами идолы и цѣнности нѣчто условное и относительное, а истинная реальность — въ томъ, что все нами создано, наступаетъ «истинное пробужденіе души къ самой себѣ» (Платинъ); онъ бѣжитъ изъ «всѣмства» вмѣстѣ съ Достоевскимъ, «по ту сторону добра и зла», съ Ницше, стряхиваетъ съ себя чары и сверхестественное навожденіе общаго аристотелевскаго міра съ Паскатемъ. «Величайшая и постыднѣя борьба», величайшее душевное напряжение можетъ насъ вырвать изъ соннаго оцѣпенѣнія нашего обыденнаго мышленія и привести туда, гдѣ истина не принуждаетъ, а одаряетъ, и разумъ изъ узурпатора, господина превращается въ слугу и раба.

Въ рѣдкія минуты пробужденія души къ самой себѣ, мы нашимъ вторымъ зрѣніемъ начинаемъ видѣть, что истина не тамъ, гдѣ насъ приучили ее видѣть измѣряющіе все на земныхъ математическихъ вѣсахъ славильщики разума, что разумъ самъ долженъ оправдаться въ глѣхъ самоочевидностей и предпосылкахъ, на которыхъ онъ держится. Психологически возможно, т. е. реально то, что логически нелѣпо, безсмысленно (37).

Надо дойти до корней вещей, до основныхъ предпосылокъ и самоочевидностей, на которыхъ держится научная философія, и оттого пышный расцвѣтъ рационализма въ лицѣ Гуссерля, одного изъ самыхъ мощныхъ и смѣлыхъ умовъ современной нѣмецкой философіи, привлекъ особенное вниманіе Шестова еще во «Власти ключей». Когда «гуссерлевская стѣна, законъ, аргументика», какъ выражается В. Фондае въ очень дѣльной статьѣ, посвященной философіи Гуссерля въ журналѣ Египор (15-VI — 29), столкнулись съ шестовской безпочвенностью, выяснилось даже для самыхъ пазвофранныхъ учениковъ и сторонниковъ Гуссерля какъ страасбургскій профессоръ Негингъ, что самыя сильныя возраженія феноменологиче были представлены русскимъ мыслителемъ. Феноменологія держится на глѣхъ, что разумъ въ оправданіи не нуждается. «И въ тотъ моментъ, когда онъ (Гуссерль) эту вѣру утратитъ (а разъ такое могло «случиться» съ Платиномъ, то гдѣ ручательство, что какое нибудь неокиданное обстоятельство не вышибетъ почву изъ-подъ ногъ и самого убежденнаго рационалиста?), что останется отъ державшейся на самоочевидностяхъ теории познанія?» (370).

Каждый изъ насъ носить въ себѣ своего Гуссерля и надо его по-

бороть въ собственной душѣ, чтобы дойти до корней основныхъ философскихъ проблемъ. Тутъ начинается та пропасть, въ которую научно вышколенные философскіе умы боятся заглянуть. Даже Бергсонъ, когда наступаетъ моментъ «взлетѣть надъ познаніемъ», боится потерять почву подъ ногами и возвращается отъ своей «безосновности», чтобы не быть «сметеннымъ наукой», къ бдительной опекаѣ разума, къ «интегрированію дифференцированного научнаго опыта». И это французскій мыслитель называетъ метафизикой!

Но для Шестова истина проходитъ въ жизнь, не предъявляя никому оправдательныхъ документовъ. «Истинѣ не нужно никакихъ основаній — развѣ она сама можетъ нести! Последняя истина, то, чего ищетъ философія, что для живыхъ людей является самымъ важнымъ — приходитъ «вдругъ». Она сама не знаетъ принужденія и никого ни къ чему не принуждаетъ» (371). Это видѣлъ Плотинъ, когда внезапно въ его душѣ начиналъ сіять свѣтъ, это видѣли въ рѣдкія минуты пробужденія души къ самой себѣ отъ сверхестественнаго навожденія Паскаль, Достоевскій, Толстой, Лютеръ и тѣ многочисленные мыслители, странствованія по душамъ которыхъ предпринялъ Шестовъ. И какъ не похожи истины, которыя они видѣли въ минуты неизреченныхъ постиженій, на ту общеобязательную истину, которая навязывается людямъ въ аристотелевскомъ общемъ мірѣ, го «всѣмствѣ», когда души «вкушаютъ хладный сонъ», общій сонъ жизни съ открытыми глазами.

Шестовская безпочвенность пугаетъ робкіе умы и на опасномъ поворотѣ человѣческой мысли они кричатъ: «осторожно!» Недаромъ португальскій ученый Vieira del Almeida въ своихъ *Opuscula critica*, посвященныхъ философіи Шестова, говоритъ, что «сверхраціонализмъ» русскаго мыслителя гребуетъ не учениковъ, а послѣдователей. Ученики привыкли поминутно оглядываться, и снова пробовать вочу подъ ногами, чтобы не провалиться какъ нѣкогда Фалесъ подъ веселый хохотъ здраваго смысла въ колодезь. Кто привыкъ подобострастно прислушиваться къ голосу разума, говорящаго какъ власть имущій, тому и не надо глядѣть на Небо. Путь къ метафизикѣ закрытъ для него навсегда.

Нѣмецкая философская мысль, которую переживанія послѣднихъ десятилѣтій подвели близко къ пропасти, отбѣгаетъ въ связи съ недавнимъ появленіемъ разбираемой книги въ нѣмецкомъ переводѣ, что въ философіи Шестова не только дана критика чистаго разума, но и возстановлена въ правахъ захушенная «математическимъ» методомъ исканія истины калризная, измѣнчивая метафизика. Шестовъ даже не задаетъ себѣ вопроса, возможна ли метафизика. «Свѣтлѣшему разуму» не надо и спрашивать, какъ не надо было спрашивать Плотину въ моменты экстаза и бѣгства къ своему Единому. Шестовъ не устаетъ говорить о метафизикѣ, о чудесахъ божьяго міра, о пророческихъ постиженіяхъ великихъ умовъ челоѣчества.

Это дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ назвать Шестова религиознымъ мыслителемъ *par excellence*. Но и на религиозной истинѣ, дѣлающейся добычей «всѣмства», Шестовъ показываетъ, какъ она

идеть въ концѣ концовъ на поклоненіе къ тому же разуму. Истина Откровенія въ рукахъ научно вышколенныхъ философовъ и теологовъ обращается въ единую истину, въ единую всеспасающую догму, т. е. испрашиваетъ благословенія у самодержавнаго разума, самодовлѣющаго добра. Больше всего человекъ боится свободы. Самъ Богъ, чтобы получить предикатъ бытія, долженъ обратиться къ тому-же разуму. И «нормальный теологъ» Фома Аквинскій, для котораго *ex nihilo nihil fit*, подаетъ въ этомъ отношеніи руку современному мыслителю Джемсу, старавшемуся въ многообразіи религиознаго опыта «уловить нѣчто общее, что можно было бы вывести за скобку субъективныхъ переживаній, т. е. и тутъ, и тамъ подводится логическій фундаментъ подъ религиозное творчество.

Теологическая критика, назвавшая Шестова «библейскимъ человекомъ», должна будетъ въ концѣ концовъ признать, что та великая и послѣдняя борьба, къ которой онъ вмѣстѣ съ Плотинимъ зоветъ человѣческія души, лежитъ по ту сторону и теологической, и научной истины. Несомнѣнно, что Ш. въ исторіи религиознаго опыта человечества уловилъ тѣ рѣдкіе моменты, когда религиозная мысль выбивалась изъ путь наукообразныхъ построений и оправданій религиознаго Откровенія. Его философскій анализъ религиознаго опыта Лютера, указаніе на значеніе спасенія «единой вѣрой», а не «добрыми дѣлами», его проникновеніе въ таинственную, загадочную атмосферу посланій ап. Павла, пророчества Исаи дали исполнѣ основательно поводъ школѣ Барта сблизить русскаго мыслителя съ знаменитымъ датскимъ философомъ Киркегоромъ (Kierkegaard). Отклоненіе этического момента въ силу абсурднаго, парадоксальнаго, прославленіе жертвы Авраама и рыцарей чистой вѣры роднятъ мысли Киркегора съ философіей Шестова, но онъ еще слишкомъ отягощенъ категоричностью: единичное и общее, имманентное и трансцендентное взаимно исключаютъ и поддерживаютъ у К. другъ друга; онъ находитъ еще по временамъ удовлетвореніе въ гегелевскомъ самодвиженіи понятій, которое онъ силой своего таланта превращаетъ въ «диалектическую лирику». Второе зрѣніе, о которомъ говоритъ Ш., онъ получилъ, когда личныя переживанія вырвали его, какъ въ свое время Паскаля, какъ въ наше время Ницше, Достоевскаго изъ «всѣмства», и онъ какъ Ювъ на пепелищѣ ропщетъ и «препирается съ Господомъ», онъ не хочетъ «безполезныхъ утѣшеній» нашего разума и требуетъ отвѣта отъ Неба. — Развѣ громъ, говоритъ онъ, — не отвѣтъ, не объясненіе, надежное, вѣрное, первичное, отвѣтъ, данный самимъ Творцомъ? Пусть этотъ отвѣтъ раздавликаетъ человека, онъ величественнѣе чѣмъ утѣшенія о справедливости Провидѣнія, которыя выдумываетъ человѣческая мудрость. — Но мы перестали слышать и видѣть знаменія Неба, мы разучились разбирать таинственныя письмена, даже когда они начертаны человѣческой рукой, намъ, ослѣпленнымъ свѣтомъ разумаго познанія и естественныхъ объясненій нужно какое нибудь сверхестественное *memento*, чтобы проснуться — и то на мгновеніе — отъ того сверхестественнаго же навожденія и оцѣпенѣнія, о которомъ говоритъ еще Паскаль. Не потому ли

этиодъ Шестова о Паскаль («Геесиманская ночь»), о мыслитель, оставшемся вдали отъ большихъ дорогъ философіи, былъ для французской критики «геніальнымъ» откровеніемъ, пришедшимъ изъ чужой страны?

Философія Ш. не хочетъ ни поучать, ни проповѣдывать: она хочетъ только вырвать насъ изъ общаго аристотелевскаго міра и вернуть намъ человѣка, созданнаго по образу и подобию божьему, превращеннаго въ мертвый объектъ наукообразными построениями философіи, цернуть міръ живой дѣйствительности, пусть дѣйствительности, полной трагизма, но отъ ужасовъ жизни и смерти нельзя укрыться въ раковину автономнаго добра или другой «возвышенной» въ своемъ безразличіи и безучастности идеи, какъ и не всѣмъ, и не всегда дано улетѣть на крыльяхъ экстаза въ страну творческаго вдохновенія и прозрѣнія. Какъ Ювъ на пепелищѣ мы должны отвергнуть «безполезныхъ утѣшителей»; либо отречься отъ Господа и окончательно умереть, либо предать свой духъ во власть вѣчной Тайны и внимать въ священномъ трепетѣ голосу изъ неопалимой купины.

Г. Л. Ловкій.

Борисъ Зайцевъ. Аэонъ. YMCA-Press. Paris, 1928.

Книга Б. Зайцева — не гидъ паломника, не описаніе святыхъ и древностей аэонскихъ. Научный, историческій, художественный грузъ сведенъ здѣсь къ *miniatur*'у. Это лишь искусно обработанныя странички изъ дневника «православнаго человѣка и русскаго художника», проведеннаго на Аэонѣ «семнадцать незабываемыхъ дней».

Авторъ принесъ съ собою на Аэонъ смиренную готовность принять, не разсуждая, не сомнѣваясь, весь цѣликомъ, открывшійся ему особенный міръ, — и въ то же время зоркій взглядъ, изощренный только что проплывшимъ передъ нимъ волнующимъ образомъ Элады и опытомъ давнихъ итальянскихъ странствій. Двѣ души аэонскаго странника незримо борятся между собою, но эта борьба остается скрытой глубоко, подъ прозрачной ясностью умиротвореннаго сознанія. Паломникъ повѣствуетъ о ночныхъ службахъ, о безсонномъ, голодномъ, трудовомъ подвигѣ Аэона, аскетически-суровомъ, какъ встарь. Художникъ запоминаетъ очарованіе еракійской ночи, горизонты моря, ароматы жасмина и желтаго дрѣка. Благоуханіе цвѣтовъ покидаетъ насъ на «Аэонѣ» лишь для того, чтобы уступить мѣсто церковнымъ благовоніямъ: «сладанно-сладковатымъ запахамъ» соборовъ, «злато-маслянистымъ, медвянымъ», исходящимъ даже отъ костей и череповъ. Весь пронизанный ароматами, освѣженный моремъ, Аэонъ Б. Зайцева утрачиваетъ свою суровость, баюкаетъ волнами душевно-тѣлесныхъ ритмовъ. По природѣ своей, по свойству своего нѣжнаго и кроткаго дарованія, Б. Зайцевъ не можетъ сказать «нѣтъ» ничему. Принимаетъ и фанатика, читающаго «современные философскіе журналы», хотя онъ совсѣмъ не въ стилѣ Аэона. Принимаетъ и пустую аэонскія бібліотеки: «Впрочемъ, можетъ-быть, истинная бібліотека и вообще должна быть безцѣльна. Еще вопросъ, слѣдуетъ

ли выдавать изъ нея книги». Ему нравятся всеошныя стоянія въ асси-скихъ храмахъ, «легкое, текучее и благозвучное забвеніе» молитвъ. Но «вотъ приподымешься слегка, въ стасиди, и надъ полоконникомъ раскрытаго окна увидишь серебристо-забѣлѣвшую полосу моря съ луннымъ играющимъ слѣдомъ». И сладко уловить «сквозь напѣвы утрани звукъ мірской» — дальній гудокъ парохода. Послѣ поэзіи послушанія, трудовъ и поклоновъ — вдругъ передъ фресками Панселино долго сдержанный вскрикъ: «Геній есть вольность. Нѣтъ преградъ, все возможно, все дозволено».

Тишайшая, кротчайшая борьба съ духомъ Аэона (быть можетъ, совершенно подсознательная) закликаетъ на помощь духовъ древней Эллады, еще не покинувшихъ этой нѣкогда имъ посвященной земли. За Лемносомъ чюдятся «рыкіе холмы тысячелѣтней Трои». Горизонтъ Святой Горы замыкаетъ иная гора — снѣжный, недостигаемый Олимпъ, «какъ нѣкій легкий ковчегъ Эллады». Древніе боги оживаютъ. «Вотъ теплымъ карминомъ тронула Эось верхушку Святой Горы, церковку Преображенія». Іоаннъ Кукузель, любимѣйшій аеоіскій святой Б. Зайцева, пастухъ, чаровавшій козловъ своимъ пѣніемъ, ведетъ за собою гнѣнъ «христіанскаго Орфея, музыканта Господня». И даже Афродита-Морфо, «въ потупремѣ томлящаяся», скованная богиня, живетъ въ имени залива Морфино и связанной съ нимъ дохристіанской легендѣ. Но пусть не подумаетъ читатель, что Аэонъ Б. Зайцева посвященъ умершимъ и невоскреснувшимъ богамъ. Ихъ тѣмъ такъ легки, ихъ появленія такъ рѣдки и застѣнчивы, что, называя ихъ имена, я боюсь, не совершаю ли я нескромности.

Есть и другія возможности раздвинуть аскетическіе рубежи Аэона, не покидая его священной земли. Въ отложеніяхъ вѣковыхъ культуръ, въ соедѣствѣ десятковъ разноплеменныхъ обитателей, составляющихъ монашескую республику, культурно изощренный глазъ автора находитъ острую экзотику контрастовъ. Вотъ Карея, столица Аэона — пустынный, точно вымершій восточный городъ, городъ безъ женщинъ и дѣтей. Вотъ засѣданіе протата (монашескаго правительства), которое напоминаетъ нѣчто среднее между совѣтомъ десяти въ Венеціи и Караагенскимъ сенатомъ въ христіанской транскрипціи. «Косицы и ясы, древнія иконы по стѣнамъ, литографія, пряность глицерина, раки, сладостность языка, мягкость дивановъ, медлительная лѣтъ движеній — все слышится въ дьяльную, завѣковую экзотику». И на этой экзотикѣ, въ пряхныхъ благовопіяхъ Востока, особенно пронзительна, до боли, встрѣча съ Великороссіей. «Русскіе сѣрые глаза, простыя лица полумонашескаго, полукрестьянскаго общежитія». Послѣ «медвяныхъ» запаховъ Византіи, «пахнетъ тутъ сладковато-кисло, щипли, красомъ, летаютъ вялая мухи». Въ гостиницѣ Андреевскаго скита «обликъ неповторимаго»: «стѣны, увѣшанныя портретами императоровъ, царницъ — натертый полъ блеститъ зеркаломъ. Чистые половнички проложены на немъ». Всего лучше — самыя лица, «орѣпкій и чистый лѣсной русскій типъ, заквашенный на Византіи... Такимъ, какъ о. Пинуфрій, могъ быть посолъ російскій времянь Іоанна III живописецъ Андрей Рублевъ или мастеръ Діонисій». Это наводненіе

святой Руси становится непреодолимымъ въ скитахъ и избахъ (калинахъ) отшельниковъ въ сосновыхъ лѣсахъ «Новой Фивиды».

Ну, а гдѣ же святой Аѳонъ? Удалось ли художнику проникнуть, не внѣшнимъ лишь взоромъ, внутрь православной твердыни? Здѣсь начинается самая спорная часть книги. Многие, думаю, не согласятся съ предложеннымъ авторомъ пониманіемъ Аѳона. Не имѣя данныхъ для оцѣнки его, скажемъ все же, что оно обладаетъ большою убѣдительною.

Аѳонскій «духовный типъ» для Б. Зайцева — «это спиритуальность прохладная и разрѣженная, очень здоровая и крѣпкая, весьма далекая отъ эротики» — прибавимъ отъ себя: и отъ мистики. Впечатлѣніе церковной молитвы на Аѳонѣ, сравнительно съ «мірскимъ» храмомъ: «Здѣсь все ровнѣе, прохладнѣе, какъ бы и отрѣшеннѣе. Менте лирики... Я не видать слезъ на Аѳонѣ». Ночи въ церкви, диня на работѣ, въ кельѣ «стянуть канончикъ». Спать не больше 3 - 4 часовъ въ сутки. «Монастырскій ритмъ — вотъ, мнѣ кажется, самое важное. Вы какъ будто плывете въ широкой рѣкѣ, по теченію». Такая жизнь для слабыхъ — «душевная гигиена». Мѣрность движеній и размѣренность дня становятся школой, покоряющей страстную природу. Авторъ мало останавливается на острой борьбѣ аскета. Онъ протестуетъ противъ суроваго Леонтьевского изображенія. Его Аѳонъ добрый и спокойный. Паломника всюду окружаетъ и несетъ волна любовной ласковости. Но если Б. Зайцевъ утаилъ отъ насъ (утаилъ ли?) фанатическое лицо Аѳона (раза два оно проглядываетъ, впрочемъ), то не показалъ онъ (потому ли, что и нѣтъ его?) другого, мистическаго лица. Прогулки по лѣснымъ скитамъ давали ему возможность видѣть и бесѣдовать съ отшельниками очень строгой жизни. Но если это подлинная святость, то святость не мистическаго, не созерцательнаго склада. Удивительно жизненны портреты двухъ современныхъ святыхъ Аѳона. Одинъ напоминаетъ Толстого — не только наружною, но и жизненнымъ путемъ. Человѣкъ большихъ природныхъ силъ и страстей, сломившій себя къ сорока годамъ: «сброшенной зѣвской мудрещъ». Мудрость его въкопая, святоотеческая... Вдругъ въ бесѣдѣ съ поэтомъ (на лодца и звѣрь бѣжить) «подошелъ къ лалисаднику, взглянулъ на море. -- Вотъ люблю, люблю! Просто говорю. Взглянулъ, вижу всю красоту, прелесть... Удивительная красота... а знаю, что рухнетъ, въ отѣхъ Божіемъ завтра, можетъ, сторгитъ, но трубъ архангельской... а люблю!»

О. Нилъ не мудрещъ, а простецъ (изъ крестьянъ), въ глухомъ лѣсу питается одѣями гнилыми фигами («прямо ко рту не поднесешь, вся склизкая, запахъ»). Его бесѣда не назидательна. «Глаза его ровно вышвѣтшіе, съ отѣнкомъ «вѣчности» слегка слезились». Нливно-трогательно его смущеніе, когда его просятъ угостить посѣтителя. Вотъ святой, надъ которымъ не считаютъ за грѣхъ посмѣяться. Святой, у котораго есть свои слабости. Однажды разсорился о. Нилъ съ гостемъ своимъ Арсеніемъ, поссоривъ о томъ, что вреднѣе для человѣка: лукъ или масло. — «Упрямые у насъ бываютъ старики. Большого подвига оба и другъ друга любить, а вотъ поди ты: что поль-

зительнѣе, лукъ или масло?» Есть ли другіе, идущіе таинственнымъ путемъ «умнаго дѣланія»? Не знаемъ. Но что не мистическій типъ опредѣляетъ жизнь современнаго Аэона, это, думается, подмѣчено вѣрно. Новый Аэонъ не наследникъ «исихастовъ» XIV - XV вѣковъ, воспитавшихъ для Руси Нила Сорскаго. Не случайно изгнаніе изъ его стѣнъ иняславчества: духовнаго дѣтища исихастовъ.

Возвращаемся къ книгѣ Б. Зайцева. Одно изъ главныхъ обаяній ея — это стиль. Онъ, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ остроту и сложность культурныхъ впечатлѣній, обработанныхъ въ разрѣженномъ, строгомъ ритмѣ Аэона. Прозрачность великорусской рѣчи, благодаря перестановкѣ одного слова, одному благовоинно-пышному эпитету, вдругъ отзовется то терциной Данте, то стихомъ Гомера. Рѣчь, весьма далекая отъ сомнительнаго жанра ритмической прозы, иной разъ нечаянно разрѣшится въ гекзаметръ: «Бѣлый и пышный жасминъ, отягченный каплями влаги»... Впрочемъ, можетъ быть, указаніе на это тоже принадлежитъ къ числу нескромностей.

Есть одна глава, гдѣ авторъ терпитъ стилистическое пораженье. Это глава о «Святыхъ Аэона». Самая неудача ея чрезвычайно поучительна. Она указываетъ на почти непреодолимые трудности современной агіографіи и вмѣстѣ съ тѣмъ на границы моднаго теперь «оцерковленія». Въ данномъ случаѣ авторъ погубилъ Аэонскій Патерикъ, безстильный продуктъ XIX вѣка. Интересно сравнить два варианта легенды I. Кукузеля, данные въ книгѣ: свободно-народный (стр. 63) и книжный (92 - 3). Вотъ какъ надо и вотъ какъ нельзя писать легенды!

Историкъ могъ бы сдѣлать кое-какія придирчивыя замѣчанія: насчетъ значенія имени «Ксилургу», насчетъ Галлы Плацидіи въ Ватопедѣ (V вѣкъ! Это переворачиваетъ всю — впрочемъ, смутную еще — хронологію Аэона). Культурный читатель посѣтуется, что въ примѣчаніяхъ не нашлось мѣста хотя бы краткому указателю литературы объ Аэонѣ. Но это мелочи.

Закрывая книгу, долго не можешь отрѣшиться отъ волненія, которое охватываетъ вмѣстѣ съ ритмомъ первыхъ же ея строкъ. Перечитываешь, и волненіе не проходитъ, но услужляется. Надъ этой книгой хорошо думается: о самомъ важномъ, о жизни, объ исторіи, о вѣчности.

Г. Федотовъ.

«Памяти погибшихъ», сборникъ подъ редакціей Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милукова, кн. В. А. Оболенскаго, С. А. Смирнова и Л. Е. Эльяшева. Парижъ, 1929 г.

Въ редакціонномъ предисловіи къ этой книгѣ сказано: «Настоящій сборникъ посвящается памяти членовъ партіи Народной Свободы, убитыхъ большевиками въ періодъ революціонной анархіи, разстрѣлянныхъ по распоряженію коммунистической власти, по ея наущенію и при ея содѣйствіи. Установить число нашихъ партійныхъ друзей и товарищей, погибшихъ отъ руки большевиковъ, невозможно, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что погибли изъ нихъ сотни, а можетъ быть, и тысячи».

Мнѣ уже приходилось писать, въ связи съ кончиной М. М. Винавера, объ участи той политической группы, погибшимъ дѣятелямъ которой посвященъ настоящій сборникъ. Странная и трагическая судьба выпала Партии Народной Свободы, столь мирной по духу, по программѣ, по личному составу. Если исключить младотурокъ, если не воскоидить къ жирондистамъ и монтаньярамъ, то, быть можетъ, трудно найти примѣръ исторической группы, такъ густо залитой кровью своихъ вождей. Но младотурки, монтаньяры собственной кровью заплатили за чужую. Трагическая гибель Энверъ-паши или Савинкова, въ концѣ концовъ, свѣ порядкѣ вещей: умные люди зовутъ это исторической Немезидой. Какой же Немезидѣ достались въ жертву Шингаревъ, Кошкинъ, Набоковъ, Щелкинъ, Астровъ, Алферовъ? Меча они не поднимали, но отъ меча погибли. Хороша и эстетически эта Немезида въ образѣ кокаинистовъ Чрезвычайной комиссiи...

Не грѣхомъ, а несчастьемъ старой гвардиі русскаго либерализма было то, что жила она въ тяжкое время. Очень легко разбилась вздрезаги величайшая въ мірѣ имперiя — и развѣ не могъ хотя бы такой человекъ, какъ Набоковъ, отнести къ себѣ стихи Тютчева:

«Я поздно всталъ и на дорогѣ
Застигнуть ночью Рима былъ...»

Въ этой блестящей исторической группѣ были самые разные люди, разные по талантамъ, по умственному уровню, по роду жизни, по социальному положенiю. Среди погибшихъ есть профессоръ, крестьяне, князь, священники, крупные промышленники, мелкіе служащіе, есть юноши, какъ Борисъ Астровъ, и есть 86-лѣтній В. К. Винбергъ. Всѣ они были «общественные дѣятели», — В. А. Оболенскій правильно указалъ, что этотъ родъ людей (какъ и самое слово), существовалъ только въ Россiи. Объединяло ихъ и то, что «они всѣ принадлежали къ партиі, которая понимала невозможность облагодѣтельствованiя Россiи путемъ немедленнаго насильственнаго переворота» (стр. 231). Почти никто изъ нихъ не дѣлалъ попытки спастись. Изъ жирондистовъ нѣкоторые въ пору террора скрывались въ пещерахъ. Французскій политикъ, котораго дураки въслѣдствіи этимъ попрекали, отвѣтилъ: «Францiя еще горько пожалѣетъ о томъ, что не нашлось въ ней пещеръ, достаточно затерянныхъ и глухихъ для сохраненiя жизни такихъ людей, какъ Верньо или Кондорсе»...

Книгу эту нельзя читать безъ волненiя. А. А. Шахматовъ, умершій отъ истощенiя и голода, физикъ Трифоновъ, «прочитавшій въ «Извѣстiяхъ» о своемъ якобы уже состоявшемся разстрѣлѣ за нѣсколько часовъ до самаго разстрѣла», сцены ареста Щелкина и засады въ его квартирѣ, — все это густо насыщено трагедiей, быть можетъ, съ инквизиціонныхъ временъ небывалой. Писать «рецензiю» о сборникѣ «Памяти погибшихъ» невозможно, — не отмѣчать же литературныя достоинства и недостатки! Къ книгѣ этой должно быть такое же отношенiе, какъ къ вѣчному огню, горящему подъ Триумфальной Аркой.

М. Алдановъ.

Вл. Войтинскій. «Силы современного социализма». Изд. «Библиотека Демократического Социализма» под редакц. А. Н. Потресова. Парижъ, 1929 г. Стр. 128.

Современный теоретический социализм издавна привыкъ работать, опираясь на обширные статистическія изысканія — свои собственные и заимствованныя. Но и практика рабочего социалистическаго движенія опирается въ значительной части на матеріалы статистики. При такой тѣсной связи между социализмомъ и статистикой можно только удивляться, что до сихъ поръ само социалистическое движеніе не стало предметомъ тщательнаго статистическаго анализа. Любыхъ общественныхъ и социальныхъ силъ изучилъ социализмъ, но страннымъ образомъ меньше всего онъ изучалъ свои собственные силы.

И вотъ за эту задачу взялся изслѣдователь болѣе всего къ этому призванный. Выпущенная «Библиотекой демократическаго Социализма» работа Вл. Войтинскаго, поскольку я знаю, является первой во всей социалистической литературѣ попыткой числоваго анализа дѣствующихъ силъ, еще не втянутыхъ резервовъ и общихъ тенденцій развитія современного социализма. На основѣ своей громадной статистической эрудиціи, столь блестяще сказавшейся въ его 7-ми томной статистической энциклопедіи — «Весь міръ въ цифрахъ» — и своей практической и теоретической работы сначала въ русскомъ, а затѣмъ и въ германскомъ рабочемъ движеніи, авторъ далъ въ высшей степени цѣнную работу, своего рода руководство къ познанію и самопознанію современного социализма. Независимо отъ своего отношенія къ социализму вообще и къ тому теченію въ немъ, къ какому ближе всего Вл. Войтинскій, мимо его работы не сумѣетъ и во всякомъ случаѣ не долженъ пройти никто, кого теоретически или практически интересуютъ современное социалистическое движеніе. Здѣсь онъ въ ясной и наглядной формѣ найдетъ доведенныя до самаго послѣдняго времени цифры, характеризующія съ разныхъ сторонъ силы современного рабочего движенія, удѣльный вѣсъ рабочего класса въ системѣ социальныхъ силъ современнаго общества, уровень экономической и политической организаціи трудящихся массъ, распредѣленіе ихъ симпатій въ избирательной борьбѣ, тенденціи численнаго развитія пролетаріата въ разныхъ странахъ; сравнительный анализъ развитія промышленности и сельскаго хозяйства и рядъ иныхъ явленій современной социальной жизни, такъ или иначе связанныхъ съ проблемами развитія рабочего движенія и социализма. Несмотря на широкій охватъ вопроса, изложеніе Вл. Войтинскаго вполне конкретно и читатель, не раздѣляющій ни взглядовъ автора, ни даже его метода трактовки вопроса, все же получитъ рядъ ясныхъ и точныхъ представлений о фактахъ и тенденціяхъ современнаго социалистическаго движенія. Въ этомъ отношеніи книга Вл. Войтинскаго можетъ служить чрезвычайно полезнымъ, единственнымъ въ литературѣ о социализмѣ, путеводителемъ по лабиринтамъ рабочего движенія.

Но работа его имѣетъ и выдающійся теоретический интересъ. И это не потому, что авторъ себя ставитъ спеціальнаго теоретическаго э-

данія и доветь нам навязать какія либо врожденности своего социалистическаго міросозерданія. Нѣтъ, теоретическое значеніе его работъ состоитъ въ томъ, что факты имъ сгруппированные и анализированные сами по себѣ даютъ недвусмысленный отвѣтъ на рядъ важныхъ проблемъ социализма. И въ вопросѣ о концентрации промышленности и численномъ ростѣ пролетариата, и въ вопросѣ о судьбахъ и значеніи мелкаго крестьянскаго хозяйства, и въ вопросѣ о социальномъ составѣ тѣхъ силъ, на которыя социализмъ долженъ опираться въ своей борьбѣ за новый социально-экономическій строй, авторъ снабжаетъ насъ матеріалами и фактами, «ревизионистскій» смыслъ которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнію.

Въ своихъ комментаріяхъ къ этому богатому и поучительному матеріалу авторъ большей частью склоненъ слишкомъ скромно оценивать ихъ значеніе какъ теоретически существенныхъ, когда поправка, а когда и просто опроверженій многихъ положеній марксистской ортодоксіи, въ особенности въ ея «твердой» русской формѣ. Въ своей чрезвычайно интересной главѣ о тенденціяхъ развитія крестьянства авторъ оговаривается: «я знаю, что эти мысли могутъ показаться не вполне обычными въ русской марксистской средѣ... Эти положенія противорѣчатъ старымъ привычкамъ мышленія въ русской марксистской средѣ». Но, какъ мнѣ кажется, авторъ и слишкомъ снисходителенъ и слишкомъ жестокъ къ этой средѣ. Если съ одной стороны «эти мысли» тутъ не только «не вполне обычны», но и вполне необычны, то и въ зап.-европ. марксистской средѣ эти мысли тоже далеко еще не обычны. Онѣ вполне «обычны» для Гернштейна и Давида, но предоставляютъ еще не совсѣмъ признанную нозицу для Каутскаго, не говоря уже о ботѣ ортодоксальныхъ представителяхъ германскаго и австрійскаго социализма. Вл. Войтинскій несомнѣнно преувеличиваетъ одиночество русскаго марксизма въ вопросѣ о тенденціяхъ развитія крестьянства и его роли въ движеніи къ социализму.

Вл. Войтинскій съ рѣдкой въ марксистской литературѣ категоричностью утверждаетъ, что потокъ капиталистической концентрации «въ деревнѣ оставляетъ нетронутой самостоятельность крестьянскаго двора, укрѣпляетъ хозяйственную силу и значеніе миллионовъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяйчиковъ». «Мы имѣемъ всѣ основанія не только ожидать, но и желать упроченія крестьянскаго хозяйства и дальнѣйшаго распространенія его за счетъ крупныхъ капиталистическихъ предприятий». «Изъ этого должны мы исходить при конкретизированіи нашего представленія о путяхъ перехода отъ капиталистическаго строя къ социалистическому». Но рядомъ съ этими категорическими утвержденіями онъ говоритъ о городскихъ индустриальныхъ рабочихъ: «ихъ идеологій, ихъ знаменемъ и является прежде всего научный социализмъ». Въ томъ, что этотъ социализмъ «ложится прежде всего на изученіи современной городской экономики, отражаетъ ее духъ, ея темпъ — въ этомъ въ слабость научнаго социализма, а его сила, не узость и односторонность, а почвенность, жизненность». И отсюда выводъ: «рѣчь должна идти не о пересмотрѣ

идеологии, а о постепенномъ развитіи ея сообразно развивающимся требованіямъ жизни».

Нельзя не замѣтить серьезнаго противорѣчія между этими двумя группами положеній. Если наши представленія о переходѣ къ социализму должны исходить изъ неизбѣжности и желательности роста и укрѣпленія «милліоновъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяйчиковъ», то какимъ образомъ можетъ остаться безъ пересмотра идеология, отрицающая и фактъ и его желательность, питающаяся исключительно фактами городской экономики и являющаяся прежде всего выраженіемъ стремленій даже не всего, а только части пролетаріата — индустриальнаго, далеко не всюду являющагося даже большинствомъ въ составѣ всего пролетаризованнаго населенія?

«Не пересмотрѣть, а постепенное развитіе»... приглашаетъ насъ Вл. Войтинскій. Если это не споръ о словахъ, то откуда такая любовь къ постепенности въ области мышленія? Долженъ огорчить талантливаго статистика и экономиста: весь богатый и превосходно разработанный имъ матеріалъ его книги является величайшей и съ моей точки зрѣнія благодатной провокаціей на такой именно «пересмотръ». Сила его научной смѣлости явно ломить соломѣ его міросозерцательной робости.

И въ этомъ еще одно изъ крупныхъ достоинствъ его выдающейся работы о силахъ современнаго социализма.

Ст. Ивановъ.

Проф. Р. Ю. Випперъ. Учебникъ Исторіи. «Новое Время». Рига, 1928.

Учебники Виппера не нуждаются въ рекомендаціи: они давно заслужили въ русской школѣ широкую популярность своими превосходными качествами — ясностью плана, живостью изложенія, свѣжестью научнаго матеріала. Выходъ ихъ новаго изданія въ современной обстановкѣ книжнаго голода, когда за экземплярами старыхъ учебниковъ приходится гоняться по «антикваріатамъ», является отраднымъ событіемъ.

Намъ нѣтъ нужды снова перечислять здѣсь достоинства учебника: по отношенію къ нимъ новое изданіе является старымъ. Мы остановимся на томъ, что является въ немъ дѣйствительно новымъ, заслуживающимъ specialнаго вниманія педагоговъ, попутно же отмѣтимъ и вкрапившіяся въ изданіе недочеты.

Главное новое учебника — объединеніе двухъ доселѣ раздѣлявшихся отдѣловъ исторіи — «всеобщей» и «русской». Это раздѣленіе доходило у насъ до крайности. Въ высшей школѣ студентъ — специалистъ по европейскому феодализму обязанъ былъ лучше знать реформы Клеменса и политику Гамбетты, чѣмъ допетровскую Русь, а «русскій историкъ» долженъ былъ интересоваться усобицей сыновей Ярослава и возстаніемъ декабристовъ, но зато могъ обойтись не только

безъ древнихъ Аеннъ и Гамбетты, но часто и безъ приличнаго знанія хотя бы одного иностраннаго языка. О нормальности подобнаго положенія не приходится спорить: чѣмъ скорѣе русская исторія въ нашей школѣ выйдетъ изъ провинціального изолятора на «всеобщій просторъ», а «всеобщая» экзотика прикоснется къ русской конкретности, тѣмъ лучше для той, и другой. Всякая инициатива, всякій шагъ педагога въ этомъ направленіи заслуживаетъ горячаго одобренія. Но тутъ же встаетъ вопросъ о нормальной пропорціи въ учебникѣ двухъ элементовъ. Здѣсь наряду съ чисто педагогическими соображеніями поднимаются, совпадая, къ счастью съ ними, и культурно-общественныя. Современный европейскій міръ переживаетъ процессъ «интернационализаціи» (погруженіе мѣстныхъ исторій во «всеобщую»), но обратная сторона его заключается въ усиленной, всѣхъ народовъ, «национализаціи». Для насъ, народа отсталаго въ національномъ развитіи, послѣдній процессъ особенно важенъ: отъ быстроты и нормальности его хода зависитъ вся наша судьба. Особую остроту получаетъ въ этой обстановкѣ и нашъ вопросъ. Русская исторія въ учебникѣ Виппера хороша: она не могла не выиграть отъ новаго окруженія. Но покрывается ли выигрышъ количественнымъ урономъ? Съ выходомъ объединеннаго учебника даннаго типа, исчезаетъ ли нужда въ спеціальныхъ пособіяхъ по русской исторіи? Едва ли. Какъ умѣло и содержательно онѣ были бы составлены семь (неполныхъ благодаря иллюстраціямъ) страничекъ объ эпохѣ Петра или пять страничекъ объ «объединеніи сѣверо-восточной Руси» при московскихъ князьяхъ, въ русской школѣ, для русскихъ учениковъ ихъ все равно недостаточно. А если такъ, если новый учебникъ по прежнему рассчитанъ на параллельное существованіе «русскихъ» пособій, то зачѣмъ и сама «реформа»? Зачѣмъ было Р. Ю. Випперу жертвовать для новыхъ, не безусловно необходимыхъ, главъ многими очень пужными старыми главами? Зачѣмъ было ему выкидывать превосходную главу объ Антверпенской биржѣ, беспощадно урѣзывать Елизаветинскую Англію, французскія религіозныя войны, Великую Революцію?

Но какъ же, однако, быть? Какъ вмѣстить какъ будто бы невмѣстимое? Выхода можно искать по двумъ направленіямъ: либо по прежнему два учебника, только оба «всеобщіе» — одинъ, гдѣ Россія въ рамкахъ Европы, другой — Европа въ рамкахъ Россіи; либо одинъ учебникъ (двойнаго объема) но съ русской исторіей въ центрѣ, на манеръ того, какъ пишутся, по отношенію къ французской исторіи, учебники во Франціи.

Второе новое — синхронизмъ изложенія. Нельзя не привѣтствовать и этой тенденціи: всѣ возраженія противъ раздѣленія исторіи на русскую и всеобщую цѣликомъ примѣнимы ко всякому дробленію ея на большіе отдѣлы по странамъ. Въ новомъ учебникѣ отступленія отъ этого метода рѣдки и, обыкновенно, оправданы. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, результатъ неизмѣнно получается отрицательный. Картина русско-турецкой войны несомнѣнно проигрываетъ, будучи нарисована внѣ европейской политики и до главы о Бисмаркѣ и Дизраэли.

Новое коснулось особенно второй половины учебника (съ конца 18-го вѣка), но здѣсь же и большая часть недосмотровъ. Остановимся, въ хронологическомъ порядкѣ, на главныхъ.

Первый касается американской конституціи 1787 - го года. Конечно, она не вводила, какъ это утверждаетъ учебникъ (стр. 259), всеобщаго и прямого (подчеркнуто въ книгѣ) избирательнаго права. Никакого порядка избранія депутатовъ въ союзный Конгрессъ, а равно и выборщиковъ для избранія президента, конституція С. Ш. вообще не предусматриваетъ, предоставляя въ этомъ отношеніи свободу отдѣльнымъ штатамъ: избиратели въ «наиболѣе многочисленную палату» штата являются избирателями и въ союзный Конгрессъ. Такъ юридически, но до самаго конца девятнадцатаго вѣка избирательное право въ С. Ш. и фактически всеобщимъ не было. Новые, западные, штаты, правда, съ самаго начала, принимали, большею частію, демократическія конституціи, но что касается старыхъ, въ 1787-мъ году подписавшихъ союзную конституцію, то среди нихъ принципы всеобщаго избирательнаго права прививались довольно туго. Въ двухъ изъ нихъ, какъ разъ самыхъ свободолюбивыхъ — Пенсильваніи и Родъ-Айлендѣ — владѣльческій цензъ былъ отмѣненъ уже послѣ гражданской войны (въ Родъ-Айлендѣ онъ существовалъ еще въ 1882-мъ году).

Второй недосмотръ тоже касается конституціи, но уже французской—знаменитой «конституціи 93-го года». Нельзя было, говоря о ней, не упомянуть, что принятіе ея носило декларативный характеръ и не ослабило якобинской диктатуры. Кромѣ того неточно будто бы она «впервые» вводила во Франціи «политическое равенство всѣхъ французовъ»: впервые имущественный цензъ былъ уничтоженъ Законодательнымъ Собраніемъ при выработкѣ положенія о Конвентѣ: въ выработкѣ Конвента участвовали уже **всѣ французы** 21-го года и старше.

Исторія 19-го вѣка, по стройности и сжатости изложенія, лучшей отдѣлъ учебника, но, къ сожалѣнію, и онъ не лишень недосмотровъ. Не удовлетворяетъ характеристика воззрѣній Фурье, который будто бы «замыкалъ» людей въ свои фаланстеры и «главное зло современности видѣлъ въ свободномъ соперничествѣ» (342). Фурье вообще не «замыкалъ», а **размыкалъ** людей, проповѣдая свободу страстей и въ числѣ трехъ главныхъ, свободу «кабалисты» — страсти интригъ и соперничества. Нельзя и про Луи Блана сказать, что онъ «всю хозяйственную жизнь страны передавалъ государству». Онъ говорилъ лишь о поддержкѣ демократическимъ государствомъ производительныхъ кооперативовъ и временномъ, въ теченіе перваго года по открытіи, вмѣшательствѣ въ управленіе только тѣми изъ нихъ, которые имъ самимъ были бы созданы. Луи Бланъ самъ обрушивался на сенсимонистовъ за ихъ этактизмъ, называя его «тираніей и подавленіемъ личности подъ маской общаго блага».

И еще объ Америкѣ: «До конца 40-хъ годовъ, читаемъ мы на стр. 418-ой, демократы (большая партія, вербовавшаяся, главнымъ об-

разомъ, на югъ) неизмѣнно проводила въ президенты своихъ кандидатовъ». Это невѣрно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, демократическая партія, создаваемая въ 20-хъ годахъ изъ сторонниковъ президента Джаксона, вербовалась въ то время почти исключительно изъ западныхъ штатахъ, а, во-вторыхъ; уже въ 1840-мъ году (а не «въ 50-хъ годахъ») она была на голову разбита предшественниками современныхъ «республиканцевъ», «националь-республиканцами», или «вигами».

Четырьмя страницами ниже (422) учебникъ въ такихъ выраженіяхъ упоминаетъ о таможенномъ тарифѣ 1890-го года, что, при полномъ отсутствіи въ немъ другихъ указаній на тарифную политику С. Ш., создается впечатлѣніе, что тарифъ Макъ Кинли былъ въ Америкѣ первымъ «покровительственнымъ тарифомъ, порывавшимъ съ режимомъ свободной торговли». Между тѣмъ со времени первого покровительственнаго тарифа 1816-го г. С. Ш. съ покровительственной системой не разставались, и борьба велась лишь за болѣе высокій или болѣе низкій тарифъ. Болѣе высокій не разъ побѣждалъ: «Тарифъ гнусностей» 1828-го года чуть не привелъ къ гражданской войнѣ (Южная Каролина вооружилась уже, собираясь покинуть союзъ); высокій тарифъ не замедлили ввести и побѣдившіе въ 1840-мъ году «виги».

Послѣднее замѣчаніе — о заключительной главѣ, посвященной великой войнѣ. Намѣренно, очевидно, въ нее введены исключительно международныя отношенія. Только русская исторія доведена до конца (до революціи); внутренняя исторія другихъ народовъ обрывается на послѣдней четверти прошлаго вѣка — Франція на министерствѣ Ферри, Англія на избирательной реформѣ 1885 г. и т. д. Конечно, правильность и полнота освѣщенія великой войны отъ этого потеряла. Особенно трудно объяснить пропускъ такого фактора предвоенной исторіи, какъ Британская Имперія: о ней во всемъ учебникѣ не говорится ни слова, и даже имѣвшаяся въ старомъ учебникѣ глава объ Австраліи въ новомъ откинута.

Но все вышеотмѣченное, конечно, мелочи по сравненію съ достоинствами новаго учебника Вишнера. И въ старомъ, и въ новомъ изданіи его, «Новая Исторія» остается на нашемъ рынкѣ безспорно лучшимъ учебникомъ. И здѣсь, въ заграничной школѣ, и тамъ, въ школѣ будущей свободной Россіи, онъ сыграетъ въ педагогическомъ отношеніи огромную и плодотворную роль.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть и о прекрасно подобранныхъ художественныхъ иллюстраціяхъ (нововведеніе, которое всячески надо приветствовать), и о по прежнему превосходныхъ пояснительныхъ къ тексту учебника картахъ.

Ив. Херасковъ.

Н. И. Никифоровъ. Сенъеріальный режимъ во Франціи въ исходѣ Стараго Порядка (преимущественно въ Пуату). 1928.

Книга Н. И. Никифорова — магистерская диссертация, съ успѣхомъ защищенная авторомъ въ Прагѣ, — примыкаетъ къ общему движению русской исторической науки, какъ извѣстно, сдѣлавшей и продолжающей дѣлать (изъ новыхъ работниковъ могу назвать Е. Петрова, Сказкина, Глаголеву-Даники, О. Л. Вайнштейна) необыкновенно много для разработки исторіи и предъ-исторіи Франц. Революціи. Работа Н. И. Никифорова носить описательный характеръ. Въ отдѣльных главахъ дается описаніе отдѣльных «правъ» и повинностей, изъ коихъ слгается такъ назыв. «сенъеріальный режимъ». На основаніи уже существующей монографической литературы авторъ даетъ общую характеристику каждаго института, и дополняетъ ее данными, извлеченными имъ изъ источниковъ (изданныхъ и рукописныхъ), относящихся къ Пуату. Надо признать, что нашего общаго представленія о «сенъеріальномъ режимѣ» эти данныя не мѣняютъ. Не думаю, чтобы это слѣдовало отнести на счетъ недостаточно интенсивнаго использованія источниковъ. Скорѣе это служитъ опытнымъ, такъ сказ., доказательствомъ, что изслѣдованіе даннаго предмета такъ, какъ оно ставилось до сихъ поръ, дошло уже до той точки, отъ которой оно неминуемо должно двинуться въ новыхъ направленіяхъ — отъ нѣкотораго юридическаго отвлеченія, а то и просто слова, — къ реальностямъ. Поясню, что я имѣю въ виду. «Сенъеріальнымъ режимомъ» называлась совокупность отношеній, развившихся на почвѣ «феодальнаго» права. Эти отношенія были вплоть до Революціи преобладающими во французской деревнѣ и типичными, а потому съ ними юридическая практика того времени отождествляла и такія, которыя возникали на совсѣмъ другой почвѣ. Не такъ легко было отличить «держателя», «вассала», отъ простого арендатора. Къ какимъ недоразумѣніямъ это привело въ пору ликвидаціи «Стараго Порядка», это показалъ давно уже Поль Вюлде въ замѣчательной статьѣ о социальномъ законодательствѣ Учр. Собранія, статьѣ, не использованной авторомъ. Говоря о «феодальной реакціи» передъ Революціей, выразившейся между прочимъ въ повышеніи оброковъ, авторъ приводитъ примѣръ (стр. 260, см. примѣчаніе къ этому мѣсту № 30), относящійся скорѣе къ повышенію просто арендной платы. «Сенъеріальный режимъ», «феодализмъ» (*la féodalité*) были въ XVIII в. одіозными терминами, которые примѣнялись ко всему, что хотѣли дискредитировать. Путаница осложнялась еще тѣмъ, что самый терминъ «*seigneur*» имѣлъ два значенія: правовое и бытовое. Для доказательства суровости «сенъер. режима» авторъ приводитъ между прочимъ примѣры разныхъ скандаловъ и дракъ, происходившихъ во французской дореволюціонной деревнѣ (с. 244 - 246). Изъ изложенія ясно, что «сенъеры», обжакующіе крестьянъ, въ данныхъ случаяхъ просто — «баре», «господа», а не «феодальные государи» этихъ крестьянъ. Можеть показаться, что, упоминая о такихъ явленіяхъ, авторъ какъ разъ и удовлетворяетъ тому требованію, которое было выдвинуто вы-

ше: говорить не объ абстракціяхъ, а реальностяхъ. Но это было бы недоразумѣнемъ. Рѣчь идетъ не о томъ, что называлось «феодализмомъ», «сеньеріальнымъ режимомъ» и т. п., и что на самомъ дѣлѣ имъ не было — развѣ что было его спутникомъ, его послѣдствіемъ, — а о томъ, чѣмъ сеньеріальный режимъ былъ, какъ цѣлое, на самомъ дѣлѣ. Но не только отвѣтить на такой вопросъ, а уже поставить его можно единственно съ точки зрѣнія исторической динамики, а не исторической статики (какъ, въ сущности, у автора): реальны только процессы и тенденции. И вотъ, всматриваясь съ этой точки зрѣнія, въ богатый и добросовѣстно разработанный авторомъ матеріалъ, использованный имъ, приходимъ къ любопытнымъ выводамъ, — къ которымъ вѣроятно пришелъ бы и самъ авторъ, если бы онъ позволилъ себѣ выйти изъ поставленныхъ имъ себѣ самому рамокъ изслѣдованія. Матеріалъ этотъ относится преимущественно къ главѣ о «феодальной реакціи», самой интересной и содержательной въ книгѣ Н. И. Никифорова. Въ чемъ состояла эта «феодальная реакція»? Я уже говорилъ, что на «феодализмъ» валили многое, не имѣющее къ нему ни малѣйшаго отношенія. Въ «феодальной реакціи» надо различать одновременное проявленіе множества самыхъ разнообразныхъ процессовъ и тенденцій. Одной изъ послѣднихъ была тенденція къ «переводу натуральныхъ оброковъ на деньги по наивысшей оцѣнкѣ», на что сжалуются наказы многихъ областей Франціи» (стр. 255). Эта же тенденція дала себя знать въ законодательствѣ Учр. Собранія, приступившаго, какъ извѣстно, къ ликвидаціи «феодализма на основѣ выкупа сеньеріальныхъ повинностей, — какъ разъ то, что вызвало возмущеніе французскаго крестьянства и обусловило собою его участіе въ «углубленіи революціи» (см. объ этомъ Sagnac, La législation civile de la Rév. 1898. Авторъ не использовалъ этой монографіи). Какіе социальные элементы были заинтересованы въ такой ликвидаціи «феодализма», — на это проливаетъ свѣтъ любопытнѣйшій документъ: особое мнѣніе, поданное нѣсколькими членами Собранія третьяго чина въ Пуату, противъ составленнаго этимъ Собраніемъ Наказа, въ которомъ требовался выкупъ феодальныхъ правъ. Выкупъ, указывается въ особомъ мнѣніи, будетъ на руку только капиталистамъ, которые воспользуются выкупной операціей для скупки земель. Авторъ (стр. 256) констатируетъ, что «характерной чертой послѣднихъ десятилѣтій передъ революціей является повышеніе интереса сеньероя къ управленію сеньеріями въ цѣляхъ увеличенія ихъ доходности»; далѣе (стр. 262) онъ говоритъ, что въ Пуату, какъ и повсюду тогда, сеньеры старались освободить уголья отъ крестьянскихъ сервантутовъ, требовали тріана (разверстки общинныхъ земель) и сдавали пустоши въ чиншъ, предпочитая при этомъ имѣть дѣло не съ мелкими держателями, а съ крупными...» Всѣ эти явленія характерны для тенденціи, которую лишь очень условно можно назвать «реакціонной». Въ чисто хозяйственномъ смыслѣ эта тенденція — прогрессивная. Она стоитъ въ несомнѣнной связи съ другою, проявляющейся въ то же время — меліорационной. Извѣстенъ интересъ, проявляемый наканунѣ Революціи къ сельскому хозяйству, распространеніе идей фи-

эпократовъ, размноженіе сельско-хозяйственныхъ обществъ, и т. п. Было бы интересно установить, какіе именно социальные элементы, образующіе классъ «сеньеровъ», принимаютъ преимущественное участіе въ этомъ движеніи. Извѣстно — и наблюденія автора лишній разъ подтверждаютъ это — что «благородныя» земли массами переходили въ руки «разночинцевъ». Были-ли именно они носителями «прогрессивныхъ» экономическихъ тенденцій? Во всякомъ случаѣ — не они одни. Важно то, что въ массѣ явленій, покрываемыхъ именемъ «феодалной реакціи», поддаются засвидѣтельствуванію такія, которыя говорятъ съ несомнѣнностью о наличіи той же самой тенденціи, которая сказывается въ эпоху Учр. Собранія: въ формаль, опредѣлившихся правовыми условіями «Старога Порядка», происходитъ подготовка «буржуазной» — «буржуазной» если не непременно и не исключительно по социальному составу участниковъ, то по тяготѣніямъ и цѣлямъ — революціи. «Феодалная реакція» уже въ значительной степени подготовила ликвидацию «сенеріального режима», который она, согласно общераспространенному взгляду, стремилась укрѣпить.

П. Бицилли.

Пугачевщина т. Н. М. Изданіе Центрархива. 1929. Стр. 494.

Мы уже говорили на страницахъ «Современныхъ Записокъ» о первомъ томѣ этого изданія. Этотъ первый томъ заключаетъ въ себѣ собраніе документовъ, исходящихъ во время пугачевщины отъ самого Пугачева и отъ различныхъ «присутственныхъ мѣстъ», организованныхъ пугачевцами для руководства ходомъ возстанія. Теперь, во второмъ томѣ собранія рядъ документовъ официально-правительственного происхожденія, относящихся до мѣропріятій властей, подавившихъ возстаніе. Эти документы извлечены частью изъ Государственнаго Архива, частью (и при томъ большей) изъ конфискованнаго большевиками у графини Паниной огромнаго Панинскаго архива, въ составѣ котораго находится дѣлопроизводство канцелярши гр. Н. И. Панина, который былъ поставленъ Екатериною во главѣ подавленія мятежа. Помѣщенные во II томѣ Сборника документы представляютъ собою, во-первыхъ, официальную переписку должностныхъ лицъ, во-вторыхъ, протоколы допросовъ, учиненныхъ въ секретной комиссіи схваченнымъ участникамъ возстанія.

Весь этотъ матеріалъ распределенъ редакторомъ Сборника (С. А. Голубиовымъ) на нѣсколько отдѣловъ. Первый отдѣлъ озаглавленъ: «Происхожденіе пугачевщины». Правильнѣе было бы назвать его «Состояніе населенія передъ возстаніемъ». Этотъ отдѣлъ открывается замѣчательнымъ документомъ, составляющимъ на нашъ взглядъ гвоздь всей изданной теперь коллекціи. Это — докладъ или, какъ онъ называется въ подлинникѣ, «экстрактъ», поданный членомъ Казанской адмиралтейской конторы Свѣчиннымъ въ сенатъ, а въ копіи также и Панину. Докладъ Свѣчина содержитъ въ себѣ подробнѣйшее, систематическое, по рубрикамъ расположенное описаніе всевозмож-

ныхъ административныхъ злоупотребленій, насилій, вымогательствъ, поборовъ, истязаній, которымъ подвергалось все населеніе Поволжья и Прикамья отъ разнаго рода властей — духовныхъ и свѣтскихъ. Этотъ краснорѣчивѣйшій мартирологъ составленъ съ такой тщательностью, съ такимъ обиліемъ фактическаго матеріала, а — главное — съ такой стройной систематичностью, что онъ положительно носитъ характеръ научнаго аналитическаго трактата по изученію администраціи въ Россіи середины XVIII ст. Сначала тутъ подробно изложены всѣ виды незаконныхъ притѣсненій и вымогательствъ, которые примѣнялись духовными властями по отношенію къ мѣстнымъ инородцамъ, какъ оставшимся при вѣрѣ своихъ отцовъ, такъ и новокрещенцевъ. Далѣе слѣдуютъ въ систематическомъ порядкѣ злоупотребленія властей судебныхъ, агентовъ финансоваго управленія, агентовъ лѣснаго управленія и т. д. по всевозможнымъ отраслямъ администраціи, всего въ 168 параграфахъ. Этотъ замѣчательнѣйшій документъ, ничего подобнаго которому до сихъ поръ не было еще извлечено изъ архивовъ, долженъ привлечь особенное вниманіе нашихъ историковъ и историковъ права. Остальное содержаніе разсмотрѣннаго Сборника совершенно блѣднѣетъ передъ этимъ документомъ. Вслѣдъ за нимъ въ первомъ отдѣлѣ Сборника помѣщенъ рядъ челобитій къ Панину отъ государственныхъ крестьянъ, отъ пахотныхъ солдатъ, отъ фабричныхъ рабочихъ, отъ мордовскихъ новокрещенцевъ и т. п. различныхъ мѣстностей охваченнаго мятежомъ края съ жалобами на тягости, испытываемыя ими отъ межевщиковъ, сборщиковъ налоговъ и т. п.

Второй отдѣлъ Сборника посвященъ вліянію недорода хлѣбовъ на развитіе пугачевщины. Тутъ находимъ официальную переписку о продовольственныхъ затрудненіяхъ и важныя для историковъ списки цѣнъ на муку, крупу, овесъ и проч. Затѣмъ идутъ протоколы допросовъ въ секретной комиссіи, распределенные редакторомъ Сборника по рубрикамъ: казачество и пугачевщина, инородцы и пугачевщина и фабрично-заводское населеніе и пугачевщина. Всего обширнѣе первая изъ этихъ рубрикъ, въ которой наибольшее значеніе имѣетъ обширнѣйшее показаніе члена Пугачевской коллегіи, илецкаго казака Творогова, излагающее весь ходъ возстанія отъ самаго его начала и кончая выдачею Пугачева казаками въ руки правительства. Всѣ эти протоколы допросовъ особенно важны для выясненія того, — въ какой мѣрѣ казаки, примкнувшіе къ Пугачеву, вѣрили въ него, какъ въ подлиннаго Петра III и въ какой мѣрѣ обманъ былъ для нихъ очевиденъ, но они шли за самозванцемъ ради предполагаемыхъ отъ того выгодъ. Конечно, на допросѣ при слѣдствіи допрашиваемымъ было удобнѣе отрекаться отъ вѣры въ самозванца, но все же по асему видно, что мысль объ обманѣ была широко разлита въ сознаніи участниковъ возстанія.

Допросы инородцевъ включены въ сборникъ въ меньшемъ количествѣ и совсѣмъ уже въ скромныхъ размѣрахъ представлены въ немъ показанія фабрично-заводскаго населенія.

Въ общемъ Сборникъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, содер-

жить въ себѣ цѣнные историческія данныя. И все же надо признать, что изданіе носить характеръ скорѣе какой-то архивной хрестоматіи, а не научно-систематической публикаціи первоисточниковъ. Редакторъ надергалъ изъ разныхъ отдѣловъ государственнаго и Панинскаго архивовъ рядъ документовъ и преподнесъ ихъ публикѣ, распредѣливъ по условнымъ рубрикамъ. При этомъ для цѣлей своей условной рубрикации онъ иногда сокращаетъ документъ, или разрываетъ его на куски и распредѣляетъ ихъ по разнымъ рубрикамъ. Это — пріемы составителя хрестоматіи, а не научнаго изданія архивнаго матерьяла. Такого рода случайный наборъ отдѣльных документовъ можетъ удовлетворять любопытство читателей, но не отвѣчаетъ потребностямъ исторической науки. Подлинно научное изданіе должно строиться совсѣмъ иначе. Надлежало бы издать цѣликомъ все слѣдственное производство секретной комиссіи, потому — цѣликомъ всѣ касающіяся пугачевщины исходящія и входящія каждаго изъ учрежденій, прикосновенныхъ къ борьбѣ съ возстаніемъ.

Отговорки, что такое изданіе было бы слишкомъ волюминозно и дорого, были бы естественны для частнаго издательства, но не для правительственнаго ученаго учрежденія. Теперь же получилось изданіе, изъ котораго изслѣдователи будутъ, конечно, заимствовать тѣ или иныя отдѣльныя свѣдѣнія, но которое въ сущности ни на югу не подвигаетъ дѣла систематическаго опубликованія матерьяловъ по исторіи пугачевщины. Какъ много произвольнаго въ произведенномъ для этого изданія отборѣ матерьяла, можно ясно видѣть уже изъ того, что печатая показанія на допросѣ нѣкоторыхъ сподвижниковъ Пугачева, редакція совершенно устранила показанія самого Пугачева на томъ основаніи, что ихъ «очень много» и что онѣ очень обширны и противорѣчивы! Казалось бы, все это какъ разъ говоритъ именно за необходимость напечатать ихъ всѣ цѣликомъ, хотя бы посвятивъ этому цѣлый особый томъ, а редакція приходитъ къ выводу, что ихъ совсѣмъ надо обойти. Ясно, что такіе, какъ бы сказать, партизанскіе набѣги на архивный матерьялъ не имѣютъ ничего общаго съ планомѣрнымъ научнымъ изданіемъ историческихъ матерьяловъ.

И въ концѣ концовъ разсмотрѣнное двухтомное изданіе, зачерпнувшее случайно небольшую ложечку изъ моря документовъ Панинскаго архива, никого не удовлетворитъ: читатель, не занимающійся научно исторіей, предпочтетъ этому собранію документовъ какой-нибудь популярно-компилятивный очеркъ или историческую повѣсть, а историкъ — спеціалистъ предпочтетъ отправиться самолично въ архивъ, чтобы ознакомиться съ матерьяломъ цѣликомъ, а не въ случайныхъ обрывкахъ.

А. Кизеветтеръ.

**СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА
ВЪ РЕДАКЦІЮ «СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».**

- Русскій Дом.** Сборникъ статей. — Эстонія. Таллинъ. — 1929.
«Москва». — Чикаго. Июнь. 1929.
Д. Гаутамоу: Подный курсъ группового развитія. — Харбин. 1929.
Вл. Войтинскій: Силы современного социализма. — Париж. 1929.
Jules Legras: La litterature en Russie. — Collection Armand Collin.
Закон и Суд. № 2, 3 и 4. — Рига.
А. Новиков-Прибой: Соленая Купель. Роман. — Изд-ство «Жизнь и
Культура».
Е. Кельчевскій: Дмитрій Оршин. Роман. — 1929.
Философски Преглед. №№ 1, 2 и 3. — София. 1929.
«Революціонная Россія». № 75-76. — Прага.
Воля Россіи. №№ 5-6, 7, 8-9. — Прага. 1929.
П. Н. Милуков: Республика или Монархія. — Изд. «Республиканско-
Демократическ. Объединенія».
А. И. Ефимов: У адвентистов. — Тянь-Цзин.
Экономическій Бюллетень С. Н. Прокоповича. — № 70.
В. В. Энгельфельд: Очерки Китайскаго Административнаго права. Вы-
пуск II. — Харбин. 1929.
Ю. Айхенвальд: Силуэты русских писателей. Пушкинскій період. —
1929. Берлин.
«Le Monde Slave». № 10 за 1928 г. и №№ 5, 6, 7, 8, 9 за 1929.
«Пробужденіе». №№ 8 и 9. — Орган свободной мысли. — 1929.
Louis Dumur: Le Sceptre de la Russie. — Paris.
Valentin Bulgakov: Jak umirali za virnu. — 1929.
Соціалистическій Вѣстникъ: №№ 12, 13, 16-17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24
Бюллетень Кабинета проф. С. Н. Прокоповича: №№ 71, 72, 73 и 74.
М. Клименко: Кровью сердца. Сборникъ пьес. — Рига. 1929 г.
Зинаида Вейншал: Палестинскій Альбом. — Берлин. 1929.
Der Russische Gedanke: № 2. — Herausgegeben von Bot. Jakowenko. —
1929.
Андрэ Моруа: Климаты сердца. — Берлин. Изд. «Петрополис».
Э. М. Ремарк: На западном фронтѣ безъ перемѣн. — Берлин.
И. Эренбург: Любовь Жанны Ней. — Изд. «Петрополис».
И. Эренбург: Бурная жизнь Лазика Ройтшванца. — Изд. «Петрополис».
М. Фридендер: Подлинникъ и поддѣлка. — «Петрополис».
Popular Poetry in Soviet Russia, by George Z. Patrick. — California. 1929
Alexei Remisow: Stella Maria Maris. Russische Legenden. — Orient-Occi-
dent-Verlag, Stuttgart, 1929. S. 116.
Aleksej Remizov: Na modrom polju. Roman. Hrvatsko Knjizevno Drustvo
Sv. Jeronima, Zagreb, 1929. S. 172.
Alexei Rémisov: Soeurs en croix. — Les éditions Rieder, Paris, 1929. P. 235.
Алексѣй Ремизовъ: Три серпа. Московскія любимыя легенды. — Изд-
Тайр, Париж, 1929. I — стр. 157; II — стр. 159.
Алексѣй Ремизовъ: По карнизамъ. Повѣсть. — Изд. Изд. Ком., Бѣлградъ,
1929. Стр. 128.

- А. Ремизовъ:** Посолонь. — Изд. «Таиръ». Парижъ.
Marcel Ollivier: Spartacus. — Préface de Henri Barbusse. Paris.
Рубеж: №№ 35, 38 и 39. — Иллюстрированный журнал. Харбин.
Ж. Сент-Изер: Криптограммы Востока. — Я. Поволошкій и Ко. Париж.
Д-р Эренкен Хара-Дава: Чингис-Хан, как полководец и егонаследіе. —
 — Бѣлград. 1929.
Ирина Одоевцева: «Изаольда». — Париж. 1929.
В. Корсаж: История одного контролера. — Париж. Изд. «Родникъ».
Une nouvelle guerre Mondiale: «La Guerre Bolchéviste». — Geneve. 1929.
J. Steinberg: Als Ich Volkskommissar war. — Munchen.
Русская Школа: Книга 32. — Прага.
Егудо Фрид: Тайны любви. — Ковно. 1929.
Лестница в облака. Стихи. — Харбин. 1929.
Труды IV-го Съезда русских академических организаций за-границей. —
 — Часть 1 и 2. — Изд. Рукес. Научн. Института в Бѣлградѣ. 1929.
Вольное Казачество: № 47. — Прага. 1929.
Романъ Гуль: Генерал Бо. — Ч. II. — Изд. «Петрополис». Берлин.
Памяти Погибших. — Париж. 1929. Складъ изд. «Родникъ».
Илья Эренбургъ: 10 Л. С. — Изд. «Петрополис».
А. Дуров: Звѣри. — Изд. З. Каганского. Берлин.
Сергій Четвериковъ: Безвозвратно ушедшая Россія. — Берлинъ.
П. Веймаръ: Большія дороги — Изд. Я. Поволоцкаго. Парижъ.
Г. Симонъ: Евреи царствуютъ въ Россіи. — Парижъ. 1929. Изд. «Род-
 никъ».
Заревандъ: Турція и Пантуранизмъ. — Париж. 1930. Складъ изд. «Род-
 никъ».
Гр. П. Бобринской: Старчикъ Григорій Сковорода. — Парижъ, 1929.
А. Высоцкій: Суббота и воскресенье. Романъ. — Рига, 1929.
Slovansky Prehled: № 9. — 1929.
Иванъ Болдыревъ: Мальчики и Дѣвочки. — Изд-во «Новые Писатели»,
 Парижъ-Берлинъ. 1929 г.
Л. Троцкий: Т. I, Моя Жизнь. — Изд. Гранитъ, Берлин.
Л. Троцкий: Т. II, Моя Жизнь. — Изд. «Гранитъ». Берлин.
И. Эренбургъ: Хуліо Хурениго. — Изд. «Петрополис», Берлин.
Вя. Крымовъ: Люди въ паутинѣ. — Изд. «Петрополисъ», Берлинъ
Pierre Chaplet: La Famille en Russie Soviétique. — Paris. 1929.
W. Solowjews Geschichte's philosophie — Von G. Sacke. Ost-Europa-
 Verlag. — Berlin. 1929.
Лозина-Лозинскій: Письма къ Марии о мирѣ. — Парижъ. 1929.
V. Mirkine-Guetzévitch: L'influence de la révolution française sur le déve-
 loppement du droit international. — Paris. 1929.
Бѣлогородскій: Марсова маска. Романъ. — 2-е изд. «Мѣдный Всадникъ».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ“

И. А. БУНИНЪ. — ИЗБРАННЫЕ СТИХИ.

Изъ отзывовъ печати:

Исторія русской литературы почти не знаетъ примѣровъ такого безпрерывнаго подъема, какъ у Бунина. Это сказывается и въ книгѣ его стиховъ, полной самаго неподдѣльнаго, высокаго искусства...

М. Алдановъ.

Читая и перечитывая эту новую книгу нашего великаго писателя, я впервые понялъ, какое огромное явленіе — Бунинъ-поэтъ...

К. Зайцевъ.

Стихи Бунина — лучшее, что создано русской музой за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій.. Поэта, равнаго ему, не было со времени Тютчева...

В. Сиринъ.

Чѣмъ пристальнѣе вчитываешься въ стихи Бунина, тѣмъ больше ощущаешь ихъ пронзительную лиричность и глубокую философичность... нѣкій неустанно вращающийся трагическій кругъ... высокую религиозность Бунинской музыки, отъ простаго, временнаго такъ легко и просто поднимающейся къ великому, вѣчному...

Ф. Степунъ.

Съ радостью припадаешь къ этому источнику чистой, тонкой, чудесной красоты, полной вѣщаго, таинственнаго смысла...

П. Пильскій.

М. А. АЛДАНОВЪ. — КЛЮЧЪ. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

«Маскировка сюжета есть одинъ изъ тончайшихъ и самыхъ изящныхъ художественныхъ приѣмовъ; она чрезвычайно трудна, потому что рискованна, — и вслѣдствіе этого рѣдка. Къ такой маскировкѣ прибѣгъ Алдановъ... Разгадка дана самимъ авторомъ уже очень дажно... Тутъ, конечно, со стороны Алданова снова «приѣмъ» — и на мой взглядъ совершенно очаровательный. Прибавлю даже, что по структурѣ онъ напоминаетъ нѣкоторые изъ приѣмовъ, которыми Пушкинъ «для себя» тайно связывалъ нныя изъ своихъ произведеній».

Вл. Ходасевичъ.

«Ключъ» не только прекрасный романъ. Это и существенный вкладъ въ литературу о Россіи и о русской революціи. Я не могу сейчасъ останавливаться на изложеніи и истолкованіи алдановской

исторіософіи. Она очень интересна... Въ воспроизведеніи Петербурга наканунѣ катастрофы, и въ его конкретностяхъ, и въ его символическомъ величіи, Алдановъ проявилъ огромную зоркость и чуткость... Замыселъ автора великъ и труденъ».

Кир. Зайцевъ.

«Сюжетная загадка отошла на второй планъ, затмеваемая и затѣняемая громадностью развертывающейся картины быта, настроеній, общаго возбужденія, зловѣщимъ смысломъ окружившихъ и приближившихся событій... Не все ли равно, кто убилъ Фишера?... Главное въ другомъ, — эпоха, ея герои, открывшаяся пропасть».

П. Пильскій.

«Мнѣ и по своимъ художественнымъ достоинствамъ «Ключъ» представляется самымъ значительнымъ произведеніемъ Алданова».

Г. Адамовичъ.

«М. А. Алдановъ своимъ новымъ романомъ даетъ образчикъ того, какъ можно и должно облекать динамику романа плотью и кровью».

А. Кизеветтеръ.

Ф. СТЕПУНЪ. — НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛѢГИНЪ. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

Русское открытое сердце и зоркость глаза соединяются у Степуна съ высокою духовностью мыслителя европейскаго масштаба.

Karl Frisch «Frankfurter Zeitung».

Нѣтъ книги, въ которой о любви были бы сказаны болѣе тонкія и значительныя истины.

F. Seger «Münchener Zeitung».

Блестящая вещь: она вся сверкаетъ оригинальными, глубокими и остроумными мыслями.

Karl Noetzel «Münchener neueste Nachrichten».

Нѣтъ сомнѣній, что «Николай Переслѣгинъ» созданіе очень духовнаго и глубоко аристократическаго таланта.

Айхенвальдъ.

«Николай Переслѣгинъ» самое прекрасное, что когда-либо было написано о любви. При этомъ дѣйствіе романа развивается съ такою напряженностью, что отъ книги нельзя оторваться.

Karl Fischer «Schacht».

Б. К. ЗАЙЦЕВЪ. — АННА. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

Это вещь замѣчательная. «Анна» самое своеобразное и мастерское изъ всего, что написалъ Зайцевъ.

Г. Адамовичъ.

Прочитавъ «Анну», мы убѣждаемся, что все, что мы знали до сихъ поръ о Зайцевѣ, было лишь преддверіемъ Зайцева. Въ будущее его ведетъ дверь и на этой двери написано: «Анна».

П. Муратовъ.

Одна изъ лучшихъ русскихъ повѣстей послѣднихъ лѣтъ.

М. Л. Гофманъ.

Въ своей внутренней душевной собранности, соединяя въ ней огненную любовь, волю и великую нѣжность, Анна рѣшительная, ясная, смѣлая, какъ-то естественно становится въ рядъ былыхъ образовъ русской женщины, переживаетъ съ тургеневскими дѣвушками.

Петръ Пильскій.

Всѣ лица романа тонко и четко выписанные психологическіе портреты. Автору можно высказать много лестнаго по поводу и отдѣльныхъ характеровъ и общей бытовой картины.

Кирилль Зайцевъ.

В. ЗЕНЗИНОВЪ. — БЕЗПРИЗОРНЫЕ.

Изъ отзывовъ печати:

Какъ ни остро воспринималъ я весь ужасъ рассказовъ о безпризорности, — грозность этого явленія не влолилъ была мнѣ извѣста. Къ такому сознанію пришелъ я лишь теперь, прочитавъ книгу В. Зензинова.

Вл. Ходасевичъ.

Книгу нельзя назвать иначе, какъ «лѣтописью національной скорби».

И. Демидовъ.

Наконецъ-то появилась книга, потребность въ которой уже давно и остро ощущалась.

А. Маклецовъ.

Съ какимъ-то душевнымъ вниманіемъ (это больше, чѣмъ «изученіе») подошелъ къ вопросу авторъ. И нельзя оторваться отъ этой страшной книги, начавъ ее читать.

Е. Кускова.

М. В. ВИШНЯКЪ

ПРАВО МЕНЬШИНСТВЪ

Цѣна 10 франковъ

Главный складъ изданія въ кн. дѣлѣ «РОДНИКЪ».
Librairie «LA SOURCE», 106, rue de la Tour, Paris (XVI)

Книжное дѣло „РОДНИКЪ“ „LA SOURCE“

106, rue de la Tour, Paris XVIe. Tél.: Passy 64-42

Собственныя изданія и изданія, находящіяся на складѣ:

Алдановъ, Брешко - Брешковская, Воспомин. Чайковскаго, Одионецъ, Поднеръ, Дюнео, Мякотить. — Сборникъ подъ ред. А. Титова: «Н. В. Чайковский».

Аверченко. — Дюжина ножей въ спину революціи.

К. Бальмонтъ. — Даръ землѣ.

Г. Барациъ. — О еврейскомъ элементѣ въ памятникахъ древне-русской письменности т. I.

Его-же. — О составителяхъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

А. Болотовъ. — Святые и грѣшныя Его-же. — Господинъ Великій Новгородъ.

А. Блохъ. — Стихотворенія.

Его-же. — Поэма

Г. Блохъ. — Стихотворенія.

И. Бунинъ. — Господинъ изъ С-Франциско.

Его-же. — Деревня.

Его-же. — Чаша жизни.

Его-же. — Солнечный ударъ.

Его-же. — Митина любовь.

В. Войтинскій. — Силы современнаго социализма.

А. Ветлугинъ. — Авантюристы гражданской войны.

М. Вулякъ. — Право меньшинствъ.

Проф. ген. Н. Н. Головинъ. — Изъ исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ.

Его-же. — Будущее російской вооруженной силы.

З. Гиппиусъ. — Небесныя слова

М. Гиршкопфъ. — Въ чемъ смыслъ жизни

М. Л. Гольдштейнъ. — Рѣчи и статьи.

А. Деникинъ. — Офицеры

Его-же. — Старая армія.

Донъ-Амигадо. — Дымъ безъ отеч.

Н. Зворыкинъ. — Бумажное денежное обращеніе.

Б. Зайцевъ. — Путники.

Г. Ивановъ. — Петербургскія зимы

В. Корсакъ. — Пльнѣ.

Его-же. — Забытыя.

Его-же. — Исторія одного контр.

А. Купринъ. — Суламнѣ.

Его-же. — Гамбринусъ.

Н. Любимовъ. — Да здравствуетъ эмиграція!

П. Мельгунова. — Гдѣ не слышно смѣха.

С. Мельгуновъ. — Гражданская война въ освѣщеніи П. Н. Милукова (Крит. - биогр. очеркъ).

С. Мельгуновъ. — Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны.

Д. Мережковскій. — 14 декабря.

П. Милуковъ. — Россія на переломѣ 2 тома.

Н. Московскій. — Разказы Терпихоры.

Его-же. — Буйный вымыселъ.

Ир. Одоевцева. — Ангелъ смерти.

Омаръ Хайямъ. — Переводъ съ персидскаго Ив. Тхоржевскаго.

М. Осоргинъ. — Вещи человѣка. Памяти погибшихъ. — Сборн. стат.

Т. Полнеръ. — Л. Толстой и его жена (исторія одной любви)

В. Ролшинъ. — Конь вороной.

П. Рыссь. — Русскій опытъ.

Г. Симонъ. — Евреи царствуютъ въ Россіи.

Тэффи. — Тихая заводь.

Гр. Ал. Толстой. — Навожденіе.

Его-же. — Хромой баринъ.

А. Хоопъ. — Тайна замка Зендъ.

А. Холчевъ. — На распутѣ.

Е. Шахъ. — Сѣмя на камнѣ. Стих.

И. Шмелевъ. — Неупиваемая чаша. Народныя сказки, шутки, прибаутки съ иллюстр.

Папа прятникъ, сказка Кота-Мурлыки.

Лонгфелло. — Пѣснь о Гайаватѣ.

Л. Толстой. — Азбука.

**Въ текущемъ 1930 году въ журналъ
„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
будутъ напечатаны:**

- Ив. Бунинъ: Жизнь Арсеньева. Т. II.
Ив. Шмелевъ: Солдаты. (Романъ).
М. Алдановъ: 1. Романъ. 2. Пьеса.
А. Ремизовъ: Разказы.
М. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
В. Сиринъ: Защита Лужина. Романъ.
Его-же: Соглядатай. Романъ.
Н. Берберова: Послѣдние и первые. Романъ.
Бор. Зайцевъ: Жизнь Тургенева.
Д. С. Мережковский: Атлантида.
Вл. Ходасевичъ: Державинъ.
Федоръ Шаляпинъ: Воспоминанія
О. О. Грузенбергъ: Воспоминанія.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
Статьи Льва Шестова, М. Н. Ростовцева, П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенскаго, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосскаго, Ф. А. Степуна и др.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“**

ВЫПУЩЕНЫ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- Т. И. Полнеръ: Л. Толстой и его жена.
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
Б. К. Зайцевъ: Анна (романъ).
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ (ром.)
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова (Странствованія по душамъ).
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. Томъ III.

Адресъ издательства: 106, rue de la Tour-Paris (XVIe)

Складъ изданій:

Въ Берлинѣ: Н. Sachs, Hedemannstr. 26. Berlin SW 48

Въ Парижѣ: „Москва“, 9, rue Dupuytren - Paris (VI)

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуковскимъ (+), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Д. Гребенщикова, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, Г. А. Матусевича, С. Р. Мицлова, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова - Микитова, С. Соколь - Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софій Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амарн, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунина, Максимилиана Володина, А. Герцыкъ, З. Гилпіусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандѣвской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Сергѣя Маковского, А. Несмѣлова, Мих. Осоргина, Н. Одуца, В. Познера, Б. Поплавскаго, В. Сирина, П. С. Соловьевой (Allegro), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой. — Дневникъ и воспоминанія: Е. К. Брешковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣтаевой, М. В. Щербаконина. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философіи, политич., экономич. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байцлова, К. Д. Бальмонта, А. А. Бема, Н. А. Бердяева, П. А. Бицилли, Е. Богданова, М. В. Брайкевича, В. Брейшвица, Б. Брукуса, И. И. Бунакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Владыкоградова, М. В. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Ганца, М. О. Гершензона, С. Г. Гессена, Б. Гефдингга, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошиллера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуковского (А. Сѣверова), Г. Д. Гурвича, Ю. Н. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делепскаго, И. Демидова, Діонео, С. П. Жаба, С. О. Загорскаго, В. В. Зѣльковскаго, Ст. Ивановича, С. А. Иванова, Л. П. Карсавина, С. И. Карцевскаго, К. Р. Качоровскаго, А. Ф. Керейскаго, А. А. Кизветтера, С. А. Кобыкова, А. А. Койранскаго, В. Г. Короленко, С. А. Корфа, Ант Крайниго, Е. Д. Кусковой, В. Ладьяженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловцкаго, Н. О. Лосскаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, В. А. Маклакова, А. Н. Мандельштама, С. И. Метальникова, П. Н. Милюкова, Н. М. Минскаго, В. С. Миркина - Гелевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Микогина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, М. С. Орлова, М. А. Осоргина, Н. Ф. Мельниковой - Папоушекъ, А. Б. Петрищева, С. Л. Полякова - Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пѣнихопова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ - Мирскаго, М. Л. Слонима, Б. Ф. Соколова, Д. М. Соколыца, С. М. Соловейчикъ, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, В. И. Талина, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрина, А. Н. Ульянова, Г. В. Флоровскаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Е. Шапкино, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шленера, Ив. Ягужева и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) — Téléphone: Passy 64-42